This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Slav4345.8

THE SLAVIC COLLECTION

Harvard College Library

GIFT OF

W. A. Gardner

May 17, 1897

Smirdin, A. F.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

42

СОЧИНЕНІЙ

РУССКИХЪ АВТОРОВЪ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 6-го Сентября 1851 года.

Цензоръ *А. Фрейгангъ*

СОЧИНЕНІЯ
НЕСТОРА КУКОЛЬНИКА.

РОМАНЫ:

I. Эвелина де Вальероль.

С-ПЕТЕРБУРГЪ.
Печатано въ типографіи И. Фишона.
1851.

Slav 4345.8,

MAY 17 1897
LIBRARY.
Gift of
W. A. Gardner.
(1-4)

ФИЛИППЪ ДЕПОРТЪ.

Savoir rire, pleurer et feindre,
Dissimuler et se contraindre, —
C'est le secret d'un esprit-fort;
Car le baron devient comte,
S'il fait jouer à grand effort
Un visage qui se démonte.

MAZARINADES, 1648.

—

ГЛАВА I.

ФРАНЦУЗЪ.

Un vendeur de fraiche marée
Viendra du côté de Lyon
Présider en cette assemblée.

UN PAMPHLET, 1614.

У стараго Лувра, какъ муравьиный рой ползала толпа работниковъ. Стѣны Новой Галереи лѣниво поднимались. Еще на углахъ дворца торчали высокія башни, еще много во всемъ Луврѣ оставалось феодальнаго, мрачнаго, запутаннаго. Главное зданіе, архитектуры Лекò, и новый павиліонъ, построенный Лемерсіé, странно противорѣчили прочимъ остаткамъ стараго замка. Между-тѣмъ, въ квартирѣ перваго живописца и главнаго началь-

ника всѣхъ зданій при Людовикѣ XIII замѣтно было особенное движеніе. Со двора, со стороны тюильрійскихъ садовъ, безпрестанно прибѣгали на крылечко молодые люди съ бумагами, и возвращались, кто съ довольнымъ видомъ, кто съ досадой. Симонъ Вуэ, неумолимый учитель и первый живописецъ, разрушительнымъ карандашомъ уничтожалъ мечты своихъ учениковъ, продолжая бесѣду съ ординарными королевскими живописцами и почетными гостями.

— Знаете ли, почтенный Каллò, мнѣ всегда казалось страннымъ, говорилъ Симонъ Вуэ, что вы, превосходный рѣзецъ, составляющій славу Франціи, посвящаете, не королю, не королевѣ, а такъ сказать.... ихъ врагу....

— А что? спросилъ Каллò насмѣшливо: развѣ опять смѣняютъ кардинала? Вѣрно отшельница Лафайетъ будетъ управлять государствомъ? А можетъ-быть этотъ пажъ, Генрихъ д'Эффіа, съ золотыми кудрями, что̀ каждый день стрѣляетъ изъ дѣтскихъ пушекъ въ сенъ-жерменскомъ паркѣ? А можетъ-быть нашъ дофинъ дитя? Или этотъ гладкій Италіянецъ аббатъ Мазарини, крестной отецъ дофина?... Пусть и такъ! Но я уважаю кардинала-герцога, и во Франціи никого не нашелъ достойнѣйшаго, кому бы я могъ посвятить мою книгу. Онъ самъ страдалецъ политическихъ интригъ, и народныхъ сплетней. Мой martyrologium въ живыхъ картинахъ представляетъ великіе образцы терпѣнія, а оно нужно великому кардиналу....

— А еще болѣе бѣдной Франціи, замѣтилъ Лемерсіе, главный королевскій архитекторъ: впрочемъ, это простительная трусость.

— Конечно, отвѣчалъ Калло, поправляя черную шапочку, покрывавшую лысую голову старика: конечно эти слова не ко мнѣ относятся. Я гравировалъ взятіе Ла-Рошели съ такимъ же восторгомъ, съ какимъ слушалъ разсказы объ этой дивной осадѣ: но когда королю и кардиналу-герцогу угодно было, тому назадъ лѣтъ семь или восемь, обратить оружіе противъ нашей бѣдной Лотарингіи, лишить удѣла нашего храбраго герцога, когда побѣдители требовали у меня гравюры на взятіе Нанси.... Нѣтъ, сказалъ я обоимъ въ глаза, скорѣе отрѣжу себѣ кисть руки, чѣмъ оскорблю моего несчастнаго государя-герцога неприличнымъ трудомъ.

— И на васъ не разсердились? спросилъ насмѣшливо Лемерсіе.

— Я сказалъ то что чувствовалъ — въ глаза, но никогда не позволялъ себѣ клеветы въ какомъ-нибудь темномъ и глухомъ подвалѣ, отвѣчалъ Калло, поглядывая на мрачные своды квартиры Вуэ.

— Нѣтъ, Калло, сказалъ Лемерсіе съ чувствомъ: мы не о себѣ хлопочемъ. Мы хотимъ очистить наши художества отъ иностранцевъ, которыми Кончини и Марія Медичи наводнили Францію; которые не перестали пользоваться милостями кардинала.... нашего....

— Не врага ли, мосье Лемерсіе, хотѣли ска-

зать вы? Не стыдно ли! Кто же строилъ ришліевскій дворецъ? Кто строилъ Рюэль, загородный замокъ кардинала? Кто расписывалъ и украшалъ ихъ картинами? Если бы онъ былъ вашимъ врагомъ, вы бы господа, давно уже путешествовали въ чужихъ краяхъ по-неволѣ, какъ нѣсколько тысячъ дворянъ, неполадившихъ съ такимъ борцомъ....

— У Каллò сто отвѣтовъ на одинъ вопросъ, сказалъ Фукіерръ, фламандскій пейзажистъ, одѣтый съ необыкновенною щеголеватостью; на немъ была короткая блѣдно-розовая шелковая мантія, подбитая блѣдно-синимъ бархатомъ; исподни съ разрѣзами были завязаны множествомъ бантиковъ; сапоги съ большими раструбами, обшитые широкими кружевными оборками; въ рукахъ торчала шляпа съ краснымъ перомъ; на перевязи съ золотыми пряжками висѣла шпага, мѣсяцъ тому назадъ полученная изъ рукъ короля, по ходатайству королевы.

Когда Фукіерръ рѣшался говорить, что̀ случалось съ нимъ весьма рѣдко, правая рука всегда была направлена къ шпагѣ, какъ-будто указывая на право дворянина....

— Отвѣчалъ бы я и вамъ, мосьё де-Фукіерръ, сказалъ Каллò: но меня пугаетъ ваша шпага, вчерашній подарокъ его величества; а еще болѣе увѣренность, что вы уже такъ же искусно привыкли владѣть этимъ благороднымъ оружіемъ, какъ и мастерскою кистью.

Фукіерръ покраснѣлъ; толпа живописцевъ смѣя-

лась: только старикъ Вуэ хранилъ свою диктаторскую важность.

— Мастеръ, сказалъ Калло́, вставая и обращаясь къ Вуэ: пора ко́нчить; скажите, что́ вамъ угодно, и отпустите меня.

— Я просилъ васъ для совѣта, маститый художникъ, отвѣчалъ Вуэ угрюмо. Лемерсіе́ уже поднялъ стѣны галереи, сдѣлалъ всѣ нужныя перестройки, а мнѣ что-то не нравится.

— Такъ сломайте галерею и постройте новую!

— Не то, не то, Калло́! Планъ украшенія галереи картинами и лѣпною работою.

— Перемѣните!

— Такъ! Но мы уже семь разъ перемѣняли планы.

Художники изъявляли нетерпѣніе. Вуэ примѣтно разсердился, но неумолимый Калло́ не обращалъ на нихъ никакого вниманія.

— Надо рѣшить, Калло́; понимаете ли? надо рѣшить такъ или иначе, и приняться за работу...

— Я рѣшаюсь, отвѣчалъ Калло́.

— На что́?

— На все! Я граверъ и работать въ галереѣ не буду: такъ почему же не рѣшиться?....

— Вы оскорбляете мое званіе, мосье де-Калло́. Слышите ли?.... мое званіе. Вамъ сдѣлали честь приглашеніемъ....

— Возвращаю честь и рѣшаюсь уйти къ моему дѣлу... Сдѣлайте одолженіе, господинъ первый живописецъ и главный распорядитель всѣхъ работъ

во дворцахъ его величества, не отрывайте меня отъ дѣла приглашеніемъ на совѣты. Нѣтъ ничего хуже какъ совѣты. Вы глава, такъ и распоряжайтесь какъ глава: развѣ у васъ не достаетъ таланта? Иначе, къ чему совѣтъ? Король хочетъ мыслей Вуэ, произведеній Вуэ, а не протоколовъ, слѣпленныхъ изъ пустыхъ разсужденій.... На этихъ муниципальныхъ сходкахъ, мосье де-Фукіерръ потребуетъ, чтобы главную залу расписать въ Армидинъ Садъ, а изъ потолка составить небо со звѣздами и, пожалуй, съ луною; а я дамъ совѣтъ раскрасить главную залу подъ гравюру in chiaro—oscuro; а мосье Лемерсіе выброситъ живопись, наставитъ колоннъ какъ стрѣлковъ на смотру, и стѣны убереть гирляндами изъ лѣпныхъ цвѣтовъ.... Охъ, ужъ мнѣ эти совѣты! Можно совѣтоваться, не собирая совѣтовъ.... Они-то заставили перемѣнять планы семь разъ. Сами подумайте: можетъ ли такая нерѣшительность въ искусствѣ послужить къ лучшему?... Я граверъ, мосьё Вуэ, и слишкомъ уважаю васъ, чтобы обременять вашу память и соображеніе моими замѣчаніями. Посмотрѣть на рисунки очень любопытно, тѣмъ болѣе что́ я скоро уѣду въ Нанси. За эту честь я всегда остался бы признателенъ.

— Вотъ, вотъ они, прервалъ Вуэ. Смотрите, судите, и непремѣнно скажите свое мнѣніе.

Калло́ усѣлся у большаго стола и началъ перелистывать семь огромныхъ тетрадей, въ богатѣйшемъ переплетѣ.

— Какъ бы то ни было, господа, мы должны

на будущей недѣлѣ во вторникъ начать работы... Я предвидѣлъ, что у насъ окажется мало рукъ, и послалъ во всѣ города вызовъ художникамъ.... въ Гренобль, въ Ліонъ, вездѣ. Никто еще не являлся; начнемъ сами, между-тѣмъ подъѣдутъ....

— Тутъ есть италіянецъ Роспиноза, сказалъ кто-то.

— Италіянецъ! прервалъ Вуэ: и кончено! Работы не дамъ.

Во время патріотической выходки Вуэ противъ иностранцевъ, у входа показался человѣкъ средняго росту, довольно пожилой и непріятной наружности. Широкая, нѣкогда красная, но теперь уже рыжая, мѣщанская епанча закрывала тщательно заштопаное полукафтанье изъ зеленаго толстаго сукна; фреза, не изъ лучшаго полотна, была измята и забѣлена; онъ былъ въ чулкахъ и башмакахъ; въ одной рукѣ держалъ шляпу съ серебрянымъ галуномъ и зеленымъ перомъ, въ другой огромную папку.... Входя въ двери онъ согнулся, и въ такомъ видѣ остановился, одною ногою въ комнатѣ, другою на порогѣ.

— Что вамъ угодно? спросилъ Вуэ, примѣтивъ незнакомца.

— Филиппъ Делапортъ, изъ Ліона, живописецъ, отвѣчалъ гость не разгибаясь.

— Милости просимъ! Вѣрно, по нашему вызову....

— По вызову величайшаго изъ нашихъ живописцевъ, я рѣшился оставить всѣ заказы и уроки....

— Надѣюсь, жалѣть не будете. Это вѣрно, ваши работы....

— Что успѣлъ захватить: такъ спѣшилъ исполнить волю великаго человѣка....

— Покажите, покажите!

И Делапортъ началъ развертывать разнородные рисунки и картины.

— Не дурно! сказалъ Вуэ: только посмотрите, эта рука коротка. Вотъ, гдѣ она должна кончиться; голова повернута слишкомъ эфектно.... къ чему это? Прямо, просто, гораздо лучше. Зачѣмъ такъ нарядна драпировка? Складки надо обдумывать точно также, какъ и всю картину.... Вотъ это изъ рукъ вонъ! продолжалъ Вуэ, взявъ другую картину: тоже вашей работы?....

— Нѣтъ, отвѣчалъ Делапортъ, покраснѣвъ: это работа моего ученика; какъ-нибудь замѣналась....

— Плохо, плохо! говорилъ Вуэ, разсматривая по порядку картины Делапорта. Лучше всего еще сдѣланы орнаменты, — у вѣтки плоды.... Но картины ваши, простите, ни куда негодны.... И что̀ странно, многія какъ-будто писаны другою рукою...

— Для разнообразія, отвѣчалъ Делапортъ, нѣсколько смущенный.

— Можетъ быть, можетъ быть, сомнительно говорилъ Вуэ: но въ Луврѣ вамъ нечего дѣлать.... Гдѣ и чѣмъ вы занимались въ Ліонѣ?....

— Разно. Давалъ уроки, писалъ портреты, запрестольные образа....

— Хороши должны быть! замѣтилъ Фукіерръ, поправляя шпагу. (Всѣ улыбнулись). Что еще?....

— Но за труды былъ награждаемъ очень слабо; тогда какъ за расписываніе комнатъ цвѣтками и другими бездѣлицами ліонскіе купцы платили щедро....

— Такъ вотъ родъ вашей живописи! а вы, по добротѣ, хотѣли взять на себя грѣхи и другихъ ліонскихъ художниковъ! сказалъ Вуэ съ гордостью садясь въ кресла.

Смѣхъ возрасталъ. Делапортъ, скрѣпя сердце, отвѣчалъ:

— Вамъ, великимъ людямъ, легко шутить; а намъ, бѣднякамъ, да еще женатымъ, да еще съ дѣтьми, право, не до искусства; думаешь не объ усовершенствованіи таланта, а о хлѣбѣ насущномъ. Я принелъ, господа, по вызову перваго, именемъ и дѣломъ перваго, живописца. Я зналъ, что картины онъ будетъ писать самъ, а цвѣтовъ не станетъ, и я могу быть употребленъ на что-нибудь не безъ пользы....

— И весьма, и весьма, любезный другъ, отвѣчалъ Вуэ. Вотъ, король приказалъ Лемерсіе, въ тѣ комнаты дворца Фонтенбло, гдѣ прежде жила мадмоазель Лафайетъ, продѣлать особую лѣстницу, а мнѣ назначить живописца для раскраски.... Хочешь, поѣзжай; а тамъ, Богъ-дастъ, и въ Луврѣ найдемъ для тебя работу.

— Только быть при васъ, отвѣчалъ Делапортъ, низко кланяясь: только видѣть, какъ вы работаете.... для этого можно согласиться на всякія жертвы.

— Ну, такъ погоди; я тебѣ дамъ рисунки и

поѣзжай съ Богомъ.— Что вамъ угодно? спросилъ Вуэ у молодаго человѣка прекрасной наружности, который въ это мгновеніе вошелъ въ залу, также со свиткомъ.

— Живописецъ Альфредъ Дени, изъ Руана, отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— Покажите вашу работу, сказалъ Вуэ, развернулъ картину Альфреда и нѣсколько мгновеній продолжалось глубокое молчаніе; всѣ восхищались небольшой картинкой, написанной масляными красками; на ней было только двѣ фигуры, Адонисъ и Венера, но такъ много вкусу, такъ много зрѣлости въ рисункѣ и колерахъ, что живописцы, любуясь, сомнительно поглядывали на юношу.

— Точно это ваша работа? спросилъ Вуэ.

— Кто же станетъ хвастать чужимъ трудомъ, когда знаетъ, что новою работой долженъ оправдать себя?

— Ну, случается! сказалъ Фукіерръ, и всѣ посмотрѣли съ улыбкой на Делапорта, который, какъ будто ничего не слыша, свертывалъ свои и не свои картины.

— Если такъ, отвѣчалъ Альфредъ, мнѣ остается сказать, — работа моя. Можете вѣрить или не вѣрить.

Каллò всталъ подошелъ къ картинѣ и громко сказалъ: «Прекрасно!» Художники съ неудовольствіемъ посмотрѣли на Каллò.

— Хорошо, хорошо! подхватилъ Вуэ: но ложное стремленіе къ натурѣ, сочиненіе слишкомъ просто; вамъ надо много учиться....

— Всю жизнь! прибавилъ Каллò: а картина все таки очень хороша. Поздравляю васъ, молодой человѣкъ, и совѣтую работать, не въ Луврѣ, а въ Ватиканѣ. Тамъ найдете превосходные образцы и превосходнаго учителя Пуссена.

Художники громко засмѣялись.

— Скоро Пуссена поставятъ на равнѣ съ Рафаелемъ! сказалъ Фукіерръ.

— Нѣтъ, Фукіерръ, наравнѣ мало! Я не знаю его; онъ у меня не былъ въ школѣ, но по гравюрамъ я вижу, что ему еще далеко до того, чтобы *учить!...*

Вуэ произнесъ эти слова торжественно, намѣкая на свои учительскія заслуги.

Каллò съ обычнымъ хладнокровіемъ отвѣчалъ:

— А я объ томъ только и думаю, какъ бы на старость поѣхать въ Италію, поучиться рисованію у Пуссена и, если старые глаза позволятъ еще что-нибудь гравировать, такъ только съ его картинъ.

— Счастливый путь! со злобой сказалъ Вуэ.

Каллò въ долгу не остался и отвѣчалъ:

— Благодарю! Но вы требовали моего мнѣнія? Я разсмотрѣлъ всѣ семь плановъ: мое мнѣніе — сдѣлать осьмой. Простите!

Каллò уѣхалъ. Вуэ взбѣсился и сталъ кричать: — Рѣзчикъ началъ указывать главѣ школы!.... Мнѣ некогда.... Хотите, мосье Дени.... я васъ опредѣлю третьимъ помощникомъ для писанія фондовъ, а иногда и драпировокъ?.... Сто ливровъ въ годъ.

— Нѣтъ! отвѣчалъ Альфредъ, свернулъ картинку и ушелъ.

— Вотъ тебѣ рисунки, сказалъ Вуэ, бросая Делапорту папку: поѣзжай въ Фонтенбло; спроси Дюбоа; онъ тебѣ покажетъ лѣстницу: въ недѣлю прошу окончить, а нето....

— Пожалуйте что-нибудь на дорогу, жалобно сказалъ Делапортъ: я совершенно издержался.

— На, десять ливровъ, въ счетъ жалованья. Да смотри, прибавилъ Вуэ: пиши самъ, а не такъ, какъ ты писалъ свои ліонскія картины.

—

ГЛАВА II.

ФОНТЕНБЛО.

Tutus agam....

Парижъ росъ не по днямъ, а по часамъ. Марія Медичи, мать короля Людовика XIII, украсила его множествомъ зданій во вкусѣ флорентинскомъ. Лучшимъ былъ безъ-сомнѣнія Люксамбургскій Дворецъ, построенный возлѣ самаго Парижа, съ которымъ онъ впослѣдствіи слился, и очутился посреди города. Во всѣхъ направленіяхъ столицы тянулись огромные сады; кирпичъ давно уничтожилъ, вытѣснилъ, роскошную кудрявую ихъ зелень; но во время, нами описываемое, даже улицы носили имена парижской флоры, смотря потому,

къ какой сторонѣ сада онѣ примыкали. Въ «Городѣ» (la Cité), на острову, были только соборъ, ратуша, нѣсколько купеческихъ домовъ и тма лавокъ. Новый мостъ соединялъ «Городъ» съ обоими берегами: на небольшомъ Островѣ Святаго Людовика воздвигались новые дома лучшей архитектуры; гражданинъ Мари обнесъ кругомъ весь островъ на свой счетъ каменною набережною, и противъ турнельской набережной стали ставить, на его же счетъ и съ его именемъ, каменный мостъ. По-сю-сторону Сены толпился старый городъ святой Женевьевы; по-ту-сторону Лувръ, Тюйльри, кардинальскій дворецъ, еще нѣсколько новыхъ зданій, и пространныя предмѣстья. Въ этой сторонѣ Парижа, въ предмѣстьѣ Сенъ-Дени, какъ и нынѣ, существовалъ Райскій Переулокъ, rue du Paradis, грязный, запачканный, съ кровечными домиками, выбѣленными мѣломъ; ставни были покрыты красною краскою съ голубыми цвѣтками, индѣ въ кувшинахъ, индѣ въ разсыпную; при каждомъ домикѣ—небольшой садъ, ворота и калитка, по деревенскому образцу. Во всей улицѣ только два дома сколько-нибудь походили на городскіе: они раздѣлялись большимъ садомъ и принадлежали двумъ братьямъ Обанъ, парижскимъ мѣщанамъ. Въ ближайшемъ изъ этихъ домовъ къ улицѣ Сенъ-Дени окно въ садъ было открыто: въ немъ сидѣла съ рукодѣльемъ прекрасная среднихъ лѣтъ женщина. Она безпрестанно поглядывала на двухъ порядочныхъ мальчиковъ, однолѣтковъ, игравшихъ съ дѣтскою рѣзвостью подъ яблонью, облѣпленной зеле-

ными плодами; нѣсколько разъ умѣряла ихъ рѣзвость италіянскими восклицаніями, и снова задумывалась. Въ комнату, гдѣ она сидѣла, вошелъ Делапортъ. Лицо его было весело, уста его улыбались.

— Каково идутъ ваши дѣла? спросила женщина съ холодною учтивостью.

— Ради Бога, Джудита, сдѣлайте мнѣ благодѣяніе, не говорите по-итальянски, сказалъ Делапортъ умоляющимъ голосомъ.

— Вы отрекаетесь уже и отъ роднаго языка и отечества?

— Притворно, Джудита; по необходимости.

— Забавная необходимость!

— Въ Ліонѣ выгодно было жить и слыть Итальянцами.... Но здѣсь.... Насъ убьютъ, зарѣжутъ, отравятъ, если узнаютъ, что мы Италіянцы.

— Санта Марія! Да за что же это?

— Насолили нашимъ добрымъ Французамъ при королевѣ Маріи. До-сихъ-поръ забыть не могутъ..

— Такъ вы встрѣтили неудачу?

— Напротивъ, напротивъ. Отъ Неаполя до Альпійскихъ горъ я расписывалъ потолки и стѣны, и едва могъ питаться за скудную, ничтожную плату. Не учись я по-латынѣ у стараго аптекаря, гдѣ иногда за серебряную монету по двѣ ночи толокъ порошки; не ходи я къ Испанцу органисту пѣть втораго тенора, пришлось бы умереть съ голоду.... Въ Ліонѣ было славное житье, да по вашей милости....

— Сдѣлайте одолженіе, оставьте ваши упреки.

Кажется, вы должны быть довольны моимъ поведеніемъ. Вы переѣхали въ Парижъ на мой счетъ, на мои деньги.... Я должна здѣсь устроить судьбу моихъ дѣтей.... Я должна.... Да это не ваше дѣло! Скажите ваши желанія, я ихъ исполню, если....

— Послушайте, Джудита, Деллапорта исчезъ съ этого свѣта!....

— Пожалуй!

— Его мѣсто заступилъ Делапортъ, еще лучше, Депортъ, Французъ: онъ родился въ Италіи и потому сохранилъ нѣкоторую дебелость въ произношеніи, но такъ мало, что сегодня никто этого недостатка не замѣтилъ.

— Право?

— Здѣсь мнѣ откроется блистательная будущность. Королевская лѣстница не то, что купеческая! Заплатятъ вчетверо, по задатку вижу. А у Людовика столько лѣстницъ, сколько не насчитать въ цѣломъЛіонѣ. Живописецъ королевскихъ лѣстницъ низойдетъ и на герцогскую. По ступенькѣ ниже, по экю деневле.... А посмотрите, какъ отстраивается Парижъ! Тридцать улицъ прошелъ я сегодня: въ каждой два, три дома, какъ грибы растутъ. За словомъ въ карманъ не пойду. Слава Богу, съ прелатами два раза по-латыни разговаривалъ. Славно! Я у пристани.... Ну, теперь къ королю!

— Какъ! къ самому королю? недовѣрчиво спросила Джудита.

— Къ самому королю Джудита.... Ахъ послушайте! будьте вы не Джудита, а какъ-нибудь

иначе, по-французски, знаете, такъ напримѣръ Луиза, Фанни.

— Пожалуй, Фанни!

— Какъ вы добры! Еще одна просьба. Мы наняли двѣ комнаты...

— Кажется, довольно; одна для васъ, другая для меня съ дѣтьми; варимъ на хозяйской кухнѣ....

— Конечно, оно бы довольно, но весь домъ отдаютъ весьма дешево, по три ливра въ мѣсяцъ.

— Такъ что же?

— Вотъ вамъ три ливра.... наймите весь домъ съ особой кухней, а дѣтей, пожалуйте не пускайте на дворъ, пока не купите имъ порядочнаго платья; бѣгаютъ оборванные.... Дурное впечатлѣніе! Вы знаете, бѣдному и платятъ бѣдно....' А я между-тѣмъ во весь домъ вывѣску развѣшу: «Королевскій живописецъ, Филиппъ Депортъ, ученикъ знаменитѣйшаго италіянскаго мастера», фамилію придумаю.

Вбѣжали дѣти съ хохотомъ, но увидавъ Депорта, оробѣли, и тихо пошли къ нему навстрѣчу.

— Здравствуйте, здравствуйте, цыплята, сказалъ Депортъ. Ты, Джуліо.... нѣтъ, не Джуліо.... ты будешь Жакъ; а ты, Джироламо, ты будешь Жеромъ: слышите? Кто ошибется въ имени или заговоритъ по-итальянски.... прошу извинить.... розги! Не пускайте ихъ на дворъ.... право стыдно. Теперь къ королю, прощайте!

Депортъ проворно собралъ краски, кисти, все, что казалось ему нужнымъ; уложилъ въ походный чемоданъ; на плечи, и скоро очутился на другомъ концѣ Парижа, на Италіянскомъ Предмѣстьѣ. По-

слѣдніе дома Парижа тянулись съ своими огородами по дорогѣ въ Фонтенблò. Депортъ усталъ и присѣлъ на привалкѣ у какого-то палисадника.... Много каретъ съ задернутыми окнами пронеслось мимо; много проскакало всадниковъ; изрѣдка проходили нарядныя носилки и за ними по три, по четыре смѣны красиво одѣтыхъ и вооруженныхъ носильщиковъ. Депортъ съ завистью глядѣлъ на проѣзжающихъ, и нѣсколько разъ порывался итти слѣдомъ за носилками; по-крайней-мѣрѣ такъ совѣтовало ему чувство безопасности.... Но вдругъ проѣхала фура на двухъ ослахъ; на ней, кромѣ разной поклажи, сидѣли три нарядные лакея; по шляпамъ съ краснымъ перомъ легко было догадаться, что это придворные слуги. Депортъ догналъ фуру.

— Богъ помощь, пріятели!

— Благодаримъ, отвѣчали лакеи.

— Не видали ль вы моей лошади?

— Нѣтъ.

— Вотъ бѣда! Приходится или итти пѣшкомъ, или воротиться въ Парижъ покупать другую, а Дюбоа будетъ сердиться.

— Дюбоа? въ Фонтенблò? тревожно спросили лакеи....

— Да, Дюбоа; что̀ при королевскомъ гардеробѣ служитъ. У меня къ королю отъ мосьё де-Вуэ и письма и рисунки; приказано отдать Дюбоа. Я живописецъ, и мнѣ тамъ сдѣланъ заказъ; ожидаютъ: а тутъ такая бѣда!

— Садитесь съ нами, честной господинъ; все скорѣе чѣмъ пѣшкомъ.

— Конечно конечно! отвѣчалъ Депортъ, мостясь на фурѣ: какъ бы чемоданчикъ поставить? да чтобы не свалился, Боже сохрани!

— Мы держать будемъ.

— Спасибо, спасибо! А можетъ-быть и лошадь отыщемъ. Проклятая! Зашелъ къ пріятелю.... Кажется, и крѣпко привязалъ къ забору.... выхожу — и слѣдъ простылъ.... Посматривайте, пожалуйста, авось увидите.

Лакеи съ почтеніемъ держали чемоданъ, и усердно глядѣли во всѣ четыре стороны, надѣясь открыть бѣглую лошадь. Депортъ спалъ, и проснулся уже въ виду Фонтенбло.

Грустно, скучно въ Фонтенбло! Какъ-будто не здѣсь блистательные праздники удивляли европейскихъ гостей; какъ-будто не здѣсь прелестные фрески Приматиччіо манили далекихъ гостей; какъ-будто вчера былъ послѣдній маскарадъ у покойнаго Генриха IV: гости разъѣхались, сонные слуги какъ тѣни бродили по темнымъ переходамъ дворца и тѣснымъ дворикамъ. Давно ли мастеръ Галиматія утѣшалъ дворъ своимъ забавнымъ балетомъ, и самъ Беарнецъ съ королевою принимали участіе въ шуткахъ замысловатаго балетмейстера?.. Грустно, скучно въ Фонтенбло!... На крыльцѣ, въ разныхъ положеніяхъ, лѣпились слуги, стрѣльцы, охотники; множество собакъ на сворахъ чинно окружали крыльцо; одинъ Брумъ, песъ старый, помнившій Кончини и конетабля де-Люйна, былъ

на свободѣ: ветеранъ, онъ могъ ходить всюду безъ докладу, и весь кухонный штатъ не разъ жаловался на эту привиллегію, которая, по мнѣнію Бріолé, главнаго королевскаго повара, была гораздо вреднѣе и опаснѣе привилегій парижскихъ парламента и ратуши.

— Брумъ, сказалъ Шотландецъ Кеплеръ: кажется, сегодня не бывать охотѣ, и тебѣ не будетъ службы....

— Того гляди, сказалъ Италіянецъ Лерчи: велятъ соколовъ нести, да станутъ кормить собственноручно, а у меня сегодня племянница замужъ выходитъ!

— Что же поклонись Сенъ-Марсу; слово скажетъ королю,— отпустятъ.

— Нѣтъ, лучше Дюбоа, сказалъ Жеромъ Блоа, начальникъ королевскаго погреба: а съ Сенъ-Марсомъ нынче король не ладитъ....

— Не ладитъ! подхватилъ Кеплеръ. Черезъ минуту помирятся, и тому бѣда, кто слыпалъ, какъ король сердился на молодаго капитана.... Слушайте старика! угождайте этому мальчику, какъ его называть, право, не знаю. Наше дѣло сторона; кто въ милостяхъ, тотъ и важенъ; при покойномъ королѣ не то было: у Генриха IV такихъ любимцевъ не бывало. Какъ начала управлять Марія Медичи, да напустила своей италіянщины, совсѣмъ другое пошло: что мѣсяцъ, новая птица при дворѣ; у Людовика такъ и пошли любимцы; одинъ смѣняетъ другаго: ужъ какъ-будто должность какая! Если одному приходится

плохо, весь Парижъ только о томъ и толкуетъ, кто теперь будетъ любимцемъ.

Кто-то бѣжалъ по корридору; всѣ слуги вскочили; на крыльцо вошелъ старикъ Дубоа.

— Кеплеръ! Лерчи! охоты не будетъ! домой! сказалъ Дюбоа. Симонъ! пошли за Сенъ-Марсомъ; черезъ часъ король пойдетъ съ нимъ гулять пѣшкомъ. Да потомъ пошли къ дю-Карру; скажи, чтобы вся «банда» въ шесть часовъ со скрипками была во дворцѣ.... А поставили вы лѣса для мосьё Депорта на новой лѣстницѣ?

— Поставили.

Ну, теперь ступайте по домамъ; а я обожду Сенъ-Марса здѣсь на крыльцѣ.... И за исторію! тихо сказалъ Дюбоа съ самодовольною улыбкою.

— Что король? спросилъ Жеромъ Блоа, постукивая по серебряной табакеркѣ и поднося ее Дюбоа....

— Слава Богу, слава Богу! Сегодня хорошо. Всталъ рано; писалъ латинскіе стихи, потомъ сочинялъ на псаломъ Годо музыку, потомъ позвалъ меня и дружески спросилъ: «Любезный Дюбоа, доволенъ ли ты мною?» — Ваше величество, отвѣчалъ я, могу ли быть недоволенъ, когда вижу васъ въ добромъ здоровьѣ, не на охотѣ а въ тишинѣ кабинета, въ бесѣдѣ съ Музами. «Глупости, глупости, Дюбоа! Музы.... музы, да не всѣ: не люблю Кліо, ненавижу Талію, презираю Мельпомену.... Одна Музыка, родная дочь музы, kath'-exochen....»— Это значитъ, любезный Жеромъ, прибавилъ Дюбоа, нюхая свою щепотку: это зна-

читъ по-латыни.... по превосходству.— »Это искусство, продолжалъ король, по мнѣ. А Кліо.... лучше бы ея не было!....» Я счелъ эту выходку личностью, по нѣкоторымъ отношеніямъ; но начался тайный разговоръ, который меня совершенно успокоилъ и кончился тѣмъ, что охота отказана, назначенъ музыкальный вечеръ.— Да! заключилъ Дюбоа со вздохомъ: никогда я не прощу кардиналу одного....

— Чего же это, добрый другъ?

— Зачѣмъ онъ запряталъ мадмоазель де-Лафайетъ въ монастырь Визитокъ....

— Да вѣдь она по доброй волѣ....

— Знаемъ мы эту добрую волю. Подослалъ іезуита; а ужъ эти господа уговаривать умѣютъ. И теперь бѣдный Людовикъ самъ не свой; боюсь, чтобы и ему не вздумалось сложить французскую корону и удалиться въ монастырь. Примѣръ Карла V....

— Какъ развѣ?....

— Поговариваетъ.... поговариваетъ.... Одна мадмоазель де-Лафайетъ противится этому плану и, дай Богъ ей здоровья, противится съ успѣхомъ....

— Стало-быть они видятся?

— Каждую недѣлю два раза, въ присутствіи старшей сестры и всѣхъ монахинь. И каждый разъ, когда король возвращается изъ монастыря, онъ такъ добръ, ласковъ.... но грустенъ, тяжело грустенъ; живетъ только въ тѣхъ комнатахъ, въ которыхъ жила она, до монастыря; вотъ и здѣсь съ пріѣзду не былъ ни въ одной залѣ, не ходитъ

смотрѣть на Приматиччіо: а прежде каждый день два раза ходилъ къ фрескамъ; приказалъ къ комнатамъ Лафайетъ продѣлать особую большую лѣстницу; и, признаюсь, Лемерсьé исполнилъ свое дѣло отлично; теперь ее расписываютъ. Хотите видѣть? Пойдемъ.

—

ГЛАВА III.

ПѢСНЯ.

Pisne blaho moge.
HANKA.

Лѣстница весьма искусно обставлена была лѣсами. Депортъ, снявъ рыжую эпанчу, расчертилъ уже всю лѣстницу, по рисункамъ Вуэ, и принялся писать вензель мадмоазель де-Лафайетъ изъ незабудокъ; всѣ украшенія, по страннымъ соображеніямъ Вуэ, состояли изъ бѣлыхъ лилій и плюща; работа шла успѣшно, но мертвое молчаніе царствовало на уединенной лѣстницѣ: ни шелеста, ни отзыву человѣческаго голоса. Въ такихъ мѣстахъ уныніе невольно тѣснится въ сердце, безотчетный страхъ мѣшаетъ работѣ, и Депортъ, чтобы сколько-нибудь ободрить себя, началъ напѣвать италіянскую пѣсню «La Monacca». Эта пѣсня и въ Италіи была еще нова, а въ Парижѣ вовсе неизвѣстна. Сначала звуки раздавались тихо, будто

ползая, и въ пустотѣ еще болѣе наводили тоску на одинокаго пѣвца; непримѣтно, невольно, голосъ крѣпчалъ и, куплетъ за куплетомъ, возвышался въ силѣ. «La Monacca» написана, по древнему обычаю, стиховъ во сто: не успѣлъ Депортъ достигнуть и половины, какъ за дверьми, въ которыя упиралась лѣстница, послышались, шаги. Депортъ онѣмѣлъ и, прислушиваясь, продолжалъ работу. За дверьми кто-то напѣвалъ латинскіе стихи на мотивъ «La Monacca»; но когда дошло дѣло до послѣдняго стиха, невидимый пѣвецъ остановился, не могъ вспомнить окончанія мелодіи, дверь отворилась и Людовикъ XIII съ верху лѣстницы ласково сказалъ Депорту: «Повтори любезный, эту пѣсню нѣсколько разъ сряду, да по-громче». И дверь захлопнулась. Испуганный неожиданною аудіенціей, Депортъ повиновался; дрожащимъ голосомъ продолжалъ пѣть куплетъ за куплетомъ, кончилъ и, не слыша приказанія перестать, началъ снова. Не пропѣлъ онъ двухъ трехъ куплетовъ, какъ король, отворивъ двери, сказалъ: «Довольно, поди сюда!»

Депортъ не успѣлъ счистить пятенъ съ платья, необходимой принадлежности комнатныхъ живописцевъ: онъ завернулся въ свою рыжую эпанчу, и подъ нею, на походѣ, старался стереть охру и сурикъ со стараго камзола. Съ благоговѣйнымъ ужасомъ вошелъ онъ въ первую комнату: тутъ никого не было; въ другой комнатѣ, болѣе обширной, убранной весьма просто, посрединѣ, на большомъ столѣ, лежала груда нотъ и віола. У

стола стоялъ король. На немъ была длинная, почти до самыхъ колѣнъ, черная мантія съ рукавами и шитымъ орденомъ Святаго Духа. Изъ-подъ мантіи видно было, что король совсѣмъ одѣтъ; любимыя полосатыя исподни уходили въ широкіе раструбы сапоговъ, обшитыхъ въ нѣсколько рядовъ кружевами. Съ улыбкою глядѣлъ онъ на бумагу, и въ тактъ стучалъ по полу тростью.... Ни живой, ни мертвый, едва дыша, Депортъ стоялъ у порога первой комнаты; ему не случалось говорить въ жизнь свою съ порядочнымъ маркизомъ, а тутъ—глазъ на глазъ съ королемъ Франціи и какой Франціи! Временъ Ришліе! Депорту казалось, что помостъ подъ нимъ шевелился, стѣны качаются, потолокъ вертится; вдругъ Людовикъ запѣлъ латинскіе стихи съ риѳмами на мотивъ «La Monacca» и, окончивъ пѣніе, спросилъ довольно тихо: «Такъ ли?»

— Совершенно такъ, ваше величество, не возможно лучше, дрожа отвѣчалъ Депортъ изъ другой комнаты.

— Поди сюда!.... Ты знаешь ноты?

— Знаю, ваше величество.

— Сочиняешь самъ?

— Не испытывалъ себя въ этомъ, ваше величество.

— Погляди, такъ ли я написалъ твою пѣсню?

— Совершенно такъ, невозможно лучше, ваше величество.

— Ты умѣешь писать ноты?

— Умѣю, ваше величество.

— Перепиши какъ можно почище.

— Слушаю, ваше величество.

И Депортъ хотѣлъ удалиться, чтобы гдѣ-нибудь на покоѣ исполнить волю государя.

—. Нѣтъ, здѣсь, мой другъ, здѣсь! сказалъ король, вынимая изъ богатой конторки или, какъ называютъ Французы, секретаря, фламандскую нотную бумагу: садись сюда и переписывай, а я, пока, протвержу партію изъ Артурова гимна. Кстати: у тебя хорошій теноръ?

— Второй, ваше величество.

— Все одно, и я пою только втораго баса.... Просмотри эти ноты и ввечеру приходи сюда.

Король ушелъ въ дальніе покои; едва слышно доходили звуки пріятнаго, но не совсѣмъ твердаго голоса. Въ это печальное время жизни Людовика, внутреннія боренія, интриги кардинала, недовѣрчивость къ приближеннымъ, тоска по изгнаной матери, и многія, многія причины развили тяжкій, медленный недугъ, съѣдавшій видимо послѣдніе годы добраго короля. И продолжительное пѣніе для него стало трудно, но сегодня онъ упражнялся черезъ силу, не желая ввечеру отстать отъ другихъ. Депортъ, не смотря, что природа одарила его богатымъ запасомъ смѣлости, волнуемый страхомъ и неяснымъ еще надеждами, не видѣлъ нотъ, перепортилъ всѣ листы фламандской бумаги, и въ отчаяніи прибѣгнулъ къ воровству. Онъ видѣлъ, гдѣ у короля хранилась нотная бумага и уже вынулъ тетрадь, уже опустилъ крышку конторки, уже поворачивалъ ключъ.... вдругъ вошелъ ко-

роль — и Депортъ окаменѣлъ.... Изъ отчаянья, онъ улыбнулся, и сказалъ довольно твердымъ голосомъ:

— Государь! не виноватъ; заслушался; испортилъ бумагу; прервать превосходнаго пѣнія вашего величества я не смѣлъ, тѣмъ болѣе, что въ немъ замѣтно было больное одушевленіе; между-тѣмъ полагая, что дѣло къ спѣху....

— Весьма умно.... прервалъ король, садись же, пожалуйста, и переписывай; пора итти на прогулку.

— Депортъ переписывалъ. Вошелъ безъ доклада молодой человѣкъ прелестной наружности: ему было около двадцати лѣтъ. Его щегольской нарядъ капитана королевской гвардіи былъ въ безпорядкѣ, прическа измята, глаза заспаны; на лицѣ написана досада.

— Гдѣ вы это пропадаете, маркизъ? спросилъ король съ видомъ состраданія.

Маркизъ молчалъ.

— Опять всю ночь! продолжалъ король съ тѣмъ же выраженіемъ: въ обществѣ Маріонъ де-Лормъ, и стихоплетовъ. Опять возліянія Бахусу!... Сенъ-Марсъ, когда все это кончится?...

— Когда вашему величеству угодно будетъ послать меня на службу въ испанскую армію.

— Вы съ ума сошли, монсъ д'Эффіа! идите вонъ!

— Мнѣ только того и надо! сказалъ Сенъ-Марсъ про себя и ушелъ.

Король всталъ, одѣлся самъ, безъ помощи слугъ, а Депортъ окончилъ работу.

— Благодарю, сказалъ король уже не такъ ласково. Спряталъ и черновыя и чистыя ноты въ конторку, заперъ, ключъ положилъ въ карманъ, взялъ трость и шляпу, и сказалъ Депорту: «Пойдемъ гулять».

Вышли на лѣстницу.

— Ага! Вуэ не только великій живописецъ, но и слуга исправный.... — Это ваша работа? спросилъ Людовикъ, остановясь на первой площадкѣ, надъ которой вензель изъ незабудокъ почти былъ оконченъ.

Депортъ поклонился. Лицо Людовика осѣнилось печальной думой, примѣтнымъ страданіемъ; тихо шепталъ онъ молитву. Депортъ, какъ и вся Франція зналъ тайну короля; опустилъ глаза, притаилъ дыханіе, и, недвижный, какъ каріатида, у которой остановился, напряженнымъ слухомъ старался отгадать смыслъ королевскаго шопоту. Людовикъ глубоко вздохнулъ, и въ полголоса произнесъ стихъ Персія:

O curas hominum, quantum est in rebus inani!

Потомъ обратясь къ Депорту, сказалъ ласковымъ голосомъ: «Такъ ты и живописецъ?» Депортъ поклонился еще ниже.

— Я люблю живопись: но у насъ такъ мало хорошихъ живописцевъ!.... хотѣлъ выписать изъ Италіи, но и тамъ теперь, кажется, никого нѣтъ...

— Государь, смиренно отвѣчалъ Депортъ: недавно еще я возвратился оттуда, и рѣшительно

долженъ сказать вашему величеству, кромѣ Пуссена, тамъ нѣтъ никого. ..

— Пуссенъ! Французская фамилія!

— Онъ и родомъ Французъ. Франція теперь первенствуетъ въ художествахъ: въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; еще міръ не можетъ оцѣнить, какія зерна брошены для насъ высокимъ, благотворнымъ, питательнымъ, плодороднымъ покровительствомъ, которымъ вашему величеству угодно было осчастливить французскія художества, и я скажу съ Тибулломъ:

Dî tibi formam,
Dî tibi divitias dederunt, artemque fruendi.

Король сталъ веселѣе и, улыбаясь самодовольно, сказалъ Депорту:

— А враги мои ничего этого не замѣчаютъ и не видятъ; они думаютъ, что я ихъ боюсь и оттого остороженъ, и оттого дѣлаю хорошо.... Не правда ли?

И началъ смѣяться. Депортъ осмѣлился вторить королю, и со смѣхомъ отвѣчалъ:

— Славная политика, ваше величество, спасительная система; не даромъ говоритъ Либерій:

Necesse est
Ut multos timeat, quem multi timent.

Король еще болѣе развеселился....

— Да это находка, сказалъ Людовикъ, остановясь и разсматривая Депорта: кто ты, и какъ тебя зовутъ?

— Зовутъ меня Филиппъ Депортъ, а кто я, и самъ не знаю. Нужда велѣла расписывать стѣны

и потолки людей богатыхъ, а можетъ-быть Фортуна велитъ и мнѣ въ свою очередь заказывать тѣ же работы другимъ людямъ. Я не отчаиваюсь.

— Ну, любезный Депортъ, ты похожъ на меня: и живописецъ, и музыкантъ, и риторъ! Не достаетъ тебѣ знатности и богатства. Но Богъ милостивъ:

Si fortuna volet, fies de rhetore consul!

Двери отворились, вошелъ Сенъ-Марсъ и, обратясь къ королю, почтительно спросилъ:

— Ваше величество, не лучше ли проѣхаться верхомъ? До обѣда остается не болѣе получаса.

— Развѣ я у тебя спрашивалъ совѣта? отвѣчалъ изумленный Людовикъ. Ты боленъ, и хорошо послѣ дурной ночи пройтись пѣшкомъ.

Сенъ-Марсъ не отвѣчалъ ни слова и шелъ молча за королемъ, поглядывая на Депорта; а Депортъ постоянно, все болѣе и болѣе отставалъ... Костюмъ Сенъ-Марса былъ уже въ большомъ порядкѣ, но одна шпора распиталась отъ ночной поѣздки. Депортъ тотчасъ это примѣтилъ и, догнавъ Сенъ-Марса, почтительно сказалъ: «Позвольте укрѣпить вашу шпору.

— Да какъ же это ты сдѣлаешь? спросилъ разсѣянно Сенъ-Марсъ.

— А вотъ, каменкомъ.

— Благодарю, сказалъ Сенъ-Марсъ, когда Депортъ привелъ въ порядокъ шпору и платкомъ стеръ грязь, засохшую на сапожныхъ кружевахъ.

— Всегда къ услугамъ вашимъ, отвѣчалъ Депортъ и продолжалъ итти слѣдомъ за королемъ и

Сенъ-Марсомъ, всегда однакожъ въ третьей дистанціи.

Король обошелъ молча двѣ три аллеи, молча возвратился къ новой лѣстницѣ; остановясь на крыльцѣ, обратился къ ступенькамъ, сказалъ тихо —«Прощайте, до вечера!» и ушелъ въ покои мадмоазель де-Лафайетъ. Депортъ пошелъ было за королемъ, но Сенъ-Марсъ грубо схватилъ его за руку и спросилъ:

— Ты куда?

— Къ моей работѣ.

— Къ какой?

— Я расписываю лѣстницу....

— Когда проснется король, дай мнѣ знать: слышишь? Я не хочу, чтобы меня о томъ увѣдомили придворные слуги. Слышишь?

— Да гдѣ же вы изволите жить?

— Глупецъ! я буду у племянницы Дюбоа.

— Я человѣкъ новый, маркизъ: благоволите указать. Я всегда къ вашимъ услугамъ....

— Дюбоа будетъ до шести часовъ неотлучно при королѣ, а я неотлучно при племянницѣ Дюбоа: такъ если одно слово — горе тебѣ!

— Помилуйте, господинъ капитанъ! только укажите, куда прибѣжать; ногъ не пожалѣю.

— Ты видѣлъ издали, въ паркѣ, большую красную бесѣдку съ китайской крышей?

— Видѣлъ.

— Вотъ тамъ! Хлопни три раза въ ладоши: я услышу.

— Я всегда къ вашимъ услугамъ, маркизъ, я всегда къ вашимъ услугамъ, кричалъ Депортъ вслѣдъ Сенъ-Марсу.

—

ГЛАВА IV.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ВЕЧЕРЪ.

Savoir rire, pleurer et feindre,
Dissimuler et se contraindre.
C'est le secret d'un esprit-fort:
Car le baron devient comte
S'il fait jouer à grand effort
Un visage qui se démonte.

MAZARINADES, 1648.

На башнѣ протяжно пробило шесть часовъ. Дворецъ въ Фонтенбло оживился; забѣгали слуги; появились у крыльца носилки, кареты, нарядно разубранныя верховыя лошади. Сенъ-Марсъ шелъ мимо ко дворцу, за нимъ рысью бѣжалъ Депортъ. На крыльцѣ они встрѣтили Дюбоа, которому другіе лакеи подавали широкій плащъ, шляпу и трость.

— Куда ты? спросилъ Сенъ-Марсъ съ улыбкой?

— Домой, господинъ капитанъ, домой, отвѣчалъ Дюбоа.

— Писать исторію?

— Что это, капитанъ! вы еще, пожалуй, скажете его величеству; втянете меня въ бѣду....

— Непремѣнно скажу, когда поссоримся, Дюбоа.

— Вѣрно вамъ сказалъ объ этомъ де-Ту, у котораго я просилъ позволенія разсмотрѣть нѣкоторыя бумаги его покойнаго отца, историка Франціи; а онъ и вообрази, что я пишу исторію....

— Нѣтъ, не одинъ де-Ту, многіе говорятъ; да ужъ дай только намъ поссориться, все узнаемъ.

— Да зачѣмъ же намъ ссориться маркизъ!.

— Я и самъ, пока, не вижу причины; а говорятъ, исторія хороша....

— Кто говоритъ?

— Намѣдни у мадамъ де-Рамбулье только объ ней и говорили.

— Какъ, у мадамъ де-Рамбулье! спросилъ Дюбоа со слезами радости: въ этомъ ареопагѣ людей ученыхъ и писателей.... Помилуйте, я недостоинъ такой чести; это, просто, записки очевидца....

— Скромность, скромность, Дюбоа; когда-нибудь я затащу тебя туда.

— Увольте, маркизъ, увольте; моя должность, лѣта....

— Послѣ, послѣ объ этомъ. Король всталъ?

— Давно, но еще не выходилъ.

— А музыканты собрались?

— Собрались, ваше сіятельство, собрались. Пора и вамъ! Ступайте.

— Пойдемъ, сказалъ Сенъ-Марсъ Деперту, и Дюбоа съ изумленіемъ поглядѣлъ на новаго придворнаго; онъ не предвидѣлъ въ то время какъ много мѣста займетъ этотъ новичекъ въ его запискахъ.

Въ концертной залѣ или, лучше сказать, въ самой большой комнатѣ отдѣленія Лафайетъ, тѣснилось небольшое число избранныхъ. Віолы, лютни и скрипки лежали на кругломъ столѣ; вся бáнда двадцати четырехъ скрипокъ Генриха IV сидѣла передъ пульпитрами и ожидала короля; только одинъ дю-Карру, королевскій композиторъ, не сидѣлъ на своемъ мѣстѣ: онъ спорилъ въ глубокомъ окнѣ съ отцемъ Сирмондомъ, поэтомъ Годо, и живописцемъ Дерюэ. Герцогъ де-Бофоръ, принцы и дворяне изъ лучшихъ фамилій, не удостоивали собесѣдниковъ вниманія и шептались между собою. Скрипачи, сидя на своихъ мѣстахъ, разговаривали съ другими двумя королевскими композиторами, Артуромъ Кустó и Яковомъ Модюи. Отъ частныхъ разговоровъ образовался въ тѣсной комнатѣ сильный шумъ. Вошелъ де-Нойé, почти, неслышно, но всѣ замѣтили его присутствіе и умолкли. Секретарь королевства, правая рука и правое ухо кардинала, невольно наводилъ ужасъ на дворянъ, безстрашныхъ на альпійскихъ и пиренейскихъ вершинахъ, но не съ глазу на глазъ съ Ришліé и его клевретами. Печальна судьба такихъ людей какъ де-Нойé. Все, что̀ бы они ни сдѣлали добраго, лесть и страхъ припишутъ кардиналу. Всѣ ошибки, всѣ жестокости Ришліé падутъ на ихъ отвѣтственность: лесть и страхъ не посмѣютъ обвинить кардинала; и де-Нойé принадлежалъ именно къ разряду невинныхъ злодѣевъ. Быстрота въ кабинетной работѣ, пріятная наружность, даръ слова, любовь къ наукамъ и художе-

ствамъ, способность развязывать Гордіевы узлы затруднительныхъ вопросовъ сдѣлали его человѣкомъ необходимымъ для Людовика XIII и кардинала. Изъ клевретовъ Ришліё, только одинъ де-Нойé, впрочемъ не долго, имѣлъ свободный входъ въ комнаты короля, и Людовикъ былъ убѣжденъ въ его честности и скромности. Даже придворныя дамы, приверженныя къ несчастной своей королевѣ Аннѣ Австрійской и ненавидѣвшія открыто великаго инквизотора Франціи, какъ онѣ называли кардинала, любили де-Нойé подъ именемъ маленькаго добряка, petit bon homme. Отецъ Сирмондъ, духовникъ короля, подошелъ къ нему и почтительно раскланялся.

— Что новаго? спросилъ де-Нойé: правда ли, что сегóдня опять была ссора съ Генрихомъ?

— Вы знаете лучше меня стихіи, владычествующія во дворцахъ нашего короля.... Ссора! А вчера на столѣ Людовика я нашелъ записку: вотъ копія. Пойдемте къ окну.

Де-Нойé прочелъ: «Капитанъ гвардіи нашей, Генрихъ д'Эффіа, маркизъ де-Сенъ-Марсъ, назначается великимъ конюшимъ двора нашего, съ оставленіемъ при прежней должности.»

— Это, пока, еще карандашъ, сказалъ де-Нойé: послѣ ссоры, можетъ-быть, подлинникъ этой записки сгорѣлъ въ каминѣ....

— Сомнѣваюсь, отвѣчалъ отецъ Сирмондъ: не забудьте, что нашъ воспитанникъ, наше твореніе, уже не ѣздитъ въ Рюэль, не доноситъ ничего объ

королѣ и принцахъ, а у королевы не отходитъ отъ креселъ Маріи Неверской.

— Безумецъ! она принцесса!

— Конетабль Франціи можетъ жениться на принцессѣ.

— Что вы, что вы, отецъ Сирмондъ? Но, признаюсь, наше положеніе самое непріятное. Къ Людовику приставили мы Сенъ-Марса, а теперь къ Сенъ-Марсу приходится приставить дядьку. Вы знаете Сентъ-У (Saint-Aout)? Кардиналъ назначаетъ его.

— Выборъ не дурной, но безполезный.... Что это вы, господинъ секретарь, и на вечеръ съ бумагами?

— Нѣтъ, это рисунки Вуэ. Признаюсь, мнѣ ужасно надоѣли планы Симона для луврской галереи. Король такъ милостивъ: присылаетъ мнѣ на просмотръ эти кипы; но, право, лучше не строить вовсе ничего, нежели такія дорогія пошлости.

Вошли Сенъ-Марсъ и Депортъ. Дворяне бросились къ маркизу и начали шептаться. Депортъ не зналъ, какъ выскочить изъ толпы, куда невольно ввелъ его Сенъ-Марсъ. Де-Нойé не сводилъ глазъ съ молодежи и, примѣтивъ Депорта, невольно спросилъ: «Это кто?» Отецъ Сирмондъ побѣжалъ узнать, кто этотъ новый собесѣдникъ королевскій; но никто не могъ отвѣчать. Скоро во всей залѣ только и слышно было: «Кто это? кто это?....»

Вошелъ король. Двадцать четыре скрипки грянули маршъ, написанный дю-Карру, на переходъ

Альпійскихъ Горъ. Грустное лицо короля оживилось; въ воображеніи его возобновились чудеса личной его храбрости и подвиги дворянства. Король остановился, прослушалъ маршъ, и когда, по окончаніи піесы, вся банда встала, король изъявилъ полное свое удовольствіе. Пользуясь расположеніемъ короля, дю-Карру просилъ дозволенія лютнисту Бланроше́ съиграть новую пѣсню, сочиненную на слова поэта Годо.

— Прошу, прошу, отвѣчалъ король: садитесь, герцогъ; mes cousins, господа, садитесь, садитесь. Де-Нойе́, отецъ Сирмондъ, ко мнѣ поближе; вотъ такъ.

Сенъ-Марсъ подошелъ къ королю и также сѣлъ возлѣ. Бланроше́ удивилъ все общество; но король былъ недоволенъ: ему было досадно, что Бланроше́ побѣдилъ Якова Модюи, любимца королевскаго, прозваннаго, Богъ-знаетъ за что, «отцемъ музыки».

— Артуръ! сказалъ Людовикъ, обращаясь къ Кусто: какъ ты находишь?

— Мнѣ трудно судить, государь! Мы съ Бланроше́ старинные друзья; но я полагаю, что одобреніе князя музыки, мосьё дю-Карру....

Король отворотился и не слушалъ Артура; бѣдный Бланроше́ стоялъ посреди́нѣ какъ вкопанный, ожидая милости или гнѣва; но король, не обращая на него никакого вниманія, разсѣянно сказалъ дю-Карру:

— Играйте что-нибудь, князь музыки, играйте!.... Ну, де-Нойе́, продолжалъ король, понизивъ голосъ: что же наша луврская галлерея?

— Если ваше величество изволили удостоить меня счастья открыто сказать мое мнѣніе, то я счелъ бы себя преступникомъ, если бы похвалилъ планы и чертежи Симона Вуэ.

— Вы не довольны?

— Пошло, обыкновенно, нѣтъ ничего такого, что бы могло говорить позднему потомству: «Воздвигнуто въ царствованіе, Людовика XIII.»

— Правда, правда! а на вашъ вкусъ можно положиться.... Скажите, что, у васъ много работы? много переписки съ иностранными державами?

— Какъ и всегда, ваше величество. Нѣтъ, лгу; съ тѣхъ поръ, какъ война съ Испаніей уже рѣшена, стало меньше работы: съ кабинетомъ Сенъ-Лоренцо будетъ сноситься Шавиньи, который отправится на войну съ вашимъ величествомъ.

— Отчего же не вы? Я желалъ бы васъ....

— Такъ угодно было кардиналу; я здѣсь нуженъ.

— О! такъ ужъ это рѣшено. Я очень радъ, что вы здѣсь остаетесь и имѣете отъ дѣлъ довольно досуга.... Вы и мнѣ нужны здѣсь.

— Какимъ образомъ, ваше величество?

— А вотъ увидите.

Банда окончила піесу; король всталъ и ушелъ во внутреннія покои; нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе; раздался звонокъ; Сенъ-Марсъ пошелъ къ королю, и чрезъ мгновеніе возвратился съ бумагой, которую и подалъ де-Нойе.

— Вотъ это мѣсто по васъ, сказалъ Сенъ-Марсъ, когда де-Нойе оканчивалъ чтеніе бумаги.

— Вы шутите маркизъ.

— Иногда; но въ этомъ случаѣ поздравляю Францію. Главный начальникъ дворцовъ и зданій его величества, желаю вамъ успѣха! А между-тѣмъ извольте ѣхать.

— Я хотѣлъ поблагодарить короля....

— Удивительно, какъ блюстители формъ, на радости, сами забываютъ формы. Вы должны явиться къ королю завтра, въ пріемную; и тогда уже увидимъ, пріймет ъ ли васъ король или нѣтъ... Да, мы завтра въ Сенъ-Жерменѣ. Пріѣзжайте около полудня.

Все это говорилъ Сенъ-Марсъ съ такою дѣтскою и беззаботною важностью, что де-Нойé, глядя на него, невольно улыбнулся.

— Послушайте, маркизъ, спросилъ де-Нойé очень тихо: кто это съ вами вошелъ въ залу?

— А! это мой пріятель, живописецъ.

— Это вы представили его королю?

— Да, я, разсѣянно отвѣчалъ Сенъ-Марсъ. Но уѣзжайте, король не можетъ выйти въ залу.

— Ѣду, ѣду, сказалъ де-Нойé, взявъ шляпу и, проходя мимо Депорта, легонько дернулъ его за руку, и сказалъ:

— Пожалуйте завтра ко мнѣ въ два часа по полудни въ Сенъ-Жерменъ.

Депортъ со всѣхъ ногъ бросился въ слѣдъ де-Нойé, желая узнать, кто ему сдѣлалъ честь своимъ приглашеніемъ.

Король возвратился въ залу.

— Вотъ и наши грѣхи, сказалъ Людовикъ, по-

давая дю-Карру пѣсню, написанную имъ съ напѣву Депорта.

Музыканты и композиторы схватили віолы, и всѣ вдругъ начали разъигрывать королевскую рукопись. Дю-Карру поднялъ смычокъ повелительно, и турецкая музыка прекратилась. Не безъ труда разъигралъ онъ пѣсню; всѣ въ одинъ голосъ кричали: «Удивительно! превосходно!.... Какое прекрасное сочиненіе!....»

— Сочиненіе не мое, а я положилъ только на ноты, сказалъ король.

Всѣ хвалили правильность перекладки. Въ это время отецъ Сирмондъ подалъ королю Martyrologium Каллó.

— Что это? спросилъ король перелистывая книгу. А, знаю! Хваленое Martyrologium. По мнѣ очень дурно. Дерюэ! поди сюда.... Какъ по-твоему, хорошо?

— Государь! Калло мнѣ другъ.

— Знаю, знаю, и потому-то у тебя и спрашиваю; хочу испытать твою искренность.

— Если такъ, государь, я считаю это Martyrologium торжествомъ искусства.

— Помнишь ли ты, сказалъ король съ недовольнымъ видомъ, когда мы были въ Нанси? Я начертилъ твой портретъ, помнишь? Не лучше ли онъ всей этой нацарапанной книги?.... Конечно, ты другъ Каллò,а у твоего Каллò больше смѣтки нежели таланта. Посвятилъ книгу кардиналу и послѣ этого, конечно, всякой ее похвалитъ.

При послѣднихъ словахъ короля, Депортъ воро-

тился въ залу въ мрачномъ раздумьѣ: зачѣмъ зоветъ его де-Нойе.... Увидавъ его, король сказалъ:

— Филиппъ! поди сюда: посмотри и скажи свое мнѣніе; но не гляди кому посвѣщено, кѣмъ гравировано; скажи просто: хорошо или худо?

Депортъ пересмотрѣлъ Martyrologium, положилъ на столъ презрительно книгу и молча отступилъ.

— Ну, что!.... спросилъ Людовикъ.

— Я не смѣю, государь....

— Я приказываю.

— Если такъ, осмѣлюсь сказать, что мнѣ не нравится. Плохо, ваше величество; очень плохо.

— Вотъ, видите? слышите? Человѣкъ свѣжій, никогда не видалъ ее прежде.... Ты не видалъ книги?

— Никогда ваше величество.

— Слышите?.. И вотъ ваше общественное мнѣніе!

Дерюэ не могъ не вступиться за друга; тѣмъ болѣе, что король любилъ независимость мысли и позволялъ съ собой спорить.

— Я не знаю, ваше величество, этого господина, сказалъ Дурюэ: но, чтобы судить Калло, надо быть художникомъ, имѣть право....

— И конечно, ординарный живописецъ короля французскаго имѣетъ на то право, отвѣчалъ король съ насмѣшливой улыбкой и посмотрѣлъ на изумленнаго Депорта. Потомъ подошелъ къ нему и ласково спросилъ:

— А что, не правду ли я говорилъ: Si fortuna volet, fies de rhetore consul. Бросимъ живо-

пись.... Гдѣ твоя партія! Станемъ пѣть гимнъ Артура.

Банда усѣлась. Раздался гимнъ, написанный Артуромъ Кустò на взятіе Нанси. Депортъ пѣлъ лучше всѣхъ. Король былъ въ восторгѣ, но усталъ отъ пѣнія и другихъ ощущеній. Сонъ началъ клонить его, и Людовикъ вставъ, сказалъ Депорту:

— Филиппъ! прикажи позвать Дюбоа.... Прощайте господа, благодарю за пріятный вечеръ. Прощай Сенъ-Марсъ. Сегодня ты умница и жалѣть не будешь!.... Завтра на охоту.

—

ГЛАВА V.

ЛИТЕРАТУРНАЯ НОЧЬ.

Le gros Dubois, aliàs dit Gretin.
En plumestant sur son petit pulpitre,
A minuté cette presente épître....
GUILLAUME CRETIN.

Депортъ бѣжалъ по дворцовому корридору, что̀ силы было; позади его раздался звонкій голосъ Сенъ-Марса.

— Эй, пріятель! пріятель! куда бѣжишь?

— Къ Дюбоа, маркизъ, къ Дюбоа.

— Самъ, собственными ногами?

— Самъ, господинъ маркизъ.

— Такъ послушай: мнѣ надо ѣхать; скажи Анетѣ, что король меня засадилъ писать на всю ночь. Слышишь?

— Слушаю, отвѣчалъ Депортъ, и побѣжалъ въ садъ. Сенъ-Марсъ пошелъ также садомъ, нѣсколько разъ оглянулся на королевскія окна, перелѣзъ въ паркъ черезъ заборъ; тамъ ожидалъ его слуга съ лошадью.

— Что̀ мой добрый Ипполитъ, все готово?

— Готово, маркизъ; но не совѣтую отлучаться.

— А что̀?

— Да сегодня прислано изъ Рюэля намъ съ Николаемъ, слугамъ вашимъ, приказаніе ѣхать въ Туренну, домой. Жидъ Эвое сказалъ намъ: «Господинъ маркизъ пожалованъ великимъ конюшимъ, такъ ему особая королевская прислуга будетъ.» Потомъ Эвое сказалъ: «Къ вашему господину господинъ Кардиналъ знатнаго человѣка приставилъ, Сентъ-У. Сущій іезуитъ.» Надо-быть, онъ васъ теперь по всему Фонтенблò ищетъ.

— Да развѣ Сентъ-У пріѣхалъ? спросилъ Сенъ-Марсъ покраснѣвъ.

— Пріѣхалъ, ваше сіятельство, пріѣхалъ! Рыжій такой, рябой какъ вода подъ вѣтромъ. Остановился у отца Сирмонда и ждалъ только, чтобъ вечеръ кончился.

— Такъ пусть же обождетъ до утра, а вы оставайтесь съ Николаемъ при мнѣ. Нето и я съ вами къ матушкѣ уѣду, отвѣчалъ Сенъ-Марсъ, вспрыгнулъ на коня, и облако пыли поднялось въ грустномъ паркѣ.

— Ни дать, ни взять отецъ его былъ такой же сорви-голова, ворчалъ Ипполитъ, провожая глазами красиваго всадника. А я, такъ-сказать,

сегодня не пойду на конюшню. Спросятъ: гдѣ лошадь?.... Я имъ завтра скажу: ѣздилъ тутъ, по сосѣдству, къ знакомому.... Охъ плуты! Знаю, что подумаютъ, да мнѣ жаль моего цыпленка. Ужъ служить, такъ служить. Пусть ихъ что хотятъ думаютъ!....

Ипполитъ исчезъ въ густотѣ лѣса.

— Король васъ проситъ, сказалъ Депортъ остановясь у окна розовой бесѣдки, и едва переводя дыханіе.

— Что такъ рано? спросилъ Дюбоа, уронивъ съ пера на красивый огромный листъ чернильнаго жида.

— Усталъ; мы много сегодня пѣли.

— Какъ? Вы пѣли съ королемъ.

— Не разспрашивайте, а спѣшите къ его величеству.

— Я готовъ. Пойдемъ.... отвѣчалъ Дюбоа, отирая перо объ парикъ и слизывая пятно съ драгоцѣнной тетради.

— Нѣтъ; позвольте отдохнуть, сказалъ Депортъ: да и къ вамъ я имѣю дѣло; безъ вашего совѣта я погибну. Признаюсь, событія, которыя случились сегодня, составятъ любопытную страницу въ описаніи жизни Людовика XIII....

— Что такое, что такое?.... спросилъ Дюбоа, выходя торопливо на крылечко.

— Охъ, бѣгите къ королю! Онъ васъ ожидаетъ, а я такъ усталъ.

— Пожалуйте въ бесѣдку. Анета! займи гостя; я сейчасъ ворочусь....

И Дюбоа поплелся ко дворцу съ особенною поспѣшностью.

Депортъ вошелъ, не ожидая вторичнаго приглашенія. Анета встрѣтила его на порогѣ, зажгла свѣчу и просила садиться.

— Ахъ, милая Анета! Я пришелъ сюда для васъ. Сенъ-Марса вы сегодня не увидите.

— Великій Боже! вы знаете!.... Да какого Сенъ-Марса?.... Я съ нимъ и незнакома....

— Перестаньте, милая. Мой другъ сегодня попался въ бѣду.

— Что̀ съ нимъ случилось?

— Король засадилъ его на всю ночь писать, и едва ли къ утру онъ отдѣлается.

— Слава Богу! промемтала Анета.

— Какъ, слава Богу! Такъ вы не любите Сенъ-Марса?

— Да можно ли его любить! Ужъ я не первая, честной господинъ. Вотъ, Розину Мельи бросилъ. Глупенькая, сама виновата: повѣрила. Ну, статное ли дѣло, подумайте сами, честной господинъ, обѣщалъ жениться.... Нѣтъ, на меня плоха надежда: я ему это сказала въ глаза; не отвязывается. Дядѣ не хочу сказать: перепугается; а вы, какъ добрый другъ, посовѣтуйте ему оставить меня въ покоѣ; а нето, какъ пріѣдемъ въ Парижъ, тотчасъ все перескажу придворнымъ дамамъ, и сама Марія ди-Гонцаго узнаетъ.

— А что̀, развѣ?.... спросилъ лукаво Депортъ.

— Будто вы не знаете! Конечно, изъ этого ничего не выйдетъ. Да вотъ такъ, подурачиться...

Ужъ я и не знаю, въ кого онъ не влюбленъ. Намѣдни, какъ мы были въ Парижѣ, мосьё Воатюръ, острякъ, что̀ ко всѣмъ письма пишетъ, у одной дамы сидѣлъ на антресоляхъ, да какъ сталъ высчитывать любовницъ маркиза, семерыхъ начелъ изъ госпожъ, а мы, съ подругой, что̀ у той дамы служитъ, дюжину изъ служанокъ насчитали.... Молчите, молчите! дядюшка идетъ....

Вошелъ Дюбоа и комически раскланялся съ Депортомъ.

— А, господинъ ординарный живописецъ его королевскаго величества! Сегодня день милостей. Мосьё де-Нойé получилъ новое назначеніе; маркизъ сдѣланъ великимъ конюшимъ: кардиналъ согласился; вы пожалованы въ ординарные живописцы... Вотъ, Анета, что значитъ не пустить Людовика на охоту. Дрянная забава, опасное увеселеніе! Вы соскучились съ моею Анетою? Она у меня ужасно дика. Простите, если я заставилъ васъ такъ долго дожидаться; но вы сами тому причиною: король все время про васъ разсказывалъ.

— Его величество слишкомъ милостивъ; вотъ это-то меня безпокоитъ, и вотъ почему я хотѣлъ съ вами посовѣтоваться. Я выросъ въ Италіи, между образцами искусства и первыми художниками міра. Вы можете посудить, каково мнѣ было сносить униженіе, на которое бѣдность заставила меня согласиться. Мнѣ, любимому ученику Караччи, расписывать потолки и лѣстницы! Мнѣ, воспитанному въ роскоши, качаться въ колыбели каменьщика! Вы человѣкъ просвѣщенный и чувствитель-

ный; вы поймете мое положеніе. У меня жена, дочь италіянскаго маркиза, который не хуже вашего Сенъ-Марса. Я увезъ ее, долженъ былъ бѣжать, принесть всѣ возможныя жертвы; достигаю Парижа. «Отчизна, думалъ я, ты возвратишь мнѣ утраченное счастіе?» Спѣшу къ этому педанту, старому Вуэ.... Что дѣлать! я не его ученикъ, я не умѣю восхищаться его знаменитыми картинами, которыя бы въ Италіи забросали грязью уличные мальчишки.

— Неужели, мосьё Депортъ! съ ужасомъ перебилъ Дюбоа.

— Ни какого сомнѣнія, ни какого сомнѣнія!... И что же вы думаете? Симонъ Вуэ, котораго отецъ моей жены не пустилъ бы красить крышу дома на своей виллѣ, этотъ мосьё Вуэ, глава какой-то школы, изволилъ послать меня на лѣстницу мадмоазель де-Лафайетъ! Не правда ли, это ужасно?....

— Непостижимо! произнесъ Дюбоа съ видомъ непритворнаго удивленія и не спуская глазъ съ Депорта.

— Вы можете представить, какъ они пріймутъ мое назначеніе; отъ нихъ зависятъ содержаніе, квартира, работы....

— О, извините, извините! Хорошо, что вы сказали объ этомъ мнѣ, а не Сенъ-Марсу. Онъ не умѣетъ говорить хладнокровно; а завтра, когда король будетъ одѣваться, я съумѣю представить....

— Добрый, чувствительный Дюбоа! признательность моя....

— Полноте, полноте!

— Такъ до свиданія, мосьё Дюбоа.

— До завтра, мосьё Денортъ. А гдѣ вы живете?

— Мнѣ совѣстно отвѣчать, мосьё Дюбоа. Я живу на лѣстницѣ Лафайетъ.

— Возможно ли! Переночуйте у насъ, а завтра, вѣроятно, вы поѣдете съ нами въ Сенъ-Жермень.

— Непремѣнно. Я обѣщалъ де-Нойе непремѣнно навѣстить его въ Сенъ-Жерменѣ.

— Чего же лучше! Анета приготовитъ намъ что-нибудь закусить; вы можете провести ночь здѣсь, въ моемъ кабинетѣ: я сегодня уже исторіи моей писать не буду.

— А вы пишите исторію?

— Не совсѣмъ исторію, а такъ, знаете, историческія воспоминанія, записки; я очень близокъ къ текущему году. Остается можетъ-быть листовъ двадцать, тридцать.... Главы двѣ, три....

— А! вы раздѣляете вашу исторію на главы; это очень удобно для читателя.

— Я потому болѣе и рѣшился сдѣлать подобное раздѣленіе.

— Какъ же вы начинаете? Съ вашего рожденія?

— О, помилуйте! Во-первыхъ, я этого не помню; а во-вторыхъ, кому могутъ быть любопытны обстоятельства моего дѣтства и воспитанія?

— Однако же....

— Нѣтъ, нѣтъ!.... Я начинаю со дня кончины Генриха IV.

— Скажите, сдѣлайте одолженіе, я никогда не

могъ прочесть ничего полнаго, вѣрнаго, объ этомъ ужасномъ событіи.

— У меня оно очень подробно описано. Хотите? Не устали вы? Покуда дадутъ закусить, мы пробѣжимъ первую главу.

— Помилуйте, да это благодѣяніе! Я не знаю какъ благодарить васъ.

— Простите за слогъ, сказалъ Дюбоа, развертывая огромный фоліантъ изъ-подъ шести такихъ же огромныхъ книгъ: я этой частію не успѣлъ еще заняться. Не угодно ли?....

Депортъ придвинулся. Дюбоа поправилъ парикъ и свѣчи, и чтеніе записокъ покатилось какъ безконечное пѣніе сверчка, который въ неизвѣстной щелкѣ вторилъ историку.... Аврора прекратила пѣніе и сверчка и историка. Собесѣдники принялись ужинать, когда уже суматоха, лошадиный топотъ, крики слугъ, лай псовъ, краканье соколовъ и кречетовъ, возвѣстили всему Фонтенбло близость королевскаго отъѣзда.

—

ГЛАВА VI.

СПОСОБНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Hoc primum a te peto, ne me loquentem interpelles, ne medio sermone meo proclames: dabitur tibi loquendi liberum tempus!

SENECA.

Въ сенъ-жерменскомъ дворцѣ, въ отдаленномъ флигелѣ, гдѣ въ прежнія времена всегда остана-

вливался кардиналъ Ришліё, въ довольно обширной залѣ, сидѣли государственные секретари Шавиньи и де-Нойé. Откровенность и дружба, владычествовавшія въ ихъ разговорѣ, какъ-то странно были оправлены въ рамки холодной учтивости и условной вѣжливости, то есть, въ такія противорѣчія, которыя кардиналъ умѣлъ прививать ко всѣмъ своимъ подчиненнымъ. Оба были совсѣмъ одѣты; оба держали въ рукахъ шляпы, хотя были, такъ сказать, дома; оба говорили другъ другу — ты, но никогда не позволяли себѣ братской шутки, не бывали въ гостяхъ у однихъ и тѣхъ же знакомыхъ, не знали семейныхъ обстоятельствъ одинъ другаго.

— Поздравляю, сказалъ Шавиньи, съ новою милостью, съ новою должностью. Кардиналъ вчера еще согласился на твое назначеніе, поручилъ мнѣ тебѣ сказать, что больше другихъ должно бояться самого Вуэ.

— Неужели, Шавиньи, ты за этимъ только и пріѣхалъ въ Сенъ-Жермень?

— Конечно нѣтъ. А испанскія депеши! И еще одно обстоятельство, которому кардиналъ съ трудомъ вѣритъ: Гастонъ Орлеанскій вчера ночью былъ въ Парижѣ и видѣлся съ Сенъ-Марсомъ.

— Быть не можетъ!

— И мы тоже сказали, съ кардиналомъ, когда отецъ Сирмондъ объявилъ намъ объ этомъ свиданіи. Ты вѣроятно останешься въ Сенъ-Жерменѣ: кардиналъ просилъ, нельзя ли подъ рукою разузнать.

— Да ужъ для одного этого обстоятельства должно остаться.... Братъ короля шутитъ, а многія головы уже съ красными ошейниками.... какъ липы, которыя Одалé, старый королевскій лѣсничій назначаетъ къ порубкѣ въ сенъ-жерменскомъ паркѣ. Отъ Сенъ-Марса узнать не легко. Сентъ-У вы прислали напрасно. Я не могу, Шавиньи, съ тобой не согласиться, что лучшее средство — увеличить число друзей Сенъ-Марса еще однимъ другомъ, который бы не такъ явно поклонялся краснымъ чулкамъ.... Я имѣю надежду.... Но, Шавиньи, это только надежда! Она разрѣшится сегодня, и я поспѣшу увѣдомить кардинала. Теперь, позволь спросить: что̀ Испанія?

— Странно, де-Нойé! Въ тонѣ Олivареса замѣтна перемѣна; никогда еще онъ не говорилъ съ такимъ спокойствіемъ, съ такою увѣренностью, что войны не будетъ. Соображая всѣ обстоятельства, мы полагаемъ, что посѣщеніе Гастона имѣетъ тайную связь съ испанскими дѣлами.

— Что̀ жъ кардиналъ?

— Приказалъ сказать тебѣ и посовѣтоваться.

— Конечно, или королева, или Гастонъ Орлеанскій, но ужъ кто-нибудь изъ нихъ, имѣетъ сношенія съ Испаніей. Скажи, Шавиньи, я все время пробылъ при королѣ и ничего не знаю, чѣмъ кончился объискъ?

— Трагическою сценою, слезами и переѣздомъ въ Лувръ. Королева, какъ ты знаешь, проживала въ Val-de-Grâce; кардиналъ нагрянулъ внезапно. Въ монастырѣ никто не ожидалъ такихъ ужас-

ныхъ мѣръ; смущеніе было значительно; вина явственна. Но бумагъ, де-Нойé, бумагъ.... ни одной! Кардиналъ заставилъ повиноваться и написать королю просьбу о помилованіи. Потомъ полили слезы.... Потомъ, до послѣдняго лакея, во всемъ Луврѣ не осталось ни одного Испанца; потомъ королева переѣхала въ Лувръ.. . король простилъ. Но на рынкахъ маркизъ де-Кокъ выпустилъ новую сатиру: дамы читали ее наизустъ въ присутствіи герцогини Эгильонской, племянницы кардинала; прибавили къ сатирѣ нѣсколько своихъ сарказмовъ, и дѣло кончилось.

— Маркизъ де-Кокъ! Знаешь, что я думаю?

— А что?

— Я подозрѣваю Сенъ-Марса. Онъ написалъ недавно небольшую сатиру на маркизу де-Комбалé; ее читали у королевы; у меня есть копія.

— Въ наше время ни за что нельзя ручаться. Но правила, въ которыхъ воспитанъ Сенъ-Марсъ.... Нѣтъ Шавиньи: скорѣе аббатъ Гонди.

— Умная догадка! Но....

Вошелъ Дюбоа.

— Его величество, сказалъ онъ, кивнувъ головою секретарямъ, приказалъ позвать мосьé де-Шавиньи съ бумагами.

Де Нойé остался одинъ и началъ пересматривать бумаги, которыя слѣдовало представить королю въ первый докладъ по дѣламъ художественнымъ.

— Ординарный живописецъ его величества, Депортъ! доложилъ лакей, отворяя одну половинку двери.

— Зови, зови, сказалъ де-Нойé съ привѣтнымъ нетерпѣніемъ.

Вошелъ Депортъ и остановился у дверей. Де-Нойé продолжалъ разсматривать бумаги, какъ-будто не замѣчалъ Филиппа; изрѣдка поглядывалъ на него изъ подлобья и, не встрѣчая взоровъ Депорта, поднялъ голову и нѣсколько мгновеній спокойно его разсматривалъ.

— Милости просимъ, милости просимъ! сказалъ наконецъ де-Нойé.

Депортъ низко кланялся.

— Прошу садиться.

Депортъ поклонился еще ниже.

— Садитесь, садитесь! Я не люблю разговаривать, когда мой собесѣдникъ не сидитъ: высоко голову поднимать.

Депортъ сѣлъ на кончикѣ стула, стараясь прикрыть рыжей епанчей заштопанный камзолъ и шляпу съ перомъ зеленаго.... такого мѣщанскаго!... цвѣту.

— Въ спискѣ ординарныхъ живописцевъ я не нахожу васъ.

— Вчера только я удостоился счастія....

— Въ одинъ день со мною! Такъ видно насъ судьба свела.

— Всегда къ услугамъ вашимъ, господинъ секретарь, вставъ и кланяясь отвѣчалъ Депортъ.

— Съ чего же начнемъ, мосьé Депортъ?

— Вашъ проницательный разумъ конечно уже создалъ планъ реформы....

— Какой реформы?

— Новое лицо въ управленіи всегда приноситъ съ собою новые виды, новыя правила, новыя....

— Страхъ, боюсь новаго, мосьё Депортъ: и вотъ почему хотѣлъ съ вами посовѣтоваться.

Сказавъ это, де-Нойё вдругъ перемѣнилъ тонъ дружескій на холодный и важный, и спросилъ:

— Давно ли вы знакомы съ маркизомъ де-Сенъ-Марсъ?

— Съ вчерашняго дня, господинъ секретарь.

— Такъ недавно, а уже имѣли случай оказать ему важныя услуги!

Депортъ вскочилъ и задрожалъ всѣмъ тѣломъ.

Де-Нойё, будто бы разсматривая бумаги, продолжалъ:

— Конечно, услуги не тайныя.

Замѣшательство Депорта возрастало.

— Сенъ-Марсъ, любимецъ, могущественный любимецъ. Вы слышали? онъ пожалованъ вчера великимъ конюшимъ, а ему всего, кажется, двадцать два три года! И того нѣтъ. Какъ вы думаете?

— Я человѣкъ новый, господинъ секретарь; бѣдный, господинъ секретарь; у меня жена, дѣти, господинъ секретарь; я не вижу въ этомъ ни какого преступленія, что увѣдомилъ маркиза, когда король проснулся, и потомъ сбѣгалъ къ племянницѣ Дюбоа, сказать, что Сенъ-Марсъ вечеромъ къ ней не будетъ.... Только, сдѣлайте милость, господинъ секретарь, не выдайте меня Сенъ-Марсу: онъ меня погубитъ.

— Помилуйте! сказалъ де-Нойё, перемѣняя тонъ холоднаго равенства на покровительный: я васъ

даже хвалю за эту услужливость. Вы человѣкъ дальновидный и способный: не примѣчая ни кого важнѣе при особѣ его величества, вы умѣли оказать услугу Сенъ-Марсу. Видя, что сильнѣйшая рука предлагаетъ вамъ свое покровительство, вы колебаться не станете.—Не правда ли, прибавилъ де-Нойé.

Депортъ, дрожа, отвѣчалъ смѣхомъ.

— Иногда, вопреки пословицѣ, продолжалъ де-Нойé, можно согласить противоположности. Но объ этой любви я ничего не слыхалъ, и при дворѣ, кажется, ничего не знаютъ.... Это шалость молодаго человѣка; надо щадить возрастъ и, конечно, Мосьё Депортъ, вы будете скромны.

— Какъ прикажете, господинъ секретарь. Вы мой начальникъ.

— Мнѣ очень пріятно, отвѣчалъ де-Нойé, болѣе и болѣе принимая сухой видъ и замедляя слова. мнѣ очень пріятно, что вы понимаете свои обязанности. Я не люблю, когда у подчиненныхъ есть свои особенныя тайны.

— Повѣрьте....

— Не перебивайте меня: отвѣчайте на вопросы. Отчего же Сенъ-Марсъ не могъ быть у племянницы Дюбоа?

— Онъ куда-то ѣздилъ.

— Куда?

— Не знаю, потому-что я просидѣлъ всю ночь у Дюбоа и слушалъ его записки.

— Записки? Дюбоа пишетъ записки! Мнѣ это не нравится, кардиналу тоже.... Что же въ нихъ?

— Въ нихъ много дерзкаго.

— Достаньте съ нихъ копію.

— Постараюсь.

Де-Нойé писалъ уже письмо, а Депортъ безпрестанно оглядывался.

— Не худо бы знать, куда это онъ ѣздилъ? говорилъ де-Нойé, какъ-будто съ самимъ собою. Вамъ еще не назначено содержаніе, мосьё Депортъ, а вы человѣкъ семейный.... Надо жить.... Казначейство далеко: такъ я вамъ, покуда, что-нибудь дамъ изъ своего кармана. Кардиналъ, вѣроятно, не оставитъ васъ безъ помощи.... Я доложу объ васъ сегодня и его величеству. Все зависитъ отъ васъ самихъ.... А теперь поѣзжайте прямо къ кардиналу и отдайте это письмо въ руки его эминенціи. Вотъ вамъ на дорогу.

Кошелекъ и письмо очутились въ рукахъ Депорта.

— Не погубите! жалобно простоналъ Филиппъ: я всегда къ вашимъ услугамъ.

— Все зависитъ отъ васъ самихъ, сухо отвѣчалъ де-Нойé и рукою указалъ на двери.

— Постараюсь заслужить ваше благоволеніе, господинъ секретарь. Имѣйте состраданіе къ отцу семейства...

Де-Нойé кивнулъ головой и Депортъ, откланиваясь, протѣснился въ двери.

Нѣсколько минутъ простоялъ Депортъ на мощеномъ дворикѣ сѣнъ-жерменскаго дворца, отирая съ лица холодный потъ и втягивая свѣжій воздухъ. Онъ читалъ записки Дюбоа: онъ понялъ,

куда такъ ловко поставилъ его де-Нойе, но, по неопытности какъ себя вести въ большомъ свѣтѣ, можно сказать, на самой вершинѣ этой скользкой и крутой горы, не зналъ, куда попалъ онъ, на лѣстницу ли честей и почетной дѣятельности, или въ темный переходъ Венеціянскаго Совѣта. Одна выгода сіяла золотою звѣздою въ этомъ мракѣ сомнѣній и страха: а много ли на свѣтѣ людей овергнутъ путь, освѣщаемый звѣздою богатства?

«Впередъ» подумалъ Депортъ и поѣхалъ въ Парижъ. Не заѣзжая домой, онъ отправился къ кардиналу. Въ сѣняхъ остановилъ его полосатый швейцаръ съ вопросомъ: «Кто, и куда?»

— Къ его эминенціи.

— Къ самому?

— Совершенно такъ, мой герой; совершенно такъ.

— Погоди, поди сюда.

Швейцаръ отвелъ Депорта въ караульню и передалъ въ руки сержанту.

— Объискать его! закричалъ сержантъ, и Депорта осмотрѣли съ ногъ до головы, нашли письмо, и когда узнали, что оно отъ де-Нойе, стали извиняться.

— Но таковъ порядокъ, сказалъ сержантъ: мы и маркизовъ иногда водимъ въ нашу караульню; не ровенъ часъ. Эти павлины, по милости его эминенціи, нынче безъ хвостовъ: такъ пожалуй, со злости.... Герберъ! проводи господина къ Шавиньи.

— Шавиньи нѣтъ; уѣхалъ.

— Ну, такъ къ Бріенну.

— Какъ? въ общую залу? Да можетъ-быть не надо, чтобы этого господина видѣли въ залѣ.

— Правда. Умница Герберъ! Такъ къ Оксерру, на заднюю лѣстницу.

— Письмо отъ де-Нойе, сказалъ Оксерръ: вѣрно что-нибудь важное! Пожалуйте, я отнесу кардиналу-герцогу.

— Никакъ нѣтъ, отвѣчалъ Депортъ: приказано отдать въ руки его эминенціи.

— Ахъ, такъ пойдемте! За каждую минуту мы отвѣчаемъ всѣмъ нашимъ счастіемъ....

— Нельзя! сказалъ высокій Каталонецъ, стоявшій у дверей: кардиналъ не здоровъ.

— Онъ несетъ лекарство, довольно громко сказалъ Оксерръ.

— Пропусти! раздался глухой голосъ, и Депортъ, дрожа какъ листъ, едва смѣлъ итти по ковру, чтобы подать письмо кардиналу.

Ришліё лежалъ въ широкихъ креслахъ, наполненныхъ подушками; кривой пульпитръ на пружинахъ ходилъ около креселъ съ кучею бумагъ; отъ легкаго прикосновенія руки, пульпитръ забѣжалъ за спинку креселъ. Къ ужасу Депорта, въ рукахъ кардинала былъ довольно большой ножъ. Обои кусками висѣли надъ богатыми, но изрѣзанными и исцарапанными креслами; ноги были окутаны малиновымъ бархатнымъ одѣяломъ: на немъ крѣпкимъ сномъ спала цѣлая семья кошекъ; возлѣ сидѣла собака и, когда вошелъ Депортъ, она заворчала.

— Букингамъ! тихо сказалъ кардиналъ, и песъ улегся. Кардиналъ воткнулъ ножъ въ стѣну и взялъ письмо, бывшее въ дрожащихъ рукахъ Депорта.

Прочитавъ письмо, кардиналъ отъ смѣха закашлялся: отъ этого движенія кошки проснулись и начали потягиваться.

— Пошли прочь, лентяи, сказалъ кардиналъ, легонько шевеля носкомъ: нѣжатся....

Кардиналъ смѣялся и кашлялъ. Депортъ изрѣдка рѣшался взглядывать на этого, не человѣка, а тайнаго духа, закупореннаго въ подушкахъ, который однимъ движеніемъ руки, однимъ звукомъ, измѣнялъ ходъ дѣлъ во всей Европѣ. И одѣтъ онъ былъ не по-человѣчески: ногъ не было видно; суконная красная мантія, подшитая фіолетовой шелковой матеріей, была испещрена чернильными и желтыми пятнами; въ прорѣзи мантіи выходили руки, въ шерстяныхъ узкихъ рукавахъ, завязанныхъ бантами; на головѣ была красная скуфья; остроконечная сѣдая борода и короткіе усы торчали около плотно сжатыхъ губъ. Сухое и сморщенное лицо, какъ и мантія, было покрыто фіолетовыми пятнышками, которыя почитались признакомъ добраго здоровья; когда они исчезали, Ришліё страдалъ нестерпимой лихорадкой; другіе недуги не обращали вниманія на пятнышки и мучили свою жертву, какъ случалось, безпорядочно, но ужасно.... На этотъ разъ кардиналъ былъ здоровъ: его окружали признаки политической опасности, и тогда физическія страданія какъ-будто смѣнялись. Какъ на угольяхъ

стоялъ Депортъ передъ кардиналомъ. Долго разсматривалъ его Ришліё, потомъ опять засмѣялся, опять закашлялся, сбросилъ кошекъ такъ сильно, что онѣ проснулись въ разсыпную, и тѣшился злобною нечаянностью.

— Къ чему же вы способны, а? спросилъ кардиналъ поднимаясь, и довольно бодро сталъ ходить по комнатѣ.

Депортъ не смотрѣлъ на него, но слѣдовалъ за направленіемъ ногъ, обутыхъ въ красные чулки и въ остроконечныя шитыя шелками туфли.

— Посмотримъ, посмотримъ, говорилъ Ришліё, медленно двигаясь. Вы знаете герцога Вандомскаго? а?...

— Не имѣлъ счастія его видѣть, но, слышать, слышалъ, ваша эминенція....

— Больное счастіе, нечего сказать! А что же вы про него слышали?

— Будто-бы онъ не любитъ вашей эминенціи.

Помолчавъ, кардиналъ снова спросилъ:

— Вы знакомы съ ла-Валеттомъ?

— Нѣтъ, ваша эминенція.

— Ну, такъ оставайтесь при Сенъ-Марсѣ, сказалъ Ришліё съ примѣтнымъ неудовольствіемъ, и потомъ, понизивъ голосъ:

— Нѣтъ, не можетъ быть! де-Нойé не ошибется. — Мазарини получилъ изъ Италіи картины: вы слышали объ этомъ?

— Нѣтъ, ваша эминенція.

— Такъ слушайте. Онѣ переложены письмами. Мазарини ищетъ человѣка, на котораго скромность

онъ можетъ положиться и развернуть картины вдвоемъ.... Понимаете ли? Помогите ему. Содержаніе писемъ мнѣ не нужно, только одну, двѣ подписи.... Лишь бы слѣдъ.... Конечно, не изъ Италіи. Примѣчайте, нѣтъ ли тамъ именъ Бульіона, Вандома, Ла-Валетта, Маріи.... въ этомъ родѣ.... Или, что̀ еще важнѣе, какія слова.... италіянскія, французскія, или испанскія?... Слышите ли, испанскія?... Не знаю, изъ чего де-Нойé заключилъ, что вы способный человѣкъ; но я принимаю въ свою службу только молодыхъ дворянъ: они у меня безъ дѣла, или за бездѣльемъ; а, что̀ называется, дѣловые, способные люди, тѣ должны выдержать испытаніе, представить опыты.... Вы понимаете?... Прощайте.

— Тьфу, ты дьявольщина! сказалъ Депортъ, выходя изъ дворца кардинальскаго и оглянулся. Если я тутъ хоть одну букву понимаю! Чего они хотятъ отъ меня?... Надо догадаться, Депортъ, надо догадаться! иначе, прощай вся фортуна, которая, хотя и не сдѣлала меня консуломъ, однако жъ поставила въ такія отношенія съ первыми людьми государства, такъ близко къ ихъ кошелькамъ!... Надо догадаться! Пойдемъ къ Мазарини....

—

ГЛАВА VII.

ИТАЛІЯНЕЦЪ.

Il flatte, lors même qu'il tue.
LA HILLIADE, 1649.

Молодой аббатъ писалъ письмо и безпрестанно

смѣялся; вставалъ, подходилъ къ зеркалу, охорашивался, и опять садился за веселое письмо. Богатые мягкіе ковры покрывали стѣны и полъ его кабинета; въ углахъ четыре вазы тихо дымились дорогими благовоніями; у большаго зеркала стояла хрустальная ванна: вода въ ней безпрестанно смѣнялась. Аббатъ, окончивъ письмо, подошелъ къ ваннѣ, вымылъ руки и сталъ отирать ихъ фламандскимъ полотенцомъ. Докладываютъ: «Филиппъ Депортъ, ординарный живописецъ его величества!»

— Проси.

Входитъ.

Положивъ полотенце, Мазарини ласково обратился къ Депорту.

— Очень пріятно познакомиться. Прошу садиться.

— Нѣтъ, эминенца! плачевнымъ голосомъ заговорилъ Депортъ по-италіянски: я не сяду передъ вами, а стану на колѣни и буду умолять....

Депортъ въ самомъ дѣлѣ упалъ на колѣни.

— Что съ вами? что съ вами? съ безпокойствомъ спросилъ Мазарини, запирая двери на ключъ.

— Эминенца! вы получили картины: это извѣстно при дворѣ; и чѣмъ переложены картины, и объ этомъ поговариваютъ....

Мазарини нѣсколько смѣшался. Депортъ былъ внѣ себя отъ радости и едва скрывалъ восторгъ свой.

— Могу ли быть откровенентъ? продолжалъ онъ

съ возрастающимъ жаромъ: могу ли надѣяться, что голосъ отчизны найдетъ отголосокъ въ вашемъ сердце? Могу ли положиться....

— Слово, господинъ живописецъ!...

— Я не Французъ, а Италіянецъ; обстоятельства, самъ король, потребовали чтобы я сдѣлался Французомъ: такъ не любятъ насъ здѣсь! Не допускайте въ тайны ваши ни одного Галла. Вотъ, объ чемъ прошу васъ, и вотъ все, что я хотѣлъ сказать вамъ. Я въ вашихъ рукахъ: не погубите!

— Вашу руку, добрый соотечественникъ, вашу руку, сказалъ Мазарини, и насильно увлекъ Депорта къ кресламъ. — Какъ вы узнали объ этихъ картинахъ? спросилъ аббатъ съ коварной улыбкой.

— Сенъ-Марсъ говорилъ королю, смѣло отвѣчалъ Депортъ.

— Что же король?

— Король махнулъ рукой и отвѣчалъ: «Не мое дѣло».

— И конечно, сказалъ Мазарини, пожимая плечами. Удивительно, какъ клевета изобрѣтательна и быстра! Представьте: картины Джуліо Романо могли возбудить странныя и смѣшныя догадки; я не могъ ихъ показать ни кому, и это очень естественно: вы легко можете убѣдиться; потрудитесь взглянуть.

— Такъ онѣ уже развернуты? быстро спросилъ Депортъ.

— Какъ, развернуты?...

— То есть, вы уже вынули письма?

— Да ни какихъ писемъ не было! А поглядите, и вы сами догадаетесь, почему я долженъ ихъ прятать. Пожалуйте.

Мазарини поднялъ обои, и снова опустилъ ихъ.

— Постойте, дорогой соотечественникъ! Надо сдѣлать условіе.... Я сохраню вашу тайну.... но. ..

— Клянусь ватиканскимъ престоломъ, что всякую тайну вашу я буду считать священною, ненарушимою, и если....

— Довольно.... Намъ надобно беречь другъ друга.... Пойдемъ.

Коверъ отпахнулся, и Депортъ увидѣлъ небольшую ротонду, убранную четырьмя картинами и множествомъ зеркалъ. Свѣтъ падалъ сверху сквозь разноцвѣтныя стекла. Картины были такъ искусно разставлены, что въ зеркалахъ образовали непрерывныя группы фигуръ. Внизу, вдоль стѣнъ ротонды, лежали малиновыя бархатныя подушки въ три яруса, и такимъ образомъ замѣняли софы; нѣсколько этихъ огромныхъ подушекъ валялось по полу.

— Вы видите, сказалъ Мазарини: могъ ли я показать эти картины кому бы то ни было. И такъ уже злорѣчіе неутомимо преслѣдуетъ мою домашнюю жизнь. Конечно, все это роскошь, все суета; но я въ Парижѣ безъ дѣла, домой не пускаютъ. Чѣмъ замѣнить воздухъ моей Италіи? Чѣмъ успокоить тоску по отчизнѣ?... Вы понимаете это чувство?

И конечно, не смотря на вольные нравы того времени, картины Джулію Романо, исполненныя

нѣги были бы не у мѣста въ покояхъ аббата, который добивался кардинальской шапки, и еще при такомъ цѣломудренномъ и набожномъ королѣ. Депортъ предался художническому восторгу; утверждалъ, что одна изъ картинъ принадлежитъ Рафаэлю; бился съ аббатомъ объ закладъ, но Мазарини не смѣлъ спорить съ ординарнымъ живописцемъ, и не зналъ какъ благодарить за новое открытіе. За обоями кто-то весьма нѣжно кашлянулъ; послышались легкіе, мягкіе шаги.

— Пойдемъ, сказалъ аббатъ, схвативъ Депорта за руку и увлекая черезъ зеркальную дверь: пойдемъ черезъ библіотеку.

— Послушайте, дорогой Филиппо! сказалъ Мазарини съ выраженіемъ простодушнаго любопытства: мы здѣсь одни. Скажите, кто подослалъ васъ? королева или кардиналъ, мой благодѣтель?

Депортъ никакъ не ожидалъ этого вопроса. Онъ смѣшался и обнаружилъ мало опытности въ тонкой наукѣ. Геній падаетъ, но за то встаетъ величественно. Депортъ устремилъ свои сѣрые глаза на Мазарини; принялъ важный видъ и таинственно произнесъ:

— Вы хотите знать непремѣнно? Извольте! Святѣйшій отецъ Урбанъ Седьмой.

Аббатъ побѣднѣлъ въ свою очередь, и по невольному чувству схватилъ себя за голову, какъ будто опасаясь за свою кардинальскую шапку, о которой такъ много хлопоталъ Ришліё.

— Я вамъ отплачу, monsignor, за вашу недовѣрчивость, смѣясь сказалъ Депортъ и дерзко

взялъ за руку Мазарини. Перестаньте! Кто станетъ подсылать живописца, котораго судьба еще вчера только свела съ этими кедрами французскаго Ливана? Кто положится на расторопность и ловкость артиста, который, конечно, способенъ только хранить любовныя тайны?... Меня увлекъ патріотизмъ. Но вы уже заразились французскою недовѣрчивостью.

— Перестаньте, перестаньте, синьоръ. Мое положеніе поселило во мнѣ эту глупую мысль. Повѣрите ли?... Нѣтъ!... перестанемъ говорить объ этомъ.... Куда вы теперь? Не хотите ли со мной откушать?

— Въ другой разъ, въ другой разъ! отвѣчалъ Депортъ, такъ развязно, такъ по-дружески, какъ-будто вѣкъ былъ знакомъ съ Мазарини. Я располагалъ зайти въ Лувръ, посмотрѣть на картины; особенно хотѣлось мнѣ видѣть мадону Рафаэля, что въ комнатахъ королевы: и тогда прямо въ Сенъ-Жермень. Я думаю, король не можетъ понять, куда я дѣвался.

— Постойте, постойте! я вамъ доставлю прекрасный случай, сказалъ Мазарини, приписалъ нѣсколько словъ къ своему письму, свернулъ его въ трубочку, обвилъ зеленымъ снуркомъ, привѣсилъ печать изъ розоваго воску, вспрыснулъ какой-то влагой изъ хрустальной вазы, такъ, что по всей комнатѣ пошелъ запахъ жасмина, и, подавая Депорту, сказалъ:

— Спросите дѣвицу Филандръ и отдайте ей это письмо.

— Что же будетъ?

— Вы увидите мадону.

— Благодарю, эминенца.

— Очень радъ вашему знакомству, и полагаю, что оно превратится въ искреннюю, прочную дружбу.

— Я почту себя счастливѣйшимъ человѣкомъ.... говорилъ Депортъ, низко кланяясь, и, не кончивъ рѣчи, скрылся.

— Старый котъ! прошепталъ Мазарини, со злобой кусая губы; посмотримъ, въ чьихъ лапахъ останется эта крыса?

Маленькій аббатъ былъ сильно встревоженъ. Нѣсколько разъ, то садился онъ за письменный столъ, то выходилъ на обширный балконъ, убранный произведеніями родной флоры, то, вынувъ пукъ писемъ, съ любовію пересматривалъ разноцвѣтные листы фламандской бумаги, исписанные различными почерками; наконецъ заперъ двери на замокъ, усѣлся и началъ шифрами дѣлать выписки изъ дорогихъ писемъ.

— Надо съ вами проститься! грустно повторялъ аббатъ: но старому коту не достанетесь!

—

ГЛАВА VIII.

ИСПАНЕЦЪ.

Son âme prend toute figure,
Hormis celle d'une âme pure.

LA MILLIADE.

Лувръ Лекó, мрачное, но величественное зданіе, на берегу Сены, красиво отдѣлялся отъ стараго

Лувра, похожаго на разрушенные остатки рыцарскаго зáмка временъ Карла Великаго, а еще болѣе на дряхлый арсеналъ. На набережной тѣснились прохожіе съ любопытствомъ. Королева такъ недавно, по-неволѣ или, лучше сказать, по волѣ кардинала, переѣхала сюда изъ Долины Благодати: парижане хотя особенно не любили гордой Испанки, сожалѣли однако жъ о увѣнчанной страдалицѣ. Кареты придворныхъ увеличивали тѣсноту. Подъѣхала карета, и народъ почти облѣпилъ ее. «Герцогъ, кричала толпа, выручи королеву изъ конечьихъ лапъ!» — «Герцогъ, обруби уши красному боро-ву!» — «Герцогъ, не зѣвай самъ! Тебя давно ищутъ!»

Герцогъ Буліонскій спокойно вышелъ изъ кареты и отправился во дворецъ, а толпа обратилась къ купцу, который произнесъ послѣднюю просьбу или совѣтъ, и, окруживъ, стала разспрашивать.

— Мало ли что я знаю!... Да бѣденъ сталъ.. Безъ денегъ слова не скажу. Видѣли ль, на прошедшей недѣлѣ, какъ на Островѣ Святаго Людовика старый доминко горѣлъ? Ну! такъ огонь и злые люди все унесли.... Бѣденъ сталъ.... Ступайте, ступайте, ничего не скажу!...

Незнакомецъ нагнулся на деревянныя перилы и смотрѣлъ на мутныя волны Сены. Депортъ стоялъ въ толпѣ, и все слышалъ, все видѣлъ. Онъ подошелъ къ Гойкѣ и, ударивъ его по плечу, спросилъ тихо:

— Не хочешь ли мнѣ служить?

— А ты что за птица? въ свою очередь спро-

силъ Гойко, такъ иногда звали незнакомца, потому что настоящаго имени этотъ человѣкъ, казалось, не имѣлъ отъ-роду.

По черному суконному платью легко было почесть Гойку первостатейнымъ парижскимъ купцомъ; по физіономіи, прекрасной, но обличавшей происхожденіе, и по нѣкоторымъ ухваткамъ, нельзя было сомнѣваться, что онъ жидъ. Печать разсѣянныхъ дѣтей Израиля глубоко была врѣзана во всѣ черты Гойки; но, не смотря на это, всѣ торговки на Новомъ Мосту и Гревской Площади прозвали Гойку красавцемъ, имя, которое никому больше не принадлежало на всѣхъ рынкахъ и площадяхъ Парижа. Возлѣ Гойки, на двухъ колесахъ, стояла небольшая походная лавочка съ бездѣлушками. На странный вопросъ Гойки Депортъ отвѣчалъ торопливо:

— И самъ еще не знаю, соколъ или чайка, но крылья растутъ; видно, въ соколы попаду.

— Ну такъ тогда спроси на Островѣ Святаго Людовика, гдѣ живетъ Филиппъ изъ Ліона.

— Что за вздоръ! сказалъ съ досадой Депортъ: это мое прозвище.

— Да такія прозвища сотнями.

Филиппъ Депортъ изъ Ліона бросился во дворецъ.

— Вотъ онъ куда! подумалъ Гойко, опустилъ ручные оглобли съ подпоркой, и, сѣвъ на нихъ, сказалъ почти громко: — Обождемъ, обождемъ!

Герцогъ Буліонскій вошелъ въ уборную коро-

левы безъ докладу, и всѣ присутствовавшіе испугались.

— Простите, Madame, сказалъ онъ сурово: послѣ того, что съ нами дѣлаетъ этотъ котъ, право, забудешь всѣ приличія.

— Что случилось, mon cousin? спросила королева, поблѣднѣвъ.

Она была совершенно одѣта; оставалось только надѣть черную, съ длиннымъ шлейфомъ и расшитую золотомъ, мантію, которую уже держала мадамъ де-Сенесé, первая почетная дама, (dame d'honneur). Коротененькая и узкая талія королевы и длинный кружевной воротникъ, черное атласное, внизу расшитое золотомъ платье, нарядные, пышно раскинутые на вискахъ локоны, все это увеличивало только ея блѣдность при появленіи де-Бульіона.

— Вы знаете, mon cousin, прибавила она нетвердымъ голосомъ, что я принуждена была согласиться на всѣ требованія моего государя и супруга, и дала слово....

— Не мѣшаться въ иностранныя политическія дѣла, перебилъ герцогъ, къ общему неудовольствію: я читалъ ваше письмо, Madame, и жалѣлъ только о томъ, что вы не пощадили вашихъ слугъ.... Мнѣ остается, можетъ-быть, часъ или два свободы, и потому я долженъ спѣшить. Герцогъ Вандомскій осужденъ. Всѣ собрались въ Сенъ-Жермень, чтобы присудить казнь сыну Генриха IV! Герцогиня и дѣти, внуки великаго короля, уже изгнаны навсегда изъ предѣловъ Франціи; герцогъ

скромно, согласно съ лѣтами, тихо спускалась по лѣсенкѣ, остановилась на серединѣ, и съ важностью сказала, «Пожалуйте.»

— Куда? спросилъ Депортъ.

— Къ ея величеству.

Депортъ смѣло и безъ страху отправился наверхъ. Послѣ свиданій, которыя ему въ короткое время удалось выдержать, онъ не боялся никого на этомъ свѣтѣ, и вошелъ въ уборную такъ спокойно, свободно, какъ, можетъ быть, не удавалось войти ни одному придворному. Съ появленіемъ Депорта хохотъ возобновился. Дѣвицы, зажавъ коралловыя губки платкомъ, отворотились и глядѣли въ окно. Нѣсколько человѣкъ мужчинъ стояли въ разныхъ мѣстахъ уборной и хохотали съ полнымъ усердіемъ; многіе притворно. Королева держала въ рукѣ письмо Мазарини, въ другой большое опахало, и предавалась смѣху съ дѣтскимъ простодушіемъ. Успокоившись нѣсколько, королева сказала Депорту:

— Ваше желаніе можетъ быть исполнено. Мой Рафаэль въ большой гостиной: потрудитесь отворить только вотъ эти двери.

Депортъ отдалъ почтительный поклонъ королевѣ, молча, на цыпочкахъ, отправился въ гостиную, съ умысломъ не плотно заперъ дверь, и приникъ къ ней любопытнымъ ухомъ.

— Вотъ удивительный любимецъ! сказалъ мужской голосъ.

— И вѣрно его готовятъ на мѣсто Сенъ-Марса.

Опять раздался хохотъ, но скоро затихъ: его смѣнили легкій шепотъ и легкій смѣхъ; нельзя было разобрать словъ и Депортъ приставилъ глаза къ замочной щели. Видитъ: какая-то дама на цыпочкахъ проходитъ уборную, кланяется королевѣ и отправляется къ гостиной.... Опять всѣ захохотали. Депортъ отскочилъ: онъ догадался, что дама передразнивала его, что смѣхъ приходится на его счетъ. Депортъ не обидѣлся; нѣтъ, онъ улыбнулся, посмотрѣлъ вскользь на Рафаэля, Мурилльо, Веласкеса и другія картины испанской школы, и хотѣлъ уже выйти, какъ вдругъ какая-то дама прошла въ уборную, и вслѣдъ затѣмъ послышался громкій голосъ королевы: «Полно! довольно!...» Раздались шарканья, и мужчины одинъ за другимъ проходили черезъ гостиную, всѣ на цыпочкахъ, не хуже Депорта, всѣ поспѣшно и молча. Филиппъ сталъ спиною къ проходящимъ и, сложивъ руки самымъ поэтическимъ образомъ, то есть, крестомъ на груди, смотрѣлъ на Мурилльо съ видомъ глубочайшей задумчивости. Вошла королева и двѣ дамы. Филиппъ будто ихъ не видитъ. Королева остановилась и, съ удовольствіемъ, громко замѣтила, что Мурилльо знатокамъ нравится больше чѣмъ Рафаэль. Депортъ, услышавъ голосъ королевы, тотчасъ повернулся и сложился въ почтительную фигуру.

— Нравится вамъ мой Мурилльо?

— Чудо! Верхъ искусства! Никогда этимъ Италіянцамъ, никогда Французамъ не достигнуть до такихъ великихъ образцевъ!

— Разве вы не Французъ?

Депортъ долго молчалъ; поглядѣлъ на двухъ дамъ, сопровождавшихъ королеву, потомъ вздохнулъ, опять бросилъ сомнительный взглядъ на дамъ и тихимъ голосомъ, какъ-будто стараясь скрыть вздохъ, отвѣчалъ:

— Нѣтъ! Я Французъ. Французъ, ваше величество.

Королева много испытала горя за приверженность къ соотечественникамъ, лишилась всѣхъ испанскихъ дамъ своихъ, всего, всего, даже книгъ; и только украдкой наслаждалась бесѣдой на родномъ языкѣ съ Богомъ, со святыми: а съ людьми рѣдко, тайно, съ величайшимъ опасеніемъ. Восторгъ Депорта отъ испанской школы, его восклицаніе, его медленный отвѣтъ, грусть.... Королева не сомнѣвалась, что передъ нею Испанецъ и, обратясь къ мадамъ де-Сенесе, тихо сказала. «Принесите, милая, миніатюрную копію съ Веласкеса, что у меня въ кабинетѣ; только сами не безпокойтесь снимать: позовите кого-нибудь изъ слугъ....» Мадамъ де-Сенесе ушла, королева схватила за руку дѣвушку и, подходя съ нею поспѣшно къ Депорту, сказала по-испански:

— Моя Марія меня не выдастъ.... Вы Испанецъ?...

— Ваше величество! умилосердитесь! вы можете погубить меня! жалобно отвѣчалъ Депортъ.

Королева и Марія Неверская сѣли на софъ.

— Не бойтесь! Довольно жертвъ! Но какимъ

образомъ? Скажите? Откуда вы, изъ Мадрита, или другаго города?

— Отецъ мой, отвѣчалъ Депортъ, не долго думая, убитъ на войнѣ съ Французами; мы съ матерью жили въ Неаполѣ; я учился живописи у Эспаньолета; но когда убили отца, я пошелъ въ ряды Гонзалеса, чтобы отмстить за смерть моего родителя. Подъ Казаломъ я попался въ плѣнъ, и когда насъ вели въ Парижъ, меня и другаго Испанца, мы бѣжали, перемѣнили имена и объ томъ только и думаемъ, какъ возвратиться въ Неаполь.

— Поживите съ нами. Вамъ теперь улыбнулось счастіе.

— Охъ! Тяжело, ваше величество, служить врагамъ отчизны. Конечно, милость короля велика: я ея не достоенъ! Но быть постоянно при его особѣ, слышать какъ неистовствуютъ противъ его католическаго величества, не смѣть сказать слóва.... о, это ужасно!

— Представьте же, каково мое положеніе! Сколько лѣтъ Франція ведетъ войну противъ отчизны своей королевы!... Тсъ! Идутъ! — Благодарю васъ, милая, сказала королева по-французски, взявъ миніатюру изъ рукъ мадамъ де-Сенесé, и потомъ, обращаясь къ Депорту, продолжала на томъ же языкѣ: — Посмотрите, какъ вы находите копію? — Мнѣ совѣстно, милая, васъ безпокоить, но я забыла свой мѣшокъ.... Пришлите мнѣ его съ Фанни, а сами потрудитесь сказать, чтобы принесли сюда мою арфу.

Мадамъ де-Сенесé опять ушла, и королева опять заговорила по-испански:

— Марія, Марія, гдѣ твое письмо? Вотъ само небо посылаетъ человѣка, на котораго можно положиться.... Испанецъ не измѣнитъ!

— Государыня!

— Пустяки, пустяки, я ручаюсь.

И выдернула изъ-за платья записку, которую хранила Марія на дѣвственной груди.

— Отдайте Сенъ-Марсу.... Не бойтесь его: Сенъ-Марсъ не врагъ Испаніи.... Сдѣлайте мнѣ какую-нибудь картинку; отдайте мадмоазель Филандръ: это подастъ мнѣ поводъ позвать васъ и вы будете имѣть свободный пропускъ въ мою гостиную.... Только, ради самаго неба, скрывайте ваше происхожденіе!

— Я о томъ только хотѣлъ умолять ваше величество.

— Дорого немного, отвѣчала королева по-французски: но королева французская должна покровительствовать французскимъ художникамъ.

И взявъ свой мѣшокъ изъ рукъ Фанни, подала свитокъ изумленному Депорту.

— Исправьте эту миніатюру какъ можно тщательнѣе и не забудьте обѣщанной картины. — Фанни, проводите живописца къ мадмоазель Филандръ.

Депортъ только кланялся. Королева кивнула головой; Марія Неверская также, и Депортъ отправился за Фанни, дорогой укладывая поклажу въ широкіе карманы стараго камзола. Дѣвица

Филандръ опять положила книгу, когда Депортъ спустился по лѣстницѣ.

— Насмотрѣлись! спросила она насмѣшливо.

— И до смерти не забуду, лукаво отвѣчалъ Депортъ. Не могу высказать моей благодарности....

— Слова вздохи Эола, пишетъ Скюдери: докажите.

— Приказывайте.

— Отдайте эту записочку «отъ меня» вашему другу, Мазарини.

— Ну, сказалъ Депортъ, выходя изъ Лувра: сюда надобно будетъ ходить съ чемоданомъ: столько поклажи и порученій!... Чортъ знаетъ куда итти: домой, къ Мазарини, къ Ришліе, или къ самому королю?...

—

ГЛАВА IX.

ЗОЛОТОЙ ПЕНЕЛЬ.

A désirer un cheval d'or;
on en avoit toujour la bride.
РЫЦАРСКАЯ ПОСЛОВИЦА.

Неопытный Депортъ думалъ вслухъ. Изумленный Гойко покатилъ за нимъ свою лавочку.

— Пропусти, господинъ! сказалъ Гойко, накатывая Депорту на ноги дву-колесную тележку.

— А! это ты, Гойко.

— Какой я Гойко, честной господинъ! Я вамъ ужъ докладывалъ, что меня зовутъ Филиппомъ изъ Ліона.

— Да перестань, говорятъ тебѣ, вздоръ мелешь. Я Филиппъ изъ Ліона.

— И я Филиппъ изъ Ліона; тутъ бѣды нѣтъ; а вотъ что худо, что у васъ епанчу чѣмъ-то продыравило.

— Твоя правда. Не ходить же по дворцамъ въ лохмотьяхъ. Гдѣ-бы купить готовое порядочное платье?

— Вотъ то-то и есть! Служить зовете, а за ваши деньги и чулковъ, я думаю не заштопаешь. Подите-ка въ городъ, толкнитесь въ лавки: все готовое найдете; да хватитъ ли у васъ тридцать, сорокъ ливровъ? А я васъ бы за пятнадцать человѣкомъ сдѣлалъ.

— Безъ шутокъ?

— Что за шутки! Тутъ, вчера или третьягодня, навѣрно не знаю, роялисты сражались съ кардиналистами. Черные-то писцы, или чортъ ихъ знаетъ, не въ свое дѣло замѣшались; трехъ и прикололи, а наши-то съ острова и понабѣжали, покойниковъ раздѣли, да и домой.... И стрѣлкамъ нечѣмъ было поживиться. Хотите? А? Пятнадцать ливровъ, право не дорого! Да мнѣ-то за труды ливра три надо бы прикинуть.

— Возьми за все шестнадцать.

— Какъ можно! что за торгъ!... да ужъ пожалуй, со вздохомъ сказалъ Гойко: для почину! Авось вы на-руку счастливы; а то право, сегодня ни одной нитки не продалъ.... За мной, честной господинъ.

И новые знакомцы повернули на Островъ Святаго Людовика по новому Каменному Мосту, недавно открытому.

—

Аббатъ Мазарини оканчивалъ выписки изъ завѣтныхъ писемъ. Чѣмъ болѣе работа приближалась къ окончанію, тѣмъ веселѣе становился аббатъ; кончилъ: всѣ выписки умѣстились на двухъ тончайшихъ листкахъ; аббатъ сдѣлалъ изъ нихъ два плотные свертка, скаталъ ихъ на мраморномъ столѣ; пожалъ пружину своего каноническаго креста: крестъ раскрылся; тамъ уже много было подобныхъ свертковъ; новые улеглись очень удобно, и крестъ захлопнулся. Мазарини собралъ оригинальныя письма и бросилъ ихъ въ курильницу: дымъ заклубился. Мазарини растворилъ всѣ окна и дверь на балконъ, и усѣлся подъ тѣнію двухъ цвѣтущихъ померанцевъ. — «Теперь хоть обыскивай! прошепталъ онъ: хоть всѣ половицы моего помоста перекинь.... не найдешь ничего, кромѣ чистой бумаги.» Вдругъ кто-то постучался въ двери. «Кто тамъ?» спросилъ аббатъ, входя въ комнату, изъ которой дымъ еще не успѣлъ освободиться.

— Мосьё Депортъ, отвѣчалъ Луи, главный слуга Мазарини: возвратился изъ Лувра и хочетъ непремѣнно васъ видѣть.

— Попроси, чтобы обождалъ, я только-что вошелъ въ ванну и потому заперъ двери.... пять минутъ, и я къ его услугамъ. Пусть не поску-

чаетъ; проси его въ залу: мы будемъ разговаривать черезъ двери.

Съ первымъ словомъ аббатъ началъ раздѣваться, съ послѣднимъ уже сидѣлъ въ ваннѣ.

За дверьми раздался кашель.

— Здравствуйте, caro pittore! закричалъ аббатъ.

— Къ вашимъ услугамъ, эминенца, къ вашимъ услугамъ! отвѣчалъ Депортъ изъ залы.

— Да что вы такъ скоро пожаловали меня въ кардиналы?

— Пора!

— Да, не худо бы! прошепталъ Мазарини: хотя кардинальская шапка не спасла Лавалета отъ судейскаго приговора.—А что, видѣли Рафаэля?... сказалъ онъ громко.

— Покорнѣйше благодарю! Какъ-нельзя лучше.

— Что не говорила съ вами королева?

— Такъ, слова два, три, мимоходомъ.

— Я воображаю, подумалъ Мазарини, какъ королева смѣялась, когда прочла портретъ новаго любимца.—Что кардиналъ, здоровъ? опять громко спросилъ Мазарини.

— Не имѣлъ счастія видѣть!

«Вретъ! про себя говорилъ аббатъ: думаю вмѣстѣ читали мое письмо; кардиналъ, вѣрно, также смѣялся, а за тебя, дружокъ, не ручаюсь,»— Ну, вотъ я и готовъ, сказалъ аббатъ, выскочивъ изъ ванны и надѣвая пуховый пудермантель и такіе же сапоги. Милости просимъ, милости просимъ!

Депортъ вошелъ. Мазарини обтиралъ голову, изрѣдка поглядывая на Депорта, одѣтаго съ приличіемъ и опрятностью. Отъ щеголя-аббата это обстоятельство не могло укрыться.

— Письмо отъ мадмоазель Филандръ, тихо сказалъ Депортъ.

— Положите, пожалуйте, на столъ.

Депортъ, лишь только вошелъ, почувствовалъ запахъ сожженной бумаги, и при всякомъ удобномъ случаѣ смотрѣлъ во всѣ углы, догадываясь, откуда бы могъ происходить этотъ запахъ. Два, три лоскута не попали въ вазу и торчали изъподъ крышки курильницы.

— Я имѣю просьбу къ вашей эминенціи, сказалъ Депортъ униженно.

— Приказывайте, любезный другъ.

— Я видѣлъ у васъ въ библіотекѣ три или четыре гравюры Марко-Антоніо; я имѣю въ нихъ крайнюю нужду дня на два, на три.

— Позвольте!.... да у меня полное собраніе, и, кажется не въ двухъ ли экземплярахъ я вамъ тотчасъ принесу.

Аббатъ схватилъ письмо мадмоазель Филандръ, надѣлъ на голую шею каноническій свой крестъ, и ушелъ въ библіотеку.

Тихо поднялась крышка курильницы: лоскутки очутились въ рукахъ Депорта; даже пепломъ онъ подѣлился съ Мазарини, и когда аббатъ вынесъ цѣлую папку гравюръ, Депортъ въ другомъ углу разсматривалъ небольшое золотое блюдо работы Челлини.

— Я весьма радъ, сказалъ аббатъ, что могу подѣлиться съ вами такою драгоцѣнностью.

«Мы ужъ подѣлились!» подумалъ Депортъ.

— Два экземпляра, продолжалъ Мазаринн: и одинъ вы не откажете принять отъ меня въ знакъ благодарности за то участіе, которое вы сегодня во мнѣ приняли.

— Помилуйте!.... Мнѣ такъ совѣстно.... Но мой долгъ повиноваться.... Кстати, я теперь спѣшу къ женѣ, и могу взять папку съ собою,

—

— Домой! Какъ бы не такъ! говорилъ Депортъ самъ съ собою на улицѣ: а золотой-то пепелъ.... Нѣтъ, Мазарини, я долженъ продать тебя, иначе кардиналъ будетъ считать меня неспособнымъ. А безъ этой мысли я погибъ: кто захочетъ поддерживать человѣка, въ которомъ обманулся? ... Но уже поздно; смеркается....

Депортъ прибавилъ ходу; но по неровной мостовой за нимъ раздавались еще чьи-то шаги. Депортъ огляпулся: то былъ Гойко.

— Что это вы съ такой ношей, мосьё Депортъ?

Тьфу, ты, чортъ, какъ онъ знаетъ мою фамилію? подумалъ Депортъ, и невольно остановился.

— Какъ это вы безъ ножа такъ поздно ходите? Положимъ, шпаги вамъ нельзя носить; а ножъ, вотъ напримѣръ, такой, право не мѣшало бы....

И Гойко выпустилъ изъ рукава длинный прямой ножъ, который и дѣйствительно весьма удоб-

но могъ замѣнять шпагу. Депоръ сначала испугался и поглядѣлъ сомнительно на страшнаго товарища, но потомъ, ободрясь, сказалъ ласково:

— Продай, Гойко.

— Опять Гойко! Право, я разсержусь, честной господинъ. А за ножъ пожалуйте пару пистолей.

— Что́ ты, съ ума сошелъ!

— Съ ножнами, съ ножнами, честной господинъ.

— Ну, пожалуй! Что́ жъ идешь ко мнѣ въ службу?

— Объ этомъ поговоримъ завтра, а теперь я обожду васъ въ кардинальскомъ саду и подержу вашу папку и ножъ; съ оружіемъ васъ не пропустятъ.

Депортъ вздрогнулъ, и повиновался.

—

— Впустите! раздался знакомый голосъ Ришліе.

Депортъ подошелъ къ кресламъ кардинала, и съ торжествующимъ видомъ положилъ на пульпитръ лоскутки писемъ и бумажку съ золотымъ пепломъ.

— Они сгорѣли! спросилъ Ришліе съ видомъ удивленія.

— Какъ видите, ваша эминенція. Поздно я имѣлъ счастіе получить ваше приказаніе.

— Нѣтъ, Нѣтъ! не поздно! отвѣчалъ Ришліе, пересматривая лоскутки, съ видимымъ удовольствіемъ: опоздалъ не я. Приговоръ уже произне-

сенъ.... сегодня будетъ исполненъ.... Вотъ этихъ трехъ словъ для меня довольно.... Но, какъ ты добылъ эти золотыя три слова?

— Я пришелъ къ Мазарини просить покровительства и предложить мои услуги. Онъ обѣщалъ представить меня королевѣ....

— Я запрещаю, прервалъ Ришліе, нахмурясь: онъ можетъ погубить тебя, запутать, и я лишусь способнаго человѣка. Сгніешь въ бастильскихъ подвалахъ, гдѣ одинъ твой софамилецъ Лапортъ уже кается за привязанность къ королевѣ.... Ну, что дальше?

— Я почувствовалъ запахъ дыма и попросилъ у аббата позволить мнѣ на два, на три дня гравюръ Марко-Антоніо: я былъ увѣренъ, что эти гравюры у него есть. Аббатъ былъ такъ добръ, вышелъ за гравюрами въ библіотеку, а я въ курильницу, откуда....

Кардиналъ засмѣялся; на одномъ изъ лоскутковъ, принесенныхъ Депортомъ, написалъ карандашемъ нѣсколько словъ, и, подавая новому агенту, сказалъ:

— На; видишь, я не скупъ, какъ говоритъ Сенъ-Марсъ. Отдай Монторону, и поѣзжай въ Сенъ-Жермень.... Служи Сенъ-Марсу.... Постарайся.... Да тебя, кажется, не надо учить.... Ступай!

— Эвоэ, Эвоэ! сказалъ Ришліе, когда Депортъ ушелъ.

Изъ-подъ занавѣски, закрывавшей окно, вы-

ползла тощая, длинная фигура, со всѣми признаками еврейскаго происхожденія.

— Узнай этого человѣка во всѣхъ подробностяхъ: онъ замѣчателенъ.

Сказавъ это, кардиналъ указалъ на двери, и утонулъ въ креслахъ.

Эвоэ выбѣжалъ на крыльцо, но не нашелъ въ саду Депорта. Тамъ Гойко толковалъ съ тремя неизвѣстными людьми, которые, заслыша, что кто-идетъ, разсыпались и пропали въ подвальномъ этажѣ дворца.

— Гойко!

— Эвоэ?.... Ну, что?

— Кардиналъ не хочетъ мѣшаться въ дѣла парламента и ратуши.

— Что же мнѣ дѣлать? Неужели мнѣ пойти на грабежъ.

— Гойко! Гойко! раздался тихій зовъ въ аллеѣ.

— Ахъ, это мосьё Депортъ!

— Депортъ? сказалъ Эвоэ, схвативъ Гойку за руку: десять пистолей, только принеси объ немъ вѣрныя свѣдѣнія....

И Эвоэ въ свою очередь исчезъ въ темной аллеѣ.

— Врешь! заплатишь дороже, проворчалъ Гойко, спѣша на встрѣчу Депорту.

—

ГЛАВА X.

ЦИРКУЛЯРЪ.

Que vous nous causez de tourment,
Fâcheux parlement!
Mais nos seigneurs du parlement
Donneront bientôt jugement
Contre ces traitres insolens.

Депортъ вошелъ неожиданно въ гостиную новой своей квартиры въ Райскомъ Переулкѣ. Джудита и дѣти вскрикнули. Депортъ съ гордою осанкою остановился по-серединѣ: какъ-будто хотѣлъ, чтобы его осмотрѣли съ ногъ до головы.

— Господи! я не узнала васъ! Откуда? Такъ скоро! Неужели ваша лѣстница уже готова и вамъ за нее подарили такое хорошое платье?

— Вы хотите погубить меня, Джудита!... Опять по-италіянски!...

— Да неужели мы и на-единѣ не можемъ говорить на родномъ языкѣ?

— Не можемъ. — Сдѣлай милость, Джудита, продолжалъ Депортъ, совершенно измѣняя тонъ обращенія съ Джудитою: прикажи подать чего-нибудь закусить. Я сегодня изъ Сенъ-Жермена, и ровно ничего не ѣлъ съ самаго утра. А между-тѣмъ я осмотрю нашу квартиру.

Депортъ взялъ со стола единственную свѣчу и, въ сопровожденіи жены и дѣтей, обошелъ всѣ комнаты.

— Не дурно! жить можно! сказалъ онъ холодно, возвращаясь въ гостиную. Дурная мебель,

дурной полъ: ну, да все это пока, на-время, бивуаки.

Джудита, глядѣла на него съ изумленіемъ. Депортъ замѣтилъ это, и садясь въ старыя, полуразрушенныя кресла, сказалъ медленно и важно:

— Наши странныя отношенія, Джудита не допускаютъ искренности: но я не злопамятенъ. Разскажу тебѣ все, только на одномъ условіи: не требуй объясненій. Слово, одинъ нескромный вопросъ, и я буду нѣмъ какъ рыба.

— Я и не любопытствую, хоть предисловіе очень занимательно.

— Скажу, скажу. Мнѣ даже хочется все сказать. Ну, такъ, во-первыхъ, извѣстно и вѣдомо да будетъ, что Филиппъ Депортъ — ординарный живописецъ его королевскаго величества.

— Какъ! вы — ординарный живописецъ? королевскій живописецъ?

— Конечно, вамъ, и это не нравится? продолжалъ Депортъ насмѣшливо; но король лучше умѣетъ цѣнить людей, нежели его завистливые подданные. Во-вторыхъ, Филиппъ Депортъ имѣетъ деньги!

Ораторъ ударилъ рукой по кошельку, торчавшему за поясомъ.

— Въ-третьихъ, Фанни Депортъ наймете завтра слугу, служанку и кухарку; уберетъ комнаты хорошими цвѣтами, купитъ все нужное для хозяйства, и вообще весь домъ приведется въ такой видъ, какъ у ліонскаго купца Трумона. Но непремѣнно завтра. Въ-четвертыхъ, въ кабинетъ мосьё Депорта подъ смертною казнію запрещается вхо-

дить кому бы то ни было, по причинѣ государственной важности рисунковъ, которые тамъ находиться имѣютъ.

Ораторъ положилъ руку на огромную папку съ гравюрами, украшенную тисненными золотыми гербами.

— И наконецъ, въ пятыхъ, поелику, судя по мебели, комната, въ коей мы находимся, есть столовая, ergo.... пожалуйте обѣдать.

— Ужинать ?

— И! нѣтъ, нѣтъ! обѣдъ всегда прежде, а ужинать я буду въ Сенъ-Жерменѣ....

— Какъ!.... еще сегодня?

— Я сейчасъ онѣмѣю! отвѣчалъ Депортъ, и Джудита пошла въ кухню и возвратилась съ жаренымъ гусемъ.

— Лошадей привели, спрашиваютъ мосьё Депорта: для васъ, что́ ли? спросилъ хозяинъ дома входя въ столовую.

— А! это вѣрно Гойко, мой факторъ.

— Какой я Гойко, Бога вы не боитесь, честной господинъ!

— Ну, что́ жъ, ты ѣдешь со мной, или съискалъ надежнаго слугу?

— Гдѣ теперь надежные слуги? Да и по-ночи кого найдешь, когда въ городѣ такая тревога! Страхъ беретъ, чтобы не убили.

— А что́ такое?

— Ой, честной господинъ! отвѣчалъ Гойко: по всѣмъ улицамъ цѣпи, стрѣлковъ ставятъ; а рату-

шевые по домамъ ходятъ и объискиваютъ. Кого-то ловятъ.

— Что́ ты врешь, жиденокъ!

— Какой я жидъ! Я такой же христіанинъ какъ и вы. Гдѣ теперь жиды? И за деньги не увидишь! А ратушевые ходятъ: я кругомъ объѣхалъ; только до вашего дому успѣлъ доскакать, какъ за мною цѣпи стали протягивать

— Да какъ же я ничего не видалъ?

— Зачѣмъ не смотрѣли! А я теперь самъ не знаю, какъ домой попаду.

— Домой? А кто́ же со мной поѣдетъ въ Сенъ-Жерменъ?

— Я.... нѣтъ! Тамъ эти господа, придворные лакеи: дѣла у нихъ нѣтъ; только зубы на нашу братью скалятъ.

Между-тѣмъ Депортъ оканчивалъ гуся и запивалъ кислымъ виномъ; морщился, но совѣстился при чужихъ людяхъ пополнить инструкцію данную Джудитѣ.

— Послушай, Гойко, поѣдешь со мной? а не то не дамъ ни гроша.

— Какъ бы не такъ! я ѣхать съ вами не торговался; и теперь ночь; гуляки въ шинкахъ; шалятъ. Нѣтъ, я не поѣду.

— Такъ и я не поѣду.

— Ну, а все-таки за лошадей заплатите.

— Гойко, видно тебя мало били!

— А за что́!

— Пошелъ вонъ!

— Я закричу; прійдутъ ратушевые.

Въ это мгновеніе въ окна низкаго дома, въ которомъ жилъ Депортъ, брызнулъ свѣтъ отъ факеловъ.

— Это что? спросилъ испуганный Депортъ.

— Что! Не правду ли я говорилъ? Ратушевые, можетъ-быть, и за вами.

— Какъ, за мной?

— А куда же вы это хотѣли ѣхать ночью! Вы не придворный: зачѣмъ же вамъ въ Сенъ-Жермень?.... О, у насъ ратушевые все знаютъ!

— Чортъ тебя побери съ твоими ратушевыми! Это ты, Іуда, накликалъ судейскую челядь?

Вдругъ за дверьми раздался голосъ:

— Именемъ короля, отворите!

Вошелъ старшина парижской ратуши, съ двумя полицейскими чиновниками и двумя десятскими изъ городскихъ стрѣлковъ, и громогласно произнесъ:

— Циркулярно. По приговору Совѣта его королевскаго величества, нижеписанные люди осуждены на вѣчное изгнаніе изъ предѣловъ Франціи, за участіе въ замыслѣ герцога Вандомскаго противъ его эминенціи кардинала и герцога Ришліё; и всякое имущество ихъ подвергается запрещенію и обращается въ государственную казну.

Затѣмъ старшина прочелъ списокъ, гдѣ было около двухъ десятковъ разнаго рода именъ, съ означеніемъ городовъ, улицъ и домовъ ихъ жительства.

— Изъ сего явствуетъ, продолжалъ старшина, что дворянинъ Жоржъ-де-Вальероль, капитанъ вто-

рой драгунской компанiи, имѣетъ жительство въ этой улицѣ, въ домѣ садовника Обана....

— Это не у меня, у брата, сказалъ хозяинъ, но десятскiй зажалъ ему ротъ, приговаривая:

— И безъ тебя знаютъ, болванъ! Да порядокъ такой. Не перебивать старшины!

Но старшины и перебивать не было возможности, потому что, услышавъ восклицанiе, онъ не останавливался, но только возвысилъ голосъ и продолжалъ:

— Но какъ домъ сей принадлежитъ не садовнику Григорiю Обану, а брату его, кожевнику Ильѣ Обану, то симъ и объявляется, что, буде ежели, по сосѣдству, Жоржъ де-Вальероль перебѣжитъ изъ дома Григорiя Обана въ домъ онаго Ильи Обана, то имѣетъ онъ, Илья Обанъ, или жильцы онаго, того Жоржъ де-Вальероля представить въ ратушу города Парижа для немедленнаго исполненiя приговора. Подписано собственною рукою городскаго головы.

Исполнивъ обязанность службы, старшина опустилъ руку съ палкой, которую во все время чтенiя держалъ вверхъ, и началъ извиняться.

— Помилуйте, господинъ старшина, сказалъ хозяинъ: да мосьё де-Вальероль давно уже, съ мѣсяцъ будетъ, откупилъ у брата домъ съ малымъ садомъ; братъ себѣ оставилъ только большой садъ, огороды, и самъ живетъ въ теплицѣ.

— Начальство все знаетъ, отвѣчалъ старшина; но по книгамъ домъ еще не былъ переписанъ за Вальеролемъ, потому-то сегодня мы и не могли

взять его въ казну: ночью все исправится, а завтра приступимъ къ дѣлу.

— А самого, вѣрно, не нашли?

— Нѣтъ, мы еще у него не были.

— Какъ! воскликнули Депортъ и хозяинъ вмѣстѣ.

— Не были, не были. Мы ходимъ изъ дому въ домъ и читаемъ циркуляръ.

— А между-тѣмъ преступникъ можетъ скрыться.

— Того-то намъ и надо! Куда же онъ скроется? Убѣжитъ за границу? Ратуша будетъ благодарна; не надобно будетъ издерживаться на его отправленіе. Убѣжитъ и на свой счетъ.

Старшина, дружески бесѣдуя, усѣлся и продолжалъ:

— Нельзя же, чтобы сосѣди изъ тѣхъ домовъ, которые мы уже посѣтили, не дали знать объ насъ Вальеролю....

— Но такимъ образомъ, сказалъ Депортъ: высокочестной господинъ старшина, онъ можетъ припрятать деньги, вещи, которыя принадлежатъ казнѣ.

— Если бы эти деньги и вещи, отвѣчалъ старшина съ улыбкой, принадлежали намъ или, по-крайней-мѣрѣ, ратушѣ, дѣло другое; а казна сама богата. Между-тѣмъ надо руководствоваться и человѣколюбіемъ.

Какъ бы ихъ выжить отсюда? подумалъ Депортъ и сказалъ громко:

— А что если объ этомъ узнаетъ кардиналъ?

— Во-первыхъ, отвѣчалъ спокойно старшина:

мы свято наблюдаемъ предписанныя формы, а во-вторыхъ: кто же пойдетъ доносить?

— Не доносить, а просто, для смѣху, разсказать кардиналу. И вотъ, если бы я сегодня поутру зналъ, какъ вы исполняете законами предписанныя формы, непремѣнно бы разсказалъ и Ришліё, и Мазарини, и де-Нойé....

— Вы? Ришліё?

— А если король не будетъ еще спать, когда я пріѣду въ Сенъ-Жермень, то еще и сегодня я утѣшу его величество этимъ происшествіемъ вмѣсто сказки.

— Вы?.... королю?....

Хотя недовѣрчиво, однако жъ, вставъ, спросилъ старшина.

— Гойко, подавай лошадей; а я вотъ только соберу рисунки для докладу его величеству.

— Осмѣлюсь спросить, заикаясь произнесъ старшина: вы не шутите?

— Оставьте, пожалуйста, меня въ покоѣ, сказалъ Депортъ: законами предписанныя формы отняли у меня только время; я непремѣнно опоздаю, король ложится такъ рано.... Раскинули цѣпи: вѣрно человѣка моего задержали гдѣ-нибудь; я долженъ ѣхать одинъ.... Это, впрочемъ, все на вашей отвѣтственности, господинъ старшина.

— Позвольте, осмѣлюсь спросить: вамъ для чего нуженъ человѣкъ?

— Да что́ же, я самъ что́ ли повезу эти эстампы его величеству? сказалъ Депортъ, указывая на папку съ гравюрами Марко-Антоніо.

— Позвольте предложить, осмѣлюсь сказать, наши услуги.... Я вамъ дамъ дюжаго городоваго стрѣлка: человѣкъ бывалый.... и на дорогѣ безопаснѣе.

— Нечего дѣлать, давайте.

— Этіеннъ, Этіеннъ! поди сюда! Возьми этотъ портфёль; береги пуще глазу: это картины его величества. Поѣдешь въ Сенъ-Жермень съ мосьё... мосьё... Не имѣю чести знать....

— Ординарный живописецъ его величества, Депортъ.

— Съ его сіятельствомъ ординарнымъ живописцемъ его величества, маркизомъ Депортъ. А завтра по утру вернешься пѣшкомъ, прямо въ ратушу.

Этіеннъ надѣлъ шапку, взялъ портфёль и сѣлъ на лошадь. Депортъ простился съ женой и благополучно отправился въ путь.

— Ну, нечего дѣлать! Пойдемъ теперь прямо къ де-Вальеролю, сказалъ старшина.

Хозяинъ съ особеннымъ удовольствіемъ заперъ ворота, оглядываясь, все ли на дворѣ цѣло.

—

ГЛАВА XI.

ИЗГНАННИКЪ, ИЛИ НАЧАЛО РОМАНА.

Ludit in humanis divina potentia rebus
Et sæpe in paucis claudere magna solet.

Въ домѣ де-Вельероля всѣ окна были освѣщены. Отецъ Вигандъ причащалъ Святыхъ Тайнъ и со-

боровалъ масломъ Луизу де-Вальероль, жену капитана. Эвелина, шестнадцати-лѣтняя дочь ихъ, обливала слезами замирающія ноги матери. Обрядъ кончился. Луиза не могла произнести ни одного слова; но уста улыбались: она встрѣчала смерть съ убѣжденіемъ, съ вѣрою въ жизнь лучшую. Минута кончины наступила. Отецъ Вигандъ снова подошелъ къ одру умирающей и началъ читать In manus tuas, Domine... Услышавъ отходную, Эвелина вскрикнула, и безъ чувствъ упала на землю. Капитанъ на рукахъ перенесъ ее въ другую комнату. Вдругъ за дверьми раздался знакомый голосъ:

— Именемъ короля, отворите!

Служанка вздрогнула. Отецъ Вигандъ остановился. Одинъ капитанъ остался совершенно хладнокровенъ, стараясь привести въ чувство Эвелину.

— Отворите, сказалъ онъ покойно.

Старшина со свитой вошелъ въ комнату. Онъ уже поднялъ палку; уже распустилъ свитокъ; десятскій придвинулъ факелъ.... но отецъ Вигандъ съ Дарами вышелъ изъ спальни и всѣ, не исключая и старшины, преклонили колѣна.

— Капитанъ, сказалъ въ полголоса отецъ Вигандъ: она отошла! Я закрылъ глаза, а вамъ надобно, какъ мужу, замкнуть уста.

Отецъ Вигандъ, поставилъ Дары на большой столъ, покрылъ потиръ, и подошелъ къ Эвелинѣ.

— Что, капитанъ?

— Она проснется; но что увидитъ, отецъ Вигандъ! Эти господа пришли за мною. Я знаю мою

судьбу: они меня увезутъ на-вѣки изъ родной Франціи; я не могу похоронить жены, не имѣю даже денегъ на похороны. Скажите, что мнѣ дѣлать?

Отецъ Вигандъ поднялъ изсохшія отъ поста руки и величественно произнесъ: — In manus tuas, Domine, filiam quoque recipias! Утѣшьтесь, капитанъ: завтра я возвращусь сюда съ моею братьею; мы сохранимъ для васъ Эвелину въ монастырѣ Визитокъ, предадимъ землѣ добрую духовную дочь мою, Луизу, и отправимъ отъ своего ордена депутата къ кардиналу.... Пишите ко мнѣ. Вы знаете, король удостоиваетъ меня своего вниманія; кардиналъ уважаетъ меня.... А теперь, повинуйтесь закону.

— Другъ и благодѣтель! отвѣчалъ капитанъ, крѣпко сжавъ руку монаха. Она просыпается.... Прощай, Эвелина!.... подѣлись этимъ поцѣлуемъ съ Луизой!.... Я вернусь черезъ полчаса, сказалъ онъ служанкѣ и бросился въ двери.

— Стой! закричалъ десятской.

Капитанъ остановился, ничего не понимая. Но отецъ Вигандъ подошелъ съ покрытыми Дарами.

Всѣ преклонили головы.

— Съ вами, съ вами, дѣти мои сказалъ старикъ: онъ не уйдетъ отъ васъ. Пропустите я ручаюсь.

Всѣ безмолвно шли по улицѣ; изо всѣхъ оконъ и воротъ торчали головы, и съ приближеніемъ старшины прятались.

— Потушите огни! сказалъ отецъ Вигандъ.

— Нельзя, съ важностью произнесъ старшина.

Но уже было поздно; факелы погасли.

— Прощай, добрый сынъ, сказалъ отецъ Вигандъ.

Капитанъ сталъ на колѣни. Старецъ поставилъ ему потиръ на голову, произнесъ краткую молитву и напутствовалъ благословеніемъ.

— Твердости, прибавилъ онъ, вѣры и молитвы!... На развалинахъ прошедшаго зиждется будущее; а горе — лучшее основаніе радости! Будь спокоенъ; я позабочусь о дочеряхъ моихъ: о живой и мертвой. Ступай съ миромъ!

Капитанъ не уронилъ ни слезинки, поцѣловалъ потиръ, потомъ руку старика; всталъ, посмотрѣлъ на освѣщенныя окна своего дома, и тихо повторилъ: — In manus tuas, Domine!

— Amen! сказалъ отецъ Вигандъ.

Оба кивнули другъ другу головой и разошлись.

Молча продолжали путь плѣнникъ и его судейская стража; уже хотѣли поворотить въ улицу Сенъ-Дени; вдругъ, на встрѣчу огромной величины человѣкъ, гигантъ въ сравненіи съ старшиною и его причетомъ.

— Стой! сказалъ онъ, и всѣ попятились.

— Капитанъ, вы ли?

— Я! отвѣчалъ де-Вальероль тише майскаго вѣтра.

— Ну, такъ прощайте!

— Прощай, Помпей! Береги Эвелину!

— До послѣдней капли крови! И въ горѣ не

безъ радости, капитанъ; я вамъ скажу важную штуку: соколъ въ Англіи!

— Быть не можетъ!

— Оттого-то я и замѣшкался, капитанъ; но ужъ это такъ вѣрно, какъ то, что у меня только одинъ усъ. Сегодня и въ парижскомъ парламентѣ такъ объявлено.

— Ну, такъ пойдемте, господа! Теперь хоть бы и умереть, еслибъ не Эвелина.

— Не извольте безпокоиться: все перемелется, будетъ мука.... Прощайте, капитанъ!

Они обнялись, простились, и Помпей пошелъ своею дорогой, а капитанъ за старшиною. Совершенно спокойный, изрѣдка онъ только подымалъ глаза къ небу, какъ-будто желая прочесть въ звѣздахъ, чѣмъ рѣшило небо будущность Эвелины.

—

ГЛАВА XII.

НОЧНАЯ БЕСѢДА.

Во многихъ отдѣленіяхъ сенъ-жерменскаго дворца окна были освѣщены, когда Депортъ подъѣхалъ къ главному крыльцу съ городскимъ стрѣлкомъ, слѣзъ съ лошади, взялъ папку и пошелъ во дворецъ. Онъ миновалъ большія проходныя сѣни, и садомъ отправился къ тому крылу дворца, гдѣ жилъ Сенъ-Марсъ. Въ корридорѣ онъ встрѣтилъ Сенъ-У, который, по всѣмъ примѣтамъ, подслушивалъ у дверей Сенъ-Марса и, заслышавъ Депорта, поспѣшно скрылся въ противуположныя двери. Почти въ то

же мгновеніе послышались шаги Сенъ-Марса: онъ шелъ нибко, напѣвая въ полголоса пѣсню.

— Здравствуй!.... куда ты это пропадалъ? сказалъ Сенъ-Марсъ: мнѣ казалось, будто безъ тебя скучно.

Хитрый Депортъ низко поклонился Сенъ-Марсу, указалъ на двери, куда убѣжалъ Сентъ-У, наклонилъ голову и приложилъ къ уху палецъ. Сенъ-Марсъ засмѣялся, взялъ его за руку и втащилъ въ свою комнату.

— Что такое, Филиппъ? кого ты видѣлъ? Вѣрно Сентъ-У теръ свое ухо у моихъ дверей. Скажи ему, Николай, что это между дворянами не водится, и что я могу иногда такъ прихлопнуть, что ухо останется у моей двери. Не обинуйся; я отвѣчаю. А пока что будетъ, подавай ужинать и вели осѣдлать Люцифера. Ипполитъ, это твое дѣло. Подай сапоги и приготовь дорожный плащъ и пистолеты. — Ну, Филиппъ, гдѣ ты былъ? что видѣлъ? Разсказывай.

— Во-первыхъ, и прежде всего, позвольте поздравить съ новою милостью.

Сенъ-Марсъ вздохнулъ и отвѣчалъ съ примѣтною досадою:

— Шоры, братецъ, новыя шоры, больше ничего. Нечему радоваться.... За тебя мнѣ весело. Твоя должность, въ самомъ дѣлѣ, честь, награда.... А великій конюшій!.... Ну, отвѣчай же Филиппъ, гдѣ ты былъ?....

— Гдѣ я былъ? Вы не повѣрите, господинъ

великій! А когда я покажу доказательства, вы повѣрите, но удивитесь.

— Что́ ты говоришь, Филиппъ? Загадки хороши въ дамскомъ обществѣ.

— Такъ извольте разгадку, господинъ великій.

Депортъ почтительно подалъ Сенъ-Марсу записочку.

Маркизъ, увидавъ ее, вздрогнулъ, прочелъ и, спрятавъ на грудь, сталъ съ досадой ходить по комнатѣ. Ипполитъ несъ сапоги и мантію.

— Не нужно, не нужно, сказалъ Сенъ-Марсъ, тихо толкая Ипполита: поздно! Поутру еще все кончилось! Я думаю, приговоръ уже въ парламентѣ, въ ратушѣ.... А Меркуръ и Безонсонъ уже изгнаны изъ Парижа!

Принесли ужинать.

— Садись, мнѣ не хочется ѣсть, а ты, я думаю проголодался, сказалъ Сенъ-Марсъ.

Депортъ, не желая гнѣвить маркиза, сѣлъ и принялся за критику королевской кухни.

— Удивительно, какъ пріятно быть придворнымъ человѣкомъ, разсуждалъ Депортъ громко: не надобно ходить на грязные наши рынки, спорить и ссориться.... сиди и кушай!....

Сенъ-Марсъ позвонилъ. Вошелъ слуга.

— Что́, Николай, уѣхали наши кардиналисты?

— Убрались, слава Богу!

— А король?

— Его величество изволили уйти въ почивальню.

— Ну, такъ подай вина. Въ этомъ королевскомъ монастырѣ, любезный Филиппъ, нельзя

встретить такого веселаго собесѣдника какъ ты. Это находка! Кстати: ты поешь, а я нынче заразился стихами. И до какой степени достигъ я совершенства! Въ послѣдній разъ, за ужиномъ у Маріонъ де-Лормъ, Воатюръ скажетъ стихъ, я прежде всѣхъ отвѣчу стихомъ же и задамъ другой. Кто мастеръ на стихи, такъ это Ротру.... Молодецъ! А Корнель тупъ: это видно, что ему стихъ дорого приходится.

Подали вино. Конечно есть мгновенья и у Асмодея, когда злобная дѣятельность его устаетъ, дремлетъ; есть однако жъ и характеры, которые, своимъ простодушіемъ, дѣтскимъ веселіемъ, обливаютъ небесною сладостью желчь злодѣя, и онъ, на часъ, на день, невольно дѣлается добрякомъ, безотчетно предается безвинному веселію и даже на-время становится способнымъ къ высокимъ ощущеніямъ. Депортъ, или еще не совершенно очерствѣлъ душею, или утомился отъ тягостныхъ подвиговъ дня: онъ позабылъ всѣ свои похожденія, намѣренія, надежды, все, все; и, попивая роскошной сокъ бордоскаго винограду, сталъ веселъ и добръ.

— Ты поешь, Филиппъ? спой мнѣ что-нибудь, сказалъ Сенъ-Марсъ, присѣвъ къ столу, налилъ себѣ огромный стаканъ вина и осушилъ разомъ.

— Что же бы вамъ спѣть, маркизъ? Веселую?

— Да, ужъ конечно не Miserere!

— Постойте, постойте: дай Богъ памяти! Вотъ, если бы со мной была моя тетрадь!

— Какая тетрадь?

— Ахъ, маркизъ! по бѣдности покупать дорого, а пѣсня полюбится, такъ и перепишешь.

— Не бойся, Филиппъ, разбогатѣешь; поможемъ.

Филиппъ поцѣловалъ руку Сенъ-Марса такъ быстро, что тотъ не успѣлъ и вырвать ее.

— Что ты, что ты Филиппъ?

— Да ужъ такъ, ваше сіятельство: на радости не выдержалъ; вы такіе добрые! Постойте жъ, я вамъ спою зато романсъ вотъ ужъ по васъ! Его сочинилъ ліонскій рыцарь Бекфроа, въ 1340 году, или около этого времени, въ Ліонѣ. Поется по преданію; называется онъ Virtus antiqua: слушайте, маркизъ.

И Депортъ запѣлъ:

Прости! корабль взмахнулъ крыломъ!
Зоветъ труба моей дружины!
Иль на щитѣ, иль со щитомъ
Вернуль къ тебѣ изъ Палестины.
Молва о подвигахъ моихъ,
Шумя, прійдетъ моимъ предтечей,
И лавръ изъ нѣжныхъ рукъ твоихъ
Наградой будетъ мнѣ и встрѣчей!

* * *

Клянуся сердцемъ и мечомъ:
Иль на щитѣ, иль со щитомъ!

* * *

Сто битвъ; сто рѣкъ, сто городовъ
О имени твоемъ узнаютъ;
На ста языкахъ, сто пѣвцовъ
И запоютъ и заиграютъ!
И вновь волнуясь и шумя,
Твоей великой славы полны,
Къ твоимъ стопамъ примчать меня
Могучія сѣдыя волны...

* * *

Клянуся сердцемъ и мечомъ:
Иль на щитѣ, иль со щитомъ!

* * *

Но если приговоръ судьбы
Въ бояхъ пошлетъ мнѣ смерть на встрѣчу;
На грозный зовъ ея трубы
Я именемъ твоимъ отвѣчу!
Паду на щитъ, чтобъ вензель твой
Врагамъ не выдать умирая;
И, побѣжденъ одной судьбой,
Умру, тебя благословляя!

* * *

Клянуся сердцемъ и мечомъ:
Иль на щитѣ, иль со щитомъ!

Сенъ-Марсъ задумчиво слушалъ Депорта. Когда онъ кончилъ, Сенъ-Марсъ вздохнулъ и тихо сказалъ:

— Какъ бы я желалъ быть на мѣстѣ этого рыцаря!

— То есть, какъ? спросилъ Депортъ.

— Такъ! Спѣть романсъ подъ окномъ Лувра, сѣсть въ Марсели на корабль и очутиться за тысячу миль отъ Франціи.

— Если такъ, постойте, я вамъ спою другой романсъ.

— Не хочу, не хочу.... Пѣніе наводитъ на меня тоску.... Перемѣнимъ разговоръ.

И слово за слово, пошли разсказы о любовныхъ похожденіяхъ. Депортъ немилосердо лгалъ и хвасталъ. Между-тѣмъ ночь почти пролетала. Вдругъ раздались шаги по корридору; вошелъ Николай со свѣчкой и письмомъ.

— Что такое? спросилъ съ досадой Сенъ-Марсъ.

— Не знаю; отъ архіепископа парижскаго притащилъ нарочный.

— Вотъ еще одно изъ удовольствій моей службы, сказалъ Сенъ-Марсъ, прочитавъ бумагу и поднимаясь изъ-за стола. Давай одѣваться.... И очень нужно умирать ночью! могъ бы до утра подождать.

— А кто умеръ? осмѣлюсь спросить.

— Пріоръ кармелитскаго монастыря.

— Не имѣю чести знать.

— Король весьма любилъ и уважалъ отца Виганда, говорилъ Сенъ-Марсъ одѣваясь, и какъ странно умеръ! Причащалъ какого-то больнаго; воротился домой; подали ужинать: отецъ Вигандъ жаловался на ознобъ, началъ читать молитву, зашатался; едва успѣли монахи подхватить его, и отнесли въ постель уже трупъ Виганда.

— Удивительно! Истинно удивительно!

— Впрочемъ, отецъ Вигандъ былъ крѣпкій старъ. Чего онъ не помнилъ.... И король очень часто посылалъ къ нему за справками, какъ въ архивъ.... Ну, прощай, Филиппъ!

— Да куда же вы идете ночью?

— Будить короля.

— Какъ! будить его величество, потому-что скончался монахъ?

— Нѣтъ; потому-что скончался другъ короля. Я имѣю повелѣніе въ подобныхъ случаяхъ не откладывать до утра и будить его величество, потому-что король встанетъ, прочитаетъ вмѣстѣ со мной и отцомъ Сирмондомъ всѣ молитвы за упокой, велитъ звонить въ колокола, и подъ ихъ

звукъ опять уснетъ сладкимъ сномъ. Николай! сходи разбуди отца Сирмонда и скажи, что отецъ Вигандъ скончался; а возвращаясь разбуди звонаря: пусть будетъ готовъ.— Ты спишь, прибавилъ Сенъ-Марсъ въ полголоса: ты спишь прекрасная, и не мечтаешь, какъ я повинуюсь совѣтамъ твоимъ, какъ усердно исполняю мою тяжкую, скучную службу.— Ну, прощай!

— Господинъ великій, благодѣтель мой, могу ли я отлучиться завтра въ Парижъ? Надобно не много похлопотать объ женѣ и дѣтяхъ.

— Поѣзжай, поѣзжай. Я скажу королю, что отпустилъ тебя на три дня.... Впрочемъ, я и сегодня сказалъ, что ты отпросился у меня на нѣсколько дней.... Прощай!

Сенъ-Марсъ исчезъ изъ виду. Лакеи разбѣжались, и Депортъ, нѣсколько разъ оглянувшись, постучался въ дверь Сентъ-У

— Надо познакомиться, тихо прошепталъ онъ: мы сослуживцы.

рая слезу: мать только-что понесли на кладбище; отца ночью увели въ темницу; домъ и всѣ пожитки взяли въ казну.... Куда она теперь, бѣдная, дѣнется?

Депортъ почесалъ затылокъ и сказалъ:

— Да, трудненько! Впрочемъ, въ этомъ больной бѣды для нея не вижу. Молода, хороша собой!... въ Парижѣ не пропадетъ: надобно только умѣнье....

Сосѣди страшно посмотрѣли другъ на друга и на Депорта: это были мастеровые хозяева, ихъ жены и дочери. Депортъ замолчалъ: онъ зналъ, что парижскій народъ отъ безмолвнаго негодованія быстро переходилъ къ неистовству и, въ злобѣ любилъ портить мостовую и метать камешки. Дѣвушка засмотрѣлась на толпу; какъ небо, голубые глаза не выражали ничего; всѣ чувства были убиты; она не плакала, не стонала, нѣтъ, была спокойна, а страшно было глядѣть на нее. Но зато женщина, которая прежде удерживала ее, теперь плакала, проклинала судей, предстоявшихъ и самого кардинала.

— Куда теперь дѣнется Эвелина! кричала она. Въ монастырь что́-ли итти ей?

Эвелина сѣла на прилавкѣ у воротъ своихъ, прислонила голову къ забору, и безмысленно, безчувственно глядѣла на синее небо. Старшина съ причетомъ удалился, приложивъ печати къ воротамъ и приставивъ къ нимъ еще одного стрѣлка. За старшиной мало-по-малу разошлись и люди, искренно соболѣзнуя о несчастной Эвелинѣ. Де-

портъ не сводилъ съ нея глазъ и, когда толпа значительно уменьшилась, онъ соскочилъ съ лошади, отдалъ поводья стрѣлку, а самъ взялъ Джудиту за руку и подошелъ къ Эвелинѣ.

— Фанни, будь ей второю матерью! сказалъ Депортъ съ трагическою важностью.— Утѣшьтесь, благородная дѣвица, Богъ посылаетъ вамъ помощь: нашъ домъ, наше состояніе, все къ услугамъ вашимъ!

— Встаньте, Эвелина, поблагодарите добрыхъ людей! сказала служанка.

Толпа снова стала собираться. Эвелина протянула руку, но нельзя было понять, что̀ значило это движеніе.

— Поцѣлуй, Фанни, эту несчастную руку! сказалъ Депортъ, заливаясь слезами.

Джудита охотно повиновалась, но Эвелина не допустила, вскочила съ прилавка, бросилась на шею Джудиты и зарыдала. Всѣ были тронуты; служанка упала къ ногамъ Депорта; Джудита оглянулась и сказала мужу:

— Давно бы такъ! Великодушіе — красота мужчины, и я не забуду вашего поступка!

Филиппъ не плакалъ, но почтительно наклонился и отиралъ глаза.

— Богъ наградитъ васъ, добрые люди! кричали женщины изъ толпы.

Эвелина подняла голову.

— Пойдемъ, милая, сказала Джудита. Я мать, но у меня нѣтъ дочери.

Эвелина обняла одною рукою Джудиту и, опу-

стивъ голову на плечо ея, тихо пошла къ дому кожевника Обана.

— Пойдемъ! сказалъ Депортъ, улыбаясь и взявъ за руку служанку: и для тебя станетъ мѣста; а Эвелина можетъ нуждаться въ твоей помощи.

За Депортомъ шли слѣдомъ всѣ сосѣди; женщины осыпали его благословеніями, но мужчины шептались и покачивали головами.

Прошло нѣсколько мгновеній, и Депортъ ушелъ со двора не безъ опасенія: у воротъ толпа сосѣдей представляла какъ-бы враждебную армію съ непріязненными замыслами. Едва онъ скрылся изъ виду, разноцвѣтные мѣщане поползли на дворъ Обана. Кожевникъ, услышавъ голоса добрыхъ своихъ пріятелей, бросилъ работу и вышелъ на дворъ.

— Скажи, пожалуйста, Обанъ, сказалъ бондарь Колé: какіе это у тебя живутъ люди?

— А что? съ самодовольной улыбкой спросилъ Обанъ.

— Да такъ, мастеръ, отвѣчалъ бондарь Колé: странно что-то.

— Да что тутъ страннаго? Будто ужъ въ предмѣстьѣ только и жить бѣднымъ дворянамъ, да нашей братьи!

— Да не то, мастеръ: вѣдъ и этотъ жилецъ-то твой не изъ знати! Какой-нибудь изъ челяди герцогской или графской....

— Поднимай выше....

— Ну, такъ писарь торговый.

— Выше, выше.... Посмотрѣли бы вы, какъ

онъ вчера самого старшину пугнулъ: не зналъ, какъ угодить!

— Да кто же онъ?

— Такъ.... ничего.... Придворный живописецъ..: Съ королемъ разговариваетъ!

— Что ты это мастеръ!

— И теперь-то онъ изъ Сенъ-Жермена пріѣхалъ; къ королю вчера картины возилъ.

— То-то у него такія дворянскія рѣчи!

— Да, да, дворянскія, гордо говорилъ Обанъ: у него слова словно журавли летятъ. У старшины языкъ извѣстно какой, а прикусилъ вчера: такъ онъ его дернулъ!

— Все такъ, мастеръ, да страшно за нашу добрую Эвелину. Вѣдь она у насъ въ глазахъ выросла; и покойница-то, ея матушка, ангелъ была, по всей улицѣ только объ ней и говорили; и бѣднымъ помогала, а сама въ какой нищетѣ жила до пріѣзда капитана!.... Такъ вотъ, видишь, по всей улицѣ теперь толкъ идетъ, не отнять ли нашей Эвелины у чужихъ людей, да не сложится ли? Пусть ее на хлѣбахъ держитъ Каролина, портниха. У ней и работа есть всегда, и дѣвушекъ своихъ въ такомъ порядкѣ держитъ, и веселѣе у знакомой.

— Охъ, вы головы! сказалъ Обанъ. Понимаете ли, что вы этимъ поступкомъ оскорбите короля?

— Какъ такъ? спросилъ бондарь, испуганный замѣчаніемъ Обана.

— Да вѣдь господинъ-то изъ придворныхъ.

— А можетъ, кардинальскій.

— Нѣтъ, королевскій, я вамъ говорю.

— Эй, Обанъ, какъ хочешь, а только тутъ -что-то не ладно.

— Да съ чего вы взяли?

— Съ чего?....

Въ это время на крыльцо вышла Джудита. Смуглое, но прекрасное лицо ея было осѣнено глубокою, тайною грустью. Ей было не болѣе двадцати пяти или шести лѣтъ, но чело уже носило складки, вѣрные признаки скучной, хлопотливой, досадной жизни; губы, прекрасно созданныя, были сухи и блѣдны; глаза, драгоцѣннаго блеску, но впалые, еще сверкали какъ угасающіе уголья.

— Обанъ! Обанъ! потрудитесь принести дровъ на кухню, сказала она весьма пріятнымъ голосомъ, но произношеніе ей измѣнило.

— Сейчасъ, сударыня! отвѣчалъ Обанъ, накладывая беремя.

— Италіянцы! Италіянцы! зашумѣли сосѣди.

— Охъ, вы головы, головы! отвѣчалъ Обанъ. Да какихъ народовъ у нашего короля нѣтъ! И такіе случились! А что́ они за Италіянцы? Мосьѣ Депортъ, да еще Филиппъ! Ну, что́? развѣ не Французы?

— Да ты почемъ знаешь?

— Да вѣдь старшины обманывать нельзя! Полно вольничать! Пошли по домамъ! Каждый береги свой носъ, а въ чужія двери не суй.

— Разводи италіянщину! уходя говорили сосѣди: посмотримъ, каково изъ этого омута вый-

день! — Пойдемъ, а посматривать все-таки не мѣшаетъ.

Джудита стряпала на кухнѣ; дѣти вертѣлись около матери; служанка, утомленная безсонницей и горемъ, спала въ креслахъ; Эвелина сидѣла у окна въ глубокой задумчивости. Окно было не заперто; вѣтеръ поворачивалъ то окно, то ставни; сосѣди все еще не могли разойтись. Вдругъ по улицѣ, пробѣжалъ молодой человѣкъ мимо оконъ. Эвелина вздрогнула, вскрикнула «Альфредъ!» и перевѣсилась черезъ окошко. Альфредъ стоялъ уже у воротъ садовника Обана, хотѣлъ войти, но увидѣлъ стрѣлковъ, печати, и окаменѣлъ на мѣстѣ. Сосѣди окружили его, указывали на домъ кожевника, на окно, и, какъ стрѣла, Альфредъ добѣжалъ къ узкому полисаднику, отдѣлявшему домъ Обана отъ улицы.

— Эвелина! закричалъ онъ. Неужели?....

Она плакала.

— Въ одну ночь лишиться всего!

— Всего, Альфредъ! рыдая отвѣчала Эвелина: даже надежды!....

— Нѣтъ, Эвелина, небеса справедливы! Я презрѣлъ скудную плату за недостойную работу, презрѣлъ потому, что не видѣлъ еще пропасти, въ которую васъ бросили обстоятельства. Но теперь я буду трудиться: я возьму съ бою славу, богатство; я буду исполиномъ въ работѣ. И день и ночь рука моя не оставитъ кисти; моимъ отдыхомъ будетъ только то блаженное мгновеніе, когда я прибѣгу къ этому окну, взгляну на васъ, и

снова въ Лувръ, на шаткіе подмостки.... Благословите, Эвелина!

Эвелина рыдала, и сама не зная что́ дѣлаетъ, послала троекратное знаменіе креста счастливому Альфреду.

—

ГЛАВА XIV.

ШКОЛА.

Pierios differ cantusque chorosque sororum,
Aes dabit ex istis nulla puella tibi.

Марціалъ.

Альфредъ бѣжалъ въ Лувръ безъ оглядки.

— Гдѣ мастеръ Симонъ? спросилъ онъ у перваго слуги, который ему попался еще на набережной.

— Спросите въ галереѣ: онъ или тамъ или дома.

Въ галереѣ было много людей, много художниковъ; но Вуэ не было. Альфредъ перескакивалъ съ балки на балку, съ кучи муссору на покрытый опилками помостъ; толкалъ работниковъ, задѣвалъ шпаги дворянъ и не извинялся, видѣлъ знакомыхъ художниковъ и не кланялся. Глаза его искали и нигдѣ не находили начальника французской школы.

— Гдѣ мосьё Вуэ? закричалъ онъ, остановясь на парадной лѣстницѣ.

Работники расхохотались. Лемерсіе стоялъ на той же лѣстницѣ и на балюстрадѣ, который тогда ставили на мѣсто, карандашемъ что́-то рисовалъ

и показывалъ каменщику. Крикъ Альфреда возбудилъ его вниманіе; онъ посмотрѣлъ на дерзкаго съ досадою и громко сказалъ:

— Молодой человѣкъ! здѣсь хозяинъ король, а не Вуэ.... Симонъ сидитъ дома и злится. Не совѣтую попадаться въ такія минуту оскорбленному мастеру.

Альфредъ ничего не понималъ. «Дома?» закричалъ онъ по-прежнему и бросился мимо Лемерсіе къ дверямъ.

— Тише, сумасшедшій! сказалъ главный архитекторъ. Онъ опрокинетъ балюстрадъ!....

Но Альфредъ былъ уже далеко.

Симонъ Вуэ, безъ верхняго платья, съ растрепанными волосами, ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ въ луврской своей квартирѣ. Нѣсколько человѣкъ молодыхъ художниковъ молча стояли въ глубокомъ окнѣ, и со страхомъ и трепетомъ поглядывали на неистоваго Аякса. На полу валялись семь книгъ съ рисунками Луврской галереи.

— Кончено! говорилъ онъ, толкнувъ ногой седьмую книгу: ни одной картины, ни одного рисунка не дамъ! Посмотримъ, какъ мосьё де-Нойе будетъ расписывать галерею!

— Да что имъ за дѣло! сказалъ молодой человѣкъ: будто они думаютъ объ искусствѣ! Вообразили, что Луврская Галерея — золотое руно; тутъ-то наживутся, особенно если Лемерсье останется:

— Лемерсье не останется! горько улыбнувшись воскликнулъ Вуэ. И Лемерсіе, и Фукіерръ, и всѣ

наши, такъ называемые, друзья и пріятели, уже были съ поклономъ у де-Нойе, уже поздравляли кардинала съ новою побѣдой. Друзья наши, друзья въ глаза говорили Ришліе, что къ числу величайшихъ подвиговъ его принадлежитъ назначеніе де-Нойе начальникомъ работъ!

— Но, мастеръ, по-крайней-мѣрѣ вы не можете жаловаться на вашу школу!

— Дѣти мои, отвѣчалъ Симонъ, обнимая юношу: да, вы поступили благородно, честно. Обида учителю — обида ученикамъ; вы отказались отъ работъ; вы пришли ко мнѣ съ утѣшеніемъ; но, Лебренъ, досада меня не ослѣпляетъ! Ступайте всѣ назадъ! Я не хочу, чтобы красный котъ за меня преслѣдовалъ цвѣтъ нашихъ художниковъ.

— Нѣтъ, мастеръ! не знаю какъ другіе, но мы съ Дюфреноа дали другъ другу честное слово безъ васъ не работать.

— Дѣти мои!.... въ восторгѣ сказалъ Вуэ. И мы покажемъ Франціи, гдѣ ея таланты!— Ну, а ты, овечка? спросилъ онъ другаго молодаго человѣка, весьма бѣдно одѣтаго и стоявшаго позади всѣхъ.

— Я, мастеръ Симонъ?.... покраснѣвъ говорилъ юноша.

— Ну, ну, что? Полно скромничать! Сманили?... Безъ меня далеко не уйдешь!

— Я, мастеръ?.... заикаясь отвѣчалъ молодой человѣкъ, и не могъ кончить; его выручилъ Дюфреноа.

— Лесюэръ, сказалъ онъ, уже работалъ въ

Луврѣ, когда мы пришли въ галерею и объявили, что мастеръ Симонъ оставляетъ работы. Лессюэръ первый отряхнулъ кисть, свернулъ рисунки и сошелъ съ подмостковъ. «Что, овечка?» спросили мы. Лессюэръ, не отвѣчая ни слова, ушелъ, и мы нашли его въ вашей прихожей: онъ боялся войти одинъ и первый.

— Что же ты думалъ, моя овечка? Скажи, что ты хотѣлъ сказать мнѣ?

Лессюэръ потупилъ глаза и, запинаясь на каждомъ словѣ, отвѣчалъ:

— Сыну стыдно оставлять отца, ученику учителя.

— Браво! закричали всѣ.

— Лессюэръ иначе не говоритъ какъ афоризмами; сказалъ Дюфреноа.

— Иногда изъ печатныхъ книжекъ, прибавилъ Лебрёнъ тихо.

Въ это мгновеніе вошелъ Депортъ. Симонъ едва могъ скрыть свое бѣшенство. Депортъ подалъ ему бумагу довольно почтительно, но уже безъ прежней униженной учтивости. Симонъ наскоро пробѣжалъ бумагу, швырнулъ ею прямо въ лицо Депорту, и сказалъ отрывисто:

— Не ко мнѣ! Ошибка! Я болѣе не начальникъ дворцовыхъ работъ, не первый живописецъ короля французскаго! Нѣтъ! я просто — Симонъ Вуэ, основатель и глава французской школы живописи.

— Да какъ вы смѣете?.... началъ Депортъ.

— Что? завопилъ въ бѣшенствѣ Вуэ, засучивая рукава сорочки.

И всѣ ученики, кромѣ Лессюэра, двинулись за учителемъ.

Вбѣжалъ Альфредъ, блѣдный, отчаянный и бросился къ ногамъ Вуэ.

— Мастеръ Симонъ! я на все согласенъ! Но пустите меня скорѣе на луврскіе подмостки.

— Прочь! закричалъ Вуэ. Прочь! Ступай къ де-Нойё, къ кардиналу; ступай къ его племянницѣ, герцогинѣ Эгильіонской. Ты молодъ, ты хорошъ: волочись; растирай краски, когда она будетъ рисовать портретъ кота въ ватиканской ливреѣ! И тебя пожалуютъ въ ординарные живописцы. Видишь, посмотри, вотъ ліонскій маляръ, можетъ-быть, краскотеръ! А посмотри, погляди: все платье съ иголочки! Фламандскія кружева! Какія перья на шляпѣ! Пуговицы съ камешками! Брильянтики на пряжкахъ! Даромъ не достанешь такого наряду! А помнишь, какъ въ лохмотьяхъ нищаго онъ хвасталъ дряннымъ, и то чужимъ, мараньемъ?

— Мастеръ Симонъ! жалобно сказалъ Альфредъ.

— Прочь! Не хочу! Я переѣзжаю изъ Луврa, по-прежнему открываю мой домъ, мою дорогую школу, гдѣ растетъ слава Франціи.... Прочь! Не нужно!

— Молодой человѣкъ, съ важностью сказалъ Депортъ: я васъ беру въ *мою* школу, и мы увидимъ, гдѣ разцвѣтетъ слава Франціи, у старыхъ

ли педантовъ, или у свободныхъ поклонниковъ истиннаго искусства.

— Ахъ ты, харемазъ!... закричалъ Вуэ. Вонъ!

— Пойдемъ, пойдемъ, молодой человѣкъ. — А тебя уймутъ, рисовальная машина! Все будетъ извѣстно кардиналу.

— Да чѣмъ же ты и взялъ, если не доносами, разбойникъ?....

Ученики бросились на Депорта, но онъ, схвативъ Альфреда за руку, бѣжалъ безъ оглядки, и вскорѣ скрылся въ темныхъ переходахъ дворцовыхъ корридоровъ.

— Онъ ушелъ! говорили художники, возвращаясь въ покои Вуэ.

— Они ушли! сказалъ Депортъ, но месть моя найдетъ ихъ, догонитъ. — Молодой человѣкъ, я видѣлъ вашу работу вскользь, и ожидаю отъ васъ много.... Но, послушайте: чего вы ищите?

— Денегъ, денегъ, и денегъ! отвѣчалъ Альфредъ отчаянно и такъ громко, что Депортъ схватилъ его за руки и сказалъ:

— Тише, ради Бога, тише! Я вижу, вы не изъ педантовъ.... Деньги будутъ, я ручаюсь, но, слово честнаго человѣка: будете ли вы слушаться моихъ совѣтовъ?

— Честное слово! Только давайте работу!

— Послушайте: эти парики лучше клевещутъ нежели пишутъ; у нихъ есть связи, покровители; надобно предупредить ихъ замыслы, и я долженъ ѣхать въ Сенъ-Жермень, не откладывая ни на минуту. Завтра приходите ко мнѣ. Я живу въ

предмѣстьѣ Сенъ-Дени въ Райскомъ Переулкѣ, въ домѣ кожевника Обана.

— Обана? съ изумленіемъ спросилъ Альфредъ.

— Вы знаете? Такъ приходите же завтра и мы откроемъ школу. За работу!... До свиданья!...

Депортъ исчезъ. Но Альфредъ долго еще стоялъ въ раздумьѣ, волнуясь то надеждой, то невольнымъ страхомъ.

—

ГЛАВА XV

НАМѢКИ.

Огромный полу-драгунъ шелъ ровнымъ скорымъ шагомъ по Райскому переулку; съ другой стороны по улицѣ бѣжалъ ему на встрѣчу Альфредъ.

— Гаръ-Піонъ! закричалъ онъ, ты ли?

— А то кто же! отвѣчалъ Помпей, поправляя единственный усъ.

— Откуда?

— Съ похоронъ.

— Но кто похоронилъ ее? Простился ли съ нею капитанъ? Гдѣ онъ?...

— Все на порядкахъ, все на порядкахъ! Она отошла еще при капитанѣ; потомъ пришли господа черные, взяли и увели самого въ городскую тюрьму; а теперь его тамъ нѣтъ: я заходилъ навѣдаться. По утру увезли: а ужъ куда, и сами не знаютъ.

— На чей счетъ похоронили Луизу?

— Ну, напились люди! отвѣчалъ Гаръ-Піонъ, покручивая усъ, и улыбаясь самодовольно: слава Богу, нѣтъ такого бѣдняка, у котораго бы не хватило денегъ на доброе дѣло!

— А! такъ вѣрно и на похороны далъ денегъ Депортъ?

— Какой Депортъ? спросилъ Гаръ-Піонъ съ неудовольствіемъ! Очень я и позволю чужому мѣшаться въ наши семейныя дѣла! И что́ за птица, этотъ господинъ?

— Королевскій живописецъ, который принялъ къ себѣ Эвелину.

— Какъ? принялъ къ себѣ Эвелину! Да развѣ ей въ своемъ домѣ стало тѣсно?

— Гаръ-Піонъ! такъ ты еще много кое-что не знаешь! Домъ и все имущество взято въ казну, по закону, послѣ изгнанника....

— Такъ, такъ. Есть законъ, я слышалъ. Но въ капитанскомъ домѣ остались вещи, и мои, и Жаннеты; мы не изгнанники: а я казнѣ дарить не намѣренъ.... А гдѣ живетъ живописецъ!

— Да вотъ мы у его оконъ.

— Знатно! Дальше не пойду; такъ усталъ сегодня: миль шесть выходилъ. Преогромный этотъ городишка.

Сказавъ это, Гаръ-Піонъ поворотилъ къ воротамъ, у которыхъ Жанъ и Жеромъ любовались на огромнаго Помпея; дѣти бросились въ кухню къ матери.

— А какъ его зовутъ? спросилъ Гаръ-Піонъ, нагибаясь, чтобы войти въ калитку.

— Мосьё Депортъ.

— Важно! Коротко выговаривать: а то я и на своей фамиліи заикаюсь.

Слѣдуя за дѣтьми, Альфредъ и Гаръ-Піонъ вошли на кухню. Джудита примѣтно испугалась.

— Не извольте тревожиться, сударыня, сказалъ Гаръ-Піонъ почтительно: это меня, такъ, ядро проѣздомъ исковеркало; всей губы чуть не оторвало. Слава Богу, хоть одинъ усъ остался! а на этой сторонѣ, чортъ ихъ знаетъ, волосы не растутъ.

— Что вамъ угодно? спросила съ трепетомъ Джудита.

— Да что вы, сударыня, жена этого господина?.... какъ бишь его зовутъ?

— Депортъ, подсказалъ Альфредъ.

— Да, жена мосьё Депорта, или милости вашей не во гнѣвъ будь сказано.... или его кухарка?

— И то и другое отвѣчала Джудита, невольно улыбаясь.

— То-то! Гаръ-Піонъ тотчасъ смѣкнулъ: по работѣ — слуга, по лицу — барыня.

— Да что вамъ угодно, мосьё Гаръ-Піонъ?

— Какой я мосьё! Я, сударыня, драгунъ. Послѣ вальтелинскаго дѣла пошелъ къ капитану Вальеролю: а ужъ съ однимъ усомъ и разбитыми ногами служить не приходилось.

— Послѣ вальтелинскаго дѣла?.... къ капитану Вальеролю? краснѣя и дрожа спросила Джудита.

— Точно такъ, смѣю сказать, сударыня. Такъ вотъ, изволите видѣть: вы моего молодаго коман-

дира въ полонъ взяли, такъ ужъ берите и армію. Сдаюсь.

— Да что же тебѣ угодно, любезный другъ?

— За ласки ваши молодой моей барышнѣ буду вамъ служить, какъ маршалу Шомбергу служилъ, тѣломъ и душею.

— Я не знаю, какъ мужъ....

— Мужъ въ хозяйствѣ сторона.... позвольте, сударыня! такъ у васъ огонь потухнетъ, сказалъ Гаръ-Піонъ, бросилъ шапку въ уголъ и подложилъ нѣсколько полѣнъ на очагъ.

— Очень благодарна, почтенный воинъ. — А вамъ что угодно? спросила Джудита, обращаясь къ товарищу Гаръ-Піона.

Альфредъ покраснѣлъ и смѣшался.

— Это, сударыня, подхватилъ Гаръ-Піонъ, большой другъ покойницы капитанши.... Не то, что другъ, какъ бываютъ, а сынъ.... и не то, что сынъ, а.... какъ бы объяснить?.... Ну, да я вамъ послѣ скажу, а то онъ еще больше покраснѣетъ.... Сиди смирно, нашъ Вандомъ.... То есть, не лѣзь намъ въ глаза кардиналъ, такъ мы бы скоро и свадебку съиграли.... Ну, да я вамъ послѣ скажу. Дѣло, знаете, пока, тайное.

— Онъ ошибается, сказалъ Альфредъ, запинаясь и краснѣя: совсѣмъ не то. Мосьё Депортъ былъ столько милостивъ, принялъ меня въ свою школу и приказалъ прійти.... навѣдаться....

— Въ свою школу? улыбаясь, спросила Джудита.

— Точно такъ, сударыня. Я полагалъ, что онъ уже возвратился изъ Сенъ-Жермена.

— Да, онъ пріѣхалъ оттуда очень рано.

— Онъ опять поѣхалъ туда: я имѣлъ честь съ нимъ видѣться у мосьё Вуэ. Онъ располагалъ возвратиться къ вечеру или завтра.

Джудита улыбнулась и отвѣчала:

— Ну, такъ мы не будемъ дожидаться. Не хотите ли въ мою школу? Она вамъ будетъ нужнѣе. Но прежде должно узнать, что объ этомъ думаетъ моя ученица. Откушайте съ нами молодой человѣкъ. Помогите мнѣ утѣшить Эвелину.

И Джудита взяла большой горшокъ съ макаронами.

— Позвольте, позвольте, сударыня! сказалъ Гаръ-Піонъ: не извольте безпокоиться; это мое дѣло: подать съумѣю.

— Нечего дѣлать! Любезный Гаръ-Піонъ, распоряжайся, милости просимъ.

— Что вы тутъ дѣлаете, господа, на кухнѣ? сказалъ Гаръ-Піонъ дѣтямъ: не хорошо! Ступайте въ комнаты.... А нето, я на васъ—передники, и кастрюли — въ руки.

Дѣти, покраснѣвъ, побѣжали въ столовую.

Гаръ-Піонъ поставилъ кушанье на столъ, и какъ-будто дома, отправился въ другіе покои. Въ третьей комнатѣ онъ нашелъ и Эвелину и Жаннету. Эвелина проснулась, едва раздался скрыпъ двери, вскочила и бросилась къ нему, заливаясь слезами.

— Помпей! мой бѣдный Помпей! мой несчастный Помпей!

— Пожалуйте кушать, отвѣчалъ Гаръ-Піонъ, ни мало не измѣняясь въ лицѣ.

— Гдѣ матушка? Гдѣ отецъ мой?

— Матушка, какъ сами знаете. А капитанъ посланъ отъ короля за важнымъ дѣломъ въ Италію.... Дѣло къ спѣху... Нельзя было и попрощаться.... служба!....

— Такъ онъ не въ темницѣ?

— Что́ за вздоръ!.... Я самъ лошадей нанималъ.

— Но почему опечатали нашъ домъ, пожитки?

— Капитанъ приказалъ, для того, чтобы вы не жили въ домѣ, гдѣ скончалась ваша матушка. Такъ опечатаннымъ онъ и останется до его пріѣзду.

Жаннета проснулась, и съ изумленіемъ слушала, какъ лгалъ добрый Гаръ-Піонъ.

«Удивительный человѣкъ!» въ одинъ голосъ сказали Джудита и Альфредъ въ другой комнатѣ. Гаръ-Піонъ не безъ умыслу употребилъ въ разговоръ всю силу своего баса. Его невозмутимая физіономія, прямой, открытый взглядъ, все заставляло вѣрить словамъ его.

— Непонятно! сказала Эвелина. Какъ же онъ не подумалъ обо мнѣ?

— Вотъ то-то и есть, сударыня. Наша братья ужъ черезъ чуръ бываетъ усердна. Вмѣсто того, чтобы исполнить приказаніе капитана, пойти нанять вамъ квартиру, я разсудилъ прежде похоро-

нить покойницу. Пока похороны исправилъ, пока нанялъ квартиру, а тутъ Богъ все и устроилъ.... Простите, сударыня, виноватъ!

— Что же мы теперь будемъ дѣлать, Гаръ-Піонъ? спросила Эвелина, волнуемая и недовѣрчивостью и надеждой.

— Подумаемъ на досугѣ; а теперь пожалуйте кушать. Мы въ чужомъ домѣ: хозяйка дожидается.

Эвелина пошла въ столовую, а Гаръ-Піонъ обратился къ Жаннетѣ:

— Ну, мнѣ надо въ городъ сходить, квартиру отказать, а ты, пока, поди да послужи.

Присутствіе Альфреда, который подтвердилъ разсказы Гаръ-Піона, и ласки доброй Джудиты, нѣсколько успокоили Эвелину. Примѣтивъ въ своей госпожѣ счастливую перемѣну, Гаръ-Піонъ скрылся. Когда Жаннета ушла на кухню, Джудита стала долго и пристально разсматривать молодую чету. Глубокая грусть осѣнила прекрасное лицо хозяйки: она тяжело вздохнула. Альфредъ и Эвелина, какъ два эха, откликнулись на сердце Джудиты; но дѣти не обращали вниманія на больныхъ, и, утоливъ голодъ, начали шалить и поссорились.

— Прочь отъ стола! сказала Джудита.

Дѣти заплакали. Не смотря на просьбы Эвелины и Альфреда, Джудита была неумолима.

— Прочь, прочь! повторила она: пошли въ свою комнату! Сидѣть тамъ смирно, пока не позову!

Дѣти ушли, заливаясь слезами и оглядываясь, не простятъ ли.

— Слава Богу, ушли! — Молодые люди, сказала Джудита, съ выраженіемъ искренняго участія: ваша взаимная любовь слишкомъ замѣтна.

И Альфредъ и Эвелина покраснѣли. Джудита продолжала:

— Молю васъ объ одномъ: скрывайте вашу любовь передъ моимъ мужемъ!

Альфредъ вскочилъ изъ-за стола. Эвелина подняла глаза съ изумленіемъ. Джудита продолжала.

— Конечно, не слѣдовало бы мнѣ давать такихъ совѣтовъ; но мы познакомимся ближе, и вы убѣдитесь, что я имѣю поводъ совѣтовать, имѣю нѣкоторое право на дружбу Эвелины.... Если вы меня не обманули, мосьё Дени, то останьтесь въ этой небывалой николѣ, посѣщайте нашъ домъ, но сохраните возможно холодный тонъ съ Эвелиной; если можно, даже видъ отвращенія.

— Что это все значитъ? спросила Эвелина, изумленная неожиданными совѣтами.

— Не опасайтесь ничего, моя добрая Эвелина. Богъ за васъ! Я и сама еще не знаю, гдѣ опасность; но знаю моего мужа. Я было повѣрила его великодушію, но потомъ вспомнила, что даромъ онъ не дѣлаетъ благодѣяній.

— Я не уйду отсюда, сказалъ Альфредъ, пока вы не скажете.

— Неблагодарный! сказала Джудита: развѣ моя искренность не ручается за мою дружбу и заботливость? Я одна могу уладить дѣло; вы только испортите его навсегда и безвозвратно... Вамъ и не снится, какъ силенъ Депортъ: открытое сра-

женіе мы проиграемъ непремѣнно.... Впрочемъ, сколько я привыкла понимать его, опасность еще въ темной дали, и самъ онъ еще не знаетъ своихъ намѣреній.

— Что же намъ дѣлать, милая, добрая, Джудита? спросила Эвелина.

— Вамъ?... лечь и отдохнуть; а Альфреду бѣжать отсюда какъ-можно скорѣе и приходить, когда назначено.

— Но....

— Повинуйтесь! сказала Эвелина, вставъ и уходя въ свою комнату, повинуйтесь! Само небо говоритъ намъ устами Джудиты! Берите примѣръ съ меня. Прощайте.

Эвелина остановилась въ дверяхъ и сказала съ упрекомъ: — Альфредъ!

— Я повинуюсь, отвѣчалъ онъ, схватилъ шляпу, и скрылся.

—

ГЛАВА XVI.

СОЛДАТЪ.

Lorsqu'il faut entrer en garde,
Je fais moi seul tous les rangs.
MAZARINADES, 1649.

Гаръ-Піонъ, устроивъ, какъ мы видѣли, домашнія дѣла, отправился прямо къ окружному старшинѣ, или эшвену. Эшвенъ жилъ въ угловомъ домѣ, на той же улицѣ, и послѣ плотнаго обѣда изволилъ давать отеческія наставленія городскимъ

стрѣлкамъ за дурное поведеніе въ продолженіе вчерашняго обыску. Обвинители стояли по правую руку, обвиненные по лѣвую. Старшина, въ шелковомъ халатѣ, безъ парика, и въ остроконечныхъ туфляхъ, сидѣлъ на деревянномъ табуретѣ. Старшина на всѣ доносы отвѣчалъ; «Мы разсмотримъ.... Приличную просьбу.... Ну, а ты о чемъ?...» И слушанье дѣлъ продолжалось безостановочно. Вдругъ двери съ шумомъ растворились, и фигура Гаръ-Піона согнулась и выпрямилась передъ самымъ носомъ эшвена, который покраснѣвъ отъ злости, закричалъ:

— На мѣсто! На три шага!

— Извольте сами отмѣрять, отвѣчалъ Помпей: а я, какъ три раза шагну, такъ всего дому не хватитъ.

— Кто ты таковъ?

— Драгунъ былъ, драгунъ есьмъ, и умру драгуномъ. Имя мое Помпей-Ипполитъ-Геновева, фамиліи не помню, прозвище Гаръ-Піонъ.

— Что тебѣ надобно?

— Я пришелъ требовать моихъ вещей, которыя вы противозаконно сегодня опечатали.

— Что ты тамъ бредишь?

— Солдатъ никогда не бредитъ; некогда: днемъ много дѣла, ночью крѣпко спитъ. Пожалуйте мои вещи.

— Да какія вещи?

— Во-первыхъ, арфу съ золотой львиной головкой.

— Ты сумасшедшій!

— Солдатъ съ ума сойти не можетъ, некогда: днемъ думать не досугъ; ночью крѣпко спитъ. Во-вторыхъ, шкафъ съ платьемъ: тамъ мои женскіе наряды.

— Да что ты это врешь?

— Солдатъ никогда не вретъ; некогда: днемъ служба, а наша служба на чистоту, безъ задоринки; а ночью....

— Да какой это чортъ ко мнѣ пришелъ!

— Не извольте такъ говорить: грѣхъ!.... и вашему званію не прилично: у васъ подъ командой и полковники и капитаны. Конечно, ваши офицеры не больше какъ старые купцы, да все-таки городскіе тесаки носятъ. Конечно, ихъ тесаки все-равно что кухонные ножи, да все-таки оружіе; и если счетъ повести, такъ вашъ капитанъ не старше сержанта итальянской арміи, полковникъ не старше унтеръ-офицера, а ужъ старшина все-таки наравнѣ съ капитаномъ прійдется, и чортъ ему не компанія: я это, такъ, стороною говорю... Въ-третьихъ, тамъ мои игольники, наперстки, шпильки, ножницы, всякое такое швейное добро.

— Да пойдешь ли ты вонъ?

— Солдатъ безъ команды назадъ не пойдетъ... Наконецъ, мои книжки и восковая роза.... Пожалуйте мои вещи, господинъ старшина.

— Я тебя отправлю въ больницу.

— Не извольте гнѣваться! Вы могли описать и опечатать имущество мосьё де-Вальероля, только не имущество его слугъ: мы ни въ чемъ не виноваты. Пожалуйте мои вещи.

— Ну, въ умѣ ли ты? Развѣ ты баба?

— Не то чтобъ баба, господинъ старшина, а имѣю женскія привычки: люблю читать книги, играть на арфѣ, шить и ходить въ женскомъ платьѣ на службу, во дворецъ Ришліё, когда играютъ комедіи.

Старшина расхохотался. И въ самомъ дѣлѣ, смѣшно было вообразить женщину ростомъ съ Гаръ-Піона.

— Не извольте смѣяться, господинъ старшина. Вотъ, какъ король пріѣдетъ и капитана простятъ, такъ мы и потребуемъ всѣхъ вещей по этому списку, что́ у меня.... А вы сегодня, безъ описи, на живую нитку, изволили печати вѣшать. Противно законамъ! Я сегодня, у табашницы, изъ Судейскаго Дворца черненькаго видѣлъ; дѣло ему разсказалъ. Онъ и говоритъ: — Береги только опись; чуть только станутъ ломаться, просьбу въ парламентъ, или, просто, знакомому президенту, или совѣтнику, или прокурору: не дорого сто́итъ!

Старшина смѣшался.

— Что́ же! мнѣ теперь къ любому совѣтнику пойти можно, продолжалъ Помпей: я служу не гдѣ-нибудь, а у придворнаго. Мосьё Депортъ — человѣкъ важный: портретъ съ короля пишетъ; такъ....

— Ты служишь у мосьё Депорта?

— Точно такъ, господинъ старшина. Пожалуйте мои вещи....

— Любезный другъ, я вижу всѣ эти вещи при-

надлежатъ женщинѣ и, вѣроятно, дочери преступника, который....

— Не извольте говорить преступника, а изгнанника!

— Ну, да, да!.... Мы можемъ сдѣлать это уваженье для мосьё Депорта.

— Такъ сдѣлайте это уваженіе поскорѣе, потому что мнѣ вещи нужны; а не то, не извольте гнѣваться, я пойду къ самому головѣ: такъ мосьё Депортъ наказалъ.

— Хорошо, любезный другъ, можно и сейчасъ выдать. Да кто мнѣ поручиться?

— Да вы потрудитесь высунуть носъ черезъ окошко: сами увидите, куда я перетащу мои вещи.

— Ну, хорошо! сказалъ старшина, и, написавъ записку, подалъ перо Гаръ-Піону.

— Что́ это?

— Роспишись въ полученіи вещей.

— Да я еще ничего не получалъ.

— Всё-одно, получишь; и не только тѣ вещи, о которыхъ просишь, а можешь взять, что́ покажется: лишь бы для виду что-нибудь осталось. На всякой случай чернаго ходу я и не опечатывалъ, изъ уваженія къ мосьё Депорту, а расписка — глухая. Мы ее должны имѣть.... формы!.... законы!....

— Да какъ же я роспишусь, господинъ старшина, когда я писать не умѣю?

— А какъ же ты читаешь книжки?

— Да развѣ всё-равно, что́ читать, что писать?

Старинна расхохотался, позвалъ капитана, купца Оливіе, и приказалъ выдать Гаръ-Піону вещи по его усмотрѣнію и приготовить объ нихъ реестръ для подписанія мосьё Депорту, маркизу и ординарному живописцу.

—

Джудита сидѣла у окна, ожидая Гаръ-Піона, и распоряжалась съ Жаннетой и дѣтьми, какъ бы скрыть отъ мужа преждевременное посѣщеніе Альфреда. Гаръ-Піонъ не замедлилъ явиться, держа въ рукахъ восковую розу. За нимъ сосѣди несли никатулку, огромный никафъ, арфу, и множество разныхъ вещей и вещицъ, по выбору Помпея. Процессія торжественно вошла на дворъ, шумно прославляя новый воинскій подвигъ Гаръ-Піона. Эвелина проснулась въ самое то время, когда Помпей съ розой вошелъ въ комнату.

— Роза моей матери!.... вскрикнула Эвелина. Мои бездѣлушки!.... мои платья!.... арфа!....

— Куда прикажите поставить?

— Откуда ты взялъ Гаръ-Піонъ?

— Капитанъ приказалъ.

Всѣ вещи были разставлены въ двухъ, почти пустыхъ, комнатахъ, и Гаръ-Піонъ сталъ откланиваться.

— Постой, Помпей! сказала Джудита, и взяла съ него слово не говорить Депорту объ Альфредѣ.

— Наше дѣло сторона, отвѣчалъ Гаръ-Піонъ: въ любовныя дѣла мѣшаться не станемъ, а то еще перепортишь. Вотъ, еще до вальтелинскаго дѣла...

не помню деревушки.... и меня по сердцу прихватило. Такая важная попалась Италіянка!.... Хотѣлъ у нихъ въ деревнѣ и остаться.... Лучше было бы: усикъ мой на мѣстѣ бы остался. Да что ты будешь дѣлать! Чортъ.... извините, сударыня!.... чортъ всегда возлѣ любви.... Въ ту же деревушку папскіе пришли, а съ ними и капитанъ: да такой подлипала!.... на-бѣду и красивъ собой и богатъ; сманилъ мою пташку, да какъ! Съ трехъ дней Берта ужъ и говоритъ со мной перестала.... Не знаю, чѣмъ кончилось; мы въ походъ пошли.... да проклятое это сраженіе.... и добро бы еще сраженіе, а то, просто, уличная схватка!... Поцарапались... а тутъ—ядро мимо!... Кажется, и не попало въ меня... чортъ знаетъ... извините, сударыня!... какъ далеко пролетѣло, а рожу исковеркало!... Хорошо, что ужъ заразъ и усъ и любовь изъ головы вышибло....

— Извините, сударыня!

— Не помнишь ли, отворачиваясь къ окну, дрожащимъ голосомъ спросила Джудита: какъ звали капитана?

— Какъ же не помнить! Помнилъ. Послѣ того я такъ сталъ на голову слабъ!... свое имя забываю. Прощайте, сударыня.

—

ГЛАВА XVII.

ПОРТРЕТЪ.

Гаръ-Піонъ вышелъ за ворота, сѣлъ на лавкѣ и закурилъ трубку. Толпа сосѣдей окружала

его. Не успѣли размѣняться общими привѣтствіями, какъ въ толпѣ раздался крикъ: «Италіянецъ ѣдетъ!» И въ самомъ дѣлѣ, въ концѣ улицы, на лошади показался Депортъ. Онъ ѣхалъ шагомъ; возлѣ шелъ Альфредъ. Гаръ-Піонъ отдалъ трубку сосѣду, а самъ отворилъ ворота и, снявъ шапку, ожидалъ новаго хозяина. Когда Депортъ въѣхалъ въ ворота, Гаръ-Піонъ такъ громко крикнулъ: «Поздравляю съ пріѣздомъ! что Депортъ отъ страху и незапности едва не свалился съ лошади.

— Не извольте пугаться, сказалъ Гаръ-Піонъ, схвативъ поводья: это я, Помпей-Ипполитъ-Генова Гаръ-Піонъ, драгунъ второй компаніи, и вашъ слуга, мосьё Депортъ.

— Что тебѣ надо? спросилъ Депортъ съ примѣтнымъ безпокойствомъ, не сходя съ лошади и напрасно стараясь вырвать поводья изъ рукъ Помпея.

— Мы ужъ съ хозяйкой порѣшили, отвѣчалъ Гаръ-Піонъ: ваше дѣло сторона; а вотъ что: извольте выслушать!

И Гаръ-Піонъ вкратцѣ разсказалъ Депорту, что должно говорить Эвелинѣ про капитана. Депортъ съ трудомъ понялъ, кто таковъ Гаръ-Піонъ: но разсказъ и ободрилъ его, и разувѣрилъ.

— Отведи лошадь, сказалъ онъ со всею важностью хозяина, и приходи ко мнѣ. Надобно кое-куда сходить.

—

— А что Эвелина? спросилъ Депортъ, входя въ комнаты.

— Какъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ, отвѣчала Джудита; сидитъ, плачетъ, больна.

— Надо ее чѣмъ-нибудь развлечь.... Вотъ, кстати, Альфредъ. Первый урокъ — портретъ Эвелины.... Нѣтъ, постойте! Прежде поглядите, не можете ли исправить этой миніатюры.

Депортъ подалъ Альфреду миніатюрную копію съ Веласкеса.

— Часа два работы, отвѣчалъ Дени.

— Ну, такъ прошу садиться. Вы можете кончить до вечера: не скоро еще смеркнется. Краски, кисти, все у меня есть: я вчера запасся..... Милости просимъ!

Альфредъ принялся за работу. Джудита со злобной улыбкой глядѣла на мужа. Вбѣжали дѣти съ крикомъ; за ними вошелъ Гаръ-Піонъ и Гойко.

— Маменька! маменька! кричалъ Жеромъ: уѣдемте отсюда; насъ хотятъ сосѣди убить.

— Что̀ съ тобой, мой другъ? спросила перепуганная Джудита.

Да, сказалъ Гаръ-Піонъ, дѣло что̀-то не ладно: чуть было маленькаго господина не поколотили.

— Какъ? Что̀!

— Мы втроемъ выручали: я, Обанъ, и вотъ этотъ.... (Гаръ-Піонъ указалъ на Гойко). — «Италіянцы! кричатъ всѣ, да и только. По выговору узнали.... Вы приняли мою барышню, а я принялъ на себя вашу защиту, и сказалъ сосѣдямъ, что старый драгунъ—все одно что̀ молодая армія. Вооружился, какъ сами видите, вертеломъ и жаровней съ вашей кухни, и сегодня буду спать у

воротъ, чтобы барышни моей ночью какъ-нибудь изъ усердія сосѣди не разбудили. Насильно хотятъ на свой счетъ ее содержать, а на вашу милость не надѣются.

Депортъ поблѣднѣлъ какъ полотно: Джудита не мало встревожилась; Эвелина, отворивъ двери, слушала Помпея съ удивленіемъ; Гойко не сводилъ глазъ съ Депорта. Одинъ только Альфредъ продолжалъ работать, изрѣдка улыбаясь и поглядывая на смущеннаго хозяина.

— Что же намъ дѣлать? тихо спросилъ Депортъ.

— Во-первыхъ, подписать эту бумагу по-французски, съ полнымъ вашимъ титуломъ, отвѣчалъ Гаръ-Піонъ, подавая росписку въ полученіи вещей Эвелины.

— А гдѣ же вещи? спросилъ Депортъ, прочитавъ и подписывая бумагу.

— На мѣстѣ! сказалъ Гаръ-Піонъ; во-вторыхъ, нанять другую квартиру, да не въ предмѣстьѣ, потому что здѣсь всегда эта вольница шумитъ и дерется за разбитый горшокъ: а тамъ, поближе къ Лувру, къ ратушѣ.

— Гойко! слышишь, Гойко? сейчасъ квартиру! Да и кстати: гдѣ я здѣсь помѣщу мою школу?... Слышишь, Гойко! наверху, чтобы мнѣ жить, комнатъ десять, двѣнадцать; а внизу мастерскія...: Пошелъ!

— Пойти не бѣда, я всегда почиталъ мои ноги разгонными лошадьми, отвѣчалъ Гойко: только безъ денегъ нанять трудно; надо дать на руку.

— Только не на твою. Ты ужъ только съищи, а заплатить я и самъ съумѣю. Пошелъ же! а не то....

— Иду: чего вы сердитесь?

— Въ-третьихъ, продолжалъ Гаръ-Піонъ: переѣзжать, не днемъ и не ночью, а на зарѣ; потому что господамъ сосѣдямъ дай Богъ до зари успокоиться.... Вы какъ-то обмолвились....

— Все къ лучшему! сказалъ Депортъ, примѣтивъ Эвелину: я радъ, что дѣла мои позволяютъ сдѣлать вдругъ столько неожиданныхъ издержекъ. Жаль только одного, Альфредъ, что я не засталъ въ Сенъ-Жерменѣ ни живой души: всѣ на охотѣ. Но.... не правда ли?.... и Вуэ противъ насъ пока ничего не предпріметъ? Кардиналъ и секретари въ Рюэли.... Одинъ только Мазарини въ Парижѣ, но къ нему они не пойдутъ. Кстати, храбрый драгунъ, прибавилъ Депортъ, обращаясь къ Гаръ-Піону съ улыбкой: желаніе капитана будетъ исполнено. Я самъ не могу написать портрета твоей госпожи.... у меня такъ много дѣлъ!.... такъ вотъ мосьё Дени, мой ученикъ, этимъ займется.

— Конечно, конечно! отвѣчалъ Гаръ-Піонъ, поглядывая на Эвелину и улыбаясь отъ удовольствія, что такъ ловко и быстро понялъ Депорта.

Сверхъ-того его восхищала мысль, что молодая чета будетъ имѣть возможность бесѣдовать безъ малѣйшихъ подозрѣній, и что Депортъ невольно помогаетъ тому, чему бы, можетъ-быть, и воспротивился, если бы зналъ отношенія молодыхъ людей.

— Конечно, конечно! Капитанъ мнѣ крѣпко-на-крѣпко приказывалъ.... Да искусенъ ли вашъ ученикъ, мосьё Депортъ?

— Не бойся! со смѣхомъ отвѣчалъ Депортъ: сладимъ! Не правда ли, Альфредъ?

Но Альфредъ не скоро могъ отвѣчать. Мысли и чувства его перемѣшались. Писать портретъ Эвелины! Да это счастіе, блаженство!.... Но если кисть измѣнитъ!.... Не задрожитъ ли рука? Дадутъ ли слезы блаженства волю и спокойствіе взору?.... Да и зачѣмъ этотъ портретъ? Какое его назначеніе?.... И почему Альфредъ уже ученикъ Депорта?... И кто этотъ Депортъ, этотъ дерзкій хвастунъ, который не стыдится лгать въ глаза женѣ и людямъ, гораздо ближе знающимъ Альфреда, и, наконецъ, самому Альфреду?... Но, когда, по таинственнымъ причинамъ, онъ долженъ скрывать свою любовь, даже знакомство, когда сама Эвелина требуетъ повиновенія и слѣпой довѣренности къ этой Джудитѣ, ихъ простодушному, но печальному, защитнику; когда все возвышается высокою стѣною между нимъ и Эвелиной, — писать портретъ ея, писать тихо, долго, со всею отчетливостью любовника.... о! вы поймете положеніе Альфреда! Онъ готовъ былъ броситься въ объятія Депорта, разцѣловать своего учителя, измѣнить своей тайнѣ, тайнѣ Джудиты.... но взоръ его встрѣтился со взоромъ Эвелины, и Альфредъ опомнился.

— Не удивляйтесь, мосьё Депортъ, сказалъ Альфредъ, если предложеніе ваше привело меня

въ смущеніе: я никогда еще не писалъ женскаго портрета.

— Тѣмъ лучше, тѣмъ лучше! Практика....

— Но я боюсь женщинъ, мосьё Депортъ.

— Живописецъ боится женщинъ!.... да что́ вы это, Альфредъ? со смѣхомъ говорилъ Депортъ; позвольте заняться и свѣтскимъ вашимъ воспитаніемъ. Французскіе художники много теряютъ отъ того, что они только художники, не люди, не свѣтскіе люди: любезные, ловкіе, развязные, какъ этого требуетъ наше общество. Мы, Французы, никогда не достигнемъ до того образованія, какое имѣютъ наши за-альпійскіе собратья. Я знаю ихъ; я выросъ въ Италіи, въ странѣ тончайшаго этикета и пламеннѣйшихъ чувствъ.... И, признаюсь, я самъ нѣсколько переродился и, благодаря случаю, не похожъ на вашего медвѣдя Вуэ и на прочій звѣринецъ французскихъ художествъ. Такъ, Альфредъ, я займусь вашимъ образованіемъ, и завтра же начинайте писать портретъ моей жены или Эвелины.... Нѣтъ! Эвелины. Это ее сколько-нибудь разсѣетъ. По рукамъ?

— Я вамъ далъ слово.

— Ну, такъ завтра!

Эвелина скрылась. Тысячи мыслей волновали ее. Каждый день видѣть Альфреда! бесѣдовать съ нимъ иногда на-единѣ!.... Но зачѣмъ? для-чего?.... Вопросамъ и догадкамъ не было конца. Между-тѣмъ Альфредъ кончилъ работу, къ искреннему удовольствію Депорта, простился и ушелъ,

также не менѣе волнуемый сомнѣніемъ и надеждами.

— Что́ ты опять затѣваешь? спросила Джудита, когда кромѣ мужа всѣ разошлись.

— Депортъ злобно улыбнулся и, смотря пристально на Джудиту, думалъ: «Гдѣ тебѣ, бабьей головѣ, понять соображеніе искуснаго генерала, которому наконецъ судьба подарила армію! Да! этотъ Альфредъ, эта Эвелина—мои войска, и мудрые падутъ, и хитрѣйшіе затрепещутъ въ тенетахъ.... Одно бѣда, — Одно бѣда, — молодежь: того гляди, еще слюбятся!» И, взявъ за руку жену, Депортъ сказалъ тихо:

— Джудита! я никогда не спрашиваю о твоихъ тайнахъ. Теперь ты бы могла быть мнѣ полезна, но къ несчастію, наши отношенія....

— Что́ за вздоръ! прервала Джудита. Мало ли услугъ....

— Окажи послѣднюю! Ты должна быть неотходно при Эвелинѣ, пока Альфредъ будетъ писать портретъ; прерывать всѣ разговоры, которые будутъ заключать въ себѣ какой-нибудь намекъ на любовь; словомъ, всѣми средствами препятствовать....

— Да зачѣмъ же препятствовать?

— Зачѣмъ?....

— И лѣта согласны, и оба хороши собой: она такая милая!

— Онъ также, кажется, хорошій человѣкъ.

— Онъ! воскликнулъ Депортъ: въ томъ-то и вся бѣда, что онъ.... Правда, это несчастіе, но

вмѣстѣ и необходимость великихъ талантовъ. Повѣришь ли ты, что Альфредъ самаго развратнаго поведенія? Погляди, какъ онъ бѣденъ: все проматываетъ на женщинъ!

— Какъ вамъ не стыдно!

— Да, да! Если ты полюбила Эвелину, такъ должна всѣми мѣрами препятствовать ихъ сближенію, и не скрывать отъ нея пороковъ Альфреда. Это средство тотчасъ укрѣпитъ естественную слабость женскаго сердца, а онъ пусть себѣ влюбляется. На твоемъ мѣстѣ, я бы даже.... Нѣтъ, это ужъ я и самъ сдѣлаю; ты только береги Эвелину.

Джудита глубоко вздохнула, собиралась съ мыслями, хотѣла что-то сказать; двери растворились, вбѣжалъ Гойко.

— Есть!.... И какой домъ!.... И какъ дешево!

— Ступай же, ступай же, Джудита! приготовь все къ переѣзду.... Я осмотрю квартиру, пришлю носилки, и вы съ Эвелиной и съ дѣтьми тотчасъ отправляйтесь; а Гаръ-Піонъ перевезетъ вещи.

—

ГЛАВА XVIII.

НОВОСЕЛЬЕ.

— Ну, Гойко! сказалъ Депортъ, когда они были уже на улицѣ.

— Позвольте вамъ напомнить, что я такой же, какъ и вы, Филиппъ, изъ Ліона. Чернь меня такъ называетъ по незнанію. Ужъ если вамъ не ра-

вится собственное ваше имя, зовите меня Самуиломъ.

— Пожалуй.

— Не пожалуй: я этого требую.

— Мнѣ нравится твой нравъ. Не даромъ я выбралъ тебя изъ цѣлаго рынку мелкихъ продавцовъ.

«Кто кого?» подумалъ Гойко.

— Гдѣ же твоя лавочка?

— Сдалъ, пока, знакомому. Только если вы будете такъ платить, то мнѣ прійдется опять поставить ее на колеса и отправиться по городскимъ предмѣстьямъ продавать мыло, пуговки, иголки.

— Не умничай, Самуилъ! Два экю въ мѣсяцъ, кажется, довольно.

— Прибавьте еще одинъ: сапоговъ износишь больше чѣмъ на два экю.

— Ахъ, ты, жиденокъ! да ты въ цѣлый годъ не выработаешь двухъ экю.

— Ну, пускай будетъ и два, а еще одинъ если я хорошо служить буду.

— А если худо?.... Молчи, лучше: а то за одинъ уступишь.

— Ну, Богъ съ вами! Только за эту цѣну я въ Сенъ-Жермень не поѣду.

— Нельзя, Гойко, надобно ѣхать лишь-только король въ ворота, ты на коня.

— А что́ дадите, когда я вамъ прежде скажу такъ, что король въ Паркъ, а вы на встрѣчу.

— Клянусь, не будетъ обиды.

— Ну, такъ я вамъ скажу, вы увидите: только мнѣ самому заплатить нужно.

— На, на, Іуда! чортъ тебя возьми! сказалъ Депортъ, вынимая деньги.

— Вы только платите, такъ я вамъ не то еще скажу, про кого хотите: про кардинала можно....

Гойко оглянулся; за ними шелъ кто-то весьма подозрительной наружности.

— Ой! продолжалъ Гойко: это за нами Брумквисъ идетъ.

— Кто?

— Брумквисъ; Англичанинъ. Онъ тоже много знаетъ.

— Не худо бы познакомиться.

— Ой, нѣтъ! продастъ!....— Сюда, сюда!.... вотъ и квартира, сказалъ Гойко, схватилъ Депорта за руку, и втащилъ въ ворота высокаго дворца, украшеннаго лѣпными трофеями и герцогскими коронами.

— Ты съ ума сошелъ? Да это герцогскія палаты!

— Ну, такъ что́ жъ? Вы и не ошиблись. Хозяинъ въ Англіи; хозяйку выслали изъ Парижа; домъ въ казну взяли и отпускаютъ въ наемъ.... Дешево, богато.... Можно потомъ и жильцовъ взять.

—

Скоро на новую квартиру пріѣхали и дамы, а рано поутру, передъ зарею, Гаръ-Піонъ съ подводами и пожитками тронулся въ путь во дворецъ Вандомскій. Обанъ стоялъ посереди двора въ от-

чаянія хотя Помпей и оставилъ въ его рукахъ немало денегъ. Провожая пожитки Депорта, Обанъ вышелъ на улицу и громко ругалъ своихъ сосѣдей. Заслыша голоса у квартиры Депорта, усерднѣйшіе и ближайшіе сосѣди вскочили съ постелей, поспѣшили одѣться и выбѣжать на улицу; но обозъ уже скрылся: только одинъ Обанъ стоялъ у растворенныхъ воротъ, и благодарилъ сосѣдей самыми чувствительными словами за изгнаніе такого важнаго и прибыльнаго жильца. Бѣгство Депорта возбудило любопытство, удивленіе, шумъ, крики. Наконецъ составился совѣтъ. Многіе хотѣли преслѣдовать обозъ Депорта, но возникли разногласіе и споры, и привлекли городскихъ стрѣлковъ. Капитанъ Оливіе распустилъ собраніе и закрылъ уличный парламентъ. Всѣ разошлись по домамъ; только одинъ Обанъ стоялъ у воротъ своихъ и напутствовалъ отходящихъ трогательными рѣчами.

Утро взошло со всею весеннею роскошью. Богатыя малиновыя занавѣски Вандомскихъ палатъ озарились первыми лучами солнца, и разбросили разноцвѣтные отблески на пестрые ковры и высокія кресла съ выпивными сидѣньемъ и спинками. Депортъ всю ночь не спалъ; волнуемый множествомъ предположеній, онъ не могъ ни на одномъ остановиться, и утро застало его въ креслахъ. Онъ осмотрѣлся и задумался. Признаки богатства и пышности сына Генриха IV давили, тѣснили его воображеніе. Невольно въ памяти его ожили страшныя картины, разсыпанныя простодушнымъ перомъ въ запискахъ Дюбоа. Казни,

отравленія, изгнанія, заключенія, пытки, все это волновалось передъ глазами Депорта. «Зачѣмъ я читалъ эти проклятыя записки!» подумалъ Депортъ. «Что ожидаетъ меня? Богатство при кардиналѣ Ришліе такъ же не прочно, какъ и слава, и почести, и происхожденіе!.... Ничто не защитило королевы-матери, братьевъ короля, жены Людовика, друзей, кардиналовъ, отъ постыднаго изгнанія!... И вотъ, я самъ, маленькій человѣкъ, живу за бездѣлицу въ роскошныхъ палатахъ герцога Вандомскаго! Гдѣ же хозяинъ?... Какой-то преступникъ, осужденный на казнь, спасъ себя доносомъ на герцога, утверждая, будто онъ уговаривалъ его убить Ришліе. И сынъ Генриха IV не смѣетъ оправдываться, бѣжитъ въ Англію! Жена и дѣти въ ссылкѣ; друзья изгнаны изъ Франціи.... И онъ ли одинъ!... Маршалъ де-Марильякъ, въ Италіи, изъ середи арміи, которая такъ его любила, взятъ какъ простой сержантъ и осужденъ какъ воръ, какъ убійца!.... И сколько палатъ, подобныхъ этому дворцу, опустѣли и обратились въ шелковыя фабрики, въ купеческія конторы!.... При страшномъ кардиналѣ нѣтъ надежнаго мѣста, спокойнаго угла, безопасной пустыни; нѣтъ мѣты для усилій и жертвъ: онъ никогда не скажетъ «Довольно!» Мазарини не замѣнитъ его: нѣтъ!....»

Раздался звукъ у дверей, и Депортъ вскочилъ въ испугѣ: онъ боялся, не услышалъ ли кто нибудь что онъ думалъ. Стукъ повторился:—«А, Гойко!» сказалъ Депортъ, и отодвинулъ огромный золоченый крюкъ, которымъ въ то время

запирались внутреннія покои въ домахъ, для безопасности отъ ночныхъ похожденій молодыхъ людей.

— Что́ заплатите, не знаю: отъ васъ я не жду щедрости, сказалъ Гойко. Но мнѣ все-равно. Знайте, что король черезъ часъ будетъ въ Луврѣ, а кардинала, больнаго, привезли ночью. Король изъ Лувра будетъ къ кардиналу на совѣтъ, а оттуда къ Визиткамъ, а оттуда опять въ Сенъ-Жермень.

— Да какъ ты это все знаешь?

Гойко улыбнулся и отвѣчалъ:

— Надобно знать: приказано, и конецъ!.... Когда я на рынкѣ шпильки продавалъ, я и тогда уже зналъ, въ какомъ парикѣ будетъ голова сидѣть въ ратушѣ, въ какомъ предмѣстьѣ Парижа будетъ шумъ, гдѣ будутъ пить дворяне, и мало ли еще что́! У васъ счастливая рука; сегодня меня человѣкъ шесть въ друзья брали, да я еще не сторговался: хотѣлъ вамъ оказать послѣднюю услугу.

— Въ какія друзья?.... Отчего послѣднюю?

— Гмъ! Въ друзья взять, значитъ: ходи, бѣгай, слушай, языковъ добывай.... Ну, а это правило, я думаю, вы съ дѣтства знаете: кто больше заплатитъ, тому и служи.

— Сколько же тебѣ даютъ?

— Пока, четыре экю въ мѣсяцъ.... Да вы такъ въ Луврѣ опоздаете.

— Правда, правда, Гойко!.... Четырехъ не дамъ. Служи другимъ, да на дорогѣ не попадайся. Прощай!

«Ни чѣмъ не развяжешь кошелька у этого чорта!» печально сказалъ Гойко, медленно слѣдуя за Депортомъ. «Сара, Сара! когда я тебя выкуплю?

Депортъ уже былъ далеко, когда Гойко спустился на парадное крыльцо. Два, дурно сдѣланные, но мраморные, льва украшали входъ. Гойко сѣлъ верхомъ на льва и внимательно наблюдалъ за проходящими. Пришелъ Альфредъ. Треножникъ, полотно и краски были для него легкой ношей: онъ шелъ писать портретъ Эвелины! Гойко посмотрѣлъ на него и улыбнулся. Когда Альфредъ взбѣжалъ на лѣстницу, Гойко покачалъ головою и въ полголоса сказалъ: — «Какъ много можно бы сказать этому безумцу! Онъ заплатилъ бы всѣмъ своимъ состояніемъ за одну вѣсточку; да нельзя: нерасчетливо! Все его состояніе — будущность.... дрянной залогъ: на него никакого кредиту.... О если бы не Сара, я взялъ бы съ него послѣднюю монету. Теперь нельзя. Лови крупную рыбу, а за рыбкой не гоняйся.... Самуилъ, пойдемъ на рынокъ!.... Странно! итти на рынокъ что́ на пиръ, мнѣ все-равно.... Да давно ли ты пировалъ, Самуилъ?... » И, проговоривъ это съ горькой улыбкой, Гойко скрылся.

Жаннета увѣдомила Эвелину, что Альфредъ пришелъ, поставилъ треножникъ и полотно, готовитъ краски и ждетъ блаженнаго мгновенія. Джудита вошла и сказала то же. Печальная Эвелина, какъ была, въ черномъ платьѣ, съ золотымъ крестомъ на шеѣ, не взглянувъ даже въ зеркало, вышла

къ Альфреду вмѣстѣ съ Джудитой. Всѣ трое долго молчали, глядя на полотно; какъ-будто всѣ трое спрашивали, къ чему этотъ портретъ.

— Садитесь, наконецъ сказала Джудита: надобно по-крайней-мѣрѣ начать.

— Нѣтъ, я не начну, рѣшительно отвѣчалъ Альфредъ, пока вы не объясните мнѣ вчерашнихъ предостереженій.

Джудита посмотрѣла на Эвелину и, не обращая вниманія на Альфреда, сказала:

— Не вѣрьте, моя милая, обѣтамъ любви, клятвамъ, пламеннымъ восклицаніямъ. Можно ли любить и не заботиться о безопасности любимой женщины? Не пишите портрета, бросьтесь съ кинжаломъ на Депорта, потребуйте у него объясненія: на что и для кого портретъ? но до-тѣхъ-поръ оставьте нашъ домъ и не возмущайте мирной жизни нашей. Мы съ Эвелиной вдвоемъ съумѣемъ защищаться, безъ помощи людей, которые слишкомъ рано хотятъ управлять волею женщинъ.

— Простите меня! простите! сказалъ Альфредъ и тронутый и пристыженный.

— Полно, полно! Садитесь и пишите портретъ Эвелины. Депортъ можетъ возвратиться, а вы и не начинали.

Усѣлись. Мѣлъ двинулся по холсту.... Рука остановилась: они засмотрѣлись.

— Начало хорошо; продолжайте, сказала Джудита.

Альфредъ снова сдѣлалъ нѣсколько движеній рукою; но, или мѣлъ былъ дуренъ, или глазъ

невѣренъ, только надобно было стирать проведенныя черты и опять приниматься за работу.

— Друзья мои! сказала Джудита, прійдется, для бо́льшаго успѣха посадить на мое мѣсто Депорта.

Альфредъ засмѣялся; даже печальная дѣвушка улыбнулась. Художникъ понялъ свое положеніе и работа двинулась.

— Странно, однакожъ, сами согласитесь, сказалъ Альфредъ: что́ долженъ я думать о моемъ учителѣ, о положеніи Эвелины, о нашихъ отношеніяхъ съ Депортомъ, если и жена его не скрываетъ передъ чужими людьми своего отвращенія и своихъ опасеній?

— Справедливо, Альфредъ. Я достойна вашего упрека; я увлеклась вашей любовью, испугалась неожиданныхъ событій, которыя меня болѣе недѣли преслѣдуютъ самыми непонятными чудесами. Мнѣ стало страшно за вашу будущность, потому-что сладостный сонъ моей любви кончился годами страданій.... а ужъ этимъ страданіямъ я и конца не вижу.... если бъ не дѣти, давно бы меня не было на этомъ пустынномъ свѣтѣ, гдѣ для меня нѣтъ ни надеждъ, ни утѣшеній. Даже простыя ежедневныя приманки, столь дорогія для каждой женщины, для меня не существуетъ.... Согласитесь; я не такъ еще стара, чтобы отказаться отъ всего на этомъ свѣтѣ и обратить его въ тѣсный монастырь семейной жизни.... Такъ, вѣрно, были обстоятельства, были случаи, отъ которыхъ серд-

це обратилось въ уголь, въ пепелъ, и болѣе горѣть не можетъ.

Эвелина оборотилась къ Джудитѣ, такъ, что портрета писать не было возможности. Альфредъ не смѣлъ напомнить, и лѣниво набрасывалъ пятна для рукъ и платья.

— Джудита! съ чувствомъ спросила Эвелина: неужели мои несчастія....

— Гдѣ они, Эвелина? Смерть матери, отъѣздъ отца, конечно большія потери; но эти раны заживаютъ; такъ устроено Небомъ; потому что дѣти, по естественному порядку, должны смѣнить родителей; но другія привязанности, другія, не связи, а такъ сказать, сросты?... О, дай Богъ и не узнать вамъ какъ мучительны эти раны! Какъ ни время, ни безчисленныя перемѣны быстрой жизни, не могутъ не только залѣчить ихъ, нѣтъ! сколько-нибудь унять нестерпимую боль, которая отъ времени усиливается до смертельной степени...

— Разскажите, Джудита! разскажите ваши несчастія. Вамъ будетъ легче, когда друзья будутъ раздѣлять съ вами тягостное бремя.

— Пожалуй! отвѣчала Джудита. Не любопытная повѣсть, но для васъ обоихъ очень важная и поучительная. Не станемъ откладывать. Депортъ скоро возвратится.

—

ГЛАВА XIX.

ДЖУДИТА ВАОЛИ.

(Первый эпизодъ.)

— Ma mère, il faut me marier,
Car Mazarin est arrivé;
J'ai promis à ce drôle
Qu'ai le désir de l'épouser
Pour avoir ses pistoles.

— Ma fille, il vous le faut quitter
Et tous les présens refuser,
Quoiqu'il ait bonne mine;
Car si vous l'aviez épousé,
Vous seriez mazarine.

— Ma mère, vous avez grand tort:
Et sachez que je saurai bien
Jouer mon personnage.

MAZARINADES, 1649.

I.

ПОТЕРИ.

«Я родилась далеко отсюда; но вы, я думаю, часто слышите про мою отчизну. Три великія царства спорятъ давно, и съ такимъ упорствомъ, за клочекъ земли, какъ-будто на немъ растутъ драгоцѣнные камни и металлы. Богата моя отчизна, богата красотами природы, богата виноградниками и плодами; но люди бѣдны, городовъ нѣтъ, торговое мѣстечко — наша столица, нашъ Парижъ. Адда пробѣгаетъ по всей долинѣ и уходитъ въ Италію. Альпы какъ-будто родились у насъ, и пошли на сѣверъ. И отъ этихъ родствен-

ныхъ сивой земли нашей, мы ни Италіянцы, ни Швейцарцы: слуги всѣхъ націй, лагерь всѣхъ европейскихъ войскъ. Сегодня Австрійцы, завтра Испанцы, тамъ Французы, иногда войска италіянскихъ государствъ; тѣ ли, другіе ли, но ужъ кто-нибудь да есть. Вальтелина не можетъ накормить всѣхъ этихъ гостей. Виноградъ, не дозрѣвъ, уходитъ изъ небольшихъ садовъ нашихъ; незваные гости безъ платы распоряжаются и другими нашими плодами: мулы вальтелинскіе подъ военнымъ обозами; люди на мостахъ и дорогахъ, подъ сильнымъ присмотромъ, гладятъ пути врагамъ своимъ. И какая это египетская работа!... Утромъ все въ порядкѣ, все на мѣстѣ: хоть города вези! Вдругъ, дикій ручей попадетъ на завалъ, выскочитъ изъ русла и, пролагая новый путь къ быстрой Аддѣ, ломаетъ, рветъ, разбрасываетъ военную дорогу, работу бѣдныхъ Вальтелинцовъ....

«Давно, лѣтъ пятнадцать тому, и Вальтелинѣ улыбнулось счастіе. Чужіе ушли, но зато свои не остались въ покоѣ. Отставъ отъ коварнаго Милана, мы жили въ дружбѣ съ альпійскими сосѣдями, присоединились къ Граубюнтену и считались частію этого кантона. Но тогда съ горъ безпрепятственно сошли въ нашу долину новыя вѣрованія, новые проповѣдники. Быстро распространялась реформація: между отступниками отъ папизма былъ и отецъ мой; мнѣ было тогда около девяти лѣтъ. Увлеченный новымъ ученіемъ, отецъ хотѣлъ, чтобы и жена и дочь послѣдовали его примѣру. Матушка пришла въ ужасъ, когда Гаэ-

тано объявилъ свою волю. Обнявъ меня крѣпко, она какъ-будто боялась, что дочь украдутъ черные проповѣдники германской реформы; упрекала отца въ отступничествѣ; клялась не измѣнять вѣрѣ своихъ отцовъ и, и однажды.... меня не было дома.... Богъ-знаетъ отъ чего, слегла въ постель. Гаэтано былъ неумолимъ. Недугъ матушки онъ приписывалъ упрямству; не позвалъ врача, и самъ не хотѣлъ озаботиться о несчастной. Болѣзнь усилилась, и когда опасность обнаружилась въ послѣдней степени, тогда только пошелъ онъ искать какого-то ученаго пришельца, который съ богословскими свѣдѣніями соединялъ лечебныя. Я одна осталась при матушкѣ. «Джудита! сказала больная едва внятно: бѣги къ отцу Антоніо. Скажи: я умираю....» Я бросилась въ монастырь, и по дорогѣ кричала: «Матушка умираетъ! матушка умираетъ!....» И когда отецъ Антоніо съ Дарами шелъ къ нашему дома, а я бѣжала за нимъ, едва поспѣвая отъ усталости, у воротъ нашихъ чернѣла толпа жителей Сондріо. Громко спорили. Какой-то черный человѣкъ доказывалъ толпѣ, что Маргариты Ваоли не должно исповѣдывать, но приготовить къ смерти по новому правилу. Мы были уже у самаго порогу. Почти въ то же время подошелъ къ дверямъ и Гаэтано съ ученымъ Швейцарцемъ. Увидѣвъ отца Антоніо, Гаэтано пришелъ въ бѣшенство, захлопнулъ двери и, держа ручку замка, оборотился къ намъ и закричалъ: — Не пущу въ домъ мой паписта, да не снидетъ на насъ проклятіе Господ-

не!— «Пустите! сказала я: матушка умираетъ...» —Да не сопутствуетъ ей грѣхъ бесѣды съ козлищами и поклонниками Ваала! — «Маргарита умираетъ!.... раздалось въ толпѣ: пропусти, отступникъ, святаго отца!»— Нѣтъ! Я привелъ къ ней пастыря истиннаго, а этого не пущу! И вы, грѣшники, паписты, овцы въ волчьихъ лапахъ, опомнитесь и покайтеся!

«Въ отвѣтъ послышался глухой стонъ толпы и брызнулъ дождь камней. «Смерть отступникамъ!» Побѣжалъ крикъ съ улицы на улицу. Толпа раздѣлилась; ножи засверкали: двери стали свободны. Отецъ Антоніо спокойно вошелъ въ нашъ домъ; я вбѣжала за нимъ дрожа и плача. Подходимъ къ матери: она открыла глаза. Вдругъ, всѣ окна задребезжали и посыпались съ камнями на полъ. Маргарита хотѣла приподняться, и отошла. — «Волки, дѣти Ваала! пейте кровь праведника!» закричалъ отецъ мой въ дверяхъ и упалъ мертвый на порогѣ.

«Я выбѣжала на улицу, кричала «Помогите!» но никто не хотѣлъ слушать, всѣ бѣгали съ ножами; со многихъ дымилась кровь. Я встрѣтила знакомыхъ, но и тѣ, убѣгая кричали: «Благодари Бога, Джудита, мы истребили еретиковъ!»

«Сама не зная куда и зачѣмъ, я бѣжала за ними. Уже на долинѣ я опомнилась и вернулась. Сондріо опустѣло: ни живой души на улицахъ; кое-гдѣ я встрѣчала трупы; изрѣдка слышала въ домѣ стоны умирающихъ. Страхъ придавалъ мнѣ быстроту, крылья. Вбѣгаю домой, и вижу: монахи съ от-

цомъ Антоніо уже приготовили тѣла родителей моихъ къ погребенію.... Странно: я не плакала! Тѣсно было душѣ моей; сердце щемило: я глядѣла на все съ изумленіемъ, съ какимъ-то дерзкимъ ужасомъ. Да, мнѣ было странно, а я любопытствовала, разспрашивала, прикасалась къ ранамъ отца моего, и когда, подъ-вечеръ, монахи подняли мертвецовъ и двинулись въ путь, я пошла за ними уже со слезами, кричала, даже сердилась, зачѣмъ унесли у меня отца и мать.... Я не могла вообразить, что они умерли. Процессія медленно шла по пустымъ улицамъ Сондріо. При встрѣчѣ каждаго трупа два монаха насъ оставляли и принимались за покойника. При нѣкоторыхъ мертвецахъ мы уже находили монаховъ другаго ордена и также съ готовыми гробами. Мы были близко монастыря и кладбища. Вдругъ, густыя толпы народа, съ ножами на-голо, загородили дорогу... —«Стой! кричали многіе: бросьте отступниковъ! Ужо мы похоронимъ ихъ въ Маллеро и Аддѣ.... а теперь спѣшите въ церкви: служите Te Deum: Вальтелина очищена отъ еретиковъ!» Но монахи покойно продолжали путь свой. Увидѣвъ меня, жители Сондріо закричали: — «Какъ? и Гаэтано Ваоли?...» И монахи не успѣли опомниться, какъ уже гробъ отца моего былъ въ рукахъ народа, и его понесли къ тому мѣсту, гдѣ ручей Маллеро бросается въ Адду. «На, голубая, женишка!» закричала толпа, и Гаэтано исчезъ въ шумномъ потокѣ Маллеро.... Я все время шла за трупомъ отца, молила, плакала, но никто меня не слу-

налъ.... Когда волны поглотили Гаэтано, съ веселыми криками побѣжалъ народъ въ церкви. Я осталась одна; глядѣла въ волны: отца не было. Прислушивалась, не кричитъ ли онъ? но въ отвѣтъ — шумъ Маллеро и отдаленный гулъ, необыкновенный, страшный. Казалось, весь воздухъ дрожалъ! Раздались колокола въ нашемъ Сондріо: имъ отвѣтили въ Тирано. Смерклось. По всей долинѣ, въ разныхъ мѣстахъ, горѣло пожарное зарево, гудѣли колокола: мнѣ казалось, будто я слышу звонъ изъ Кіавенны и Борміо. Наступила ночь; стало страшно; бѣгу домой: по улицамъ еще не успокоились люди. Дома мнѣ стало еще страшнѣе. Я прибѣжала къ сосѣдкѣ, которую очень любила покойная матушка: она жила окнами противъ оконъ нашего дома. — Гдѣ ты пропадала, Джудита? спросила она съ примѣтною радостью: и мы, и дѣти, вездѣ тебя искали! Ну, слава Богу, хоть ты жива! — «Но батюшка!... — По-дѣломъ ему: палкой хотѣлъ жену вѣрѣ учить, еретикъ окаянный! Забудь объ немъ, Джудита, а молись объ несчастной матери. — «А что матушка?....»

«Горько улыбнулась Катарина, взяла меня на руки и унесла къ своимъ дѣтямъ. У нея было два сына и дочь. Дочь, Марія, была гораздо постарше меня, такъ, что черезъ годъ думали и замужъ выдать: она обрадовалась моему приходу, и скоро успокоила мое дѣтское горе. Мы уснули вмѣстѣ на одной постели.

—

II.

ЖЕНИХИ.

«Лучшее время моей жизни — это годы сиротства. Материнская привязанность Катарины, дружба Маріи, внимательность всего дома, казалось, съ избыткомъ замѣнили мнѣ суроваго отца и слабую, хворую мать. Марія вышла замужъ за какого-то флорентинскаго кавалера: онъ оставилъ войну и уѣхалъ съ женою въ отчизну. Дорого стоило Катаринѣ разстаться съ дочерью, тѣмъ болѣе что, уже послѣ свадьбы, открылось, что Марія, несмотря на всѣ достоинства флорентинскаго богача, не можетъ любить его. Сердце Маріи принадлежало французскому офицеру, нѣжному юношѣ, который, сколько помню я, назывался д'Орбиньи, и передъ самой свадьбой долженъ былъ отправиться въ походъ, отложивъ объясненіе съ Катариной до заключенія мира, котораго тогда всякой день ожидали. Марія уѣхала, и вся привязанность доброй матери досталась на мою долю. Я подрастала; люди останавливались, глядя на меня; восхищались моими глазами, станомъ, осанкой, походкой, рѣчами. Пришла пора: Катарина искала жениха, но непремѣнно въ Сондріо. Лишиться второй дочери, на это не могла рѣшиться добрая Катарина: и женихъ отыскался.

«Я не умѣла еще любить. Повѣрьте: любовь искусство; ему надо учиться. А эти пламенныя страсти, *пришелъ, увидѣлъ, полюбилъ*, имѣютъ еще четвертый, столь же краткій, быстрый пе-

ріодъ, то есть, и *разлюбилъ*. Молодая дѣвушка любитъ, какъ будущій музыкантъ, еще ребенкомъ, уже правильно насвистываемъ пѣсню: но развѣ это музыка?.... какъ молодой живописецъ чертитъ угольком на стѣнахъ и столахъ головки, фигурки, деревья и домики: но развѣ это живопись?... И развѣ наша первая дѣвичья любовь въ самомъ дѣлѣ любовь? Не сердитесь, мои друзья, а я считаю каждую первую любовь предчувствіемъ, школой; меньше: азбукой!... И мнѣ хотѣлось любить кого-нибудь, потому что Марія любила своего д'Орбиньи, а матушка покойнаго отца, Катарина своего чулочника.... и вообще всѣ женщины Сондріо любили, то австрійскихъ, то испанскихъ, то французскихъ воиновъ: патріотизмъ въ этомъ случаѣ онѣ прятали въ молитвенники, потому что въ церквахъ только, всѣ, единодушно, усердно молились объ освобожденіи Вальтелины отъ нашествія варваровъ. Я не могла подражать моимъ сверстницамъ. Катарина строго смотрѣла за моими связями и знакомствами, и я, отъ скуки, полюбила молодаго Француза. Вся конная рота, составлявшая гарнизонъ нашего мѣстечка, состояла подъ его начальствомъ. Жоржъ былъ постарше д'Орбиньи, но геройскій видъ, воинственное лицо, открытый, прямой характеръ, любовь къ нему всѣхъ жителей, поселили во мнѣ нелѣпую страсть. Отъ сверстницъ я не могла укрыться: слухи и сплетни дошли до Жоржа. Сижу я однажды у окна и мечтаю о моемъ Жоржѣ: вошла Катарина, усѣлась противъ меня и, послѣ краткаго молчанія,

начала говорить торжественно:— «Послушай, Джудита, пора тебѣ и пристроиться. Сыскался и женихъ въ Сондріо.» Я поблѣднѣла. Катарина продолжала: «Ты, вѣрно, замѣтила: пойдешь ли ты въ церковь, къ сосѣдямъ, на прогулку, какъ съ неба всегда явится молодой человѣкъ....»

«Мнѣ сдѣлалось дурно; я не могла не узнать въ этомъ молодомъ человѣкѣ сына нашего головы, богатаго наслѣдника многихъ виноградниковъ и многихъ мѣшковъ золота. Но какой онъ женихъ! Ни одна изъ моихъ знакомыхъ не была влюблена въ него; онъ никогда не ѣздилъ верхомъ на андалузскомъ конѣ мимо моихъ оконъ: всегда въ черномъ, какъ швейцарскій проповѣдникъ; даже въ обращеніи его замѣтна была простота новыхъ ученыхъ, которыхъ послѣ смерти отца моего, я такъ ненавидѣла. Я скрѣпилась и хотѣла, во что бы то ни стало, дослушать добрую Катарину. — «Піетро д'Аргола, продолжала она, влюбленъ въ тебя дотого, что его, право, жаль.» Я стала внимательнѣе. «Онъ написалъ цѣлую книгу о любви, гдѣ превозноситъ тебя похвалами. Любовь его достигла послѣднихъ предѣловъ, и, если ты не рѣшишься подарить его счастіемъ, онъ оставитъ наше Сондріо навсегда. Повѣрь, это не угроза. Во всей семьѣ — твердый, упрямый характеръ, но всѣ исполнены честности и достоинства.... Ну, такъ, Джудита....» — Матушка, отвѣчала я довольно спокойно: я не люблю Піетро.

«Не успѣла я сказать этого, двери отворились,

и въ нихъ показалась голова Піетро. Лицо его въ эту минуту было истинно прекрасно; грусть и двѣ большія слезы придавали глазамъ его романическую томность. — «Простите! почти шепотомъ сказалъ онъ: простите навсегда!» — Я была тронута. Катарина глубоко опечалена. Вскочивъ съ мѣста, я не знала куда дѣваться, что̀ сказать: точно острымъ ножомъ провели по сердцу и тотчасъ залили цѣлебнымъ масломъ.... Катарина глядѣла на меня, какъ-будто ожидая, что я обрадую ее другимъ отвѣтомъ на предложеніе Піетро. Но его уже не было. Изъ окна я видѣла какъ онъ кому-то кланялся и благодарилъ: но кому? Я не смѣла взглянуть въ окошко.... Двери растворились. Вошелъ Жоржъ. Представьте весь ужасъ моего положенія! Радость, опасенія, мысли о Піетро, догадки насчетъ такого неожиданнаго посѣщенія.... Жоржъ подошелъ, весьма почтительно поклонился, и сѣлъ возлѣ, безъ приглашенія: — «Добрая Джудита, сказалъ онъ задумчиво, не глядя на насъ: простите, если я пришелъ уничтожить зародыши чувства, которое такъ легко вспыхиваетъ въ сердцѣ молодой дѣвушки, и отстранить отъ совѣсти моей грѣхъ, что я былъ невольною причиною погибели добраго моего друга Піетро д'Аргола; а онъ едва ли перенесетъ потерю Джудиты. Можетъ-быть, слухи слишкомъ лестны для меня; можетъ-быть люди хотѣли пошутить надъ вашимъ простодушіемъ; но.... я женатъ!»

«Мнѣ не на шутку сдѣлалось дурно; онъ, ничего не замѣчая, продолжалъ: — «И даже для

васъ, очаровательная Джудита, не измѣню чудной женѣ моей, хотя она за горами въ далекомъ Парижѣ.... Вѣрность королю, вѣрность въ дружбѣ и любви — вотъ старая, заслуженная слава капитана Вальероля!....»

— Моего отца?.... спросила съ трепетомъ Эвелина.

Альфредъ также не удержался отъ восклицанія.

«Рѣчь капитана убила меня, продолжала Джудита, не отвѣчая собесѣдникамъ: я совершенно смѣшалась; добрая Катарина отъ удивленія онѣмѣла и, всплеснувъ руками, глядѣла на меня съ выраженіемъ упрека и оскорбленія. Капитанъ хотѣлъ сколько-нибудь успокоить старушку и оправдать меня въ глазахъ второй моей матери; но не успѣлъ сказать трехъ словъ, какъ раздались колока; улица покрылась народомъ; ударили въ набатъ. На быстромъ конѣ къ окошку подскакалъ драгунъ; я спряталась въ уголъ.... — «Что̀ такое, Помпей?» спросилъ капитанъ.

— Удивительно!.... это Гаръ-Піонъ! вскричала Эвелина.

«Вѣроятно. —«Непріятель! отвѣчалъ драгунъ... Будетъ сраженіе. Рота сейчасъ прискачетъ. Люди мнѣ показали гдѣ вы, капитанъ, и имъ покажутъ.»

«Рота драгунъ неслась по улицѣ. Капитанъ уже былъ на конѣ; мы слышали, какъ онъ разспрашивалъ о непріятелѣ. — «Сильный отрядъ, капитанъ, отвѣчалъ тотъ же драгунъ: съ пушками!» — Австрійцы или Испанцы? — «Испанцы,» кричали драгуны.— Что̀ дѣлать! уйдемъ въ горы до

коры до времени: а всему виноватъ генералъ Конти!

«Рота поскакала. Волненіе на улицахъ продолжалось; сосѣди запирали ставни, и наши кто-то захлопнулъ съ улицы; мы остались въ темнотѣ. Катарина, испуганная, изумленная, не могла ни говорить, ни встать; я, спрятавшись въ уголъ при первомъ появленіи драгуна, не смѣла изъ него выйти: меня занимала не война: мы такъ уже привыкли почти къ ежедневнымъ перемѣнамъ военнаго постоя, что скучали, когда одни и тѣ же войска долго засиживались въ Сондріо; нѣтъ! я считала капитана измѣнникомъ, неблагодарнымъ: мнѣ казалось, что онъ женился нарочно, чтобы меня унизить. Мнѣ стало жаль Піетро, совѣстно передъ Катариной, стыдно передъ сверстницами... Наконецъ старушка пришла въ себя и тихо спросила: — «Ты здѣсь, Джудита?»— Здѣсь! отвѣчала я такъ тихо, что Катарина повторила свой вопросъ. — «Что все это значитъ? разскажи мнѣ, Джудита! — Я не знаю, матушка. Вы сами слышали.... Испанцы....— Что намъ до нихъ! не всѣ ли одно кто будетъ грабить бѣдную Вальтелину?.... Но ты скажи мнѣ....» — Матушка! простите!.... — Я бросилась въ ея объятія и, заливаясь слезами, разсказала ей, со всею искренностью, краткую повѣсть моей любви. Катарина захохотала: но насъ помирилъ пушечный выстрѣлъ. Сраженіе завязалось противъ нашего дома. Выстрѣлы и стукъ сабель дробились еще около получаса, мѣшаясь съ криками и топотомъ коней;

вдругъ все утихло. Мы осмѣлились отворить двери, калитку; выходимъ на улицу: нѣсколько человѣкъ раненныхъ лежитъ на площадкѣ; вдали видны войска; французская рота ушла, Испанцы ее преслѣдовали.... Незамѣтно выползли и другіе сосѣди, окружили раненныхъ; между ними было человѣкъ десять Испанцевъ, два Француза и Піетро д'Аргола.... Онъ увидѣлъ меня, когда его несли мимо нашего дома:— «Прости, Джудита!» закричалъ онъ такимъ пронзительнымъ голосомъ, что я безъ чувствъ упала на руки Катарина.

III.

НОВЫЕ ГОСТИ.

«Я очнулась отъ новаго шуму: на улицѣ играли трубы и раздавался мѣрный топотъ лошадей. — «Это наши, сказала Катарина: не бойся, Джудита, это наши!»

«Я, съ постели, видѣла смѣшныя фигуры италіянской конницы. Несмотря на слабость, я встала и подошла къ окну; сильный отрядъ разношерстныхъ италіянскихъ войскъ, какъ стѣна, медленно подвигался по улицѣ. — «Давно не видали!» сказала я, принуждая себя улыбнуться. Отрядъ ѣхалъ еще медленнѣе: нерѣдко по тѣснотѣ улицъ останавливался и опять трогался съ мѣста. Вдругъ, что-то ихъ весьма долго задержало. Передъ нашими окнами, на красивомъ черномъ конѣ съ красноватыми огненными глазами, убранномъ перьями и турецкой сбруей, сидѣлъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати семи, осьми. Черныя кудри

сыпались изъ-подъ золотой каски, осѣненной множествомъ разноцвѣтныхъ перьевъ; золотыя легкія латы обливали стройный станъ всадника; красный крестъ — на груди, красный крестъ — на голубомъ небольшомъ знамени, которое, высоко, подъ золоченымъ остріемъ копія, играло съ вѣтромъ: все вооруженіе обнаруживало начальника или, по-крайней-мѣрѣ, богача. За нимъ, также въ каскахъ и въ черныхъ латахъ съ красными крестами, на дурныхъ клячахъ, смирно и уныло сидѣли воины. Мы узнали папское войско. Но, признаюсь, ихъ начальникъ стеръ съ моей памяти, по-крайней-мѣрѣ въ ту минуту, и Жоржа и Піетро. Я невольно охорашивалась, улыбалась, глядя на пляску неутомимой лошади; наконецъ встрѣтилась взорами съ красивымъ всадникомъ: онъ улыбнулся; я покраснѣла. Отрядъ тронулся, и всадникъ съ особенною пріятностью намъ поклонился. Мы объ встали и отвѣтили почтительнымъ поклономъ начальнику войскъ его святѣйшества. За такимъ богатымъ полководцемъ я ожидала цѣлой арміи, но, къ удивленію, проѣхало не болѣе ста человѣкъ, и потянулся обозъ отряда. Вошелъ Паола, сынъ Катарины. — Ну, что̀ слышно? спросила старушка. — «Господи Боже мой! отвѣчалъ грустно Паоло: десять тысячъ въ Сондріо, когда насъ самихъ и трехъ тысячъ не будетъ!» — Да неужели всѣ остановятся у насъ? — «По-крайней-мѣрѣ сегодня; особенно, когда узнали, что въ долинѣ Испанцы.» — Что̀ же голова? — «Да что, генералу Конти, уступилъ свой домъ, а венеціянскому сенатору

назначилъ вашъ домъ, матушка.» — Мой домъ?... А куда же мы сами дѣнемся? Развѣ переѣхать напротивъ, въ домъ Джудиты? — «Нѣтъ, матушка; нынче и сиротскихъ правъ не уважаютъ: домъ Ваоли назначенъ папскому капитану.»

«Ахъ, какъ я обрадовалась! Милые друзья; я думала, вѣрно самъ Богъ такъ устроилъ. Любовь къ Жоржу, участіе; теплое участіе къ бѣдному Піетро, исчезли. Я во весь вечеръ не отходила отъ окна, и вся задрожала, когда капитанъ, сопровождаемый слугами, множествомъ лошадей и обозомъ, подъѣхалъ къ моему дому, и, ласково, дружески, какъ старый знакомый, поклонился Джудитѣ. Долго онъ раздавалъ приказанія, стоя у воротъ и не сводя глазъ съ моего окна; наконецъ ушелъ въ домъ, но не забылъ поклониться. Окно раскрылось; капитанъ, безъ шлема и латъ, въ бархатномъ розовомъ камзолѣ съ серебряными снурками, голубыми отворотами и блестящими пуговицами, подошелъ къ окну. Несмотря на малый его ростъ, въ жизни моей я не видала такого красавца! Но смерклось. Паоло заперъ ставни; мнѣ стало очень скучно. На бѣду, Катарина не переставала громко сердиться на голову, и къ каждому обвиненію прилагала вопросъ: «Не правда ли, Джудита?» Пріѣхалъ и нашъ постоялецъ. Лошади и люди не могли помѣститься на тѣсномъ дворѣ Катарины; сенаторъ такого надѣлалъ шуму, что голова, въ тотъ же вечеръ, перемѣстилъ его къ своему зятю; но зато на постой къ намъ прислалъ флорентинскаго сержанта, у котораго

была только лошадь да трубка. Кавардоне, такъ называли его, былъ сговорчивъ, удовольствовался одной комнатой, съѣлъ, что дали, легъ, гдѣ показали и заснулъ крѣпкимъ сномъ.

«На другой день я встала раньше обыкновеннаго и уже сидѣла у окна съ моими пяльцами. Работа шла медленно; я ошибалась безпрестанно: надобно было выдергивать цѣлые цвѣтки, вышитые не по образцу, или не на мѣстѣ, или не тѣмъ шелкомъ. Отъ ожиданія продолжительнаго, отъ тяжкаго нетерпѣнія, я почти захворала; досадныя слезы невольно навертывались на глаза; иногда, въ забытьѣ, я отгоняла докучную муху, а мухи, я думаю, тогда во всемъ Сондріо не было: глубокая осень съ безконечными дождями наводняла нашъ Маллеро, и, бурная, полная, Адда катилась мутными волнами. Наконецъ отворилось окно. Какъ весеннее утро показался юнона: слуги одѣвали капитана; онъ надѣлъ бѣлый бархатный камзолъ съ пунсовыми обшлагами, покрытый на груди пунсовыми снурками, и сѣлъ у окна; слуги принесли столикъ, завтракъ и шкатулку. Капитанъ сталъ чистить ногти. Не успѣлъ онъ расположиться у окна, какъ поползли къ нему гости. Вскорѣ самъ генералъ Торквато Конти вошелъ въ домъ мой. Капитанъ всталъ и, весьма развязно, ловко, безъ солдатской принужденности, принялъ генерала. Разговоръ ихъ былъ продолжителенъ. Капитанъ, какъ я по всему заключила, не согласился съ генераломъ; Конти и всѣ гости настаивали, упрашивали, и наконецъ всѣ разошлись. Потомъ

уже сказывалъ онъ мнѣ, что его убѣждали ѣхать во Францію для переговоровъ, но онъ для меня отказался отъ этой чести. Капитанъ сѣлъ снова къ окну, сталъ чистить ногти и улыбался.... такъ мило, такъ лукаво! Вошелъ къ нему Паоло. Капитанъ что-то сказалъ ему и Паоло прибѣжалъ къ намъ.

— «Матушка! матушка! капитанъ узналъ, что домъ принадлежитъ Джудитѣ и непремѣнно хочетъ познакомиться съ хозяйкой.» — Я покраснѣла, и углубилась въ работу, будто не слышу.— «Милости просимъ, сказала старушка: мы отъ такой чести никогда не прочь; кажется, очень знатный и порядочный человѣкъ.»

«Мы познакомились.

IV.

СВАДЬБА.

«Ахъ! милые друзья! кчему вамъ разсказывать, какъ горячо мы полюбили другъ друга, какъ легко обманывали Катарину, дѣтей ея, сосѣдей? Но вскорѣ блаженство мое смѣнилось ужасомъ: невозможно было скрыть моего положенія. Первая угадала тайну Катарина. Ни одного упрека, ни какого наставленія; но, убѣдясь въ горькой истинѣ, она отправилась къ капитану. Я была совершенно спокойна: меня пугала одна Катарина; но, когда минула тяжелая минута объясненія, когда я увидѣла, что матушка не сердится, не горюетъ, я опять стала весела по-прежнему, и мысль быть матерью, женою, утроила блаженство моей любви.

Я не сомнѣвалась въ Джуліо, потому что и день и часъ моего союза уже были назначены; Джуліо просилъ только о временной тайнѣ. Катарина возвратилась съ веселымъ лицомъ, не могла нахвалиться обхожденіемъ Джуліо, разсказала, что застала его въ бесѣдѣ съ нунціемъ кардиналомъ, который ѣдетъ во Францію, и съ генераломъ Торквато Конти. Когда эти важныя особы удалились, позвали Катарину. Джуліо самъ предупредилъ непріятное объясненіе, и разсказалъ свои намѣренія; но важныя политическія причины не позволяли браку совершиться въ Сондріо, и онъ не зналъ самъ, гдѣ бы лучше исполнить обрядъ, въ Кіавеннѣ или въ Тирано.

— «Въ Кіавеннѣ, сказала старушка, у меня нѣтъ никого знакомаго.» — Зато у меня, отвѣчалъ Джуліо, есть тамъ свои люди; я тотчасъ напишу туда. Приготовьте Джудиту къ отъѣзду; я спѣшу этимъ дѣломъ, чтобы успокоить васъ, добрая Катарина. Сегодня же я пришлю за нею людей: но, ради самаго неба, не погубите насъ нескромностію! Мѣсяцъ молчанія — и все уладится. А жениться надо; если бы можно было, сейчасъ, сію минуту. Я человѣкъ военный: Богъ знаетъ, что̀ можетъ случиться! Но съ моимъ состояніемъ она будетъ спокойна; совѣсть чиста, счастіе жизни упрочено, честь ребенка... Однимъ словомъ, откладывать нельзя.

— «Вотъ какой благородный человѣкъ! сказала со слезами Катарина. Грѣхъ—дѣло житейское; но такъ честно загладить преступленіе, такъ спѣ-

нить исправленіемъ ошибки.... это качество нынче рѣдко встрѣтишь!»

«Представьте мою радость, мое счастіе!... Конечно, я собралась очень скоро; по условію, я должна была тотчасъ послѣ брака отправиться въ Миланъ, и тамъ ждать Джуліо, который обѣщалъ туда пріѣхать ровно черезъ мѣсяцъ: къ этому времени, не знаю почему, ожидали непремѣннаго окончанія войны. Остальную часть дня мы прощались съ Катариной; я обѣщала въ продолженіе моего временнаго вдовства навѣстить Марію, а потомъ пріѣхать погостить къ старушкѣ. Смерклось; прилетѣлъ Джуліо. Первый разъ безъ страху, какъ супруги, мы бросились въ объятія другъ друга: Джуліо плакалъ отъ радости, цѣловалъ руки счастливой Катарины: наконецъ мы приняли ея благословеніе, и ушли. Старушка съ умысломъ послала зачѣмъ-то и дѣтей и слугъ, кого въ Тирано, кого въ окрестные монастыри, и сама свѣтила намъ на лѣстницѣ. Кавардоне спалъ. На дворѣ ожидала меня богато убранная лошадь и папскіе усатые и бородатые лошади. Сѣли всѣ на лошадей. Я сказала Катринѣ послѣднее «прости», и мы тронулись въ путь. Изъ воротъ мы поворотили направо, мимо дома: въ окнѣ торчала моя Катарина; луна странно освѣщала старое лицо, и она стояла будто гостья съ того свѣта: мнѣ стало грустно.— «Прости Джудита! прошептала она.—«Прости Джудита!» повторилъ пронзительный голосъ; я чуть не упала съ лошади: подъ окномъ стоялъ Піетро, такой

страшный, такой блѣдный!...— «Смѣлѣй, смѣлѣй!» прошепталъ Джуліо, и мы прибавили ходу..

«Не скоро я могла успокоиться. Разнообразіе ощущеній; непривычка къ верховой ѣздѣ, особенно въ моемъ положеніи; скользкая, узкая дорога; на каждомъ шагу опасность: мнѣ сдѣлалось дурно.... Нѣжная заботливость Джуліо была лучшимъ лекарствомъ, и мы шагомъ пробирались къ Кіавеннѣ; въ пріятномъ разговорѣ, я почти не замѣтила переѣздовъ. Мы пріѣхали въ Кіавенну поздно ночью: луна скрылась; стало очень темно; на улицахъ мы не встрѣтили живой души.— «Все ли готово? ждутъ ли насъ? спросилъ Джуліо.— «Будьте спокойны! Я позволю зарядить пушку, если Діаволо не уладилъ дѣла. — «In punto!» сказалъ кто-то въ темнотѣ.— «Діаволо, Діаволо!» прошептали спутники. — «Ну, что?» спросилъ Джуліо, и голосъ его дрожалъ. — Все готово, отвѣчалъ Діаволо: насилу уладилъ. Отецъ Сильвестръ непремѣнно хотѣлъ знать, кто вы. — «Ну, что же? надо было сказать и заплатить за тайну.» — Я такъ и сдѣлалъ. Но отецъ Сильвестръ не иначе согласился, какъ на томъ условіи, чтобы обрядъ совершился безъ свѣчъ. — «Что ты! съ ума сошелъ!» — Нѣтъ; по мнѣ онъ правъ: зажгутъ свѣчи, пойдетъ по городу тревога, сбѣгутся.— «Совершенно справедливо!» сказала я.— Ну, нечего дѣлать! Надо согласиться, хотя это странно. — «Да позвольте! вы не Джуліо, а Филиппо», сказалъ Діаволо.— Это почему?— «Ужъ не извольте безпокоиться; въ бу-

магахъ все написано, какъ слѣдуетъ, а въ церкви своего имени не произносите: тамъ будутъ и прислужники, а они даже имени вашего знать не должны.»

— Очень умно, сказала я.

— «Да какъ же не умно! замѣтилъ Діаволо: какъ на бѣду, самъ кардиналъ Бани уже здѣсь, и если узнаетъ какъ-нибудь, что ночью вѣнчали капитана Джуліо изъ Сондріо, догадается: чего добраго!... надѣлаетъ шуму, напишетъ къ вашему отцу: все пропало; будете съ женой ходить поміру; мѣсяцъ обождать не долго.»

«Мы подъѣхали къ церкви. Латники остались у паперти, гдѣ приготовлена была крытая повозка для моего отъѣзда въ Миланъ. — Я изъ церкви провожу тебя, Джудита, сказалъ Джуліо, до перваго городка. — А вы ступайте впередъ и поджидайте насъ.» — Слушаю съ, отвѣчалъ Діаволо.

«Мы вошли въ церковь.— «Ахъ! надобно еще сказать слово», продолжалъ Джуліо и вышелъ на паперть; но не прошло мгновенія, онъ воротился, взялъ меня за руку и повелъ къ алтарю. Мы оба дрожали, особенно женихъ. Я слышала какъ ускакали всадники.

«Обрядъ совершился; мы въ повозкѣ. Наступила блаженнѣйшая минута: я осыпала горячими поцѣлуями уже супруга, онъ прижималъ меня къ сердцу, и, тихо, шопотомъ, умолялъ успокоиться, заснуть, отдохнуть отъ всѣхъ хлопотъ, страху, усталости. Лошади мчались: я уснула въ объя-

тіяхъ Джуліо.... О! зачѣмъ я проснулась?... Было свѣтло; мы поднимались на альпійскія высоты.... мужъ мой спалъ.... Но то былъ не Джуліо!...

— Кто же? спросили съ ужасомъ Альфредъ и Эвелина.

— Филиппо Деллапорта!

V.

ЗАМУЖСТВО.

«Не стану вамъ разсказывать моего отчаянія, распросовъ, проклятій, болѣзней, попытокъ бѣгства, иногда и грѣшныхъ намѣреніи лишить себя жизни. Все это было очень естественно въ моемъ положеніи. Скажу вамъ только, что настоятельные, дерзкіе вопросы, сопровождаемые, признаюсь, даже бранью и угрозами, доставили мнѣ только тѣ свѣдѣнія, что Филиппо Деллапорта, неаполитанскій живописецъ, по бѣдности имѣлъ искать счастія во Францію, промышляя дорогой на путевые расходы; что Діаволо или, какъ называлъ его Филиппо, синьоръ Ланети, встрѣтилъ Деллапорту въ Кіавеннѣ, познакомился и, когда узналъ, что Филиппо холостъ, крайне бѣденъ и пробирается во Францію, Ланети предложилъ ему три тысячи ливровъ и меня. При совершенной нищетѣ, три тысячи ливровъ казались Филиппу цѣлой государственной казной, и онъ согласился. Кто былъ Джуліо, кто я, все это для него оставалось тайной: онъ получилъ половину денегъ впередъ, вторую обѣщали ему заплатить въ Гренобль, гдѣ мы и остановились на нѣсколько дней.

Тамъ мы нашли сильные отряды французской арміи съ кардиналомъ-генералиссимусомъ.... Слабость, раскаяніе въ легкомысліи, стыдъ возвратиться на родину, страхъ совершить грѣхъ смертельный... я рѣшилась на-время покориться жребію! Жизнь и здоровье ребенка еще болѣе заставляли меня быть благоразумною. Деллапорта былъ еще довольно молодъ.... лѣтъ тридцати пяти, шести; довольно хорошо образованъ, не дурно пѣлъ, говорилъ прекрасно.... Я начала мириться съ моимъ положеніемъ, но мы жили съ нимъ какъ добрые знакомые, которыхъ судьба на всю жизнь поставила подъ одну крышу. Мысль о мести не оставляла меня; но сказать объ этомъ Деллапортѣ я опасалась: можетъ-быть месть моя несогласна будетъ съ его расчетами, а, главное, съ его врожденною трусостью. Замѣтьте, что я, даже въ припадкахъ отчаянія и бѣшенства, не назвала Джуліо по фамиліи: я рѣшилась скрыть ее до поры до времени даже отъ мужа. Въ Гренобле Филиппо получилъ свои деньги, ночью, отъ того же Діаволо, который, положивъ передъ сонным Филиппо мѣшокъ, скрылся — и слѣдъ простылъ. Мы переѣхали въ Ліонъ, кое-какъ устроились. Родились близнецы, Джуліо и Джироламо... Материнскіе заботы совершенно изгладили послѣднія воспоминанія объ измѣнникѣ. Я опять похорошѣла, такъ, что самъ Филиппо нерѣдко засматривался на жену свою: иногда рѣшался даже напомнить о правахъ своихъ, но, не знаю, какъ помогло мнѣ Небо: я всегда грозно встрѣчала

его и наконецъ онъ обо мнѣ пересталъ и думать. Деньги наши израсходовались. Филиппо принялся за работу, и я замѣтила, что онъ, не живописецъ, а простой маляръ. Онъ началъ расписывать лѣстницы и комнаты богатѣйшихъ купцовъ ліонскихъ: въ этомъ онъ очень былъ искусенъ, и плата за его ничтожныя работы была довольно значительная, такъ, что совершенно обезпечивала наше существованіе. Деллапорта примѣтно началъ скучать своею женитьбой: мы почти не видались, хотя занимали только два покоя; изрѣдка онъ приходилъ въ мою комнату, сердился на расходы... Но однажды онъ пришелъ домой поздно ввечеру, обошелся со мной необыкновенно ласково: учтивостямъ не было конца; онъ помогалъ мнѣ убаюкивать дѣтей; они заснули, и Деллапорта, или Депортъ, взялъ меня за руку.

— «Джудита! сказалъ онъ съ чувствомъ: мы въ крайности; работы по зимѣ прекратились; весь дворъ въ Ліонѣ; король нездоровъ, даже опасно; ты можешь представить, кому теперь до украшенія залъ и лѣстницъ живописными цвѣтками! Голодная смерть намъ угрожаетъ. Но ты можешь спасти насъ и дѣтей, обогатиться, жить счастливо. Ты такъ молода!... Ты такъ жаждешь любви!... И, конечно, не я тотъ счастливецъ, кому назначены первые восторги послѣ двулѣтняго замужняго вдовства. Воспоминанія разлучили насъ навѣки... Тягостное бремя для мужа — такая жена и такія дѣти!...» Онъ съ презрѣніемъ поглядѣлъ на колыбель, гдѣ два мои ангела спали

сладкимъ, невозмутимымъ сномъ. — «Такъ разойдемся, сказала я равнодушно. Я отдамъ дѣтей на руки добрыхъ людей, а сама пойду въ монастырь.» — Разводъ! Ты задумала развестись со мною? Но развѣ я даромъ содержалъ два года тебя и твоихъ поганыхъ щенковъ? — «Филиппо!...» Я схватила ножъ: онъ вырвалъ его, и продолжалъ въ бѣшенствѣ.— «Заплати за жизнь, которую ты погубила; заплати за независимость, заплати за отверженную любовь: за все, за все! Ты можешь это сдѣлать, Джудита, и случай уже представился.» — Филиппо, Филиппо! кричала я.— «Ты знаешь его: еще на родинѣ онъ полюбилъ тебя; мы разбогатѣемъ: понимаешь ли?»

«Я съ трудомъ понимала его; чувства меня оставляли.

— «Ты догадалась, Джудита?... ты согласна? Онъ стучится. Войдите, войдите, она ваша!»

Двери отворились вошелъ Піетро д'Аргола. Деллапорта скрылся. Я встала и, съ трудомъ держась за спинку креселъ, хотѣла закричать, но у меня не стала голосу.

«Піетро бросился на колѣна. — «Ради Неба, будьте спокойны! сказалъ онъ умоляющимъ голосомъ. Я пришелъ не съ тѣмъ, чтобы васъ оскорбить, унизить: нѣтъ! все кончилось между нами; я женатъ, я счастливъ; но ваше положеніе меня тронуло. Я узналъ, что вы въ Ліонѣ: зову вашего мужа; Боже Великій! подумалъ я, чего не изобрѣтетъ корысть человѣческая! И кому достанется этотъ цвѣтокъ? Если такъ уже

должно быть.... я отниму у него это страшное средство обогащенія... И золотыя горы были предложены вашему мужу. Мы условились прибѣгнуть къ крайнимъ способамъ, въ случаѣ вашего несогласія.... Онъ и не мечтаетъ, что доставилъ мнѣ только часъ бесѣды съ вами на-единѣ, бесѣды послѣдней, бесѣды предсмертной.... Не пугайтесь, Джудита! Опасность не для васъ.... Садитесь и и выслушайте.»

VI.

РАЗСКАЗЪ ВЪ РАЗСКАЗѢ.

«Я не женатъ и счастія не встрѣтилъ, говорилъ Пьетро; люблю васъ по-прежнему, но эти дѣти насъ разлучили надолго, можетъ-быть на вѣки. Вы уѣхали съ капитаномъ: я стоялъ у окна и простился съ вами съ твердымъ намѣреніемъ лишить себя жизни въ ту же ночь. Я сражался съ Испанцами—напрасно, смерти не встрѣтилъ! И во второй разъ самоубійство мнѣ измѣнило!... Пронзительный крикъ мой убилъ Катарину: я слышалъ, какъ она упала на полъ, и бѣжалъ домой.... Ночью будятъ моего отца: погода была ужасная; Паоло со слезами разсказывалъ о смерти матери, о вашемъ бѣгствѣ... куда, никто не зналъ. Отецъ мой, по должности, приказалъ созвать старшинъ; всѣ отправились въ домъ Катарины. Я одинъ зналъ, что и какъ случилось; но измѣнить дорогой измѣнницѣ, покрыть имя ее на родинѣ стыдомъ.... нѣтъ! я васъ любилъ по-прежнему.... Пусть лучше, думалъ я,

неизвѣстность покроетъ непроницаемымъ мракомъ и ваше бѣгство и ваши несчастія. О! я и въ нихъ не сомнѣвался; больше: я ихъ предчувствовалъ.... Отецъ воротился и улегся; но вскорѣ обнаружился жаръ, бредъ: простуда была слишкомъ сильна, помощь моя необходима, послѣднія обязанности священны. Я похоронилъ отца, продалъ все имущество, и узнавъ, что капитанъ посланъ въ Гренобль для переговоровъ съ кардиналомъ, отправился во Францію. Я не нашелъ его тамъ: онъ оставилъ войное ремесло и уѣхалъ съ папскимъ нунціемъ, кардиналомъ Бани, въ Ліонъ. Въ Ліонѣ я опять не нашелъ его: слухи меня обманули; я узналъ навѣрное, что онъ подъ Казаломъ. Поздно пріѣхалъ я во французскій лагерь. Имя капитана Вальероля доставило мнѣ свободный пропускъ и скорое свиданіе съ этимъ достойнымъ человѣкомъ. — «Что? не опять ли сражаться съ нами противу Испанцевъ!» спросилъ онъ. — Пожалуй! отвѣчалъ я: только у меня есть небольшое дѣло, которое, думаю, лишитъ меня удовольствія сражаться подъ вашимъ начальствомъ. — «Какое дѣло? — Тайна. — «Въ такомъ случаѣ и не спрашиваю. Конечно, вы ночуете у меня?» — У васъ капитанъ.

«Мы поужинали, заснули, но утромъ рано разбудила насъ вѣстовая пушка. Черезъ часъ французскія войска были въ боевомъ порядкѣ: я сѣлъ на коня, и присталъ къ волонтерамъ, которыхъ всегда такое множество при французскихъ знаменахъ.

«Изъ Казала раздались выстрѣлы; имъ отвѣтили шестью пушечными ударами, и войска двинулись. Оставалось не болѣе пяти сотъ шаговъ разстоянія между линіями испанской и французской. Ядра съ гуломъ разрѣзывали воздухъ; пули прыгали какъ крупный градъ. Сквозь дымъ и пыль, войска увидѣли всадника въ одеждѣ аббата; онъ издали махалъ бѣлымъ платкомъ и кричалъ по-испански: «Paz! Paz! Tregua!...» Дивная картина!... смерть со всѣми орудіями своими, какъ-будто провалилась сквозь землю, войска, которыя страшными, ослѣпительно блестящими волнами катились другъ другу на встрѣчу, стали недвижны; воинственные крики смѣнились могильнымъ молчаніемъ; аббатъ прискакалъ на самую середину площадки, которая оставалась между враждующими войсками, и остановился, показывая бумагу: начальники обѣихъ армій выѣхали изъ рядовъ, окружили аббата, и черезъ мгновеніе, махая шляпами, закричали: Миръ! Миръ!..» Начались поздравленія. Всѣ кланялись аббату; наконецъ онъ повернулъ коня, и съ генералами подъѣхалъ къ французской арміи. Онъ былъ близко: я могъ разсмотрѣть его въ лицо.... Джудитa! аббатъ — былъ капитанъ Джуліо!... Я не зналъ что дѣлать; невольно выѣхалъ изъ рядовъ и приблизился къ тѣсному кругу генераловъ и капитановъ. Маршалъ Шомбергъ прочелъ условія мира; всѣ закричали: — Да здравствуетъ король и великій кардиналъ!— «Прощайте, сказалъ Джуліо, до свиданія! Меня ждутъ!» И на своей бы-

строй, маленькой лошадкѣ ускакалъ. Я бросился за нимъ, но моя обозная кляча пристала, и на этотъ разъ я не могъ исполнить своего намѣренія.... Изъ города въ городъ гоняюсь за моимъ аббатомъ: препятствія усиливаютъ желаніе съ нимъ объясниться. Наконецъ, и онъ и я въ Ліонѣ.... Бѣгу; но мнѣ отвѣчаютъ, что аббатъ, то у короля, то у королевы-матери, то у нунція Бани, то у кардинала Лавалета, то у кардинала Ришліе. Наконецъ, я застаю его дома, одного. Въ щегольскомъ свѣтскомъ домашнемъ костюмѣ, маленькій аббатъ лежалъ на софѣ и съ хохотомъ читалъ записку. — «Что вамъ угодно? спросилъ онъ, продолжая читать. — Я пришелъ спросить у васъ, гдѣ Джудита Ваоли изъ Сондріо?

«Записка выпала изъ рукъ аббата. Блѣдный, онъ вскочилъ и схватилъ ножъ, висѣвшій надъ софою въ числѣ другихъ оружій.... Я вынулъ свой.... Съ минуту продолжалось молчаніе....— «Какое вамъ дѣло?» наконецъ спросилъ онъ задыхаясь отъ злости, какъ волкъ, которому нѣтъ далѣе дороги. — Безъ вопросовъ, сказалъ я. Вы должны отвѣчать, или я пойду къ кардиналу Бани, и узнаю, потому что вы уѣхали изъ Сондріо съ нимъ или за нимъ.— «Послушайте, съ принужденной улыбкой отвѣчалъ Джуліо: не знаю, какія права вы имѣете на эту измѣнницу, но я васъ долженъ успокоить. Измѣнивъ мнѣ, измѣнивъ, вѣроятно, и вамъ, она вышла замужъ.» —За кого?—«Ужъ этого я вамъ сказать не могу. Я видѣлъ ихъ въ Миланѣ, жену и мужа, но по-

слѣ измѣны я не хотѣлъ съ нею говорить, хотя она опять навязывалась.

«До-сей-поры я молчала, не проронила ни одного слова, слушала всѣмъ существомъ моимъ; но эта черная, гнусная неблагодарность разорвала мое сердце. Я плакала, кричала, проклинала такъ, что дѣти проснулись и у дверей послышались шаги и голоса. Скрѣпивъ сердце, я уже только знаками просила Пiетро продолжать разсказъ свой.

— «Джудита, бѣдная Джудита! что могъ я отвѣчать? продолжалъ Пiетро. Опустивъ голову, я даже не сказалъ аббату «простите,» и ушелъ.. Брожу по улицамъ Лiона; вижу васъ въ окнѣ, съ вами какой-то мужчина? Войти? Перепугаю васъ. Сомнѣнiе, страхъ, месть, любовь, все смѣшалось въ одно безъименное чувство.... Разспрашиваю, и узнаю, что мужчина — вашъ супругъ, что онъ комнатный живописецъ, что у васъ двое дѣтей, что вы живете затворницей.... Вдругъ, онъ выходитъ самъ; поглядѣлъ на мою одежду: счелъ меня, можетъ-быть, герцогомъ: до такой степени простиралась его учтивость!— Вы живописецъ Деллапорта? спросилъ я. — «Всегда къ услугамъ вашимъ,» отвѣчалъ онъ весьма почтительно. — Вы свободны? «Всегда къ услугамъ вашимъ.» — Можете потрудиться зайти ко мнѣ? Есть работы...— «За особую честь,» и прочая... Мы пришли въ домъ, гдѣ я остановился. Я заперъ двери и.... Богъ знаетъ почему, угадалъ ли я характеръ вашего мужа, или по инстинкту....

и схватилъ его за горло и съ бѣшенствомъ спросилъ: — Сколько тебѣ заплатили за эту гнусную ложь? Ты не мужъ Джудиты! — «Три тысячи ливровъ,» запищалъ онъ.... Въ ужасѣ я оттолкнулъ его.... — «Но, синьоре, прибавилъ онъ, не за ложь, а за правду, за горькую правду. Я, точно, мужъ Джудиты. Но не желаю вамъ быть такимъ мужемъ: мужъ по титулу....» — Какъ? такъ она живетъ съ другимъ, а ты только покрываешь.... — «Вотъ то-то и бѣда, что ни съ кѣмъ не живетъ.» —Это непонятно! — «Истинно, синьоре, непонятно! Видно еще никто не приглянулся, или и въ самомъ-дѣлѣ она не перестала любить какого-то Джуліо...» — Такъ ты даже и не знаешь кто этотъ Джуліо? — «Допытывался: не говоритъ.»

«Джудита! подумалъ я: свято сохраню твою тайну; наша месть будетъ вѣрнѣе.»

«И такъ, любезный, сказалъ я, ты по-прежнему бѣденъ?» — Охъ, эччеленца, ужасно бѣденъ?... нечѣмъ чужую семью кормить.

«Мы ударили по рукамъ; дѣло слажено. Негодяй получилъ задатокъ и доставилъ мнѣ случай побесѣдовать съ вами на-единѣ. Не сердитесь за это ужасное средство: у меня не было времени другими путями искать этого свиданія. Мужъ давно не уважаетъ васъ; честь ваша не пострадаетъ отъ моего посѣщенія: все останется въ тайнѣ.... Но я не кончилъ моего разсказа. Убѣдясь въ гнусномъ поступкѣ Джуліо, я отправился къ нему, объявилъ, что все знаю, что я хотѣлъ

на васъ жениться, и теперь не прочь, что Деллапорту легко согласить къ разводу, но я не возьму въ домъ мой супруги, неочищенной благородной местію.— Долгъ этой мести, заключилъ я, лежитъ на мнѣ, и, синьоръ Джуліо, конечно вы не откажетесь назначить мѣсто, часъ и оружіе. — «Въ этомъ вы не могли сомнѣваться, отвѣчалъ Джуліо: но позвольте сколько-нибудь оправдать себя въ глазахъ вашихъ.»

«Но что же изъ всего оправданія узналъ я? Ему хотѣлось кардинальской шапки: другъ и покровитель его, Бани, назначенъ былъ нунціемъ во Францію; Урбанъ VIII требовалъ мира, и Бани отправилъ капитана, уже просто аббатомъ, въ Ривальто. Скрыть любовной связи не было возможности: Катарина не остановилась бы на вальтелинскихъ властяхъ и обратилась бы къ святѣйшему отцу. Оставалось одно средство — выдать васъ за-мужъ за неизвѣстнаго человѣка и отправить въ Германію или во Францію. Такъ и случилось. Но, Джудита, наступилъ и часъ мести! Богъ за правое дѣло, и тогда счастіе мое въ рукахъ вашихъ. Но если завтра вы меня не увидите, вотъ мое завѣщаніе; вы можете разорвать ненавистныя узы: этого станетъ на всю жизнь вашу и несчастныхъ дѣтей.»

«Я умоляла Піетро оставить такія ужасныя намѣренія; увѣряла, что я простила Джуліо, отвергала даръ великодушной, истинной любви.

— «Если такъ, то невинныя дѣти моего соперника могутъ нуждаться въ этой помощи,» от-

вѣчалъ онъ на всѣ мои убѣжденія, положилъ бумагу дѣтямъ подъ подушки и бросился къ дверямъ.

«Я не успѣла опомниться. — Пѣтро!.... закричала я, но мнѣ отвѣчалъ уже Депортъ: — «Не кричи! Не кричи: сосѣди услышатъ; а намъ надобно сохранить хотя видъ порядочной жизни.»

VII.

ПОЕДИНОКЪ.

«Я не отвѣчала ни слова; мнѣ даже не обидны были слова недостойнаго человѣка, и, къ особенному удивленію Депорта, я стала одѣваться.

— «Куда это ты!» спросилъ онъ. — Синьоръ Деллапорта! сказала я съ важностью: благодарю васъ за пріятное возобновленіе дорогаго знакомства: но говорю вамъ разъ навсегда, что ежели вы осмѣлитесь.... — «Полно, полно!... со смѣхомъ говорилъ Депортъ.

«Я хлопнула дверьми и выбѣжала на улицу. Было очень поздно, или, лучше сказать, рано; уже занималась заря: я безпрестанно встрѣчала экипажи, всадниковъ, носилки. Лоара была освѣщена множествомъ факеловъ и покрыта парадными огромными лодками. По улицамъ безпрерывно проѣзжали дорожныя кареты. Наконецъ, встрѣчаю толпу всадниковъ: впереди ѣхалъ маленькій аббатъ Джуліо.

«Вѣрно, на мѣсто сраженія,» подумала я, и пошла за ними. Сердце билось; я уже догнала Джуліо, уже хотѣла броситься подъ ноги его ло-

шади и умолять возвратиться, какъ вдругъ факелы другаго поѣзда освѣтили мое лицо. «Джудита!...» —Діаволо! ..— «Здѣсь Джудита!» сказалъ онъ довольно громко, и какъ-будто на крыльяхъ всѣ исчезли изъ виду.... Безумная! я бѣжала за ними, кричала «Джуліо!» и уже за городскими воротами, за предмѣстьемъ, въ полѣ, когда по всему открытому горизонту, освѣщенному утренней зарей, не видно было ни живой души, остановилась я, съ трудомъ переводя дыханіе. Безъ слезъ, безъ вздоху, я сѣла на сырой травѣ; больше получаса я не могла подняться съ мѣста. Наконецъ встаю, иду тихо въ городъ... вдругъ слышу не вдалекѣ топотъ коней: скачутъ всадники; проскакали по дорогѣ въ Парижъ. Не прошло двухъ, трехъ минутъ, послышались крики: «Ловите! Убійцы! Ловите!» Изъ лѣсу высыпали городскіе стрѣлки: меня остановили; я имъ сказала, что видѣла всадниковъ, и куда они поскакали.

— «Умли злодѣи! сказалъ старшій. Видишь, у нихъ тутъ и лошади были приготовлены. Нечего дѣлать! несите мертвеца въ ратушу; авось узнаемъ, кто.«

«Всемогущій Боже! то былъ Піетро д'Аргола! Три ножа торчали въ груди, голова была окровавлена....

«Джуліо! еще преступленіе!... но гдѣ свидѣтели?» подумала я, и проводила стрѣлковъ до самой ратуши, которая была въ пяти шагахъ отъ нашего дома. Страхъ допросовъ и пытки удер-

жалъ меня. Я возвратилась домой. Депортъ спалъ. Преклонивъ колѣно передъ образомъ Богоматери, я долго и горячо молилась за Пiетро.... Онъ погибъ, единственно любившій меня: а Джулiо въ славѣ, въ богатствѣ!... Ришлiе старъ, боленъ неизлечимо, и скоро мы услышимъ о новомъ кардиналѣ, о новомъ Министрѣ Франціи.»

—

ГЛАВА XX.

ВЫЗОВЪ.

Король въ Луврѣ. Рѣдкость! Съ нѣкотораго времени онъ не любитъ Парижа; Сенъ-Жерменъ и старый, бѣдный Луксембургъ, да изрѣдка Фонтенблò — любимыя мѣста пребыванія короля Людовика XIII.

Придворные толпились въ залахъ дворца. У дверей, откуда ожидали выхода, стояли государственные секретари, де-Нойé, Шавиньи, Брiеннъ, и первые сановники королевства: между ними и маленькій аббатъ Мазарини, который, хотя и не участвовалъ еще въ королевскомъ Совѣтѣ, по должности, однако жъ часто бывалъ призываемъ для домашнихъ совѣщаній. Толпа постоянно умножалась. Депортъ различными путями добрался до главнаго кружка и, всякой разъ, когда де-Нойé поворачивалъ голову въ ту сторону, гдѣ стоялъ Депортъ, ординарный живописецъ низменно кланялся. Двери отворились: вошелъ король съ Сенъ-Марсомъ. Лицо Людовика было, противъ всеобщаго ожиданія, свѣтло, радостно; онъ примѣтно

спѣшилъ привѣтствіями, но остановился, проходя мимо де-Нойé.

— Что? сказалъ король улыбаясь: довольны ли вы?

— Щедроты вашего величества.... (де-Нойé хотѣлъ что-то отвѣчать).

— Не говорите! Я скупъ: меня трудно заставить рѣшиться на такія огромныя издержки; но ваша записка составлена умно; доказательства такъ ясно изложены: я не могъ не согласиться на перестройку Луврa.... Желаю вамъ успѣха, для чести Франціи.

Король пошелъ было дальше, но увидѣвъ Шантлу, извѣстнаго любителя художествъ, человѣка слишкомъ далекаго отъ придворныхъ интригъ, опять воротился къ де-Нойé и сказалъ:

— Нашъ общій пріятель, Шантлу, вчера доставилъ намъ пріятное утро; онъ съ пользою путешествовалъ по Италіи: я полагаю и въ новыхъ затѣяхъ онъ бы много помогъ намъ.

— Государь, я не смѣлъ утруждать вашего величества многими просьбами вдругъ; но я имѣлъ намѣреніе....

— Представьте. Я всегда готовъ сдѣлать пріятное вамъ и Шантлу.... Это, впрочемъ, будетъ служить вамъ нѣкоторымъ вознагражденіемъ за отказъ насчетъ Пуссена.... Право, не могу! Будетъ дорого стоить, а у насъ и такъ списокъ ординарныхъ живописцовъ обремененъ знаменитыми именами.

Король удостоилъ еще двухъ человѣкъ незна-

чительныхъ вопросовъ. Между-тѣмъ какъ король разговаривалъ съ придворными, великій конюшій подошелъ къ Депорту и успѣлъ только сказать: «Гдѣ ты пропадаешь? Бѣги къ Визиткамъ и жди у ограды.»

Король позвалъ Сенъ-Марса и ушелъ съ нимъ изъ залы.

Пока Депортъ протѣснился сквозь толпу придворныхъ, пока разъузналъ, гдѣ монастырь Визитокъ, прошло не мало времени, и несчастный Депортъ бѣгомъ долженъ былъ спѣшить на указанное мѣсто. Тогда не знали еще фіакровъ и разнаго рода наемныхъ средствъ перемѣщенія: у кого не было своего экипажа или, по крайней-мѣрѣ, верховой лошади, тотъ по-неволѣ щеголялъ пѣшкомъ по грязнымъ улицамъ стараго городишка, въ которомъ, въ недавнее только время, при необъятной дѣятельности кардинала, выросли немногія зданія, достойныя столицы обширной монархіи. Не успѣлъ Депортъ пробѣжать двухъ — трехъ улицъ, на встрѣчу идетъ Гойко.

— Куда это вы?

— Не твое дѣло.

— Какъ, не мое дѣло?... Вы не успѣете добѣжать до монастыря Визитокъ!

Депортъ остолбенѣлъ.

— Какъ ты знаешь?...

— По расчету.... Вы опоздаете непремѣнно!

— Развѣ такъ далеко?

— Ужасно! Пожалуйте червонецъ, я вамъ тотчасъ достану лошадь.

— Ливръ.
— Не могу
— Два.
— Нельзя.
— На Іуда; только....
— Извольте итти по дорогѣ помаленьку я васъ догоню.

И, не прошло какихъ-нибудь пяти минутъ, Гойко воротился на добромъ конѣ. Депортъ уѣхалъ.

— Постой, я изъ тебя повытаскаю чортово золото, сказалъ Гойко, укладывая кожаную мошну въ сапогъ. Сара! уже десять! Еще четыреста девяносто!... Боже Израиля! когда это кончится?...

Депортъ поспѣлъ во-время, осмотрѣлъ монастырь, въ темномъ переулкѣ привязалъ кое-какъ лошадь, и ходилъ взадъ и впередъ передъ монастырскими воротами. Показалась вдали карета. Не было сомнѣнія, что ѣдетъ король. Депортъ отбѣжалъ шаговъ на двадцать и потомъ, возвратясь, шелъ на встрѣчу каретѣ мѣрнымъ, ровнымъ шагомъ. Сошлись у воротъ; карета поворотила такъ, чтобы взъѣхать на монастырскій дворъ, но ни живой души не было; привратница спала. Занавѣска отдернулась: послышался голосъ короля:
— Сенъ-Марсъ! надо тебѣ выйти.

— Ужасно не хочется. Грязь.... — А! кстати! Филиппъ, скажи: пусть отопрутъ ворота.

Депортъ бросился къ калиткѣ, разбудилъ привратницу, помогъ отворить ворота и, когда карета проѣзжала мимо, король отдернулъ занавѣску со своей стороны и ласково погрозилъ Депорту

пальцемъ. Филиппъ побѣжалъ за каретой, полагая, что король хочетъ ему сказать что-нибудь; но занавѣска задернулась и Депортъ остановился посреди обширнаго монастырскаго двора, съ ногъ до головы обрызганный грязью. Не успѣлъ онъ рѣшиться, что слѣдуетъ предпринять въ подобномъ случаѣ, какъ раздался голосъ Сенъ-Марса: «Филиппъ, поди сюда!» Депортъ напрасно искалъ сухихъ мѣстъ; онъ перепрыгивалъ черезъ огромныя лужи: костюмъ его пестрѣлъ новыми пятнами. Сенъ-Марсъ стоялъ въ нижней галереѣ монастыря и помиралъ со смѣху.

— Хорошо вамъ, господинъ великій, ѣздить съ королемъ въ каретѣ! А мнѣ пѣшкомъ такую даль!... да потомъ еще въ грязный океанъ!

Сенъ-Марсъ восхищался положеніемъ Депорта и смѣялся отъ души. «Направо!... налѣво!» кричалъ онъ Депорту. Пловецъ еще болѣе сбивался съ пути, и грязь летѣла мутными брызгами изъ-подъ ногъ Депорта.

— Берегъ! сказалъ Сенъ-Марсъ, когда Депортъ достигъ галереи: поздравляю! поздравляю!

— Хорошъ я! со смѣхомъ отвѣчалъ Депортъ, отряхивая грязь и протирая глаза. Видите, я исполнилъ ваше приказаніе, прибѣжалъ: я зналъ, что, вѣрно, нужно.... Только не показывайте меня въ такомъ видѣ его величеству.... Правда, я немного позамарался, но я зналъ, что присутствіе мое здѣсь нужно, и....

— Очень нужно! отвѣчалъ Сенъ-Марсъ, оставляя шутливый тонъ: дѣло великой важности.

— Что такое? что такое? съ напряженнымъ любопытствомъ спросилъ Депортъ.

— А вотъ, видишь: король пошелъ въ общую залу и будетъ цѣлый часъ бесѣдовать съ Лафайетъ, въ присутствіи сестры Старшей и всѣхъ монахинь. Но изъ насъ никто не допускается къ этой бесѣдѣ: я долженъ гулять по этому кирпичному помосту одинъ одинехонекъ. Сегодня мы еще въ каретѣ! а въ хорошую погоду верхами; я цѣлый часъ иногда долженъ бесѣдовать съ лошадьми. Такъ я и расчелъ, что все же лучше провести этотъ ужасный часъ въ бесѣдѣ съ такимъ умнымъ и любезнымъ человѣкомъ....

Депортъ кланялся, хотя на душѣ ему было очень тяжело: заплатить червонецъ за лошадь, испортить новое платье, и все это для того, что господину великому на галереѣ одному скучно!... Но Депортъ кланялся и смѣялся.

— Король сегодня въ отличномъ расположеніи духа? спросилъ Депортъ.

— Это случается съ нимъ всегда, когда ему въ чемъ-нибудь удастся не согласиться съ кардиналомъ.

— Я смѣю спросить....

— Смѣешь. Это по вашей части. Кардиналъ, посредствомъ де-Нойé, успѣлъ убѣдить короля, что Лувръ надо отдѣлать на-славу, выписать для того изъ Италіи художниковъ и, прежде прочихъ, Пуссена. На послѣднее король не согласился. «Мало ли у меня, отвѣчалъ король, ординарныхъ живописцевъ?... И тѣ ничего не дѣлаютъ! И такъ

старый мой Лувръ будетъ стоить трехъ городовъ: а эти выписные всегда такъ дороги!» Однимъ словомъ, на запискѣ де-Нойе о Пуссенѣ—крестъ.

— Жаль! сказалъ Депортъ.

— А что?

— Да парижскіе живописцы ужасная дрянь. Не говорю о тѣхъ колпакахъ, что посѣдѣли въ неуспѣхахъ и въ педанствѣ; но даже и между молодыми нѣтъ ни одной порядочной надежды.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Клянусь! У меня въ школѣ есть еще одинъ два таланта, по имъ въ Луврѣ работать нельзя; а у Симона ни одного, ровно ни одного.

— У тебя въ школѣ?...

— Не шутите! Сами увидите. А эти люди, пускай сами плохи, да если бъ по-крайней-мѣрѣ слушались умныхъ людей: а то нѣтъ; самонадѣянность, хвастовство, невѣжество.... И вотъ почему французскіе художники—лакеи, а италіянскіе—маркизы, герцоги, и въ своемъ дѣлѣ, и въ обращеніи.

— Полно! полно! Симонъ Вуэ съ большими способностями.

— Къ чему? Къ порицанію? Подъ пьяную руку онъ не щадитъ никого. Послушали бы вы, какъ онъ честилъ даже васъ.

— Меня? Да я съ нимъ и не говорилъ никогда.

— Станете вы съ нимъ разговаривать! А можетъ быть, онъ за это и злится?... И, повѣрьте, это ихъ интриги, что король не соглашается:

Ужъ конечно: пріѣдетъ Пуссенъ, закусятъ они губы.

— Король идетъ!

— Я убѣгу, спрячусь....

— Стой, ни съ мѣста!

Король вышелъ на галерею. Сестра Старшая проводила его до дверей, но, увидѣвъ посторонних, вернулась. Король самъ притворилъ двери и махнулъ кучеру.

— А, и ты здѣсь! сказалъ онъ Депорту, глубоко вздыхая.

Лицо Людовика, блѣдное, болѣзненное, осѣнено было глубокою думою; глаза сіяли добротою: на устахъ улыбка кротости и смиренія.

— Что, Сенъ-Марсъ, не велѣть ли еще ему сдѣлать портретъ съ нашего ангела?

Ваше величество! только великодушію вашему я обязанъ незаслуженною славою и значеніемъ, но для портрета, о которомъ ваше величество теперь думать изволите, только одинъ живописецъ на свѣтѣ.

— Кто же этотъ одинъ?

— Николай Пуссенъ.

Король задумался. Всѣ молчали.

— Я боюсь одного, сказалъ Людовикъ, чтобы мое упрямство въ самомъ дѣлѣ не лишило Франціи втораго Рафаэля.... Шантлу вчера разсказывалъ про этого Пуссена цѣлую поэму. Де-Нойé тоже человѣкъ со вкусомъ: въ Италіи Пуссенъ пріобрѣлъ такую славу, говорятъ, даже первенство....

— Совершенное первенство, ваше величество, подхватилъ Депортъ.

— Какъ ты думаешь, Сенъ-Марсъ? спросилъ король.

— Да что же сдѣлали хорошаго, государь, ваши ординарные живописцы? Вы изволили отказать де-Нойе въ приглашеніи вообще Италіянцевъ: подарите ему одного Пуссена.... Притомъ же можно его пригласить на малый срокъ.

— На четыре года, отвѣчалъ король.... Не много ли это будетъ стоить.

— Все же меньше, нежели чего стоитъ Вуэ съ этой безконечной ватагой.

— Ребенокъ! Неужели старыхъ слугъ я оставлю безъ хлѣба?

— А зачѣмъ же ничего не дѣлаютъ?

— Споришь, Сенъ-Марсъ! Опять споришь!

— Пускай остаются; а работать некому.

— Не правда! И они останутся, и Пуссенъ будетъ.—Депортъ, скажи де-Нойе, что я ожидаю его сегодня въ Сенъ-Жермень. Пусть привезетъ съ собою и граммату къ Пуссену.— Слава Богу! прибавилъ король, я всегда оставляю эту благодатную обитель съ какою-нибудь доброю и полезною мыслію!

ROMA BARBERINA.

Quod non fecerunt Barbari, fecerunt Barberini.
(РИМСКАЯ ПОГОВОРКА XVII ВѢКА).

—

РИМСКІЯ ГЛАВЫ.

—

Эпизодъ второй.

Ad libitum.

(ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ.)

(Этотъ второй эпизодъ, какъ и первый, имѣетъ тѣсную связь съ цѣлымъ; но какъ въ немъ размѣщено множество подробностей слишкомъ частныхъ, относящихся собственно къ исторіи художествъ и художниковъ XVII столѣтія, то я позволилъ себѣ поставить въ заглавіи эпиграфъ ad libitum: то есть, всѣ «Римскія главы», имѣющія особую нумерацію, могутъ быть при чтеніи пропущены читателемъ, если для него почему либо подробности художественной исторіи могутъ показаться незанимательными и утомительными. Но, чтобы не прервать нити самаго разсказа, я счелъ нужнымъ въ немногихъ словахъ изложить содер-

жаніе «Римскихъ главъ», во сколько онѣ имѣютъ неразрывную связь съ цѣлымъ. Такъ:

Вслѣдствіе приказанія Людовика XIII знаменитому французскому художнику Николаю Пуссену послано было въ Римъ приглашеніе черезъ посредство капитана д'Орбиньи, отправленнаго къ папѣ съ политическими депешами. Папа Урбанъ VIII, стараясь подражать великимъ своимъ предшественникамъ, покровительствовалъ художествамъ, воздвигалъ замѣчательныя зданія, и потому весьма былъ опечаленъ вызовомъ Пуссена во Францію. Не желая ни имѣть личныхъ съ Франціей неудовольствій, ни отпустить Пуссена, Урбанъ употребилъ близкихъ его друзей къ отвращенію художника отъ поѣздки въ Парижъ. Весь Римъ раздѣлялъ мнѣніе папы. Пуссенъ, съ одной стороны, полагаясь на покровительство папы и другихъ сильныхъ людей, съ другой, не желая быть ослушникомъ королевской волѣ, далъ непрямой отвѣтъ: онъ обѣщалъ явиться въ Парижъ, но не опредѣлялъ сроку. Избѣгая личнаго свиданія съ капитаномъ, который, по важности политическихъ депешей, спѣшилъ возвратиться во Францію, Пуссенъ оставилъ дома письмо, скрылся въ предмѣстіяхъ, и возвратился тогда уже, когда, по его расчету, капитанъ долженъ былъ уѣхать изъ Рима. Опасаясь съ нимъ повстрѣчаться, Пуссенъ пошелъ въ противоположную своему дому сторону, и на площади Ротунды сошелся съ капитаномъ де Вальеролемъ, который, по изгнаніи, переѣхалъ въ Римъ, гдѣ удобнѣе и скорѣе могъ получить какія-нибудь

свѣдѣнія объ оставленной дочери. Узнавъ, что Пуссенъ ѣдетъ во Францію, Вальероль объяснилъ ему свои несчастія, и Пуссенъ согласился взять его съ собою въ Парижъ подъ видомъ слуги, чтобы онъ могъ отыскать свою дочь и немедленно, уже съ нею, переѣхать въ Италію. Еще одно обстоятельство: въ Римѣ Пуссенъ нечаянно познакомился съ Ванъ-Дейкомъ и нечаянно обидѣлъ фламандскаго художника, сказавъ, что въ Римѣ, изъ современнаго, ничего нѣтъ любопытнаго по его, то есть, по портретной, части. Урбанъ, не видя средствъ удержать Пуссена въ Римѣ, поручилъ кардиналу Барберини, своему брату, увѣдомить аббата Мазарини, что онъ не получитъ кардинальской шапки до возвращенія Пуссена изъ Франціи.

Теперь читатель, если ему угодно, можетъ прямо перейти къ главѣ шестой).

—

ГЛАВА I.

(Римская I.)

НИЩІЙ.

Солнце закатилось; длинныя тѣни отъ колоннъ и статуй, разсыпанныхъ въ садахъ Медичи, исчезли, — все стало плотною, неразрывною тѣнью, сумракомъ: и лавровыя аллеи, и богатые вестибулы, и весь этотъ чудный Римъ, увѣнчанный куполомъ Петра, который такъ рѣзко очертился

на синемъ горизонтѣ Вдали, какъ декорація, вырѣзанная изъ картона, чернѣли Аппенины; воздухъ дрожалъ, струился безъ вѣтру; казалось, все улеглось, успокоилось вмѣстѣ съ солнцемъ; даже собесѣдники смолкли; каждый призадумался, каждый ушелъ, улетѣлъ въ далекія страны, гдѣ то же солнце видѣло его рожденіе, да не то же небо питало возрастающія силы юности. Въ Римѣ какъ-то и солнце царственнѣе, и воображеніе легче, и душа шире. Разлетѣлись думы собесѣдниковъ, и долго не могли возвратиться и облечься въ тихія рѣчи. Нѣтъ! этихъ тайныхъ, иногда безсмысленныхъ, разорванныхъ думъ не повторяютъ уста: для нихъ нѣтъ словъ, онѣ разрѣшаются вздохомъ!... и этимъ-то тихимъ, тайнымъ вздохомъ, одинъ за другимъ, собесѣдники облегчили стѣсненныя груди.

— Клаудіо, сказалъ Пуссенъ, положивъ руку на плечо юноши, который не сводилъ глазъ съ отуманеннаго Рима: перестань, Клаудіо!.... не упомнишь, и въ картинѣ будетъ не то.

— Ахъ, учитель! отвѣчалъ Клаудіо, дайте наглядѣться: вы можете по волѣ наслаждаться природою во всякое время; вы можете иногда и передѣлывать природу; и это мы знаемъ. Нерѣдко мнѣ удавалось забываться передъ вашимъ пейсажемъ, и мнѣ казалось, что это видъ изъ окна: беру шляпу, бѣгу туда, въ эту роскошную долину, гдѣ каждый кустъ вспотѣлъ отъ зною, гдѣ такъ сочна и жирна почва, такъ окладисто каждое дерево, такъ свѣжо отъ воды!... Выхожу....

передо мной грязная улица!.... И тогда только вспомню, что я видѣлъ пейзажъ Пуссена.

— Послушай, Клаудіо, сказалъ Пуссенъ: мнѣ досадны твои рѣчи.

— Можетъ-быть; только мнѣ до вашей досады нѣтъ дѣла, и если я заработаю триста ефимковъ, или, по-крайней-мѣрѣ, тысячу ливровъ, тогда закажу вамъ пейзажъ и буду съ него учиться.

— Помилуй! Клаудіо! да тебѣ надо бы прежде заняться рисованіемъ: ты не умѣешь порядочно начертить носа.

— Да что мнѣ въ носѣ! отвѣчалъ Клаудіо. Ужъ конечно, въ картинѣ вашей, гдѣ младенца Моисея пускаютъ на воду, фигуры не стоютъ группы деревъ что возлѣ.,.. Что человѣкъ? Бѣда не велика, если онъ не лучше натуры. Но дерево, учитель, дерево! Когда такого дерева не сыщешь вокругъ Флоренціи, во всемъ Провансѣ; а оно дерево; да еще и какое! лучше самого себя!.... Да что мнѣ послѣ этого люди? Меньше травы, которую они мнутъ такъ безбожно.... И что въ томъ, когда вы искусно освѣтите человѣка? Ровно ничего. Ни какого эффекта! А дерево, а зелень, а роскошную долину, а далекія горы!... Уходятъ, уходятъ.... конца нѣтъ! Чудо!.... Терпѣть не могу людей, точно такъ же, какъ этой проклятой лошади Августино Тасси, которую иду теперь кормить тѣмъ, чѣмъ бы хотѣлъ всю жизнь самъ питаться. Она ѣстъ мою траву: понимаете? Она ѣстъ мое время.... Прощайте!

Клаудіо ушелъ. Пуссенъ призадумался, Жакъ

Бланшаръ смѣялся, Стелла не сводилъ глазъ съ Пуссена, прочіе все-еще смотрѣли на Римъ, хотя онъ представлялся сплошною сѣрою массой, и только одинъ куполъ не терялъ формы и эффекта. Облака, будто сочиненныя Пуссеномъ, живописно покрывали небо, умножая мракъ и величіе вечера.

— Чудакъ! сказалъ Бланшаръ: онъ не притворяется. Онъ точно такъ думаетъ, и вы увидите, что этотъ пирожникъ добьется до чего-нибудь важнаго, умнаго.

— Но не геніальнаго, отвѣчалъ Пуссенъ. Люблю гордость, но не умышленное уничиженіе. Онъ и конюхъ, и поваръ, и краскотёръ у Августино Тасси; мы всѣ предлагали ему помощь и независимое существованіе. Кардиналъ Барберини и кардиналъ Массими оба сулили ему пенсію: не хочетъ! Я нарочно заходилъ къ Тасси: тотъ самъ стыдится своего слуги; и, правду сказать, начатки Желе́ гораздо лучше картинъ учителя.

— Вы шутите съ Тасси, сказалъ Валентино, а Беретини взялъ его въ новый дворецъ малые плафоны писать.

— Да когда же Беретини возьметъ въ помощники порядочнаго художника? замѣтилъ Піедро Теста: онъ и самъ будто стекла расписываетъ.

Всѣ молчали.

— Печальный вѣкъ для художествъ? продолжалъ Теста, и глаза юноши сверкали, голосъ дрожалъ: Гверчино, Альбани и Гвидо-Рени въ Болоньѣ; Доменикино, Рибера и Ланфранко въ

Неаполѣ. Никого изъ маститыхъ учителей нѣтъ въ Римѣ; школа въ рукахъ этого хвастуна кортонскаго; великіе мрутъ съ голоду, а этотъ прозрачный живописецъ и Бернини съ своей архитектурной рѣзьбой или рѣзною архитектурой, вотъ главы художества, вотъ Римская школа!... Римская школа!

Снова послѣдовало продолжительное молчаніе. Вдругъ раздался рѣзкій голосъ, котораго до-того не слышно было въ бесѣдѣ:

— Ради святаго Антоніо и святаго Джакомо, моего патрона, дайте милостыню Джакомо Болоньскому!

Всѣ встали и вышли изъ темнаго портика на встрѣчу знаменитому нищему. Луна озарила собраніе; болѣе сорока человѣкъ наперерывъ старались подать Джакомо, кто что могъ; шляпа его наполнилась мелкими деньгами. Нищій усѣлся на травѣ, поставилъ шляпу возлѣ себя и началъ считать деньги; спѣшилъ, ошибался и снова начиналъ пересчитывать.

— Не уходите! кричалъ онъ вслѣдъ за отходившими: ради самого Бога и моего патрона Джакомо, не уходите! Меня ограбятъ! Жена на воду глядитъ и все видитъ: не уходите! я съ вами до дому добреду. А на порогѣ у меня три креста; сундукъ освятилъ отецъ Антоніо; замокъ въ церкви три дни лежалъ. Дома я не боюсь, а дорогой, дорогой....

Художники поглядѣли другъ на друга. Въ это время изъ-за облаковъ всплыла луна, и печальныя

лица художниковъ, озаренныя серебрянымъ ея блескомъ, представляли самую выразительную историческую картину, которую можно бы назвать картиной единодушнаго сожалѣнія. Нищій, первый, это замѣтилъ и засмѣялся.

— Вотъ, если бы во время оно, сказалъ онъ, продолжая смѣяться: я бы васъ господа!

— А что бы вы? спросилъ Андрей Сакки.

— Взялъ бы живыхъ, вотъ, какъ стоите, неприметными гвоздиками приколотилъ бы куда-нибудь на потолокъ, и подписалъ бы по-латыни Flagellatio.

— Отчего же Flagellatio?

— Да развѣ ваше почтительное сожалѣніе не есть истязаніе? Подали милостыню, такъ и ступайте.

— Но вы сами требовали, почтительно сказалъ Пуссенъ, чтобы мы проводили васъ домой.

— Да, да! отвѣчалъ нищій, вскочилъ, и, взявъ Пуссена подъ руку, пошелъ такъ поспѣшно, что всѣ съ трудомъ едва могли за нимъ слѣдовать.

Нищій говорилъ всю дорогу, говорилъ очень много; но, къ удивленію всѣхъ собесѣдниковъ, Пуссенъ сталъ съ нимъ спорить. Миновали уже Porta del-Popolo, и приближались къ Испанской Площади, которая тогда еще не была украшена великолѣпной Гюффіеровской лѣстницей, но дворецъ Пропаганды уже былъ на своемъ мѣстѣ. Нѣсколько гостинницъ и заборы новыхъ построекъ окружали одну изъ прекраснѣйшихъ нынѣ площадей Рима; вся площадь покрыта была народомъ; у

многихъ гостинницъ стояли дорожные экипажи и верховыя лошади. Испанская Площадь уже и въ то время была мѣстомъ пристанища для иностранцевъ: всѣ путешественники останавливались въ плохихъ ея гостинницахъ. Сдѣлки, справки, извѣстія, новости, даже политика, все это можно было найти на Испанской Площади по захожденіи солнца. Только здѣсь Римъ терялъ свой важный, религіозный характеръ и походилъ болѣе на Римъ Августа, съ кое-какими обычаями, о которыхъ упоминаетъ Горацій. Испанская гостинница, лучшее тогда частное зданіе на всей площади, стояла впустѣ, и между другими домами, освѣщенными внутри и частію снаружи, казалась необитаемымъ, заколдованнымъ домомъ. Зато гостинница Французовъ снизу до верху была освѣщена множествомъ огней и преисполнена посѣтителями. На ея балконѣ выставленъ былъ масляный бумажный щитъ съ изображеніемъ орла и съ французской надписью à l'Aigle Noir. Передъ крыльцомъ, слуги проводили лошадей, и не оставалось сомнѣнія, что новые гости изъ Франціи пожаловали къ Черному Орлу. Примѣтивъ это, многіе изъ нашихъ собесѣдниковъ вскрикнули — «Новости! новости изъ Франціи!» — и бросились къ гостинницѣ.

— Вы не любопытны? спросилъ нищій: Николо, вы не любопытны?

— Ни мало! Во Франціи у меня нѣтъ ни одного родственника; нѣтъ даже хорошаго знакомаго. Я Римлянинъ.

— Смотрите же, не будьте Коріоланомъ!

— Это почему? спросилъ удивленный Пуссенъ.

Нищій взялъ его за руку и таинственно сказалъ:

— У меня отъ жены перешла способность къ колдовству, и я, не знаю почему, готовъ спорить, что Франція прислала за вами. Но, смотрите, не будьте Коріоланомъ.... Ага! вотъ, вотъ она!... и это, по-вашему, хорошо?

Съ этими словами нищій схватилъ Пуссена сзади за объ руки и повернулъ къ водомету, украшающему и по-нынѣ Испанскую Площадь: онъ имѣетъ видъ барки, обливаемой со всѣхъ сторонъ водою и потому называется Баркаччіа.

— Что за смыслъ? Барка хороша на водѣ, а не подъ водою. Что это можетъ значить?... Я растолкую: это кораблекрушеніе вкуса. Бернини съ Урбаномъ и съ Петромъ Кортонскимъ топятъ красоту въ грязной водѣ грязнаго водопровода.

Пуссенъ улыбнулся. Нищій продолжалъ:

— Я васъ за одно не люблю. Николо: за равнодушіе. Какой вы Италіянецъ! можно ли не сердиться на гаерство вашего времени? По-крайней-мѣрѣ смѣйтесь, какъ Французъ.... Какъ это скучно!... Вы человѣкъ безъ націи.

— Вамъ сказано, сказалъ кто-то на дурномъ италіянскомъ языкѣ, кутаясь въ широкій плащъ и надвинувъ на глаза широкую шляпу: что Nicolo Pussino — Римлянинъ.

— Тедеско! закричалъ нищій: не перебивать Джакомо Болоньскаго! онъ самъ уважаетъ древность, но не хотѣлъ бы, въ человѣкѣ живомъ, встрѣчать мертвой античной статуи. Мнѣ уже

шестьдесятъ лѣтъ, а я еще живу и говорю правду; и говорю правду, потому что не равнодушенъ къ правдѣ, и гуляю почью, потому только, что слишкомъ люблю свѣтъ. Видали вы мои картины?.. Я не пишу уже лѣтъ двадцать: куда! больше!... Живу милостыней, потому что слишкомъ любилъ свѣтъ, правду.... Видали вы моего «Святаго Петротія?» Видали?... А?... что!... То-то же!

И нищій сталъ смѣяться съ такимъ самодовольствіемъ, какого никогда, можетъ-быть, не чувствовалъ Рафаэль, окончивъ самую счастливую изъ своихъ картинъ.

— Надо же такого несчастія! продолжалъ онъ, вдругъ перемѣнивъ и положеніе и голосъ; выпрямился, принялъ гордую, благородную осанку, снялъ шляпу, поправилъ волоса. Увидите! Петру Кортонскому закажутъ для Ватиканской Базилики картину; непремѣнно закажутъ. Горькое сближеніе! Варвары ободрали римскія церкви: Барберини обезображиваютъ произведенія Брамантовъ и Буонароти руками поденщиковъ! И пришлась же Петровской церкви тяжкая доля!... Въ царствованіе Урбана она должна быть окончена! Надо же такого несчастія! Я лишился моего прекраснаго таланта именно въ царствованіе Барберини. И, знаете что, я имѣю подозрѣніе.... Да! да!... Я увѣренъ, я дамъ расписку.... Барберини, ночью, третьяго марта, послѣ полуночи, похитили у меня прекрасный талантъ.... Но я пойду къ нимъ: гдѣ-нибудь во дворцѣ или на виллахъ я отыщу мой талантъ! Они его спрятали, они заграбили способности не

у меня одного: они завистливы! Урбанъ карандашомъ чертитъ свои болѣзненныя мечты, а каменщикъ Бернини и краскотёръ кортонскій исполняютъ ихъ, какъ умѣютъ. Нѣтъ, Николо: картина твоя «Муки Святаго Эразма,» написанная для Ватиканской Базилики, очень хороша. Ты въ этой картинѣ умница! Но моя будетъ не хуже. Прощай!

Нищій пошелъ и воротился.

— Николо! Николо! А зачѣмъ ты только на этой одной картинѣ подписалъ свое имя? Стыдно! Пиши такъ, чтобы поглядѣть на картину, — и довольно: это Пуссино! Вотъ такъ ты пишешь пейзажи!

— Джакомо! отвѣчалъ Пуссенъ, я подписалъ потому, что считалъ себя недостойнымъ стоять на ряду съ великими учителями, и боялся, чтобы невѣжда, по незнанію, не оскорбилъ ихъ великой памяти, приписывая имъ слабый трудъ слабаго художника.

— Хорошо, Николо! Правду говорятъ: ты скромный умница. Но, вспомни, кому не заказываютъ теперь картинъ для Ватиканской Базилики!... Какъ зовутъ этого Француза, что корчитъ Караваджіо? Заказали ему «Муки святыхъ Процесса и Мартиніана:» ей! заказали.... И это все дѣлаютъ Барберини! Постой! я ихъ!

И нищій отправился прямо къ дворцу Барберини, недавно оконченному.

Человѣкъ среднихъ лѣтъ, тотъ самый, который было вмѣшался въ разговоръ нищаго, подошелъ

къ Пуссену, и, приложивъ руку къ шляпѣ, почтительно сказалъ:

— Позвольте спросить, я человѣкъ пріѣзжій: кто этотъ Джакомо Болоньскій?

— Аннибалъ Караччи, отвѣчалъ Пуссенъ, называлъ этого Джакомо красою и славой болоньской школы, соперники — непобѣдимымъ Титаномъ, дѣти — добрымъ колдуномъ, жена — сумасшедшимъ, а посторонніе — Джакомо Каведоне Болоньскимъ.

— Странно! Отчего же Рубенсъ не сказалъ мнѣ объ немъ ни слова?

— Вы ученикъ Рубенса? спросили художники.

— Да! отвѣчалъ сухо Фламандецъ. Я найду въ Римѣ работы этого чудака?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Пуссенъ. Надо ѣхать въ Болонью.

— Я съ вами ѣду. А завтра позвольте мнѣ посѣтить вашу мастерскую.

— Милости просимъ! Но я долженъ знать имя и фамилію моего посѣтителя. Иначе не пускаю. Любопытные — враги художниковъ.

— Такъ я у васъ не буду, отвѣчалъ Фламандецъ, отворачиваясь отъ него нѣсколько въ сторону.

Помолчавъ, Фламандецъ опять спросилъ съ обычнымъ равнодушіемъ:

— Скажите, какія мастерскія въ Римѣ открыты для иностранныхъ художниковъ?

— Для художниковъ — всѣ. Но это названіе имѣетъ слишкомъ обширный смыслъ.

— Вы, Римляне, отвѣчалъ Фламандецъ, дѣлаете изъ художества какое-то таинство; мы его считаемъ пріятнымъ искусствомъ, которое не унижаетъ благороженнаго... Общество художниковъ считаемъ обществомъ лучшимъ между другими, а первымъ его условіемъ снисходительность и вѣжливую готовность подѣлиться свѣдѣніями и опытомъ.

Фламандецъ отошелъ, надвинулъ шляпу до самыхъ глазъ, завернулся въ плащъ и глядѣлъ на воду, обливающую Баркаччіо.

— Логика въ словахъ художника, сказалъ Пуссенъ, признакъ истиннаго таланта. Но видно, что вы еще не познакомились съ Римомъ.

— Для того-то я и пріѣхалъ изъ Антверпена и прямо изъ гостинницы пошелъ въ Медицейскіе Сады, въ знаменитую аѳинскую школу знаменитаго Пуссипо. Слушалъ, а знакомиться было не мѣсто; радовался, да обнимать расъ было, кажется, не кстати; разговорился.... и досадно!

— Да полно досадовать! простодушно отвѣчалъ Пуссенъ. Приходите ко мнѣ; только скажите свое имя.

— Я не король, инкогнито не вѣжу, а имя мое не придастъ ни какого особеннаго вѣсу моей фигурѣ; вы увидѣли меня въ первый разъ, и въ первый разъ услышите такое имя. — Антоній Ванъ-Дейкъ, сказалъ Фламандецъ и опять отвернулся.

— Фламандскій Тиціанъ! фламандскій Тиціанъ! закричали художники.

Ванъ-Дейкъ съ изумленіемъ услышалъ восклицанія, и не могъ вымолвить слова.

— Видите, Антоніо! сказалъ Пуссенъ улыбаясь: Римъ не Парижъ, а отъ Антверпена, кажется, подальше. — Знаете ли, господа, что Парижу столько же извѣстенъ Ванъ-Дейкъ, какъ Ванъ-Дейку Джакомо Болоньскій!

— Безъ сравненій, мой господинъ! безъ сравненій! Случайное незнаніе не есть еще невѣжество, грубо и хмурясь замѣтилъ Ванъ-Дейкъ.

— Конечно! безъ малѣйшей досады отвѣчалъ Пуссенъ: и какъ вы удостоили меня своихъ вопросовъ, то мой долгъ отвѣчать обстоятельно, такъ, чтобы вы могли воспользоваться моими словами. Римъ нынѣ весьма богатъ отличными художниками; нѣкоторые передъ вами налицо, и вы сдѣлаете вдругъ много знакомствъ, только сократите несносныя формы фламандскаго этикета.

— Между художниками и во Франціи нѣтъ этикета, сказалъ Ванъ-Дейкъ и снова повернулъ голову къ Баркаччіи.

— Во-первыхъ, продолжалъ Пуссенъ не останавливаясь: выдаю вамъ моего Андреуччіо, котораго по спискамъ зовутъ Андреемъ Сакки: попросите, чтобы онъ показалъ вамъ своего «Святаго Ромуальда.» Вотъ вамъ два Француза, Жанъ Стелла и Валентенъ, мои друзья. Валентена обидѣлъ Джакомо Болоньскій; его картина для Ватиканской Базилики превосходная вещь, хотя и я съ нимъ спорю за пристрастіе къ Караваджіо. Вотъ еще Французъ, Жакъ Бланшаръ: да онъ только

и думаетъ о Валенціи, а соперникомъ считаетъ только Александра Турки Веронскаго; и съ нимъ я иногда спорю.

— Я вижу, прервалъ Ванъ-Дейкъ, кровь не перерождается! Въ Римѣ вы мнѣ указываете на французскія знаменитости!

— Позвольте, позвольте! Вотъ вамъ Піедро Теста. Объ немъ Рубенсъ, вѣрно, ничего не сказывалъ, а жаль, что онъ его не знаетъ: мой Піетро совершенная противуположность вашему учителю. Иногда, подумаешь, что онъ пишетъ не днемъ, а въ сумерки, при лампѣ особеннаго свѣта.... Вотъ вамъ и соотечественникъ!... Объ немъ, я думаю, знаютъ всѣ фландрскія ратуши.... Франциск Ченоа: онъ у насъ такъ и прослылъ Фламандцемъ.... Петра Беретини нѣтъ съ нами; ему некогда; да объ немъ сегодня вы много слышали. А вотъ еще Гримальди: только онъ съ моимъ Клаудіо за дерево отдадутъ голову Лаокоона; да и вообще.... признаться ли?... по вашей части въ Римѣ мало поживы. Впрочемъ, мы все вамъ покажемъ. Милости просимъ, милости просимъ!... а пока, простите!

Пуссенъ ушелъ съ Валентеномъ и Стелла, прочіе остались разсматривать Фламандскаго Тиціана, который еще болѣе надвинулъ на глаза шляпу и сквозь зубы ворчалъ съ досадой:

— По вашей части! что же? Я ужъ кромѣ портрета и сочинить ничего не съумѣю! Это хотѣлъ ты сказать что-ли? Постой же! я тебѣ сдѣлаю исторію. Погоди, Римлянинъ!

Толпа значительно умножалась: иные получили письма изъ Франціи и разсказывали новости; иные не получили ни какой вѣсточки, досадовали и проклинали альпійскія горы. Фламандцы, заслышавъ имя Ванъ-Дейка, со всѣхъ сторонъ сбѣгались къ Баркаччіи и наконецъ увлекли своего Тиціана въ гостинницу.

— Пойдемъ, пойдемъ! кричалъ Іоганнъ Мель (Meel), таща за руку новаго знакомца, который ворчалъ и повиновался съ неохотой: пойдемъ! я васъ познакомлю съ римскимъ виномъ, которое такъ же плохо, какъ и римскіе художники. Я выпилъ сегодня семнадцать фульетъ, и, когда услышалъ, что вы бесѣдуете съ этими господами у Баркаччіи, выпилъ осемнадцатую и бросился спасать васъ.

— Я не пью.... Меня....

— Не пьете! Да какъ можно не пить въ Италіи, гдѣ вино дешевле нашихъ трубокъ!

— Не пью. Но меня взбѣсилъ этотъ французскій Рафаэль; я ему напишу историческую картину.

— Знаю, знаю, кричалъ Мель: у нихъ всегда на языкѣ лексиконъ таинствъ и трудностей.... Всѣ съ ума сойдутъ, какъ Джакомо Болоньскій. Нѣтъ, землякъ! тутъ есть художники, только не эти. Тутъ есть Питтеръ Лааръ, слыхали вы?

— Нѣтъ!

— Не слыхали? Просто, Рафаэль. Италіянцы прозвали его Бамбоццо. Ну пусть уродъ — нашъ Лааръ: да что они взяли? Бамбоццо перейдетъ въ роды и роды. Взглянешь на картину, нельзя не

смѣяться. Чортъ!... просто, чортъ! Онъ тамъ, въ гостинницѣ, не могъ встать: перелилъ, а ума не потерялъ. Вы услышите, какъ онъ говоритъ.... есть у него другъ, Италіянецъ Черкоцци, тоже мастеръ на бамбочіады: такъ и зовутъ его Микель-Анджело бамбочіадъ; да ужъ это изъ зависти къ Питеру. Куда ему до Питера! А хорошъ, хорошъ!... Всегда пьетъ съ нами.... Питеръ, Питеръ! гостя привели.

И Мель почти насильно втащилъ Ванъ-Дейка въ грязную римскую таверну.

— Попался въ руки къ дьяволу! сказалъ Сакки, глядя вслѣдъ толпѣ Фламандцевъ.

— Да это вашъ ученикъ, сказалъ Теста.

— Нѣтъ! его учитель — Сатана. Вы знаете, что Мель на послѣдяхъ со мною сдѣлалъ? На большой картинѣ, назначенной для дворца Барберини, въ одну ночь всѣ платья расписалъ бамбочіадами! И злость, и смѣхъ! Только, на всякій случай, я его прогналъ.

Художники смѣялись. Мимо кружка ихъ прошелъ кто-то. Опустивъ голову, незнакомецъ съ глубокимъ вздохомъ сказалъ:

— Эвелина! Ни какого извѣстія!... Боже! когда мы увидимся!

—

ГЛАВА II.

(Римская II).

PALAZZO BARBERINI.

Дворецъ Барберини блисталъ безчисленными ог-

нями. Вся площадь была покрыта каретами, носилками, лошадьми, носильщиками, конными солдатами, которые разъѣзжали по площади и по всѣмъ примыкающимъ къ ней улицамъ, удерживали любопытный народъ, толпившійся со всѣхъ сторонъ ко дворцу, въ тотъ день только оконченному.

— Что это у нихъ? кричала молодая усатая матрона съ Трансстевере, кормя грудью двухъ дюжихъ мальчиковъ подъ открытымъ небомъ благословеннаго города.

— Конклавъ, или Соборъ на Тедесковъ, или пляска въ тихомолку, — отвѣчалъ молодой человѣкъ съ черными кудрями до плечъ, босой и съ обнаженными до локтя руками. Рубашка его была на груди разстегнута; подъ ней висѣлъ на снуркѣ мѣдный крестъ, а за поясомъ длинный ножъ и кошелекъ. Лицо его носило цвѣтъ ржанаго хлѣба, но черты лица и черные глаза были прекрасны. Матрона глядѣла на него пламенно, страстно, и отъ дыханія ея стало жарко дѣтямъ.

— Какъ бы не такъ! въ полголоса сказалъ высокій мужчина въ красной куркѣ и красныхъ чулкахъ: видалъ я его и на заднихъ лѣстницахъ не въ одномъ домѣ съ гербами!

Матрона взглянула на красную куртку также пламенно, но это было пламя злости.

— Красные чулки! задыхаясь сказала она: видно ты въ этихъ домахъ на посылкахъ служишь; всю молодежь нашу знаешь....

Красные чулки отворотились и стали говорить

о посторонних вещахъ съ черной мантіей, прикрывавшей длинную, тонкую, фигуру клерика монастыря Святаго Сильвестро, который наказывалъ розгами учениковъ, по усмотрѣнію учителей.

— Что это у нихъ? спросили красные чулки.

— Соборъ о балдахинѣ Петровской Базилики, отвѣчала съ особенною важностію мантія.

— Да отчего же въ новомъ дворцѣ? Онъ еще не освященъ и святѣйшій отецъ туда не переѣхалъ.

— Сегодня, только сегодня была инавгурація и во всѣхъ монастыряхъ получены грамматы о благополучномъ окончаніи новаго папскаго жилища.

— Такъ папа здѣсь и жить будетъ? спросила матрона.

— Здѣсь, здѣсь, моя горлица! отвѣчалъ клерикъ, протягивая руку къ ея подбородку.

Но кто-то сильно оттолкнулъ руку, и тѣснился впередъ, говоря что-то весьма скоро и непонятно. Клерикъ смутился, и отдернувъ руку, толкнулъ красные чулки, которые въ длинныхъ и грубыхъ своихъ башмакахъ наступили на голыя ноги молодаго человѣка; тотъ въ свою очередь оттолкнулъ ихъ на ноги матроны и суматоха завязалась.

Нищій, причина безпорядку, закричалъ громко— «Люди, смирно!» — и всѣ бросились на виновника общей ссоры; толпа раздѣлилась на партіи, но Каведоне не спѣшилъ оправдываться. Онъ сложилъ руки на груди, правую ногу поставилъ нѣсколько впередъ, голову откинулъ назадъ и съ невозмутимою важностью сказалъ: — «Дѣти! неужели вы меня не узнаете?» Этотъ вопросъ привелъ въ ро-

бость самыхъ дерзкихъ. Всѣ молча на него смотрѣли; наконецъ матрона рѣшилась спросить, кто онъ.

— Я? съ бѣшенствомъ закричалъ Каведоне: кто я? Ты меня не знаешь, молочница, когда я тебя видалъ не въ одной мастерской моихъ учениковъ и не въ такомъ сложномъ платьѣ?... Попроще, попроще.... .

Джакомо смѣялся. Матрона перекинула дѣтей на руки молодаго человѣка, и, потеревши руки, сжала ихъ въ могучіе кулаки и бросилась на Джакомо; но мантія и красные чулки съ приятнымъ удовольствіемъ схватили матрону и, во все продолженіе дальнѣйшей сцены, несмотря на ея крики и ругательства, не извѣстно почему, не выпускали изъ попечительныхъ объятій: вѣроятно, боялись за дряхлаго нищаго. Каведоне принялъ прежній важный видъ, и сталъ читать нравственное наставленіе съ такимъ жаромъ, съ такими рѣзкими тѣлодвиженіями, что толпа забыла дворецъ и папу и, освѣщенная огнями изъ оконъ барберніевскаго палаццо, окружила Джакомо и загородила дорогу. Изъ пристройки къ сосѣдней капуцинской церкви вышли люди съ факелами, и скоро подошли къ толпѣ, которая не могла видѣть ихъ приближенія.— «Дорогу! дорогу!» закричалъ передовой. Толпа въ страхѣ разступилась, и отливомъ своимъ оттолкнула Джакомо къ самому крыльцу дворца. Каведоне забылъ все, и уличную рѣчь свою, и обиды, и хотѣлъ войти во дворецъ; но дюжій привратникъ изъ Швейцарцевъ не пустилъ его. Завязалась

новая ссора; между-тѣмъ факелы освѣтили крыльцо, и кардиналъ Барберини, братъ папы Урбана VIII, вышелъ изъ простыхъ носилокъ. Каведоне обратился къ нему, и съ особенною скоростью сталъ говорить:

— Помилуйте, эминенца! ваши люди похожи на васъ! ни какого уваженія къ художнику! Вы развратили Римъ, выгнали всѣхъ великихъ живописцевъ изъ столицы, наняли толпу поденщиковъ и украсили ихъ титулами. Того назвали архитекторомъ, того первымъ живописцемъ, того привратникомъ, того носильщикомъ: но вѣдь это все поденщики: я вамъ ручаюсь и, если угодно, дамъ расписку.

— Любезный сынъ, съ важностью отвѣчалъ кардиналъ: не хорошо старику поносить достойныхъ людей; уйди съ миромъ и принеси завтра исповѣдь духовному отцу твоему.

Каведоне преклонилъ правое колѣно и далъ дорогу суровому капуцину. Кардиналъ вошелъ въ блистательно освѣщенныя сѣни. Каведоне за нимъ. Привратникъ снова загородилъ ему дорогу.

— Эминенца! закричалъ Каведоне, я ничего не буду говорить о барберіневскихъ геніяхъ; только позвольте сказать одно слово его святѣйшеству.

Капуцинъ улыбнулся и тихо сталъ подниматься по великолѣпной лѣстницѣ, украшенной античными статуями и мраморнымъ львомъ.

— Эминенца!... постойте, эминенца!... такъ подайте милостыню Джакомо Болоньскому!

— Да здравствуетъ Джакомо Болоньскій! заре-

вела толпа, и по всей площади раздавалось громкое «Браво!»

— Джакомо Болоньскому? сказалъ кардиналъ, остановясь на первой площадкѣ лѣстницы. — Объ двери, привратникъ! объ двери!... Для Каведоне всегда открыты дворцы и келіи Барберини!

— Тò-то же! съ гордостью сказалъ Каведоне, толкая Швейцарца и входя въ сѣни. — Понимаешь ли теперь, что ты оселъ?

— Понимаю, почтительно отвѣчалъ привратникъ.

— Тò-то же! — Я вамъ очень благодаренъ, эминенца, говорилъ Каведоне, догоняя кардинала: не за себя, но на улицѣ людей много, и такое дерзкое обхожденіе какого-нибудь альпійскаго козла могло оскорбить Римлянъ. — Понимаешь ли? прибавилъ Каведоне, обращаясь къ Швейцарцу.... тò-то же!

— Пойдемте! пойдемте! сказалъ капуцинъ: его святѣйшество будетъ весьма радъ вамъ.

— Я надѣюсь! гордо отвѣчалъ Каведоне, и пошелъ быстро на лѣстницу, но еще разъ оглянулся на привратника и проворчалъ: — Альпійская сова!...

Прямо съ лѣстницы вошелъ онъ съ кардиналомъ въ главную залу дворца Барберини. Около двадцати кардиналовъ окружали папу. Урбанъ сидѣлъ въ высокихъ креслахъ и глядѣлъ на плафонъ; множество лампъ и свѣчей, разставленныхъ на подвижныхъ пирамидахъ, освѣщали еще сегодня оконченную живопись. Петръ Кортонскій, Беретини

и еще нѣсколько человѣкъ художниковъ стояли поодаль, не сводя глазъ съ лица святѣйшаго отца.

— Братъ Франческо! сказалъ Урбанъ, подымаясь съ кресель и сдѣлавъ три шага на встрѣчу кардиналу: мы ожидали васъ, и не смѣли произносить приговора.

— Я привелъ еще одного судію, отвѣчалъ кардиналъ, смиренно кланяясь.

Всѣ съ изумленіемъ посмотрѣли на оборваннаго нищаго; но благородное лицо Каведоне, изрытое морщинами, гордая осанка, остатки желтовато-бѣлыхъ кудрей, все это еще болѣе увеличивало любопытство и удивленіе; огненные взоры Джакомо впились въ потолокъ, и онъ, какъ-будто забывъ, что находится передъ лицемъ папы, сталъ размахивать руками, ляпой, защищался отъ яркаго блеску пирамидъ, и съ улыбкой спросилъ не сводя глазъ съ плафона:

— Это такъ и писано, чтобы смотрѣть ночью?.. а?

Всѣ улыбнулись. Папа и Беретини покраснѣли, одинъ отъ досады, другой отъ стыда. Никто не успѣлъ отвѣчать чудаку. Онъ самъ разрѣшилъ вопросъ свой.

— Нѣтъ, нѣтъ! эту машину можно смотрѣть и днемъ.

— Если позволятъ, грозно сказалъ папа.

Всѣ приняли суровый видъ; одинъ капуцинъ улыбался.

— Не позволятъ, потери нѣтъ! Въ Римѣ, не во дворцѣ Барберини искать образцовъ.

— Кто этотъ дерзкій бродяга? гнѣвно спросилъ Урбанъ.

— Джакомо Каведоне, спокойно отвѣчалъ самъ нищій, не сводя глазъ съ плафона, и при переходѣ на другую сторону, толкнулъ кардинала Массими.

Урбанъ расхохотался и пошелъ къ старику; кардиналы двинулись толпой за папой; услышавъ шаги, Каведоне протянулъ руку и сказалъ:

— Отсюда гораздо лучше! несравненно болѣе эффекта.

И онъ хотѣлъ уже взять Урбана за руку и поставить его на свое мѣсто; но кардиналы бросились между нихъ, оттолкнули Каведоне, въ полголоса говоря ему: «Святѣйшій отецъ, святѣйшій отецъ!» Старикъ повернулся съ юношеской быстротою и упалъ на колѣни. Урбанъ остановился.

— Ваше святѣйшество!... бормоталъ Каведоне.

— Пріими пастырское благословеніе мое, несчастный сынъ!

Каведоне молился. Урбанъ ожидалъ окончанія молитвы; кардиналы приняли видъ почтительнаго сожалѣнія; одинъ капуцинъ улыбался.

Каведоне всталъ, оглянулся, поклонился на всѣ четыре стороны и съ важностью сказалъ....

— Прощайте!

— Куда же? спросилъ Урбанъ.

— Въ Болонью. Я видѣлъ святѣйшаго отца и теперь не боюсь колдовства моей жены.

— Но я хотѣлъ показать вамъ весь дворецъ мой; вы еще его не видали.

— А, покажите, покажите, не мѣшаетъ! съ ребяческимъ простодушіемъ отвѣчалъ Каведоне: пойдемъ!

Урбанъ улыбнулся и сказалъ:

— Но прежде надо наградить художника за трудъ, который сдѣлалъ и на васъ такое сильное впечатлѣніе.

— Преумно! замѣтилъ Каведоне тѣмъ же тономъ: только не золотомъ; испортите.

— А чѣмъ же?

— Прикажите ему въ награду не писать болѣе ничего.

— Это почему?

— Потому что онъ лучше этого плафона ничего не напишетъ.... Да, Піетро! Вѣрь старику, не напишешь! И за плафонъ я сердитъ: ну, да Богъ съ тобой! много хорошаго. Пойдемъ смотрѣть дворецъ.

— Беретини, сказалъ Урбанъ, обращаясь къ своему любимому живописцу: благодарю!... а награда будетъ; мы подумаемъ. Пойдемъ.

—

Папа ушелъ во внутреннiе покои; за нимъ развязно и свободно, будто старинный знакомый и домашнiй человѣкъ, первый шелъ Каведоне, размахивая шляпою; потомъ капуцинъ съ другими кардиналами, наконецъ художники и прислужники. Каведоне, входя въ каждую комнату, вертѣлся и оглядывался.

— Шею сломаешь: такъ много хорошаго! го-

ворилъ онъ, и опять вертѣлся на одной ногѣ. Но, примѣтивъ картину, изображающую Святаго Антоніо Корсини, писанную Гвидо-Рени, онъ остановилъ шествіе восклицаніями и прыжками; нѣсколько разъ перестанавливалъ подвижную лампу; наконецъ сыскалъ свѣтъ, сложилъ руки, отошелъ подальше, и спокойно разсматривалъ мастерское произведеніе.

— За этимъ я и пришелъ! Надобно, ваше святѣйшество, и мнѣ что-нибудь написать достойное мозаики въ Петровскую церковь, а въ Латеранскій — не хочу. Гвидо Рени писалъ эту картину для Латеранскаго собора; а я напишу «Муки Святаго Джакомо» въ Петровскую.... Позвольте, ваше святѣйшество.... Не будетъ годиться, не берите; но благословите.

— Весьма буду радъ, отвѣчалъ Урбанъ: но съ однимъ условіемъ.

— Назначьте тысячу, всѣ исполню.

— Условіе нужно для успѣха. Вы должны писать картину въ родной вашей Болоньи.

— Кто подсказалъ вашему святѣйшеству это одно невозможное условіе? Вы знаете, я вамъ говорилъ, кажется; тамъ у меня врагъ — жена; она сейчасъ заколдуетъ холстъ, кисти, краски; и Каведоне, который теперь гордится нищенствомъ, оскорбитъ искусство новымъ безславнымъ трудомъ!

— Не опасайтесь. Съ вами наше благословеніе!

Каведоне бросился на колѣни, и, осѣненный знаменіемъ креста, всталъ, поправилъ волоса, надѣлъ

шляпу и пошелъ, не въ обратный путь, а впередъ, въ слѣдующіе покои.

— Зачѣмъ ты назначилъ это странное условіе? спросилъ капуцинъ шопотомъ, тихо слѣдуя за папой.

— Зачѣмъ ты привелъ этого сумасшедшаго? спросилъ его папа.

— Затѣмъ, чтобы успокоить народъ. Ты знаешь, какъ его любятъ и уважаютъ. Ты слышалъ на площади? — Привѣтствовали не меня, а Каведоне, отвѣчалъ капуцинъ.

— Теперь я дамъ отвѣтъ на твой вопросъ, сказалъ Урбанъ. Условіе, которое я ему назначилъ, освободитъ Римъ отъ невольнаго возмутителя. Народъ не увидитъ болѣе знаменитаго нищаго.

Каведоне вернулся со страннымъ спокойствіемъ; увидавъ папу, онъ снялъ шляпу и, слѣдуя за нимъ съ неописаннымъ веселіемъ, хвалилъ все напоналъ, былъ необыкновенно разсудителенъ и послѣдователенъ въ разговорахъ, Капуцинъ пересталъ улыбаться и сомнительно поглядывалъ на несчастнаго, считая его хитрымъ притворщикомъ. Но Каведоне скоро оправдался. Едва вошли въ покой, украшенный знаменитою картиною Николая Пуссена:

— Римъ! закричалъ онъ: Римъ! погляди, каковъ ты былъ! — Я никогда не воображалъ, ваше святѣйшество, чтобы можно было изъ одного и того же произведенія сдѣлать и превосходную картину и превосходную книгу. У меня колѣни гнутся передъ двойственнымъ изяществомъ этой удиви-

тельной картины.... Этотъ господинъ умираетъ; этотъ другой долженъ быть настоящій его другъ, онъ клянется отмстить, непремѣнно отмстить за его смерть: и только отмстить; не правда-ли? Посмотрите, умирающій долженъ быть великій человѣкъ, а по-крайней-мѣрѣ важный, потому что домъ его величественнѣе вашего дворца. Такая архитектура, я думаю, лучше всѣхъ новѣйшихъ памятниковъ зодчества. Постройте городъ по картинамъ Пуссино: онъ будетъ величественнѣе древняго Рима, великолѣпнѣе Александріи! Дивлюсь, какъ можно строить послѣ Пуссино!... А! этотъ умирающій дѣйствительно человѣкъ важный: у него есть другъ, одинъ другъ, какъ у меня, какъ и у всякаго бѣдняка; но онъ къ тому еще и вельможа, потому что у него много друзей.... Настоящіе? О нѣтъ! Одни изъявляютъ притворное сожалѣніе; на другихъ написано только любопытство. Они пришли въ часъ смерти: надѣются, что онъ успѣетъ еще продиктовать кодициллъ въ ихъ пользу.... Тутъ же, гдѣ-нибудь, есть и консулъ; я вижу знаки; а вотъ, кажется, и prefectus urbis.... Чего же лучше? такіе свидѣтели!... и въ курію завѣщанія носить не надо.... Но этотъ человѣкъ не только вельможа: онъ герой. Посмотрите, какъ онъ спокойно умираетъ! Онъ Римлянинъ! Оскорбленная гордость требуетъ мести.... Онъ добръ: посмотрите какъ сожалѣетъ объ немъ его семейство, и какъ это сожалѣніе не похоже на живописную гримасу, которую безъ различія пола и возраста, бросаютъ на присутствующихъ при кар-

тинной смерти.... Книга!... поэма!... натура!...— Вельможа!... Нѣтъ, вы ошиблись: онъ высокой крови. Посмотрите, какъ царственно величіе всего семейства!... Вспомнилъ, вспомнилъ! Такъ умиралъ Германикъ!

Всѣ молчали. Папа особенно былъ доволенъ достоинствами картины, объявленными Джакомо Болоньскимъ.. . Голосъ Каведоне остановился на такой нотѣ, которая непремѣнно обѣщала продолженіе рѣчи; и, дѣйствительно, Каведоне расхохотался и сталъ говорить:

— И я жалѣлъ, что лишился моего прекраснаго таланта!... Лучше просить милостыню, нежели проповѣдывать въ пустынѣ. Кто̀ поймет̀ъ тебя, Николо? кто̀ оцѣнитъ твои ученыя изысканія, ихъ дивное приложеніе къ искусству?... Можетъ-быть, во Франціи ты будешь счастливѣе.... Сомнѣваюсь; но, дай Богъ успѣха.

Урбанъ посмотрѣлъ на своего брата Франческо съ изумленнымъ видомъ. Капуцинъ, не понимая значенія этихъ взглядовъ, подошелъ къ брату....

— Ты слышалъ? спросилъ Урбанъ шопотомъ: такъ это не тайна? Плохо.

— Я не знаю, о чемъ ты говоришь.

— Да, да! я забылъ сообщить тебѣ важную и непріятную новость. — Пойдемъ, громко прибавилъ Урбанъ, и всѣ тронулись въ путь.

Лѣстница въ библіотеку шла улиткой; Джакомо остановился.

— Нѣтъ, сказалъ онъ, я не пойду.... Колдуны только строютъ такія лѣстницы въ лачужкахъ,

потому что места мало; и колдуны всегда молоды.... Нѣтъ, я не пойду: того гляди, обвалится.

Всѣ смѣялись.

— Я не трусъ! сказалъ оскорбленный Джакомо, и бросился наверхъ какъ серна.

Урбанъ не могъ сохранить своей важности, и также разсмѣялся; но поступокъ Джакомо избавилъ дряхлыхъ кардиналовъ отъ тяжкаго воздушнаго путешествія; Урбанъ отпустилъ всѣхъ, кромѣ брата и Бернини, и пошелъ съ ними въ библіотеку. Тамъ уже прогуливался Джакомо, разсматривая пятьдесятъ тысячъ томовъ книгъ и рукописей; бросался изъ одного угла въ другой; вынулъ огромный фоліантъ и сталъ читать. Библіотека, какъ и весь дворецъ, была освѣщена лампами и свѣчами. Урбанъ, не прерывая чтенія Джакомо, сѣлъ у окна и усадилъ капуцина; Бернини стоялъ у дверей.

— Этотъ экземпляръ полнѣе, громко разсуждалъ самъ съ собою Каведоне: мнѣ объ немъ много еще сегодня говорилъ Пуссино, но и тотъ, что у Санъ-Сильвестро де-Монте-Кавалло, тоже довольно хорошъ. Маттео Цоколини, впрочемъ, писалъ какъ кошка, и я удивляюсь терпѣнію Пуссино; онъ прочелъ всѣ рукописи Маттео, сдѣлалъ выписки и замѣчанія. Да это еще ничего: онъ прочелъ всѣ книги Аль-Гасина, Вителіона, Альберта Дюрера и Альберта!... Послѣ этого, неудивительно, что онъ понимаетъ перспективу: а насъ учили Болоньскіе школьники! — Нечего смотрѣть, въ за-

ключеніе сказалъ Каведоне, ставя книгу на мѣсто: разомъ всего не прочтешь. Пора домой.

— Погодите, сказалъ Урбанъ. Вы знакомы, какъ я вижу, съ Пуссино: часто видитесь?

— Изрѣдка, ваше святѣйшество. Онъ работаетъ, а я тунеядецъ, прошу милостыни; вотъ почему и сходимся рѣдко.

— Я полагаю, онъ уважаетъ васъ.

— Еще бы! Пуссино — человѣкъ.

— Что онъ? ничего не говорилъ о Парижѣ?

— Онъ и думать забылъ о Франціи; у него отечество — Форумъ, друзья и братья — антики: жена, домашніе — живопись и книги.

— Вы полагаете, онъ не поѣдетъ?

— Не зовутъ; но и тогда кажется не поѣдетъ.

— Какъ вы думаете? онъ полезнѣе и для Франціи здѣсь: онъ руководствуетъ молодыхъ Французовъ и въ искусствѣ и въ жизни. Мнѣ не хочется опустить его, но удерживать не прилично. Людовикъ XIII зоветъ его, онъ долженъ повиноваться королю. Мнѣ мѣшаться въ это дѣло не ловко Надо чтобы друзья, которыхъ онъ уважаетъ.... понимаете ли?

— Совершенно понимаю, ваше святѣйшество, и иду къ Пуссино.

— Постойте: потрудитесь отдать ему и грамматy королевскую, и письмо де-Нойё, которыя присланы съ прочими бумагами отъ нашего кардинала Ришліё.

— А если меня ограбятъ дорогой?

— Правда, сказалъ капуцинъ: это легко можетъ

случиться. — Позвольте, ваше святѣйшество, отнести ихъ мнѣ, а Джакомо пусть потрудится сходить впередъ и предувѣдомить Пуссино, не говоря что письма уже получены.

— Весьма умно. Иду.

— Постойте: а мы съ вами увидимся передъ отъѣздомъ въ Болонью? спросилъ папа.

— А вотъ я прощусь съ Пуссино, высплюсь, схожу въ Ватиканъ, сниму мѣрку для картины, и зайду къ вашему святѣйшеству проститься.

— Не забудьте же, сказалъ съ улыбкой Урбанъ.

— Какъ можно! сказалъ Джакомо, надѣлъ шляпу и пошелъ.

— Новое доказательство дружбы Ришліё! сказалъ шопотомъ капуцинъ. Лувръ — его затѣя.

— Нѣтъ, другъ мой, отвѣчалъ Урбанъ также тихо: тамъ есть у насъ врагъ, который на меня сердится; но, если онъ успѣетъ отнять у меня Пуссино, не видать ему кардинальской шапки, пока папа Урбанъ на ватиканскомъ престолѣ.

Джакомо возвратился.

— Прикажите проводить меня по другой лѣстницѣ, сказалъ онъ папѣ: страхъ беретъ. Я всѣ думаю, что въ адъ сходить приходится.

— Проводи его, Піетро! съ примѣтной досадой сказалъ Урбанъ.

— Да позвольте спросить, ваше святѣйшество, кто приглашаетъ во Францію Пуссино? Король или этотъ кардиналъ-гугенотъ?...

— Вотъ мѣтко! въ полномъ удовольствіи вос-

кликнулъ Урбанъ: конечно, если бы я зналъ, что въ душѣ этого епископа люсонскаго всѣ религіи перемѣшало честолюбіе, никогда бы не быть ему княземъ Церкви. Кардиналъ-гугенотъ!

Урбанъ смѣялся.

— Такъ онъ приглашаетъ Пуссино?

— Конечно онъ, хотя подъ именемъ короля.

— Ну, такъ можно и не ѣхать.

— Конечно можно; но на васъ вся надежда.

Бернини стоялъ близко, потому что Урбанъ позвалъ его для проводовъ Джакомо; вслушиваясь въ разговоръ, онъ почтительно преклонился и сказалъ:

— Ваше святѣйшество, я полагаю, что вызовомъ Пуссино въ Парижъ мы обязаны аббату Мазарини.

Урбанъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на Бернини и сказалъ:

— Великій зодчій, ты, какъ Рубенсъ, будешь великимъ посломъ, если умѣешь отгадывать тайныхъ дѣйствователей безъ видимыхъ причинъ.

— Гораздо проще, ваше святѣйшество: я также, съ кавалеромъ д'Орбиньи, получилъ письма изъ Парижа и все искалъ случая имѣть счастіе представить ихъ вашему святѣйшеству.

— Какія письма? тревожно спросилъ Урбанъ, и, пробѣжавъ бумаги, съ досадой воскликнулъ:

— Аббатъ Мазарини предлагаетъ Бернини ежегодно двѣнадцать тысячъ экю, и всѣ возможныя выгоды, отъ имени короля и кардинала?... Нѣтъ,

Піетро! Богъ создалъ тебя для Рима, а Римъ для тебя.... Не пущу!

— Въ письмахъ была записочка къ кардиналу Бани, сказалъ архитекторъ, но его эминенція теперь въ легаціи. Я не знаю, можетъ-быть, и въ ней есть какое-либо вредное для Рима предложеніе.

— Подай.

Урбанъ прочелъ записку, улыбнулся и, обращаясь къ брату, сказалъ весело:

— Поздравляю васъ съ новымъ кардиналомъ, Джулію Мазарини! Прочтите.

Купуцинъ подошелъ къ ближайшей лампѣ, и прочелъ слѣдующее:

«Благодѣтель и другъ! Предложеніе мое любезному Бернини вынуждено обстоятельствами. Кардиналъ и королева настоятельно требовали, чтобы я пригласилъ въ Парижъ лучшихъ италіянскихъ художниковъ. Бернини мнѣ другъ, они это знали; но его святѣйшество лишится геніальнаго человѣка и вѣрнаго слуги и потому употребите всѣ средства, мой благодѣтель и другъ, и не пускайте Піетро въ Парижъ: польза и удовольствіе святѣйшаго отца должны быть нашими единственными законами. Вашъ — Джуліо.»

— Счастливъ Мазарини, сказалъ Урбанъ, если этой записки не успѣлъ прочесть Риньіё. — Джакомо! теперь ступайте къ Пуссино, но, не забудьте: все, что здѣсь слышали — тайна.... Кардиналъ Маза....

— Позвольте, ваше святѣйшество, почтительно

прервалъ капуцинъ, отводя Урбана въ сторону. — Вы ошибаетесь: можно будетъ сдѣлать его княземъ Церкви, но назначьте условіе. Между аббатомъ и кардиналомъ Мазарини лежитъ послѣдній подвигъ.

— Какой, Франческо?

— Пусть постарается возвратить намъ Пуссино какъ-можно скорѣе, потому что намъ неловко удерживать его теперь въ Римѣ, если онъ самъ не захочетъ у насъ остаться.... А я постараюсь увѣдомить о томъ Мазарини такъ, что и Ришліё не догадается. Письма изъ Испаніи въ свернутыхъ картинахъ, отправленныя къ Мазарини тайными его агентеми, везены черезъ Италію; я ихъ читалъ: неужели Ришліё не прочелъ ихъ по-моему?... Плохое средство.... Гдѣ твои новыя книги?

Капуцинъ разсмотрѣлъ кучу ново-изданныхъ книгъ, выбралъ одну, и подходя къ Урбану, спросилъ:

— Согласенъ?

— Amen! отвѣчалъ папа, и всѣ разошлись.

—

ГЛАВА III.

(Римская III.)

ПУССЕНОВСКІЙ ВЕЧЕРЪ.

— Дома жена? спросилъ Пуссенъ у служанки, примѣтно испуганной, и растрепанной.

— Нѣтъ, отвѣчала она съ особенною поспѣшностью. Приходилъ Гаспаро за нею отъ вашего тестя; у нихъ сегодня гости.

— И у нея гости! сказалъ Пуссенъ друзьямъ, указывая на Маріанну.

Пуссенъ самъ добылъ огня и зажегъ древнюю мѣдную лючерну.

— Ступай, Маріанна; ты мнѣ не нужна; можешь заниматься чѣмъ хочешь, пока жена прійдетъ.

Маріанна заперла двери и исчезла.

Пуссенъ поставилъ лючерну на продолговатый столъ; по сторонамъ стояли двѣ деревянныя скамьи со спинками, каждая другой формы, и съ особенно удобнымъ выдолбомъ въ сидѣньи; потомъ принесъ небольшую этрурскую вазу, и началъ въ нее жать лимоны. Стелла и Валентенъ уже сидѣли въ глубокихъ скамьяхъ: Валентенъ продолжалъ сердиться на Джакомо и доказывалъ Стеллѣ, что онъ написалъ свою картину совершенно хорошо. Раздался стукъ. Пуссенъ отворилъ двери; вошли Кеноа, Сакки, Черкоцци и еще нѣсколько художниковъ.

— Мы никогда не наговоримся, сказалъ съ улыбкою Пуссенъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Черкоцци, мы никогда не наслушаемся... Я прямо изъ трактира, гдѣ проповѣдуетъ Лааръ. Пока говорили о Рубенсѣ съ пріѣзжимъ Голандцемъ, я слушалъ; но, когда стали разсказывать о парикахъ и длинныхъ волосахъ какого-то синьоръ-альдермана, котораго отлучили въ Англіи отъ Церкви за четыре линіи кудри, которыя онъ придѣлалъ къ своимъ собственнымъ волосамъ, я ушелъ.

Пуссино вышелъ въ небольшой садъ и сорвалъ нѣсколько штукъ лимоновъ; общество умножалось. Опять стукъ; кардиналъ Маффеи. Черезъ нѣсколько времени пришелъ и Гаспаро.

— Что, жена у васъ? спросилъ Пуссенъ.

— Нѣтъ; она сегодня и не бывала.

Пуссенъ горько улыбнулся и, продолжая жать лимоны, посмотрѣлъ лукаво на кардиналовъ.

— Не правда ли, сказалъ онъ: женщины одарены въ высочайшей степени тонкимъ предчувствіемъ? Что имъ дѣлать въ художнической бесѣдѣ? Для насъ потѣха, для нихъ скука! И вотъ жена предчувствовала свое положеніе; ушла; ей теперь не скучно, а насъ никто не связываетъ.

— Нельзя не подивиться вашему хладнокровію, сказалъ Маффеи: жена ваша такъ рѣдко васъ видитъ, хотя вы всегда почти дома.

— Скажите лучше, что я очень рѣдко ее вижу, хотя я почти всегда дома. Кругъ ея знакомства такъ обширенъ, что я даже не могу сохранить въ памяти однихъ именъ всѣхъ ея подругъ. Но, какъ бы то ни было, я не хочу мѣшаться въ дѣла моей жены. Говорятъ про нее слишкомъ много дурнаго, по-крайней-мѣрѣ столько, что я начинаю уже вѣрить ея добродѣтели, въ которой увѣряетъ меня и Гаспаро.... Да вотъ, онъ знаетъ, что я женился на сестрѣ его изъ благодарности. Милостивый, ласковый пріемъ чужому человѣку безъ имени и состоянія, отеческая попечительность во время болѣзни, прекрасныя качества всего семейства Дюге, очаровали меня: я считалъ женитьбу

на одной изъ дочерей почтеннаго человѣка свидѣтельствомъ моей благодарности и уваженія. Она тогда не любила никого; и меня тоже. Минули годы: мы замѣтили, что не можемъ влюбиться другъ въ друга; это намъ жить еще не мѣшаетъ, а я вывелъ заключеніе, что надо свататься тогда, когда женское сердце совершило періодъ дѣвичьей любви.... Надобно дожидаться въ женщинѣ періода любви супружеской. Я былъ глупъ, и теперь не взыскиваю.

Пуссенъ вышелъ.

— И живетъ, и говоритъ, какъ пишетъ! сказалъ Черкоцци. Меня просили написать бамбочіаду изъ его домашней жизни; рука не поднимается!

Я самъ написалъ на себя бамбочіаду, сказалъ Пуссенъ, входя и держа въ одной рукѣ продолговатый сосудъ изъ простой глины, а другою указывая на портретъ, висѣвшій на стѣнѣ.

Художники съ изумленіемъ глядѣли то на портретъ, плохо освѣщенный больнымъ свѣтомъ люцерны, то на Пуссена, который спокойно изъ своего глинянаго сосуда вливалъ воду въ этрурскую вазу. Гаспаро покраснѣлъ и, заикаясь, сказалъ Пуссену:

— Николо! это послѣдній сосудъ, который вы сдѣлали?

— А что, не нравится?

— Напротивъ, прекрасно!

— Постой, увидишь ковши: сегодня на зарѣ писать нельзя было, такъ я и обжигалъ мои ковши по способу Аль-Гасина.... и весьма удачно: ни

одной трещины! У меня теперь ковшей дюжина: довольно; завтра вылѣплю для молодыхъ померанцевъ горшки, на одну идею, но въ каждомъ будетъ иная модуляція.

— Но такъ вы разрушаете симметрію, замѣтилъ кардиналъ Массими.

— Симметрія — врагъ вкуса; разнообразіе есть природа, міръ, вселенная. Посмотрите, какъ несимметрически убрано небо разномѣрными звѣздами. Говорятъ, будто и планеты всѣ разнаго объема и формы. Поглядите на лѣсъ, на море: одно дерево и одна волна не похожи на другую волну и на другое дерево. Гармонія, согласіе, это дѣло другое: но симметрія не есть согласіе, а однообразіе. Гармонія не можетъ быть въ тождествѣ, а въ логическихъ, причинныхъ отношеніяхъ двухъ или болѣе противоположныхъ предметомъ. Напримѣръ, два бойца равной храбрости напали другъ на друга: и тотъ и другой подняли кулаки; отставили другую руку; у обоихъ такъ же сверкаютъ глаза, такъ же волоса щетинятся; такъ же упирается нога: и нѣтъ картины, а есть симметрія.— Гаспаро! принеси ковши. — Вы увидите какъ важны въ искусствѣ модуляціи на одну и ту же идею; и Римляне понимали эту гармонію противоположностей: вы можете замѣтить это тонкое чувство вкуса въ разнообразіи древней посуды, домашней утвари, нѣкоторымъ образомъ и самыхъ зданій.

— Все такъ, сказалъ Черкоцци, но гдѣ же бамбочіада?

— Посмотрите хорошенько; возьмите свѣчу: сами увидите, а говорить не слѣдуетъ.

Черкоцци взялъ лючерну и освѣтилъ портретъ: онъ еще не былъ оконченъ; лице было совершенно отдѣлано; на стѣнѣ, за Пуссеномъ, уже была надпись:

Effigies Nicolai Poussini,
Andelyensis, pictoris, anno....

но годъ еще не былъ выставленъ. Вдали окно; въ окнѣ женщина: въ ней легко было узнать жену Пуссена. Ее обнимали неизвѣстныя руки. Черкоцци понялъ бамбочіаду и, молча, поставилъ лючерну на прежнее мѣсто.

— Что? не правда ли? спросилъ Пуссенъ, вливая сотовый медъ въ этрурскую вазу.

— Замысловато! отвѣчалъ Черкоцци: но зачѣмъ въ вашихъ рукахъ свертокъ бумагъ, а не кинжалъ?

Пуссенъ улыбнулся и не отвѣчалъ, потому что вошелъ Гаспаро съ ковшами.

Больше всѣхъ хвалилъ ковши Кеноа и, конечно, болѣе всѣхъ имѣлъ на то права. Пуссенъ поставилъ вазу по-серединѣ стола, подкатилъ большую кушетку безъ спинки и боковъ, съ тремя подушками, и, несмотря на присутствіе двухъ кардиналовъ, возлегъ по-древнему, упираясь грудью въ подушки.

— Удивительно, сказала Маффеи, какъ это вы, обожая Римъ и его обычаи, не любите и его недостатковъ! Ваше пристрастіе походитъ на слѣпую привязанность къ женщинѣ, а тогда и недостатки

любовницы намъ дороги.... Какъ, напримѣръ, вы не любите вина?

— Кто вамъ сказалъ? Напротивъ, я выпиваю ежедневно малый сосудъ, выдѣленный моимъ другомъ Кеноа, но только за обѣдомъ, послѣ труда, а не употребляю его какъ подателя мыслей въ умной бесѣдѣ; конечно, быстрѣе разумъ, развязнѣе языкъ, но на-завтра я глупъ. Въ жизни нужна симметрія или, лучше сказать, порядокъ, въ каждомъ днѣ разнообразный, но въ двухъ дняхъ почти тождественный. Встать съ солнцемъ — удовольствіе; трудиться до полудня — блаженство; принять пищу, когда ѣсть хочется — наслажденіе; потомъ читать избранныхъ писателей; минуетъ жаръ—отрадная прогулка; вечеръ—отрадная бесѣда; и голова не утомляясь, не перестаетъ работать, добывать свѣдѣнія.... Все это настоящая идея настоящаго эпикуреизма.

— Мнѣ кажется, сказалъ Черкоцци, я читаю эту идею, когда гляжу на ваши пейзажи. Жаль, что ихъ не бывало въ природѣ!

— Никогда, отвѣчалъ Пуссенъ: никогда! Аристотель говоритъ, что поэту позволено представлять невозможное, лишь бы оно было лучше возможнаго. Но я, однако жъ, долженъ сказать, что между натурой и искусствомъ нѣтъ ни малѣйшаго различія; искусство не можетъ перейти предѣловъ, которые оно само себѣ начертало, потому что свѣтъ познанія, который, какъ даръ природы, разсѣянъ тамъ и сямъ, обнаруживается въ разныхъ людяхъ, въ разныхъ мѣстахъ и въ разныя

времена: этотъ свѣтъ познанія, говорю, самъ есть не что̀ иное, какъ правила искусства; но замѣтьте: весь этотъ свѣтъ, или по-крайней-мѣрѣ бо́льшая часть его, никогда не можетъ быть въ одномъ человѣкѣ; вотъ почему искусство не во всѣхъ своихъ частяхъ въ одномъ отдѣльномъ произведеніи бываетъ согласно съ природою. Возьмите искусство въ цѣломъ, во всей суммѣ его произведеній: вы не найдете никакого различія съ природой; потому-то, скажу, я не понимаю, какой «новости» требуютъ нынѣшніе писатели отъ художниковъ. Новость въ живописи не заключается въ томъ, что я избралъ предметъ, котораго до меня не представляли; совсѣмъ нѣтъ: она просто, заключается въ хорошемъ и новомъ расположеніи и выраженіи предмета. Причащеніе Святаго Джироламо превосходно написалъ Агостино Караччи, а Доменикино, въ своей картинѣ, былъ вполнѣ новъ, потому что въ томъ же сочиненіи умѣлъ сообщить фигурамъ новыя выраженія и движенія. Если живописецъ хочетъ поразить зрителя чѣмъ-либо чудеснымъ, напрасно введетъ онъ въ картину чрезвычайныя и непостижимыя новости; нѣтъ пускай употребитъ весь свой геній и обработаетъ предметъ во всѣхъ отношеніяхъ, такъ, чтобы предметъ казался совершеннымъ, превосходнымъ самъ по себѣ; чтобы можно было сказать: materiam superabat opus. Конечно, въ этомъ случаѣ мало одного только сочиненія: надобно озаботиться и о формахъ; но не забывать, что форма предмета различается по впечатлѣнію или по цѣли.

Нѣкоторые предметы производятъ смѣхъ, другіе ужасъ, и такъ далѣе; и этотъ смѣхъ, этотъ ужасъ — вотъ ихъ формы. Что касается до красокъ въ живописи, то, по моему мнѣнію, онѣ похожи на лесть, которая легко убѣждаетъ: для того же и красота стиховъ нужна въ поэзіи.

— Вы каждый вечеръ дарите насъ новыми замѣчаніями о живописи, сказалъ кардиналъ Массими: ваши вечернія бесѣды составили бы полнѣйшій кодексъ правилъ художества; можетъ-быть, обнародовавъ мысли свои о искусствѣ, вы бы остановили то несчастное направленіе, которому поклоняется наше время.

— Нѣтъ! нельзя исправить пороковъ, какъ нельзя испортить добродѣтели, отвѣчалъ Пуссенъ. Въ природѣ все расчитано; даже породы животныхъ исчезаютъ, можно сказать, пирамидально, какъ, слѣдуя той же фигурѣ, разраждаются новыя: такъ и въ художествѣ. Пирамида, изъ точки неизвѣстной, разрослась въ вѣкъ Льва X. Цѣлые города художниковъ, и художниковъ достойныхъ! Въ одно время Рафаэль, Микель-Анджело, Тиціанъ, Корреджіо, Леонардо да-Винчи, фра Бартоломео, Джіорджоне, Альбертъ Дюреръ, Гольбейнъ, Тинторетто, Джуліо Романо, и прочіе, и прочіе.... Второй вѣкъ, или второй ярусъ пирамиды уже и по объему и по достоинству: три Караччи, Доминикино, Альбани, Гвидо Рени, Каведоне. Нашъ, третій ярусъ, прости любезный Черкоцци, уже занимается бамбочіадами.... Я прощаю шутки, какъ люблю читать Гомера на изнанку; но не

люблю поэмъ героическихъ, сдѣланныхъ на изнанку изъ площадныхъ сказокъ арлекина; а, съ немногими исключеніями, это характеръ нынѣшней живописи.

— Кардиналъ, съ улыбкой сказалъ Массими, обращаясь къ Маффеи: и мы сегодня видѣли на одномъ потолкѣ большую историческую, или героическую бамбочіаду.

Маффеи сдѣлалъ видъ, будто бы не слышитъ, и сталъ шептаться съ Черкоцци. Раздался ужасный стукъ у дверей, такъ, что многіе не усидѣли на мѣстахъ. Пуссенъ всталъ, взялъ со стола лючерну и, оставляя общество въ потьмахъ, пошелъ отворить двери.

— Кто тамъ?

— Сдѣлай милость, отвори поскорѣе: черти стали по улицѣ ходить; я ужасный трусъ, и ночью никогда не путешествую.

По голосу легко было узнать Каведоне. Вошедши въ сѣни, Каведоне выглянулъ еще разъ на улицу и со смѣхомъ сказалъ:

— Что взяли, черти?

— Опять станетъ ругаться, несносный старичишка! сказалъ Валентенъ, услышавъ голосъ Джакомо.

— Милости просимъ, милости просимъ! ласково говорилъ Пуссенъ, вводя гостя въ залу.

Каведоне комически раскланивался и наконецъ усѣлся вдали, у окна, одинъ, какъ-будто скромничая.

— Пожалуйте! тутъ есть мѣсто, говорилъ Пуссенъ, ложась на свою кушетку.

— Покорнѣйше благодаримъ; намъ и тутъ хорошо, отвѣчалъ Джакомо, вставъ и почтительно кланяясь.

— Объ чемъ мы говорили? началъ Пуссенъ: да! о бамбочіадахъ. Вотъ, Джакомо скажетъ, какъ прежде, при Караччи, хлопотали о защитѣ вкуса отъ нашествія Караваджіо. Я уважаю публику, какъ ее называютъ многіе; но я уважаю ее изъ сожалѣнія, какъ невольнаго грѣшника. Вотъ, публика-то и не понимаетъ, что значитъ въ живописи новость, потому что для этого нуженъ высшій свѣтъ познанія. По инстинкту она требуетъ новости, и уродливость считаетъ самою свѣжею, отрадною нóвизною: во Франціи не нравится Пинтуриккіо, а понравился Рубенсъ.

— А теперь, сказалъ Джакомо, нравится Вуэ, а не понравится Пуссино; я дамъ росписку, если не вѣрите. А ужъ, вѣрно, соблазнятъ тебя, Николо! Я думаю, теперь и рѣчи въ Парижѣ только что про тебя. Впрочемъ, я живу давно; десятками видѣлъ философовъ: каждый презиралъ дары Фортуны до случая; каждый терялъ свою философію отъ женской улыбки, вельможеской ласки, мытарскаго кошелька ... отъ разныхъ причинъ; и какъ ни любишь Римъ, какъ ни счастливъ въ Римѣ, а напишни король слово, пришли денегъ кардиналъ-гугенотъ, и завтра у крыльца аркадскаго живописца будетъ стоять веттурино, а жена укладывать въ повозку все то, что не нужно въ дорогѣ.

— Вы ошибаетесь, Джакомо! Слово честнаго Римлянина, ни зачто не поѣду во Францію?

— Увидимъ!

— Увидите! Начто Французамъ Пуссино, когда у нихъ Симонъ Вуэ, съ щегольскою кистью, съ красками столь свѣжими, яркими, какъ цвѣты, украшающіе луга въ швейцарскихъ долинахъ, съ римскою славою? Не забудьте: и Вуэ писалъ для Ватиканской Базилики. Да и на что мнѣ Французы! Жизнь моя у нихъ была цѣпью непріятностей, досадъ, обидъ, болѣзней и нищенской бѣдности.

— А все-таки поѣдешь! сказалъ Джакомо.

— Повторяю вамъ, дорогой Джакомо, какъ уважаю васъ и всѣхъ достойныхъ учителей моихъ, какъ уважаю золотую мою независимость, слово Римлянина: не поѣду!

Раздался стукъ. Пуссенъ опять выпелъ съ лючерной и почтительно ввелъ кардинала Барберини. Всѣ встали, кромѣ Каведоне, который махалъ капуцину шляпой и, когда глаза ихъ встрѣтились, Каведоне сдѣлалъ такую мину, которою капуцинъ вполнѣ остался довольнымъ. Онъ усѣлся возлѣ пуссеновской кушетки.

— Все старые знакомые! сказалъ кардиналъ, окинувъ сѣрыми глазами общество. А давно я у васъ не былъ, Пуссино, давно! Но вы не должны взыскивать. Представить не можете сколько работы! Его святѣйшество взялъ на себя окончаніе Ватиканской Базилики и фамильнаго дворца, а на меня возложилъ тысячу мелочей, такъ, что

въ день едва успѣваю осмотрѣть работы; но я не ропщу, не жалуюсь.... Въ короткое время Римъ значительно похорошѣетъ. Собираемся приступить къ розыскамъ и раскапываніямъ на древнихъ виллахъ....

— Ахъ! пора, пора, пока природа и руки невѣждъ не уничтожатъ безчисленныхъ и чудныхъ остатковъ? сказалъ Пуссенъ со вздохомъ.

— На все нужно время, деньги и руки, отвѣчалъ Барберини, по обыкновенію улыбаясь. Времени мнѣ остается не много; не знаю, гдѣ меня похоронятъ, потому что у меня есть намѣреніе умереть въ Іерусалимѣ. Денегъ, право, нѣтъ; едва могу расплатиться.... а руки.... кажется, всѣ свободныя и способныя руки цѣлой Италіи работаютъ въ Римѣ.... Скажу вамъ, между прочимъ, пріятную новость. Балдахинъ утвержденъ. Онъ будетъ изъ коринѳскаго металла.

— Да откуда вы его возьмете? спросилъ съ изумленіемъ Пуссенъ.

— Найдемъ, найдемъ! А балдахинъ великолѣпный. Бернини отличился.

Художники улыбнулись: эта общая улыбка не ускользнула отъ зоркаго капуцина, и онъ продолжалъ:

— Его святѣйшество утвердилъ уже давно рисунокъ; завтра будетъ осматривать модель въ настоящую величину.

— Одинъ? спросилъ Каведоне.

— Да съ кѣмъ же? спросилъ сурово Барберини.

Каведоне расхохотался и отвѣчалъ:

— Я не ожидалъ такого вопроса отъ вашей эминенціи. Вѣдь вы съ Урбаномъ ничего въ этомъ не смыслите. Это наше дѣло! Вотъ, я.... что-нибудь могу сказать; Валентино, Стелла, Черкоцци, Кеноа, а больше всѣхъ насъ, Пуссино.... Право, не хорошо, ваша эминенція! Ну, вообразите, что бы сказали врачи, если бы вы вздумали исполнять должность повивальной бабки!

Художники съ трудомъ удерживались отъ смѣху. Неумолимый Каведоне продолжалъ:

— Вотъ и сегодня мы съ вами видѣли плафонъ; ну, дали бы поправить рисунокъ Пуссино.... и эта картина была бы вполнѣ достойна папскаго дворца; а то, сами посудите, цѣлый олимпъ таскаетъ принадлежности фамильнаго герба Барберини.... Я было подумалъ, что это дворецъ какого-нибудь барона-гугенота.

Капуцинъ задумался и почти невольно обмолвился:

— Да! и Доменикинъ то же думаетъ....

— Развѣ онъ въ Римѣ? спросили съ участіемъ почти всѣ.

— Нѣтъ! но вѣроятно видѣлъ рисунокъ и написалъ объ немъ свое мнѣніе къ командору дель-Поццо.

— То-то и есть! сказалъ Каведоне, садясь на свое мѣсто и надувшись: украшаютъ Римъ по своему разумѣнію; у порядочныхъ людей и совѣта не спросятъ!

Кардиналъ Массими, желая прервать дерзкія

рѣчи Каведоне и вывести капуцина изъ смущенія, спросилъ особено громко:

— А что это сегодня мы командора дель-Поццо не видимъ?

— Видно, отвѣчалъ капуцинъ, у его святѣйшества проситъ позволенія заказать Кортонскому новую картину; послѣ плафона художникъ сталъ посвободнѣе....

— Нѣтъ; сказалъ Пуссенъ: я увѣренъ что онъ зачитался, и вѣрно еще сегодня окончитъ свои замѣчанія на Ѳукидида.... Кажется, подъѣхала карета.... Стучатъ. Это онъ!

И Пуссенъ ввелъ командора дель-Поццо.

— Вы кстати пожаловали, сказалъ Барберини. Пуссино гордится вашею дружбою, illustrissime.

— Скажите лучше, eminentissime, Поццо гордится дружбою Пуссино. Что я? — богатый Римлянинъ, и только; умъ или скупость отцовъ моихъ оставили мнѣ порядочный достатокъ, но Богъ даровалъ охоту употребить его не на разрушительныя удовольствія, а на лучшія наслажденія; и, конечно, дружба съ Пуссино была необходимостью: мы оба хотимъ быть Римлянами старыхъ временъ и живемъ въ одномъ городѣ.

— Послѣднее условіе разорвано, сказалъ Барберини.

— Какъ! спросили Пуссенъ и Поццо.

— Король зоветъ васъ въ Парижъ.

— Зловѣщій воронъ! невольно воскликнулъ Валентенъ, поглядывая на Джакомо.

— Святѣйшій отецъ поручилъ мнѣ, сказалъ

Барберини, передать вамъ бумаги, полученныя сегодня на имя ваше вмѣстѣ съ другими. Кавалеръ д'Орбиньи завтра отъѣзжаетъ назадъ съ отвѣтами и ожидаетъ вашего. Святѣйшій отецъ желаетъ знать, если вы позволите, содержаніе.

— Оно коротко, отвѣчалъ Пуссенъ; теперь я не могу ѣхать во Францію, потому что я обязался на срокъ окончить многія работы въ монастыри.

— Къ сожалѣнію, это не препятствіе, отвѣчалъ Барберини: мы, въ угодность христіаннѣйшему, можемъ приказать монастырямъ отсрочить, или даже и вовсе не безпокоить васъ денежными заказами; не только можемъ, но и должны.

— Но ужъ мнѣ, сказалъ командоръ, вѣроятно его святѣйшество не захочетъ запретить, чтобы я не требовалъ отъ Пуссино моихъ «Семи таинствъ.» Вы знаете, что эти картины — вѣнецъ Пуссино: онъ ни гдѣ, кромѣ какъ дома, писать ихъ не можетъ; еще остается три картины, труднѣйшія.

— Особенно «Бракъ,» замѣтилъ Пуссенъ, какъ-будто предчувствуя, что эта картина будетъ слабѣйшею изъ семи и дастъ начало пословицѣ — *хорошій бракъ и въ живописи трудно.*

— И какъ хотите, продолжалъ командоръ, я не выпущу Пуссино изъ Рима, пока онъ не кончитъ всѣхъ семи. Пусть Франція понесетъ отъ того самыя чувствительныя потери; пусть объявитъ войну всѣмъ державамъ Европы; пусть отъ невольнаго отказа Пуссино умретъ Ришліе и его пажъ Мазарини: все, что угодно, а Пуссино я не пущу.

— Командоръ! но въ такомъ случаѣ отказъ можетъ быть только временнымъ, а ѣхать всё-таки надобно.

— Со-временемъ! отвѣчалъ командоръ: но вы знаете, eminentissime, что̀ значитъ у Французовъ «со-временемъ?» Четыря дня — и они отложатъ попеченіе: къ нимъ заѣдетъ какой-нибудь Фламандецъ, или Италіянецъ безъ славы: они утѣшатся; разлюбятъ Пуссино, котораго не знаютъ, и о которомъ судятъ по гравюрамъ, и по римской его славѣ.... Тогда Пуссино можетъ у насъ остаться.

— И такъ.... воскликнулъ Барберини, съ трудомъ скрывая удовольствіе.

— Я во власти вашей, отвѣчалъ Пуссино: конечно, если вы меня не защитите, я долженъ ѣхать.... и потому предаю себя вашему покровительству.

Въ словахъ Пуссино замѣтна была грусть, страхъ, досада и надежда, что могучіе покровители выручатъ. Командоръ всталъ съ мѣста, и съ видомъ досады и неудовольствія началъ ходить по комнатѣ. Когда подошелъ къ Каведоне, тотъ шопотомъ сказалъ ему:

— Философъ, а струсилъ!

— Кого не испугаетъ необходимость ѣхать къ варварамъ! подхватилъ командоръ: гдѣ казнятъ кардиналовъ, герцоговъ, даже князей королевской крови по приговорамъ купленныхъ судей? гдѣ на каждаго честнаго человѣка есть два подлеца, — одинъ доносчикъ, другой клеветникъ? гдѣ классъ

художниковъ еще — ремесленый цехъ, а его управа — невѣжды? Зовутъ, просятъ, приглашаютъ, обѣщаютъ, и если не казнятъ, такъ сошлютъ, не сошлютъ, такъ замучатъ, не замучатъ, такъ выживутъ, послѣднее еще изъ всѣхъ золъ лучшее, но дорого стóитъ.... Какъ онъ хочетъ, но у меня есть контрактъ, правильный, законный. Онъ не можетъ окончить «Семи таинствъ» въ Парижѣ. Если этого не захотятъ понять невѣжды, такъ въ томъ же контрактѣ сказано, что Николо Пуссино въ настоящемъ 1639 году, обязанъ расписать альфреско мою галерею... ее уже оканчиваютъ... сверхъ того два образа: я долженъ ихъ отослать въ мою приходскую церковь, ex voto.

Пуссенъ покраснѣлъ, слушая, какъ храбро лгалъ командоръ; онъ бормоталъ что-то, но такъ несвязно, что не было возможности разобрать словъ. Джакомо хохоталъ, приговаривая:

— Не трусь, не трусь, Николо!.... а въ Парижъ поѣдешь!

— И любопытенъ я знать, спросилъ командоръ, что они предлагаютъ Пуссино? Думаю, золотыя горы!... Обѣщать и не исполнить — это исторія французскаго народа.

— Конечно, конечно! сказалъ Барберини, доставъ бумаги и подавая Пуссену, который всталъ для ихъ принятія; пріймите, прочтите громко.

Пуссенъ прочелъ слѣдующее:

«Дано въ Фонтенблó, пятнадцатаго января 1639 «года. Дорогóй и возлюбленный! Многіе изъ при«ближенныхъ слугъ Нашихъ донесли Намъ, какое

«великое уваженіе пріобрѣли вы, и какое высокое «мѣсто занимаете между самыми знаменитыми и «превосходными живописцами всей Италіи. Желая, «по примѣру предковъ, сколько возможно, содѣй- «ствовать къ улучшенію королевскихъ дворцовъ, «приглашая ко двору Нашему людей, нынѣ пер- «венствующихъ въ искусствѣ, которыхъ достоин- «ство видно наиболѣе тамъ, гдѣ такъ дорожатъ «ими, Мы пишемъ настоящее письмо, и объяв- «ляемъ, что мы избрали и утвердили васъ орди- «нарнымъ живописцемъ, и что впредь желаемъ «употребить ваши таланты по сему званію. Для «того Мы желаемъ, чтобы вы, по полученіи сего, «распорядились о немедленномъ отъѣздѣ туда, гдѣ «услуги, какія вы окажете, будутъ столько же «уважены, какъ ваши произведенія и достоинства «уважаются тамъ, гдѣ вы нынѣ проживаете. Съ «симъ вмѣстѣ Мы приказали господину де-Нойе, «совѣтнику въ Нашемъ государственномъ совѣтѣ, «секретарю Нашихъ повелѣній и начальнику зда- «ній, съ бо́льшею подробностью изъяснить, сколь- «ко Мы дорожимъ вами, и какія пользы и выго- «ды хотимъ извлечь изъ вашего здѣсь пребыванія. «Къ тому Мы присовокупимъ только: да сохра- «нитъ васъ Богъ подъ своимъ покровомъ.

«ЛЮДОВИКЪ.»

Пуссенъ поцѣловалъ королевскую подпись.

— Добрый король! сказалъ онъ съ примѣтнымъ чувствомъ.

— Не вѣрьте, сказалъ Поццо. Продиктовано кардиналомъ, который увѣрялъ въ безконечной

привязанности королеву Марію Медичи, отправляя ее въ ссылку; плакалъ надъ несчастными жителями Ла-Рошели, подписывая приказъ по артиллеріи произвести на другой день втрое болѣе выстрѣловъ нежели въ тотъ день, въ который онъ плакалъ. А что же пишетъ государственный совѣтникъ? Прочтите ужъ за-одно.

Пуссенъ читалъ:

«Рюэль, четырнадцатаго января 1639 года.»

— Ага! сказалъ командоръ, вотъ откуда приглашеніе. Совѣтникъ посовѣтовался съ кардиналомъ, какъ искуснѣе обмануть живописца-философа. Послушаемъ; любопытная политическая переписка.

Пуссенъ продолжалъ:

«Государь мой! Лишь только король сдѣлалъ «мнѣ честь, возложивъ на меня должность на«чальника своихъ зданій, первою моею мыслію «было воспользоваться всею властью, мнѣ его ве«личествомъ пожалованною, чтобы возстановить «уваженіе къ искусствамъ и наукамъ, и какъ я «имѣю особенную страсть къ живописи, то и рѣ«шился ласкать ее какъ пламенно любимую жен«щину и подарить ей первыя мои попеченія. Вамъ «извѣстно, черезъ посредство вашихъ друзей, пре«бывающихъ за горами, а равно изъ писемъ, ко«торыя я просилъ ихъ написать къ вамъ отъ моего «имени, что я требую справедливости отъ Италіи. «Она должна намъ дать нѣкоторыхъ изъ своихъ «питомцевъ. Вы догадываетесь, что подъ этимъ «я разумѣю господина Пуссена и еще какого-либо

«превосходнаго италіянскаго живописца. Желая «сдѣлать извѣстнымъ то уваженіе, какое питаетъ «король къ вашей особѣ и ко всѣмъ людямъ, «какъ вы, рѣдкимъ и добродѣтельнымъ, я просилъ «друзей вашихъ написать къ вамъ и то, что я «подтверждаю настоящимъ письмомъ моимъ; оно «вамъ послужитъ предварительнымъ ручатель- «ствомъ въ точномъ исполненіи даннаго вамъ обѣ- «щанія, пока съ пріѣздомъ вашимъ я не отдамъ «вамъ въ руки подлинныхъ грамматъ и повелѣній «королевскихъ. И такъ, я вамъ пошлю тысячу «экю на путевыя издержки. Каждый годъ я при- «кажу вамъ выдавать тысячу экю жалованья; вы- «годное помѣщеніе въ королевскомъ дворцѣ, въ «Лувръ, въ Парижѣ или въ Фонтенбло, по ва- «шему назначенію: я прикажу убрать его при- «личною мебелью для вашего пріѣзда, на первый «случай, если хотите. Все это зависитъ отъ ва- «шего желанія. Вы не будете писать ни въ пла- «фонъ, ни въ сводахъ; срокъ вашего пребыванія «ограничивается, по вашему желанію, пятью го- «дами, но я увѣренъ, что вы, подышавъ воздуу- «хомъ отечества, съ трудомъ рѣшитесь его оста- «вить. Вотъ условія, вамъ предлагаемыя. Вы сами «ихъ желали. Остается назначить еще одно: имен- «но, что вы не будете писать для кого бы то ни «было безъ моего позволенія, потому что я при- «глашаю васъ для короля. Не хочу совершенно «лишить васъ возможности сдѣлать что-нибудь «пріятное и частнымъ людямъ; нѣтъ, я прошу «только, чтобы вы писали для нихъ съ моего вѣ-

«дома. Затѣмъ, пріѣзжайте къ намъ здоровы и «веселы, и будьте увѣрены, что вы найдете у «насъ болѣе удовольствія, нежели сколько ожи- «даете.

«Де-Нойе.»

— Изъ этого лукаваго письма, сказалъ командоръ, я вижу, что васъ уже и прежде приглашали такъ называемые друзья.

— Никто! отвѣчалъ Пуссино. Одинъ мой добрый Шантлу, и здѣсь въ Римѣ, и потомъ письмомъ изъ Парижа, дружески совѣтовалъ мнѣ возвратиться въ отечество; но объ этихъ условіяхъ и въ первый разъ слышу: это, какъ вы сказали, политика новыхъ временъ.

— Безстыдная политика!... и, конечно, эминенца, вы упомянете въ своемъ отвѣтѣ, что Пуссино не изъявлялъ ни какихъ желаній, не предлагалъ ни какихъ условій.

— Нѣтъ, спокойно отвѣчалъ капуцинъ: мы имѣемъ свою политику, и въ настоящее время ссориться не станемъ: давно ли Французы были подъ Казаломъ? Сколько усилій, жертвъ, потерь, чтобы выжить иностранцевъ изъ Италіи! Честнѣе другихъ дѣйствовала Франція; намъ надобно беречь дружбу кардинала. Наше мнѣніе откровенно и ясно: Пуссино долженъ ѣхать немедленно въ Парижъ: пять лѣтъ не вѣчность; а тогда онъ будетъ совершеннымъ хозяиномъ своего времени.

— Онъ не поѣдетъ, eminentissime.

— Какъ угодно, illustrissime! Я сказалъ наше мнѣніе. Мы сдѣлали свое; а завтра по-утру кава-

леръ д'Орбиньи прійдетъ за отвѣтомъ Скажите ему, что̀ хотите, отвѣчайте де-Нойѐ что̀ угодно; мы сдѣлали свое и умываемъ руки.

Кардиналъ всталъ; Массими и Маффеи также; Пуссенъ лежалъ въ раздумьѣ; художники не спускали съ него печальныхъ взоровъ, какъ-будто онъ уѣзжалъ въ африканскія степи, на жертву голоднымъ львамъ и тиграмъ.

Джакомо взялъ со стола лючерну и сказалъ:

— Я проведу васъ, кардиналы, а онъ пускай поломаетъ голову; эта задача труднѣе перспективы и мудренѣе всѣхъ книгъ Цокелини.... Я думаю, въ этомъ вопросѣ меньше смыслу чѣмъ въ Цицероновой книгѣ Taumaturgus opticus studiosissimus, или въ Вителіевой: De naturâ, ratione et projectione radiorum visus, luminum, colorum, atque formarum, quam vulgo perspectivam vocant. Я зналъ обѣ книги наизустъ, когда еще былъ съ талантомъ; теперь помню только заглавія. Eamus igitur, eminentissimi.

Пуссенъ улыбался, прочіе смѣялись; одинъ командоръ былъ золъ по прежнему. Кардиналы уѣхали; послѣдній вышелъ Массими. Четыре богато одѣтыхъ носильщика подставили носилки; два ливрейные лакея освѣщали путь фонарями; шесть лакеевъ позади, съ короткими алебардами, ожидали шествія. Пуссенъ свѣтилъ въ дверяхъ.

— Не безпокойтесь! не безпокойтесь! говорилъ Массими: къ вамъ совѣстно ѣздить. Мнѣ, право, жаль васъ, любезный Пуссино: какъ не имѣть хоть одного слуги!

— А я сожалѣю о вашей эминенціи, что у васъ такъ много лишнихъ людей, которыхъ вы принуждаете къ праздности.

— Всякій разъ я получаю, любезный Пуссино, какой-нибудь урокъ на дорогу. Прощайте!

— Сегодня едва-ли не лучшій: отвѣчалъ Каведоне, помогая Пуссену запереть двери.

— Ну теперь мы одни, сказалъ Джакомо, возвращаясь въ залу и ложась на мѣсто Пуссена: совѣтъ, я предсѣдатель. Мое мнѣніе — сказать кавалеру д'Орбиньи: Пошолъ къ черту! я Римлянинъ и боюсь гугенотовъ въ кардинальскихъ шапкахъ.

Совѣтъ продолжался за полночь; разошлись, ничѣмъ не рѣшили, а Пуссино, отпустивъ гостей, легъ и заснулъ крѣпкимъ сномъ; на зарѣ онъ написалъ коротенькую записку:

«Священный долгъ Француза повиноваться своему королю. Священный долгъ человѣка — исполнить свои обязательства; не нарушу ни того, ни другаго. Николо Пуссино. Римъ, пятнадцатаго февраля 1639 года.

Обернувъ снуркомъ и приложивъ печать, Пуссенъ надписалъ къ «де-Нойе,» отдалъ письмо служанкѣ, приказалъ вручить его кавалеру д'Орбиньи, а самъ взялъ карандаши, папку и ушелъ въ поле.

ГЛАВА IV.

(Римская IV.)

РОТУНДА.

Въ гостинницѣ Чернаго Орла, на высокой га-

лереѣ, у входа въ покои, нанятые кавалеромъ д'Орбиньи, стоялъ капуцинъ, босой и подвязанный веревкой. Было еще очень рано. Капитанъ спалъ. Слуга, на той же галереѣ, чистилъ разноцвѣтныя мантіи и камзолы, и развѣшивалъ кружевныя фрезы для шеи и сапоговъ. Весь Римъ еще былъ погруженъ въ глубокій сонъ; невозмутимая тишина царствовала на улицахъ уже не всемірной столицы. Только изрѣдка доходилъ едва внятный отдаленный стукъ: и монахъ и слуга старались къ нему прислушаться, но не могли угадать его причины.

— Садитесь, святой отецъ, сказалъ слуга по-французски.

— Благодарю! отвѣчалъ капуцинъ на томъ же языкѣ, и снова послѣдовало молчаніе.

Слуга, продолжая чистить платье, видимо хотѣлъ завязать разговоръ, и сталъ думать вслухъ.

— Почисти всѣ!.... А зачѣмъ всѣ?.... Развѣ мы такъ долго останемся въ Римѣ?. . Не твое дѣло!.... Вотъ то-то и есть. Господинъ слугѣ никогда ничего не скажетъ. а потомъ оба въ дуракахъ.... Да присядьте, святой отецъ; мнѣ нельзя; видите, сколько работы!

— И, кажется, напрасной, замѣтилъ монахъ.

— Напрасной? Гмъ! какъ я одѣну сегодня капитана на мой ладъ, такъ вы не скажете, напрасно. Мы во Флоренціи денька три прожили у кавалера Пальфи: такъ посмотрѣли бы вы! Молодая жена такъ глазами за капитаномъ и ходитъ. Они, правда, и прежде были знакомы на родинѣ,

въ вальтелинской долинѣ, помнится, въ Сондріо.... Да ужъ если бы я капитана теперь не одѣлъ по-своему, такъ и старая любовь не помогла бы. Ужъ это, просимъ извинить.... Въ Парижѣ баловъ нынче мало, а когда случается, такъ мой капитанъ всега первый, а Сенъ-Марсъ второй. Вотъ люди, святой отецъ! Кажется, оба щеголять умѣютъ, а друзья... большіе друзья.... Да! вотъ что значитъ хорошая, старая кровь.... Да! такъ не напрасно!...

— Напрасно, потому что вы сегодня же отправитесь въ обратный путь.

— Сегодня?... Да вы какъ знаете?

— Такъ случилось.

— А! позвольте.... черезъ Флоренцію?

— Тамъ какъ себѣ хотите.

— Ну, такъ черезъ Флоренцію, святой отецъ, черезъ Флоренцію. Тамъ мы съ недѣльку погуляемъ; можетъ-быть, и кавалеръ, того.... Плохъ, плохъ! дай Богъ ему до Петрова дня дотянуть... Дальній срокъ.... Черные говорили, что и до Пасхи, того.... а далеко ли, кажется?.... Ахъ ты Господи: капитанъ проснулся....

Слуга ушелъ и скоро возвратился.

— Святой отецъ, того, пожалуйте къ капитану.

Капуцинъ вошелъ въ небольшую прихожую, откуда, черезъ стеклянную дверь, увидѣлъ капитана, который лежалъ и потягивался на кровати.

— Пожалуйте, пожалуйте, ворчалъ слуга: капитанъ всегда такъ принимаетъ. Онъ безъ причудъ.

— Кто тамъ? закричалъ д'Орбиньи.

— Мы, мы, капитанъ, съ отцомъ.... Какъ васъ зовутъ?

— Бруно.

— Съ отцомъ Бруно.

— Войдите!

— Что вамъ угодно? спросилъ капитанъ по-италіянски.

— Я принесъ отъ его эминенціи, кардинала Барберини, нѣкоторыя бумаги.

Капуцинъ подалъ свертки. Д'Орбиньи пересмотрѣлъ нѣкоторыя и вскочивъ, закричалъ:

— Лошадей, лошадей! Мы ѣдемъ сегодня, сейчасъ.

— Кардиналъ просилъ вручить аббату Мазарини небольшія посылочки отъ Бернини и отъ себя.

— Отдайте, пожалуйте, моему Роху, а я долженъ еще сходить къ Пуссену за отвѣтомъ: когда онъ намѣренъ выѣхать изъ Рима?

— Онъ отложилъ это намѣреніе, сказалъ отецъ Бруно по-французски.

— Какъ! онъ смѣетъ ослушаться?

— Нѣтъ, капитанъ; онъ будетъ отсрочивать. Италіянцы научатъ его всѣмъ изворотамъ.

— Вы развѣ отецъ Бруно....

— Французъ, капитанъ, и весьма знаю, что любезное отечество не увидитъ Пуссена.

— Этого быть не можетъ! Гдѣ онъ живетъ? Я его уговорю.

— Если вамъ угодно, я могу служить провод-

никомъ. Но сомнѣваюсь въ успѣхѣ. Развѣ у васъ такъ много лишняго времени, капитанъ?

— Какое тутъ лишнее время! Срокъ назначенный для доставленія кардиналу депешей, не позволяетъ мнѣ заняться и своими дѣлами.... Впрочемъ, день, другой.... Потомъ надо будетъ наверстать скорой ѣздой, а дорога пренесносная.— Рохъ, одѣваться!

Д'Орбиньи одѣлся и вмѣстѣ съ капуциномъ отправились къ Пуссену. Они нашли лаконическую записку, а самъ художникъ былъ далеко.

Окрестности Рима справедливо называются Полемъ, Ager. Красивая пустыня, усѣянная обломками древняго величія, Римское Поле не похоже на окрестности Флоренціи или Неаполя; но виллы римскихъ богачей сдѣлали изъ поля чудесную цѣпь чудесныхъ садовъ и зданій. Пуссенъ въ сотый разъ разсматривалъ этотъ живой лексиконъ своихъ пейзажей, но впервые съ какою-то грустью, сожалѣніемъ, досадою. Карандашъ не прикасался къ бумагѣ. Пуссенъ стосковался въ благодатной пустынѣ, возвратился въ городъ, но домой не пошелъ, боясь повстрѣчаться съ капитаномъ д'Орбиньи. Безъ цѣли бродилъ онъ по улицамъ Рима: всѣ дома и ставни были заперты; ни живой души не встрѣтилъ Пуссенъ въ самыхъ многолюдныхъ кварталахъ; издали только доходили до него крики работниковъ и стукъ молотовъ. Онъ скоро открылъ причину шума и, ступивъ на площадь Ротунды, едва вѣрилъ глазамъ своимъ. Высокіе лѣса закрывали портикъ Пантеона; множество народа,

какъ мухи, лѣпилось по деревянной огромной паутинѣ; огромныя бронзовыя розеты, украшавшія потолокъ портика, съ трескомъ скатывались на площадь по деревянному искусственному косогору; груды камней, обросшихъ высокою травою, покрывали еще нерасчищенную площадь Ротунды. На огромныхъ вѣсахъ папскіе солдаты вѣсили розеты. Приставъ, въ широкополой шляпѣ, отмѣчалъ въ тетрадкѣ и черной краской надписывалъ на каждой розетѣ вѣсъ и клеймо.

— Послѣдняя! закричали работники, и розета остановилась не вдалекѣ отъ Пуссена.

— На вѣсы! сказалъ приставъ, отмѣтилъ въ книгѣ, надписалъ на розетѣ клеймо и вѣсъ, и подошелъ къ работникамъ. — Вырывай остальные гвозди! закричалъ онъ, и отъ многочисленности работниковъ и удобства лѣсовъ гвозди посыпались дождемъ.

— Какъ не загорятся лѣса подъ ногами этихъ святотатцевъ! закричалъ Пуссенъ.

Приставъ и работники не могли слышать этого восклицанія отъ стуку гвоздей и молотовъ, но возлѣ, изъ травы, поднялась тощая фигура Каведоне.

— Николо! Николо! говорилъ Джакомо, прыгая къ Пуссену съ камня на камень: ты пришелъ посмотрѣть, какъ тебя грабятъ Барберини? Въконецъ, не правда ли? Мало того, что они украли съ форума три храма и построили sic nominatus дворецъ; мало того, что перетащили туда изъ Термъ древнюю живопись.... Бронзу Пантеона....

бронзу Пантеона!.... и твой Jupiter Tonnans молчитъ, и Марсъ медлитъ, и Вулканъ не вступится за работу своихъ циклоповъ! Шутки въ сторону, а разорять древность могутъ только Варвары.

— И пословица, которую я вчера слышалъ, весьма справедлива! сказалъ незнакомецъ, сидѣвшій позади Пуссена на камнѣ.

— Какая пословица? съ живостью спросилъ Каведоне. Пословицы — моя страсть; я самъ сочиняю пословицы: есть у меня десять превосходныхъ; чистая древность.... съ Плавтомъ поспорятъ.

— Такой не выдумаете!

— Сдѣлай дружбу; милостыни не давай, а скажи пословицу.

— Quod non fecerunt Barbari, fecerunt Barberini.

— Браво! браво! хлопая въ ладоши, кричалъ Джакомо. Ахъ, я болванъ! какъ мнѣ это не пришло въ голову?

И, подбѣжавъ къ приставу, нѣсколько разъ прокричалъ ему на ухо:

— Quod non fecerunt Barbari, fecerunt Barberini.

Солдаты гонялись за Каведоне, но онъ исчезъ быстрѣе серны.

Пуссенъ стоялъ въ задумчивости, глядя на огромныя груды бронзы, покрывшія большую часть площади.

— Любопытно, велика ли добыча? сказалъ онъ.

— Спросимъ, отвѣчалъ незнакомецъ, и оба подошли къ приставу.

— Сколько пушекъ выйдетъ! толковали между собою солдаты.

— На глазомѣръ не угадаешь, а надо быть прійдется другую крѣпость строить; у Ангела не помѣстятся.

— Дураки! замѣтилъ приставъ, съ важностью сводя итоги: эта бронза пойдетъ вся на балдахинъ въ Ватиканскую базилику.

— Коринѳскій металлъ!.... вотъ вашъ коринѳскій металлъ? сказалъ Пуссенъ тихо и печально. Во-истину, Варвары!

— Шутишь, дядя! сказалъ солдатъ: тутъ, чай, тысяча тысячъ фунтовъ.

— Да, безъ малаго, съ улыбкой отвѣчалъ приставъ, оканчивая счисленіе.

— А въ самомъ дѣлѣ сколько, дядя?

— А вотъ сейчасъ. Сорокъ пять тысячъ двѣсти пятьдесятъ фунтовъ.

— Ухъ! грянули изумленные солдаты: да хорошо ли ты считалъ, дядя?

— А вотъ повѣрю. Да; не иначе. Однихъ гвоздей—девять тысячъ триста семьдесятъ четыре фунта.

— Римъ! съ гордостью воскликнулъ Пуссенъ: и это малѣйшій изъ твоихъ памятниковъ.

Приставъ и солдаты съ насмѣшкой посмотрѣли на Пуссена и стали нагружать бронзу на фуры, со всѣхъ сторонъ наполнявшія площадь. Наконецъ врѣхалъ Бернини, и еще нѣсколько человѣкъ пап-

скихъ чиновниковъ и помощниковъ главнаго архитектора. Осмотрѣвъ добычу, Бернини подошелъ къ работникамъ и закричалъ: «Долой лѣса!» Не прошло получасу, и величественный портикъ открылся изумленнымъ взорамъ незнакомца.

— Жаль! сказалъ онъ: зачѣмъ вчера я не видалъ Пантеона! Еще можно было бы судить объ его величіи.

— Пріѣзжайте черезъ три года, отвѣчалъ изъ травы Джакомо: и вы не найдете слѣдовъ древняго Рима: я дамъ росписку! За то у всѣхъ Барберини будетъ по три дворца, да по три загородныхъ дома. Summa summarum, будетъ третій Римъ: Roma Barberina. Но пристыжу я ихъ! Я сказалъ булочницѣ, что̀ тутъ дѣлается, и, помяните мое слово, сейчасъ, отъ художника до кожевника, въ Трастевере, гдѣ я ночевалъ третьягодня, все прибѣжитъ выручать твою бронзу, Пуссино!

Услышавъ имя своего собесѣдника, незнакомецъ всталъ съ камня, на который было усѣлся и почтительно поклонился Пуссену. Тотъ отвѣчалъ поклономъ и, казалось, все кончилось между ними. Между-тѣмъ предсказаніе Джакомо сбылось: со всѣхъ сторонъ валила толпа любопытныхъ на площадь Ротунды. Обозъ двинулся, но толпа заступила дорогу: больше всѣхъ шумѣли проводники, особенный классъ, котораго остатки до-сихъ-поръ еще встрѣчаете въ чичеронахъ; тогда онъ составлялъ родъ цеха, имѣлъ старшину, болѣе похожаго на атамана разбойниковъ нежели на градскаго

чиновника. Толпа умножалась. Каведоне выступилъ изъ своихъ укрѣпленій. Бернини, примѣтивъ народное волненіе, сѣлъ на лошадь, и, съ трудомъ проѣзжая впередъ, кричалъ:

— Пропустите! пропустите! Эта бронза, украшавшая храмъ язычниковъ, осѣнитъ честныя мощи святыхъ апостоловъ Петра и Павла въ Ватиканской Базиликѣ!

И буйная толпа повалилась на земь съ молитвами: первый примѣръ подалъ Каведоне. Во все время какъ проѣзжали телѣги съ драгоцѣннымъ грузомъ, толпа не поднималась; наконецъ, какъ-будто опомнясь, бросилась за обозомъ, отпрягла воловъ и муловъ и потащила на себѣ бронзу. Каведоне пошелъ вслѣдъ за толпою. На площади остался приставъ съ десяткомъ солдатъ и множествомъ бронзы; да на двухъ камняхъ сидѣли еще Пуссенъ и незнакомецъ.

— Прекрасный портикъ! сказалъ незнакомецъ по-французски.

— Сама Ротунда для меня еще лучше, отвѣчалъ Пуссенъ: я не рѣдко просиживалъ въ ней по часу, мечтая о Римѣ, его религіи, жертвахъ, нравахъ и прочая. Зайдемъ!

Незнакомецъ былъ доволенъ Ротундой, но не изъявлялъ того глупаго удивленія, которое предписываютъ себѣ многіе путешественники, какъ необходимое условіе жизни въ Римѣ. Пуссенъ тотчасъ замѣтилъ это, и, выходя изъ Пантеона, спросилъ незнакомца:

— Давно вы въ Римѣ?

— Не весьма.

— Откуда?

— Изъ Парижа.

— Путешествуете?

— По неволѣ.

— Что̀ вы этимъ хотите сказать? Въ чемъ вина ваша?

— Въ дружбѣ.

— Забавное преступленіе!... И я долженъ ѣхать къ этимъ тиранамъ!

— Поѣзжайте, достойный человѣкъ! Вы смягчите звѣрскую натуру многихъ, кистью, словомъ и жизнію.

— Но вы меня не знаете?

— Кто̀ не знаетъ Пуссена? А для Француза это было бы смертельнымъ грѣхомъ.

— Вы полагаете, что всѣ наши соотечественники того же мнѣнія?

— Ручаюсь. Я солдатъ, и льстить нѐ умѣю.

— Вы не видали Рима? сказалъ Пуссенъ, желая прекратить разговоръ, который повторялся съ нимъ почти ежедневно, только въ другихъ словахъ.

— Я философъ, отвѣчалъ незнакомецъ: не видя живой души знакомой въ Римѣ, я уже недѣлю брожу наугадъ изъ улицы въ улицу; разспрашиваю у проходящихъ, что̀ понадобится и этимъ довольствуюсь.

— Вы были въ Ватиканѣ?

— Былъ, но ничего не видалъ. Солдатъ съ грубостью сказалъ мнѣ, что внутри передѣлыва-

ютъ; я толкнулся въ церковь: заперто; работаютъ; я пошелъ въ Кастель-Анжело: прогнали; къ Павлу: заперто. Я рѣшился не заходить болѣе никуда. Надоѣло! Какъ-будто въ Парижѣ: все за деньги!

— Пойдемъ со мной! сказалъ Пуссенъ.

— Пожалуй; только мнѣ совѣстно отнимать у васъ дорогое время.

— Нѣтъ, мнѣ не до работы. Я долженъ ѣхать во Францію: король зоветъ: я долженъ повиноваться, и вся моя философія исчезла. Такой тоски во всю жизнь мою я не испытывалъ.

— Когда вы ѣдете? спросилъ незнакомецъ дорогой.

— Объ этомъ я самъ себя спрашиваю безпрестанно, и никакъ не могу дать отвѣта.

— О! какъ бы я желалъ быть на вашемъ мѣстѣ; я прилетѣлъ бы въ Парижъ, отыскалъ бы мою Эвелину; на руки, мой господинъ, на руки схватилъ бы ее, и убѣжалъ подъ облака, куда-нибудь на Риги или другую швейцарскую гору.

— Это, вѣрно, ваша жена?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Вальероль: жена умерла въ день моего изгнанія.

Пуссенъ остановился и глядѣлъ на Вальероля съ участіемъ: тотъ продолжалъ:

— А Эвелина, единственная дочь моя, осталась на рукахъ отца Виганда, пріора кармелитскаго монастыря. Но вотъ уже прошелъ мѣсяцъ: на двадцать моихъ писемъ, никакого отвѣта! Сношенія Рима съ Парижемъ непрерывны. Пріѣзжаю

въ Римъ, увѣдомилъ о томъ Виганда благовременно семью письмами: никакого извѣстія....

— Нельзя ли вамъ помочь? сухо сказалъ Пуссенъ.

— Можно, отвѣчалъ Вальероль.

— Какъ?

— Взять меня съ собою въ Парижъ, подъ видомъ слуги; изъ Парижа послать меня въ Римъ зачѣмъ-нибудь; я уѣду съ Эвелиной и.... прощай Франція! Все это не будетъ стóить вамъ ни одного экю: благородный Вандомъ прислалъ денегъ всѣмъ изгнанникамъ друзьямъ своимъ.

— Тутъ есть небольшое препятствіе, отвѣчалъ Пуссенъ: я въ жизнь мою никогда не имѣлъ слуги.

— Чтó за бѣда!... рѣшились взять для дороги.

— Конечно, конечно.... Ѣдемъ! Но, позвольте узнать какъ васъ зовутъ?

— Жоржъ де-Вальероль, драгунскій капитанъ.

—

ГЛАВА V.

(Римская V и послѣдняя).

ВАТИКАНСКАЯ БАЗИЛИКА.

Новые знакомцы пришли на площадь Петра и Павла. Тамъ еще не было ни Бернниевской Колоннады, ни великолѣпныхъ фонтановъ, и едва-ли не было лучше. На паперти Базилики они еще разъ повстрѣчали Джакомо: онъ спорилъ и чуть не дрался съ упрямымъ сторожемъ.

— Слышишь ты, плѣшивая мышь! кричалъ

онъ: я здѣсь по просьбѣ его святѣйшества; онъ меня уговорилъ писать для этой базилики картину. Слышишь! Отворяй.

— Гляди, отвѣчалъ сторожъ, тутъ военные пристава ходятъ: не сидѣть бы тебѣ въ потьмахъ при солнцѣ!

— Ахъ, ты рожа изъ красной глины! terra cotta работы Бернини! я тебя разобью какъ ночную посудину. Вонъ!... кричалъ Джакомо, и оттолкнулъ старика.

— Постой, уймутъ тебя! говорилъ сторожъ, и хотѣлъ уже кликнуть товарищей.

Въ это время подошелъ Пуссенъ съ Вальеролемъ.

— Пропусти, Джованни! сказалъ ласково Пуссенъ: это нашъ знаменитый Джакомо Каведоне Болоньскій.

Сторожъ ворча повиновался. Каведоне первый вскочилъ въ соборъ, и началъ оглядываться. «Лѣстницу! кричалъ онъ: лѣстницу! Никто не слушалъ его, хотя подъ куполомъ хлопотали множество работниковъ. Установивъ модель балдахина, со всѣхъ сторонъ тщательно закрытую полотномъ, они убирали щепки, гвозди и инструменты съ особенною поспѣшностью. Бернини не успѣвалъ раздавать приказаній. Въ это время Пуссенъ и Вальероль вошли на площадь подъ куполомъ. Слыша восклицанія Джакомо, Пуссенъ, сказалъ Бернини:

— Прикажите подать лѣстницу Каведоне.

— Право, намъ некогда, отвѣчалъ Бернини: зачѣмъ ему лѣстница? Еще что-нибудь разобьетъ, испортитъ: тогда кто будетъ отвѣчать?

Я, сказалъ съ улыбкой Пуссенъ: я, кавалеръ! прикажите подать лѣстницу.

— Будь по вашему, отвѣчалъ Бернини, и человѣкъ двадцать покатили безмѣрную лѣстницу.

— Куда? спросилъ работникъ.

— Сюда, къ Рафаэлю, отвѣчалъ Каведоне, взобрался наверхъ и началъ хохотать.

— Если бы упалъ оттуда! проворчалъ Бернини.

— Чему вы смѣетесь? спросилъ Пуссенъ.

— Какъ же не смѣяться, Николо! Снизу, я думалъ, палкой вымѣряю эту мозаику. Влѣзъ: каждая рука больше меня!

— Да зачѣмъ вамъ мѣра? Пишите посвоему, а мастера уже сами приведутъ въ размѣры мозаику съ вашей картины.

— Справедливо! самая лучшая мѣра! слѣзая съ лѣстницы, говорилъ Каведоне. Ну, теперь прощайте!

И онъ сталъ обнимать Пуссена, Вальероля, Бернини и работниковъ.

— Куда же?

— Прощайте, прощайте! Зайду проститься къ Урбану: и въ Болонью; черезъ полгода картина готова, но вы ея не увидите: вы будете въ Парижѣ. Прощайте!

Каведоне хотѣлъ уже уйти; но двери притвора святаго Себастіана отворились, и вошелъ папа въ сопровожденіи кардинала Барберини, кавалера дель-Поццо и Піетро Кортонскаго.

— Святѣйшій отецъ! сказалъ Пуссенъ; всѣ присутствовавшіе преклонились.

Урбанъ, какъ-будто не замѣчая присутствующихъ, подходилъ къ серединѣ, откуда всѣ работники почтительно удалились въ безмѣрные пролеты храма. Вся базилика совершенно была окончена внутри въ томъ видѣ, въ какомъ представляется и нынѣ, кромѣ нѣкоторыхъ монументовъ и огромнаго балдахина надъ гробомъ святыхъ Апостоловъ. Бернини установилъ на мѣстѣ деревянную вызолоченную модель, въ настоящую величину: она стóила, по книгамъ, до ста тысячъ римскихъ скудъ. Огромныя полóтна закрывали ее отъ любопытныхъ взоровъ; снурокъ отъ креста былъ въ рукахъ Бернини, и когда папа подошелъ довольно близко, полотна слетѣли и великолѣпнѣйшій алтарь съ величественнымъ балдахиномъ представился изумленнымъ глазамъ зрителей. Папа и спутники остановились: долго и молча всѣ они любовались созданіемъ зодчаго, который, преклонясь, стоялъ у первой ступеньки своего произведенія и казался не больше мухи.

— Кавалеръ Бернини! сказалъ ласково папа, вы не обидѣли безсмертнаго Буонароти: вашъ балдахинъ достоинъ купола, куполъ балдахина!

Джакомо Болоньскій стоялъ, разинувъ ротъ, и безпрестанно чихалъ. Резонансъ въ пустой церкви отвѣчалъ на чиханье Джакомо неоднократными отголосками. Папа съ улыбкой сказалъ ему:

А, и ты здѣсь! Погляди, развѣ не стóитъ этотъ балдахинъ бронзы Пантеона?

— Не стóитъ, ваше святѣйшество, не стоитъ, чихая отвѣчалъ Джакомо: кажется, не стóитъ:

позвольте.... Право, я не умѣю дать себѣ отчета, зачѣмъ этотъ балдахинъ?... то есть, какая его цѣль?... то есть, какая въ немъ нужда?... у мѣста ли онъ? Балдахинъ покрываетъ алтарь, воздвигнутый надъ честными мощами святыхъ Апостоловъ.... (и съ этимъ словомъ, преклонивъ правое колѣно, сказалъ скороговоркою:) святые Апостолы Петръ и Павелъ, молите Бога за насъ! — Если для этого, — продолжалъ онъ, вставая, — такъ, по моему, довольно было буонаротьевскаго купола; человѣкъ не съумѣетъ лучше покрыть святыню; а этотъ храмъ въ храмѣ, что-то лишнее, мелкое какъ людское тщеславіе. Будетъ дорого стоить, вотъ и все-тутъ! Конечно, затѣя не безъ мысли, исполненіе не безъ изящества: но зачѣмъ эти спиральные столбы, когда во всемъ храмѣ царствуетъ благородный, чистый вкусъ? зачѣмъ эта смѣсь стилей? Не понимаю! Хвалить будутъ, ваше святѣйшество, только не Джакомо Болоньскій.

— А ваше мнѣніе, Пуссино? сказалъ Урбанъ, ни мало не оскорбленный словами Джакомо.

Пуссенъ преклонился и отвѣчалъ:

— Маститый художникъ, честь и слава болоньской школы, имѣетъ нѣкоторыя основанія, весьма справедливыя. Конечно, гармонія архитектуры всего храма нарушена спиральными колоннами и композитнымъ орденомъ, особенно подъ куполомъ Буонароти; но она нѣсколько уравновѣшена въ размѣрахъ и мысли. Я полагаю, вышина балдахина на-глазъ болѣе ста футовъ.

— Сто двадцать четыре пальмы, замѣтилъ Урбанъ.

— Я почти угадалъ; значитъ, балдахинъ выше Лувра.

— Неужели? съ довольною улыбкою спросилъ Урбанъ.

— Пропорція угадана; а угадать размѣры подъ такимъ куполомъ и сообразно съ этими пролетами, это уже дѣло большаго таланта. Въ мысли едвали еще не бо́льшей похвалы заслуживаетъ созданіе балдахина; конечно, смѣшно подкладывать подъ чужую работу свои собственныя идеи, но иначе нѣтъ независимаго сужденія, и кавалеръ Бернини позволитъ мнѣ сказать, что я думаю.

— Слава моя — въ похвалѣ Пуссино, и слышать ее изъ устъ знаменитаго художника-философа величайшая награда, отвѣчалъ Бернини.

— Просимъ, просимъ, съ нетерпѣніемъ прервалъ Урбанъ.

— Этотъ храмъ воздвигнутъ для храненія честныхъ мощей святыхъ Апостоловъ; все прочее новое, недавнее; древность — единственна, и она должна быть означена явственно мѣстомъ и формою. Я не знаю, отъ чего вздумалось Карлу Мадерно оставить мысль Буонароти и продолжить церковь въ латинскій крестъ: это уже ошибка; главный алтарь надъ главной святыней пересталъ быть средоточіемъ храма, чѣмъ онъ былъ у Буонароти, и даже у самаго Браманто, по первоначальному плану. Но Мадерно не былъ такъ искусенъ, чтобы совершенно испортить великія мысли.

Несмотря на продолговатость креста, куполъ и внутреннiе размѣры ротунды, по-неволѣ, дѣлаютъ, ее видимымъ средоточiемъ, и лучшаго мѣста для главной святыни невозможно было придумать. Это главное мѣсто должно быть и главнымъ олтаремъ по необходимости, да съ востока и запада, съ сѣвера и юга, богомольцы видятъ святѣйшаго отца, намѣстника святаго Петра и главу Западной Церкви. Это, что до мѣста: теперь что до формы: стиль церкви — намъ современный, или, лучше сказать, это стиль эклектическiй, избранный изъ лучшихъ образцовъ архитектурнаго изящества. Но святыня — древность полуторы тысячи лѣтъ: она должна быть заключена въ драгоцѣннѣйшемъ ковчегѣ, или кивотѣ, по подобiю ковчега Древняго Завѣта. Храмъ есть дань благоговѣнiя всей Церкви первенствующимъ ея Апостоламъ, и храмъ безпрекословно и достойно выразилъ эту идею. Святыня этого храма — древность, и хранилище ея должно говорить о томъ формами; другихъ способовъ выраженiя я не знаю. Такимъ образомъ форма кивота должна носить печать древности; но только печать, потому что точное подражанiе древнимъ киваріонамъ было бы уже безобразно и не согласовалось бы съ цѣлымъ. Въ древней базиликѣ сто мраморныхъ колоннъ окружали киваріонъ, какъ свидѣтельствуетъ Григорiй Турскiй, кромѣ колоннъ, которыя поддерживали самый кивотъ: множество замѣняло изящество, и оно согласовалось и съ базиликой и съ современнымъ вкусомъ. Кавалеръ Бернини искусно замѣнилъ лѣсъ колоннъ четырь-

мя, сохранивъ въ формѣ древность и сообщивъ древней формѣ нѣкоторое, возможное изящество. Вмѣсто мрачнаго, таинственнаго киваріона, онъ поставилъ высокій балдахинъ, свѣтлый, какъ мысль настоящаго, не гонимаго, но уже господствующаго христіанства. Такимъ образомъ идея древности и киваріона сохранилась; изящество и гармонія не пострадали.... Вотъ мое мнѣніе.

— Не могу не порадоваться, сказалъ папа, что обстоятельства отсрочили вашу поѣздку въ Парижъ на нѣсколько мѣсяцевъ.

Пуссенъ изумился. Капуцинъ улыбался. Вальероль чуть не заплакалъ. Одинъ Поццо сохранялъ видъ совершеннаго равнодушія.

— Проповѣдуйте, продолжалъ Урбанъ, опустивъ глаза: ваши мысли должны освѣщать путь намъ, невѣждамъ. Все наше знаніе заключается въ любви и уваженіи къ художествамъ: если мы ошибаемся, то потому только, что не всегда можемъ получать совѣты отъ Пуссиновъ.

Пуссенъ преклонился. Поццо былъ въ восторгѣ. Капуцинъ улыбался.

— Командоръ и кардиналъ Барберини! сказалъ папа, тіара сохранитъ мое имя въ исторіи; но вы обезсмертили себя покровительствомъ Пуссино и другимъ достойнымъ художникамъ. Пріймите меня въ вашъ прекрасный тріумвиратъ.

— Вашему святѣйшеству, замѣтилъ капуцинъ, стóитъ только умножить заказы, и я полагаю....

— Сынъ мой Людовикъ отнимаетъ эту возможность. Постарайтесь, Пуссино, скорѣе окончить

Лувръ и пріѣзжайте къ намъ, въ Римъ, строить и расписывать новое зданіе, по собственному вашему разумѣнію, безъ малѣйшаго со стороны нашей вмѣшательства. Нужныя суммы будутъ отпускаемы изъ нашего казначейства: вы будете совершеннымъ хозяиномъ всѣхъ работъ. Я убѣжденъ, что, если бы дали подобную свободу Буонароти, намъ бы не досталось ни малѣйшей доли въ великой славѣ быть строителями Ватиканской Базилики.

— Осмѣлюсь спросить, ваше святѣйшество....

— Тайна, тайна, любезный Пуссино!... пока вы не раздѣлаетесь съ Французами. — Піетро, сказалъ Урбанъ, обращаясь къ Бернини: благодарю и благословляю!

Папа ушелъ съ кардиналомъ. Поццо слѣдовалъ за ними, но Пуссенъ остановилъ его.

— Командоръ, я уѣду завтра же.

— И вы не поняли, добрый другъ, отвѣчалъ Поццо, что и у насъ завелась ришліёвская политика?... Когда вы возвратитесь изъ Парижа, объ этомъ новомъ зданіи никто уже и не вспомнитъ! Это мѣткая приманка для генія, и только.

Командоръ ушелъ. Пуссенъ схватилъ за руку Вальероля, и посреди безмѣрной базилики стоялъ въ безмолвномъ раздумьѣ. Сомнѣнія волновали мудреца-художника. Видно, съ обстоятельствами не суждено ладить ни какой философіи!

—

ГЛАВА VI.

ЗАПАДНЯ.

Простите, дорогіе читатели: винюсь; это моя слабость. Хочу все разсказать, и оттого невольно увеличивается объемъ моихъ многодлинныхъ произведеній. Винюсь, но не извиняюсь, то есть, не прошу прощенія, потому что разсказъ мой долженъ быть для всѣхъ, а изъ этихъ всѣхъ, для многихъ будетъ занимательна предшествовавшая картина художествъ въ Италіи. Семнадцатый вѣкъ еще былъ въ значительной зависимости отъ Рима. Урбанъ умѣлъ поддерживать нравственное вліяніе ватиканскаго престола на всю Европу. И это вліяніе, съ помощію езуитовъ, простиралось невидимо, непримѣтно, до Швеціи и Шотландіи. Художества и литература были главнѣйшими проводниками папизма. Во Франціи, усиливаясь построить монархію, увлеченный системой, не обсудивъ ее со всѣхъ сторонъ, не вѣдая самъ, что творитъ, Ришліе подкапывалъ основанія монархической власти и религіи. Бичъ вассаловъ и завоеватель Ла-Рошели, онъ уничтожилъ высшее дворянство, оплотъ престола, и поколебалъ религію, допустивъ развратъ во всѣ сословія. Многіе противники ришліевской системы, угадавъ намѣренья кардинала, приняли его средства для того только, чтобы прикрыть свои интриги и замыслы, и инымъ удалось обмануть своего врага весьма удачно.

Д'Орбиньи нашелъ въ Парижѣ все постарому. Кардиналъ былъ доволенъ капуциномъ Барберини;

но аббатъ Мазарини примѣтно огорчился тѣмъ, что капитанъ д'Орбиньи не привезъ ему кардинальской шапочки, о чемъ премного хлопотали и Ришліе, и король, и королева, и нунцій, и всѣ, всѣ, потому что Мазарини былъ любимъ и уважаемъ всѣми. И тѣни ришліевской гордости и надменности не было замѣтно во всеобщемъ любимцѣ. Любезность, вкрадчивость, тонкость, все это дѣлало его очаровательнымъ *молодымъ человѣкомъ*, хотя *аббатику* давно уже было за-тридцать. Мазарини никто не считалъ честолюбцемъ, никто его не боялся; многіе лукаво или открыто смѣялись надъ Ришліё, и говорили, что онъ никого не обманетъ назначеніемъ на свое мѣсто Мазарини, почитали это шуткой, покровомъ тайны, и тому подобнымъ. Молодежь любила аббатика за вольные нравы, что нѣкоторымъ образомъ и ее оправдывало. Мазарини въ этомъ отношеніи боялся строгости Людовика XIII, и сколько могъ покрывалъ свое поведеніе тайной и наружною набожностью. Вотъ почему сегодня аббатикъ боленъ: вѣроятно, ему приснился дурной сонъ; или, можетъ-быть.... Чего не могло прійдти въ голову молодаго аббата въ началѣ семнадцатаго вѣка и во Франціи!

Капитанъ д'Орбиньи откланивался. Мазарини проводилъ его до сѣней, съ видомъ совершеннаго разстройства.

— Я такъ боленъ, говорилъ онъ, что едвали добреду до Рюэля. Еще разъ благодарю за доста-

вленіе посылокъ, и еще разъ прошу извиненія за безпокойство.

Д'Орбиньи ушелъ; больной выздоровѣлъ; заперся и разрѣзалъ посылки; каминъ пылалъ: оболочки одна за другой исчезали; столъ наполнился бамбочіадами Черкоцци и Лаара, рисунками руки Бернини и Беретини. Съ особеннымъ вниманіемъ разсматривалъ аббатъ каждую бумажку, ставилъ ее на свѣтъ, грѣлъ на огнѣ: ни какого признака письма. Наконецъ, взялъ онъ небольшую книгу, послѣднюю посылку: на первомъ писчемъ листѣ сверху было надписано — «Biblioth. Franc. Barberini;» перевернувъ этотъ листъ, Мазарини съ удивленіемъ прочелъ, «Junii, Dissertatio theologico-philologica de coma.»

— Объ волосахъ! воскликнулъ онъ. Что за вздоръ!... Но это не даромъ.

И тщательно перелисталъ всю книгу. Ни какого признака.

«Не можетъ быть!» подумалъ онъ, и возвратился къ первому листу. Освидѣтельствовать его, Мазарини придвинулъ книгу къ огню, и симпатическія чернила, почернѣвъ, уложились въ явственныя четыре латинскія строчки въ видѣ марціаловой эпиграммы: это была точно эпиграмма, самая злая, самая обидная; всѣ услуги Мазарини забыты: кардинальской шапкѣ назначался неопредѣленный срокъ и трудное условіе!

— Проклятый капуцинъ! сказалъ Мазарини: мнѣ шапка нужна теперь, сейчасъ, сію-минуту. Ришліё— какъ тѣнь; родъ болѣзни — самый умный, рѣши-

тельный, безъ дальнихъ сомнѣній.... А что такое аббатъ!... и аббатъ въ Парижѣ?... De Coma?... Да это капуцинское двусмыслiе! Дѣло не объ волосахъ, а объ коммѣ, о запятой.... И, точно, запятая!...

— Ординарный живописецъ Депортъ, тихо сказалъ слуга за дверьми.

— Проси!... хоть разъ кстати! сказалъ Мазарини, вырвалъ первый листъ, скомкалъ, и — въ ротъ.

Продолжая жевать письмо Барберини, аббатъ растворилъ обѣ половинки дверей и, бросивъ книгу, усѣлся за столъ съ римскими новостями.

— Эминенца! сказалъ Депортъ, входя и раскланиваясь.

«Чтобъ васъ чортъ побралъ, художниковъ! подумалъ мазарини: еще дразнятъ!» — Садитесь, садитесь, сказалъ онъ громко: я ужасно боленъ. Мнѣ такъ скучно! Вотъ, получилъ изъ Рима тму новостей, и не могу преодолѣть лѣни, пересмотрѣть эти забавныя, умныя шутки Лаара и Черкоцци.... Что новаго, любезный землякъ?

— Много, много, эминенца!

— Напримѣръ? спросилъ Мазарини, попеременно то зѣвая, то охая.

— Король вчера не на шутку поссорился съ Сенъ-Марсомъ.

— Въ который разъ?

— Ну, этотъ разъ не хорошъ. Полагаю, будетъ разрывъ: король вышелъ изъ себя и хотѣлъ писать, жаловаться кардиналу....

— Только-то? Ну, такъ не будетъ разрыву.

— Вы увѣрены?

— Ручаюсь. Я буду въ Рюэлѣ сегодня или завтра; и помирю всѣхъ.

— Вы надѣетесь?

— Надѣюсь упросить моего благодѣтеля: онъ такъ добръ!... пожуритъ господина великаго по-отцовски; тотъ исправится: вотъ и всё-тутъ.

— Какъ бы это было хорошо!

— А почему, осмѣлюсь спросить?

— А потому, что господинъ великій мнѣ другъ.

— А мнѣ врагъ.

— Не стыдно ли вамъ, эминенца! Я знаю, вы меня считаете кардиналистомъ, и вы не ошиблись. Хотите ли знать?... скажу откровенно: я будущій кардиналистъ, по расчету и по чувству патріотизма. Кажется, ясно.

— Вашу руку, добрый Депортъ! вашу руку!... Надѣюсь, раскаяваться не будете. Такъ Сенъ-Марсъ мнѣ не врагъ?

— Какъ это могло прійти вамъ въ голову?

— Ага! такъ онъ уже раздумалъ быть первымъ министромъ Франціи?

— Что́ вы это говорите?

— Нѣтъ, это онъ говорилъ Маріонъ-де-Лормъ, а она.... (Мазарини запнулся).

— Бабьи сплетни, монсиньоръ.

— Да иначе и быть не можетъ.... Но, если воля моего благодѣтеля призоветъ меня на это скользкое и скучное мѣсто, вы думаете, я буду считать себя счастливымъ человѣкомъ?... Мучени-

комъ, и только!... Все мое утѣшеніе — художество. Рубенсъ пишетъ ко мнѣ о какомъ-то Ванъ-Дикѣ; онъ теперь въ Римѣ: оттуда завдетъ въ Парижъ. Бернини далъ слово пріѣхать. Піетро Кортонскій собирается въ дорогу. По-крайней-мѣрѣ, въ этомъ отношеніи, я поддержу славу моего благодѣтеля.... дворецъ Мазарини не уступитъ кардинальскому, если не обширностью, такъ по-крайней-мѣрѣ изяществомъ. Я убью всѣхъ здѣшнихъ художниковъ; рѣшительно уничтожу до тла этихъ интригантовъ, сплетниковъ, доносчиковъ, лазутчиковъ, мерзавцевъ.... Не правда ли?

— Конечно, эминенца; Симонъ Вуэ....

— Нѣтъ! всѣ, всѣ.... И, въ особенности, я буду преслѣдовать тѣхъ, которые вздумали преслѣдовать мою домашнюю жизнь. Не знаю, кто они, но тогда все откроется. Да! любезный Депортъ, вы мнѣ поможете открыть моихъ непріятелей.

— Эминенца, отвѣчалъ Филиппъ, поблѣднѣвъ: это также бабьи сплетни.... и охота вамъ вести знакомство съ этою устарѣлою прелестницей! будто только и женщинъ, что Маріонъ-де-Лормъ!

— Я съ нею не знакомъ: видѣлъ ее разъ и, признаюсь, лучше женщины я не видывалъ и въ Италіи.

— Вы шутите, монсиньоръ. Она дважды уже была удостоена вашего посѣщенія, четырежды вы осчастливили ее позволеніемъ быть у васъ; и я никакъ не могу понять причины, почему вы таитесь отъ лучшаго вашего доброжелателя.

— А вотъ почему; нечего дѣлать! я долженъ быть откровеннымъ; вы, не только по наружности, но и по дѣйствіямъ, сдѣлались совершеннымъ Французомъ. Вмѣсто того, чтобы содѣйствовать къ приглашенію какого-либо изъ нашихъ великихъ художниковъ, вы такъ дѣятельно хлопотали о Пуссенѣ.

— Правда, правда; на-видъ это ошибка, но въ существѣ это расчетъ.

— Какой расчетъ?

— Надо сперва уронить Вуэ и всѣхъ стариковъ, потому что они составили общество противъ всякаго иностранца: они слишкомъ сильны. Италіянца они запутаютъ въ сѣтяхъ, приготовятъ публику, подожгутъ еще неусыпленную месть къ нашей націи, и останутся въ прежнихъ креслахъ. Противъ Пуссена ихъ козни безсильны: Франція гордится Пуссеномъ; клеветамъ ихъ не повѣрятъ; на-дѣлѣ они будутъ побѣждены въ два, въ три мѣсяца. Король, кардиналъ, де-Нойе, теперь только сомнѣваются въ ихъ способностяхъ: пріѣдетъ Пуссенъ, и ничтожность ихъ обнаружится вполнѣ, уваженіе къ нимъ исчезнетъ безвозвратно. Тогда надо уронить и выжить самого Пуссена и расчистить дорогу соотечественникамъ. Люди торжественно переходятъ изъ религіи въ религію: жаль, что нельзя съ нѣкоторыми обрядами переходить изъ націи въ націю!... тогда ваше министерство было бы надежно, а безъ этого, помните мое слово, Французы не простятъ вамъ происхожденія.

— Въ этихъ словахъ, любезный Депортъ, я слышу голосъ истинной дружбы.... Но если пребываніе Пуссена въ Парижѣ сопряжено со вредомъ мнѣ, и вамъ, и каждому Италіянцу, если для меня необходимо, чтобы онъ сегодня пріѣхалъ, а завтра возвратился въ Италію....

— Мошенничество — порокъ, а умная хитрость съ патріотическою цѣлію—добродѣтель. Это аксіома, утвержденная всѣми философами.

— Что вы этимъ хотѣли сказать?

— Мошенничество — хватается за наличныя средства; умная хитрость сама творитъ ихъ.

— Всё еще не понимаю!

— Невозможность — такая же мечта какъ и возможность; и то и другое — крайности; поворотить оглобли пуссеновской повозки.... тутъ нѣтъ невозможности; остается изобрѣсти средства.

— Какія же, любезный Депортъ?

— Пусть пріѣдетъ: онъ самъ ихъ откроетъ. А пока, мы должны въ публичномъ мнѣніи приготовить Пуссену легкую побѣду, не надъ его, а надъ нашими врагами. Побѣдитель послѣ генеральнаго сраженія всегда слабъ, и свѣжая сила всегда его одолѣетъ. Ришліё послалъ Густава-Адольфа для побѣдъ; пришло время, и.... кто знаетъ!... можетъ-быть, самъ кардиналъ въ него выстрѣлилъ.

— Макіавель!...

— Макіавель не былъ мошенникомъ, но образцомъ той добродѣтели, о которой я говорю.

— И такъ....

— И такъ, за дѣло, эминенца! Вы будете въ Рюэлѣ: вотъ первый случай.

Вошелъ слуга и что-то на ухо шепнулъ Мазарини. Аббатъ покраснѣлъ.

— Проси въ ротунду, сказалъ онъ вставая. Любезный Депортъ, посидите здѣсь, намъ надо еще переговорить.

Мазарини надѣлъ щегольской бархатной кафтанъ и поясъ съ огромной бриліантовой пряжкой въ нѣсколько тысячъ ливровъ, римскую тонсуру прикрылъ турецкой шапочкой; вытеръ лицо и руки духами, и исчезъ за обоями.

«Конечно посижу! разсуждалъ Депортъ: дѣло еще не кончено; онъ не въ моихъ рукахъ, потому что всѣ его откровенія ложны; что-нибудь другое прикрыто ненавистью къ Пуссену: все это хламъ, а зерно далеко.»

Депортъ подошелъ къ обоямъ: но ни малѣйшаго шопоту или отголоску; тихо, какъ-будто никого тамъ не было.

«Въ ротунду! подумалъ Депортъ: тамъ его нѣтъ. Но какого гостя принимаетъ онъ такъ тайно? Конечно, женщина. Какая женщина? Маріонъ-де-Лормъ: можно итдти объ закладъ сто противъ одного. Слѣдственно, онъ просидитъ тамъ долго; не мѣшаетъ пересмотрѣть римскія новости; авось...»

— И Депортъ повторилъ операцію Мазарини: каждую бумажку испытывалъ онъ на солнцѣ и огнѣ. Окончивъ трудъ скучный и не малосложный, Депортъ хотѣлъ испытать ящики мазариневскаго стола. Кромѣ чистой бумаги съ разнообразными

каемками, кромѣ снурковъ, печатей, золоченыхъ перьевъ, онъ не нашелъ ничего. Нигдѣ ни одной буквы; на столѣ только лежали неконченные латинскіе стихи на дворецъ Барберини, но безъ надписи, такъ, что Депортъ принялъ ихъ за похвалу Ришліё или за скромный гимнъ самому Мазарини. Духъ открытій не нашелъ болѣе пищи. Депортъ усѣлся у камина и началъ читать диссертацію Юнія о волосахъ. Между-тѣмъ Мазарини возвратился, весь въ огнѣ, со влажными глазами, и безъ брилліантовой пряжки. Депортъ взглянувъ на него, сталъ разсматривать коверъ и долго не поднималъ глазъ на аббата, какъ-будто желалъ дать ему время охладѣть, успокоиться.

— Простите, если я заставилъ васъ одиночествовать такъ долго; но я надѣялся на вашу дружбу.—О чемъ мы говорили? Да! о Пуссенѣ.... сказалъ Мазарини, сѣвъ въ свои кресла. Я даже не знаю, стоило ли выписывать во Францію живописца философовъ.... для меня онъ скученъ.

— Pittura seria не понравится Французамъ; покрайней-мѣрѣ это скоро надоѣстъ: и это принадлежало къ моему расчету; главный его недостатокъ — онъ не умѣетъ писать женщинъ. Я былъ у Штантлу; видѣлъ двѣ, три картины Пуссена: и, помяните мое слово, онъ не напишетъ портрета ни одной герцогини, ни одной изъ обожаемыхъ вами дамъ ея величества. Конечно, ихъ красота не выше кисти Пуссена: а всё-таки не напишетъ!

— А вы полагаете, что у меня много обожаемыхъ?

— Притворно, эминенца, притворно! Вы не любите никого, но вамъ велятъ любить ихъ, какъ велятъ любить себя.

— Діаволо! воскликнулъ Мазарини, вскочивъ съ креселъ: это клевета, основанная на уваженіи моемъ къ женщинамъ.

— Не бойтесь этой клеветы, эминенца! Но если у васъ въ самомъ дѣлѣ есть грѣшки, такъ вы не умѣете покрыть ихъ притворною, но страстною, безумною, любовію къ невинной дѣвушкѣ. Это возвыситъ ваше достоинство въ кругу женщинъ, возбудитъ полезную для васъ ревность; а гдѣ эта ревность будетъ опасна, тамъ можно открыться въ притворствѣ, даже предупредить....

— Вы насильно хотите быть моимъ другомъ и наставникомъ....

— Участіе, монсиньоръ, живое участіе въ геніальномъ соотечественникѣ, которому суждено прославить умъ Италіянцевъ; а также и расчетъ... Можетъ-быть, когда удастся убѣдить васъ въ моей искренности, я займу у кардинала Мазарини мѣсто «сѣрой эминенціи,» какъ называли покойнаго отца Іосифа, совѣтника и друга Ришліё.... Кардиналъ и отецъ Іосифъ имѣли дѣло съ мужчинами. Но король не надеженъ.

— Ужасъ беретъ, когда вы говорите.

— А другихъ беретъ ужасъ, когда вы дѣйствуете!

— Отвратительная искренность....

— А все-таки искренность. Напримѣръ, какъ вы думаете, зачѣмъ я пришелъ къ вамъ?

Мазарини, помолчавъ, отвѣчалъ:

— Надо быть по-крайней-мѣрѣ Депортомъ, если не дьяволомъ, чтобы разгадывать ваши намѣренія.

— Однако жъ?

— Не знаю! не знаю! И такъ довольно загадокъ.

Вотъ зачѣмъ: я открылъ школу живописи; въ два мѣсяца ученики мои сдѣлали огромные успѣхи, особенно одинъ портретный живописецъ, весьма молодой человѣкъ съ отличными способностями. Вы должны поддержать мою школу.

— О! на это я ничего не пожалѣю.

— Ничего пока и не нужно; только позволеніе моему Альфреду снять съ вашей эминенціи портретъ и право школѣ моей считаться подъ особеннымъ вашимъ покровительствомъ.

— Да почему вы объ этомъ не просили кардинала?

— На это есть важныя причины, монсиньоръ, и вы легко ихъ отыщите: королю это не будетъ пріятно.

— Признаюсь вамъ, я терпѣть не могу сидѣть для портрета.

— Три, четыре присѣста, не болѣе: а какая живопись!... полюбуйтесь; я нарочно принесъ послѣднюю работу моего Альфреда.

Депортъ всталъ, взялъ изъ угла свертокъ, и глазамъ Мазарини представился образъ совершеннѣйшей красоты, одушевленный высочайшею живописною поэзіей. Аббатъ вспыхнулъ и, не спу-

ская глазъ съ очаровательнаго лица незнакомки, въ восторгѣ воскликнулъ:

— Какая превосходная фантазія!

— Какъ, фантазія?

— Конечно это не портретъ живой женщины.

— Помилуйте! да это портретъ моей воспитанницы.

— Вашей воспитанницы? спросилъ съ жаромъ Мазарини, схвативъ Депорта за руку. И она здѣсь? въ Парижѣ? и я еще её не видѣлъ?...

— И не увидите, эминенца: вы человѣкъ опасный, отвѣчалъ сухо Депортъ, свертывая полотно.

— Что́ вы дѣлаете?... Дайте полюбоваться.

— Нѣтъ! Я уже раскаяваюсь въ моей оплошности. Такъ иногда и мы, люди смышленые, платимъ дорого за самонадѣянность!... Мнѣ и въ голову не приходило, что вы можете влюбиться въ портретъ!... Умоляю васъ, монсиньоръ, оставимъ этотъ разговоръ.

— Оставимъ!... оставимъ! отвѣчалъ Мазарини: недоставало послѣдней глупости! влюбиться въ портретъ и потомъ читать пасквили съ рынка, гдѣ и такъ уже честитъ меня маркизъ де-Кокъ съ тайною братьей!... Это значило бы уронить мое достоинство, испортить репутацію при дворѣ, потерять расположеніе.... А вотъ что!... этотъ портретъ сто́итъ галереи. .. Продайте!

— Не продажный портретъ, эминенца, а фамильный; я не имѣю права располагать....

— И это весьма справедливо.... Вы будете сегодня въ Рюэлѣ?

— Нѣтъ; я прямо отъ васъ ѣду къ королю: послѣ обѣда его величество будетъ заниматься живописью.... И мнѣ пора.

— Да; если его величество въ Сенъ-Жерменѣ, такъ пора.... Я не смѣю васъ удерживать.

Распростились. Депортъ, проходя богатые покои Мазарини, улыбался и тихо ворчалъ: «Врешь! ты — мой!»

Мазарини съ улыбкой усѣлся передъ своимъ каминомъ и также шепталъ: «Врешь! она — моя: ты за этимъ и приходилъ.»

—

ГЛАВА VII.

ФОКУСНИКЪ.

Что такъ тихо въ Сенъ-Жерменѣ? На дворѣ королевскаго дворца не видно ни слѣда колеса и копыта: будто всѣ бросили этотъ прелестный загородный домъ и обрекли его запустѣнію. Третій день никто не навѣщалъ короля, или, лучше, никого издали не допускали ко дворцу Людовика XIII. И соколовъ не кормилъ король, и на охотѣ все это время не былъ, и Сенъ-Марса гонялъ отъ себя, и съ отцомъ Сирмондомъ не говорилъ ни слова. Пріѣзжала королева съ дѣвицей де-Отфоръ: ни тѣни прежней нѣжности никто не замѣтилъ въ суровомъ и больномъ лицѣ Людовика. Онъ даже не видался съ женою и предметомъ любви, промелькнувшей безъ всякихъ послѣдствій. Сложивъ руки и сжавъ губы, онъ по цѣлымъ часамъ хо-

дилъ взадъ и впередъ по комнатѣ; по-утру и ввечеру за налоемъ пѣлъ псалмы съ Дюбоа и Сенъ-Марсомъ; остальную часть дня проводилъ съ карандашемъ въ рукѣ и чертилъ головы кардинала, монашенки Лафайетъ, шведскаго посланника и Сенъ-Марса. Это была болѣзнь особеннаго роду: болѣзнь воли. Людовикъ рѣшался на какую-то важную мѣру. Но скоро онъ утомился, усталъ, не выдержалъ борьбы, и погрузился въ родъ безчувственнаго бездѣйствія.

Солнце пылало на западѣ. Король, сложивъ руки на столѣ и протянувъ ноги на истертыя подушки, сидѣлъ въ высокихъ креслахъ и глядѣлъ въ паркъ недвижными, мутными глазами. Вошелъ Дюбоа тише кошки и, почти шопотомъ, въ десятый разъ доложилъ:

— Капитанъ гвардіи вашего величества, д'Орбиньи, возвратился изъ Рима и желаетъ представиться.

Какъ и въ прежніе разы, ни какого отвѣта. Молчаніе продолжалось нѣсколько минутъ. Солнце заглянуло прямо въ глаза ему, и какъ-будто разбудило своими животворными лучами. Онъ протянулъ руку къ окну. Дюбоа подошелъ и увидѣлъ тотъ же самый неизмѣнный пейзажъ, изъ всѣхъ видовъ сенъ-жерменскихъ оконъ самый грустный, самый пустынный.

— Дюбоа! тихо сказалъ Людовикъ, поищи полотно и краски; солнце опустилось: эта пустыня такъ похожа на монастырскій дворъ, такъ хорошо освѣщена вечернимъ солнцемъ, такъ согласна

съ печальнымъ сердцемъ, мечтающимъ о тишинѣ иноческой обители!

Дюбоа поставилъ треножникъ и особеннаго устройства кресла, которыя были изобрѣтены двумя механиками, будто бы для бо́льшаго удобства рукъ живописца, и оставлены немедленно послѣ изобрѣтенія; принесъ палитру изъ неизвѣстнаго египетскаго дерева, присланнаго въ даръ Ришліё, какимъ-то эмиромъ. Но, увы! на палитрѣ краски окаменѣли. Ни король, ни Дюбоа не могли помочь горю.

— Вотъ, видишь, любезный! сказалъ король: вотъ твоя система!... благодѣянія, добро, польза... все это сдѣлано: а краски засохли! Благодѣянія, добро, польза: а Сенъ-Маръ скучаетъ, не хочетъ понимать моихъ желаній, нейдетъ туда, куда я хочу, кардиналъ играетъ моими наклонностями.... кардиналъ хочетъ вполнѣ царствовать.... жена запирается въ монастырѣ, отецъ Сирмондъ подкладываетъ книги о набожной щедрости; братъ Гастонъ — каждую ночь въ Парижѣ въ кругу недостойныхъ людей и оскорбляетъ своего короля неприличнымъ краснорѣчіемъ: собираются для дѣла, а не умѣютъ выбрать людей, не умѣютъ хранить тайны!... И чѣмъ это кончится? и что́ обо всемъ этомъ говоритъ шведскій посланникъ?... Вотъ, Дюбоа, твоя система! А мнѣ кажется, что надо быть рѣшительнымъ.... И что́ скажетъ исторія?...

— Государь, исторія отдастъ справедливость Людовику Справедливому.

— Ты надѣешься на твои записки, добрый Дюбоа. Я спряталъ ихъ какъ сокровище, какъ госу-

дарственную драгоцѣнность.... Но кто поручится, что мой собственный сынъ не предастъ ихъ пламени!

— Государь, поблѣднѣвъ отвѣчалъ Дюбоа: надобно принять рѣшительныя мѣры.

— Противъ Анны Австрійской? противъ жены моей? противъ матери будущаго короля Франціи?

— Государь, я въ отчаяніи!

— И я тоже.... Надобно умножить экземпляры, послать списки въ Гагу, Лондонъ и Римъ, въ вѣрныя руки....

— Великая мысль!.... я займусь этимъ. А между-тѣмъ мы можемъ распросить у д'Орбиньи, кому въ Римѣ можно довѣриться.

Король улыбнулся и сказалъ:

— Другъ мой! это значило бы преждевременно самимъ уничтожить рукопись. Д'Орбиньи — капитанъ моей гвардіи, другъ Сенъ-Марсу, родня моей Аврелін: все это такъ: но кардиналъ ему довѣрилъ важныя дѣла въ Римѣ, и я ни въ чемъ уже не вѣрю д'Орбиньи.... Удивительный вечеръ!.... Погляди какъ хорошо освѣтилась эта купа деревъ, что́ у правой дорожки.... Не похожа ли она на общество молодыхъ людей, когда ихъ освѣтитъ внезапная, но минутная радость?

— Если бы я умѣлъ дѣлать стихи, тотчасъ изъ словъ вашего величества сдѣлалъ бы сонетъ.

— Подай перо. Попытаемся.—Дюбоа! Дюбоа!.. да это, кажется, мой Филиппъ? сказалъ король, указывая въ окно.

— Точно такъ, ваше величество.

— Посмотри, какъ задумчивъ!.... вѣрно и у него есть горе! Гуляетъ по саду одинъ.... а краски засохли! Позови!

Дюбоа послалъ за Депортомъ, а самъ воротился къ королю.

— Намъ теперь будетъ веселѣе, сказалъ король: мы отплатимъ Сенъ-Марсу.... Пусть гуляетъ: прогуляетъ санъ конетабля, невѣсту, и все... я готовъ на это рѣшиться.... Только, тсъ! Дюбоа!.... не говори никому!

Вошелъ Депортъ.

— Прекрасно! прекрасно, Филиппъ! съ улыбкой сказалъ Людовикъ: а краски засохли!

Депортъ не отвѣчалъ ни слова, изъ длиннаго кармана вытащилъ плоской ящикъ, развернулъ, и подалъ королю ловкую походную палитру, которая составляла крышку: самый ящикъ былъ наполненъ превосходнымъ приборомъ отлично приготовленныхъ красокъ.

— Что это? спросилъ король.

— Мое сочиненіе, ваше величество. Въ отлучкахъ, въ путешествіяхъ, въ походахъ, это очень удобно. Карандашъ не можетъ сохранить всей игры освѣщенія и колориту: вотъ я и придумалъ походныя краски съ ламповымъ устройствомъ; человѣкъ, разъ въ день, долженъ переворачивать ящикъ, и краски сохраняютъ свой жидкій видъ и не осѣдаютъ; складныя кисти, перья съ карандашами, запасное масло, дюжина тряпочекъ изъ плотнаго батиста, перспективный пробиръ по правиламъ Альберта Дюрера, и линѣйка съ градуса-

ми: все тутъ есть; раскиньте линѣйку и она будетъ служить подпоркой для руки, муштабелемъ.

— Превосходно! превосходно! сказалъ король, разсматривая ящикъ: прикажи сдѣлать такой же и для меня.

— Надъ этимъ я собственно трудился для вашего величества. Я въ походахъ не бываю; сверхъ-того, осмѣлюсь доложить вашему величеству, втораго экземпляра подобнаго ящика во Франціи нѣтъ и не будетъ: quod licet Jovi, non licet bovi.... Даже модели, которыхъ я долженъ былъ сдѣлать около десяти, пока доискался окончательной гармоніи въ цѣлой работѣ, сжегъ до тла; и жена не видала, когда я работалъ.

— Такъ ты это самъ?...

— Самъ, ваше величество. Какъ можно было довѣрить мастерамъ тайну, назначенную для удовольствія моего государя?

— Не правда ли, Дюбоа: нашъ Филиппъ умнѣе многихъ другихъ кардиналовъ?

— Конечно, ваше величество. Не мѣшало бы этимъ выскочкамъ поболѣе озаботиться объ удовольствіяхъ своихъ благодѣтелей.

— Да, да!.... а то я, вотъ, умираю со скуки; не могу дождаться войны.... Чего они медлятъ, и самъ не понимаю!.. Недѣля уже, какъ я подписалъ всѣ бумаги.

— А вотъ второй томъ моего сочиненія, сказалъ Депортъ, вынимая изъ другаго кармана ящикъ, объемомъ больше прежняго: позвольте мнѣ сыграть роль фокусника; выдумка того стоитъ.

— Изволь, изволь! А мы сядемъ, Дюбоа; мы будемъ публикой.

Король сѣлъ. Вошелъ Сенъ-Марсъ.

— Что̀ вамъ угодно, маркизъ?

— Я пришелъ освѣдомиться, не угодно ли чего вашему величеству?

— Намъ угодно уволить себя отъ вашей бесѣды.

— Слушаю-съ.

Сенъ-Марсъ ушелъ.

— Какой покорный! сказалъ король: посмотримъ, на долго ли? — Ну, начинай.

Сенъ-Марсъ возвратился.

— Испанская армія, ваше величество, выступила въ походъ. Позвольте....

— Выступила въ походъ! закричалъ король и закашлялся.

Дюбоа подбѣжалъ къ королю и со слезами сказалъ:

— Государь!.... не принимайте такъ къ сердцу!

— Ахъ, Дюбоа!... отъ радости! отъ радости!....

— Есть чему радоваться! ворчалъ Сенъ-Марсъ тихо, но король услышалъ и, топнувъ ногою, закричалъ:

— Васъ, вѣрно, подкупили Испанцы, маркизъ? Вы прежде насъ знаете государственныя тайны! Не ваше дѣло докладывать намъ о движеніи войскъ нашихъ.

— Я доложилъ объ этомъ какъ великій конно-

шій; снимите, государь, чинъ, спадутъ и обязанности.

— Сниму, сниму, но когда захочу. Не ваше дѣло!... Ступайте.

— Я не могу понять, государь, за что вы изволите сердиться? Я исполнилъ мой долгъ: не курьеру же докладывать вашему величеству! Я ужъ и самъ, право, не знаю какъ угодить....

— О! это совершенно въ вашей власти: но вы такъ мало объ этомъ думаете!... Вы мнѣ надоѣли, Сенъ-Марсъ! Прежде вамъ было весело служить у меня, когда вы прятались въ подушкахъ или за дверьми, и подслушивали мои слова, чтобы переносить ихъ Ришліё. Я разбудилъ въ васъ благородныя чувства, приличныя вашему рожденію; вы поняли всю гнусность такого поведенія, перестали ѣздить въ Рюэль, но за то вамъ стало скучно въ сенъ-жерменскомъ монастырѣ.... Вамъ стало скучно служить своему благодѣтелю. Стыдно!

— Я въ отчаяніи, государь; но, право, не виноватъ.

— Полно, полно оправдываться! Садитесь, и будьте смирны. Филиппъ хочетъ показать намъ какую-то проказу.... Ну, начинай, Филиппъ.

— Вотъ ящикъ, ваше величество: и, кажется, болѣе ничего. Откроемъ. Ящикъ пустъ!... можно уложить въ него тысячу голландскихъ червонцевъ, карманныя деньги вашего величества. Не правда ли? Ровно тысячу: я ручаюсь.... Слѣдственно онъ пустъ?... Ничего не бывало!... Разъ, два,

три... палка! Разъ, два, три... другая! Разъ, два, три.... третія! На каждой есть что-то въ родѣ винта. Сложимъ. Теперь, беру изъ пустаго ящика этотъ шарикъ и навинчиваю! Раскладываю.... треножникъ! Беру эти два крючка и палку: передъ вами мольберъ!

Дюбоа искренно хохоталъ отъ удивленія; король съ улыбкой поглядывалъ, то́ на Дюбоа, то́ на Депорта; фокусникъ продолжалъ:

— Сажусь; у меня есть мольберъ, палитра, кисти, краски.... Да на чемъ же я буду писать?... Вынимаю изъ ящика рамку. Вы видите: безчисленное множество гвоздиковъ, вверхъ остріемъ, покрываютъ всѣ четыре палочки, составляющія рамку. Теперь вынимаю поло́тна.... разъ, два, три, четыре, пять, шесть; всѣ разной величины. Возьмемъ на-угадъ нумеръ третій, наколемъ каждую дощечку на край холста. Теперь, изъ ящика возьмемъ послѣднюю вещь: винтъ съ четырьмя пружинами. Завинчиваю: дощечки расходятся; холстъ натянутъ.... все готово!.... Не угодно ли попробовать, ваше величество?

— Безподобно! безподобно! говорилъ король, разсматривая всѣ вещи; а какъ теперь сложить назадъ?

— Ничего нѣтъ легче, ваше величество, отвѣчалъ Депортъ и мигомъ уложилъ все въ ящикъ, потомъ весьма искусно надвинулъ первый ящикъ съ красками на мѣдные подрѣзы втораго, поставилъ весь приборъ на мраморный столъ, почтительно отступилъ и сказалъ:

— Походная мастерская его величества, для испанскаго похода, не боится воды и дороги, смѣю ручаться.

— Очень, очень благодаренъ, сказалъ король. Какъ же мы поѣдемъ, Сенъ-Марсъ?

— Какъ прикажете, ваше величество.

— Сдѣлай дружбу, отправь обозъ, если можно еще сегодня, а мы выѣдемъ завтра или послѣ завтра.

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

— Это почему?

— Надоѣлъ мнѣ Парижъ и загородные дворцы. Въ полѣ, подъ шатрами, больше воздуха.

Людовикъ покачалъ головою и съ улыбкою сказалъ:

— Больную голову лечитъ вѣтеръ.

— И пуля, прибавилъ Сенъ-Марсъ.

— Безъ пророчествъ, маркизъ! Вы будете при нашей особѣ.

Сенъ-Марсъ вздохнулъ.

— Что́ значитъ этотъ вздохъ?

— Такъ, ваше величество; сгрустнулось. Не всегда и не всѣхъ мы оставляемъ охотно.

Eheu, fugaces, Posthume, labuntur anni!.... Все пройдетъ; и къ грусти можно привыкнуть.

— Позвольте мнѣ, ваше величество, съѣздить сегодня въ Парижъ проститься съ друзьями.

— Съ какими друзьями? Зачѣмъ, маркизъ, вы завели эту безнужную челядь? Вы не исполнили моей просьбы.... И какіе друзья!.... Маре́, Скарронъ, Бальзакъ, Воатюръ.... все знаменитости

Рамбульетскаго Дворца и гостиной Маріонъ де-Лормъ! Все это люди, такъ сказать, неудачные. Честолюбіе безъ способностей, вотъ стихія вашихъ писателей, вотъ источникъ цѣлыхъ библіотекъ, червь, который изощряетъ ихъ злорѣчіе, а самъ точитъ ихъ сердце.... Вы задобриваете этихъ мстительныхъ пчелей, забывая, что у нихъ есть улей,—казначейство кардинала: не переманите!... Если къ этимъ друзьямъ,— то я васъ рѣшительно не пущу.

— Нѣтъ, государь; я хотѣлъ откланяться ея величеству и проститься съ де-Ту и нѣкоторыми дамами.

— А! теперь я понялъ.... и у меня есть другъ! вздохнувъ, сказалъ король: завтра, Сенъ-Марсъ, мы будемъ въ Парижѣ и простимся.

— Завтра я долженъ....

— Перестаньте, Сенъ-Марсъ! — Ну, что Филиппъ, каково идетъ твоя школа?

— Превосходно, ваше величество, хотя у насъ недостаетъ мецената. Кардинала я не смѣлъ безпокоить; притомъ же онъ теперь ужасно скупъ. Впрочемъ, кажется, надо будетъ прибѣгнуть къ его эминенціи. Иначе намъ будетъ трудно!

— Я готовъ помочь тебѣ; но только издержки.... Да нельзя ли, Филиппъ, обратиться къ кому-нибудь изъ герцоговъ, изъ моихъ роскошныхъ вельможъ?....

— Герцоги перевелись, ваше величество.

— Да, да! со смѣхомъ сказалъ король: скажи лучше, ихъ извелъ кардиналъ.... Большая заслу-

га!.... А сколько полагаешь, нужно для твоей школы?

— Чтобы образовать каждый годъ отъ десяти до двадцати художниковъ, надобно, ваше величество, по-крайней-мѣрѣ, тысячи три экю.

— Я готовъ бы.... Да у насъ есть много богатыхъ людей изъ старыхъ фамилій! И сколько клевретовъ кардинала обогащены герцогствами и графствами, не только одними титулами, но и помѣстьями!

— Всѣ обѣднѣли, ваше величество: разорились на собакъ и соколовъ.

— Жаль! Я не могу тебѣ помочь. Если бъ не Лувръ—другое дѣло!.... А ты знаешь, чего онъ будетъ стоить! Я со страхомъ ожидаю Пуссена. Необходимости ни какой не было! Кардиналъ увѣряетъ, будто Лувръ надо отдѣлать такъ, чтобы Европа изумилась: а я въ этомъ не вижу никакой нужды. Кчему это хвастовство? Мнѣ хотѣлось только починить, поправить Лувръ, построить удобную проходную галерею.... а имъ Богъ знаетъ что приходитъ въ голову! Не по деньгамъ! Мы очень бѣдны.... А жить, слава Богу, есть гдѣ. Въ Луврѣ и скучно и душно.... И когда онъ пріѣдетъ, этотъ Пуссенъ?.... Ничего не слышно?

— Капитанъ д'Орбиньи возвратился изъ Рима и хочетъ представиться вашему величеству, я имѣлъ счастіе докладывать, сказалъ Дюбоа.

— Сенъ-Марсъ! введите д'Орбиньи. — На мѣста!

Король сѣлъ въ кресла. Дюбоа отошелъ къ дверямъ, ведущимъ во внутреннiе покои, Депортъ къ другимъ, и всѣ молчали. Сенъ-Марсъ отворилъ двери и громко произнесъ имя, фамилiю и званiе кавалера. Д'Орбиньи вошелъ и остановился.

— Поздравляемъ васъ, капитанъ, со счастливымъ окончанiемъ даннаго вамъ порученiя. Что новаго въ Римѣ?

— Его святѣйшество поручилъ мнѣ засвидѣтельствовать вашему величеству отеческое свое безпокойство о вашемъ здоровьѣ, передать пастырское благословенiе, и удостовѣрить, что всегдашнiя молитвы возсылаются съ римскихъ алтарей о долгоденствiи и счастiи вашего величества.

— Принимаю съ признательностью, отвѣчалъ Людовикъ. Что нашъ Пуссенъ? когда пріѣдетъ?

— Живописецъ Николай Пуссенъ пользуется въ Римѣ общимъ уваженiемъ, отъ святѣйшаго отца до послѣдняго плебея! — Онъ съ восторгомъ принялъ приказанiе вашего величества, но Италiянцы, услышавъ о намѣренiи его оставить Римъ, употребили всѣ хитрости и обольщенiя, чтобы удержать у себя Пуссена, поселили въ немъ недовѣрчивость къ Французамъ, сомнѣнiе въ искренности нашей, и я узналъ, изъ вѣрныхъ источниковъ, что онъ вовсе оставилъ намѣренiе пріѣхать во Францiю. Нельзя обвинять великаго Пуссена: готовность его несомнѣнна; но италiянскiе происки могутъ поколебать самаго рѣшительнаго человѣка. Посольство мое сопряжено было съ политическими порученiями, которыя не терпѣли ни како-

го отлагательства и я не могъ даже лично переговорить съ Пуссеномъ: его спрятали отъ меня; и я полагаю, что надобно повторить посольство, послать человѣка, хорошо знакомаго художнику и пользующагося его довѣріемъ, если не дружбою.

— Чего же лучше? попросите отъ меня Шантлу! Онъ и такъ хотѣлъ ѣхать въ Римъ. Пусть ѣдетъ, и, во что-бы то ни стало, пусть привезетъ Пуссена.... За усердіе благодарю; за успѣхъ въ порученіяхъ политическихъ, вѣроятно, васъ не оставятъ безъ награды. До свиданія. Не забудьте о Шантлу! — Дюбоа!

Дюбоа растворилъ обѣ половинки дверей, и король, кивнувъ головой, удалился съ нимъ во внутренніе покои.

Д'Орбиньи и Сенъ-Марсъ какъ-будто того только и ожидали: схватились за руки и бросились къ окну.

— Ну, что? каково идутъ твои дѣла, селадонъ? спросилъ Сенъ-Марсъ.

— Слава Богу! слава Богу!... Я видѣлъ во Флоренціи мою Марію. Какъ она похорошѣла! И, кажется.... я не радуюсь чужому несчастію.... но Пальфи безнадеженъ, и Марія....

— Послушай! сказалъ Сенъ-Марсъ грустно: со свадьбой бы лучше обождать, пока не рѣшимъ участи Люцифера.

— Я полагаю, къ тому времени....

— Что за вздоръ? Какъ можно надѣяться на успѣхъ!

— Что съ тобой, Сенъ-Марсъ?

— Не место, не место! Д'Орбиньи, ты ѣдешь въ Парижъ?

— Сію-минуту. Я обѣщалъ еще сегодня побывать у одной дамы, не знакомой, но весьма занимательной. Марія разсказала мнѣ объ ней цѣлую повѣсть.... Ты и не воображаешь, что вокругъ насъ дѣлается.

— Хорошо, хорошо, ты мнѣ разскажешь. Ну, а отъ этой дамы?

— Прямо туда!

— Въ такомъ случаѣ, до свиданія! Пойдемъ.

Сенъ-Марсъ схватилъ за руку Депорта, во все это время стоявшаго по-одаль, и потащилъ его въ свою комнату.

— Позвольте, позвольте, маркизъ, сказалъ Депортъ, пробѣгая переднюю: надо захватить эту драгоцѣнность; проклятый испанскій походъ помѣшалъ показать ее королю.

— А что это?

— Увидите, увидите! отвѣчалъ Депортъ, схвативъ свертокъ, стоявшій въ углу и побѣжалъ за Сенъ-Марсомъ.

— Ипполитъ! сказалъ маркизъ, входя въ свою комнату: сбѣгай къ Генріеттѣ, и вели ея отцу осѣдлать лошадь.

— Увидите, маркизъ, старый Жеромъ когда-нибудь васъ выдастъ!

— Чортъ его возьми! Я долженъ быть сегодня въ Парижѣ, во что бы то ни стало. Если Ришліё не пошутилъ, и войска дѣйствительно тро-

нулись къ испанской границѣ, то завтра къ вечеру мы будемъ далеко отъ Парижа.

— Маркизъ! если это уже неизбѣжно, сказалъ Депортъ, поѣзжайте со мной. У меня карета съ плотными занавѣсками и съ превосходными лошадьми.

— Прекрасно! — Одѣваться!

Сенъ-Марсъ одѣвался. Депортъ сидѣлъ у стола; и, съ улыбкой глядя на красиваго маркиза, спросилъ:

— Не правда ли, маркизъ: а хотѣлось бы по дорогѣ забѣжать къ Генріеттѣ? Что̀ вамъ за охота волочиться за этими неопрятными красавицами королевской дворни.

— Ахъ, Депортъ, въ нашей сенъ-жерменской пустынѣ Генріетта — кладъ! Во-первыхъ, садовница, романическое лицо, и Скюдери дорого заплатила бы за такой оригиналъ.

— Скажите скорѣе Пуссенъ или я: намъ нужна натура.

— Правда, правда! Да я ревнивъ, и на тебя, Филиппъ, больно не надѣюсь; ты и такъ нѣсколько похожъ на кота.... А что̀ же ты мнѣ не показалъ твоей драгоцѣнности?

— Посмотрите, маркизъ.

Депортъ развернулъ портретъ. Сенъ-Марсъ долго глядѣлъ съ восторгомъ на прелестную дѣвушку.

— Хороша! сказалъ: очень хороша!.... но опасна. Я избѣгаю такихъ женщинъ: невольно попадешь въ измѣну!.... Что̀ тогда скажутъ?

— Такъ-то я вамъ и позволю, маркизъ, влюбиться въ мою Эвелину!

— Развѣ дочь?

— Воспитанница, маркизъ; такъ, пріемышъ.... Вы готовы? Ѣдемъ.

— Ѣдемъ, Депортъ, ѣдемъ!

Вошелъ Дюбоа.

— Вы еще не уѣхали, дорогой мой другъ? сказалъ Дюбоа Депорту: вотъ вамъ подарочекъ отъ короля.

— Табакерка, осыпанная брилліантами! сказалъ Сенъ-Марсъ, улыбаясь. Неслыханная щедрость! Хорошо, что ты не аббатъ, не прелатъ: а то надо бы было тебя опасаться.

— Я смущенъ королевскою милостью; эта безделица, право не стоила....

— Король приказалъ вамъ подумать, нельзя ли уменьшить расходовъ на школу; на одну тысячу король рѣшится,

— Доложите его величеству, что я постараюсь вовсе избавить моего государя отъ излишнихъ расходовъ и не прошу ничего, пока испанская война не пополнитъ казны его величества.

Сенъ-Марсъ расхохотался.

Дюбоа съ неудовольствіемъ поглядѣлъ на великаго, и, обращаясь къ Депорту, сказалъ:

— Весьма умно, любезный другъ! Кто доволенъ малымъ, тотъ получитъ много....

— Обѣщаній, прибавилъ Сенъ-Марсъ.

— Прощайте, любезный другъ, сказалъ Дюбоа

съ досадой, пожалъ руку Депорта, и ушелъ хлопнувъ дверью.

— Дерзкій лакеишка! сказалъ Депортъ: лѣзетъ въ друзья! Вотъ наша Франція? Вотъ уваженіе къ художникамъ!

— Ѣдемъ, ѣдемъ, Депортъ! Мы найдемъ средства отомстить Дюбоа; онъ былъ и такъ уже въ страхѣ: по моей милости, король потребовалъ у него «Записки.» Но эта месть не удалась: она только увеличила королевскую къ нему милость. Надобно выдумать что-нибудь поумнѣе, и это мы сдѣлаемъ общими силами. Ѣдемъ!

—

ГЛАВА VIII.

ВСТРѢЧИ.

Гаръ-Піонъ сидѣлъ на мраморномъ львѣ и курилъ трубку. На другомъ львѣ сидѣлъ Гойко и считалъ звѣзды. Погода была холодная, но ясная; на площади — тихо, на улицахъ также; изрѣдка проходили пѣшіе, но каретъ и носилокъ не было видно. Наконецъ часы Святаго Роха проиграли и пробили десять, и улица Сентъ-Онорé и примыкавшіе къ ней переулки наполнились людьми и носилками. Жужжа какъ пчелы, расходились люди, Гаръ-Піонъ всталъ, потушилъ трубку и сказалъ молчаливому собесѣднику:

— Сходи, черный! принеси фонарь! Господа сейчасъ будутъ! комедія отошла.

— Я не слуга въ этомъ домѣ, отвѣчалъ Гойко, не трогаясь съ мѣста.

— Постой же: коли не слуга, я тебя провожать буду прикладомъ моего солдатскаго ружья. Слышишь?.... принеси фонарь!

— Не сердись, Гаръ-Піонъ; ты служишь бабамъ, такъ за ними и гляди; а мои господа сейчасъ пріѣдутъ; еще успѣю устать. Сегодня безсонная ночь: можетъ-быть, на этомъ львѣ и ночевать прійдется!

— Чортъ же тебя возьми! сказалъ Гаръ-Піонъ, и пошелъ самъ за фонаремъ.

— Взаимно! отвѣчалъ Гойко, отворачиваясь.

— Посмотрите! вскричала Джудита, какая у насъ въ домѣ исправность: Гаръ-Піонъ на крыльцѣ, Жаннета на лѣстницѣ, и оба съ огнями! Но, Альфредъ! перестаньте разговаривать.... Полно, полно? ступайте домой! Ступайте къ вашему Корнелію.... Боже сохрани, увидитъ Депортъ!... Ну, довольно прощаться! Завтра увидимся.

Дамы ушли на лѣстницу. Альфредъ исчезъ.

— Что, Гаръ-Піонъ? спросила Джудита: не былъ никто?

— Никто.

— Странное дѣло! Онъ писалъ, что будетъ въ театрѣ. Я нарочно поѣхала сегодня въ Ришліевскій дворецъ.... Мнѣ не до комедіи.... А онъ не явился!

— Кто? спросила изумленная Эвелина.

Джудита не отвѣчала, но, обратясь къ Гаръ-Піону, сказала ласково:

— Любезный другъ! потрудись взять фонарь и на крыльцѣ обождать нашего гостя. Онъ пріѣдетъ въ каретѣ, въ зеленомъ плащѣ, при шпагѣ, въ

розовомъ камзолѣ съ золотыми снурками; шляпа съ тремя разноцвѣтными перьями.

— Такъ что прикажете сказать ему?

— Проси къ намъ, проводи — и только.

— Слушаюсь! А больше никого не пускать?

— Никого.

— Слушаюсь.

— Кто это къ намъ будетъ Джудита?

— Чего ты испугалась. Эвелина? Я его жду съ нетерпѣніемъ, съ радостію.... Но у тебя, мой другъ, измялась прическа.

— Въ театрѣ было такъ жарко!

— И ваши локоны....

— Поправь, поправь скорѣе!

И обѣ хлопотали о взаимномъ приведеніи въ порядокъ разстроеннаго туалета.

Гаръ-Піонъ взялъ свое ружье, фонарь, и вышелъ на крыльцо. Гойко, увидавъ его съ обѣщаннымъ оружіемъ, соскочилъ съ крыльца и остановился въ десяти шагахъ.

— Эй, смотри, Гаръ-Піонъ! умрешь даромъ!... умрешь какъ собака!

— Да что ты колдунъ, что ли?

— Какъ Богъ святъ, умрешь. Больше не скажу ни слова.

— А кто его знаетъ? сказалъ Гаръ-Піонъ тихо: можетъ-быть, и въ самомъ дѣлѣ!.... Что онъ жидъ, это видно; а ужъ если жидъ, такъ вѣрно всякое зло знаетъ. — Ну, садись, садись, примолвилъ онъ громко: да если на колдовство пойдетъ, такъ, гляди, не боюсь.

Гаръ-Піонъ перекрестился и перекрестилъ ружье.

— Теперь не заколдуешь.

— Ну, да не хитеръ же ты, Гаръ-Піонъ, сказалъ Гойко, мостясь на льва.

— Да и не дуракъ, слава Богу!

— Дуракъ, Гаръ-Піонъ, дуракъ! Кому ты служишь?

— Эвелинѣ де-Вальероль, дочери моего капитана.

— Нѣтъ, не ей, а этому Депорту; да еще и безъ денегъ.

— Да на что мнѣ деньги? Сытъ, одѣтъ....

— Ну, не глупъ ли ты? Вотъ теперь пойдетъ тутъ въ домѣ такое волокитство, что и въ Содомѣ не бывало: а ты бы со всѣхъ лупилъ деньгу; съ самого хозяина противу каждаго гостя вдвое.

— Что ты бредишь?

— Тебѣ денегъ не нужно; отдавалъ бы ихъ мнѣ.

— Вотъ сумасшедшій? И, право, прикладомъ тресну, хоть бы на-мѣстѣ умереть.

— Не горячись, а выслушай. Мнѣ деньги нужны; жену надо выкупить.

— Да гдѣ она?

— Не твое дѣло. А я бы тебѣ каждый день сказывалъ, что съ Эвелиной дѣлать хотятъ.

— Да что съ нею дѣлать хотятъ? Извѣстное дѣло — выдадутъ за Альфреда, вотъ и все тутъ.

— Ахъ, ты, солдатская простота! Ты, братъ, нашихъ ученыхъ расчетовъ и не смѣкаешь.

— Да поди ты къ Антихристу!

— Нѣтъ, туда твоя госпожа пойдетъ, какъ такая, знаешь, прелестница....

Гойко скатился съ льва отъ сильнаго удара прикладомъ и на послѣдней ступенькѣ, лежа, кричалъ о помощи. Гаръ-Піонъ всталъ и, поднявъ ружье, сказалъ:

— Крикни еще разъ, и то будетъ послѣдній: душу выколочу!

Гойко замолчалъ, всталъ, оправился, хотѣлъ бѣжать, но, почувствовавъ, что сильная рука держитъ его за воротникъ, сказалъ ласково:

— Вотъ видишь ты, мой дорогой усъ! я тебя добромъ предупреждалъ, а ты.... Тише, тише: я молчу не души; самъ увидишь.

— Откуда тебѣ такой вздоръ въ голову лѣзетъ? Говори! А нето какъ шубу подыму и стану пыль выколачивать,

— Убей.... не скажу ни слова! Заплати.... все узнаешь! Мнѣ нужны деньги, и я поклялся, что не скажу слова, не сдѣлаю услуги, безъ платы.

— Врешь! скажешь, какъ я стану спрашивать.

Вдругъ подъѣхала парадная карета.

— Дома Депортъ? спросилъ кто-то, отдергивая оконныя занавѣски.

— А какъ вы одѣты, государь мой? отвѣчалъ Гаръ-Піонъ! выпустивъ Гойко и схвативъ фонарь.

— Что за дурацкій вопросъ? Говорятъ тебѣ, дома ли Депортъ?

— Въ Сенъ-Жерменѣ, отвѣчалъ Гойко: надобно быть, черезъ часъ будетъ домой.

— Скажи, что аббатъ Мазарини къ нему заѣдетъ еще сегодня; есть дѣло....

Гаръ-Піонъ, свѣтя въ карету, проворчалъ: «Это не гость!»

Мазарини уѣхалъ; Гойко стоялъ на серединѣ площадки. Гаръ-Піонъ усѣлся на прежнее мѣсто.

— Вотъ одинъ уже и былъ!.... Дай хоть пару ливровъ, скажу зачѣмъ, говорилъ Гойко.

— Провались сквозь землю! Не просятъ; сами узнаемъ.

— Да какъ не во время, да не ловко узнаешь, такъ и будешь въ Бастиліи гнилые сухари ѣсть. Правда, честь велика!.... въ компаніи съ маршаломъ де-Бассомпіеръ.

— Дома госпожа Депортъ? спросилъ кто-то изъ кареты.

— А какъ вы одѣты?

— Посмотри.

— Милости просимъ!.... милости просимъ?

И Гаръ-Піонъ ввелъ незнакомца въ гостиную, заперши прежде двери съ крыльца.

— Простите, очаровательная Джудита, если я осмѣлился такъ поздно безпокоить васъ моимъ посѣщеніемъ, король задержалъ меня въ Сенъ-Жерменѣ, и я не могъ пріѣхать въ театръ по обѣщанію, сказалъ капитанъ д'Орбиньи.

— Милостивая госпожа, закричалъ Гаръ-Піонъ голосомъ докладчика: какой-то аббатъ Мазарини только-что пріѣзжалъ къ мосьё Депорту; черезъ часъ будетъ опять.

Джудита побледнѣла; Эвелина смутилась; капитанъ улыбнулся и продолжалъ:

— Надѣюсь, что онъ меня здѣсь не застанетъ!

— Напротивъ: если я смѣю умолять васъ объ чемъ-нибудь именемъ моей подруги и сестры, то, ради Бога, останьтесь. Ваше присутствіе необходимо. Что, моя добрая Марія здорова?

— Не совсѣмъ. Мой бѣдный Пальфи также боленъ, боленъ опасно.

— Вы, вѣрно, объ немъ сожалѣете? Конечно, грѣхъ: а ужъ не безъ мысли, какъ бы поскорѣе отправился Пальфи къ предкамъ и Марія сдѣлалась мадамъ д'Орбиньи. Не скромничайте! Мнѣ обо всемъ писала Марія. И съ вами, конечно, есть письмецо?

— Я забылъ, Джудита. Глядя на васъ, конечно, простительна подобная неисправность.

— Благодарю за шутку, и молю васъ, продолжайте такъ шутить при моемъ мужѣ, при всѣхъ, если это вамъ не будетъ скучно.

— Вы позволяете?

— Шутить?... сколько угодно!... Но что пишетъ Марія?... Такъ! я не ошиблась!... твой отецъ въ Италіи.

— Батюшка!

— Первая моя любовь, Эвелина! шопотомъ сказала Джудита. Но Марія не могла его видѣть; онъ пробылъ во Флоренціи четыре часа и уѣхалъ въ Римъ. Добрая Марія! она хочетъ увѣдомить его, гдѣ находится Эвелина, но требуетъ у меня

подробностей. Какъ послать ихъ? Помогите, д'Орбиньи!

— Нѣтъ ничего легче. Послѣ завтра ѣдетъ въ Римъ Шантлу за Пуссенномъ: приготовьте письмо, онъ отдастъ его Маріи вмѣстѣ съ моимъ.

— Нельзя ли написать прямо въ Римъ? сказала Эвелина.

— Нѣсколько дней долѣе, но вѣрнѣе черезъ Марію; она для Джудиты сдѣлаетъ все на свѣтѣ, даже сама поѣдетъ; а Шантлу и безъ-того много порученій отъ короля и кардинала: неравно забудетъ.

На улицѣ послышался стукъ кареты, и черезъ нѣсколько секундъ вошли въ гостиную Депортъ съ Сенъ-Марсомъ.

— Сенъ-Марсъ! съ удивленіемъ воскликнулъ д'Орбиньи.

— Здравствуй, д'Орбиньи! Вотъ неожиданная встрѣча!

— Имѣю счастіе, сказалъ Депортъ, представить вамъ, маркизъ, мою жену и дѣвицу Эвелину де-Вальероль.

Сенъ-Марсъ ловко поклонился дамамъ; тѣ отвѣтили почтительнымъ поклономъ.

— Позвольте, капитанъ, сказала Джудита, представить вамъ моего мужа, Филиппа Депорта, о которомъ вы такъ много слышали.

— Имѣю величайшее счастіе рекомендоваться, говорилъ Депортъ: и не знаю, какъ благодарить случай....

— Очень радъ вашему знакомству, сказалъ

д'Орбиньи, протягивая руку: мы уже видѣлись у короля.

— Милости просимъ садиться, отвѣчалъ Депортъ, подавая кресла.

Всѣ усѣлись и бесѣда, самая пустая, ничтожная, продолжалась болѣе получаса. Д'Орбиньи былъ гораздо старше Сенъ-Марса, но тотъ долженъ былъ уступить ему въ любезности, увлекательной, откровенной, веселой, дѣтской. Сенъ-Марсъ походилъ на ученика, выпущеннаго на срокъ изъ коллегіума: глаза великаго разбѣжались, онъ находился въ величайшемъ затрудненіи: Эвелина, дѣйствительно, была прекрасна какъ ангелъ; но красота Джудиты, развязность, огненные взоры, невыразимая пріятность улыбки, гораздо сильнѣе дѣйствуютъ на юношу, которому женскій соблазнъ еще не сдѣлался приторнымъ; притомъ же положеніе великаго въ свѣтѣ и отношенія его съ Депортомъ обѣщали легкую, скорую побѣду: а на походѣ, куда думать о правильной, медленной осадѣ дѣвичьяго сердца?... Но и Эвелина такъ мила, такъ невинна, такъ похожа на Марію Неверскую!... но больше простоты, больше этой очаровательной, нѣжной чувствительности, которая оправдываетъ поэтическое сравненіе женщины съ розой, опустившей разцвѣтающую головку. Депортъ съ удовольствіемъ глядѣлъ на собесѣдниковъ, искоса только на одного д'Орбиньи. Посѣщенія капитана онъ не могъ себѣ объяснить ничѣмъ, и терялся въ догадкахъ. Д'Орбиньи не замѣчалъ ничего, и злилъ Сенъ-Марса, примѣтно побѣждая его въ глазахъ

Джудиты. Великій наконецъ рѣшительно былъ отрѣзанъ отъ хозяйки и, отъ нечего-дѣлать, отъ досады, прилежно занялся Эвелиной. Умъ и важность молодой де-Вальероль поразили его мѣтко, въ самое сердце: онъ началъ задумываться, глядя на Эвелину; д'Орбиньи подшучивалъ надъ нимъ; Депортъ торжествовалъ: во всю бесѣду онъ не произнесъ ни одного слова, какъ-будто его не было въ комнатѣ. Все, по его мнѣнію, шло на ладъ, какъ вдругъ раздался стукъ у крыльца, и въ гостиную вошелъ аббатъ Мазарини. Всѣ встали, но аббатъ за высокимъ д'Орбиньи и Сенъ-Марсомъ не могъ разглядѣть дамъ.

— Любезный другъ, сказалъ онъ Депорту, который почти въ дверяхъ его встрѣтилъ: представьте меня вашей женѣ и попросите извиненія, что я такъ поздно васъ обезпокоилъ. — Ахъ!... здравствуйте, маркизъ!—Капитанъ! и вы здѣсь?... Какое пріятное общество!

И Сенъ-Марсъ, и д'Орбиньи, были изумлены пріѣздомъ Мазарини. Сенъ-Марсъ съ бѣшенствомъ глядѣлъ на хозяина. Блѣдный, испуганный, Депортъ не зналъ куда дѣваться, что́ сказать. Въ замѣшательствѣ, схвативъ за руку Мазарини, онъ тащилъ его къ женѣ и съ трудомъ могъ произнести нѣсколько разъ сряду:

— Монсиньоръ.... Монсиньоръ Джуліо.... Мазарини.

— Мы знакомы, сказала Джудита такимъ голосомъ, что всѣ вздрогнули.

— Maladetta!... стуча зубами и посинѣвъ, проворчалъ Мазарини.

Депортъ выросъ отъ ужаса и пятился на корточкахъ въ уголъ комнаты. Эвелина, дрожа, обняла Джудиту, и спрятала головку за плечи несчастной. Сенъ-Марсъ схватилъ за руку д'Орбиньи и, казалось, глядѣлъ и слушалъ всѣмъ своимъ существомъ. А Джудита!...

Она стояла какъ мраморная статуя: смертная блѣдность смѣнилась багровымъ румянцемъ; руки поднялись и пальцы съёжились, какъ когти разгнѣванной тигрицы. Мгновеніе, — и она закричала отчаяннымъ голосомъ. — «Traditore!», и упала безъ чувствъ на софу. Эвелина упала съ нею, обливая слезами несчастную.

— Ѣдемъ, д'Орбиньи! сказалъ Сенъ-Марсъ.

— Нельзя!... я далъ слово Джудитѣ.

— Насъ ждутъ!

— Трагедія сейчасъ кончится.

Мазарини уже опомнился и, подходя къ Сенъ-Марсу, спросилъ:

— Съ кѣмъ это она нашла во мнѣ такое ужасное сходство?

— Съ капитаномъ Джуліо Мазарини, сказалъ д'Орбиньи.

— Ахъ, да! весьма быть можетъ.... Мой племянникъ капитанъ Мазарини, говорятъ, какъ двѣ капли воды похожъ на меня; но теперь не время ее разувѣрять.... Любезный Депортъ! отложимъ объясненіе; отложимъ и дѣло, за которымъ я пріѣхалъ.... Вы должны теперь употребить всѣ

супружескія средства и ласки, чтобы успокоить несчастную. А мы, господа, мѣшать ему не будемъ: не правда ли?

Все это было сказано такъ мягко, такъ плавно, что даже Сенъ-Марсъ повѣрилъ, и пошелъ за аббатомъ таща за руку д'Орбиньи. Но капитанъ, которому отъ Маріи очень хорошо была извѣстна вся исторія Джудиты, повиновался съ трудомъ легковѣрному Сенъ-Марсу и повторялъ сквозь зубы: «Tradittore! Tradittore!»

ВОЗВРАЩЕНІЕ НА РОДИНУ.

..... A due morti mi avvicino.
D'una so certo e l'altra mi minaccia.
(MICHEL ANGELO BUONAROTTI).

—

ГЛАВА IX.

АУДІЕНЦІЯ.

Въ Тюильрійскомъ Дворцѣ собрался дворъ, ожидая прибытія короля. Королева въ отдаленныхъ покояхъ готовилась къ посѣщенію непріятному, тягостному. Кардиналъ Ришліё, въ особой комнатѣ, больной, измученный, сидѣлъ въ креслахъ; его окружали де-Нойе́, Шавиньи, Мазарини, канцлеръ и другіе чины. Шантлу и кавалеръ д'Орбиньи, въ большой залѣ, въ глубокомъ окнѣ, тихо разговаривали. Депортъ, въ другомъ окнѣ, разсказывалъ какому-то нарядному придворному, преклонныхъ лѣтъ, объ успѣхахъ своей школы, о ничтожности и педантизмѣ Вуэ и его товарищей. Нарядный, къ несчастію, самъ дѣлалъ дрянные очерки перомъ и слылъ при дворѣ художникомъ: всѣ альбомы придворныхъ дамъ были обезображены его перомъ. Каждый праздникъ онъ подносилъ королю и королевѣ по одному рисунку, и получалъ въ награду

милостивое слово, а иногда и приглашеніе къ охотѣ или къ туалету. Онъ былъ счастливъ, и рисункамъ не было конца. Вуэ неосторожно произнесъ какъ-то: свое мнѣніе о произведеніяхъ наряднаго господина, и съ тѣхъ поръ непримиримая вражда возникла между отцомъ французской живописи и маркизомъ Дезюмидъ: такъ назывался нарядный. Маркизъ не мало помогалъ намѣреніямъ Депорта, самъ не зная того: онъ разносилъ по гостинымъ тѣ клеветы и обвиненія, которыхъ Депортъ не рѣшался выпускать въ свѣтъ подъ своимъ именемъ. Они разговаривали дружески, потому что предметъ разговора ласкалъ ихъ общую злобу. Между-тѣмъ, вошелъ маршалъ Шатильонъ съ выраженіемъ досады и неудовольствія. Д'Орбиньи замѣтилъ его, оставилъ Шантлу и, взявъ маршала за руку, повелъ въ смежный покой.

— Отчего вы не были въ Бульонскомъ Дворцѣ? спросилъ д'Орбиньи; я полагалъ, что васъ нѣтъ въ Парижѣ.

— Я сидѣлъ, господа, по вашей милости, въ Рюэлѣ, и слушалъ длинныя наставленія кардинала, какъ дѣйствовать противъ герцога Бульонскаго.

— Неужели онъ уже знаетъ о возмущеніи?

— Какъ-нельзя лучше! Мѣстныя свѣдѣнія всѣ у него. По-счастію, ему неизвѣстно, что у Бульона въ Парижѣ есть сильные и умные друзья.... А что, герцогъ Орлеанскій былъ съ вами?

— Представьте! мы съ Сенъ-Марсомъ были у одной знакомой дамы. Неожиданное происшествіе насъ разогнало; было еще рано, но мы не хотѣли

нигдѣ показываться и отправились въ бульонскія палаты. Входимъ: и что же? Гастонъ Орлеанскій сидитъ уже за столомъ съ толпою друзей!

— Вотъ мнѣ и не нравится эта толпа. Генрихъ, твой сонменникъ тоже дѣлаетъ глупости: завелъ себѣ какого-то Депорта, весьма подозрительнаго человѣка.

— Извините, маршалъ! Вы знаете, что всѣ парижскіе жиды на нашей сторонѣ.

— Благодарю за общество! сказалъ Шатильіонъ, отворачиваясь.

— Успокойтесь! эта мѣра необходима; жиды изъ нашихъ тайнъ не знаютъ ни одной, а мы получаемъ весьма важныя и замѣчательныя извѣстія. И мудрый Эвоэ приставилъ къ Депорту какого-то весьма умнаго и проворнаго слугу.

— Смотри, Генрихъ! вы ведете свое дѣло какъ дѣти и, вѣроятно, кардиналъ уже знаетъ о вчерашней бесѣдѣ въ Бульонскомъ Дворцѣ.

— Какъ бы не такъ! Въ главномъ этажѣ Бульонскаго Дворца играла музыка; всѣ люди герцога были собраны съ женами, дочерьми и знакомыми; плясали до утра и, по причинѣ бала у герцогскихъ людей, никто не обращалъ вниманія на наше собраніе. Фонтрай стоялъ у калитки: онъ знаетъ всѣхъ нашихъ и показывалъ дорогу.

— Такъ предпріятіе по вашему мнѣнію идетъ удачно!

— Бульонъ своимъ возстаніемъ нѣсколько повредилъ нашему дѣлу. Надобно было дождаться, поко война съ Испаніей не разгорится въ полной

силъ; но вы маршалъ, увѣдомили Бульона, что войска выступятъ двѣнадцатаго, а между-тѣмъ они вышли вчера, почти черезъ мѣсяцъ, и Бульонъ ошибся въ расчетѣ. Впрочемъ, мы положили отправить Фонтрайя сегодня же въ Испанію съ предложеніемъ мирнаго трактата отъ имени Гастона и французскаго дворянства. Мнѣ поручено васъ объ этомъ увѣдомить.

— Что же мнѣ дѣлать?

— Сообразитесь на мѣстѣ. Само счастіе назначило васъ начальникомъ военныхъ дѣйствій противъ герцоговъ Бульонскаго, Соассонскаго и молодаго Гиза, котораго такъ обидѣлъ кардиналъ въ лицѣ Маріи Неверской.

— А онъ, безъ шутокъ, сватался?

— Да; но кардиналъ отвѣчалъ Гизу, что Марія принадлежитъ Франціи, какъ орудіе ея политики.

— Какъ иногда и умные люди дѣлаютъ глупости! Этимъ онъ оттолкнулъ отъ себя и Сенъ-Марса.

— Рѣшительно. Теперь мы можемъ на него вполнѣ полагаться. Боюсь одного: не опоздалъ ли онъ сегодня въ Сенъ-Жерменъ?... Тогда король узнаетъ о возстаніи герцога Бульонскаго отъ кардинала, а это будетъ плохо. Надобно убѣдить короля, что не одинъ только Ришліё можетъ знать тайны государственныя, и что пора его миновалась.

— Кажется, пріѣхалъ король.

— Да; шумъ.... Пойдемъ въ залу.

—

Король вошелъ въ покои, гдѣ сидѣли королева и Марія Неверская. Церемоніальныя привѣтствія окончились.

— Вы ѣдете, ваше величество? спросила Анна Австрійская не безъ трепета.

— Вы сильно препятствуете, королева, но это минутная отсрочка; и никто уже вамъ помогать не будетъ. Я найду средства лишить французскую королеву возможности вредить своему государству.

— Государь!

— Оставьте, ваши оправданія. Братъ мой, Гастонъ, и герцоги дѣйствуютъ по вашему желанію вмѣстѣ съ вашими Испанцами. Все утѣшеніе въ томъ, что они называютъ себя *князьями мира*. Пожалуй, миръ! Но я имъ предпишу условія, которыя вашему величеству не понравятся. Тогда маркизъ де-Кокъ и всѣ рыночные писатели посмѣются. Нечего дѣлать! вы заставляете.

— Клянусь вамъ, государь....

— Ахъ перестаньте! Сколько клятвъ я уже имѣлъ терпѣніе прослушать! Позвольте узнать о здоровьѣ моего сына.

— Онъ здѣсь, ваше величество, онъ здѣсь.

И ребенокъ дофинъ, въ сопровожденіи дамъ и нянекъ, вошелъ въ комнату.

— Я думаю, ты уже выучилъ много словъ? спросилъ король, взявъ на руки сына: какъ тебя зовутъ?

— Людовикъ Четырнадцатый, отвѣчалъ весьма чисто дофинъ.

— Пока еще не Четырнадцатый, сказалъ король, нахмурясь и поставивъ ребенка на полъ. — Вотъ, чему его учатъ! съ досадой продолжалъ онъ, обращаясь къ Сенъ-Марсу: пойдемъ, а то еще услышимъ что-нибудь хуже....

—

— А, mon cousin! воскликнулъ король, входя въ комнату, гдѣ сидѣлъ кардиналъ съ Мазарини и совѣтниками. Зачѣмъ вы безпокоитесь? Я хотѣлъ самъ быть у васъ.

— Дѣла больной важности, ваше величество.

— Послушаемъ, послушаемъ, отвѣчалъ король, обращаясь къ Сенъ-Марсу.—Садитесь, mon cousin, садитесь.

Ришліё не садился, пока Сенъ-Марсъ не подалъ креселъ королю.

— И такъ! сказалъ король, глядя на потолокъ.

— Всѣ мои старанія сохранить миръ внутри государства остаются безуспѣшными, оттого что милосердіе и добросердіе нерѣдко мѣшаются въ вашу политику. Врагъ общественнаго порядка и личный врагъ вашего величества, герцогъ Соассонскій, проживалъ съ дозволенія вашего въ Седанѣ, у герцога Бульонскаго. Государь, вы изволите припомнить, я несогласался; но вашему величеству угодно было назначить изгнаннику срокъ пребыванія въ Седанѣ не болѣе четырехъ лѣтъ. Истекли четыре года; я потребовалъ выдачи герцога Соассонскаго....

— И не ужели вы думали, прервалъ король,

что благородный Французъ выдастъ человѣка, который пришелъ искать у него покровительства? Вы знали послѣдствія вашего требованія напередъ, и нашли выгоднымъ довести моего добраго вассала до крайности! Бульонъ въ полѣ; испанская армія пойдетъ на него: маршалъ Шатильонъ получитъ сегодня же мои приказанія. Вы должны быть довольны нами, mon cousin; мы увольняли васъ отъ труда заниматься военными дѣлами, когда здоровье ваше такъ слабо; берегите драгоцѣнное здоровье, берегите его для испанской войны.

Король съ Сенъ-Марсомъ вышли въ большую залу. Оглушенный неожиданной энергіей короля, Ришліё побагровѣлъ, колика стала мучить его нестерпимо, лицо исковеркалось; но ни одинъ звукъ не обнаружилъ его страдальческаго положенія. Чрезъ минуту онъ даже улыбнулся и приказалъ нести себя домой. Между-тѣмъ, король, увидѣвъ Шантлу, обратился къ нему и ласково спросилъ:

— Когда вы ѣдете?

— Я хотѣлъ откланяться вашему величеству.

— Счастливой дороги и успѣха! Во что́ бы то ни стало Шантлу, во что́ бы то ни стало!—Шатильонъ! а вы когда ѣдете?

— Куда, ваше величество?

— На войну.

— Ожидаю приказаній.

— Вы ихъ получите сегодня ввечеру.... и не медлите ни одного дня!... Успѣхъ зависитъ отъ быстроты. Доносите мнѣ прямо въ Ренсъ о вашихъ побѣдахъ.

Поговоривъ еще съ нѣкоторыми изъ придворныхъ, король вышелъ съ Сенъ-Марсомъ. На лѣстницѣ встрѣтили ихъ Гордъ и Дюбоа.

— Гордъ! сказалъ король, сегодня ты поѣдешь со мной; а Сенъ-Марсу некогда: ему надобно проститься съ друзьями. Не такъ ли?

— Если ваше величество позволите....

— Ступай, ступай шалунъ! я за тобой пришлю Горда.... Но куда?

— Я ему скажу, ваше величество.

— А почему же не мнѣ?

— Кчему вамъ знать мои тайны?

— Конечно, конечно! Можетъ-быть, моему слуху и неприлично слышать названія лицъ, которыхъ господинъ Великій удостоиваетъ своею дружбой. Ну, говорите, говорите: я не слушаю.

— А послѣ спро́сите у Горда.

— Какъ тебѣ не стыдно, Сенъ-Марсъ.

— Простите, Государь! — и тихо на ухо сказалъ онъ Горду: — Въ Вандомскомъ Дворцѣ.

Между-тѣмъ Дюбоа подошелъ къ королю и сказалъ:

— Ваше величество, кардинала понесли изъ дворца чуть не мертваго.

— Мы его огорчили, Дюбоа; но нѣтъ ни какихъ средствъ выдержать. — Поѣдемъ, Гордъ, поѣдемъ.

— Во дворецъ Ришліё! крикнулъ Дюбоа, задергивая занавѣски, служившія вмѣсто дверецъ, и карета тихо тронулась.

—

ГЛАВА X.

ТАЙНА.

Сенъ-Марсъ не обманулъ Горда и отправился къ Депорту. Какъ и вчера, на мраморныхъ львахъ сидѣли тѣ же Гаръ-Піонъ и Гойко и, увидавъ Сенъ-Марса, оба вскочили. Маркизъ вынулъ кошелекъ и каждому далъ по червонцу. Гойко спряталъ свой быстро; Гаръ-Піонъ чинился; но Сенъ-Марсъ приложилъ еще два и сказалъ ласково:

— Старому солдату не грѣхъ взять подарочекъ отъ молодаго капитана.

— Правду изволите говорить, капитанъ: моего господина нѣтъ, такъ пожалуй я вамъ послужу; только не въ этомъ домѣ.

— А почему, мой добрый драгунъ?

— Не скажу, а знаю.

— Ну, такъ доложи своей госпожѣ, что пришелъ маркизъ д'Эффіа, великій конюшій его величества.

Гаръ-Піонъ вытянулся въ столбъ и нѣсколько мгновеній не могъ произнести ни слова; потомъ, какъ-будто опомнясь, надѣлъ шапку, пошолъ къ дверямъ крыльца и, оборотясь къ Сенъ-Марсу, сказалъ:

— Хоть бы самъ король, не пущу.

— Что́ это значитъ? со смѣхомъ спросилъ Сенъ-Марсъ.

— Капитанъ оставилъ дочь на мои руки: такъ ужъ извините! У бѣдной дѣвушки теперь нѣтъ другаго защитника.

— У какой дѣвушки? спросилъ Сенъ-Марсъ. Я хотѣлъ видѣть госпожу Депортъ: имѣю порученіе отъ мужа: онъ остался во дворцѣ, а тутъ есть королевское дѣло.

— Милости просимъ, господинъ капитанъ! милости просимъ, ваше сіятельство!... Сейчасъ доложу; пожалуйте, пожалуйте. Тутъ вамъ ожидать не приходится.

Гойко хохоталъ, глядя на проводы Сенъ-Марса.

— Пустилъ сокола въ птичникъ! вскричалъ Гойко, помирая со смѣху: а червонцы помогли! Черный народъ, какъ грязная рука, любитъ носить свѣтлые металлы.

Гаръ-Піонъ возвратился и опять сѣлъ на свое мѣсто.

— Ну, теперь купи у меня языкъ, сказалъ Гойко.

— А на что́?

— Увидишь.

— Скажи: сто́итъ, такъ и безъ уговору заплачу.

— Вотъ, видишь.... На тебя можно положиться: заплатишь. Дѣло вотъ въ чемъ. Депортъ знакомитъ и свою жену и госпожу твою съ этими господами.

— Да зачѣмъ?...

— За деньги, за вѣсъ, за силу. Такіе люди чортъ знаетъ куда попадаютъ! Мою жену выдали за пять сотъ червонныхъ сыну вотъ этого самаго герцога Вандомскаго.... Да грѣхъ ихъ попуталъ! Ночью увели отъ меня Сару. Я все узналъ, но

поздно. Бѣгу; не тутъ-то было: слѣдъ простылъ. На третій день уже открылъ я, что жена не досталась молодому развратнику, но что городскіе стрѣлки ее захватили со всѣми людьми герцога, и въ тюрьму.... Я въ ратушу.... Голова — человѣкъ умный.... «Нельзя, говоритъ: сегодня мы выслали всѣхъ Вандомовъ изъ Парижа по приказанію кардинала; люди ихъ нужны для уголовнаго дѣла, а Сару и можно бы выпустить, да надо выкупъ.» — Какой выкупъ? — «Да видишь, любезный: вѣдь она жидовка....» Я клялся, божился: голова не вѣрилъ. — «На пыткѣ, говоритъ, все узнаемъ; а выпустить можно, по человѣчеству, изъ состраданія; можно.... да она жидовка: такъ ратушѣ прійдется очищать себя за эту милость обѣднями и милостыней: вѣдь это разорительно; жечь также нынче дорого стóитъ: длинный церемоніалъ; такъ мы бы и рады выпустить, да на свой счетъ этого сдѣлать не можемъ: пусть посидитъ, а можетъ-быть, Богъ поможетъ тебѣ промыслить пять сотъ червонныхъ. Тогда, дѣло другое! А не достанешь, такъ мы ее пристроимъ. Нынче молодежь щедра, и намъ заплатитъ за содержаніе и расходы, а грѣхъ на себя прійметъ.» Изверги! подумалъ я; молилъ, просилъ; голова смѣялся. Въ отчаяніи, я прибѣжалъ къ отцу; но его не было: съ-тѣхъ-поръ я каждый день вижу Сару, отдаю головѣ деньги: онъ уже началъ служить обѣдни. Но бѣдность моя горькая.... и ста червонныхъ еще не успѣлъ заплатить: а уже четыре мѣсяца! Дай Богъ головѣ здоровья по-край-

ней-мѣрѣ особая комната, хорошая пища. И у меня теперь нѣтъ другой квартиры; я живу въ темницѣ.

— На тебѣ, всѣ три! сказалъ Гаръ-Піонъ, подавая Гойкѣ полученные имъ червонцы.

Гойко плакалъ и цѣловалъ руки Гаръ-Піона.

— Давай плутовать вмѣстѣ, сказалъ Гаръ-Піонъ: авось насытимъ голову.... Только послушай, Филиппъ: вѣдь ты жидъ!

— Человѣкъ! отвѣчалъ жалобно Гойко.

— Ну, коли жидъ, такъ еще не человѣкъ.... да ужъ такъ и быть! Кармелитъ Симонъ отпуститъ такой грѣхъ; а если ты не человѣкъ, такъ мнѣ человѣкомъ быть это не помѣшаетъ.

— И я тебя называлъ дуракомъ!... Ты умнѣ какъ раввинъ! Ты умнѣе многихъ богатыхъ людей.

— Можетъ быть, если умъ въ честности.... Посмотрѣть, что́ дѣлаютъ господа!

— Ступай, Гаръ-Піонъ! Теперь я твой слуга до гроба!

Гаръ-Піонъ пошелъ наверхъ; Гойко, отирая слезу, сказалъ вслѣдъ драгуну:

— Погоди, служивый: эти три червонца выростутъ тебѣ же впрокъ. Ты будешь благодаренъ не-человѣку.

Гойко усѣлся на прежнемъ мѣстѣ и не спускалъ глазъ съ улицы.

—

Сенъ-Маръ вошелъ неожиданно, когда Эвелина читала новую комедію Корнеля: «Вдова.» Она отъ

души хохотала, но изъ восторга комическаго перешла въ трагическій ужасъ, увидавъ Великаго.

— Маркизъ! сказала она трепещущимъ голосомъ, собираясь уйти.

— Простите, если я прервалъ ваше пріятное чтеніе. Что это вы читали?

— «Вдову,» комедію Корнеля.

— И вамъ не скучно?

— Напротивъ, я хохочу все время, какъ ребенокъ. Такъ смѣшно!

— Право?

— Ей Богу!

— Вы, вѣрно не читали Скаррона?

— Джудита не позволяетъ.

— Не позволяетъ? О, какая неумѣстная скромность! Я вамъ подарю экземпляръ одного сочиненія Скаррона, писанный собственной его рукою.

— А я его сожгу не читавши.

— Такъ я вамъ и не подарю.

— И не дарите.

— Такъ я вамъ лучше подарю мое сердце.

— Это чье твореніе?

— Божье! Но вы лукавы, очаровательная Эвелина; вы смѣетесь, потому что въ самомъ дѣлѣ смѣшно дарить, что уже давно принадлежитъ вамъ.

— Давно? Я васъ не понимаю, маркизъ.

— Не хотите понять. О, я знаю, что вамъ прокричали про меня наши рамбульетскія совы, эти блистательныя писательницы, сплетницы высшаго круга!

— Я не знаю ихъ, точно такъ же, какъ и васъ, маркизъ.

— Не притворяйтесь!.. не притворяйтесь! Вашъ умъ, ваша начитанность, слогъ вашего разговора, все измѣняетъ вамъ. Я слишкомъ опытенъ, и самъ принадлежу иногда къ рамбульетскимъ фразёрамъ.... Но съ вами сердце говоритъ откровенно: ваши глаза уничтожаютъ способность къ блистательной лжи; ваша улыбка обезоруживаетъ уста подготовленнаго оратора.... съ вами по-неволѣ сдѣлаешься скромнымъ, невиннымъ....

Эвелина расхохоталась.

— Чему вы смѣетесь? спросилъ Сенъ-Марсъ.

— Да вы говорите изъ комедіи Корнеля; только въ прозѣ!

Опытный волокита смѣшался; лукавая улыбка Эвелины еще болѣе умножила его смущеніе.

— Это потому вамъ такъ кажется, что вы никогда не любили, сказалъ Сенъ-Марсъ, оправясь.

— Ваша опытность не ошиблась.

— Вотъ, видите! Полюбите, и вы признаете въ словахъ моихъ искренность.

— Я послѣдовала бы вашему совѣту, маркизъ; но, говорятъ, еще рано.

— Самое лучшее время! Но какъ бы я желалъ, чтобы изъ одержанныхъ побѣдъ вамъ понравилась послѣдняя!

— А я полагаю, маркизъ, что первая слаще.

— Кто же этотъ счастливецъ?

— Надобно справиться; теперь не помню.

— Забудьте его, Эвелина, и помните, что по-

бѣдитель тогда счастливъ, когда умѣетъ остановиться въ своихъ завоеваніяхъ.

Опрометью вбѣжалъ Депортъ и, остановясь возлѣ Сенъ-Марса, не могъ произнести ни слова.

— Что́ съ вами, любезный другъ?

— Ступайте въ вашу комнату! сказалъ строго Депортъ, схвативъ за руку Эвелину; но́ она не обращала ни какого вниманія на бѣшенаго Филиппа и съ ласкою сказала Сенъ-Марсу:

— Простите, маркизъ, за невѣжливость: только теперь вспомнила!... прошу садиться.

И она сѣла; Сенъ-Марсъ сѣлъ возлѣ нея. Вошла Джудита, отлично одѣтая, и, какъ пышная роза въ полномъ цвѣтѣ, помавая роскошной головкой, усѣлась между Эвелиной и Сенъ-Марсомъ.

— Продолжайте, продолжайте, сказала она, рукою удерживая Сенъ-Марса въ креслахъ: я слышала вашъ разговоръ и пришла учиться. — Садитесь, Депортъ. Что́ это при гостяхъ вы всегда стоите? Какая дурная привычка!

Филиппъ сѣлъ. Сенъ-Марсъ засмѣялся и сказалъ Джудитѣ:

— Какъ это съ вашимъ умомъ вы не исправите моего друга? Онъ ужасно робокъ.

— Врожденное! съ коварной улыбкой отвѣчала Джудита: и я потеряла надежду....

— А мнѣ казалось, что вы способны передѣлать самую непокорную природу.

— Ва́мъ это показалось, добрый маркизъ: а я и себя не могу еще передѣлать. Напримѣръ, вчера, этотъ аббатъ такъ испугалъ меня....

— Вы узнали его, Джудита, и въ этомъ платьѣ?

— Именно меня и перепугала его одежда; со смерти отца и матери я такъ боюсь въ домѣ своемъ....

Джудита не окончила: вошелъ Гаръ-Піонъ и доложилъ, что какой-то господинъ Гордъ, придворный его величества, спрашиваетъ господина великаго.

— Король всегда намъ мѣшаетъ! проворчалъ Сенъ-Марсъ.

Джудита вздохнула.

Гаръ-Піонъ ушелъ.

— Промѣнять такое общество на скучную сенъ-жерменскую бесѣду!... Согласитесь, очаровательныя дамы, что это убійственно; стóить отчаянія, обморока.... если бы намъ позволено было падать въ обморокъ.

— Вы очень любезное дитя, отвѣчала Джудита: но ужъ мнѣ не приходится участвовать въ вашихъ дѣтскихъ шалостяхъ и огорчать добраго короля, лишая его любимой игрушки.

Сенъ-Марсъ вспыхнулъ.

— Оставайтесь, отвѣчала Джудита, взявъ за руку Эвелину и уходя изъ комнаты, но бросивъ на Сенъ-Марса такой взоръ, котораго и соборъ мудрецовъ не растолковалъ бы психологически: оставайтесь; намъ пора въ церковь.

— Любезный Депортъ, твои дамы свели меня съ ума! сказалъ Сенъ-Марсъ, когда дамы ушли.

Депортъ молчалъ.

— Я не вижу большаго преступленія, если на-

хожу въ ихъ бесѣдѣ цѣлое море истиннаго, чистаго наслажденія.

Депортъ молчалъ.

— Ты мнѣ позволишь навѣщать твою семью!

— О, если бы я могъ запретить вамъ, маркизъ, проходить мимо оконъ моего дома!

— Это почему?

— И вы еще спрашиваете! сказалъ Депортъ, почти плача. Какія намѣренія могутъ оправдать ваше желаніе?

— Какъ знать, Депортъ! Можетъ-быть, я имѣлъ честь разговаривать съ двумя будущими герцогинями! Грядущее закрыто! И чѣмъ эта Комбалé, эта герцогиня Эгильіонская, лучше твоихъ дамъ? Такая же бѣдная французская дворянка. Племянница кардинала Ришліё, и только!

— Это одно изъ тѣхъ обѣщаній, о которыхъ вы говорили въ Сенъ-Жерменѣ?

— Дай срокъ, Депортъ, значительно отвѣчалъ Сенъ-Марсъ: и я докажу.

Вошелъ Гаръ-Піонъ.

— Господинъ Гордъ говоритъ, что король дожидается васъ уже въ Луврѣ.

— Прощай, Депортъ! Мы успѣемъ переговорить. Пріѣзжай въ Сенъ-Жерменъ.

— Когда прикажете!

— Сегодня; сейчасъ.

—

ГЛАВА XI.

УСЛОВІЕ.

Сенъ-Марсъ ушелъ съ Гаръ-Піономъ.

— Куда пошли дамы? спросилъ Сенъ-Марсъ на лѣстницѣ.

— Извѣстное дѣло, отвѣчалъ Гаръ-Піонъ, въ церковь....

И онъ вѣроятно бы сказалъ все, если бы Гойко не дернулъ его сзади за полу.

— Въ какую церковь? спросилъ Сенъ-Марсъ.

— Оно бы можно сказать вамъ, маркизъ, отвѣчалъ Гойко, да господа не приказывали.

— Вотъ тебѣ, любезный другъ!

Сенъ-Марсъ сунулъ Гойкѣ денегъ.

— Что, Гаръ-Піонъ, вѣдь маркизъ насъ не выдастъ!

Гаръ-Піонъ покраснѣлъ и закрутилъ единственный свой усъ.

— Ну, товарищъ! капитанъ и уходя своихъ не забываетъ.

И нѣсколько золотыхъ монетъ зазвенѣли въ рукѣ Помпея.

— Только не выдайте, капитанъ! отворотясь говорилъ Гаръ-Піонъ: по сосѣдству, къ Святому Роху.

— Ради Бога, маркизъ, спѣшите! сказалъ Гордъ, ожидавшій Сенъ-Марса на крыльцѣ.

— Да какъ же я поспѣшу безъ носилокъ или безъ кареты!

— Далеко-ли!

— Пѣшкомъ!... Покорнѣйше благодарю!... у меня нога болитъ.... Я потащусь пажкомъ, а вы бѣгите и принлите за мною носилки къ церкви Святаго Роха.

Гордъ бросился со всѣхъ ногъ по улицѣ, ворча про себя:

— Капризный мальчишка! Старые дворяне должны бѣгать за носилками для безбородаго любимца!

—

Джудита и Эвелина изъ притвора церки видѣли, какъ вошелъ Сенъ-Марсъ и осматривалъ всѣхъ молелыщицъ.

— Не станемъ, сказала Джудита, оскорблять святыни грѣшными мыслями и насмѣшками. Пока онъ ищетъ насъ въ противоположномъ притворѣ, уйдемъ.

Сенъ-Марсъ обошелъ всѣ притворы, всѣ скамьи, и съ досадой вышелъ на паперть, гдѣ Гордъ стоялъ уже съ носилками.

— Меня обманули! сказалъ онъ съ досадой. Впрочемъ, у меня есть еще съ кѣмъ увидѣться передъ отъѣздомъ. Воатюръ не даромъ говоритъ, что число, мною изѣранное, самое счастливое. Семь возлюбленныхъ и одна любовь: это верхъ Овидіева искусства!... Но зачѣмъ онъ это пишетъ! Проклятыя его письма читаютъ вездѣ, отъ гостиной Рамбулыетскаго Дворца до уборной королевы.

— Король сердится, замѣтилъ Гордъ, и Сенъ-

Марсъ, вскочивъ въ носилки, закричалъ со злостью:
— Несите, несите!...

—

— На что это похоже, Сенъ-Марсъ? сказалъ король. Вы заставляете меня дожидаться два часа въ этомъ скучномъ Луврѣ, гдѣ бы я не желалъ оставаться минуты! Пусть кардиналъ дѣлаетъ съ вами, что хочетъ; пусть назначитъ васъ маршаломъ противъ Бульона; все, что ему угодно. — Гордъ! вы поѣдете со мной въ Сенъ-Жерменъ, а маркизъ потрудится отнести эту записку къ кардиналу.

Король ушелъ съ Гордомъ, бросивъ на столъ запечатанную записку. Въ галереѣ Людовикъ остановился и спросилъ:

— Ну, что Сенъ-Марсъ?

— Задумался отвѣчалъ Гордъ.

— Можетъ-быть, и совсѣмъ одумается! Кажется, я схитрилъ удачно. Ѣдемъ, ѣдемъ, Гордъ!

Сенъ-Марсъ точно задумался: но объ чемъ? Письмо Воатюра опять пришло на умъ молодаго волокиты.

— Семь! Нѣтъ, Воатюръ. Не семь, а десять.... Но тринадцати никогда не будетъ! И эти двѣ.... О, какъ еще далека побѣда!... Конечно, Джудита.... Но передъ отъѣздомъ надобно кончить это дѣло.... надобно увѣриться....

Сенъ-Марсъ спряталъ записку, и побѣжалъ почти бѣгомъ по длиннымъ галереямъ, говоря съ дѣтскимъ веселіемъ:

— Слава Богу, хоть отсрочку подарилъ король! Часа два, три промедлить можно.

—

— Что это все значить, Джудита? спросилъ Депортъ, когда Джудита, возвратясь изъ церкви, и не снимая своего богатаго костюма, вошла въ гостиную съ Эвелиной.

— А что такое?

— Да я ничего не могу понять въ вашемъ поведеніи!

— Да и не трудитесь, Депортъ! Мои загадки замысловатѣе вашихъ. Сколько лѣтъ я плакала и одиночествовала какъ вдова Корнеля!... Мнѣ понравилась философія вчерашней комедіи, и я рѣшилась послѣдовать совѣтамъ житейскаго мудреца. А вы, сдѣлайте милость, не мѣшайтесь въ мои дѣла, какъ я не мѣшаюсь въ ваши, и поѣзжайте куда-нибудь, потому что вы скоро будете лишнимъ въ нашемъ обществѣ.

— Нѣтъ, Джудита! не забудьте, что подъ нашимъ попечительствомъ сирота; за ея нравственность мы отвѣчаемъ. Можно ли мнѣ позволять, чтобы невинная Эвелина смотрѣла на такіе примѣры безстыдства и соблазна? Скажите, когда вы успѣли познакомиться съ Мазарини, съ д'Орбиньи?... съ однимъ поссориться, съ другимъ подружиться? Какъ мужъ, я требую отчета.

— Но вы пропустили Сенъ-Марса. Я не уступлю его Эвелинѣ, клянусь, не уступлю! Онъ мнѣ нравится; онъ еще ребенокъ и я займусь его воспитаніемъ.

— Но какъ это вы.... до сего времени такая скромная, такая постоянная.... и вдругъ три поклонника.

— А мнѣ казалось, что я угождаю вамъ, помогаю вашимъ намѣреніямъ; строю ваше счастіе. Вотъ, Эвелина, благодарность за наши старанія. Такъ я никогда не буду маркизой, герцогиней, даже дворянкой? Посмотрите: Фукіерру король подарилъ шпагу; а вы совсѣмъ безъ честолюбія, Депортъ. Я это замѣтила, и сама принялась за дѣло... Я рада даже съ Мазарини помириться, но только цѣною шпаги моему Филиппу.

— Ангелъ мой, Джудита, наконецъ ты взялась за умъ!

— Другъ мой, лѣта — самые убѣдительные совѣтники.... Но ты сегодня сидишь дома, а теперь одинъ день стóитъ года?

— Твоя правда. Прощай!

— Прощай, мой другъ! Не правда ли, и тебѣ и мнѣ теперь веселѣе?

— Джудита!... Ты сегодня же увидишь, какъ я тебя хорошо понялъ.

—

Депортъ, выходя на улицу, встрѣтилъ Сенъ-Марса уже на крыльцѣ своего дома.

— Ахъ, маркизъ! вы опоздали одной минутой, сказалъ опечаленный Депортъ; онъ уѣхали за городъ съ какимъ-то кавалеромъ.

— Какъ! А вы не знаете кто онъ?

— Да какое мнѣ дѣло? Дряхлый богачъ; пусть

дурачится: на этихъ Адонисовъ я глажу сквозь пальцы.

— Куда же вы теперь?

— Есть небольшое дѣло; а потомъ въ Сенъ-Жерменъ, по обѣщанію.

— Пріѣзжайте, пріѣзжайте! А я на минутку къ кардиналу.

Оба бросились, каждый въ свою карету, и разъѣхались.

—

— Ординарный живописецъ Филиппъ Депортъ! сказалъ за дверьми слуга.

— Всѣ двери настежъ! закричалъ Мазарини, вскочивъ съ кресель.

— Теперь вы мнѣ родной, говорилъ аббатъ, обнимая Депорта: но такой, съ которымъ надо вести тяжбу до конца жизни.

— Нельзя ли, Господинъ Аббатъ кончить полюбовной сдѣлкой? отвѣчалъ Депортъ сухо и холодно.

Аббатъ взбѣсился и закричалъ:

— Можно, неаполитанскій каменщикъ, можно!... если не хотите опять висѣть: только не на потолкахъ!

— Кчему такая горячка, капитанъ? Не знаю, кто̀ будетъ въ накладѣ. Шантлу еще не уѣхалъ, и король будетъ просить святѣйшаго отца о бѣдной Джудитѣ....

— Вы съ ума сошли, любезный Депортъ! Сказки вышли изъ моды, и я слишкомъ долго щадилъ

васъ.... Но приступимъ къ сдѣлкѣ прямо, откровенно; отложимъ тонкости политической науки, все въ сторону: насъ должно занимать только дѣло.... Во-первыхъ, мои дѣти должны мнѣ быть выданы сегодня же.

— Этотъ пунктъ можете рѣшить съ Джудитой.

— Но она не согласится меня видѣть.

— И! перестаньте! Это только такъ, отъ внезапности.

— Стефано! Стефано! закричалъ Мазарини: одѣваться.

— Э, нѣтъ аббатъ! позвольте!... Даромъ ни шагу! Гдѣ залоги вашей скромности?

— Возьмите, назначьте все, что хотите!

— Безъ шутокъ, аббатъ?

— Безъ шутокъ!

— Такъ этотъ крестъ будетъ мнѣ залогомъ.

Депортъ схватилъ каноническій крестъ, лежавшій на столѣ.

— Нельзя, Депортъ! сказалъ Мазарини, поблѣднѣвъ.

— Нельзя иначе, аббатъ. На другія условія я не соглашаюсь.

— Дайте мнѣ его на минуту.

— Ни на мгновеніе.... Угодно?

— Нѣтъ!

— Такъ прощайте!

Онъ положилъ крестъ на свое мѣсто.

— Извольте, извольте!... такъ и быть! съ улыбкой сказалъ аббатъ, взялъ крестъ и пожалъ пружинку; смертная блѣдность покрыла лицо Ма-

зарини; онъ бросился къ дверямъ и въ бѣшенствѣ закричалъ:

— Гдѣ, гдѣ онѣ?

— Въ моихъ рукахъ! отвѣчалъ Депортъ, показывая горсть плотно сложенныхъ бумажекъ.

— И пока въ моемъ домѣ! сказалъ аббатъ, заперъ двери и положилъ ключъ въ карманъ.

— Но какой же залогъ вы можете предложить мнѣ въ замѣнъ этихъ ничтожныхъ бумажекъ? спросилъ Депортъ, протянувъ руку съ записками въ растворенное окно.

— Все, что вамъ угодно! Герцогство, когда буду министромъ.

— Такъ пока вы будете министромъ, не угодно ли пожаловать мнѣ шпагу.

— И только? спросилъ обрадованный Мазарини.

— Только, на-сегодня. Шпага — ключъ къ моему дому; все прочее зависитъ отъ Джудиты: вы съ ней поладите! Она готова помириться.

Кто-то постучался у дверей.

— А, кстати, Стефано!... Носилки! я ѣду къ кардиналу, сказалъ Мазарини громко, а потомъ, понизивъ голосъ: за дворянствомъ Депорту.

— Кардиналъ уѣхалъ въ Рюэль, отвѣчалъ Стефано.

— Такъ лошадей!

— Вотъ ваши тайны, аббатъ. До свиданія! Не забудьте условія.

— Слава Богу! говорилъ Мазарини, оставшись одинъ и во второй разъ пересчитывая бумажки. отдѣлался довольно дешево!

—

ГЛАВА XII.

Р Ю Э Л Ь.

Кардиналъ лежалъ въ постели въ углу обширной залы рюэльскаго замка; де-Нойе сидѣлъ въ той же залѣ за столомъ и писалъ. Въ противоположномъ углу стоялъ кардинальскій оркестръ, лучшій въ то время во всей Франціи, и наигрывалъ различныя сочиненія Модюи и Кусто. Кардиналъ дремалъ; но коварная улыбка не оставляла крѣпко сжатыхъ губъ его. Кошекъ цѣлое стадо играло на коврахъ. Окна были завѣшены. Тишина прерывалась однообразными, безцвѣтными гармоніями оркестра, и это какъ-будто усиливало мрачность печальной залы.

— Довольно! сказалъ кардиналъ, когда музыканты окончили съ полъ-дюжины піесъ: отдохните.

Музыканты, положивъ инструменты, удалились.

— Брось, де-Нойе! Право, надоѣло! И тебѣ пора ѣхать.

— Всегда, ваша эминенція, послѣ побѣды дѣлаетесь лѣнивыми, отвѣчалъ секретарь: а если еще и мы залѣнимся, такъ ваши блистательные подвиги не принесутъ ни какихъ послѣдствій.

— Нѣтъ, де-Нойе, это сотая побѣда, и сладость успѣха съ каждою уменьшается.... Мы помирились съ королемъ, правда; но онъ не выдалъ доносчика, того, кто увѣдомилъ его о седанскомъ возмущеніи.

— Надо настоятельно разспросить Сенъ-Марса.

— Ахъ, де-Нойе! жалобно сказалъ кардиналъ, на Сенъ-Марса я давно уже не полагаюсь; онъ лжетъ мнѣ безсовѣстно, скрываетъ королевскіе разговоры. Онъ слишкомъ старъ для службы: она ему надоѣла. Бывало, я зналъ отъ него малѣйшія подробности; всѣ восклицанія короля онъ собиралъ слѣпо и приносилъ ихъ сюда, въ эту самую залу, безъ зову, каждый день. Теперь я долженъ посылать за нимъ. Приставилъ ты къ Сенъ-Марсу дядьку этого Сентъ-У: да что въ томъ пользы!... они видятся разъ въ день, и то не всегда; и, если я не ошибаюсь, Сенъ-Марсъ замѣшанъ, вовлеченъ, въ бульонскую исторію.... Но, де-Нойе, пора тебѣ ѣхать. Нельзя ли въ Сенъ-Жерменѣ какъ-нибудь открыть доносчика?

— Я прикажу Лепорту.

— Именно, именно.... Только надо его поощрить чѣмъ нибудь.

— Я много думалъ объ этомъ, но вотъ бѣда, что онъ какъ живописецъ — самый ничтожный, безталантный человѣкъ, и нельзя придумать предлога для награды. По Лувру онъ мнѣ помогъ, признаюсь; перессорилъ всѣхъ, и заставилъ самого Вуэ просить о своемъ увольненіи.

— Конечно, ты не колебался?

— Ни одной минуты!... Но представьте и мое положеніе: Вуэ отказался, Пуссенъ не ѣдетъ; а галлерея лежитъ въ развалинахъ.

— Шантлу привезетъ Пуссена.

— А если тотъ не согласится?

— Я послалъ съ нимъ надежныхъ слугъ.

— Но что́ скажутъ?

— И это спрашиваешь ты!... Что́ скажутъ? Скажутъ, что́ прикажемъ.

— Но посланники....

— Одинъ шведскій сумазбродъ напишетъ объ этомъ къ Оксенштернъ посланіе въ латинскихъ стихахъ: стихи будутъ скучны, потому что нѣтъ ничего скучнѣе философскихъ стиховъ: не дочитаютъ; а Пуссенъ, изъ приличія, принужденъ будетъ заняться дѣломъ.... Но, де-Ной, не забудь, что Лувръ долженъ быть монументомъ Ришліё, а не арсеналомъ, на который онъ такъ теперь походитъ. Еще: не упускай изъ виду, что король полагаетъ, будто онъ на зло мнѣ вызвалъ Пуссена.... Ну, поѣзжай, поѣзжай; а по дорогѣ вели подать лампы, и пусть позовутъ Корнеля; онъ опять что-то склеилъ: пусть прочитаетъ; а тебѣ надобно ѣхать.... Брось, говорю!

— Сейчасъ; ваша эминенція позвольте мнѣ окончить статью въ газету о возмущеніи Бульона.

— Я какъ-будто предчувствовалъ, что ты занимаешься тѣмъ, чего не нужно! Я увѣренъ, что король уже написалъ статью собственноручно и послалъ къ газетчикамъ.

— Но она не была еще у вашей эминенціи.

— Весьма естественно; потому что газетчики не успѣли прислать.... Поѣзжай, поѣзжай!... а мнѣ пришли лампы и Корнеля.

Де-Нойе́ исполнилъ приказаніе кардинала. Лампы зажглись и освѣтили въ углу залы мрачную фи-

гуру съ длинными локонами у висковъ; темя, откуда волосы уже сбѣжали, покрывала шапочка; воротнички не ровно выходили отъ шеи и висѣли на черномъ однобортномъ камзолѣ; подъ черной, изношенной мантіей скрывалась шляпа и толстая тетрадь; рѣдкіе усы дурно осѣняли губы, на которыхъ, казалось, не бывало никогда улыбки.

— Здравствуй, мой благой риѳмачъ! сказалъ кардиналъ съ злобной улыбкой: мнѣ первому?... не правда ли?

— Кто же лучше вашей эминенціи можетъ оцѣнить трудъ музы? отвѣчалъ Корнель.

— А вѣрно обманываешь?... Племянница мнѣ уже говорила....

— Объ отрывкахъ, можетъ-быть, которые я имѣлъ счастіе случайно прочесть моей благодѣтельницѣ герцогинѣ наизустъ.

— Но, по-крайней-мѣрѣ, моей племянницѣ, которая, такъ же, какъ и я, покровительствуетъ руанскаго Сенеку....

— Въ Руанѣ некому играть моихъ піесъ.

— А въ Парижѣ много счастливыхъ соперниковъ.

— Ни одного, съ гордостью сказалъ Корнель.

— Какъ ни одного! спросилъ кардиналъ, подымаясь съ постели.

— Кромѣ вашей эминенціи.

— То-то же! Я вѣдь имѣлъ время привыкнуть къ лести.

— Заслужились, ваша эминенція, и откровенное

мнѣніе своего Корнеля смѣшиваете съ панегириками тайныхъ враговъ.

— Полно, полно! Садись; читай.

Корнель самъ взялъ небольшой налой, покрытый атласною подушкой съ кружевами, и поставилъ у постели кардинала; поправилъ лампы, усѣлся и началъ читать.

— «Поліевктъ мученикъ, христіанская трагедія».

— Вотъ это твое дѣло!... а то писать Сида!... Ужъ извини, до-сихъ-поръ немогу понять какъ ты могъ написать такую плохую піесу.

— Кто же безгрѣшенъ. И если бы я зналъ, что Сидъ навлечетъ на своего отца такое продолжительное негодованіе....

— Совсѣмъ не продолжительное, потому что я и забылъ про Сида, не лишилъ тебя милостей, и даже принялъ посвященіе Горація, хотя и эта піеса, и Синна, извини, еще далеки отъ Ротру и Котелле, и еще нѣкоторыхъ отдѣльныхъ произведеній, Я тебя не унизилъ ни въ какомъ случаѣ, и даже назначилъ пятымъ авторомъ, для сочиненія театральныхъ піесъ вмѣстѣ съ Этоалемъ, Боабероме, Котелле и Ротру. Изъ этого ты видишь, что я тебя считаю человѣкомъ съ талантомъ; но что правда, то правда: самонадѣянность тебя погубитъ.

— Я еще такъ недавно изучаю правила, что не успѣлъ совершенно ихъ себѣ усвоить.

— А! признаешься?... Такъ зачѣмъ же, по угламъ нападаешь на такихъ людей, которые никогда не погрѣшили противъ правилъ, а по та-

ланту выше тебя?... Да и развѣ я даромъ учредилъ Французскую Академію, этотъ храмъ литературной Весты?

Корнель улыбнулся. Ришліё опять привсталъ.

— Чему ты смѣешься? Не хочешь ли и ты подражать маркизу де-Коку? Не думаешь ли и ты, подобно литераторамъ Сенъ-Мишельскаго Моста, что я устроилъ академію для того, чтобы она превозносила меня похвалами и защищала отъ нападеній маркиза и другихъ рыночныхъ пасквилантовъ?... Я не преслѣдую судомъ моихъ площадныхъ непріятелей: я отвѣчаю имъ самъ, собственноручно, безъ вашей помощи.

— «Да, подумалъ Корнель: но съ помощью Бальзака!...

Кардиналъ какъ-будто прочиталъ въ душѣ Корнеля.

— Бальзакъ! Я знаю, кому я обязанъ этой глупой клеветой. Виноватъ ли я, что Бальзакъ и Ноде влюбились въ книгу Маккіавеля и, какъ умные люди, умѣли смотрѣть на наше время съ надлежащей точки зрѣнія?... Я имъ не могъ дать взаймы ума и слога!... Кажется такъ?... И удивляюсь, какъ это, до-сихъ-поръ, никому не пришло въ голову приписать мои трагедіи кому-нибудь изъ академиковъ!

— Онѣ слишкомъ оригинальны, замѣтилъ Корнель, и не походятъ на произведенія господъ академиковъ.

— Ну, нѣтъ, отвѣчалъ кардиналъ, скромничая: и Котелле, и Ротру, писали нѣсколько въ моемъ

родъ...: Да, да, я теперь вспомнилъ: маршалъ Марильякъ говорилъ въ Италіи, будто я купилъ мои піесы у Ротру.... но я за это не сердился.

«Такъ! подумалъ Корнель: простилъ, когда голова Марильяка скатилась съ эшафота!»

— Одно меня утѣшаетъ, сказалъ кардиналъ послѣ минутнаго молчанія: что у тебя мнѣ не удалось купить ни піесы, ни похвалы.... По-крайней-мѣрѣ ты самъ этимъ хвасталъ.

— Я, ваша эминенція! я?....

— Полно, полно! Богъ съ тобой! читай!

— Нѣтъ, сказалъ Корнель съ жаромъ: это рѣшительно клевета! Съ тѣхъ поръ, какъ я имѣю счастіе принадлежать вашей эминенціи....

— Читай, читай! Для стиховъ у насъ времени не много.

— Аббатъ Мазарини пріѣхалъ освѣдомиться о здоровьѣ вашей эминенціи, сказалъ секретарь, отворивъ двери.

— Проси. А ты возьми свою рукопись и посиди въ библіотекѣ: я позову тебя.

Мазарини смѣнилъ Корнеля.

— Добрый вечеръ, Мазарини, сказалъ кардиналъ. Что? вы имѣете ко мнѣ дѣло? Если нѣтъ, такъ не хотите ли слушать новую трагедію Корнеля?

— Хотя я не жалую вашего Корнеля, однако служить вашей эминенціи собесѣдникомъ, это уже счастіе; гораздо удивительнѣе видѣть въ васъ опытнаго и бѣглаго филолога нежели владыку Европы.

— Напрасно вы не любите Корнеля! Высокій но гордый талантъ, которымъ управлять труднѣе нежели Франціей.... Прочли вы послѣднюю записку, которую я написалъ для васъ.

— Я ее выучилъ наизустъ.

— Это — предисловіе, или первыя страницы большаго сочиненія, собственно для васъ, мой другъ. И, если я не ошибаюсь, оно вскорѣ будетъ вамъ нужно: недугъ мой усиливается, кашель также, припадки горячки стали чаще. Врачи меня ласкаютъ полнымъ выздоровленіемъ; но надо быть слишкомъ легковѣрнымъ, чтобы не видѣть близости гроба, какъ ни хотѣлось бы оттолкнуть его подальше; если бы можно сторговаться, я купилъ бы себѣ только десять лѣтъ, и дѣло французской монархіи было бы выиграно.

— Помните, Мазарини, сказалъ кардиналъ послѣ продолжительнаго молчанія: вамъ прійдется разрушать вторую половину непріятельской монархіи. Это не аристократія, которая уже ищетъ при дворѣ мелочныхъ должностей и стряпаетъ заговоры противъ меня въ темныхъ корридорчикахъ, у келій придворныхъ дамъ.... самые дерзкіе.... отъ-нечего дѣлать.... и это занятіе доставилъ имъ я, проводятъ все свое время въ кабачкахъ по предмѣстіямъ Парижа. Честолюбивѣйшіе спорятъ о томъ, кому на слѣдующій мѣсяцъ владѣть сердцемъ Маріонъ де-Лормъ.... И я совѣтовалъ бы вамъ, Мазарини, уступить имъ эту прелестницу; вы и меня связываете, и себѣ можете повредить въ глазахъ Людовика.

«Старъ и боленъ, подумалъ Мазарини, а ревнуетъ!»

— Не заботьтесь о дворянахъ, продолжалъ кардиналъ: они поставлены на такую соблазнительную дорогу, съ которой не сманятъ ихъ ни Генрихъ IV, ни Карлъ Великій. Но вамъ предстоитъ борьба съ другими кастами, и, признаюсь вамъ, выборъ мой палъ на васъ потому болѣе, что предстоящая борьба требуетъ вашей хитрости: а вы одарены этимъ качествомъ въ высочайшей степени, вы обманываете даже меня.

— Ваша эминенція!....

— Полно, Мазарини! я говорю это безъ упрека, потому что, гдѣ нужно, и я съ вами дѣлалъ и дѣлаю то же.... Съ моею смертію должны возникнуть новые вопросы, и вопросы, которые обнаружатся только послѣ моей смерти; но, чтобы вы могли предвидѣть ихъ, вамъ мало моихъ комнатныхъ наставленій: вамъ надо дѣйствовать, принять участіе въ управленіи, и потому сегодня, при второмъ нашемъ свиданіи съ королемъ, его величество пожаловалъ васъ совѣтникомъ: и завтра поѣзжайте въ Сенъ-Жерменъ, вмѣстѣ съ другими, принять приказанія короля передъ его отъѣздомъ.

— Какъ! развѣ король ѣдетъ?

— Въ испанскій походъ не удалось, такъ ѣдетъ въ Ренсъ чинить въ городѣ судъ и расправу.

— Я уже и не благодарю вашей эминенціи за отцовскую обо мнѣ заботливость; но это бремя,

которое вы почти насильно на меня возлагаете, будутъ сильно оспаривать....

— Надѣюсь, не королева! А, между нами, она ближе всѣхъ къ власти, и вы не сердитесь, если я принужденъ былъ недавно напомнить, что Ришліё еще не умеръ.

— Говоря откровенно, урокъ ей нуженъ и для меня.

— Видите, mio caro! видите, какая у васъ правительственная сообразительность!.... мы поссоримся, а вы насъ помирите!

— Я одного не понимаю: почему ваша эминенція даете извѣстность своимъ намѣреніямъ на счетъ меня?

— Вы шутите, Мазарини! вы очень хорошо знаете мое мнѣніе, но хотите услышать его въ словахъ! Весьма просто: Франція и Европа должны привыкнуть къ этой мысли, и, когда вы пріймете управленіе дѣлами государства, никто не будетъ думать, что случилась дѣйствительная перемѣна: Ришліё умеръ, а все-еще продолжаетъ управлять Франціей по тѣмъ началамъ, на которыхъ основалось ея счастіе и величіе! Всякій другой такъ бѣденъ умомъ, что захочетъ дѣйствовать по-своему: и въ одинъ годъ потеряны всѣ плоды моихъ трудовъ.... а, не забудьте, что многія мои дѣйствія или еще въ цвѣту, или только поднимаются изъ земли нѣжными отпрысками. Одинъ Мазарини столько уменъ и глубокъ, что, насаждая свое, дастъ возможность оплодотвориться моимъ начинаніямъ.

— Великій человѣкъ!... О! если бы вы могли видѣть самую будущность, а не одинъ только надежды!

— Любезный сынъ! въ государственной опытности пріобрѣтается и нѣкотораго рода способность къ предвѣдѣнію.

— Боюсь, что на первомъ шагу великимъ и безкорыстнымъ намѣреніямъ вашей эминенціи помѣшаютъ любимцы.

— Куклы! Я ихъ самъ выкроилъ и сшилъ, самъ и выброшу: пустяки!

— А на рынкахъ говорятъ сильно про министерство Сенъ-Марса и де-Ту.

— Де-Ту лишенъ мною всѣхъ должностей, удаленъ отъ двора, и вотъ, посмотрю, можетъ-быть, пошлю его куда-нибудь съ порученіями: людей съ безпокойнымъ умомъ и острыми талантами надо употреблять такъ, чтобы они могли дѣйствовать этимъ умомъ и этимъ талантомъ безъ эпитетовъ. Безпокойство ума можно передѣлать въ тщеславіе, остроту въ хитрость; надо подумать, нельзя ли изъ де-Ту сдѣлать хорошаго посла; только, изъ ученыхъ рѣдко выходятъ порядочные государственные люди. Вотъ и примѣръ на-лицо: шведскій посланникъ.... Что́ касается до Сенъ-Марса, то сто́итъ только разлучить его съ де-Ту, отыскать ему красавицу въ королевскихъ паркахъ или въ сенъ-жерменскомъ предмѣстьѣ, выдать замужъ Марію Неверскую — и честолюбіе господина великаго лишится пищи. Впрочемъ, онъ, я думаю, и самъ понимаетъ нелѣпость подобныхъ предположеній.

— О, напротивъ! онъ-то и проговорился; а де-Ту такой глупости никогда не сдѣлаетъ.

— А! проговорился? спросилъ кардиналъ, уставивъ на Мазарини свои сѣрые глаза и крѣпко сжавъ губы.

— Послѣ мгновеннаго молчанія кардиналъ продолжалъ:

— Какъ же я объ этомъ ничего не знаю? Пожалуй, они въ самомъ дѣлѣ составятъ кабинетскій заговоръ. И такъ меня недавно засталъ въ расплохъ герцогъ Орлеанскій!... Я три дня молился потомъ, и благодарилъ Богородицу за трусость Гастона.... Нашумѣлъ, накричалъ, хватался за эфесъ, и все кончилось тѣмъ, что онъ же оставилъ Парижъ, а теперь пріѣзжаетъ въ столицу тайно и боится своей тѣни. Нада бы его разъ попугать.... да я боленъ, а безъ себя нельзя позволить такой шутки.... Такъ Сенъ-Марсъ проговорился?... Гм!... Нечего дѣлать, надобно его образумить, вымыть голову, и онъ успокоится.... Главная наша забота, Мазарини, должна быть маленькая шапочка, а прочее уладимъ....

Мазарини вздохнулъ.

— Не печальтесь! сказалъ Ришліё: Шантлу привезетъ ее вмѣстѣ съ Пуссеномъ. На этотъ разъ хитрости и библіотека Барберини не помогутъ. Ну, теперь мы довольно наговорились; станемъ слушать.

Мазарини сдѣлалъ видъ, будто ничего не понялъ и, вставъ, сказалъ почтительно:

— У меня есть просьба, въ которой ваша эминенція мнѣ вѣрно не откажете.

— Разумѣется! отвѣчалъ кардиналъ.

— Подарите вашему Депорту дворянство.

— Съ удовольствіемъ! Я и самъ думалъ, какъ бы поощрить этого способнаго человѣка: но не овладѣетъ ли и этимъ пресмыкающимся твореніемъ демонъ честолюбія?

— Нѣтъ! Я въ этомъ убѣдился. А онъ намъ нуженъ.

— Скажите, неужели вы ходатайствуете за него изъ благодарности за похищеніе сожженныхъ писемъ?

— Именно! отвѣчалъ Мазарини, нѣсколько смѣшавшись: и въ похищеніи любовныхъ писемъ я замѣтилъ его расторопность. Жаль, что онъ принесъ только пепелъ: какъ бы ваша эминенція похохотали, если бы могли прочесть ихъ содержаніе!

— А что такое?

— Да это письма отъ его жены?

— А! такъ вотъ заслуги для полученія дворянства.

— Ваша эминенція!... каюсь.... но умоляю.

— Смѣшно! сказалъ Ришліё, садясь за письменный столъ и пиша записку: кардиналъ помогаетъ аббату въ любовной интригѣ!

— Каждая минута бесѣды съ вами, сказалъ Мазарини, увѣряетъ меня, что я нашелъ отца въ вашей эминенціи.

— А я наслѣдника, вполнѣ достойнаго, отвѣ-

чалъ кардиналъ, улыбаясь и ложась на постель.— Но, продолжалъ онъ: какимъ образомъ вы познакомились съ женою Депорта?

— Это исторія капитана Мазарини, а я не хочу, чтобы она стала извѣстна въ Парижѣ. Тайна стóитъ дворянства.

— Справедливо, мой другъ; потому что, закрыть ее иначе, значило бы потерять способнаго Депорта.

Помолчавъ нѣсколько, Ришліё продолжалъ весьма важно, размѣрно, лежа и зажмуривъ глаза:

— Ну! теперь вы должны быть довольны. Я сдѣлалъ все, чего вы желали, но я не доволенъ вами, синьоръ Мазарини! Да, да! я недоволенъ вами! Вы получили отъ герцога Оливареса въ картинахъ письма. Ихъ содержаніе: ходатайствовать за герцога Вандомскаго и его друзей, покровительствовать герцогамъ Орлеанскому, Соассонскому, Бульонскому, Гизу, и всѣмъ князьямъ Мира; тамъ были копіи съ писемъ королевы-матери; тамъ были золотыя горы объщаній.... Конечно, вы посмѣялись предположеніямъ, но вы сожгли письма. Второе: капуцинъ Барберини, на книгѣ, увѣдомилъ васъ о постыдномъ условіи, безъ чего, по его мнѣнію, вамъ не бывать кардиналомъ. Ложь!

Рука Ришліё поднялась и стукнула по налою. Кардиналъ продолжалъ:

— Ложь! Вы будете кардиналомъ. Я исправлю вашу хитрость, дамъ ей другое направленіе, окончу

ваше воспитаніе: а капуцинъ больно ошибется!... Ну, теперь давайте руку.

И Ришліё довольно сильно пожалъ дрожащую руку Мазарини.

— Вы сердитесь, ваша эминенція?

— Вы еще живы, свободны.... значитъ, я простилъ васъ.

— Благодѣтель!

— Д'Эфіа, маркизъ де-Сенъ-Марсъ, доложилъ секретарь.

— Что́ за чудо? Безъ приглашенія! Уйдите, Мазарини, въ библіотеку и потолкуйте съ Корнелемъ. И его приласкать не мѣшаетъ. Онъ хвалитъ меня противъ сердца: такъ не худо благовременно заставить его приготовить похвалу и для васъ.... Ступайте, ступайте! Сенъ-Марсъ идетъ.

— Вошелъ Сенъ-Маръ и, не произнося ни одного слова, подалъ записку кардиналу.... Ришліё прочелъ; лицо старика побагровѣло, страданія скорчили уста, но не помѣшали встать и принять видъ ужасный.

— Что́ это значитъ, Сенъ-Марсъ? До чего вы дошли? Вы вывели изъ терпѣнія добрѣйшаго короля, заставили жаловаться?

— Ничего не знаю, отвѣчалъ Сенъ-Марсъ, опустивъ глаза и снявъ шляпу.

— Что́ вы дѣлали въ Вандомскомъ Дворцѣ?

— Волочился за хорошенькими.

— А въ Бульонскомъ?

— Тоже.

— Тоже? Но васъ не видали на лакейскомъ балъ.

— Я былъ въ маскѣ.

— Снимите же ее теперь, Сенъ-Марсъ! Слышите? Снимите; нето я сорву, и будетъ худо.

— Господинъ кардиналъ! вы такъ привыкли казнить герцоговъ, что маркизовъ считаете ниже черни изъ предмѣстій.

— Это что? это что? закричалъ кардиналъ, и губы его посинѣли, задрожали: вы слишкомъ много себѣ позволяете! Не забывай, что я устроилъ твое счастіе, и что я могу слишкомъ скоро его разрушить: если ты не будешь себя вести съ бо́льшимъ благоразуміемъ и съ почтительностію, то я тебя велю выгнать какъ лакея изъ Сенъ-Жермена!

Сенъ-Марсъ вспыхнулъ и рука невольно повернулась къ шпагѣ, но ея не было: она осталась въ передней, въ рукахъ стражи. Кардиналъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ и сталъ звонить. Сбѣжались пажи и люди: кардиналъ успокоился.

— Не удастся, сказалъ кардиналъ тихо: ты не каешься, и я сажусь писать записку о твоемъ увольненіи.

Сенъ-Марсъ опомнился. Естественное чувство мгновенно увлекло его, но онъ припомнилъ просьбы Маріи, совѣты друзей, и отвѣчалъ почтительно:

— Никогда бы я не желалъ, чтобы ваша эминенція были на моемъ мѣстѣ. Вамъ было угодно поставить меня подъ эту пытку: и виноватъ ли я, что отъ нея нестерпимая боль? Научите, какъ вести себя?

— Ты умѣлъ быть и услужливымъ и почтительнымъ: куда это все дѣвалось?

— Израсходовалось, ваша эминенція; израсходовалось.

Сенъ-Марсъ сказалъ это съ такимъ комическимъ выраженіемъ, что кардиналъ невольно улыбнулся.

— Нельзя ли занять этихъ качествъ у кого-нибудь, пока подрастутъ собственныя?

— Постараюсь, но только вы поддержите меня.

— На меня ты не можешь жаловаться, а я на тебя могу; да не буду, а при случаѣ раздѣлаюсь.... Береги себя, Сенъ-Марсъ! — Я помирю тебя съ королемъ, продолжалъ Ришліё, развернувъ свою записку и дописывая еще что-то: но, смотри, Сенъ-Марсъ, безъ шутокъ повторяю тебѣ, береги себя! Отдай эту записку королю и заѣзжай надняхъ для отчета.

— Я постараюсь достойно отблагодарить вашу эминенцію за всѣ милости.

— Ступай! ступай! Старайся удержаться въ королевской милости; на твое мѣсто я еще никого не искалъ: а пріискать не долго. Прощай.

Сенъ-Марсъ скрылся, кардиналъ легъ и сказалъ тихо:

— Позовите Мазарини и Корнеля!

Чтеніе трагедіи началось и продолжалось безъ дальнѣйшихъ препятствій. Секретарь докладывалъ о пріѣздѣ разныхъ лицъ, но всѣмъ отказывали по поводу занятій военными дѣлами.

—

Ступай, Филиппъ, и сторожи Горда: когда онъ пріѣдетъ, приходите ко мнѣ оба.... Нѣтъ, лучше обождите: я позову васъ.

Прошло нѣсколько минутъ: двери изъ внутреннихъ покоевъ растворились, вошелъ незнакомецъ и за нимъ всѣ двери, одну за другою, кругомъ залы, кто-то заперъ ключемъ. Король самъ опустилъ занавѣсы оконъ и, обращаясь къ незнакомцу, нопотомъ сказалъ:

— Рѣдкое счастіе, carissime! Благодарю васъ за готовность.

Незнакомецъ былъ среднихъ лѣтъ и средняго роста; но чело изморщилось отъ неутомимаго мышленія, уста хранили улыбку довольства, внутреннее спокойствіе отражалось на умномъ лицѣ. Король взялъ его за руку и посадилъ противъ себя въ широкія кресла.

— Мы давно не видались, сказалъ король.

— Болѣе года, ваше величество, въ такой бесѣдѣ....

— Да въ церемоніальныхъ нашихъ свиданіяхъ я и не подхожу къ вамъ!... боюсь навлечь подозрѣнія. Не разсказывать же мнѣ кардиналу, что онъ обязанъ сохраненіемъ министерской власти вамъ.... Но, мудрый Гуго, я не могу его оставить на этомъ мѣстѣ долѣе: онъ не долженъ бы раздѣлять королевства съ королемъ; надо бы хлопотать о мирѣ, о тишинѣ; а я только и слышу о возстаніяхъ моихъ вассаловъ, которые любятъ меня, и которыхъ я люблю. Посмотрите, что̀ получилъ я сегодня отъ Бульона! Прочтите, мой

добрый Гуго! Прочтите! Герцоги объявляютъ войну не мнѣ, а кардиналу, министерской хитрости, за меня, за мою независимость, за права лицъ и народа.

Гуго ванъ-Гроотъ, или Гроціусъ, — такъ назывался незнакомецъ, — прочитавъ письмо, положилъ его на столъ и хранилъ молчаніе.

— Избавьте меня отъ кардинала! Согласитесь заступить его мѣсто, и вы увидите, какъ я буду рѣшителенъ.

— Государь, отвѣчалъ Гроціусъ: я не забылъ вашихъ благодѣяній: я помню, какъ вы спасли меня отъ плахи и не выдали моей бѣдной головы на жертву голландскому фанатизму. Я нашелъ при дворѣ вашемъ все, но, въ придачу, и ненависть кардинала. Преслѣдованія Ришліё были нестерпимы: онъ гналъ, не меня, а мои мысли, мои мнѣнія, особенно, когда я, сидя въ Парижѣ, посредствомъ печати, сталъ защищать права европейскихъ державъ противъ Франціи.

— Зачѣмъ же вы это дѣлали, Гуго?

— Я считалъ обязанностью говорить о томъ, что̀ не было извѣстно ни королямъ, ни министрамъ, а между-тѣмъ было естественнымъ закономъ всѣхъ ихъ дѣйствій. Книга моя «De Jure belli et pacis» удостоилась одобренія величайшаго изъ министровъ нашего времени. Оксенштерна усвоилъ ея начала, и Швеція съ-тѣхъ-поръ легко и удобно разсѣкаетъ Гордіевы узлы европейской политики, къ общему удовольствію. Когда нигдѣ меня не понимали, а въ Парижѣ преслѣдовали,

королева Христина и Оксенштерна одни оцѣнили безкорыстіе моихъ намѣреній, пользу моей дѣятельности, и подарили мнѣ жизнь со всей ея полнотою. Швеція спокойна; могущество ея значительно, безъ обиды, безъ нарушенія правъ другихъ государствъ; наши сношенія мирны, тихи, честны, и я почитаю себя вдвойнѣ счастливымъ, во-первыхъ, потому что нѣкоторымъ образомъ послужилъ поводомъ къ этой честной политической системѣ, во-вторыхъ, что не лишенъ возможности на-дѣлѣ доказывать справедливость моихъ положеній и успѣшною дѣятельностью, по тѣмъ же правиламъ, быть полезнымъ и пріятнымъ слугою моей королевы и другомъ моего благодѣтеля. Государь, простите, если я осмѣлюсь отклонить отъ себя измѣну, которая бы унизила меня и въ глазахъ вашего величества.

— По-крайней-мѣрѣ не лишайте меня совѣтовъ въ столь важномъ выборѣ. Меня упрекаютъ въ нерѣшительности, въ пристрастіи къ кардиналу. Глупцы! Кѣмъ замѣню я человѣка, который столько лѣтъ борется съ интригами, клеветами, вліяніемъ матери моей, жены, брата?... Много, много въ его пользу!... Но онъ мнѣ надоѣлъ.... Онъ строилъ мнѣ государство: теперь разрушаетъ.... Пора его миновалась.... Жестокости, какія онъ себѣ позволилъ.... Нѣтъ, мудрый Гуго, я не хочу кардинала! Я требую вашего совѣта....

— Я совѣтую вашему величеству отложить этотъ выборъ до смерти кардинала. Цѣль его прекрасна, но средства оскорбляютъ человѣчество

и ведутъ совершенно къ противуположнымъ послѣдствіямъ. Государь! не утверждайте его приговоровъ.

— Но онъ дѣйствуетъ посредствомъ судебной власти нашихъ судовъ и парламентовъ, такъ, что я не имѣю случая и времени употреблять мое верховное право помилованія.

Гуго Гроціусъ вспомнилъ странное поведеніе короля съ матерью, заключенною сначала въ крѣпость, потомъ изгнанной, когда все зависѣло отъ одного слова Людовика; вспомнилъ дѣло Марильяка, маршала Франціи, котораго, за клочокъ сѣна, казнили на Гревской площади; вспомнилъ Монморанси.... Вездѣ право помилованія могло имѣть свое дѣйствіе, но мудрый Гуго зналъ характеръ короля: онъ зналъ, что Людовикъ убѣжденъ въ крайности своего положенія, и отвѣчалъ:

— Лишите кардинала возможности быть столь поспѣшнымъ.

— Нѣтъ! нѣтъ! Къ хитрости я не способенъ; я не хочу кардинала вовсе: а эти полу-мѣры вовлекутъ меня только въ борьбу, скучную и безполезную. Я устану и буду побѣжденъ! Увольте меня отъ этого послѣдняго стыда.

— Государь! откажитесь отъ испанской войны!

— Что вы, что вы, любезный другъ?

— Иначе, государь, вы никогда не рѣшитесь разстаться съ вашимъ министромъ: одна и та же страсть васъ соединила на-вѣки. Но, скажите, ваше величество, и простите моему простодушію: какія причины и основанія этой войны? Права на-

рода и величества нигдѣ не пострадали; война стремится къ нравственной цѣли унизить домъ Австрійскій: чѣмъ можно оправдать эту цѣль? Неужели желаніемъ возвыситься на его мѣстѣ и, какъ онъ, нарушить равновѣсіе Европы, на счетъ постоянныхъ кровопролитій и потерь французскаго народа?

— Я не хочу кардинала, и, можетъ-быть, когда его не будетъ, я соглашусь съ вами. Не скрою: во мнѣ застыли рыцарскія страсти; даже отъ охоты я начинаю отвыкать; хотѣлъ бы царствовать, но мнѣ нужна помощь, одномысліе, чистота чувствъ моего министра; и если удастся, что̀ задумано, я возьму де-Ту.

— Какъ, государь! привставъ и торопливо спросилъ Гуго: такъ вы извѣщены объ этомъ предпріятіи противъ кардинала, о которомъ самъ онъ ничего не знаетъ и, можетъ-быть, ничего не узнаетъ?

— Но какимъ образомъ вы, Гуго, могли объ немъ провѣдать?

— Случайно, ваше величество: по сношеніямъ съ изгнанниками; а изъ нихъ многіе живутъ у насъ въ Швеціи.... Но, ваше величество, если вамъ уже извѣстно, такъ не мѣшало бы, кажется, арестовать враговъ кардинала.

— Что̀ вы? что̀ вы, любезный другъ? Какое мнѣ дѣло! Одного люблю я какъ сына, хотя и непокорнаго; другаго ненавижу, хотя онъ мнѣ и братъ; а третій будетъ хорошимъ министромъ. Прочіе—цвѣтъ французскаго дворянства....

— Государь! я вамъ долженъ платить искренностью, и признаюсь: съ такимъ министромъ Франція погибнетъ....

— Съ де-Ту!

— Съ де-Ту, ваше величество.

— Да вотъ я у васъ съ полчаса добиваюсь, кого же назначить на мѣсто Ришліё?

— Если на простой вопросъ надо дать простой отвѣтъ, такъ по моему мнѣнію, ваше величество, аббата Мазарини.

— Вы полагаете?

— Онъ пойдетъ по слѣдамъ Ришліё къ той же цѣли; съ его гибкимъ умомъ, съ постояннымъ желаніемъ учиться, съ желаніемъ заслужить любовь короля и Франціи, онъ перемѣнитъ средства. Франція выиграетъ втрое противу того, сколько она теряетъ при Ришліё внѣ своихъ предѣловъ.

— Нѣтъ, Гуго! нельзя! Онъ Италіянецъ; а вспомните, что̀ въ мое царствованіе надѣлали Италіянцы! Насилу избавился; и никогда не перестану я сожалѣть о моемъ дорогомъ конетаблѣ.... И если бы не капризъ, не тайный развратъ, не злое сердце.... я возстановилъ бы санъ конетабля. Но, можетъ-быть, съ молодостью уйдутъ и недостатки возраста. Я не теряю надежды, и главное, кажется, клеится: я ихъ поссорю съ кардиналомъ, сдѣлаю непримиримыми врагами....

— Если ваше величество считаете только Француза достойнымъ замѣнить кардинала, въ чемъ я совершенно согласенъ, то вы, государь, имѣете сокровище, какое Богъ даруетъ не каждому вѣку.

— Ради Бога, Гуго, кто онъ?

— Ренé Декартъ.

— Гдѣ онъ?.... въ Парижѣ?

— Нѣтъ, государь! онъ видѣлъ примѣръ на мнѣ, и благовременно, продавъ все свое имѣніе во Франціи, переѣхалъ въ Утрехтъ.

— Теперь вы сами видите, каково мнѣ отъ кардинала! Онъ удаляетъ всѣхъ способныхъ людей изъ государства. Декартъ, умный человѣкъ, въ Голландіи; Пуссенъ, великій живописецъ, въ Италіи; де-Ту безъ мѣста.... И я узнаю объ этихъ людяхъ отъ постороннихъ, случайно или насильно!... Вы знакомы съ Декартомъ?

— Мы въ перепискѣ какъ ученые.

— Напишите къ нему, чтобы онъ немедленно явился ко двору моему; напишите, что слухъ объ его учености проникъ въ сенъ-жерменскій монастырь, какъ называетъ Сенъ-Марсъ мой дворецъ, и что я его вознесу и прославлю.

Гуго Гроціусъ улыбнулся и всталъ, потому что и король, оканчивая послѣднюю рѣчь съ нѣкоторою торжественностью, оставилъ свое мѣсто.

— Мы едва ли съ вами скоро увидимся, сказалъ король: я ѣду въ Ренсъ, можетъ-быть, завтра, но буду совершенно спокоенъ на счетъ приглашенія Декарта. Онъ написалъ много?

— Весьма много, но до-сихъ-поръ издалъ только одну книгу: «О Методѣ.»

— Примите мнѣ ее отъ имени кого-нибудь изъ моихъ дворянъ: да вотъ!... отъ имени Де-

порта. — Еще разъ благодарю васъ, прибавилъ король, привѣтливо кланяясь Горціусу.

Шведскій посланникъ подошелъ къ дверямъ, но они были заперты.

— Ахъ да! я и забылъ объ нашихъ предосторожностяхъ, сказалъ король, позвонилъ, и Дюбоа увелъ Гроціуса черезъ внутренніе покои, по тайной лѣстницѣ.

Занавѣсы королевскаго кабинета, одна за другой, повисли на золоченыхъ вѣтвяхъ, и окна освѣтились.

— Не знаю, сказалъ Гроціусъ, зачѣмъ мои люди положили со мною этотъ узелъ? А! вѣрно полагали, что я буду ночевать въ Сенъ-Жерменѣ. Посмотримъ, что тутъ? Всѣ принадлежности моего вечерняго уединенія.... А! кстати, вотъ и она со мной!

Гроціусъ взялъ книгу, завернулъ ее въ бумагу, надписалъ: «Отъ дворянина Депорта,» отдалъ Дюбоа, наказалъ скорѣе отнести къ королю, а если есть чужіе, не говорить отъ кого.

—

ГЛАВА XIV.

ЛОЖНАЯ ТРЕВОГА.

Дюбоа засталъ короля въ самомъ веселомъ расположеніи духа. Гордъ подробно разсказывалъ, въ какое восхищеніе привела газетчиковъ статья, написанная Людовикомъ; какъ они перечитывали строки, набросанныя королемъ, и утверждали, что эта статья — образецъ политическаго слога,

но къ завтрашнему дню напечатать въ Gazette de France находили невозможнымъ, и просили дозволенія отсрочить до слѣдующаго раза.

— А знаешь ли, Гордъ, сказалъ съ улыбкой король: почему они не успѣютъ этого сдѣлать сегодня? Имъ надобно показать статью въ Рюэлѣ... Но, дастъ Богъ....

Людовикъ замолчалъ и захохоталъ, прочитавъ надпись на обверткѣ книги, присланной Гротомъ.

— Ты дерзокъ, Филиппъ, сказалъ онъ, обращаясь къ Филиппу: какъ это ты себя пожаловалъ въ дворяне?

Депортъ не на-шутку испугался, и не зналъ что отвѣчать королю. Первая мысль, что Мазарини употребилъ какую-нибудь хитрость, чтобы обвинить его въ глазахъ короля, мелькнула въ головѣ Депорта; но, не замѣчая въ лицѣ Людовика ни малѣйшаго признака гнѣва и неудовольствія, совершенно запутался въ догадкахъ и лепеталъ несвязныя слова:

— Я.... я.... ваше величество.... Фукіерръ.... интриги....

Король недолго любовался замѣшательствомъ Депорта: развернувъ книгу, онъ съ изумленіемъ пробѣгалъ страницы, гдѣ въ каждомъ словѣ находилъ силу, новость, пареніе могущаго и великаго разума....

Король пересматривалъ книгу съ конца въ конецъ; напослѣдокъ громко прочелъ первое положеніе новой методы, повторенное потомъ и въ другихъ сочиненіяхъ Декарта: «Чтобы достигнуть

истины, надо разъ въ жизни освободиться отъ всѣхъ полученныхъ уже мнѣній и построить снова, съ самыхъ основаній, всю систему своихъ познаній.»

— Поздно! сказалъ король со вздохомъ. Но справедливо! Наше ученіе, наше воспитаніе — чужое платье, которое никогда не бываетъ впору; начнешь передѣлывать по себѣ: пока пригонишь, оно уже — лохмотья!

Вошелъ Сенъ-Марсъ, забрызганный грязью, и съ лицомъ, на которомъ было написано глубоко увлеченное самолюбіе и злобная рѣшительность. Онъ подалъ королю письмо кардинала и отошелъ къ Горду, не вымолвивъ слова. Король съ улыбкой смотрѣлъ на него, и обратясь къ Депорту, сказалъ въ полъ-голоса:

— Посмотри, какъ онъ мнѣ служитъ!

Развернувъ письмо, король значительно поглядѣлъ на Депорта; уста его сложились въ непріятную улыбку; послѣ минутнаго молчанія онъ сказалъ сухо:

— Депортъ, вы будете посѣщать насъ только вслѣдствіе письменныхъ нашихъ приказаній.

Смертная блѣдность покрыла лицо Депорта.

«Мазарини, подумалъ онъ: это твоя услуга! но ты не зналъ, не предвидѣлъ, что клевета твоя застанетъ меня въ Сенъ-Жерменѣ, и что я отплачу тебѣ....

— Государь, сказалъ громко Депортъ: не понимаю причины такой немилости и осмѣлюсь....

— Нѣтъ, право, ничего! сказалъ король: пред-

осторожность.... порядокъ.... церемоніалъ.... и только! А мы останемся къ вамъ по-прежнему милостивыми.

Депортъ заплакалъ и произнесъ съ чувствомъ:

— Право, я ни въ чемъ не виноватъ, ваше величество! Клянусь Богомъ, ничего не знаю! Убей меня громъ Господній, ничего не знаю!

— Фи! сказалъ съ неудовольствіемъ король: какъ тебѣ не стыдно, Филиппъ?... Ты искалъ повышенія въ нашихъ милостяхъ черезъ посредство кардинала, когда мы сами тебя открыли и такъ быстро возвысили въ званіе, котораго добиваются первые таланты Европы!

— Клянусь Богомъ, не искалъ, не говорилъ ни слова, и знать не знаю кому я обязанъ этимъ неожиданнымъ покровительствомъ.

— Неужели? спросилъ изумленный король: вѣрно сама судьба жалуетъ тебя въ дворяне. Великій человѣкъ по ошибкѣ назвалъ тебя дворяниномъ; теперь Ришліё проситъ о дворянствѣ Депорту: право удивительно!

Депортъ воскресъ. Глаза сверкали. Отъ искренняго страха и отчаянія онъ перешелъ въ притворный ужасъ.

— Злобные люди! сказалъ онъ, отирая слезу: что я имъ сдѣлалъ? Нашли кому завидовать?.... Бѣдному живописцу! Я какъ-будто предчувствовалъ, что они найдутъ средства унизить меня въ глазахъ моего государя и... помните, маркизъ?... я говорилъ вамъ объ этомъ, а вы меня еще успокоивали, говорили: «Да, да, клеветать будутъ,

да король привыкъ къ ихъ проискамъ, не обидятъ.» Вотъ, видите, что они со мной сдѣлали!

— Трусъ! сказалъ король ласково: что же? Сдѣлали тебя дворяниномъ, и только.

— И лишили вашихъ милостей.

— Не правда! Подражай имъ: они тебя сдѣлаютъ маркизомъ и все будутъ думать, что удачно подкопались подъ нашу пріязнь.... а ты вотъ что сдѣлай: поѣзжай завтра же въ Рюэль, поблагодари кардинала и пріѣзжай ко мнѣ: вмѣстѣ посмѣемся.

— Государь мой и благодѣтель! сказалъ Депортъ, бросаясь къ ногамъ Людовика.

— Хорошо, хорошо! сказалъ король вынимая шпагу и ударивъ ею по плечу Депорта. Встань. Ты благороденъ, и умѣй отмстить тому, кто въ томъ сомнѣвался.

Сказавъ это, король не обращалъ уже никакого вниманія на пышную благодарственную рѣчь, которая лилась изъ устъ Депорта, и продолжалъ читать письмо кардинала.

— Кардиналъ увѣдомляетъ меня, сказалъ король, обращаясь къ Сенъ-Марсу: что вы увѣрили его, будто имѣете большое желаніе угождать мнѣ во всемъ; а между-тѣмъ вы этого не дѣлаете по одной статьѣ, о которой я просилъ кардинала поговорить съ вами, именно, на счетъ вашей лѣности.

— Да, отвѣчалъ Сенъ-Марсъ: кардиналъ мнѣ говорилъ объ этомъ. Но я на этотъ счетъ не могу исправиться и лучше вести себя не умѣю.

Король разсердился и сказалъ:

— Человѣкъ вашего званія долженъ думать о томъ, чтобы сдѣлаться достойнымъ предводительствовать войсками; вы сами изъявили мнѣ это желаніе: а лѣность совершенно тому противна.

— Это желаніе и въ умъ мнѣ не приходило.

— Не приходило?

— Никогда!

Король отворотился съ неудовольствіемъ, помолчалъ нѣсколько, какъ-будто желалъ Сенъ-Марсу дать время опомниться, и опять началъ:

— Лѣность дѣлаетъ человѣка ко всему неспособнымъ; лѣность хороша у Маре: тамъ всѣ совершенно преданы только удовольствіямъ; вы между ними воспитаны. Но, если не хотите оставить такой жизни, надо возвратиться къ Маре.

— Я готовъ.

— Расположеніе вашего духа не позволяетъ мнѣ болѣе васъ слушать, и вы мнѣ сдѣлаете пріятность, если избавите меня отъ вашего присутствія.

Сенъ-Марсъ ушелъ.

Всѣ остались въ изумленіи. Одинъ король улыбался и сталъ писать.

Гордъ, поди сюда! сказалъ король.

Гордъ подошелъ, и король прочелъ письмо къ кардиналу, сохранившееся донынѣ въ подлинникѣ, съ котораго, съ буквальною точностью, списанъ весь этотъ разговоръ Людовика съ Сенъ-Марсомъ.

— Что? не такъ? спросилъ король, окончивъ чтеніе.

— Чистая истина, отвѣчалъ Гордъ.

Король дописалъ еще нѣсколько словъ и, отдавая Депорту, сказалъ:

— На, Филиппъ! Эта довѣренность еще болѣе утѣшитъ твоихъ враговъ. Отвези это письмо къ кардиналу!

—

Рано поутру доложили кардиналу о пріѣздѣ Депорта. Ришліё прежде всего сталъ разспрашивать обо всѣхъ обстоятельствахъ отношеній Мазарини съ женою Депорта; но умный Филиппъ изумился и просилъ кардинала защитить его отъ преслѣдованій аббата.

— Главное мое несчастіе, говорилъ онъ: жена и воспитанница; обѣ хороши собой; но, я надѣюсь, молодость возьметъ верхъ и сдѣлаетъ Мазарини соперникомъ Сенъ-Марса.

— Какъ! спросилъ кардиналъ съ особенно довольною улыбкою: такъ ты и Сенъ-Марса увлекъ въ сѣти?

— Случай, ваша эминенція.

— Мой другъ, дѣла перемѣняютъ свой видъ. Слушай, Депортъ, и рачительно исполни.... Представь мнѣ свидѣтельство, въ которомъ бы не могъ никто сомнѣваться, что Сенъ-Марсъ влюбленъ въ твою воспитанницу!.... Не теперь, конечно, не теперь, потому что король сегодня увезетъ его въ Ренсъ.

— Послѣ такой ссоры?

— Притворная ссора, любезнѣйшій: я опять буду просить короля о прощеніи! Меня не пойма-

ютъ. Вотъ, мы съ тобой должны поймать Сенъ-Марса!

— Но Мазарини....

— Не бойся! Мазарини не будетъ соперникомъ Сенъ-Марса....

— Въ такомъ случаѣ еще хуже; онъ будетъ ухаживать за женой.

— А глаза и я на что? Будь спокоенъ... Только свидѣтельство, письмо, что-нибудь, но вѣрное, положительное, несомнѣнное! Ступай. Мнѣ некогда.

—

Было уже очень поздно. Весь Сенъ-Жерменъ находился въ волненіи; множество придворныхъ толпились на крыльцѣ; дорожніе экипажи наполняли дворъ и улицы: всѣ суетились; увидѣвъ Депорта, многіе голоса закричали: «Пріѣхалъ! пріѣхалъ!»

Дюбоа махалъ Депорту платкомъ на встрѣчу. Въ растворенномъ окнѣ показался король съ Сенъ-Марсомъ и также сдѣлалъ Депорту знакъ рукою.

Опрометью вбѣжалъ Депортъ въ большую залу, гдѣ было много дворянъ и придворныхъ. — «Король васъ ждетъ; за вами остановка.... Спѣшите!...» кричали ему со всѣхъ сторонъ незнакомыя лица. Депортъ, едва переводя дыханіе, вошелъ къ королю.

— Разсказывай, разсказывай! сказалъ король, садясь.

— Нечего разсказывать, ваше величество. Я

вошелъ и сталъ благодарить кардинала. «Не за-что! Не зачто! отвѣчалъ онъ: ступай съ Богомъ!» — Но я не могу угадать причины такихъ благодѣяній, говорилъ я.... — «Ступай прочь, съ досадой говорилъ кардиналъ: мнѣ некогда.»

— Попался! со смѣхомъ сказалъ король: но и ты, Филиппъ, кажется, струсилъ....

— Ахъ, ваше величество, я, право, не могу опомниться отъ такого пріема.

— А что́ же онъ сказалъ на письмо?

— Право, не помню!.... Да! приказалъ вамъ, господинъ великій, немедленно пріѣхать въ Рюэль.

— Подождетъ! отвѣчалъ Сенъ-Марсъ.

— Подождетъ, прибавилъ король, до нашего возвращенія изъ Ренса! Ѣдемъ.... Прощай Филиппъ!—Сенъ-Марсъ! надо чтобы охота была не вдалекѣ отъ насъ. Если вздумается дорóгой позабавиться....

— Я уже распорядился, ваше величество; слово — и все будетъ въ готовности.

— Ѣдемъ, Сенъ-Марсъ! сказалъ король и ушелъ.

— Ѣдемъ, ваше величество....—Филиппъ! скажи своимъ дамамъ, что я ихъ обожаю....

— Обѣихъ, маркизъ?

— Пока, обѣихъ.

— И не простились съ Эвелиной?

— Не успѣлъ! Ты самъ видѣлъ, какая вчера была буря.

— Напишите ей два слова.

— Плохой ты знатокъ въ любовныхъ сношеніяхъ! До писемъ еще далеко.

— Сенъ-Марсъ, Сенъ-Марсъ, ѣдемъ! раздался голосъ короля изъ залы.

— Бѣгу! отвѣчалъ Сенъ-Марсъ, и дѣйствительно побѣжалъ въ залу.

Депортъ остался одинъ въ комнатѣ и въ окно смотрѣлъ на королевскій отъѣздъ. Сенъ-Жерменъ опустѣлъ, но Депортъ долго стоялъ въ раздумьѣ.

— Кто васъ пойметъ, люди? сказалъ онъ громко, со вздохомъ. Хитрость легко понимаетъ хитрость; но вашихъ простодушныхъ поступковъ она разобрать не въ силахъ.... Увезли мою пташку; вчера поссорились, сегодня помирились. Въ кого влюбился Сенъ-Марсъ: въ жену или въ Эвелину? И! полно! влюбился ли еще? Я остался одинъ, безъ пищи, безъ дѣятельности. ..

— Утѣшьтесь, Депортъ: я съ вами; мои условія исполнены: исполняйте ваши.

Депортъ чуть не упалъ отъ испугу: то былъ Мазарини.

—

ГЛАВА XV

БѢГСТВО.

Знойное полуденное солнце раскалило дома и мостовую Рима. Нигдѣ не было замѣтно ни одной кареты, ни однѣхъ носилокъ. Только вдоль домовъ, подъ узкою тѣнію отъ карнизовъ и выпусковъ, люди ползли на Испанскую Площадь къ аустеріямъ, и то по одиначкѣ, тихо, медленно.

Пуссенъ несъ въ платкѣ мраморные куски; де-Вальероль тащилъ за нимъ мраморную ногу.

— Мнѣ, право, совѣстно, капитанъ! говорилъ Пуссенъ, положивъ свой тяжелый узелъ у Баркаччіи на Испанской Площади и стараясь освѣжиться брызгами водомета.

— Да у васъ ноша тяжелѣ, отвѣчалъ капитанъ, приставивъ ногу къ бассейну и отирая потъ, облившій лицо его.

— Мнѣ кажется, я снесъ бы Пантеонъ на плечахъ въ мою мастерскую, если бъ мнѣ его подарили.

— Однако, полдень. До дому пять шаговъ; отдохнемъ лучше въ прохладныхъ комнатахъ.

— Да! если дадутъ отдохнуть посѣтители.... а нечего дѣлать, пойдемъ. И художники собираются въ аустеріи на обѣдъ; заговорятъ. Пойдемъ!

Не успѣли они сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ Гаспаръ Дюге прибѣжалъ къ нимъ на встрѣчу.

— Николо! Николо! кричалъ онъ издали: гости пріѣхали.

— А что? не говорилъ я! сказалъ Пуссенъ съ досадой. — Какіе гости?

— Шантлу изъ Парижа.

— Ахъ, какъ я радъ! воскликнулъ Пуссенъ.

— И я тоже, сказалъ тихо Вальероль. — Не за нами ли?

Шантлу стоялъ подъ навѣсомъ и, увидѣвъ Пуссена, пошелъ къ нему на встрѣчу.

— Не могу обнять васъ, говорилъ Пуссенъ: дорогіе кусочки мѣшаютъ! — Возьми ихъ, Гас-

паръ! — Какими судьбами, дорогой Шантлу? Скажите, на долго ли?

— Отъ васъ зависитъ, отвѣчалъ Шантлу.

Всѣ вошли въ комнаты.

— Если такъ, я начну сочинять для васъ надгробный памятникъ; потому что и себя и васъ я хотѣлъ бы похоронить въ Римѣ.

— А я пріѣхалъ просить васъ въ Парижъ, отъ имени короля и кардинала.

Всѣ вздрогнули.

— Небо моего счастія опять помрачилось, сказалъ Пуссенъ съ грустью. Но я надѣюсь на вашу дружбу, Шантлу: вы посовѣтуете мнѣ, какимъ образомъ избѣгнуть этой ужасной необходимости! И скажите: давно ли наши господа Французы стали такъ постоянны въ своихъ намѣреніяхъ?

— Когда дѣло идетъ о славѣ націи, Французы всегда тверды и постоянны.

— Это доказываетъ продолжительное министерство Ришліе, сказалъ Гаспаръ, поглядывая на Вальероля.

Капитанъ бросилъ на него умоляющій взглядъ и скрылся.

— Молодой человѣкъ! не судите такъ опрометчиво о великихъ людяхъ.

— О великихъ извергахъ, сказалъ Дюге, и ушелъ.

— Кто этотъ молодой человѣкъ? спросилъ Шантлу.

— Братъ моей жены, Гаспаръ Дюге, котораго

скоро будутъ называть Гаспаромъ Пуссеномъ. Я его усыновлю.

— Зачтó же онъ такъ сердится на кардинала?

— За меня! Все семейство Гаспара здѣсь; а по милости Ришліё, по волѣ кардинала, онъ долженъ съ нимъ разлучиться, потому что безъ меня не останется въ Римѣ.

— Такъ вы готовы ѣхать въ Парижъ и освобождаете меня отъ необходимости употреблять хитрости, убѣжденія, просьбы, и прочая, и проч.?

— Ѣхать я долженъ, но, не скрою отъ васъ, я не перестану думать какъ бы избавиться отъ этого путешествія.

— Да чтó вы такъ разлюбили Францію? Римъ, вашъ Римъ, вотъ царство Гепсерика и Вандаловъ? Чтó у васъ сдѣлали съ Галилеемъ? чтó сдѣлали съ сочиненіями Декарта? Не говорю о писателяхъ: вспомните, что у васъ играютъ на театрѣ подъ секретомъ!

— Римъ, отвѣчалъ Пуссенъ, академія художествъ; и прекрасно дѣлаютъ, если не позволяютъ другимъ отраслямъ человѣческаго знанія возвышаться на счетъ художествъ.

— Вы покраснѣли. Такъ ваши чувства не согласны съ словами?... Не правда ли?

— Вру.... Вы угадали.... Но если люди и въ Римѣ невѣжды, поборники омраченія, такъ зато камни, стѣны Рима, разливаютъ неугасаемый свѣтъ, котораго не омрачитъ ни какая сила.

— Вы можете изъ Парижа сдѣлать тоже.

— Вы шутите, Шантлу!...

— Ни мало! По-крайней-мѣрѣ вы начнете. Я знакомъ со всею школою нашего Вуэ, и способности молодыхъ Французовъ меня удивляютъ; тѣло есть, не достаетъ души, и само небо васъ возлелѣяло въ Римѣ, чтобы нанести ему смертельный ударъ въ Парижѣ. И не досадно ли смотрѣть на эту монополію Рима, въ области, которая должна принадлежать всѣмъ равно! Гдѣ есть люди, тамъ должны быть и всѣ средства для ихъ нравственной жизни, точно такъ же, и для ихъ пищи.... Книгопечатаніе вырвало у наукъ эту исключительную таинственность, но, въ художествахъ, гравюра — плохое средство. Римъ стоитъ на землѣ волканической; младшіе города исчезли: кто поручится, что рука природы не опрокинетъ семи холмовъ столицы художествъ и не покроетъ страшнаго мавзолея зловоннымъ озеромъ, отъ котораго далеко разбѣгутся даже дикіе звѣри?... Помпея, Геркуланъ, Пестумъ — не далекіе сосѣди.... И на прошедшей недѣлѣ, говорятъ, подземные удары слышались въ римскихъ окрестностяхъ.

Пуссенъ сѣлъ и, положивъ голову на руки, впалъ въ глубокое раздумье. Прошло нѣсколько безмолвныхъ мгновеній. Великій художникъ всталъ и, откинувъ назадъ голову, съ гордостью отвѣчалъ:

— Останется исторія!

— Прекрасное утѣшеніе, когда все погибнетъ!

— По-крайней-мѣрѣ не отъ руки невѣжества. Но оставимъ этотъ разговоръ и пойдемъ обѣдать.

— Не могу, дорогой Пуссенъ! Я долженъ явить-

ся къ кардиналу Барберини. Можетъ-быть, и его святѣйшество удостоитъ меня выслушать... Послѣ обѣда, если позволите.

— Пожалуйте кушать, сказалъ капитанъ, отворивъ двери и почтительно остановясь за ними.

— Ступайте! ступайте! вы отдохните, а мнѣ надо спѣшить, сказалъ Шантлу и вышелъ.

Пуссенъ хотѣлъ идти за нимъ, но Вальероль бросился и отворилъ двери. Провожая Шантлу, капитанъ почтительно спросилъ по-италіянски:

— Позвольте узнать, синьоръ, какъ васъ зовутъ и гдѣ изволили остановиться: неравно барину понадобится.

— Зовутъ меня просто Шантлу, а остановился я на Испанской Площади у Чернаго Орла.

— «Хорошій признакъ! сказалъ Шантлу про себя: философъ завелся слугою!»

— Что съ вами, капитанъ? я васъ не узнаю, сказалъ Пуссенъ Вальеролю.

— Вы ѣдете въ Парижъ. День службы моей начался, по условію....

Съ-тѣхъ-поръ какъ вы живете въ моемъ домѣ, я и забылъ объ этой шуткѣ, которая насъ познакомила на площади Ротунды.

— Пуссенъ! неужели вы пошутили?

— Я видѣлъ невозможность вашего возвращенія во Франціи и хотѣлъ дружбой залечить раны вашего сердца. Замѣтьте, что я даже не любопытствовалъ узнать обстоятельствъ вашего дѣла, боясь вскрыть язвы, которыя, казалось, заживали.

— А я только о томъ и думалъ, когда вы по-

ѣдете во Францію и когда доставите мнѣ блаженство быть вашимъ слугою!

— Почтенное упрямство, Вальероль! Но я не желалъ бы доставить вамъ этого блаженства собственнымъ несчастіемъ.

— Молчу, молюсь и надѣюсь! Пожалуйте кушать.

За обѣдомъ Пуссенъ старался шутить, говорить о посторонних предметахъ, и каждый разъ прекращалъ разговоръ о поѣздкѣ въ Парижъ. Жена Пуссена, миловидная Француженка, не могла надивиться, отчего мужъ не соглашается ѣхать въ Парижъ. Тамъ ожидали её удовольствія, самыя соблазнительныя для женщины: французскіе кавалеры, путешественники, такіе милые, развязные! говорятъ такъ красно, что иногда нельзя понять о чемъ они думаютъ! такъ хорошо умѣютъ они скрывать свои ощущенія! какіе тамъ театры, балы!... жена Пуссена въ Парижѣ важнѣе многихъ герцогинь: чего добраго! самъ Людовикъ будетъ къ ней не равнодушенъ: вѣдь онъ любилъ же дѣвицъ д'Отфоръ и Лафайетъ! Быть равнодушной женой равнодушнаго мужа стало ей привычкой; но теперь она его ненавидѣла: Пуссенъ смѣялся надъ парижскими обычаями, надъ костюмомъ Шантлу, и восхищался кусками разбитой статуи!...

— Пойдемъ, сказалъ онъ, въ мастерскую, всталъ изъ-за стола и ушелъ съ Вальеролемъ.

Жена расплакалась. Гаспаръ журилъ сестру и проклиналъ Ришліё.

— Мастика портитъ видъ, а статуя прекрасна! говорилъ Пуссенъ, отходя отъ стола, на которомъ стояла склеенная статуйка смѣющагося Бахуса.

— Я полагаю, можно вытопить мастику на легкомъ огнѣ; мраморъ сойдется отъ недостатка воздуха между кусками и отъ тонкости въ слоѣ мастики. Бахусъ получитъ первоначальную цѣлость; останутся признаки, швы: да это не бѣда. Слава Богу, голова уцѣлѣла!... Какую я напишу вакханалію!... и подарю....

— Кажется, Римліё? сказалъ Вальероль, очищая мраморную ногу отъ земли и травы.

— Вы шутите, капитанъ! Удивительно, какъ это Урбанъ, который корчитъ знатока и покровителя художествъ, не займется раскапываніемъ виллъ? Мы, шутя, сегодня нашли два сокровища: а если бы поискать съ толкомъ и; главное, съ средствами.... Будемъ молчать, Вальероль, а черезъ недѣльку опять отправимся гулять куда-нибудь подальше. Каждый день нельзя: замѣтятъ; и Урбанъ завладѣетъ сокровищами, пока никому не принадлежащими. Я не воръ, и дѣйствую согласно съ римскими законами: Res nullius cedit primo occupanti.

— Да вы развѣ не думаете ѣхать въ Парижъ?

— Боже меня сохрани!

— Но если всѣ ваши покровители отрекутся? Шантлу потребуетъ отъ васъ рѣшительнаго отвѣта именемъ короля.

— О! тогда дѣло другое. Но я надѣюсь умилостивить Шантлу.

Шантлу вошелъ въ то самое время въ мастерскую вмѣстѣ съ Гаспаромъ, и слышалъ послѣднія слова.

— А я надѣюсь умилостивить васъ, Пуссенъ, сказалъ онъ. Вы вѣрно, не захотите разлучить меня съ семействомъ на всегда!

— Какъ, Шантлу!

— Безъ васъ я не имѣю права возвратиться во Францію.

— И я тоже! сказалъ тихо Пуссену Вальероль, проходя мимо него съ жаровней.

Пуссенъ опустилъ голову и безмолвно глядѣлъ на Бахуса.

— Римъ мнѣ улыбается въ этомъ антикѣ, сказалъ онъ съ грустію: а я долженъ ѣхать, Богъ знаетъ куда, Богъ знаетъ зачѣмъ!... Нѣтъ! дѣлайте, что̀ вамъ угодно, а я не поѣду.

—

Прошло нѣсколько дней въ безуспѣшныхъ переговорахъ. Шантлу успѣлъ вездѣ, только не у Пуссена; даже командоръ дель-Поццо согласился отпустить своего друга, но только на три года, и былъ счастливъ, что умѣлъ выторговать изъ сроку почти половину. Шантлу соглашался на все, разсыпалъ обѣщанія, но Пуссенъ былъ непоколебимъ. Съ печалію видѣлъ онъ, какъ покровители, которые съ такимъ жаромъ и такой хитростью сами прежде создавали препятствія къ поѣздкѣ его въ Парижъ, теперь толпами собирались къ нему по вечерамъ и уговаривали согласиться на предложенія

Шантлу. Пуссенъ заперъ двери своего дома. Шантлу и покровители отпирали ихъ настойчивымъ упрямствомъ. Пуссенъ притворно слегъ въ постель. Каждый присылалъ своего врача, и у постели Пуссена, цѣлые дни лучшее общество Рима ожидало его выздоровленія. Наконецъ Пуссенъ выздоровѣлъ, и обманулъ радость друзей своихъ. Въ нѣсколько часовъ весь Римъ узналъ о необыкновенномъ событіи. Толкамъ не было конца; догадки сыпались дождемъ.... напрасно!... Пуссенъ исчезъ изъ Рима.

—

ГЛАВА XVI.

ВИЛЛА АЛЬДОБРАНДИНИ.

Однажды, ввечеру, въ гостинницѣ Чернаго Орла, сидѣла толпа Французовъ, и уничтожала итальянское вино гомерически. Въ углу былъ небольшой буфетъ, и слуга, для принятія приказаній посѣтителей. Шумъ отъ французской бесѣды былъ слышенъ по всей площади. Вошелъ Вальероль и спросилъ у слуги:

— Что? никто на дняхъ не пріѣзжалъ изъ Франціи?

— Никто! Вотъ сидятъ послѣдніе!... Они пріѣхали съ этимъ господиномъ Чантелупо.

— Какъ! всѣ? спросилъ изумленный Вальероль.

— Всѣ; да они еще не всѣ, потому что шести человѣкъ здѣсь нѣтъ.

— А гдѣ же остальные?

— А каждый день въ-очередь ищутъ какого-то господина, который убѣжалъ изъ Рима.

— Сколько же ихъ всѣхъ?

— Ровно двѣ дюжины.

— Сколько же было нужно повозокъ для такого путешествія!

— У нихъ всего восемь повозокъ; все свои.... и пресмѣшныя.

— «Неужели это дворъ Шантлу? я никогда не слыхалъ, что Шантлу такъ богатъ!» подумалъ Вальероль, подошелъ къ собесѣдникамъ, и разговорился съ ними; выпилъ, съѣлъ, и внимательно сталъ разсматривать ихъ лица: всѣ были одѣты какъ порядочные люди, изъ *третьяго* состоянія; но изъ разговоровъ и ухватокъ было замѣтно, что платья на нихъ — чужія: по произношенію, рѣдкіе принадлежали къ парижскому округу; все обнаруживало какую-то тайную цѣль. «Слѣпыя орудія ужасной воли! подумалъ Вальероль: зачѣмъ вы здѣсь?..»

— Чортъ возьми! сказалъ Французъ въ красномъ плащѣ, съ огромными усами: когда намъ сдѣлали нарядъ, я звалъ славнаго Гаръ-Піона. Извѣстное дѣло! Хитрая голова: онъ какъ-разъ бы отыскалъ этого сумасшедшаго, что вторую недѣлю отъ насъ скрывается.

Вальероль затрепеталъ и ласково спросилъ:

— А ты знаешь Гаръ-Піона?

— Какъ же мнѣ его не знать! Каждый день въ дворцовой Галереѣ мы съ нимъ табакъ покупаемъ у одной и той же торговки.

— И въ этомъ все ваше знакомство?

— А чего еще!

— Отчего же онъ съ тобой не поѣхалъ?

— Да много причинъ. Во-первыхъ, говоритъ, не хочу служить кардиналу; во-вторыхъ, почему знать, можетъ и дѣло не чисто; а, главное, у меня, говоритъ, на рукахъ осталась госпожа молодая: такъ надо беречь пуще глаза, пока пріѣдетъ капитанъ.... Послѣднее еще туда-сюда; а ужъ первыя двѣ причины — вздоръ. Какое намъ дѣло? Кто насъ нанялъ, тотъ и отвѣчай: а мы дѣйствуемъ по условію; взять такъ взять; не обижать такъ не обижать; не выпустить — не выпустимъ: вотъ и все тутъ.

— А не знаешь ли у кого живетъ Гаръ-Піонъ?

— Говорилъ, да изъ ума вонъ.... Какой-то важный и умный человѣкъ.

Вальероль былъ такъ счастливъ, такъ веселъ, что приказалъ подать нѣсколько сосудовъ вина и просилъ выпить за здоровье добраго своего пріятеля, Помпея Гаръ-Піона.

— Именно, Помпей! какъ теперь помню! говорилъ красный: Помпей.... Такъ его и торговка называла... Помпей! Помпей Гаръ-Піонъ!... совершенно такъ... А тебя, дружокъ, какъ зовутъ?

— Меня? спросилъ съ улыбкой Вальероль, и, позволяя себѣ шутить съ невѣждами, прибавилъ: Юлій Кесарь Гаръ-Піонъ!

— Чортъ возьми! такъ какъ же ты приходишься Помпею?

— Племянникъ.

— Племянникъ! Такъ давай еще вина:

— Съ удовольствіемъ. Вина!

— А у кого служишь?

— Да вотъ у нашего, у Француза, Николая Пуссена.

— Пуссена! закричали всѣ и вскочили съ мѣстъ: лови его! онъ вѣрно знаетъ, куда Пуссенъ спрятался!

Вальероль уже былъ далеко, когда на Испанскую Площадь высыпали изъ аустеріи пьяные Французы и кричали: «Лови! лови Гаръ-Піона!... Юлія Кесаря!... племянника!...»

Изъ улицы появился папскій жандармъ, изъ аустеріи выпелъ Шантлу, и кое-какъ успокоили разгнѣванныхъ Французовъ.

—

Недалеко отъ Рима есть городокъ Фраскати, образовавшійся изъ тускуланскихъ развалинъ. Особенно здоровый воздухъ былъ причиною, что кругомъ и въ самомъ городѣ римскіе богачи завели прелестные виллы съ изящными дворцами и роскошными садами. Въ отчизнѣ Катона Ценсора доживалъ вѣкъ свой кардиналъ Альдобрандини среди превосходныхъ произведеній искусства, наукъ и природы. Былъ уже вечеръ: солнце не грѣло, но золотымъ шаромъ тонуло въ роскошной весенней зелени вѣтвистыхъ платановъ. Кардиналъ сидѣлъ въ широкихъ креслахъ и слѣдовалъ глазами за утопающимъ солнцемъ. Пуссенъ оканчивалъ рисунокъ съ Доменикиновой фрески, украшающей виллу Альдобрандини.

— Забавно! сказалъ кардиналъ: мнѣ снилось, или я на яву мечталъ, будто Пуссенъ когда-нибудь посѣтитъ старика въ тайномъ убѣжищѣ Доменикина; но никогда не думалъ, что увижу его, какъ Цампіери, добровольнымъ изгнанникомъ изъ Рима отъ преслѣдованія и гоненія враговъ своихъ. Любовь ваша къ Италіи — лучшая похвала нашей несчастной отчизнѣ!

— Ахъ, эминенца! сказалъ со вздохомъ Пуссенъ: зачѣмъ на свѣтѣ существуетъ политика! Неужели міръ никогда не будетъ государствомъ братій.

— Философъ! не съ нашими страстями думать объ этомъ! Блаженъ, кому средства позволяютъ нѣсколько локтей земли обнести высокою стѣною, повыше человѣческаго роста, чтобы глаза проходящихъ не соблазнялись завистью, и за стѣною устроить себѣ небольшой рай изъ деревъ, цвѣтовъ, свѣжей воды, душистыхъ травъ, спокойныхъ комнатъ, и безцѣнныхъ произведеній науки и искусства. Долголѣтіе и счастіе — принадлежности только совершеннаго уединенія. Даже другъ нерѣдко возмущаетъ тишину райской обители!... Я не успѣлъ еще совершенно разлучить себя со внѣшнимъ міромъ, и уже нерѣдко сержусь на послѣдній мой недостатокъ, состраданіе; но благословляю его, когда небо посылаетъ возможность подать руку помощи Доменикинамъ и Пуссинамъ! Впрочемъ, это себялюбіе.... Художникъ въ моемъ уединеніи — новая книга, новая картина.

Стало совсѣмъ темно. Пуссенъ положилъ карандашъ и опять сказалъ со вздохомъ:

— Что теперь думаютъ обо мнѣ въ Римѣ?

— Вотъ лишняя мысль для нашего счастія! Не должно никогда думать о томъ, что объ насъ думаютъ другіе. Эта дума — мать тщеславія, честолюбія, самолюбія, лжи, хитрости, коварства и многихъ другихъ пороковъ; она врагъ добродѣтели, которую многіе присоединяютъ къ числу пороковъ подъ именемъ себялюбія. Я люблю думать о томъ, что думаютъ другіе, но не обо мнѣ, а о природѣ. Римскіе себялюбцы сожгли сочиненія Картезія, а я отъ нихъ въ три недѣли сдѣлался умнѣе.... Но я не стану спорить съ Римлянами: я даже не скажу имъ, что читалъ Картезія; даже, смотря по обстоятельствамъ, если замѣчу, что они возмущаютъ мое спокойствіе вопросами, я похвалю ихъ поступокъ.

— Ужасная мудрость!

— А я отъ нея счастливъ! Вы замѣтили, Пуссино, что у меня въ большой залѣ слишкомъ много скульптуры, и что однѣ статуи лишаютъ эффекта другія? Потрудитесь разставить ихъ по вашему разумѣнію во всемъ дворцѣ. Для меня двойная выгода: наслажденіе съ новыхъ точекъ зрѣнія, и экономія наслажденія. Вы совершенно правы: когда я бываю въ залѣ, я всегда затрудненъ выборомъ: чѣмъ любоваться?

Вошелъ секретарь кардинала и доложилъ, что слуга Пуссино спрашиваетъ его.

— Это мой добрый Вальероль; одинъ онъ только знаетъ мое убѣжище.

— И напрасно, замѣтилъ кардиналъ: безопас-

ность потеряна. Зачѣмъ оставлять какую-нибудь связь съ людьми, отъ которыхъ бѣжимъ! какой-нибудь слѣдъ для ихъ завистливаго и чуткаго обонянія? Даже мысленныя сношенія опасны: они могутъ возбудить расканіе, сожалѣніе, и тому подобное.

Пуссенъ вышелъ и встрѣтилъ Вальероля съ веселымъ лицомъ.

— Что, капитанъ? всѣ ли довольны моимъ поступкомъ?

— Какъ-нельзя больше! отвѣчалъ Вальероль; потому что рѣшились на послѣднія мѣры: рѣшились употребить насиліе.

— Что вы, что вы, капитанъ? на что это похоже?

— На повелѣнія кардинала Ришліё.

И Вальероль разсказалъ все, что съ нимъ случилось въ гостинницѣ Чернаго Орла.

Пуссенъ задумался.

— Но какъ они меня отыщутъ? спросилъ онъ, послѣ мгновеннаго молчанія.

— Да все Фраскати знаетъ объ вашемъ пребываніи на виллѣ, а люди Шантлу уже въ Палестринѣ, и разспрашиваютъ вездѣ, гдѣ можно; я обогналъ ихъ.

— Но кардиналъ меня не выдастъ!

— На это не полагайтесь, любезный другъ, сказалъ секретарь, который въ это время вышелъ отъ кардинала: Альдобрандини слишкомъ дорожитъ своимъ спокойствіемъ и ссориться съ папой

не будетъ; а если узнаютъ, что вы здѣсь, выхлопочутъ цѣлую буллу.

— Изо всего я вижу, что мнѣ приходится ѣхать; необходимость печальная, но я не упрекну себя, что я самъ согласился на мое несчастіе. Пусть меня украдутъ.... Ну вотъ, любезный Вальероль, помогите моимъ врагамъ, и мы уѣдемъ вмѣстѣ!

— Вы не шутите?

— Я рѣшился.... Но еще одно условіе: безъ Гаспара я не поѣду.

—

Шантлу сидѣлъ одинъ въ высокомъ мезонинѣ въ гостинницѣ Чернаго Орла. Рано утромъ, страдая безсонницей по милости Пуссена, онъ перебиралъ въ головѣ своей какими средствами открыть его убѣжище; изъ Неаполя и Флоренціи, изъ Генуи и Венеціи, отовсюду получены уже письма: нигдѣ не видали Пуссена.... Кто-то постучался у дверей.

— Войдите, сказалъ Шантлу, и вошелъ Вальероль.

— Вѣрно ты пришелъ жаловаться на моихъ людей? сказалъ Шантлу.

— Нѣтъ! отвѣчалъ Вальероль: а пришелъ просить нельзя ли окончить эту исторію.... Вы только измучите людей, а ничего не узнаете.

— Любезный другъ, но я безъ Пуссена не могу ѣхать!

— И я тоже; а страхъ, какъ хочется побывать на родинѣ. Только я вамъ скажу, что добромъ вы

Пуссена не возьмете; а развѣ силой. Если бы вы рѣшились на это средство....

— Все истощено; лишь бы только найти его, я рѣшился на эту непріятную мѣру.

— Одно желаніе возвратиться на родину не заставитъ меня измѣнить тайнѣ моего добраго господина.

— Все, что хочешь, Жанъ! Все, что хочешь!

— Какъ вы это соблазнительно говорите! Да я боюсь, вы еще его убьете, какъ онъ станетъ защищаться....

— О! этого случиться не можетъ; я буду впереди.... Но гдѣ онъ? Ради бога, гдѣ онъ?

— Постойте! Вы скажете, что вы хотѣли меня пытать, и только ужасъ мученій....

— Конечно! конечно!

— Но, вотъ бѣда! Какъ мы возьмемъ Гаспара!

— Да зачѣмъ намъ Гаспаръ!

— Такъ прійдется съ дороги возвращаться, или посылать за Гаспаромъ.... Безъ него онъ и силой не поѣдетъ.

— Что же намъ дѣлать?

— А вотъ что: черезъ два часа мы будемъ съ Гаспаромъ на мосту della Solfatara: велите насъ схватить на дорогѣ, и тогда за Пуссеномъ.... Но ужъ такъ, чтобы прямо и въ дорогу!...

—

Вечерѣло. Пуссенъ возвращался съ горы, гдѣ въ древности находились тускуланскія виллы; весь

Римъ и море были видны съ виллы Руффинельской, и Пуссенъ замѣтилъ, что подъ горой, у лѣса, остановилось много повозокъ, изъ которыхъ высыпало около двадцати человѣкъ: впереди шелъ Шантлу. Первая мысль: бѣжать; но Пуссенъ вспомнилъ разговоръ съ Вальеролемъ, и съ гордостью и спокойствіемъ ожидалъ Шантлу и его людей.

— Шантлу! вы нигдѣ не дадите мнѣ покою? сказалъ Пуссенъ.

— Кромѣ какъ въ Парижѣ! отвѣчалъ Шантлу.

А люди, окруживъ Пуссена, почтительно, ожидали дальнѣйшихъ приказаній своего начальника.

— Это похоже на насиліе!

— Не доводите до этой ужасной мѣры.

— Помните, Шантлу, что я повиновался вооруженной силѣ.

— Считайте, какъ хотите, нашъ поступокъ, но лошади готовы и мы объѣдемъ Римъ еще сегодня ночью.

— Безъ Гаспара и моего слуги я не могу ѣхать.

— Они въ повозкахъ, отвѣчалъ Шантлу; со всѣми вещами, которыя намъ казались необходимыми для вашей поѣздки.

— Но жена...

— Она затруднила бы только путешествіе; но завтра нашъ посланникъ обо всемъ ее увѣдомитъ и будетъ заботиться объ ея нуждахъ и спокойствіи.

— Такъ нѣтъ уже ни какого средства?...

— Ни какого, отвѣчалъ Шантлу.

Пуссенъ протянулъ руки къ Риму, заплакалъ и, отерши слезу, сказалъ Шантлу съ трагическою важностью:

— Ведите меня въ темницу!

Шантлу повиновался.

ПРІЕМЫ.

Vinta sarà natura, e da tuoi inganni
Rosa eloquente dirà, te laudando,
Che tu solo il pitor sei de'pittori.
FRANCIA.

ГЛАВА I.

ОТЪѢЗДЪ.

Часть нижняго жилья вандомскихъ палатъ, гдѣ проживали нѣкогда многочисленные слуги герцога, пажи и комнатные дамы герцогини, ревностью и усердіемъ къ искусству ординарнаго живописца его королевскаго величества, Филиппа Депорта, была обращена въ довольно обширную залу. Въ разныхъ мѣстахъ этой залы Альфредъ Дени и еще трое молодыхъ людей занимались живописью. Порядокъ въ школѣ Депорта былъ удивительный: ученики работали каждый у своего окна; всѣ мольберты, стулья, палитры и прочія принадлежности были одинаковыя; въ каждомъ углу стояла гипсовая статуя; у стѣнъ на полкахъ разложены ноги, руки и головы людей и животныхъ; внизу восковыя раскрашенныя фигурки въ двѣ трети противъ натуры и въ различныхъ костюмахъ. Вся зала была вымыта и вылощена; у оконъ,

подъ рабочими мѣстами, разостлано было сукно, которое всякій разъ поспѣшно убирали, какъскоро ожидали важнаго посѣтителя. Депортъ ходилъ взадъ и впередъ, читая длинныя наставленія; ученики ихъ не слушали; Альфредъ Дени работалъ для извѣстной намъ цѣли, а прочіе трое были изъ жидовъ, и счастіе Депорта считали геніемъ перваго разряда. Одинъ изъ нихъ подавалъ недурныя надежды, и въ этотъ разъ писалъ съ эскиза видъ монастыря визитокъ, а Дени писалъ картину сочиненія самого Депорта, сочиненія (nota bene) не карандашемъ на бумагѣ, а на словахъ: «Ангелъ, въ видѣ монахини, благословляетъ Людовика Святаго во время болѣзни.» Изъ-подъ монашеской рясы торчали крылышки. Депортъ сердился на Дени, зачѣмъ крылышекъ почти не видно.

— Поправьте, сдѣлайте одолженіе, право не знаю, сказалъ Депи.

— Хороша будетъ школа, когда я самъ буду за всѣхъ работать, отвѣчалъ Депортъ.

Карета съ шумомъ подкатилась къ крыльцу.

— Мазарини! Мазарини! закричалъ Депортъ. Сукно долой!

Онъ спокойно сѣлъ за круглый столъ, гдѣ лежало множество рисунковъ. Ученики со смѣхомъ исполнили приказаніе, и, бросивъ сукно въ другую комнату, чинно усѣлись на свои мѣста.

Мязарини вошелъ и остановился съ видомъ изумленія. Депортъ, съ карандашомъ въ рукахъ, погруженъ былъ въ глубокія размышленія и не замѣчалъ гостя. Молодежь не выдержала; но,

желая заглушить смѣхъ, Депортъ рѣшился прервать молчаніе: какъ-будто нечаянно увидѣлъ Мазарини, подымаясь съ важностью съ креселъ, сказалъ:

— Благодаримъ за честь, монсиньоръ! Наконецъ и вы посѣтили мою школу!

— Истинно на диво! отвѣчалъ Мазарини, притворно удивляясь. Это образецъ порядка, чистоты, точности.... (и безталантности! прибавилъ онъ въ мысляхъ).

— Да, да, сказалъ Депортъ смиренно. Богъ милостивъ! По-крайней-мѣрѣ труды, усердіе и деньги не пропадаютъ даромъ.

— Жаль, что я не могу войти во всѣ подробности вашего превосходнаго заведенія. Я спѣшу сообщить вамъ весьма пріятныя приказанія.

— Какія, монсиньоръ?

— Тайна, тайна! Но предупреждаю, пріятная и достойная такого выбора.... Пойдемъ наверхъ.

— Нѣтъ, монсиньоръ, мой кабинетъ теперь внизу. Пожалуйте. — Господа! теперь прошу не лѣниться. Къ пріѣзду его величества картины должны быть готовы!

Чрезъ парадныя сѣни Депортъ повелъ Мазарини въ небольшой кабинетъ, убранный, по времени, съ изяществомъ и вкусомъ, но вмѣстѣ похожій болѣе на книжную лавку въ галереяхъ Палаты Юстиціи. Огромный прилавокъ стоялъ по-серединѣ; кругомъ кресла, полки съ книгами и богатыя занавѣски, — наслѣдство Вандомовъ. За этимъ прилавкомъ Депортъ ежедневно принималъ заказы,

продавалъ краски и другія художническія принадлежности, получаемыя будто-бы изъ Италіи; снабжалъ совѣтами придворныхъ слугъ, обѣщалъ протекцію, и такъ далѣе. Рядомъ съ этой лабораторіей, гдѣ выдѣлывалось тончайшее плутовство, была другая небольшая комната, въ одно окно съ желѣзною рѣшеткою изнутри. Это была токарная мастерская. Подражая великимъ людямъ, любившимъ это пріятное искусство, Депортъ ежедневно запирался въ свою токарную, гдѣ у него были и хозяйство и архивъ. Произведеній уединенной работы было немного: шахматы, по заведенному обычаю, палочки для кисточекъ, дамскія палитры и тому подобное; но оттуда больше всего выходило ящиковъ съ красками, которыя онъ сбывалъ за римскія, флорентинскія, венеціянскія, болоньскія, севильскія, съ безчисленными вторыми названіями. Въ эти времена врачи были вмѣстѣ и аптекарями, художники продавцами матеріяловъ для своего дѣла, и подобная торговля ни мало не считалась предосудительною. Но, по особенному соображенію, нельзя было Депорта находить въ кабинетъ-лавочкѣ во всякое время: для того назначены были извѣстные часы самаго ранняго утра, когда еще высшіе касты Парижа пребывали за богатыми занавѣсками своихъ дубовыхъ кроватей съ золоченной рѣзьбою. Депортъ ввелъ Мазарини въ кабинетъ и, запирая двери, спросилъ съ любопытствомъ: — Какія приказанія, монсиньоръ?

— Поѣзжайте въ Фонтенбло, для принятія Пуссена.

— Какъ! неужели?

— Люди Шантлу уже пріѣхали. Пуссенъ будетъ завтра въ Фонтенблò. Вотъ инструкція для его пріема. Она написана на имя Горда, но я выпросилъ у кардинала это порученіе для васъ. Первые дни составляютъ все; потомъ трудно измѣнить публичное мнѣніе.

— Глубокій расчетъ! Я черезъ часъ поѣду въ Фонтенблò.—Что, монсиньоръ? спросилъ Депортъ съ коварной улыбкой: каковò идутъ ваши дѣла съ Джудитой?

— Неужели вы не знаете? отвѣчалъ Мазарини, съ примѣтной досадой. Она согласилась допустить меня къ свиданію, по вашему убѣжденію, въ гостиной, одного, и безъ свидѣтелей. Обѣты возвратить всю прежнюю нѣжность она приняла съ холоднымъ равнодушіемъ и отвѣчала фразами: «Нельзя возвратить невозвратимаго... Невѣрность—стихія мужчинъ....», и тому подобное. «Послушайте сказала она послѣ мгновеннаго молчанія: я согласна, но не иначе, какъ на слѣдующихъ условіяхъ: вы должны объявить меня титулованной любовницей вездѣ!» Это безуміе!

«Это расчетъ!» подумалъ Депортъ.

Мазарини продолжалъ: Дальнѣйшихъ условій я и слушать не хотѣлъ; но она продолжала настойчиво: «Вы должны исходатайствовать прощеніе капитану Вальеролю.»

«Это безуміе!» подумалъ Депортъ.

Мазарини продолжалъ: Это расчетъ, подумал я: и расчетъ весьма умный! Она сдѣлаетъ Эве-

лину недоступною. Храбрый капитанъ не такъ сговорчивъ. Однимъ словомъ, всѣ условія были только рядъ невозможностей. Я предлагалъ деньги и требовалъ дѣтей. «Какія дѣти? спросила она, съ видомъ изумленія. Утѣшьтесь! ихъ давно убралъ Господь; а эти — плодъ другой любви.»

— Не можетъ быть! не правда! сказалъ Депортъ. Такъ вы ничемъ не кончили?

— Ничѣмъ! Я хотѣлъ испугать ее местью и тѣмъ принудить къ молчанію: она отвѣчала, что случай открылъ и ей дѣйствительныя средства къ той же цѣли. Однимъ словомъ, вся надежда на васъ. Мнѣ нужно молчаніе, тайна, на нѣсколько недѣль. Съ другой стороны, я хотѣлъ вамъ сказать, что, съ такимъ поведеніемъ Джудиты, вамъ опасно держать Эвелину въ своемъ домѣ, и я полагаю, пора ее выдать за-мужъ.

— Рано, монсиньоръ! Молода! И по разсудку можно замѣтить, что она еще не развилась вполнѣ.

— Пустое, пустое! За мужемъ разовьется, и я для нея пріискалъ жениха.

— Кто же это?

— Добрый малой, скромный, покорный. Я сдѣлаю его своимъ секретаремъ, поведу и дальше.

— Я не знаю какъ благодарить васъ, монсиньоръ, за доброе расположеніе къ нашему дому. Конечно, человѣкъ ужъ не молодой?...

— Онъ, нельзя сказать молодъ, но еще свѣжъ, крѣпокъ, дѣятеленъ.

— Ей надо именно такого мужа, и я при первомъ случаѣ испрошу позволеніе у кардинала....

— Боже васъ сохрани, Депортъ!

— А что?

— Нѣтъ! Вѣдь это только предположеніе. Надо еще поговорить съ женихомъ. Пока, отложимъ.. Прощайте, любезный Депортъ. Поѣзжайте поскорѣе въ Фонтенбло; а я ѣду, въ новомъ званіи государственнаго совѣтника и секретаря, показаться въ парламентъ, и потомъ на ратушъ: прескучныя формы!... Прощайте!

«Надо придумать другое средство, говорилъ про себя Мазарини, уходя. Черезъ людей?... Надо ихъ задобрить. Денегъ тутъ нечего жалѣть: стоитъ....

И кошелекъ, туго набитый золотомъ, остался въ рукахъ Гаръ-Піона, который помогалъ Мазарини усѣсться въ карету.

Изумленный Гаръ-Піонъ стоялъ у крыльца въ раздумьѣ, потомъ, какъ-будто опомнясь, закричалъ: — Гойко, Гойко! Богъ послалъ!

Но Гойки не было.

— Пойду я самъ къ головѣ: авось умилостивлю! сказалъ Помпей, и отправился на островъ.

Голова и старшины, — такъ мы будемъ называть monsieur le prévôt et les échevins, — были въ полномъ замѣшательствѣ, когда Гаръ-Піонъ вошелъ въ главную залу ратуши. Множество сановитыхъ горожанъ, купцовъ и мелкихъ торговцевъ изъ лавокъ, разставленныхъ въ нижней галереѣ Палаты Юстиціи, тѣснились въ залѣ съ

своими тяжбами. Какъ Гаръ-Піонъ былъ выше всего парижскаго народонаселенія цѣлою головою, то ему очень удобно было видѣть, въ какомъ смущеніи находилось собраніе старшинъ. Гаръ-Піонъ неустрашимо протѣснился къ перегородкѣ, перевѣсился и сказалъ на ухо самому головѣ: — Денежное дѣло, господинъ голова!

Голова повернулся и принелъ еще въ бо́льшее смущеніе, увидѣвъ одинъ усъ и огромный ростъ Гаръ-Піона.

— Что тебѣ угодно, почтеннѣйшій?

— На два слова, господинъ голова!... жалѣть не будете.

— Но мы ждемъ важной особы, съ предложеніемъ отъ его эминенціи, кардинала-герцога.

— Будьте спокойны: воротиться успѣете.

— Странная настойчивость!... вѣрно, дѣло важное, сказалъ голова, шепнулъ нѣсколько словъ ближайшему старшинѣ и вышелъ съ Гаръ-Піономъ въ смежную комнату.

— Я Помпей, по прозвищу Гаръ-Піонъ, фамиліи не помню, драгунъ его величества, нынѣче въ услугахъ у господина кавалера Депорта, ординарнаго королевскаго живописца, пользующагося особенною милостью короля, королевы, дофина и всѣхъ министровъ. Это—мой титулъ; а просьба—отпустить Сару, или.... какъ ее иначе зовутъ по книгамъ?... на которую имѣется подозрѣніе, якобы она жидовка. Эта женщина нужна господину Депорту для модели, и мужъ ея согласился на то

съ условіемъ, чтобы господинъ Депортъ доплатилъ сколько будетъ слѣдовать

Голова покраснѣлъ и не безъ затрудненія отвѣчалъ:

— Это была шутка, любезный Гаспаръ: женщина замѣшана въ вандомское дѣло.

— Не извольте продолжать шутки, господинъ голова. Я самъ замѣшанъ въ вандомскомъ дѣлѣ, то есть, служилъ у друга герцога Вандомскаго, знаю всѣхъ друзей герцогскихъ, которыхъ вы, изъ угожденія кому-то, изволили выслать изъ Франціи.... и за-что?... курамъ на-смѣхъ: зачѣмъ они друзья герцога! зачѣмъ по четвергамъ у него обѣдали, да разъ въ годъ ѣздили въ его помѣстья охотиться!... Такъ ужъ не извольте говорить. Теперь и королю извѣстно, что замысла ни какого не было; а эта женщина — несчастная жертва дурнаго порядка въ городѣ. Молодежь, что хочетъ, то и дѣлаетъ: только на дуэль не выходи, а такъ, рѣжь, бей, крадь — ратуша ничего не скажетъ. Каждую ночь, слышно, или женщину, или дѣвушку украли, и ужъ на какомъ предмѣстьѣ будетъ исторія, тамъ, вѣрно, ни одного городскаго стрѣлка не встрѣтишь. Мало того, украли эту женщину, вамъ бы слѣдовало освободить несчастную, а виновныхъ послать въ бастильскій или венсенскій замокъ; а вы ихъ безъ наказанія, по другому дѣлу, за границу выслали, а женщину въ тюрьму, да изъ бѣдности послѣдній сокъ давите. Такъ извольте мнѣ отдать ее; а вотъ и деньги.

— Какія деньги, любезный Помпей? Говорятъ тебѣ, шутка. А брали съ мужа за лучшее содержаніе жены и самого кормили. Истинный подвигъ милосердія! Но скажи, пожалуй, какъ это все дошло до мосье Депорта?...

— Да еще не дошло со всею подробностью. Мнѣ, просто, приказано было модель отыскать, во что бы то ни стало, потому что картину надо написать къ королевскому пріѣзду. Такъ я только о цѣнѣ объявилъ; а исторію приказано ввечеру разсказать, на свободѣ и досугѣ....

— Ты конечно меня оправдаешь передъ г. Депортомъ?

— Только помогите мнѣ быть исправнымъ и доставить ему модель черезъ часъ, пока свѣтло, такъ ужъ я и за мужемъ и за женою смотрѣть буду; научу что говорить; и вы скажете про Гаръ-Піона: «Умница!» А я вамъ на досугѣ послужу.

— Сейчасъ, любезный другъ; вотъ я напишу записочку.

— Такъ ужъ и расписочку въ полученіи денегъ.

— Нѣтъ, любезный! Ты человѣкъ бѣдный: пригодятся.

— А обѣдни, господинъ голова?

— Да я ужъ на свой счетъ отслужу.... Но у меня есть и къ тебѣ просьба.

— Приказывайте, господинъ голова.

— Нѣтъ ли у твоего господина портрета аббата Мазарини?

— Не знаю. Можетъ, и есть. Они друзья.

— Мы въ большомъ затрудненіи. Онъ будетъ у насъ сегодня, а въ залѣ нѣтъ его портрета, когда всѣхъ другихъ совѣтниковъ по два, одинъ въ залѣ, другой въ галереѣ.

— Да скоро ли онъ будетъ?

— Черезъ часъ, не позже.

— Портретъ будетъ, только взаймы, господинъ голова; а черезъ двѣ недѣли получите уже свой. У меня есть молодой живописецъ: чортъ его побери, какъ пишетъ! У него есть на дому портретъ моего капитана: какъ прійду, да, знаете, съ-разу отворю двери, не могу удержаться, такъ и гаркну: Добрый день, капитанъ!

— Хорошо, мой другъ. Пусть напишетъ. А что будетъ стоить?

— Квитъ, господинъ голова: услуга за услугу. Прощайте!

—

— Что баринъ? спросилъ Гаръ-Піонъ, подходя къ крыльцу своего дома.

— Уѣхалъ въ Фонтенбло, отвѣчалъ Гойко, лежа на своемъ львѣ. Спрашивалъ тебя. Я сказалъ: вѣрно, въ кабачкѣ. «Бѣдный Гаръ-Піонъ! вскричалъ онъ: у него, я думаю, и денегъ нѣтъ на что выпить!» Да, отвѣчалъ я: когда развѣ знакомые поподчиваютъ. — «Подчивай его почаще, сказалъ баринъ и далъ денегъ. Лучше, когда онъ почаще и подальше отъ дому бываетъ.»

— Ахъ, онъ старая морковь съ хрѣномъ! По-

сѣдѣлъ въ плутовствѣ, а краска стыда съ рожи не сходитъ: такъ пристыдился! Сегодня же найму квартиру и увезу Эвелину.

— Не дурачься, Гаръ-Піонъ! не дурачься! Видишь, какіе сильные люди за нею волочатся. Тутъ только хитростью возьмешь. Ты ужъ теперь ничего не бойся. Видишь?... и къ женѣ не хожу, день и ночь лежу, да примѣчаю.

— Да я, знаешь, скажу Альфреду: такъ онъ его гдѣ-нибудь, въ переулкѣ....

— Боже тебя сохрани! Только Альфреда погубишь, госпожу убьешь, а самого скрутятъ.

— Да что же мнѣ дѣлать?

— Сидѣть на мраморномъ львѣ; а придетъ время, всѣхъ перессоримъ: подерутся; вотъ тогда, во время войны, наше дѣло — дамъ припрятать.

— На, поди же, найми гдѣ-нибудь по-дальше квартиру.

— Сколько у тебя денегъ, Гаръ-Піонъ?

— Ступай, ступай! Ничего не дамъ, если не исполнишь, о чемъ прошу! Найми квартиру, прійди сказать гдѣ, и ступай, сторожи ее; а я ввечеру приведу туда....

— Эвелину?

— Нѣтъ.

— Кого же?

— Увидишь.

—

Эвелина и Джудита сидѣли за завтракомъ. Альфредъ стоялъ за стуломъ Эвелины.

— Не повѣрите, какъ у меня бьется сердце! сказалъ Альфредъ. Сегодня пріѣзжаетъ въ Фонтенбло знаменитый Пуссенъ.

— А вамъ отъ него какая прибыль? спросила Джудита.

— Откроются работы въ Лувръ. Пуссенъ — великій человѣкъ, не только великій живописецъ! Онъ дастъ и мнѣ работу, и, можетъ-быть, войдетъ въ мое положеніе.

— Неужели вамъ не хорошо у насъ? спросила Джудита.

— Рай съ адомъ по-поламъ! Знать, что я любимъ, и видѣть мою властительницу въ такой опасности!

— Какой ревнивый вздоръ! сказала Джудита. Опасность женщины только въ ея собственной волѣ. Посмотрите на меня: я пала единожды, и послѣ этого, казалось бы, скромность и добродѣтели излишни; особенно съ такимъ мужемъ; а я дозволила себѣ только забаву, забаву, достойную уваженія, потому-что она отвлекаетъ искателей отъ Эвелины! И мы каждый день смѣемся надъ побѣжденными: это не мѣшаетъ намъ любить пламенно, искренно....

— Кого же?

— Про Эвелину вы знаете; про себя не скажу.

— Наконецъ и ваше сердце побѣждено?

— Воспоминаніями.

— Неужели этотъ извергъ?...

— Не спрашивайте.

Вонелъ Гаръ-Піонъ.

— Позвольте мнѣ, милостивая госпожа, украсть на два часа портретъ господина Мазарини изъ столовой.

— Нельзя ли украсть его совсѣмъ?

— Слушаю-съ, отвѣчалъ Гаръ-Пионъ, и отправился за добычей.

— Другъ мой, сказала Джудита, взявъ за руку Эвелину: Депортъ долго пробудетъ въ Фонтенблò; мы можемъ избавиться отъ комедіи, которую безпрестанно разыгрываемъ; можемъ отдохнуть, подышать свѣжимъ воздухомъ, подкрѣпиться для дальнѣйшихъ подвиговъ....

— Куда же? спросила Эвелина.

— Въ замокъ д'Орбиньи! Онъ недалеко отъ Парижа: три, четыре часа ѣзды.

— Ахъ, Джудита! тамъ много молодыхъ дворянъ, сказалъ грустно Альфредъ.

— Перестаньте, ревнивецъ! Вы, право, надоѣли. Вы хотите, чтобы она, какъ бездушное зеркало, отражала только васъ! Молодая дѣвушка... ей нужно разсѣянье, а ваша любовь, право, похожа на темницу.

— Да и прилично ли однѣмъ дамамъ ѣхать къ холостому человѣку? замѣтилъ Альфредъ.

— Опять! закричала Джудита. Да это въ модѣ! И какой онъ холостой человѣкъ? У него есть мать, двѣ сестры. Мы познакомились съ ними недавно въ театрѣ. Моя Марія.... помните?... дочь моей Катерины, у которой я выросла.... любила д'Орбиньи прежде Пальфи, и какъ я ни смѣялась надъ первою любовью, а надо согла-

ситься, что эта любовь не умираетъ. Пальфи скоро отойдетъ къ предкамъ: жаль! онъ добрый человѣкъ; но Небо милосердо: д'Орбиньи больше любилъ Марію, всю жизнь остался ей вѣрнымъ, и, теряя друга, получитъ любимую жену. Вотъ и все тутъ. Поняли?... Такъ ѣдемъ!

— Но я не могу, у меня срочныя работы, опять заговорилъ Альфредъ.

— Да васъ кто проситъ безпокоиться? съ неудовольствіемъ сказала Джудита и, замѣтивъ, что Эвелинѣ были не весьма пріятны подобны разговоры, шепнула ей на ухо:—Надо, любезная Эвелина! Такъ надо, если не хотите нажить несноснаго тирана. — И потомъ, снова обращаясь къ Альфреду, весело продолжала:—Моя школа труднѣе Депортовской: тамъ вы учитель, а у меня лѣнивый и непонятливый ученикъ. Пойдемъ, Эвелина, одѣваться! Каждую минуту я жду кареты. Прощайте!

Обѣ присѣли, улыбаясь, и оставили Альфреда, одного въ обществѣ самыхъ грустныхъ думъ, темныхъ сомнѣній и разнообразныхъ намѣреній.

— Нѣтъ! громко говорилъ Альфредъ, почти бѣгая изъ угла въ уголъ: я догадываюсь.... Мои опасенія были справедливы.... Тутъ что-то кроется!... Меня обманываютъ....

Стукъ кареты остановилъ на-время потокъ мыслей и словъ.

— Хорошо! прекрасно! я дождусь ихъ здѣсь... я потребую объясненій.... я.... я....

Снова раздался стукъ кареты. Альфредъ подбѣ-

жалъ къ окну: задергивая занавѣски кареты, Джудита, съ насмѣшливой улыбкой, поклонилась Альфреду.

— Онѣ уѣхали! кричалъ Дени.

— Укатили! отвѣчалъ Гаръ-Піонъ, входя въ комнату....

— Въ замокъ д'Орбиньи!

— Въ замокъ д'Орбиньи?

— На свиданіе съ Сенъ-Марсомъ!

— На свиданіе съ Сенъ-Марсомъ?

— Нѣтъ! этого не будетъ!...

Альфредъ убѣжалъ.

— Чего не будетъ? спросилъ изумленный Гаръ-Піонъ, повторявшій восклицанія Альфреда. Но на этотъ вопросъ Помпей не получилъ никакого отвѣта.

—

ГЛАВА II.

ИНСТРУКЦІЯ.

Вечерѣло. Парижскій декабрь не то, что сѣверные богатырскіе декабри: дрянь, карикатура, кислая погода!... а безъ предосторожностей гораздо опаснѣе *сирокко* и сорока-градуснаго мороза! Впрочемъ, въ этотъ вечеръ воздухъ освѣжился морозомъ, правда, миніатюрнымъ, но и то благо! Солнце ложилось весело; во всемъ отдѣленіи фонтенблоскаго дворца, назначенномъ для временнаго жительства Пусоена, пылали камины, и дымъ, кудрявыми столбами, восходилъ въ чи-

стое небо. Депортъ, въ зеленомъ, шитомъ шелками, камзолѣ, съ зелеными узкими исподнями, въ короткой мантіи съ золотымъ бордюромъ, висѣвшей на двухъ золотыхъ снуркахъ съ кутасами, и въ сапогахъ съ фрезами, какія обнимали его шею, безпрестанно подходилъ къ зеркалу и смотрѣлъ, не сдвинулась ли съ мѣста новоприобрѣтенная шпага. О лицѣ онъ мало заботился; но историческая строгость запрещаетъ намъ пропустить одно обстоятельство, о которомъ мы не имѣли случая упомянуть прежде. Несмотря на зрѣлыя лѣта и сѣдой волосъ, о чемъ такъ аллегорически въ предшествующей главѣ изъяснился Гаръ-Піонъ, Депортъ, чтобы поддержать честь *совершеннаго* придворнаго, выучилъ наизустъ всѣ романы Скюдери, трагедіи Ринліе, комедіи Корнеля, и отпускалъ тирады изъ нихъ, по собственному усмотрѣнію, безъ всякаго посторонняго порученія, передъ г-жею Дюмишель, по спискамъ десятой комнатной дѣвицей королевы. Страсть эта имѣла одно послѣдствіе. Дюмишель не могла видѣть полнаго и краснаго лица, съ сѣдыми волосами. Депортъ обрился, и руководствуясь врожденнымъ вкусомъ, надѣлъ рыжій парикъ съ длинными локонами à la Chlodowig, или, какъ тогда говорили, à la Clovis. Такимъ-образомъ, въ парикѣ и при шпагѣ, Депортъ бѣгалъ изъ комнаты въ комнату, безпрестанно поглядывая въ зеркало, суетился, разстанавливалъ стулья, развѣшивалъ картины, отвѣдывалъ вино и переприказывалъ кушанья къ ужину. Истощивъ всѣ приказанія,

Депортъ усѣлся у камина и началъ снова перечитывать свою инструкцію.

§ 1. Ординарный живописецъ Пуссенъ проведетъ три дня въ Фонтенблò, для отдыха, а господинъ Шантлу отправится прямо въ Рюэль, со всѣми людьми, въ его службѣ состоящими.

§ 2. Втеченіи трехъ дней пребыванія въ Фонтенблò, дворянинъ его величества Гордъ (*Гордъ* вездѣ перечеркнуто и надписано «Депортъ») неусыпно будетъ наблюдать, дабы, какъ столъ, такъ и другія удобства, были самаго лучшаго качества, въ обиліи, какъ прилично королевскому дому.

§ 3. Не обременять своимъ присутствіемъ господина Пуссена (sieur Poussin) и приходить къ нему только по зòву, наказавъ слугамъ увѣдомлять себя о томъ каждую четверть часа во время дня; а ночью осмотрѣть два раза, находятся ли всѣ слуги на мѣстахъ, нѣтъ ли гдѣ шуму, и тому подобное.

§ 4. На другой день, показавъ всѣ драгоцѣнности дворца, въ придворномъ экипажѣ сопутствовать господину Пуссену въ прогулкахъ, не упуская отмѣчать въ особой тетради его отзывы, какъ о существующихъ уже достопримѣчательностяхъ, такъ и на счетъ украшеній, какія и гдѣ могутъ быть прибавлены, и таковыя отмѣтки, предъ истеченіемъ третьяго дня, отослать съ нарочнымъ, одинъ экземпляръ въ Рюэль, къ его эминенціи, кардиналу-герцогу, а другой ко мнѣ, въ Парижъ.

§ 5. По истеченіи трехъ дней, сопутствовать господину Пуссену въ Парижъ, въ моей каретѣ, и прямо въ мой домъ, гдѣ обязанности Горда будутъ поручены другому дворянину.

де-Hoüé.

— Чудеса! сказалъ Депортъ: можно подумать, что принимаютъ какого-нибудь турецкаго султана! Мягко постлано: каково-то будетъ спать?... И чортъ его знаетъ, какимъ слогомъ съ нимъ разговаривать!

— Ѣдутъ! кто-то крикнулъ на дворѣ, и по всѣмъ комнатамъ, отъ лакея къ лакею, пробѣжалъ крикъ: «Ѣдутъ!» — Депортъ стоялъ уже на крыльцѣ.

Пуссенъ, Шантлу, Гаспаръ и де-Вальероль сидѣли въ большой придворной каретѣ, которая была выслана на встрѣчу за нѣсколько лiё. Первый вышелъ изъ кареты Шантлу. Увидѣвъ Депорта, который почтительно ему раскланялся, Шантлу отворотился съ неудовольствіемъ и сказалъ сквозь зубы: «Все дѣло испортятъ!» За Шантлу вышли прочіе путешественники.

— Депортъ, снявъ шляпу и положивъ лѣвую руку на шпагу, подошелъ къ Пуссену, котораго легко можно было узнать по лицу, осанкѣ и обращенію съ нимъ спутниковъ, и торжественно возгласилъ: — Его королевское величество удостоилъ меня завидняго счастія принять величайшаго живописца нашего времени и подарилъ мнѣ на три дня честь быть неотлучнымъ его слугою!

— Какъ на три дня? спросилъ Шантлу. Короля здѣсь нѣтъ? Мы поѣдемъ дальше!

— Васъ ожидаетъ въ Рюэлѣ его эминенція, со всѣми людьми, и немедленно, о чемъ мнѣ приказано васъ увѣдомить; а господинъ Пуссенъ отдохнетъ въ Фонтенблò, для того, что не все еще готово для его принятія въ Парижѣ.

— Что за вздоръ! сказалъ Пуссенъ. Да развѣ мнѣ не позволятъ отдохнуть денька два послѣ такой утомительной дороги?

— Три дня, но въ Фонтенблò, на всемъ готовомъ, далеко отъ докучливаго любопытства.

— Хорошъ отдыхъ. Быть по-вашему!

— Не угодно ли пожаловать въ покои? сказалъ Депортъ.

Пуссенъ поклонился. Депортъ пошелъ впередъ; за нимъ всѣ путешественники, кромѣ де-Вальероля, который вынималъ изъ кареты разныя бездѣлушки.

— Да я здѣсь и не засну, сказалъ Пуссенъ: меня ночью задавитъ это великолѣпіе.

— А вотъ здѣсь уборная, говорилъ Депортъ.

— Еще!

— А здѣсь для слуги. Тамъ особенный выходъ....

— Слуга спитъ со мною въ одной комнатѣ, какъ ѣздитъ въ одной каретѣ и ходитъ объ-руку. Да гдѣ Жоржъ?

— Позовите Жоржа! кричалъ Депортъ и де-Вальероль вошелъ съ узелками.

— Какова наша квартира? спросилъ Пуссенъ.

— На три дня, не дурно; а на три недѣли.... можно умереть.

— Я долженъ съ вами проститься, сказалъ Шантлу.

— Вы поѣдете увѣдомить кардинала, что арестантъ въ безопасной темницѣ?

— Неужели вы не перестали на меня сердиться?

— Не на васъ. Я знаю, какъ больно повиноваться такимъ приказаніямъ.

— Мы постараемся изгладить непріятныя воспоминанія.

— Едва ли вамъ это удастся, добрый Шантлу.

— Богъ милостивъ! До свиданія.... въ Парижѣ!

Шантлу уѣхалъ. Де-Вальероль хотѣлъ приготовить постель, но Пуссенъ оборотясь къ Депорту, сказалъ:—Нельзя-ли облегчить моего слуги и приказать кому-нибудь изъ вашего множества смѣнить Жоржа на эти три дня?

— Не извольте безпокоиться! На этотъ счетъ уже сдѣланы распоряженія. Вашъ Жоржъ можетъ дѣлать и итти, куда ему угодно.

— Я хотѣлъ его послать въ Парижъ, съ увѣдомленіемъ о моемъ пріѣздѣ къ немногимъ знакомымъ.

— На этотъ счетъ я не могу отвѣчать вамъ: въ инструкціи моей ничего не сказано. Можетъ-быть, это будетъ непріятно кардиналу.... Впрочемъ весь Парижъ уже знаетъ о вашемъ пріѣздѣ.

Пуссенъ взадъ и впередъ ходилъ по комнатѣ,

потирая руки. Гаспаръ потягивался послѣ дурной дороги и заснулъ крѣпкимъ сномъ на софѣ, противъ постели, приготовленной Пуссену. Де-Вальероль ушелъ въ другую комнату, сѣлъ у окна, и глядѣлъ на заходящее солнце. Тысячи мыслей волновали душу печальнаго отца, и онъ самъ не могъ понять, радуется ли онъ своему пріѣзду, или боится невидимыхъ послѣдствій дерзкаго и опаснаго поступка.

— Я долженъ удалиться, сказалъ Депортъ. Вы хотите отдохнуть. Но если что-нибудь, понадобится, одинъ звукъ этого колокольчика....

— Сдѣлайте милость, не безпокойтесь. Мнѣ, право, ничего не надо.

Депортъ ушелъ. Пуссенъ продолжалъ ходить по комнатѣ. Не прошло пяти минутъ, Депортъ возвратился и спросилъ: — Не угодно ли закусить послѣ дороги?

— Нѣтъ, еще рано, отвѣчалъ Пуссенъ, разсѣянно.

Прошло десять минутъ. Опять принелъ Депортъ:

— Не прикажите ли чего-нибудь?

— Ничего, ничего! также отвѣчалъ Пуссенъ.

Спустя около четверти часа, Депортъ появился въ дверяхъ съ вопросомъ;—Не пора ли ужинать?

— Покорнѣйше благодарю. Мнѣ ѣсть не хочется.

И такъ каждую четверть часа, и чаще, Депортъ мучилъ Пуссена докучливою учтивостью. Наконецъ, на послѣдній вопросъ его, «Не угодно ли чего?» несчастный гость съ досадой отвѣчалъ:—

Покоя!... быть одному!.... и ужъ если непремѣнно я долженъ чего-нибудь потребовать, то прикажите подать мнѣ воды.

— Вина?....

— Воды!

— Съ виномъ?

— Чистой.

— А потомъ ужинать?

— Хорошо, хорошо! потомъ ужинать.... вотъ имъ! сказалъ Пуссенъ, указывая на Гаспара, который проснулся отъ разговора и снова заснулъ.

Депортъ возвратился съ четырьмя лакеями: одинъ несъ воду въ хрустальномъ сосудѣ, другой вино, третій ликеры, четвертый закуску.

Пуссенъ налилъ въ кубокъ воды. Депортъ подбѣжалъ съ бутылкой вина, но Пуссенъ уже выпилъ, поставилъ стаканъ на мѣсто, махнулъ рукой и сталъ ходить по-прежнему. Депортъ и всѣ лакеи ожидали дальнѣйшихъ приказаній; но Пуссенъ не замѣчалъ ихъ. Депортъ закашлялъ, и Пуссенъ сталъ будить Гаспара:—Вставай! ступай ужинать; а то этотъ господинъ справедливо будетъ сердиться на нашу неучтивость. Мнѣ, право, не до ѣды!

Всѣ вышли. Пуссенъ бросился на кровать, волнуемый безчисленными мыслями, и уснулъ въ платьѣ.

Какъ ни утомительно было путешествіе, Пуссенъ однако жъ проснулся въ обычное время и былъ неожиданно удивленъ забавною картиной: два огромные канделябра или, лучше сказать, два

пучка свѣчъ, освѣщали комнату, отражая сіяніе въ огромныхъ зеркалахъ; у самой постели дремалъ въ креслахъ Депортъ, и нѣсколько человѣкъ лакеевъ, у дверей, шептались между собою, умножаясь ad infinitum въ зеркалахъ спальни и слѣдующаго покоя. Пуссенъ не могъ понять, во снѣ, или на яву, онъ все это видитъ. Но, вскочивъ съ постели, онъ убѣдился въ забавной дѣйствительности, потому что лакеи разбѣжались по мѣстамъ и Депортъ проснулся.

— Что это значитъ? спросилъ Пуссенъ.

— Вы были не раздѣты, отвѣчалъ Депортъ: люди ожидали вашего пробужденія; я хотѣлъ принять ваши приказанія на слѣдующій день и вздремнулъ.

— Послушайте! сказалъ Пуссенъ: вы замучите меня своимъ этикетомъ и не довезете до Парижа!

— О, какъ бы охотно я исполнилъ ваше желаніе и послалъ къ чорту всю эту челядь, если бы не инструкція де-Нойе!

— Такъ вамъ дана инструкція меня мучить?

— Совсѣмъ нѣтъ. Думали угодить, но я самъ вижу, что нашему брату, художнику, сладость этой блистательной заботливости горька какъ порошки отца Ромуальда, которыми теперь въ Парижѣ лечатъ отъ спазмовъ. Пойти спать! сказалъ Депортъ, обращаясь къ лакеямъ. Я беру на себя отвѣтственность за нарушеніе моей инструкціи, лишь бы доставить вамъ нѣсколько часовъ покоя и показать, какъ много я уважаю такого великаго живописца.

— Такъ вы художникъ?

— Ординарный живописецъ его величества, Филиппъ Депортъ, дворянинъ.

— Какая пріятная нечаянность! Слѣдственно мы можемъ провести время не совсѣмъ скучно.

— Пока не помѣшаютъ.

— Кто?

— Придворные. Ихъ не мало въ Фонтенблò, потому что не извѣстно, куда пожалуетъ король, сюда или въ Сенъ-Жерменъ. Но я постараюсь оградить васъ отъ ихъ посѣщеній.

— Заранѣе благодарю васъ за все. Спасите, спасите меня. Я не знаю, какъ вамъ сказать: камень лежитъ на душѣ моей! Ужасъ беретъ, когда подумаю, сколько пустыхъ, ничтожныхъ посѣщеній, фразъ безъ значенія, похвалъ безъ похвальныхъ причинъ, лести безъ сердечнаго участія, свиданій съ людьми, отъ которыхъ желалъ бы бѣжать, не только за Альпы, а за Карпаты: сколько этого всего лежитъ передо мною! И зачѣмъ? Я этого ничего не искалъ. Художникъ, вы понимаете меня....

— Успокойтесь. Плѣнъ вашъ не продолжителенъ!

— Неужели? сказалъ обрадованный Пуссенъ.

— Быть откровеннымъ.... Нѣтъ, этого не сказано въ инструкціи....

Пуссенъ улыбнулся. Депортъ смѣялся, и, оборотясь къ Пуссену, сказалъ дружескимъ тономъ:

— Спите спокойно, любезный Пуссенъ. Вамъ ну-

женъ отдыхъ. А завтра познакомимся поближе, поговоримъ,

— Какъ завтра? Да который часъ?

— Ахъ, правда! ужъ пять часовъ утра.... Неужели вы не заснете?

— Я обыкновенно встаю въ это время.

— Представьте! я никакъ не могъ понять, отчего я такъ свѣжъ; а я между-тѣмъ порядочно выспался въ креслахъ, и всталъ, какъ обыкновенно встаю дома. Что жъ вы будете теперь дѣлать?

— Самъ не знаю.

— Пойдемъ подышать свѣжимъ воздухомъ на балконѣ. Богъ далъ прекрасное время, какъ-будто нарочно для вашего пріѣзда: до вчерашняго дня самая суровая зима мучила насъ. Вы привезли съ собой италіянское небо: такъ стало хорошо!.... Пойдемъ!

Пуссенъ и Депортъ вышли на большой балконъ. Заря чуть занималась; было свѣжо, но не холодно. Депортъ усѣлся въ углу на деревянной скамьѣ, съ которой были сняты штофныя подушки, и, стуча шпагой по высокимъ каблукамъ, сказалъ съ улыбкой: — Я думаю, и въ Парижѣ многіе не спятъ по вашей милости.

— Кто же это?

— Разумѣется кто: Вуэ и Лемерсіе.

— Судите, какъ непріятно мое положеніе!.... я долженъ быть невиннымъ поводомъ чувствительныхъ неудовольствій людямъ, которыхъ уважаю!

— Которыхъ хотѣли бы уважать: это большая разница. Но они сами освободятъ васъ отъ излишней снисходительности.

— Какимъ образомъ?

— Интригами и клеветами.

— Неужели?

— Вотъ виновники вашего пріѣзда въ Парижъ. Если бы они сидѣли смирно и занимались каждый своимъ дѣломъ, перестройка Лувра продолжалась бы безостановочно, кое-какъ, плохо, но покойно; а то у насъ, главное, заумничали, перессорились, надоѣли, обратили вниманіе на свою безталантность и принудили добраго короля къ самымъ рѣшительнымъ мѣрамъ. И увидите, что они не дадутъ вамъ спокойно работать: тысячи интригъ, сплетней, клеветъ падутъ на имя, до-сихъ-поръ знаменитое и безъ упрека. Увидите!

— Вы меня приводите въ ужасъ!

— Лучше сказать вамъ все это заранѣе: хуже, когда вы не будете приготовлены и впадете въ разставленныя сѣти. А они связали ихъ! связали!.... и можетъ-быть, даже съ помощію тѣхъ, которые....

Депортъ остановился.

— Окончите, ради Бога!

— Нѣтъ! до такой степени не должна простираться откровенность, сколько бы я васъ ни уважалъ, дорогой гость нашъ. Я полагаю только, что въ Парижъ не спитъ теперь ни одинъ художникъ: соображаютъ, что вы будете говорить, какъ будете дѣйствовать, и куда надо бросить

препятствіе, гдѣ вырыть яму. Симонъ Вуэ — человѣкъ не безъ таланта, но такого вялаго живописца, я думаю, на свѣтѣ не бывало: жаръ, который бы долженъ одушевлять его въ искусствѣ, обнаруживается только въ громогласныхъ рѣчахъ, которыя онъ читаетъ своимъ ученикамъ. Онъ имѣетъ своихъ почитателей, которымъ написалъ по картинѣ въ подарокъ и тѣмъ купилъ себѣ ихъ фанатическій восторгъ. Есть еще особенная каста знатоковъ не-художниковъ. Вуэ имъ льститъ, увѣряетъ, что они умнѣе Леонарда и Дюрера, и лучше понимаютъ художество, нежели какъ его понимали первые геніи. Обласканное самолюбіе — тотъ же фанатизмъ. Каждый, кто не хочетъ, по знанію дѣла, согласиться съ защитниками Вуэ, объявляется невѣждой, а иногда, по обстоятельствамъ, и лазутчикомъ, доносчикомъ, и другими красивыми именами. Это первый вашъ врагъ, съ многочисленнымъ войскомъ: его отряды разсыпаны во всѣхъ классахъ публики и при дворѣ; вы ихъ и не замѣтите: дѣйствія вы увидите, но причинъ никогда! Второй вашъ врагъ — архитекторъ Лемерсіе, котораго тѣ же фанатики и знатоки ставятъ на-равнѣ съ Микель-Анджело. Вы увидите, какъ произведенія этого человѣка далеки даже отъ посредственности; но все же это не мѣшаетъ ему быть парижскимъ Буонароти. Эти люди тѣмъ опаснѣе, что они корчатъ простодушныхъ, невинныхъ дѣтей; говорятъ мистическія глупости, которыя затверживаются компаніей и передаются отъ одного къ другому какъ изрече-

нія мудрецовъ. Невѣжество подразумѣваетъ въ этихъ афоризмахъ высокій смыслъ, глубокую ученость. Эти искры вѣтеръ обстоятельствъ заноситъ иногда въ газеты, даже ко двору. Самъ кардиналъ, при всемъ своемъ умѣ, иногда вѣритъ этимъ глупостямъ, какъ вѣритъ колдовству и чародѣйству.

— Какъ! Ришліё?...

— Я самъ недавно узналъ объ этомъ. Что бы ни сдѣлалъ иностранецъ въ Парижѣ, хоть бы вещь первокласснаго достоинства, старики бросятъ ее въ грязь, компанія притопчетъ; но какъ шарлатанство и педанство ни долговѣчны, не могутъ быть тайною, а между-тѣмъ масса публики, не подкупная масса, остается холодною зрительницею всѣхъ этихъ обмановъ, не восхищается произведеніями знаменитыхъ, даже не знаетъ о существованіи домашнихъ геніевъ, то все это навело сомнѣніе. Призвали васъ, не для того, чтобы воспользоваться вашимъ талантомъ, нѣтъ!... это не главное: причина вашего вызова — надежда, что вы разрѣшите сомнѣнія; а тогда поѣзжайте поскорѣе, куда угодно, потому что люди, которые привыкли жить сомнѣніемъ, станутъ сомнѣваться и въ вашихъ способностяхъ.

— Каждое ваше слово уничтожаетъ болѣе и болѣе туманъ, закрывающій глубину пропасти, куда меня тащатъ насильно. Кажется, спастись нельзя: какъ вы думаете?

— Нельзя! торжественно отвѣчалъ Депортъ. Падайте! нечего дѣлать! Но въ глубинѣ пропа-

сти мы найдемъ какой-нибудь выходъ. По-крайней-мѣрѣ я не теряю надежды. Есть еще и другое средство. Вамъ дадутъ въ руки возжи всего французскаго художества: схватите ихъ такъ сильно, чтобы никто уже не могъ ихъ у васъ вырвать; какъ Аполлонъ неситесь побѣдно въ блистательной колесницѣ, попирая невѣжество, злобу, коварство, и мѣшая все съ прахомъ. Чѣмъ болѣе неуклонной гордости, чѣмъ болѣе самовластной жесткости, тѣмъ труднѣе будетъ дѣйствовать вашимъ непріятелямъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Пуссенъ, сомнительно поглядывая на Депорта: я не хамелеонъ, и никогда, ни въ чемъ, не измѣняюсь. Пойдемъ будить Гаспара.

Не ожидая отвѣта, Пуссенъ ушелъ въ покои.

— Чортъ его знаетъ, сказалъ Депортъ, что онъ думаетъ! Но во всякомъ случаѣ зернышки знаменитаго яблока раздора брошены; скоро увидимъ, хороша ли почва, стоитъ ли благопріятная погода.

—

ГЛАВА III.

ПОДВИГИ ДВУХЪ ДРУЗЕЙ.

Въ итальянскомъ предмѣстьѣ, въ уединенномъ переулкѣ, въ небольшомъ домикѣ опрятно убранномъ простою мебелью въ главной комнатѣ, ходилъ новый постоялецъ. Въ мелкихъ стеклахъ двухъ оконъ дробился свѣтъ отъ нагорѣвшей и единственной свѣчи. Было поздно. Хозяинъ съ

улицы заперъ ставни. «Вотъ дуракъ! подумалъ Гойко: да какъ же найдетъ меня Гаръ-Піонъ въ такомъ захолустьѣ безъ «того сигнала?» И Гойко, съ небольшаго крылечка, выползъ на улицу и сталъ отворять ставни. Мимо его промелькнулъ кто-то: на-встрѣчу незнакомому шелъ другой незнакомецъ. Оба засвистали. Гойко отвѣчалъ имъ также свистомъ, и оба примѣтно испугались.

— Ты ли, Самуилъ? тревожно спросили незнакомцы, подбѣгая къ нему съ ножами.

— Ну, я! отвѣчалъ Гойко, отпирая ставень.

— Мы тебя искали цѣлый день сегодня. Куда ты запропастился? сказалъ старшій, одѣтый городскимъ купцомъ, весь въ черномъ.

— Да зачѣмъ я вамъ нуженъ?

— Такъ ты ничего не знаешь? Нашего Абраамку сегодня въ городъ взяли, на ратушу, къ отвѣту!

— За что?

— То-то и есть, дуракъ такой!... днемъ сталъ печатать блины!

— Какіе? на кого?

— Какъ на кого? Теперь только на одного кардинала и расходъ, а на прочихъ хоть и не пиши. Плохо стали покупать: не то время. Бывало, письмо пустишь отъ королевы-матери къ королю, или отъ Гастона Орлеанскаго въ парламентъ, или отъ короля ратушѣ.... вотъ былъ расходъ! А нынѣ только про одного кардинала и читаютъ. Да и что твой маркизъ де-Кокъ ничего

не пишетъ? Право, нечѣмъ торговать. Ты, вѣрно, къ нему и не заходишь?

— Право некогда, ребята: такъ много дѣла... и какого дѣла! На чистоту!... ни какого страху: только много бѣготни. А съ маркизомъ связался, —бацъ! ратуша и объявила всѣмъ полковникамъ и капитанамъ: «Такого-то маркиза де-Кока ловить, да на висѣлицу безъ суда отправить.» Да что отъ васъ таиться! Былъ я и у маркиза, но нашелъ въ его квартирѣ только бумажки отъ табаку, да прорванное кресло. Я бѣжать! Думаю: «чего добраго? гдѣ-нибудь стрѣлки, притаившись сидятъ.« Какъ-то, было, и слухъ пронесли; будто его.... знаете?... за шею подняли. А?.... ничего не слыхали?

— Нѣтъ, ничего. А жаль; доходно было! Бывало, въ день штукъ триста продашь; подъ плащомъ и носишь себѣ сложенные блины. Сколько разъ случалось, самимъ парламентскимъ президентамъ продавалъ! Еще хвалятъ: только кардинальскими стращаютъ. Такъ что̀ жъ, Абраамку?.... а?... выручишь?

— Да что̀ вы, съ ума сошли; что ли? Если я къ Абраамкѣ признаюсь, такъ голова и попроситъ меня на замокъ. Добро бы съ женой; а то, можетъ-быть въ венсенскій лѣсъ или къ Святому Антонію.

— Не бойся, Самуилъ: завтра и голова другой будетъ. Этому и срокъ вышелъ, и, знаешь, не совсѣмъ-то онъ чистъ....

— Вѣрно я лучше вашего знаю, какъ онъ на

мой счетъ обѣдни служить. Ну, завтра подумаемъ! Да скажите, ребята, неужели вы меня въ этой сторонѣ искали?

— Нѣтъ, Самуилъ. Кстати ты здѣсь: если нѣтъ дѣла, иди съ нами.

— Пожалуй! Да зачѣмъ?

— Знаешь ты гостинницу Льва?

— Вотъ она торчитъ; словно Гаръ-Пюнъ, въ десять ярусовъ.

— Ну, да. Такъ въ этой гостинницѣ—дворяне сегодня.

— Какіе?

— Орлеанскіе. А можетъ-быть, и самъ Гастонъ. Велѣно всѣхъ переписать и все переслушать.

— Вѣрно это Эвоэ такъ глупо распорядился? Скажите старику, что Фонтрайя онъ никогда не поймаетъ. Намѣдни одного изъ нашихъ людей эти господа въ Сену бросили и камешекъ къ шеѣ подвязали. Пока усядутся, и гостинницу и огороды обыщутъ.

— Неужели?

— Да, да, сказалъ утвердительно Гойко. И, кажется идутъ! Убирайтесь, пока живы!

Гойко вскочилъ въ свою новую квартиру. Товарищи исчезли въ ближайшихъ огородахъ.

— Молодецъ Эвоэ, дароѣъ что старикъ! сказалъ тихо Гойко, запирая двери: чужими руками каштаны изъ печи вынимать! Нѣтъ, поди-ка самъ!... а мы, пока, и сами узнаемъ. Пригодится.... Ты же, Эвоэ, мнѣ заплатишь. Только чтобы не опоздать! Гаръ Пюнъ нейдетъ. И кого это приведетъ

мой добрый Помпей? Ужасная скука! И Сары-то я сегодня не увижу: городская тюрьма уже заперта. Бѣдняжка! что́ она передумаетъ въ эту ужасную ночь! Но, Гаръ-Піонъ, для тебя не тяжела и эта жертва.

— Десять ливровъ въ недѣлю? сказалъ Гойко, послѣ краткаго молчанія, остановясь по-серединѣ комнаты и осматриваясь. Не большія деньги! Пять ливровъ за свѣтъ и топливо: тоже не много. И у самаго кабачка, такъ что можно иногда и съ дворянами пировать, и шалунамъ въ наймы отдавать, когда имъ понадобится опрятная квартира. Право, не дорого! Да все, вмѣстѣ, право жаль....

Гойко улыбнулся и сказалъ.— А можетъ-быть, намъ за каждый ливръ сто заплатятъ: какъ знать?

Гойко задрожалъ всѣмъ тѣломъ. Въ окно кто-то постучался, и раздался громкій разговоръ.

«Ага! господа Орлеанскіе! подумалъ онъ. А запереть ставни, такъ Гаръ-Піонъ и до завтра меня не отыщешъ!»

Нѣсколько головъ тѣснилось у окна и глядѣло въ мелкія стеклышки:

— Точно такъ! и стулья стоятъ, и картинки тѣ же, и походная часовня. Помните, какъ мы сюда затащили булочницу Жаннету?

— Славный вечеръ! Никогда не забуду. А Меріо потомъ пріѣхалъ съ тремя данаидами и съ амуромъ.

— Да, да!... Ахъ! знаете ли? маркизъ д'Обріо откупилъ у Меріо двухъ данаидъ и послалъ

путешествовать къ себѣ въ замокъ. Осталась одна? Ни за что не отдастъ!

— Пойдемъ! Что смотрѣть? Теперь тутъ живетъ какой-то холостякъ, и даже ставней не запираетъ. Это все одно что́ вывѣска; значитъ: «Милостивые государи, у меня въ домѣ нѣтъ ни одной женщины, и прошу меня оставить въ покоѣ.» Пойдемъ! Право пора.

— А далеко ли?

— Да вотъ видно. Пройдемъ этотъ разломанный частоколъ: тамъ домъ Катарины съ красными глазами (aux yeux rouges), а тамъ знаменитая гостинница Льва, чудовище, уродъ, въ четырнадцать этажей и въ два окна, надъ самой Сеной.

— Въ которомъ же мы?

— Во второмъ, потому что въ этомъ этажѣ нѣтъ оконъ.

— Да какъ же безъ оконъ?

— Все же лучше: въ случаѣ ссоры, некуда людей бросать. А третьягодня маркизъ д'Эрль какого-то лавочника съ пятаго этажа выбросилъ.

— Что жъ, разшибся?

— Да; немного; на-мѣстѣ умеръ.

Голоса смѣшались въ отдаленный гулъ. Гойко, прислушиваясь, съ лукавой улыбкой сказалъ: — Теперь и Депортъ можетъ выбросить изъ окна и Самуила и Помпея. Ратуша слова не скажетъ.

Вдругъ раздался женскій крикъ: — Помогите!

Неизвѣстное чувство обняло Гойку: онъ самъ не помнилъ, какимъ образомъ отворилъ окно, выскочилъ на улицу и, съ ножомъ въ рукахъ, очу-

тился возлѣ своей Сары. Гаръ-Піонъ, вырвавъ изъ разрушеннаго забора огромный колъ, стоялъ какъ Полифемъ, посреди улицы. Нѣсколько обнаженныхъ шпагъ сверкали въ темнотѣ; но никто не рѣшался начинать приступа.

— Молодежь! я старый солдатъ, и на мосту, дай Богъ памяти.... не вспомню!.... одинъ стоялъ противъ шести Испанцевъ. Такъ ступайте съ Богомъ, пока ребра цѣлы!

— Весьма здравая логика! замѣтилъ кто-то изъ толпы. Мы сегодня, господа, нарушаемъ порядокъ: начинаемъ тѣмъ, чѣмъ надо кончить.

— И возьмемъ солдатку! сказалъ еще кто-то. Что проку?... и куда вести? Не ко Льву же съ бабами таскаться.

— Возьмете?.... Нѣтъ, молоды! Вотъ я только отведу свою солдатку куда слѣдуетъ, а тамъ прійду одинъ Льва осаждать!

Всѣ захохотали.

— Приходи, служивый! кричали ему толпой: мы всегда уважали храбрость. Но коломъ не много сдѣлаешь. А мы тебя съ виномъ обождемъ.... Кромѣ шутокъ, приходи!

— Да противъ вашихъ шпаженокъ колъ все одно что пушка!

— Хорошо, хорошо! приходи только, молодецъ! отвѣчали въ толпѣ, и потянулись къ гостинницѣ.

Гойко не могъ опомниться отъ радости, и, когда Сара и Гаръ-Піонъ вошли въ комнату, онъ валялся у ногъ Помпея и плакалъ горячими слезами, вскакивалъ и хваталъ руки своего благодѣ-

теля, прикладывалъ ихъ ко лбу, къ сердцу, и цѣловалъ.

— Полно, полно, Гойко! Теперь у тебя есть жена, деньги и ремесло. Живи съ Богомъ, да молись, чтобы изъ жидовъ выйти, коли ты жидъ. А я къ этимъ господчикамъ пойду. Пусть не вызываютъ! На вино, такъ на вино! Право, у нихъ денегъ, а у хозяйки вина, не хватитъ! Я васъ, пшеничники!

— О какомъ ремеслѣ говоришь ты, Помпей? спросилъ Гойко, выходя изъ задумчивости.

— Да вѣдь есть же у тебя какое-нибудь ремесло?

— Тысяча, отвѣчалъ веселый Гойко: и всѣ къ твоимъ услугамъ! Но разскажи, какимъ образомъ тебѣ удалось....

— Я люблю дѣлать, а не говорить. Вотъ тебѣ деньги, отъ которыхъ голова отказался: они твои. Прощай! Я самъ въ свѣтѣ живалъ: знаю учтивость. Не хорошо, что они меня такъ долго дожидаются: подумаютъ струсилъ. Я ихъ съ коньковъ спѣшу!

— Послушай, Гаръ-Піонъ: осторожнѣе! Говорятъ, тамъ есть и важныя особы.

— Не вызывай, коли важная особа! Лягу безъ памяти, только ужъ и они со мною!

— А домой развѣ не нужно?

— Не нужно. Господа на три дня уѣхали въ какой-то замокъ.

— Въ какой замокъ, Гаръ-Піонъ?

— Да если бы я могъ фамиліи помнить, такъ

и свою бы знать! А вотъ этотъ, что съ капитаномъ, послѣ театра, отъ насъ ушелъ пѣшкомъ.

— Д'Орбиньи?

— Именно.

— Плохо, Гаръ-Піонъ! Это другъ Сенъ-Марса, и я думаю, нарочно нашихъ дамъ изъ Парижа выманили.... Но постой! завтра все узнаю.

— Просто, братъ Гойко, мы въ омутѣ!

— Не бойся, мы не утонемъ.

— Лишь бы не Эвелина: а тамъ хоть весь Парижъ!

— Завтра, завтра, Гаръ-Піонъ!

— Ну, прощай! сказалъ Гаръ-Піонъ, уходя. А теперь вы, господчики, держитесь! Просимъ не отставать!

— Сара, сказалъ Гойко: Богу молиться!

Послѣ краткой молитвы и трапезы, Гойко придумалъ множество укрѣпленій и, обезпечивъ безопасность Сары, заперъ двери на замокъ, спряталъ ключъ въ карманъ, и исчезъ въ грязныхъ закоулкахъ предмѣстья.

—

ГЛАВА IV.

ЕЩЕ ЛОЖНАЯ ТРЕВОГА.

Небольшой замокъ д'Орбиньи носилъ еще всѣ признаки древнихъ замковъ феодальнаго времени. Кругомъ шли цвѣтники, убранные небольшими бесѣдками: они прикрывали глубокіе рвы, хоть и совершенно засохшіе; за ними довольно высокая стѣна, и десятокъ зданій, разнаго объема и архи-

тектуры: нѣкоторыя изъ нихъ еще сохраняли ежевыя балюстрады, составленныя изъ желѣзныхъ иголъ; другія были въ новѣйшемъ вкусѣ, съ овальными вверху окнами и бѣлыми стеклами. Одно изъ этихъ оконъ отличалось красивымъ чугуннымъ балкономъ и крышей въ два этажа, весьма схожей съ изображеніемъ крокодила на гравюрахъ въ ученыхъ книгахъ того времени. Высокая и пространная терраса, при старомъ жиломъ домѣ, соединенномъ съ новою крытою галереей въ три окна, была-и удобна и красива; но, — таково вліяніе моды! — и старушка д'Орбиньи и дочери любили новый балконъ, который всегда назывался по имени, «балкономъ Лемерсіе,» хотя во всемъ замкѣ не было другаго. Новое это зданіе и терраса были нѣсколько выше обводной стѣны, и изо всѣхъ оконъ представлялись грустные сельскіе виды. Въ этомъ небольшомъ домикѣ, въ тѣсной комнатѣ, сидѣло много гостей, болѣе сорока человѣкъ дворянъ, художниковъ, парламентскихъ совѣтниковъ, даже президентовъ, и разныхъ выборныхъ людей изъ счетной и другихъ палатъ. Де-Ту, совѣтникъ безъ мѣста, писатель безъ сочиненій, сынъ историка и любитель просвѣщенія, видимо былъ предсѣдателемъ общества. Всѣ занимались общимъ разговоромъ или, лучше сказать, разсказомъ молодаго человѣка, который былъ вчера на проводахъ Фонтрайя, въ гостинницѣ Льва. Больше всѣхъ хохотали Джудита и Эвелина, слушая, какъ Гаръ-Піонъ участвовалъ въ заговорѣ противъ Рипліе и пробылъ съ шалунами до тѣхъ поръ, пока

память и разсудокъ не измѣнили ему: онъ заснулъ, и тогда только началась бесѣда въ комнатѣ безъ оконъ.

— Господа! перервалъ де-Ту: вы разбудите стараго кота! Кчему эта тма сообщниковъ!... Кто они? Недовольные кардиналомъ? Но даже безъ умыслу, по другому дѣлу, Ришліё можетъ съ ними помириться, и всѣ ваши шалости надѣлаютъ намъ много хлопотъ. Мариньяка казнили за сѣно!

— Гости! сказалъ кто-то.

«Еще гости!» подумалъ де-Ту, и со вздохомъ погрузился въ кресла, которыя совершенно скрыли его отъ взоровъ собесѣдниковъ.

Симонъ Вуэ вошелъ въ залу, и все общество привстало. Д'Орбиньи пошелъ къ нему на встрѣчу и сказалъ привѣтливо: — Великій учитель! мы не ожидали такого пріятнаго гостя въ нашемъ уединеніи.

— Капитанъ, я присланъ къ вамъ гонцомъ, отвѣчалъ Вуэ и окинулъ взоромъ собраніе.

— Всѣ свои, замѣтилъ капитанъ: будьте спокойны.

— Но эти дамы?...

— Свои, свои. Садитесь и разскажите, какому счастливому случаю мы обязаны вашимъ посѣщеніемъ.

Маршалъ Шатильонъ разбитъ, артиллерія и казна арміи въ рукахъ Бульона, болѣе двухъ тысячъ плѣнныхъ; но и мы лишились храбраго графа Соассонскаго.

Все собраніе поднялось съ мѣстъ.

— Я не знаю, сказала съ трепетомъ старушка, радоваться ли побѣдѣ? Она огорчила короля.

— И весьма! Онъ возвратился въ Сенъ-Жерменъ и, кромѣ Сенъ-Марса, ни кого не хочетъ видѣть. Нельзя имѣть ни какихъ извѣстій.

— Пошлите моего мужа, прервала Джудита: онъ все узнаетъ.

— Конечно, сказалъ капитанъ. Но это можете сдѣлать только вы, Джудита. Депортъ для насъ не поѣдетъ: и Боже сохрани, если наша тайна попадется ему въ руки!

— Депортъ! закричалъ Вуэ, въ бѣшенствѣ: этотъ несчастный маляръ, который наушничествомъ получилъ дворянство, ординарный живописецъ на-равнѣ со мной и съ Пуссенемъ? этотъ титулованный шпіонъ? гадъ?... Капитанъ! и вы меня не предупредили?

— Въ чемъ?

— Какъ же! тутъ жена этого хамелеона.

— Успокойтесь: Джудита самая ревностная роялистка.

— Простите моему изумленію....

— Ея причины стоютъ нашихъ, стоютъ обидъ всей Франціи; и, можетъ-быть, намъ не удастся задуманное дѣло, а она достигнетъ своей цѣли, она отомститъ и за себя и за васъ, почтенный Симонъ. Такъ, Джудита, поѣзжайте въ Парижъ: нечего дѣлать! посылайте Депорта! А мы, пока минуетъ буря, не тронемся съ мѣста.

— Депорта нѣтъ въ Парижѣ, онъ въ Фонтенбло́, принимаетъ Пуссена, сказалъ Симонъ.

— Какъ? развѣ Пуссенъ пріѣхалъ? воскликнуло почти все общество.

— Вчера онъ пріѣхалъ въ Фонтенбло, послѣзавтра пріѣдетъ въ Парижъ, и вотъ почему я не могу остаться у васъ позже вечера.

— Да вамъ какое дѣло до Пуссена?

— Я полагаю, кавалеръ, что мы, художники, должны принять художника, который заслужилъ славу въ Римѣ и во Франціи. О достоинствахъ его не разсуждаемъ: онъ ихъ покажетъ на-дѣлѣ; мы должны сдѣлать свое. Приготовляемъ обѣдъ, съ иллюминаціей и куплетами, чтобы зажать рты Депорту, Ришліе, де-Нойе и Мазарини, чтобы доказать наше равнодушіе къ ихъ проискамъ. Пусть его пообѣдаетъ! А послѣ обѣда мы разстанемся на всегда: онъ отправится портить Лувръ, мы займемся каждый своимъ дѣломъ.

— Неужели васъ не оскорбляетъ эта немилость?

— Нимало. Я старъ: а гдѣ и когда уважали старость? Я предвидѣлъ это, и сколотилъ деньгу. Страшна не милость Фортуны, страшно нищенство, потеря независимости; а въ мои лѣта похвалъ и уваженія уже и требовать грѣшно: и хвалить устала Франція! Жалѣю Пуссена. Лучшее время жизни у него отнимутъ за безцѣнокъ; наградятъ славой, но прійдетъ старость: славу отнимутъ, одѣнутъ въ лохмотья, и будутъ удивляться себѣ, какъ могли когда-нибудь удивляться Пуссену! Люди.... о! съ нихъ надо брать впередъ огромную пошлину за всѣ ихъ будущія глупости! Немилость! Да едва ли добрый король и знаетъ, что. надѣлали

Депортъ и кардиналисты. Нѣтъ! меня оскорбили тѣ, которые окружаютъ короля, и этимъ господамъ мстить не предосудительно; и я мстить не перестану.

— А Пуссену? покраснѣвъ, спросила Эвелина.

Она вспомнила намѣреніе Альфреда перейти подъ начальство великаго живописца.

— Посмотримъ, какъ будетъ вести себя.... Но, однако жъ, господа, надо думать о нашемъ дѣлѣ, что-нибудь предпринимать.

— Не спѣшите, Вуэ, я удивляюсь вашей горячности, сказалъ де-Ту. Ради Бога, не спѣшите! Сенъ-Марсъ, вѣрно, заѣдетъ ко мнѣ сегодня ночью, и тогда....

— И тогда, де-Ту, сказала мадамъ д'Орбиньи съ сердцемъ: вы сдѣлаете какую-нибудь ученую выходку, которая дѣлу ни сколько не поможетъ, а поставитъ всѣхъ насъ въ новую опасность.

— Я, кажется, не заслужилъ этого упрека. Если мы съ Сенъ-Марсомъ иногда и дѣйствовали безъ согласія друзей, то должно винить не насъ, а обстоятельства, которыя требовали быстроты.

— Оставимъ, де-Ту, этотъ разговоръ, сказала старушка: Марильяки, Монморанси, д'Орбиньи, д'Обижу и другіе, — не говорю уже о принцахъ и князьяхъ, — кажется, стоютъ быть равными участниками въ дѣлѣ, которое должно утѣшить короля и Францію.... а мы иногда узнаемъ о важныхъ дѣйствіяхъ господина великаго отъ враговъ! Конечно, сынъ мой не ищетъ министерства, ни сана конетабля или адмирала; мы заботимся не о

себѣ, а о Франціи, о нашемъ добромъ королѣ, и убѣждены, что Богъ благословитъ наши желанія. Они просты, безъ ученой запутанности и хитрости: мы хотимъ изгнанія кардинала съ аббатикомъ и кардиналистами изъ Франціи; мы хотимъ, чтобы непомѣрныя богатства, которыми осыпали герцогиню д'Эгильонъ за двойное родство съ кардиналомъ, возвратились въ руки законныхъ владѣльцевъ; а ее хоть и въ монастырь не отдавайте: такая женщина не минетъ наказанія и на этомъ свѣтѣ; мы хотимъ, чтобы король царствовалъ одинъ; мы хотимъ....

— Вы хотите, прервалъ де-Ту, чтобы дѣвица Лафайеттъ, ваша племянница, уступила свое мѣсто въ монастырѣ визиткъ герцогинѣ д'Эгильонъ. — Мы будемъ объ этомъ стараться; но не забудьте, что вы сами, съ молодыхъ лѣтъ, поселили въ ней охоту къ монастырской жизни и теперь возлагаете на насъ трудную, а можетъ-быть и невозможную, обязанность возвратить ее свѣту.

— Сенъ-Марсъ! Сенъ-Марсъ! раздалось въ залѣ, и почти всѣ бросились къ окнамъ или выбѣжали на площадку башни.

Сенъ-Марсъ былъ уже у подъемнаго моста, въ цвѣтникахъ, окружающихъ замокъ. Прошло нѣсколько мгновеній: красивый маркизъ появился въ залѣ, и все общество поспѣшило къ нему на встрѣчу.

— Поздравляю съ побѣдой! сказалъ Сенъ-Марсъ весело: съ двойной побѣдой! Король простилъ Бульона и всѣхъ его друзей.

Общій крикъ огласилъ залу. Почти никто не вѣрилъ: одна Джудита, обнявъ Эвелину, радовалась безъ вопросовъ.

— Джудита! Эвелина! воскликнулъ маркизъ, привѣтивъ этихъ дамъ. А я хотѣлъ прямо отсюда летѣть въ Парижъ, если бы не желаніе короля, чтобы объ этомъ важномъ событіи какъ-можно скорѣе узнали наши роялисты....

— Какъ? спросила Джудита: такъ и самъ король....

— Отпуская меня, прервалъ Сенъ-Марсъ, король сказалъ: «Маркизъ, передайте вашимъ двѣ непріятныя для кардинала новости, усмиреніе Бульона и пріѣздъ Пуссена.» Ваше участіе, прелестныя дамы, въ общемъ дѣлѣ, насъ сближаетъ, и я не могу не поблагодарить кардинала, что какою-нибудь несправедливостью онъ подарилъ намъ такихъ милыхъ сообщницъ.

Старушка между-тѣмъ усадила гостей. Сенъ-Марсъ помѣстился возлѣ Джудиты, а де-Ту, стоя, держалъ длинную рѣчь о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ противъ кардинала.

Сенъ-Марсъ въ короткое время, съ-тѣхъ-поръ, какъ мы съ нимъ не встрѣчались, значительно перемѣнился. Упреки короля, жалобы Маріи Неверской, путешествіе въ Ренсъ и невольное тамъ уединеніе, совѣты и наставленія де-Ту — все это сильно подѣйствовало на пылкаго и добраго юношу. Онъ сталъ угрюмъ, задумчивъ, разсудителенъ, послѣдователенъ, и король не могъ нарадоваться счастливой перемѣнѣ. Онъ видѣлъ въ своемъ «ве-

ликомъ» прежняго любимца, конетабля де-Люина, и, казалось, пора его приближалась: Ришліё былъ въ дѣйствительной опасности. Неохотно подписывалъ Сенъ-Марсъ испанскій трактатъ: онъ видѣлъ въ немъ государственную измѣну. Но друзья увлекли его и заглушили справедливыя сомнѣнія. Онъ не соглашался на немедленное отправленіе трактата въ Испанію, оставляя это средство для крайняго случая, но Орлеанскіе отправили Фонтрайя безъ его вѣдома и шумными проводами возмутили гостинницу Льва и окрестныя улицы и огороды. Такимъ образомъ составились противъ Ришліё два заговора: одинъ обширный и шумный, — главою его почитался Гастонъ Орлеанскій; второй былъ въ лицѣ двухъ человѣкъ, — Сенъ-Марса и де-Ту: заговоръ съ несомнѣнными послѣдствіями, основанный на угожденіи Людовику и личномъ возвышеніи обоихъ друзей. Несмотря однако жъ на примѣтную и существенную перемѣну, Сенъ-Марсъ, въ обществѣ женщинъ, становился попрежнему веселымъ, беззаботнымъ, милымъ, и, послѣ продолжительнаго отсутствія, увидѣвъ Эвелину, невольно увлекся ея очаровательною красотою. Онъ не слушалъ де-Ту, или слушалъ вскользъ, зная, что другъ его говоритъ только для того, чтобы занять умы своихъ слушателей и оковать ихъ опасную дѣятельность; онъ не спускалъ глазъ съ Эвелины и тихо шепнулъ Джудитѣ: — Какъ мой любезный де-Ту заранѣе министерствуетъ!

— Да. Но я ему не поручу моего дѣла: онъ плохой прокуроръ.

— Поручите его мнѣ, сказалъ Сенъ-Марсъ.

— Съ удовольствіемъ, маркизъ; только я еще не испытала вашихъ способностей по части судебной.

— Вы должны быть спокойны, потому что я состою прокуроромъ при верховномъ апелляціонномъ судѣ, не въ парламентѣ: тамъ теперь ихъ болѣе шести сотъ, по милости кардинала. Каково-то Франціи отъ продажи этихъ мѣстъ въ такомъ ужасномъ числѣ!... Но въ чемъ же ваше дѣло?

— Въ трехъ пунктахъ.

— Пунктъ первый? спросилъ Сенъ-Марсъ.

— Заключеніе Мазарини на-мѣсто маршала Бассомпьера.

— Въ Бастилію? Очень охотно! Маріналъ мнѣ съ-родни, и я по его милости попелъ по этой скучной дорогѣ: онъ уговорилъ матушку отпустить меня ко двору. Пунктъ второй?

— Заставить Мазарини исполнить одинъ пунктъ, который перестанетъ быть тайной съ его заключеніемъ.

— Повинуюсь. Но тайна любопытна.

— Пунктъ третій, перебила Джудита: дозволеніе драгунскому капитану де-Вальеролю возвратиться въ Парижъ.

— Извините! третій пунктъ будетъ первымъ по необходимости. Завтра же! Но....

Сенъ-Марсъ остановился и, глядя на Эвелину, которая съ выраженіемъ ужаса и негодованія, слушала рѣчь де-Ту, сказалъ про себя: — Едва ли это нужно!

— Маркизъ, отвѣчала Джудита: теперь я вполнѣ вѣрю, что вы самый великодушный человѣкъ, и что ваше министерство будетъ непрерывнымъ праздникомъ для Франціи.

— Но, Джудита, «завтра» я сказалъ не подумавъ: капитанъ де-Вальероль изъ партіи вандомской, и выхлопатать ему прощеніе, можетъ-быть, труднѣе чѣмъ помирить короля съ Бульономъ.

— Вы полагаете?

— Я увѣренъ.... Но будьте спокойны. Подъ добрый часъ можно сдѣлать все: надо только дождаться такого времени. Теперь вы будьте прокуроромъ по моему дѣлу. Вамъ легче.

— Едва ли! отвѣчала сухо Джудита.

— Не будьте жестоки! Подарите хотя надежду!

— На что?

— На вашу дружбу.

— И вы могли сомнѣваться?

— Но, можетъ-быть, ваша дружба не согласится быть проводникомъ моихъ чувствъ.

— Къ чему, маркизъ?

— Къ сердцу женщины.

— Я угадываю; но только въ комедіяхъ отвѣчаютъ вдругъ на такіе вопросы.

— Подумайте, Джудита, но не передумайте.

— Давайте думать вмѣстѣ, маркизъ; я объ вашемъ дѣлѣ, вы объ моемъ.

— Но я не знаю вашей тайны.

— Маркизъ! я Италіянка, мстительная Италіянка! Вы не выдадите меня, не правда ли? Да если мы, чего Боже сохрани, и поссоримся....

— Повѣрьте моему слову....

— Его-то мнѣ и нужно. Все скоро будетъ готово. Я начну войну публично, блистательно! Я на все рѣшилась. Меня принуждаютъ молчать, стращаютъ темницами, казнями. Вы защитите меня?

— Клянусь! Но скажите....

— Теперь довольно. Успѣемъ, успѣемъ.

Де-Ту окончилъ свою пространную рѣчь. Слушатели были утомлены и, какъ-будто условившись, встали; многіе прощались съ хозяевами; другіе разбрелись по комнатамъ. Сенъ-Марсъ съ Джудитой и Эвелиной вышли на террасу. Зимнее солнышко было въ полномъ блескѣ; окрестность, пустынная, грустная, оживлялась только Сеной, и вдоль ея берега, по широкой, но дурной парижской дорогѣ, разнородные продукты тянулись на высокихъ фурахъ въ столицу. Вдругъ показался всадникъ изъ Парижа. Онъ ѣхалъ поспѣшно, и, проѣзжая мимо замка, остановился, подумалъ, и повернулъ лошадь въ цвѣтники окружающіе замокъ. Моста не подымали, но всадникъ и не требовалъ; онъ черезъ ровъ спросилъ слугу: нѣтъ ли въ замкѣ де-Нойé.

— Нѣтъ, отвѣчалъ слуга: такого мы и не слыхали. А на что тебѣ?

— Да кардиналъ, надо быть, черезъ часъ или два, умретъ, де-Нойé спрашиваетъ. Нигдѣ отыскать не можемъ!... Такъ нѣтъ его здѣсь?

— Нѣтъ, отвѣчалъ слуга, и Гойко ускакалъ дальше.

— Какъ молнія пробѣжало по комнатамъ замка

радостное извѣстіе. Всѣ суетились, бѣгали съ веселами лицами и острыми словами. Мужчины, не прошло десяти минутъ, были уже на коняхъ и на пути, кто въ Сенъ-Жерменъ, кто въ Парижъ; остались только дамы, и тѣ вскорѣ разошлись. Джудита и Эвелина къ вечеру возвратились въ Парижъ.

—

ГЛАВА V.

ДОМИКЪ МЕНУ.

Въ садахъ тюильрійскихъ, которые теперь составляютъ одинъ пространный садъ, находился небольшой трехъ-этажный домикъ. Особенный садъ, принадлежащій къ домику, наполненъ былъ разнаго рода дорогими растеніями, цвѣтами, овощами и фруктовыми деревьями. Дворъ домика былъ украшенъ тремя небольшими фонтанами; по-серединѣ колодецъ, въ купѣ фруктовыхъ деревъ. Девять опрятныхъ веселыхъ, комнатъ, кухня, конюшня, конурка для привратника, (loge du portier), погребъ и нѣсколько чуланчиковъ, составляли его помѣщеніе. Изъ всѣхъ оконъ — прелестные виды, несмотря на зимнее время. Ленотръ передѣлывая, при Людовикѣ XIV, тюильрійскій садъ, уничтожилъ этотъ домикъ, со всѣми его принадлежностями; но во время нами описываемое, этотъ небольшой рай былъ въ полной своей цѣлости и красотѣ. Мену, неизвѣстно за что, пользовался лучшею квартирою въ Парижѣ. Онъ умеръ, и король назначилъ домикъ пожизненнымъ жилищемъ Пус-

сену: замѣтьте, уже *пожизненнымъ!* У главнаго, единственнаго подъѣзда стояла огромная, почти овальная карета. Де-Вальероль съ Гаспаромъ вынимали вещи; множество людей наполняло садъ и какъ-будто ожидало появленія Пуссена. Но его не было: онъ съ Депортомъ поднимался въ это время на высокую лѣстницу обширнаго, украшеннаго множествомъ картинъ и статуй, дома де-Нойе. Въ гостиной было нѣсколько человѣкъ гостей, между ними и Шантлу. Швейцаръ ударилъ въ колоколъ, когда Пуссенъ сталъ на первую ступеньку. Нарядные лакеи одинъ за другимъ закричали:—Господинъ Пуссенъ, первый живописецъ его королевскаго величества!

— Лакеи всегда пожалуютъ въ старшее званіе, сказалъ Пуссенъ.

Депортъ улыбнулся. Они вошли въ первую комнату, или парадную прихожую. Все общество де-Нойе находилось уже тамъ. Государственный секретарь, въ полномъ, богатѣйшемъ, придворномъ костюмѣ, въ огромномъ парикѣ и огромныхъ сапогахъ съ фрезами, обвѣшанный орденами разныхъ государствъ, первый встрѣтилъ Пуссена. Протянувъ руку, онъ сказалъ торжественно: —Французскій Рафаэль возвратился въ свое отечество! Прославьте государство, обогатите его безсмертными произведеніями, а насъ, искреннихъ поклонниковъ и друзей вашихъ, полюбите и удостойте позволенія отъ души обнять васъ.

Пуссенъ кланялся. Де-Нойе крѣпко сжалъ его въ объятіяхъ и поцѣловалъ три раза.

— Счастіе мое совершенно, и я, ежегоднымъ торжествомъ въ этотъ день, буду праздновать ваше возвращеніе. Удостойте пожаловать въ покои, сказалъ де-Нойé, съ особенною почтительностью, рукою приглашая Пуссена идти впередъ.

Пуссенъ чинился, но де-Нойé легонько взялъ его подъ-руку и повелъ въ гостиную, гдѣ секретарь де-Нойé, съ портфейлемъ ожидалъ Пуссена. Лишь только онъ вошелъ въ комнату, секретарь подалъ де-Нойé огромный листъ, украшенный королевскою печатью: это была граммата короля къ sieur Пуссену, исполненная самыхъ лестныхъ выраженій. Де-Нойé прочелъ ее громко, и не удержался отъ слезъ; все общество и самъ Пуссенъ были умилены королевскою милостью.

— Рюзъ! сказалъ де-Нойé: отвезите эту граммату къ г-ну Пуссену и дождитесь тамъ его возвращенія.

Секретарь уѣхалъ. Послѣ сотни комплиментовъ, которые по-очередно сыпались на Пуссена изъ устъ де-Нойé и собесѣдниковъ, пошли обѣдать. Пуссенъ не могъ надивиться великолѣпію столоваго убранства, изяществу и разнообразію кушаньевъ, богатому костюму прислуги, отличному искусству рюэльскихъ музыкантовъ, которые на этотъ день призваны были къ де-Нойé изъ замка. Пуссенъ, противъ правилъ этикета, сидѣлъ на первомъ мѣстѣ. Еще большаго удивленія заслуживала честь, оказанная первымъ министромъ первому живописцу: послѣ тоста за здоровье короля обыкновенно возглашалось здоровье кардинала-герцога; на этотъ разъ великій кардиналъ былъ третьимъ.

Пуссенъ всталъ, и, поблагодаривъ за всѣ оказанныя почести, пожелалъ мосьё де-Нойё и его обществу всѣхъ благъ и долголѣтія, а себѣ съ успѣхомъ, къ удовольствію короля и всѣхъ знаменитыхъ своихъ покровителей, окончить предполагаемыя работы и возвратиться въ Италію. Этотъ отвѣтъ сдѣлалъ такое непріятное впечатлѣніе, что весь праздникъ сталъ не въ праздникъ. Де-Нойё былъ примѣтно огорченъ, Шантлу также; но Депортъ улыбался. Послѣ обѣда веселость нѣсколько возстановилась. Простодушныя замѣчанія Пуссена о Франціи, Парижѣ, о людяхъ въ случаѣ, возбуждали нерѣдко смѣхъ, иногда досаду; наконецъ разговоръ, казалось, истощился: устали и говорить и слушать. Пуссенъ всталъ и началъ откланиваться.

— Но вы не знаете своей квартиры, сказалъ де-Нойё.

— Я бывалъ въ Парижѣ и очень помню тюильрійскій домикъ. Тамъ я кого-нибудь найду; проводятъ, и укажутъ.

— Какъ это можно! сказалъ де-Нойё. Депортъ! потрудитесь.

Депортъ уже былъ со шляпой и кланялся. Де-Нойё и все общество проводили Пуссена на лѣстницу. Карета и четыре человѣка, съ фонарями на высокихъ палкахъ, ожидали ихъ у подъѣзда. Въ небольшомъ своемъ дворцѣ Пуссенъ нашелъ болѣе двадцати друзей: тотъ когда-то видѣлъ его разъ или два; тотъ заказывалъ ему портретъ свой, ради дешевизны; у того онъ жилъ на квар-

тиръ и платилъ за все изъ послѣднихъ крохъ. Всѣ эти друзья сбѣжались въ тюильрійскій домикъ. Гаспаръ былъ въ восторгѣ, что у Пуссена такъ много друзей въ Парижѣ, и усталъ отъ благодарности за безчисленныя похвалы, которыми усердно осыпали его зятя. Пуссенъ даже не узналъ многихъ изъ своихъ друзей, но душевно радовался ихъ посѣщенію. Его утѣшала мысль, что Франція въ короткое время сдѣлала такіе успѣхи въ должномъ къ художеству уваженіи: онъ даже любовался ихъ безсовѣстною лестью, считая ее искреннимъ изліяніемъ недостаточно образованнаго чувства. Депортъ лишь-только замѣтилъ гостей, тотчасъ распорядился объ угощеніи, и всѣ девять комнатъ пуссеновскаго дворца наполнились драгоцѣнными, несвоевременными фруктами и добрымъ виномъ: цѣлая толпа лакеевъ суетилась на маленькомъ дворикѣ и въ тѣсныхъ покояхъ, услуживая друзьямъ. Пуссенъ не могъ налюбоваться на свое жилище, и ходилъ изъ комнаты въ комнату, осматривая всѣ закоулки, подъ руководствомъ Депорта.

— А это что? спросилъ онъ, сходя по опрятной лѣстницѣ въ подвалы.

— Погреба, отвѣчалъ Депортъ, свѣтя на лѣстницу. Сойдите, сойдите! Я вамъ долженъ все показать.

— Да эти погреба лучше иныхъ жилыхъ комнатъ.

— Это прихожая, а погреба по-сторонамъ. Здѣсь, налѣво, бочка добраго двухлѣтнаго вина; а здѣсь, направо, дрова: на всю зиму станетъ!

— Кому я одолженъ этою обязательною предупредительностію?

— Всякой сдѣлалъ бы то же для такого великаго человѣка.

— Пожалуйте сюда, Николо! кричалъ Гаспаръ сверху. Кто-то важный васъ спрашиваетъ.

Пуссенъ, изъ рукъ Рюза, принялъ граммату, и, по совѣту Депорта, положилъ ее подъ стеклянный колпакъ, который, какъ нарочно, былъ для того приготовленъ. Тогда всѣ усѣлись и началась бесѣда. Пуссенъ скоро замѣтилъ, что въ Парижѣ мало для него собесѣдниковъ: только и говорили о кардиналѣ, герцогѣ Бульонскомъ, о томъ, что король простаго солдата сдѣлалъ градоначальникомъ за то, что онъ изъ пистолета убилъ графа Соассонскаго; разсказывали, что король, кромѣ Сенъ-Марса, не видитъ ни кого, что маркизъ никогда еще не бывалъ въ такихъ милостяхъ, и что на дняхъ будетъ непремѣнно или адмираломъ, или даже конетаблемъ.... Пуссену было скучно; но зато Депорту было весело: онъ забылъ свою должность и не слушалъ, а впивалъ городскія новости. Наконецъ друзья сжалились надъ Пуссеномъ и разошлись. Остался Депортъ для принятія приказаній.

— Въ Фонтенбло́ я могъ вамъ дѣлать льготы, сказалъ онъ: но здѣсь, простите меня, не сердитесь, я долженъ васъ мучить. Завтра я представлю вамъ всѣхъ художниковъ, послѣ-завтра дворянъ, гражданъ и вообще всѣхъ тѣхъ, которые захотятъ васъ видѣть и, не будучи съ вами зна-

комы, могли бы вамъ надоѣсть своими отдѣльными представленіями: приказано допустить ихъ всѣхъ разомъ. Потомъ мы отправимся къ кардиналу; потомъ опять три дня отдыху; а тамъ къ королю: и за работу!

— Всего семь дней! Кажется, у меня не достанетъ ни силъ, ни умѣнья.

— Будьте спокойны и надѣйтесь на человѣка, который столько къ вамъ привязанъ. Простите!

— Подозрительный человѣкъ! сказалъ Пуссенъ, когда Депортъ скрылся.

— Отчего вы такъ думаете? спросилъ Гаспаръ.

— Болѣе двадцати лѣтъ я изучаю человѣческую физіономію. Онъ собираетъ мои слова; онъ приставленъ руководить мое простодушіе, при случаѣ имѣть законныя доказательства моей неосторожности, если по расчету погибель моя окажется нужною для пользъ этихъ придворныхъ. Ты не слыхалъ, ты не замѣтилъ, сколько здѣсь, въ Парижѣ, самобытныхъ тщеславій? Я воображаю, каково на мѣстѣ ихъ общаго столкновенія! Я думаю, небу жарко отъ страшной битвы происковъ и козней! Только и хорошаго, что не слышно стоновъ.... Гаспаръ, что-то теперь дѣлается въ Римѣ? А сестрѣ твоей крѣпко хотѣлось въ Парижъ!

— Что вамъ за охота, Николо, говорить всегда про жену? Какъ-будто меня хотите попрекать! Ужъ, вѣрно, я не виноватъ въ ея характерѣ и привычкахъ.

— Да кто объ этомъ думаетъ? Но вотъ, любезный другъ, я сколько лѣтъ отучаю себя отъ ревности, а не могу отвыкнуть. Горько! Утрату жены вознаградилъ мнѣ ты, Гаспаръ, своею прекрасною дружбою; а она....

— Да и она, Николо, право, не заслужила такихъ положительныхъ обвиненій. Молодая женщина—всегда кокетка, а вы—древній Римлянинъ: вотъ и все тутъ! Да между вами и ссоры никогда не было, и я право не понимаю, на какихъ доказательствахъ вы основали свое мнѣніе.

— На какихъ доказательствахъ?... цѣлый Римъ говоритъ....

— Да въ Римѣ нѣтъ Ринліё, такъ говорятъ о Пуссенѣ; нѣтъ племянницы кардинала, Мазарини, Комбалé, герцогини Эгильонской, такъ и клевещутъ на жену Пуссена. Вотъ и все тутъ!

Вошелъ де-Вальероль. Глубокая грусть осѣняла прекрасное лице капитана. Онъ былъ одѣтъ въ платье простаго Швейцарца; шляпа и маска были въ рукахъ у него.

— Ахъ, Жоржъ! что же это я васъ цѣлый день не видалъ сегодня?

— Днемъ я прятался отъ людей, которые осаждали вашъ домъ. Любопытство ихъ стало опасно: хотя и немного, а все-таки и у меня есть знакомые. Ночью, въ платьѣ Швейцарца, я отправился въ предмѣстье Сенъ-Дени, въ Райскій Переулокъ. Въ моемъ домѣ живетъ булочникъ, а сосѣдей я, безъ маски, не смѣлъ разспрашивать: они всѣ знаютъ меня въ лицо. Два или три дня

спустя послѣ моего несчастія, Эвелина переѣхала съ итальянскимъ живописцемъ, съ предмѣстья въ эти мѣста; но какъ зовутъ живописца, куда они переѣхали, никто не помнитъ. Вся надежда на Гаръ-Піона: онъ, по привычкѣ, приходитъ къ своей знакомой табачницѣ, табакъ покупать; но очень рѣдко: иной разъ, мѣсяцъ его не видно. Самъ не знаю, что̀ дѣлать.

— А вотъ что̀: итти спать. Отдохнемъ! Ждали больше. Когда отдѣлаюсь отъ церемоніала, который кончится ровно черезъ недѣлю, даю вамъ слово, я отыщу Эвелину.

— Какимъ образомъ?

— У меня есть сильное подозрѣніе на этого Депорта. Онъ долженъ быть однимъ изъ сокровеннѣйшихъ клевретовъ кардинала; онъ мнѣ отыщетъ Эвелину. Для васъ я рѣшусь на хитрость.

— Но если онъ узнаетъ, что я....

— Говорю вамъ, я рѣшусь на хитрость. А теперь спать!

Рано поутру, еще было темно, Пуссенъ разбудилъ де-Вальероля, и отослалъ на-верхъ, подъ видомъ заготовленія холстовъ и красокъ. — Прійдутъ гости, говорилъ онъ: могутъ васъ увидѣть; а въ верхней залѣ моя мастерская: такъ я назначилъ; поэто́му никто не осмѣлится зайти туда безъ моего позволенія, а ваше постоянное отсутствіе можно оправдать лакейскими работами. Гаспаръ будетъ вашимъ товарищемъ, и семь дней не вѣчность: поскучайте; мнѣ хуже.

Почти съ разсвѣтомъ пріѣхалъ Депортъ, при-

мѣтно встревоженный. Пуссенъ замѣтилъ странное состояніе духа своего надзирателя и промолчалъ объ Эвелинѣ. Вскорѣ собралась толпа титулованныхъ художниковъ. Глядя на нихъ въ окно, Депортъ улыбнулся и подумалъ: «Это мой дворъ, помѣстье. Нѣтъ, Пуссенъ! ты у меня ихъ не отнимешь.»

— «Прикажите впустить почтенныхъ моихъ сотрудниковъ, сказалъ Пуссенъ.

— Нельзя рѣшительно отвѣчалъ Депортъ, барабаня по стеклу пальцами.

— «Такъ я выйду самъ къ нимъ на встрѣчу.

— И этого нельзя. Не сердитесь на меня. Они привыкли къ безпорядку, и первый вашъ шагъ долженъ обнаружить строгость и любовь къ порядку. Вы не можете знать, какъ снисходительность не кстати съ этой челядью! Художниковъ нѣтъ въ этой толпѣ: не вижу ни одного. Всѣ эти господа — жрецы расчета.

— «Говоритъ — честный человѣкъ, а лицо изверга, подумалъ Пуссенъ.

— Наружность обманчива, сказалъ Депортъ, какъ-будто отвѣчая на тайную мысль Пуссена: посмотришь—смирное стадо овечекъ; а въ существѣ—нѣтъ звѣрей съ такою злобою, съ такимъ пронырствомъ.

— «Можетъ-быть, онъ и правъ, подумалъ Пуссенъ. Философія его очень согласна со всѣмъ, что я вижу въ Парижѣ. Для опыта послѣдуемъ его примѣру.»

— Вотъ теперь можно впустить, сказалъ Депортъ, примѣтивъ кого-то въ посилкахъ.

То былъ знаменитый старикъ Калло. Художники вошли. Впереди, при шпагѣ, шелъ Калло. Фукіерръ, также при шпагѣ, старался перебить ему дорогу. Симона Вуэ и Лемерсіе не было. Не стоитъ исчислять именъ остальныхъ, хоть всѣ эти господа были титулованые художники и по различнымъ причинамъ сохранились въ историческихъ извѣстіяхъ, разбросанныхъ въ безчисленныхъ книгахъ. Почти всѣ заговорили вдругъ; но Фукіерръ гордо окинувъ взоромъ своихъ сопутниковъ и возвысивъ голосъ, сказалъ: — Мнѣ и всѣмъ здѣшнимъ художникамъ очень пріятно васъ видѣть въ Парижѣ, Я слышалъ очень много хорошаго объ вашихъ римскихъ работахъ и очень радъ съ вами познакомиться.

Фукіерръ протянулъ руку. Пуссенъ не охотно подалъ свою и отвѣчалъ; — вы должны простить, если я не могу привѣтствовать достойно каждаго: я давно изъ Парижа, а въ Римъ, господа, вы совсѣмъ не присылаете своихъ работъ, кромѣ немногихъ художниковъ, которые почти всѣ и живутъ тамъ. Прошу вѣрить моему доброму ко всѣмъ вамъ расположенію и желанію на-дѣлѣ сколько-нибудь доказать мою благодарность его величеству и достойнымъ моимъ покровителямъ. Я очень чувствителенъ къ чести, которую вы мнѣ сдѣлали своимъ посѣщеніемъ, и всегда и каждому готовъ служить совѣтомъ и всякою возможною помощью. Прошу садиться.

Калло́ глядѣлъ съ улыбкой, то на Пуссена, то на Фукіерра, который, отступивъ на три шага, съ бѣшенствомъ смотрѣлъ на римскаго владыку. Депортъ едва скрывалъ свою радость. Многіе изъ молодыхъ художниковъ покраснѣли. Калло́ обратился къ Лабелю и сказалъ:—По-дѣломъ нашему барону! пусть не принимаетъ на себя роли павлина: орелъ побьетъ самую огромную птицу.

— Нѣтъ, Калло́, отвѣчалъ Лабель: не ладно! Что́ Фукіерръ? иностранецъ!... а пришли французскіе художники.

Услышавъ имя Калло́, Пуссенъ оглянулся.

— Если я не ослышался, сказалъ онъ: я имѣю счастіе видѣть знаменитаго Калло́?

— Калло́, только не знаменитаго, потому что въ вашемъ присутствіи есть гораздо искуснѣйшіе, и вотъ начну съ Лабеля....

— Какое неожиданное удовольствіе! Въ Парижѣ соперники умѣютъ быть друзьями и отдавать справедливость.

— Да кто же въ этомъ могъ и сомнѣваться?... и вотъ вамъ лучшее доказательство, сказалъ Лабель: Калло́, для того только, чтобы посмотрѣть на великаго Пуссена, нарочно пріѣхалъ изъ Нанси!

— Милости просимъ, господа! Садитесь, садитесь!

Но всѣмъ усѣстся не было возможности.

Пуссенъ по-очереди принималъ поздравленія и рекомендацію отъ каждаго: около сорока именъ безъ славы вскочили въ одно ухо, въ другое вылетѣли. Когда поименное представленіе кончилось,

Пуссенъ съ грустью подошелъ къ граверамъ и спросилъ: — Скажите, что же вы гравируете во Франціи?

— Съ римскихъ и флорентинскихъ запасовъ, отвѣчалъ Калло: а вотъ теперь ждемъ Луврa. Я старъ; но Лабель, вѣрно, будетъ такъ счастливъ, что передастъ потомству подвиги нашего Геркулеса.

— Вы развѣ оставили рѣзецъ?

— Сами руки оставили его.

— Но я не видалъ многихъ вашихъ работъ. Вы удостоите меня позволенія посѣтить вашу мастерскую.

— Она вся въ одномъ портфёйлѣ, отвѣчалъ Калло: и прошу у васъ жертвы, посвятите свободную минуту....

— Сегодня, дорогой Калло! сегодня!

— А вотъ и Симонъ Вуэ, и Лемерсіе, сказалъ Лабель, глядя въ окошко.

Пуссенъ встрѣтилъ ихъ на порогѣ. Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій, Симонъ Вуэ всталъ и всѣ за нимъ.

— У насъ есть просьба, сказалъ онъ.

— Приказывайте.

— Удостойте посѣтить общество французскихъ художниковъ и откушать вмѣстѣ съ нами.

— Послѣ семи дней, отвѣчалъ Пуссенъ, я вашъ.

— Такъ ровно черезъ недѣлю, въ будущую среду?

— Въ среду, непремѣнно!

Представленіе кончилось.

— Простите, сказалъ Пуссенъ Депорту, бѣгу работать!

И бросился наверхъ къ де-Вальеролю.

— Спасибо за все! сказалъ Депортъ про себя. Теперь уже не зернышко, а цѣлое яблоко брошено. Мнѣ тоже нуженъ досугъ. Гдѣ найду я ихъ? Въ какую сторону броситься? Мазарини или Сенъ-Марсъ? И за нихъ я отомщу Пуссену!

—

ГЛАВА VI.

С В А Т Ы.

Тѣ же львы, тѣ же собесѣдники.

— Что ты это, Гаръ-Піонъ, все дремлешь? Кажется, теперь не жарко.

— Да вчера было жарко. Это черти, не люди, право!

— Не хвастай. А еще какъ усадили тебя вчера возлѣ хозяйки, такъ ты и давай съ нею смѣяться надъ Орлеанскими! А она, вѣрно, тебѣ зелья какого и подбросила.

— Вотъ умная голова! Сейчасъ видно. Такъ, чистымъ виномъ, меня не возьмешь.

— А ужъ какую говорилъ ты гиль, когда тебя увели въ общую, въ буфетную!

— Да какъ ты знаешь?

— Эге! мало ли чего! Вѣдь я съ ними былъ, съ ними и Фонтрайя провожалъ.

— Да какъ же я тебя не видалъ?

— Да и они меня не видали.

— Что же ты невидимка, что ли?

— По нуждѣ, братъ, и невидимка. Нужда — старая колдунья. Да что объ этомъ толковать! Вотъ хуже, господа не ѣдутъ, а кажется, изъ замка я всѣхъ разогналъ. Любо было смотрѣть на тревогу: словно охота высыпала въ поле, словно военная вылазка.

— Мастеръ, мастеръ, нечего сказать; да мнѣ ужасно надоѣла вся эта путаница. Какъ хочешь, а я выдамъ за-мужъ Эвелину.

— За кого?

— За Альфреда.

— А чѣмъ она будетъ жить? Нѣтъ Гаръ Піонъ! по-моему, такъ выдать ее за-мужъ за Сенъ-Марса.

— Ты съ ума сошелъ! Первая особа въ Парижѣ: мало ли у него невѣстъ?

— А Эвелина самая первая во всемъ Парижѣ, потому что Сенъ-Марсъ порядкомъ влюбленъ въ нее. Только немного искусства, и дѣло сладится!

— Куда бы хорошо! сказалъ Гаръ-Піонъ, потирая руки! потомъ какъ-будто опомнился, плюнулъ и продолжалъ: — Да ты съ ума сошелъ, Гойко! Альфреда она крѣпко любитъ, только не говоритъ.

— Да это развѣ дѣлу помѣха? Вздоръ! И Альфреда сдѣлаютъ маркизомъ, герцогомъ. Знатная дама? какъ же ей безъ угодниковъ жить?

— Гойко! сказалъ Гаръ-Піонъ, грозя кулакомъ и приподнимаясь.

— Да это мы съ тобою, Помпей, такъ разсуждаемъ; но хоть убей меня, у Эвелины на умѣ знатность и знатные нравы. Ну, посмотри, какъ

она съ Альфредомъ обращается: за милю держитъ его отъ себя; оба говорятъ всегда съ-высока, полчаса кланяются.... Нѣтъ, Гаръ-Піонъ, ты, можетъ-быть, честнѣе, да не умнѣе меня.... Ѣдутъ! ѣдутъ!

— Карета д'Орбиньи, окруженная дюжиной вооруженныхъ слугъ, подъѣхала ко львамъ. Проходя мимо Гаръ-Піона, Эвелина спросила, не былъ ли Сенъ-Марсъ, и пошла на лѣстницу, почти не ожидая отвѣта.

— Стыдно, сударыня, отвѣчалъ Гаръ-Піонъ: вѣдь не вы, а я буду отвѣчать капитану. Но Эвелина была уже далеко.

— А что? видишь сказалъ Гойко. Да и что тутъ дурнаго? Ужъ вѣрно маркизъ получше замарашки, живописца, отъ котораго всегда или масломъ или скипидаромъ пахнетъ. Твое дѣло не за тѣмъ смотрѣть.

— А за чѣмъ?

— Чтобы все кончилось свадьбой.

— Давай стряпать, чортъ возьми! Только послушай: что скажетъ капитанъ, какъ узнаетъ?

— Ну! скажетъ капитанъ: славнаго мнѣ слугу далъ Богъ! И въ бѣдѣ выручилъ! А Сенъ-Марсъ, ты знаешь, что захочетъ, то и сдѣлаетъ. Скажетъ слово королю: капитана привезутъ, маршаломъ сдѣлаютъ, помѣстьями и титулами осыплютъ. Вѣдь все, братъ, закрыто; а я тебѣ на ушко скажу: кажется, кардиналу послѣдній часъ приходитъ; сегодня на рынкѣ такую штуку читали, что право маркизу де-Коку не придумать.

— Все это славно; да, право, мнѣ этого Альфреда жаль.

Гойко не успѣлъ отвѣчать Гаръ-Піону....

Карета уѣхала; но ее смѣнили носилки. Вошелъ Депортъ.

— Кто пріѣхалъ? спросилъ онъ со злобой....

— Наши, отвѣчалъ Гойко, не поднимаясь со льва.

— Гдѣ они были?

— Плохо платите, господинъ ординарный живописецъ! Спросите у нихъ. Онѣ вамъ скажутъ: — «Изъ замка д'Орбиньи,» — вы и успокоитесь.

— Да откуда же они пріѣхали?

— Да намъ-то какое дѣло?

Депортъ имѣлъ время и случаи убѣдиться, что Гойко безъ денегъ не говоритъ ни слова, и сунулъ ему какую-то монету. Тотъ поглядѣлъ на руку и отвѣчалъ:

— За это право немного можно сказать. Развѣ только то, что не изъ замка д'Орбиньи.

— Да откуда же?

Гойко продолжалъ смотрѣть на руку и отвѣчалъ: — Пока ничего больше не знаю.

Еще деньги, и еще отвѣтъ: — Альфредъ Дени разбогатѣлъ: прогулки!... а по дорогѣ, пожалуй, и въ церковь заѣдутъ.

— Діаволо! въ бѣшенствѣ завопилъ Депортъ. Не пускайте его въ домъ!

И побѣжалъ наверхъ.

Почти вслѣдъ за нимъ прибѣжалъ Дени. Платье его было въ безпорядкѣ, глаза красные: онъ говорилъ громко, размахивая руками.

— Пріѣхали! черезъ три дня пріѣхали! Я знаю гдѣ вы были. Я былъ тамъ же; я видѣлъ какъ пріѣхалъ Сенъ-Марсъ.... я видѣлъ все.... О! мы объяснимся, мы кончимъ это дѣло!

И Дени вскочилъ уже на лѣстницу. Гаръ-Піонъ сталъ у дверей, а Гойко со льва сказалъ Альфреду:

— Позвольте, позвольте! не горячитесь. Не приказано принимать.

— Меня! съ изумленіемъ спросилъ Альфредъ. Помпей, что это значитъ?

— Кажется, вамъ ясно сказано, отвѣчалъ Гаръ-Піонъ, ушелъ и заперъ двери изнутри.

— Послушай, Филиппъ, сказалъ блѣдный, смущенный Дени, вынимая кошелекъ: послѣднія деньги....

— Не надо. За васъ ужъ заплочено, и я скажу вамъ радостное извѣстіе. Эвелина васъ любитъ страстно и для того выходитъ за-мужъ, только не за васъ, потому-что она васъ любитъ страстно. Она васъ сдѣлаетъ богатымъ и знатнымъ человѣкомъ и, главное, домашнимъ другомъ. Только, пожалуйста, не горячитесь и не выдайте насъ; а то, и себя и ее погубите вашею мѣщанскою любовью, если узнаютъ, что вы любите какъ любятъ въ комедіи: тогда Эвелина никуда глазъ не показывай! Стыдъ, просто стыдъ, для такой знатной невѣсты имѣть любовника до свадьбы!

Альфредъ заплакалъ и едва могъ произнести:— Я зналъ, что этимъ кончится! Какъ могла молодая дѣвушка устоять противъ такихъ бистатель-

ныхъ искушеній! Но позволь мнѣ сказать ей послѣднее прости....

— Далеко же вамъ надобно за этимъ ѣхать!

— Какъ! Да я видѣлъ изъ окна моего друга, Корнеля, какъ онѣ пріѣхали въ каретѣ д'Орбиньи!.. я самъ былъ въ деревнѣ, что̀ при замкѣ!

— Такъ вы видѣли въ каретѣ Эвелину? спросилъ Гойко, улыбаясь.

— Нѣтъ, Филиппъ, я ея не видалъ: занавѣски были задернуты. Но кто же пріѣхалъ?

— Пріѣхала карета за Жаннетой. Посмотрите, еще и пыль не улеглась.

— Филиппъ! досказывай, разсказывай, не мучь меня!

— Нѣтъ, сударь, вы горячитесь, и я, вамъ не довѣрю жизни своей, не довѣрю тайнъ страшныхъ.

— Клянусь Богомъ!... честью!... искуствомъ!... Говори, говори! Ты видишь, я спокоенъ.

— Здѣсь? на улицѣ?... Это видно, что вы совершенно ко всему равнодушны и съумѣете сохранить страшную тайну.

— Пойдемъ ко мнѣ, Филиппъ! Куда хочешь, только пойдемъ!

— Лучше всего въ тюильрійскій садъ; два шага!

— Ну, говори, Филиппъ! сказалъ Альфредъ, останавливая Гойку въ темной и глухой аллеѣ.

— Вы были въ деревнѣ, вы видѣли суматоху въ замкѣ, вы знаете куда бросилась толпа дворянъ: а?... Вы ничего не знаете! Можетъ-быть, теперь бьетъ послѣдній часъ кардинала.

Альфредъ вздрогнулъ.

— Можетъ-быть, говорю я, потому что, въ случаѣ неудачи, всѣ эти господа бросятся въ Седанъ, къ герцогу Бульонскому. А?... поняли?

— Но гдѣ Эвелина, Филиппъ?... гдѣ Эвелина?

— Теперь, право, не знаю, отвѣчалъ спокойно Гойко: полагаю, уже близко границы.

— Такъ и она уѣхала?

— Въ Седанъ.

— Я ѣду въ Седанъ!

— Мнѣ для этого оставлены и деньги. Извольте. Но, ради Бога, будьте благоразумны; одѣлайте видъ, будто вы и не знакомы съ Эвелиной, а познакомиться ищите случая на охотѣ, на балѣ, что-нибудь въ этомъ родѣ.

— Благодарю за совѣтъ! Не нужно мнѣ твоихъ денегъ; возьми ихъ за дьявольскую услугу. Рано стали помогать несчастному любовнику! Но я отомщу за себя!

— Видите? вы горячитесь, и вмѣсто благодарности, хотите погубить насъ! Погодите до вечера. Я тоже ѣду сегодня въ Седанъ. Не прикажете ли сказать?....

— Ни слова! ради Бога, ни слова! Они успѣютъ приготовиться.... Женщины! и я повѣрилъ вамъ!... О! какъ злобно, какъ коварно избавились вы отъ несчастнаго бѣдняка!... Въ замокъ Орбиньи!... Я тогда же сомнѣвался, и какъ ужасно сбылись мои сомнѣнія!

— Да какія сомнѣнія? Говорятъ вамъ, что васъ любятъ страстно.

— И я съумѣю отблагодарить за эту честь!

Альфредъ исчезъ, какъ молнія.

— Я зналъ, что онъ не возьметъ денегъ, сказалъ Гойко. Какой благородный характеръ! Постой дружокъ! ты въ Парижъ не воротишься, только бы уѣхать тебѣ сегодня.

Гойко бросился за Альфредомъ въ погоню.

Депортъ дрожалъ отъ бѣшенства. Дамы хохотали, когда онъ имъ разсказывалъ небывалую прогулку съ Альфредомъ; но когда дѣло дошло до угрозъ, Джудита приняла важный видъ и сказала съ нѣкоторою торжественностію: — Перестаньте, Депортъ! Я сдѣлала васъ дворяниномъ; хлопочу о маркизатѣ не для васъ, а для себя. Хотите идти въ долю? хорошо, мнѣ все равно; не хотите! я тотчасъ беру дѣтей и Эвелину, Жаннету, Гарь-Піона, и переѣзжаю въ замокъ д'Орбиньи, а вы безъ насъ не далеко пойдете Вѣдь, право, скучно! Какія вы имѣете на меня права? Сами подумайте. Какіе предлоги къ подозрѣніямъ? Изъ благодарности, вы бы должны молчать, или говорить съ нами какъ соучастникъ общаго дѣла.

Депортъ смягчился.

— Джудита, сказалъ онъ съ нѣжностью: кардиналъ принимаетъ участіе въ судьбѣ бѣдной сироты; я долженъ отдавать ему ежедневный отчетъ во всемъ, что до нея касается; кругомъ толпа лазутчиковъ: войдите въ мое положеніе!

— Вы лжете.

— О! чѣмъ увѣрить тебя въ этой горькой истинѣ?

— Почему же горькой?

— Потому-что за ваши прогулки достанется мнѣ.

— Кардиналу теперь не до васъ: онъ умираетъ.

— Вы шутите: онъ почти совсѣмъ выздоровѣлъ! Вчера я былъ у него ночью. Онъ не диктовалъ, какъ обыкновенно, а писалъ самъ.

Джудита поблѣднѣла и отворотилась. Стукъ кареты прервалъ объясненіе. Вошелъ Гаръ-Піонъ и доложилъ:

— Марія Пальфи, изъ Милана.

Джудита была уже на крыльцѣ, Марія въ ея объятіяхъ.

— Моя сестра, сказала Джудита отрывисто, обращаясь къ Депорту. Вотъ Депортъ, Марія! Пойдемъ, пойдемъ въ мои комнаты.

Депортъ остался одинъ въ залѣ.

— Что за дьявольщина? сказалъ онъ мрачно. Еще новое лицо!... еще красавица! Но, или я несчастливъ по этой части, или слишкомъ широко раскинулъ тенета. Попалось много птицъ, а ни одной не могу подрѣзать крыльевъ. Положеніе мое опасно. Господи! когда же выдадутъ за-мужъ эту Маріо Неверскую? Тогда онъ мой! совсѣмъ мой!.. тогда счастіе мое упрочено надолго, навсегда! Милость короля къ Сенъ-Марсу за это ручается. Со дня на день откладываютъ это замужество. Плохъ кардиналъ, плохъ сталъ! Значитъ, близко къ новому министерству. Но кто будетъ министромъ? Сенъ-Марсъ или аббатъ Мазарини?

— Аббатъ Мазарини! сказалъ громко Гаръ-Піонъ, и маленькій аббатъ вошелъ въ залу.

Депортъ невольно взглянулъ на стѣну и остолбенѣлъ: на ней не было портрета Мазарини.

— Здравствуйте, сказалъ аббатикъ. Что вы это такъ задумались?

— Объ васъ, г. Аббатъ!

— Называйте меня по-прежнему эминенціей.

— Какъ!

— Въ Римѣ стали платить впередъ. Завтра все будетъ извѣстно: но ради самого Бога, Пуссена скорѣе вонъ изъ Парижа!... Да? кстати! исторія Джудиты перестаетъ быть тайной: въ новомъ платьѣ, я самъ разскажу нашу повѣсть со слезами на глазахъ. Печальная необходимость произведетъ эффектъ на придворныхъ дамъ, не правда ли?

— Что вы хотите дѣлать, eminenza? Ради самаго Неба, что вы хотите дѣлать?

Мазарини не отвѣчалъ, сѣлъ и осматривалъ комнату.

— Мнѣ помнится, въ этой залѣ, сказалъ онъ, висѣлъ и мой портретъ.

— Онъ теперь въ мастерской: заказано пропасть копій.

— Не забудьте перемѣнить костюмъ.

— И вы это говорите мнѣ! Не я ли предрекъ вашей эминенціи скорое возвышеніе? Не я ли усердствовалъ для пользъ вашихъ?

— Полно, полно, Депортъ! Ты служилъ усердно другому кардиналу, моему благодѣтелю, и противъ меня. Къ счастію, твоя злоба не могла насытиться во дворцѣ Мазарини. Обстоятельства, которыми связаны были мои дѣйствія, ничтожныя,

пустыя любовныя интриги молодыхъ лѣтъ, могли помѣшать мнѣ при дворахъ Людовика и Урбана. Цѣль достигнута, и я самъ болѣе не хочу хранить тайны: хуже, если эту тайну разскажутъ другіе. Понимаешь ли, Депортъ? это — расчетъ по твоей наукѣ. Благодарю за уроки!

— Но вы погубите меня, отчаянно сказалъ Депортъ: вашего друга, слугу, приверженца! Тайна нужна мнѣ; Парижъ долженъ почитать мою жену ангеломъ чистоты и простоты.

— А зачѣмъ, смѣю спросить?

— Это мой расчетъ. Но, впрочемъ, Богъ съ вами! разсказывайте что вамъ угодно. Я придумалъ нѣкоторыя оборонительныя средства.

— А какія, смѣю спросить?

— Ваша эминенція, насмѣшливо отвѣчалъ Депортъ, изволите считать меня полнымъ дуракомъ. Какой полководецъ показываетъ врагамъ свои планы?

— Ага! такъ я уже врагъ?

— Вы хотите быть врагомъ моимъ, но я заставлю васъ быть моимъ другомъ, если вы не согласны добровольно.. .

— Напротивъ! Пожалуй, я могу и замолчать. Но, за сохраненіе тайны, позвольте мнѣ, въ свою очередь, предложить условія.

— Какія, осмѣлюсь спросить?

— Первое: Пуссенъ; второе: Эвелина.

— Это только имена, ваша эминенція: я не вижу условій.

— Первое: выдумайте, сочините, создайте, изо-

бретите, украдьте какія-нибудь причины немедленнаго удаленія Пуссена изъ Парижа; второе не требуетъ объясненія.

— На первое я по душѣ согласенъ и, съ вашею помощью, конечно, достигну цѣли; на второе.... охъ! вы не знаете, кто Эвелина, вамъ никогда и не снилось, какая ужасная тайна скрывается подъ вымышленнымъ именемъ! Мы взяли имя изгнанника, и, кажется, ничего искуснѣе не могли выдумать. Но кардиналъ-герцогъ никогда не прочь отъ хорошей партіи, отъ партіи, которая бы согласовалась и съ происхожденіемъ Эвелины и съ политическими видами.

— Кого же вы хотите женить на ней?

— Вы должны были давно угадать жениха. Догадывайтесь. Но клянусь вамъ, я не скажу ни слова, хотя бы васъ сдѣлали папой римскимъ.

— Теперь я понимаю требованія кардинала! Послушайте, Депортъ. Условіе перемѣняетъ видъ свой: «до смерти кардинала-герцога, Эвелина не выйдетъ замужъ.» Это въ вашей власти.

— Я простой дворянинъ: мнѣ трудно противиться приказаніямъ кардинала-герцога: велитъ, и сегодня же повезу Эвелину въ церковь. Если бы я былъ маркизомъ, напримѣръ, имѣлъ свой замокъ, помѣстье.... можетъ-быть, въ надеждѣ будущихъ благъ, при другомъ министерствѣ, я сыгралъ бы роль влюбленнаго, увезъ бы Эвелину въ укрѣпленный замокъ; можетъ-быть, исчезъ бы на время изъ Франціи съ Эвелиной: но не иначе, какъ маркизомъ!

Мазарини призадумался.

Депортъ продолжалъ: — И вообще мнѣ какъ-то неловко при вашемъ дворѣ. Новопожалованный дворянинъ, я сижу почти послѣднимъ за столами нашихъ вельможъ; кругъ моей дѣятельности на пользу вашей эминенціи тѣсенъ: мнѣ нужны другой чинъ, другое званіе. Что такое живописецъ? Ремесленникъ, наемникъ!... Дайте какое-нибудь начальство, власть, почетную должность. Не понимаю, какъ я до-сихъ-поръ хлопочу Богъ знаетъ для кого и безъ малѣйшихъ выгодъ! Что ваше дворянство? Вы раздаете его сотнями: скоро шпагъ не станетъ. И вотъ награда за такія опасныя заслуги!

— Но, милый мой, маркизатъ не жалуется. Длинная исторія: надо отыскать или купить свободный маркизатъ.

— Тѣмъ легче для вашей эминенціи.

— Я подумаю, отвѣчалъ Мазарини, понизивъ голосъ: но нельзя ли видѣть Эвелины?

— Не знаю, будетъ ли вамъ пріятно видѣть ее вмѣстѣ съ Джудитой.

— Одну, одну, ради Бога! Надо же намъ познакомиться.

— Когда кончится пріемъ Пуссена, я вамъ назначу свиданіе въ тюильрійскомъ саду. Но...

— Довольно, довольно, Депортъ! За услуги я умѣю быть благодарнымъ: и такъ свѣжи еще доказательства!... Прощайте.

—

ГЛАВА VII.

НЕДОРАЗУМѢНІЯ.

Въ уединенномъ покоѣ, который справедливо назывался кабинетомъ Джудиты, сидѣли три прелестныя собесѣдницы. Съ двумя мы уже знакомы, но третья была тремя, четырьмя годами постарше Джудиты. Италіянскій узкій костюмъ придавалъ Маріи много прелести, съ большой точностью означая прекрасный ростъ и изящность формы. Лице, чуднаго очертанія, сохранило всю пріятность, доброту и свѣжесть юности; глаза пылали попрежнему: однѣ губы нѣсколько были сухи. Ни время года, ни усталость дальняго и невыгоднаго пути, не имѣли ни какого вліянія на эту веселую вдову въ глубокомъ траурѣ. Она говорила почти одна, хохотала; руки и глаза ея были въ постоянномъ движеніи. Нѣсколько разъ она вскакивала съ мѣста и разыгрывала цѣлыя сцены изъ любопытной и драматической жизни своей. Но мы не смѣемъ обратить ея разсказовъ въ третій эпизодъ нашей исторіи, потому что случаи жизни Маріи не имѣютъ никакой связи съ ея содержаніемъ.

— Какъ жаль, сказала Джудита, что ты опоздала тремя днями, Марія! Теперь въ замкѣ д'Орбиньи остались только дамы, не совсѣмъ довольныя постоянствомъ капитана. Онѣ просватали за него, я думаю, полъ-Парижа; но Генрихъ остался вѣрнымъ данному слову.

— Да мнѣ какое дѣло до вашихъ дамъ? Лишь бы Генрихъ любилъ меня попрежнему! Правда, я

опоздала нѣсколько пріѣздомъ. Но ты виновата, Джудита, виновата твоя милая Эвелина, и Генрихъ, вѣрно, за это на меня не разсердится. Мужъ мой умеръ въ пятницу, и не умеръ, а сгорѣлъ, угасъ... такъ тихо, такъ спокойно! Онъ зналъ нашу тайну и благословилъ меня на замужество. Одно его мучило: что я должна ѣхать во Францію, туда, гдѣ царствуетъ ужасный Ришліё. Въ Италіи такъ же ненавидятъ кардинала, какъ и въ Парижѣ. Я обѣщала выманить д'Орбиньи во Флоренцію, въ нашъ небольшой палаццо, въ наши роскошныя виллы. Умеръ: пошли хлопоты съ похоронами; я едва-едва умѣла распорядиться. Чувства мои были совершенно перемѣшаны: мнѣ было жаль покойнаго: я такъ его уважала!... но будущность мнѣ улыбалась. Долгъ дружбы отстрочивалъ мое счастіе: я поѣхала въ Римъ, искать де-Вальероля.

— Сама? воскликнули слушательницы.

— Да что́ за чудо? Но вотъ бѣда: около трехъ дней ни малѣйшаго слѣда не могла я открыть; на четвертый отыскала я гостинницу, гдѣ, по всѣмъ примѣтамъ, капитанъ прожилъ около трехъ недѣль, расплатился и ушелъ. — Такъ онъ не уѣхалъ? невольно спросила я. — «Конечно не уѣхалъ!» откѣчала мнѣ дѣвочка лѣтъ десяти, дочь хозяина: «я частенько встрѣчала его съ Пуссино на Испанской Площади.» — Я къ Пуссино: уѣхалъ во Францію, и весь домъ запертъ и заколоченъ. Мнѣ совѣтовали обратиться къ г. Дюгé, тестю художника. Пріѣзжаю: все семейство Дюгé съ женою Пуссино уѣхало въ Неаполь. Что́ за бѣда! подумала

я: съѣздимъ и въ Неаполь; я же никогда его не видала, а можетъ-быть, прійдется умереть во Франціи. Но и тутъ неудача: семейство Дюге уѣхало, недѣло тому назадъ, въ дальнѣйшее путешествіе. Куда? Никто не могъ сказать мнѣ. Тогда, нечего дѣлать, я цѣлую ночь убѣждала себя, что долгъ дружбы исполненъ; наконецъ убѣдилась и отправилась во Францію. Вы видите....

Но Эвелина прервала рѣчь Маріи жаркимъ поцѣлуемъ благодарности.

— Намъ остается, сказала Джудита, узнать объ отцѣ твоемъ отъ самого Пуссена.

— Но какъ это сдѣлать?

— Поищемъ Альфреда.

Позвали Гаръ-Піона.

— Что, Альфредъ въ мастерской? спросила Эвелина.

— По-дѣло́мъ вамъ, сударыня: вы его болѣе не увидите!

Общее изумленіе.

— Да! господинъ Депортъ прогналъ его со двора и не приказалъ въ домъ пускать!

Общій ужасъ.

— А онъ, бѣдняжка, съ горя поѣхалъ въ Седанъ.

Всѣ расхохотались.

— Не извольте смѣяться. Гойко лошадей нанималъ, вещи укладывалъ и господину Депорту доложилъ: такъ ужъ нечего сомнѣваться.

Эвелинѣ стало дурно. Гаръ-Піонъ, глядя на нее, качалъ головой; женщины около нея суетились.

На улицѣ раздался стукъ, и Гаръ-Піонъ поспѣшилъ на свое мѣсто.

Эвелина ожила.

— Не Альфредъ ли? вскрикнула она, и дамы бросились въ гостиную, но тамъ нашли Сенъ-Марса и д'Орбиньи.

Сенъ-Марсъ остолбенѣлъ, когда д'Орбиньи бросился въ объятія Маріи; но удивленіе его еще болѣе возрасло, когда Эвелина, увидавъ ихъ, упала въ обморокъ.

— Что̀ съ нею? спросилъ Сенъ-Марсъ.

— Ахъ! не спрашивайте. Какая-то невидимая сила ходитъ между нами и преслѣдуетъ всѣхъ насъ неутомимо: то̀ обманула насъ ложною смертью кардинала, то̀ испугала ложнымъ бѣгствомъ Альфреда Дени въ Седанъ.

— Ложнымъ? сказалъ Сенъ-Марсъ. Нѣтъ, дѣло уже въ парламентѣ. Король простилъ Бульона и всѣхъ его приверженцовъ; но кардиналъ сдѣлалъ свое, и парламентъ объявилъ, что кто осмѣлится, безъ особеннаго позволенія властей, ѣздить или ходить въ Седанъ и нѣкоторыя другія провинціи, будетъ почитаться изгнанникомъ и, подъ смертною казнію, возвратиться во Францію не можетъ. И эта мѣра принята вслѣдствіе бѣгства какого-то Альфреда Дени съ бумагами отъ здѣшнихъ друзей Бульона.

— Кажется, пора кончить этотъ маскарадъ, сказала Джудита, съ трудомъ скрывая бѣшенство. Мести, маркизъ!... я требую мести!

— Кому, Джудита!

— Депорту! Онъ сдѣлалъ Альфреда изгнанникомъ. Но пока молчите; надо обмануть Эвелину.

— Какъ? развѣ этотъ Альфредъ?...

— Ея женихъ.

Сенъ-Марсъ измѣнился въ лицѣ. Оскорбленіе было велико. Онъ не зналъ что̀ отвѣчать; но Джудита не обращала вниманія на его замѣшательство и продолжала хлопотать около Эвелины. Д'Орбиньи съ Маріей не видѣли, не слышали ничего у окна: они на-скоро что̀-то разсказывали другъ другу. Сенъ-Марсъ не зналъ къ кому обратиться. Вошелъ Депортъ въ то самое время, когда Эвелина очнулась.

— Гдѣ Альфредъ? спросила Джудита торжественно.

Депортъ глядѣлъ на всѣхъ изумленными глазами.

— Гдѣ Альфредъ? повторила Джудита, такимъ голосомъ, что всѣ вздрогнули.

Оправясь нѣсколько, Депортъ отвѣчалъ: — Альфредъ въ мастерской или дома.

— Сыщите его! закричала Джудита: гдѣ хотите, найдите моего Альфреда! Безъ него, наша комедія кончена; понимаете ли, г. Депортъ?

— Что̀ съ тобою, Джудита? спросилъ Депортъ, умоляющимъ голосомъ.

— Довольно, довольно! Безъ моего согласія вы изгнали изъ Франціи бѣднаго Альфреда. Но это не удастся! Я сама пойду къ кардиналу и разскажу, какъ вы употребляете во зло довѣренность Ришліё. Мнѣ онъ повѣритъ: мои доказательства слишкомъ явны. Признайтесь: какую клевету взве-

ли вы на Альфреда! За дворянство, вы бы продали жену, дѣтей, если бы вы ихъ имѣли!

Депортъ не зналъ, куда дѣваться.... Вошелъ Корнель.

— Кто изъ васъ, господа, Филиппъ Депортъ, изъ Ліона? спросилъ онъ, твердымъ, но мрачнымъ голосомъ.

— Что вамъ угодно? сказалъ Депортъ запинаясь.

— Скажите, какое преступленіе сдѣлалъ молодой человѣкъ Альфредъ Дени, изъ Руана, въ которомъ я принимаю живое участіе?

— Что за дьявольщина! со злобой закричалъ Депортъ. Да я никому не обязанъ отчетомъ въ поступкахъ моихъ учениковъ внѣ школьной залы! Говорю вамъ, всѣмъ и каждому, что я ничего не понимаю въ вашихъ вопросахъ!

— Бѣдная мать Альфреда, сказалъ Корнель, умретъ съ горя, если повелѣніе парламента достигнетъ до Руана, прежде нежели я успѣю ее приготовить къ этому неожиданному несчастію. Объясните мнѣ преступленіе Альфреда: я еще не теряю надежды умилостивить кардинала.

— Карету! сказалъ Депортъ: карету! Черезъ часъ я все узнаю.

— Стой! закричалъ Сенъ-Марсъ: ты не поѣдешь, пока не объяснишь мнѣ, Депортъ!... понимаешь ли? *мнѣ!*... всѣхъ своихъ клеветъ и обмановъ.

— Объясню все королю и никому болѣе!

— Къ королю? сказалъ Сенъ-Марсъ. Мы ѣдемъ вмѣстѣ!

— Съ удовольствіемъ, съ удовольствіемъ! отвѣчалъ Депортъ.—А вы, милостивый государь, сказалъ онъ Корнелю: потрудитесь обратиться съ вашими вопросами къ сообщникамъ заговора, а не ко мнѣ: я не участникъ.

Всѣ побѣднѣли, кромѣ Корнеля.

— Но кто они? спросилъ Корнель.

— Не мое дѣло, отвѣчалъ Депортъ лукаво: я ихъ не знаю. Я раздумалъ, маркизъ. Теперь поздно: король спитъ. Но кардиналъ, я думаю, проснулся. Не угодно ли къ кардиналу?

Замѣшательство заговорщиковъ еще болѣе возрасло, когда Депортъ какъ-будто что-то вспомнилъ и пошелъ въ кабинетъ, приговаривая: — Хорошо если ихъ не украли!

— Нѣтъ ли у него какихъ-нибудь записокъ, писемъ? спросилъ д'Орбиньи тревожно.

— Я ничего не понимаю, отвѣчала испуганная Джудита. Кажется, я погорячилась. Но, ради Бога, уѣзжайте всѣ! Я его не выпущу сегодня и все узнаю.

Всѣ уѣхали. Остались только дамы. Депортъ вошелъ съ пучкомъ бумагъ.

— А гдѣ же они? спросилъ онъ съ изумленіемъ.

— На своихъ мѣстахъ, отвѣчала Джудита: Сенъ-Марсъ поѣхалъ къ королю, д'Орбиньи къ Мазарини, Корнель къ кардиналу.

— Любопытно, что они наговорятъ тамъ. Завтра будетъ комедія, какой при дворѣ не бывало. Но,

милая Джудита, клянусь тебѣ, что въ судьбѣ Альфреда я не принималъ никакого участія.

— Такъ, вѣрно, какой-нибудь особенный противъ насъ заговоръ! сказала Джудита съ притворнымъ видомъ изумленія.

— Весьма быть можетъ.

— Да какой же заговоръ? Нѣтъ ли у васъ покрайней-мѣръ слѣдовъ? Вы напрасно отъ меня скрываетесь. Недоразумѣніе между нами опасно: одна минута, съ моимъ характеромъ, и все наше зданіе разрушилось бы до основанія. Ради Бога, каковъ бы онъ ни былъ, уклоняйтесь отъ заговора! Не знаете ли вы хотя одного сообщника?

— Ты напрасно перепугалась, Джудита. У меня это такъ сорвалось съ языка, а я право не знаю ни какого заговора, ни какихъ заговорщиковъ. Желая разогнать незванныхъ гостей, я употребилъ хитрость по инстинкту, по вдохновенію, ни мало не воображая, что у нихъ есть какой то заговоръ.

— И презабавный! отвѣчала со смѣхомъ Джудита. Но отъ васъ это тайна, потому что вы ненавидите Симона Вуэ.

— Ради Неба, какой же это заговоръ? Клянусь, я мѣшать не буду. Я ненавидѣлъ Вуэ, пока онъ у меня лежалъ на дорогѣ: перешагнулъ, и совершенно сталъ къ нему равнодушенъ. Теперь у меня другой врагъ.

— Вотъ ужъ не могу придумать, кто можетъ быть врагомъ вашимъ.... развѣ Альфредъ?...

— Боже сохрани! Я крайне огорченъ, что об-

стоятельства отняли у меня правую руку, и завтра же Альфредъ получитъ прощеніе.

— Вы не шутите? воскликнули дамы.

— Ахъ, Господи, Боже мой! когда вы перестанете сомнѣваться? Ну, сами подумайте: я не имѣю времени заниматься работою, а заказовъ пропасть. Кто ихъ теперь будетъ исполнять съ такимъ усердіемъ и искусствомъ? Конечно, я, въ досадѣ на ваши прогулки, отказалъ ему отъ дому, но съ умысломъ, чтобы онъ опомнился. Какой онъ теперь женихъ? Надо много накопить денегъ для свадьбы, а онъ нищій. Сколько работъ я заказалъ ему! Вы видите, что я самъ думалъ составить ему состояніе и берегъ Эвелину.... для кого? для него же. Неужели вы меня считали такимъ пошлымъ дуракомъ, что я уже не могъ и замѣтить вашей взаимной склонности? Неожиданный отъѣздъ Альфреда только мнѣ одному понятенъ. Это услуга Симона Вуэ: онъ сманилъ въ Седанъ Альфреда, куда уже давно герцогъ Бульонскій приглашаетъ хорошаго живописца; сманилъ для того, чтобы лишить меня такого превосходнаго товарища, не ученика. И, конечно, я не прощу этого Симону, если навѣрное узнаю. Но ради Бога, въ чемъ же этотъ заговоръ?

- Не противъ васъ, но противъ вашего друга, сказала Джудита.

— У меня нѣтъ друзей.

— А этотъ Пуссенъ?

Депортъ улыбнулся и отвѣчалъ: — Не понимаю, за что такая немилость къ Пуссену!

— Какъ за что? Вспомните, какъ его принимали въ Фонтебло и Парижѣ! Король и кардиналъ назначили особенный церемоніялъ для свиданія съ художникомъ. Каково это видѣть старымъ дворянамъ, которые по мѣсяцу ожидаютъ позволенія явиться въ Рюэль? Такъ не принимали многихъ пословъ и принцевъ! Съ другой стороны, Симонъ Вуэ любимъ и уважаемъ всѣми. Немилость къ нему чувствительна всему Парижу.

— Такъ на что же рѣшились дворяне?

— Вы увидите.

— Если вы полагаете, что я другъ Пуссену, смѣшная ошибка! Пуссенъ именно тотъ врагъ, о которомъ я намекнулъ уже.

— Какимъ образомъ?

— Старинная римская исторія.... Но я не хочу участвовать въ заговорѣ.

— По-крайней-мѣрѣ не будете препятствовать?

— Въ этомъ вы можете ихъ увѣрить. Вы не знаете, Джудита: въ этомъ заговорѣ есть и политическая цѣль. Слава Пуссена огромна: бояться, чтобы онъ не сдѣлался любимцемъ короля. Забавное безпокойство!... Я думаю, никто менѣе Пуссена не способенъ быть придворнымъ! Чему вы смѣетесь, Джудита?

— Не могу безъ смѣха вспомнить, какая поднялась буря и разрѣшилась пустяками! И вотъ вамъ урокъ, г. Депортъ, какъ вредна для насъ взаимная тайна! Но пора прощайте, г. Депортъ. Не забудьте Альфреда.

Депортъ почтительно раскланялся дамамъ. Дол-

го заполночь дамы шептались и хохотали надъ легковѣріемъ Депорта, а Филиппъ, до самаго утра, соображалъ всѣ слова, всѣ взгляды этой занимательной сцены и перечитывалъ пукъ писемъ къ Альфреду отъ разныхъ лицъ, доставленный Депорту услужливымъ Гойкой за нѣсколько золотыхъ монетъ; перечитывалъ и добивался въ каждомъ словѣ какого-нибудь особеннаго, тайнаго смысла.

—

ГЛАВА VIII.

СТОЛИЧНАЯ ОБИТЕЛЬ ПОЭТА.

Во дворцѣ Герцогини Эгильонской, племянницы кардинала, въ отдаленномъ флигелѣ, на дворѣ, слуга убиралъ кое-какъ небольшую комнату. Простая кровать, съ старыми занавѣсками, стояла въ углу; каминъ — съ признаками дурнаго состоянія трубъ; окна — въ видѣ географическихъ картъ, которыя чертятъ ученики въ классахъ, заклеенныя бумажками. У средняго окна, которое всему флигелю съ фасада сообщало видъ циклопа, потому что было вдвое противъ прочихъ, а по формѣ походило на греческую Θ, стоялъ рабочій столъ временъ Франциска Втораго. Каждый ящикъ былъ облѣпленъ рѣзьбою, во многихъ мѣстахъ обвалившеюся; на дверцахъ стекла съ неразгаданными картинками; три ножки были рѣзныя каріатиды съ египетскими головками, а четвертую замѣняло отесанное, даже не окрашенное полѣно. Выдвижной столъ, поддерживаемый двумя амурами въ

красивыхъ шапочкахъ, покрытъ былъ бумагами и книгами. Убирая комнату, лакей вытеръ не засохшее еще перо о лоскутки старыхъ разорванныхъ обоевъ, закрылъ чернильницу огромной шапкой, въ видѣ корабля, потому что стеклянная чернильница, по огромности и формѣ, представляла скульптурное изображеніе Чернаго Моря, и сталъ укладывать книги, большія внизъ, маленькія наверхъ, gradatim. Двери въ сѣни были растворены, потому что пыль, встревоженная слугою, несмотря на всю его лѣность, съ избыткомъ наполняла комнату и столбомъ выходила въ сѣни и садъ.

— Дома ли господинъ Корнель? спросила какая-то женщина.

Слуга посмотрѣлъ на гостью и отвѣчалъ съ улыбкою, какъ-будто самъ про себя:—Рано пташечка прилетѣла! Видишь какой!... и за нимъ водится.

— Дома ли г. Корнель? покраснѣвъ спросила женщина.

— Въ саду грѣется.... (Кстати пришла и камина топить не надо).

Лакей, вѣроятно, еще бы любезничалъ по-своему, но въ сѣняхъ появился Корнель, съ карандашомъ и книжечкою въ рукахъ.

— Г-жа Депортъ! воскликнулъ Корнель: кого вы ищите?

— Великаго Корнеля!

— Корнель — я, безъ прилагательныхъ, къ услугамъ вашимъ.... Милости просимъ! милости просимъ!....

Вошли. Лакей, улыбаясь, удалился и заперъ дверь!

— Чему обязанъ я такимъ пріятнымъ и неожиданнымъ посѣщеніемъ? спросилъ Корнель.

— Необходимости, отвѣчала Джудита. Депортъ обманываетъ насъ. Ссылка или удаленіе Альфреда — это его хитрость. Вы въ милостяхъ у кардинала и, можетъ-быть, вамъ удастся....

— Все кончено, отвѣчалъ Корнель. Жалѣю, что я просилъ объ Альфредѣ.

— Когда же успѣли вы?

— Сегодня ночью. Никакой надежды! Тутъ что-нибудь кроется. Кардиналъ отвѣчалъ мнѣ, чтобы я занимался стихами и не вмѣшивался въ дѣла политическія. Онъ прибавилъ къ этому сотню шутокъ. О! глотать эти пилюли не весело.... Въ милостяхъ! Какъ бы я дорого заплатилъ, если бы кто-нибудь купилъ у меня домъ, языкъ, націю: я переѣхалъ бы изъ Руана въ Италію, и тамъ, на сладостномъ языкѣ Петрарки и Аріоста.... Нѣтъ! и тамъ мысли въ оковахъ; и тамъ слава зависитъ отъ монсиньоровъ: всѣ деньги въ рукахъ крохотныхъ владыкъ, вкусъ въ ихъ гостиныхъ. Пиши, учись, думай.... объ чемъ?.... какъ приличнѣе испортить созданіе души, которая творитъ въ оттутствіе Ришліё. Повѣрьте, рука мерзнетъ, когда воображу, что стихъ, такъ звучно изливавшійся изъ воспламененной души, долженъ прежде коснуться чугуннаго слуха кардинала-герцога, слуха, который кромѣ лести, не понимаетъ другихъ человѣческихъ чувствъ и страстей!

Корнель остановился и со слезами глядѣлъ на Джудиту; глаза его блистали, безпокойство сіяло во всѣхъ чертахъ.

— Не глядите на меня съ сомнѣніемъ: я не продамъ великаго человѣка, сказала Джудита.

— Да! тяжело! грустно! больно! Работаешь для Франціи; какъ пчела, несешь добро на вѣрныя страницы; знаешь условія и обвертываешь завѣтныя мысли въ хлопчатую бумагу лести! Страшная рука, звѣрскія когти сотрутъ добро, и оставятъ только лесть и ничтожныя фразы.... И эта поэзія Французовъ!

Корнель такъ сильно стукнулъ ногой, что рабочій столъ или, какъ Французы называютъ, секретарь, во многихъ мѣстахъ потерялъ рѣзьбу и струи пыли поднимались въ комнатѣ.

Но этотъ порывъ угнетеннаго генія былъ слишкомъ силенъ, и, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, холодъ, лихорадочная дрожь смѣнили горячку: Корнель примѣтно измѣнился въ лицѣ; опустивъ голову на грудь, онъ долго молчалъ. Джудита не смѣла прервать молчанія. Корнель вздохнулъ и сказалъ съ горечью: — Вамъ смѣшно, я думаю?

— Досадно, отвѣчала Джудита. Пусть мы, простые люди, проходимъ жизнь какъ оврагъ, исполненный всѣхъ возможныхъ колючихъ растеній, съ отравленнымъ воздухомъ, съ гніющими болотами; но за что вы страждете вдвойнѣ? Не понимаю!

— И вы несчастны? А мнѣ казалось....

— Я привыкла глядѣть на злодѣйства и улы-

баться. Но чувствительность женщины имѣетъ свои предѣлы, и судьба Эвелины не даетъ мнѣ покою: она невѣста Альфреда.

— Знаю.

— Мазарини ищетъ ея любви.

— Мерзавецъ!

— Сенъ-Марсъ тоже.

— Шалунъ.

— А мужъ мой, Депортъ, только оттого не рѣшается на злодѣйство, что не знаетъ, кому прійдется заступить мѣсто кардинала.

— Ну, ужъ вашего мужа я и назвать не умѣю!... что же вы намѣрены дѣлать! спросилъ Корнель.

— Я пришла съ вами посовѣтоваться.

— Когда я полюбилъ нынѣшнюю мою жену, я пришелъ къ кардиналу. Примѣтивъ грусть мою, онъ спросилъ: «Что пятый?» то есть, пятый сочинитель комедій по планамъ кардинала. — Я полюбилъ дѣвушку, хочу жениться; но отецъ не соглашается. — «А кто отецъ?» — Я назвалъ. Кардиналъ написалъ записку и послалъ въ Руанъ: несчастнаго тестя моего притащили изъ Руана съ дочерью и велѣли согласиться на мое желаніе.

— Такъ что же? спросила Джудита.

— То, отвѣчалъ Корнель, что нашъ совѣтъ безполезенъ. Я исполню мой долгъ. Напишу къ женѣ, чтобы сейчасъ ѣхала въ Парижъ: пусть возьметъ Эвелину и отправляется въ Руанъ. Матушка Альфреда — единственный другъ моей жены и самая достойнѣйшая въ мірѣ женщина. — Но,

продолжалъ онъ, подумавъ: наложитъ ли это узду на дерзость любострастныхъ злодѣевъ?

— Несомнѣнно, отвѣчала Джудита: въ Руанъ за нею не погонятся. Я хотѣла перевести Эвелину въ замокъ д'Орбиньи, но тамъ она не укроется отъ преслѣдованій.

— Васъ зоветъ герцогиня, сказалъ слуга, отворивъ двери.

— Вы слышите, замѣтилъ Корнель: даже не просятъ, а зовутъ.... и я долженъ повиноваться! Подумайте, безопасенъ ли руанскій мой домъ для невѣсты Альфреда. Я сомнѣваюсь!

Новые друзья разстались.

—

ГЛАВА IX.

СОВѢТЫ.

Въ кардинальскомъ дворцѣ примѣтно было особенное движеніе. Слуги суетились, епископы, каноники, монахи и свѣтскіе люди тѣснились въ обширной залъ. Отъ шопоту гостей слышенъ былъ странный шелесть! ни одинъ голосъ не возвышался; всѣ безпрерывно поглядывали на дверь, откуда долженъ былъ выйти кардиналъ. Ришліё, въ это время, умножалъ соръ кабинета, обрѣзывая своимъ ножемъ линѣйку. Передъ нимъ стоялъ Шавиньи и докладывалъ по испанскимъ дѣламъ.

— Хорошо, Шавиньи, очень хорошо. Не всегда мы пишемъ такъ умно и замысловато.

Шавиньи продолжалъ чтеніе. Кардиналъ прервалъ:

— Безподобно! Такъ хорошо, что, сдѣлай милость, не читай дальше. Я начинаю сомнѣваться, въ самомъ ли дѣлѣ наши бумаги такъ превосходно изготовлены? не кажется ли мнѣ? А это со мной случается, когда я въ хорошемъ расположеніи духа. Перестань, перестань! Отложимъ до перваго неудовольствія; а этого ждать не долго.

Помолчавъ нѣсколько, кардиналъ спросилъ: — Что парламентъ? Состоялось повелѣніе, или господа заспорили?

— Оно уже объявлено и разослано по городамъ.

— Очень умная поспѣшность! Но кто у насъ въ Седанѣ?

— Жюль Лафрель.

— Этому ничего не поручайте, потому-что ему и такъ довольно дѣла смотрѣть за Бульономъ и Гизами.

— Такъ есть еще три монаха, по спискамъ, но, для какихъ назначеній....

— А! знаю, знаю.... Тамъ есть отецъ Іоанеанъ: пошлите къ нему отъ моего имени предписаніе принять въ свое покровительство Альфреда Дени, изъ Руана, хорошаго живописца. Кчему казнить безъ нужды? А онъ, узнавъ, что въ Седанѣ нѣтъ Эвелины, какъ влюбленный, надѣлаетъ глупостей, вздумаетъ возвратиться въ Парижъ, и важныя намѣренія Депорта не принесутъ никакой пользы.

Шавиньи глядѣлъ на кардинала съ изумленіемъ: онъ не понималъ ни одного слова. Ришліё улыбнулся.

— Не подумайте, мой добрый Шавиньи, сказалъ кардиналъ, что я хлопочу о себѣ. Нѣтъ, мнѣ ужъ пора думать о другой невѣстѣ. Нѣтъ! Для моего Сенъ-Марса, котораго я возвысилъ, для него берегу я эту красавицу съ предмѣстья; хочу поблагодарить его за примиреніе короля съ Бульономъ. Мальчишка рано начинаетъ заступать мое мѣсто. Шавиньи! я не скрою отъ васъ: мы сдѣлали большую ошибку. Надо было позволить обмануть себя и, при первой жалобѣ короля, сдѣлать Сенъ-Марса губернаторомъ какой-нибудь крѣпостцы въ Лотарингіи. Мы дали промахъ! Милость къ Сенъ-Марсу возрасла до опасной степени. Не думаю, чтобы онъ съумѣлъ ею воспользоваться: но, пока онъ падетъ, мы уже натаемся. Вижу теперь, вижу! де-Ту — человѣкъ не безъ способностей; де-Ту — разумъ и воля Сенъ-Марса.

— Неужели такъ велика опасность?

— А вы полагали, что я безъ причины веселъ?... Нѣтъ! они разбудили усыпленную дѣятельность; и поплатятся! Разскажите все это напокоѣ де-Нойѐ. Вы двое замѣнили мнѣ сѣрую эминенцію, и только съ вами я дѣлюсь моими тайнами. Конечно, вашъ расчетъ, Шавиньи, справедливъ: намъ нужно еще нѣсколько мѣсяцевъ для приготовленій къ испанской войнѣ, особенно послѣ седанскихъ потерь; но король скучаетъ, а Сенъ-Марсъ или, лучше сказать, де-Ту, и Лафайетъ, усердно работаютъ. Пріѣздъ Пуссена займетъ ихъ дѣятельность на нѣсколько недѣль. И вы, и де-Нойѐ, прошу васъ, придумывайте для

Пуссена новыя почести: это нужно!.... для народа, не для художествъ. А между-тѣмъ не забудьте объ отцѣ Іонаѳанѣ.

Вошелъ Мазарини изъ внутреннихъ покоевъ.

— Здравствуйте, любезный кардиналъ, сказалъ Ришліё. Садитесь и разсказывайте. Я усталъ говорить.

— Что же вамъ разсказать, Кардиналъ? Развѣ о новыхъ подвигахъ вашего Депорта?

— А что? Опять онъ огорчилъ васъ похищеніемъ сожженныхъ писемъ?

— Напротивъ. Онъ согласилъ Пуссена навсегда остаться во Франціи.

— Это истинный подвигъ и требуетъ примѣрной награды.

— Я вчера восхищался его нѣжною заботливостью объ Эвелинѣ; шутя, я хотѣлъ ее видѣть: онъ не согласился.

— Перестаньте шутить, ваша эминенція... право, вы прошутите свою судьбу! отвѣчалъ Ришліё, съ неудовольствіемъ.

Мазарини еще болѣе убѣдился въ своихъ догадкахъ, и продолжалъ; — Не спѣшите ея замужствомъ. Право, въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ нѣтъ ни вѣрной фортуны, ни вѣрнаго титла. Дайте поукрѣпиться порядку, дайте упасть временщикамъ. Они сами выроютъ себѣ яму.

Кардиналъ расхохотался и закашлялся.

— Какимъ замужствомъ? спросилъ онъ, продолжая и кашлять и смѣяться.

— День загадокъ! сказалъ Шавиньи.

— Депортъ стóитъ двойной награды и двойнаго наказанія, замѣтилъ кардиналъ, значительно поглядывая на Мазарини. Видно, Джуліо, вы далеко зашли въ своихъ требованіяхъ, если принудили Депорта къ изворотамъ.

Мазарини покраснѣлъ.

— Признайтесь: дѣло прошлое! сказалъ Ришліё, съ язвительною улыбкою. Не всегда меня можно обмануть: но я вижу, что вы еще не можете управлять....

Ришліё остановился. Мазарини сидѣлъ какъ на иголкахъ. Наконецъ злобный кардиналъ дополнилъ смыслъ своей рѣчи:— Управлять своими страстями. Годъ сроку, Мазарини! Годъ сроку!

— Ахъ, ваша эминенція! воскликнулъ Мазарини: вы всегда мучительную пытку своихъ разспросовъ оканчиваете благодѣяніями. Не годъ, двѣ, три недѣли....

— О, нѣтъ! сказалъ кардиналъ. Только не съ Эвелиной. Видите? я догадался. Дайте мнѣ слово, другъ мой!

— Ѣдутъ! сказалъ слуга, одѣтый въ парадное красное платье, обшитое золотыми галунами и съ золотыми петлицами на груди.

— Кардиналъ всталъ и поморщился.

— Шавиньи, сказалъ онъ: вы встрѣтите на крыльцѣ. Мазарини, вы въ галереѣ. Потрудитесь оказать мнѣ эту дружбу.

Двери растворились. Шавиньи и Мазарини пробѣжали на свои мѣста; кардиналъ тихо, опираясь на костыль, вошелъ въ залу. Ришліё кивалъ на

объ стороны, но ни кого не удостоилъ привѣтливаго слова; тихо и молча подвигался онъ къ главнымъ дверямъ залы.

Карета де-Нойé подъѣхала къ крыльцу кардинальскаго дворца; изъ нея выняли Депортъ, Шантлу, де-Нойé и, наконецъ, Пуссенъ.

Толпа Швейцарцевъ и Каталонцевъ, въ національныхъ костюмахъ, украшенныхъ однако жъ золотомъ и кардинальскими гербами, наполняла крыльцо, по которому, вдоль до самой кареты, разостланы были богатые ковры. Шавиньи стоялъ на послѣдней ступенькѣ; и когда Пуссенъ вошелъ, онъ, наклонясь, медленно произнесъ: — Soyez le bien venu! Добро пожаловать, давно-желанный гость! Кардиналъ-герцогъ почувствовалъ облегченіе отъ недуга при одной мысли, что онъ увидитъ великаго Пуссена.

Пуссенъ, безотвѣтный, только кланялся.

— Извольте итти впередъ и одни, сказалъ де-Нойé тихо: нечего дѣлать, повинуйтесь церемоніялу.

Пуссенъ пошелъ; за нимъ, по лѣвую руку де-Нойé, по правую Шавиньи; за ними Шантлу и Депортъ.

Въ галереѣ остановилъ Пуссена Мазарини.

— Кардиналъ-герцогъ поручилъ мнѣ засвидѣтельствовать, достойный художникъ, сколько онъ, со всею Франціею и со всѣмъ просвѣщеннымъ міромъ, уважаетъ вашъ геній, и удостоилъ меня чести быть вашимъ спутникомъ и свидѣтелемъ искренней радости, которая наполняетъ сердце моего благодѣтеля.

Пуссенъ опять кланялся и не отвѣчалъ ни слова. Объ половинки дверей въ галерею отворились. Кардиналъ-герцогъ стоялъ на порогѣ; за нимъ зала чернѣла множествомъ гостей. Мазарини взялъ за руку Пуссена и подвелъ къ Ришліё.

— Обнимите меня, дорогой сынъ мой! обнимите!

И обнявъ Пуссена, кардиналъ трижды поцѣловалъ его губами, которыя уже давно не освѣжались поцѣлуемъ и, казалось, самой природой были уже сдавлены, замкнуты для лобзаній любви и дружбы.

Взявъ за руку Пуссена, кардиналъ повелъ его въ залу, и остановясь по-серединѣ, торжественно сказалъ:—Великій человѣкъ! передъ вами лучшіе цвѣты Франціи. Недоставало драгоцѣннѣйшаго, украденнаго завистливыми Италіянцами. Мы побѣждали ихъ не разъ, но ни одна италіянская побѣда не была для меня слаще послѣдней. Каково ваше здоровье, дорогой мой другъ?

— Благодареніе Богу!... несмотря на здѣшній климатъ, отвѣчалъ Пуссенъ.

— Да, сказалъ кардиналъ: климатомъ мы не можемъ похвалиться; особенно въ послѣдніе годы я замѣчаю какой-то безпорядокъ въ природѣ. Небесныя явленія не обѣщаютъ хорошаго.

Кардиналъ, говоря это, примѣтно измѣнился въ лицѣ и угрюмо посмотрѣлъ на собраніе, но, не прошло мгновенія, онъ сталъ веселъ попрежнему.

— Какъ вы нашли Парижъ? спросилъ онъ.

— Я не нашелъ Парижа. Благодаря щедрости

и просвѣщенному вкусу вашей эминенціи, это ужъ другой городъ и получаетъ видъ столицы.

— Помогите же его величеству, отвѣчалъ кардиналъ, довершить начатое. Мы, какъ всѣ вѣрные Французы, будемъ содѣйствовать вамъ чѣмъ сможемъ и чѣмъ съумѣемъ. Не правда ли, господа?

Одобрительный шопотъ пробѣжалъ въ толпѣ.

— Представьте, любезный другъ! сказалъ кардиналъ: глядя на васъ, я считаю себя человѣкомъ не безъ воображенія. Никогда не видавъ ни васъ, ни вашего портрета, я составилъ себѣ портретъ вашъ въ головѣ и не могу нарадоваться сходству его съ натурой. Послѣ этого, мнѣ кажется, и я былъ бы не дурнымъ живописцемъ.

— Ваша эминенція, сказалъ маркизъ Дезюмидъ, согнувшись въ три погибели: поэзія и живопись— сестры.

— Конечно, сказалъ кардиналъ, улыбаясь и отворачиваясь. (Несносный проныра! подумалъ онъ: тебѣ хочется, чтобы я представилъ тебя Пуссену, какъ знаменитаго художника, и ты вѣрно впередъ уже, по этому случаю, нацарапалъ перомъ на насъ невольную карикатуру.) — Видѣли вы, спросилъ кардиналъ, обращаясь къ Пуссену: видѣли вы главный предметъ вашихъ занятій?

— Ваша эминенція изволите, говорить о Луврѣ? Пока еще не успѣлъ. Но я его помню.

— Мнѣ, кажется, любезный другъ, что при перестройкѣ галереи, можно подумать и о цѣломъ. Лувръ помнитъ Дагобера; при Филиппѣ-Августѣ онъ былъ огромнымъ замкомъ съ баш-

ними; изъ нихъ одна называлась «Башней гордости:» прекрасное названіе для слабоумныхъ вассаловъ! — Ришліё улыбнулся и продолжалъ: — Я любопытствовалъ и пересматривалъ всѣ виды и планы Лувра; но, до временъ Франциска Перваго вы мало найдете свѣдѣній. Карлъ Пятый сдѣлалъ весьма много передѣлокъ и украшеній, но еще ни онъ самъ, ни его преемники, не любили жить въ Луврѣ. Онъ у насъ былъ для гостей: въ немъ проживали Мануилъ, императоръ греческій, Сигисмундъ, императоръ германскій, а во время Франциска Перваго — знаменитый врагъ его, Карлъ Пятый. Не забудьте, дорогой другъ: въ Луврѣ образовалась первая публичная библіотека, которая по-тогдашнему называлась «la librairie.» Старый Лувръ уничтожился при Франциск I. По рисункамъ знаменитаго клюнійскаго аббата, Петра Лекò, воздвигся главный фасадъ: не знаю, какъ вамъ, а мнѣ, онъ чрезвычайно нравится, особенно съ этими каріатидами добраго Гужона. Вотъ, если бы возможно было, достойный учитель, согласить и то, что есть, и то, что будетъ, въ одно цѣлое, но такъ, чтобы Лувръ Лекò, и павильонъ нашего Лемерсіé, могли уцѣлѣть въ настоящемъ видѣ.... Шести башенъ, или шести темницъ не жалѣйте. Въ нихъ нѣтъ болѣе нужды; прошли времена феодальнаго своеволія и, благодаря Богу, для Франціи наступилъ вѣкъ кротости и мира.

Кардиналъ говорилъ съ такою увѣренностью, какъ-будто послѣднія седанскія событія принадле-

жали къ временамъ давнопрошедшимъ. Многіе, закусивъ губы, дрожали отъ злости; многіе восхищались спокойнымъ правительственнымъ героизмомъ кардинала: нѣкоторые, въ томъ числѣ и Пуссенъ, ничего не понимали въ многочисленныхъ намёкахъ Ришліё. Пуссенъ былъ изумленъ словами кардинала въ художественномъ только отношеніи, потому что архитектурные труды вовсе къ нему не относились по званію ординарнаго королевскаго живописца, и онъ позволилъ себѣ сдѣлать на этотъ счетъ замѣчаніе.

— Ваша эминенція, сказалъ онъ, слишкомъ милостивы; но я не знаю, какимъ образомъ могу исполнить ваши великія желанія.

— Неужели вы думали, сказалъ кардиналъ, что его величество рѣшился бы нарушить тишину и счастіе вашей римской жизни для того только, чтобы получить отъ васъ десятка два картинъ для украшенія галереи? — За этимъ не сто́ило, любезный Пуссенъ, сказалъ кардиналъ, улыбаясь и взявъ за руку художника: посылать маршала и армію, и вести новую войну съ апостольскимъ престоломъ. Всѣ эти картины и картинки вы бы могли написать въ Римѣ. Нѣтъ! король, вѣроятно, передастъ вамъ все свое художественное хозяйство. Что до меня, то я только и сплю и вижу, когда поставятъ въ рюэльскую галерею хоть эскизъ карандашомъ, набросанный рукою Пуссена.

— Внезапность моего отъѣзда, отвѣчалъ Пуссенъ, помѣшала исполнить долгъ, но ящики мои уже въ дорогѣ, и я буду имѣть счастіе предста-

нить нѣкоторыя попытки картинъ. Если онѣ не удостоятся одобренія вашей эминенціи, то я постараюсь немедленно сдѣлать что-нибудь болѣе достойное.

— Я впередъ не доволенъ вашими римскими работами. Я имѣю право быть недоволенъ. Онѣ мои, не такъ ли? Отдохните, любезный Пуссенъ, и принимайтесь за новыя. Дворецъ мой обширенъ и пустъ: мѣста довольно. А если для вашихъ картинъ онъ дурно освѣщается, прикажите: я построю новый. Вы будете архитекторомъ, я вашимъ каменнымъ мастеромъ.

— Ваша эминенція! сказалъ растроганный Пуссенъ: столько милостей....

— Мы платимъ часть долга, потому что заплатить вамъ всего Франція не въ состояніи. — Простите, господа! сказалъ кардиналъ, обращаясь къ толпѣ: если я васъ лишу занимательной бесѣды нашего Рафаэля. Имѣйте состраданіе къ моимъ недугамъ. Пойдемъ ко мнѣ!

При словѣ «недугамъ» кардиналъ улыбнулся и кивнувъ головой всему собранію, взялъ за руку Пуссена и повелъ во внутреннія покои. Де-Ноé, Шавиньи и Шантлу исчезли въ боковыхъ комнатахъ; гости стали разъѣзжаться, въ молчаніи и грустно. Мазарини и Депортъ глядѣли другъ на друга съ какимъ-то торжественнымъ восторгомъ. Маркизъ Дезюмидъ подошелъ къ нимъ, когда уже никого болѣе не оставалось въ залѣ.

— Какой умнѣйшій человѣкъ этотъ Пуссенъ! сказалъ маркизъ.

Мазарини и Депортъ расхохотались: рыжій толстякъ смутился и еще болѣе развеселилъ новаго кардинала.

— Удивительно умный человѣкъ! со смѣхомъ сказалъ Мазарини. Я полагаю, что многіе дураки считаются умными людьми потому только, что умѣютъ молчать, и что многіе дураки пріобрѣли невыгодную знаменитость потому только, что вездѣ суются съ своею глупостью. Не правда ли, маркизъ? Какъ вы думаете?

— Представьте! отвѣчалъ маркизъ, запинаясь: а мнѣ показалось, что это молчаливое поведеніе г. Пуссена, — глубокій расчетъ глубокаго ума! Какъ иногда можно ошибиться!

И маркизъ смѣялся вмѣстѣ съ Мазарини и Депортомъ. Впрочемъ смѣхъ его трудно было отличить отъ гнѣва, скорби, возвышеннаго восторга и негодованія. Полное лицо маркиза, осѣненное рыжими бакенбардами и красноватыми волосами, носило на себѣ какую-то печать ничтожества и никогда не могло быть зеркаломъ внутреннихъ движеній, потому что ихъ не бывало въ душѣ рыжаго толстяка — отъ рожденія. Рисуя перомъ дрянные ландшафты и нѣпохожіе портреты, маркизъ, отъ привычки къ ремеслу, началъ догадываться, что онъ съ талантомъ. Двѣ дамы, остроумной шуткой, обратили догадку въ убѣжденіе; молодые люди, въ присутствіи маркиза, какъ-то разсердились на кардинала за назначеніе де-Нойе начальникомъ всей художественной части во Франціи и, можетъ-быть, шутя, а можетъ-быть, и по невѣжеству, одинъ

изъ нихъ сказалъ: «И зачѣмъ брать кардиналиста, который всю жизнь занимался только интригами, когда при дворѣ, на глазахъ, есть маркизъ Дезюмидъ, и художникъ и знатокъ!» Съ тѣхъ-поръ маркизъ только-что не подписывался — «Художникъ и знатокъ.» Червь честолюбія заползъ въ маленькое сердце рыжаго толстяка, и онъ почти открыто искалъ мѣста де-Нойе. Мазарини зналъ объ этомъ и отвѣчалъ:

— Особенно вамъ непростительны подобныя шутки, маркизъ.

— Почему, ваша эминенція, изволите такъ думать! спросилъ маркизъ.

— Помилуйте! приготовляясь управлять художествами во Франціи, вы не должны соблазняться ни славою именъ, ни наружнымъ поведеніемъ художниковъ.

— Это въ первый и послѣдній разъ меня обманули, отвѣчалъ маркизъ. Я не такъ простъ и не позволю себя дурачить.

— Маркизъ ушелъ. Депортъ качалъ головою.

— Что, Депортъ? что ты думаешь?

— Думаю, не рано ли вы бросили обвиненіе: маркиза осмѣютъ и разувѣрятъ.

— Ты ошибаешься. Тѣ общества, гдѣ маркизъ бываетъ ежедневно, не умнѣе его. Ты видѣлъ какъ искусно кардиналъ-герцогъ не одинъ разъ бросилъ обиду въ толпу дворянъ, изъ которыхъ онъ сдѣлалъ малеваныхъ свидѣтелей блистательнаго пріема простому художнику; эта обида не оста-

нется безъ мести. Кардиналу мстить нельзя: отомстятъ Пуссену. А когда же въ Тюильри?

— Потерпите еще денька два, три, пока меня развяжутъ, и тогда.... А вы меня и не благодарите за Альфреда?

— Да! я и забылъ спросить! Что это за исторія?

— Представьте, эминенца! этотъ мальчишка вздумалъ влюбиться въ мою Эвелину, а та, какъ ребенокъ....

— Неужели?

— Ничего, ничего! будьте спокойны! Я уничтожилъ любовь, разлучивъ любовниковъ.

— Да какъ же ты это сдѣлалъ?

— *Папа* помогъ, отвѣчалъ Депортъ, указывая на двери, куда ушелъ кардиналъ. За одну мысль объ Эвелинѣ, мы послали его въ Седанъ, и тотчасъ за нимъ заперли двери, и ключъ — въ воду. Но разойдемся, эминенца: *папа* не одобряетъ нашей дружбы.

Мазарини, закусивъ губы и не отвѣчая ни слова, пошелъ къ Ришліё. «Старый котъ! думалъ онъ: ты опытнѣе меня и чуть не обманулъ своею притворною искренностью. Но я теперь понимаю, кто Эвелина!»

Въ знаменитомъ кабинетѣ Ришліё, гдѣ творилось столько политическихъ чудесъ, въ низкихъ креслахъ съ особенно-высокими спинками, сидѣли кардиналъ-герцогъ и Пуссенъ.

— Не сердитесь на меня, любе́зный Пуссенъ, за мѣры; простите моему нетерпѣнію. Я спѣшу: мнѣ не дологъ срокъ! Но, умоляю васъ, откиньте

философскую вашу гордость, пожертвуйте личнымъ тщеславіемъ пользѣ общей. Ваша спокойная, невозмутимая честность не понравится; ваша твердость родитъ тамъ упрямство, гдѣ его ни когда не бывало. Будьте уступчивы и умѣйте во-время притворяться. Больно!... но, иначе, вы для Франціи безполезны и долго у насъ не проживете. Вы поставите на своемъ, стараясь иногда свое дать въ займы нищему.

Кардиналъ закашлялся, отеръ бѣлымъ платкомъ губы и поблѣднѣлъ.

— Кровь!... Это слѣдствіе моего сегодняшняго притворства. Недавно меня уморили. Я хотѣлъ показать моимъ недругамъ, что я совершенно выздоровѣлъ. Страданія мои въ залѣ были ужасны; но, вы видѣли, я скрылъ ихъ, и плачу за то.... кровью. Но не жалѣю: Франція видѣла какое я къ вамъ питаю уваженіе и въ какомъ состояніи мое здоровье. Вдругъ два подвига.

— Мнѣ остается сожалѣть, что ваша эминенція сдѣлали такую жертву для недостойнаго, сказалъ Пуссенъ.

— Наше дѣло, любезный другъ! наше дѣло! Только не погнушайтесь моими совѣтами. — Кажется, идетъ мой котенокъ, сказалъ кардиналъ и сталъ охать.

— Пуссенъ всталъ и спросилъ торопливо: — Не прикажете ли, ваша эминенція, позвать кого?

— Ужъ идутъ, отвѣчалъ кардиналъ, — и дѣйствительно вошелъ Мазарини.

Мученія Ришліё возрасли. Мазарини и Пуссенъ

были въ отчаяніи: показались слуги, прибѣжали врачи, наконецъ Шавиньи, де-Нойé.

— Дайте мнѣ покой, стоналъ кардиналъ. Припадокъ продолжится. Мазарини! не медлите церемоніей; а вы, Де-Нойé, поѣзжайте съ Пуссеномъ къ королю. Вы видите, болѣзнь лишаетъ меня этого счастія.

Слуги уже раздѣвали кардинала, врачи хлопотали по своей части; прочіе тихо выходили изъ кабинета.

— Прощайте, Пуссенъ! сказалъ кардиналъ, измѣнившимся голосомъ: прощайте! Пріѣзжайте изъ Сенъ-Жермена ко мнѣ.... въ Рюэль.... Потолкуемъ.

МАРКИЗЪ ДЕ-КОКЪ.

Eh bien! en une seule nuit, un vent du nord, excité par la force de la lune rousse, avec une grande quantité de neige, a repoussé le beau-temps qui s'était trop hâté, beaucoup plus loin certainement de nous qu'il ne l'était dans le mois de janvier.

NICOLAS POUSSIN.

Laissez passer le Mazarin!
Il s'en va faire merveille
Avec son magnifique train
Laissez passer le Mazarin!
Il dit qu'il va pour certain
Mettre à raison les rebelles,
Laissez passer le Mazarin!
Laissez passer le malin!

TRIOLET DE LA COUR.

ГЛАВА X.

ВИЗИТЫ.

Герцогиня Эгильонская была уже въ тѣхъ лѣтахъ, когда, несмотря на всѣ вспомогательные союзы съ косметическими лавками, трудно, одерживать побѣды. Но въ женщинѣ есть неувядающая красота сердечной доброты, которая, если не умѣетъ дѣлать новыхъ, то, по-крайней-мѣрѣ, умѣетъ сохранять старыя завоеванія.

Огромные красные занавѣсы изъ-подъ черныхъ ящиковъ струились по окнамъ; желѣзные вызолоченные прутья, къ которымъ были прикрѣплены концы занавѣсъ, катались по полу отъ сильнаго весенняго вѣтра; въ промежуткахъ синѣлъ горизонтъ, покрытый множествомъ башень и башенокъ. Изъ тѣхъ черныхъ ящиковъ зелень лѣпилась по всему потолку и падала, разнообразными фестонами, на золотые обои, украшенные тканными изображеніями святыхъ; полъ былъ покрытъ пестрымъ ковромъ; вся мебель осыпана кудрявою рѣзьбою; двѣ дамы, въ узкихъ платьяхъ, съ короткой таліей и съ гигантскими вѣерами, сидѣли на софѣ. Въ углу стоялъ Корнель въ своей черной, поношенной, короткой мантіи, въ рыжихъ отъ времени чулкахъ, и въ башмакахъ со стальными пряжками: въ рукахъ его была шляпа съ черными перьями. Несмотря на глубокую задумчивость, Корнель берегъ свои перья и дамы не-разъ тишкомъ смѣялись между собою надъ костюмомъ и посадкой Корнеля. Вошелъ человѣкъ среднихъ лѣтъ: волоса его были тщательно завиты и уложены, красный кафтанъ покрытъ золотомъ и гербами; бѣлое атласное исподнее платье, бѣлый камзолъ съ фламандскимъ батистовымъ жабо, бѣлые шелковые чулки и башмаки съ золотыми пряжками. По сравненію съ Корнелемъ, новопришедшаго можно было принять за маркиза; но это былъ только Эдуардъ Роле́, главный слуга герцогини.

— Герцогиня проситъ извиненія, сказалъ онъ. Какъ скоро она окончитъ утреннія молитвы, тот-

часъ посѣщенія принять г-жу Рамбулье и г-жу д'Орбинье. — А вы пожалуйте, прибавилъ Роле, обращаясь къ Корнелю.

— Любезный Корнель, когда же я буду слушать Поліевкта? спросила Рамбулье.

— Въ среду, если позволите.

— Я васъ ожидаю. Я пришлю за вами карету.

Корнель пошелъ за Роле въ молельню герцогини. Это была небольшая комната съ алтаремъ. На двухъ окнахъ стояли такъ-называемыя походныя часовни съ стеклянными расписанными дверцами, по-серединѣ низкое кресло съ огромною спинкой, безъ ручекъ: бархатная покрышка кресла доходила до самаго помоста и была украшена кругомъ золотой бахрамой съ жемчужными шариками. Передъ кресломъ большая бархатная подушка, обшитая такою же бахрамой, для колѣнопреклоненій; за подушкой налой изъ драгоцѣннаго дерева, безъ рѣзьбы, со внутренними полочками: на нихъ стояло болѣе десятка книгъ въ переплетахъ, убранныхъ расписанными стеклышками, финифтью, перлами и дрогоцѣнными камнями. На налоѣ лежалъ раскрытый молитвенникъ in folio: прелестныя миніатюры украшали текстъ, печатанный или рисованный разноцвѣтными красками; закладкой служила тонкая черепаховая досечка, прорѣзанная въ кружевной узоръ, съ ручкой изъ цѣльнаго лалла. Въ креслахъ сидѣла герцогиня. Она, какъ видно, перестала молиться и, въ тихомъ размышленіи, глядѣла на исповѣдный кивотъ, стоящій у боковой стѣны и украшенный герцогскими коронами, перья-

ми, а по стѣнкамъ, врѣзаннымъ перламутромъ. Только уборка головы герцогини принадлежала къ современному костюму; впрочемъ герцогиня была одѣта по-мѣщански: бархатный капотъ въ родѣ мужскихъ восточныхъ халатовъ; вмѣсто мѣховой опушки, шла уборка въ семь или восемь рядовъ кружевами, съ золотомъ; ноги въ остроконечныхъ восточныхъ туфляхъ съ дорогими пряжками. Въ углу стояли, на высокихъ четырехъ ножкахъ, большіе часы, осыпанные безчисленными страссами.

— Здравствуйте, любезный другъ, сказала герцогиня. — Роле! оставь насъ. — Скажите: чѣмъ вы прогнѣвали кардинала?

— Клянусь, я и не думалъ ничѣмъ оскорблять вашего дяди.

— Я такъ и знала, что это ссора соперниковъ, ссора, которую обѣ стороны хотятъ скорѣе окончить, потому что связаны взаимнымъ уваженіемъ.

— Клянусь вамъ, герцогиня, мнѣ и въ умъ не приходило.... А, можетъ быть, исторія моего Альфреда....

— Какая исторія?

Корнель разсказалъ. Герцогиня плакала.

— Такъ вы хотите взять Эвелину въ свой домъ? сказала она. Кчему эти издержки при вашемъ недостаткѣ, любезный другъ? Хорошо, что вы не потревожили своей жены. Не пишите; погодите. Я возьму Эвелину къ себѣ, я спасу невинную.... Но прежде намъ надо съѣздить въ Рюэль и помириться съ кардиналомъ.

Корнель со слезами глядѣлъ на герцогиню. Она,

протянувъ къ нему руку, тихо сказала: — Я понимаю васъ, добрый другъ! безъ словъ я васъ понимаю!

Корнель съ жаромъ цѣловалъ руку герцогини.

— Вы, какъ любовникъ, пламенны, поэтъ!... Но, довольно! Меня ждутъ дамы. Кажется, скоро будетъ полчаса, какъ онѣ пріѣхали: пора! Инструкція исполнена.... Не смотрите на меня съ такимъ сомнѣніемъ! Я люблю этихъ женщинъ; но дядя, для пріема знатныхъ людей Франціи, предписалъ мнѣ особый порядокъ, согласный съ его видами: а вы знаете, какъ я люблю дядю и какъ дорого заплатила за эту привязанность! Клевета обратила долгъ въ предосудительную склонность.... Но вы знаете все это и по-прежнему меня любите: не правда ли?... Не отвѣчайте! Сегодня забѣгалъ ко мнѣ Бріеннъ. Кардиналъ посылаетъ его въ Руанъ. Позвольте отдать ему маленькую посылочку для вашей жены.

— Герцогиня!

— Пора, пора!... Въ среду мы ѣдемъ въ Рюэль.

— Герцогиня! я обѣщалъ въ среду читать Поліевкта въ рамбульетскихъ палатахъ.

— Такъ въ субботу.

Герцогиня вошла въ гостиную. Послѣ свѣтскихъ извиненій, мадамъ д'Орбиньи съ грустію сказала герцогинѣ: — Поздравьте меня: сынъ мой женится.

— На комъ?

— Исполняя долгъ свой, отвѣчала старушка, я пріѣхала повѣстить объ его свадьбѣ. Невѣста его,

вдова одного флорентинскаго вельможи, Марія Пальери.

— Отъ души поздравляю и васъ и вашего сына. Неужели въ послѣднюю поѣздку д'Орбиньи познакомился съ Маріей?

— О нѣтъ! Подивитесь моему сыну: прошло болѣе десяти лѣтъ....

— А любовь не прошла? прервала герцогиня. Я всегда говорила, что достойный д'Орбиньи не похожъ на нашу вѣтренную молодежь.

Старушка схватила за руку герцогиню и, крѣпко пожавъ ее, сказала съ одушевленіемъ: — Ахъ, герцогиня! зачѣмъ вы племянница нашего тирана?

Герцогиня смѣшалась, и не умѣла отвѣчать.

— Вы мстите племянницѣ за племянницу, сказала маркиза де-Рамбулье. Но развѣ у Лафайетъ есть другъ, кромѣ герцогини? Конечно это тайна, и вы не измѣните доброй герцогинѣ?...

— Какъ? сказала мадамъ д'Орбиньи съ трепетомъ.

— Не она ли уговаривала вашу племянницу оставить свои монашескія привычки, и быть чистымъ источникомъ счастія для несчастнаго Людовика?

— Какъ? повторила д'Орбиньи.

Изумленіе ея возрастало.

— Вы чуждались двора, чуждались племянницы, продолжала маркиза де-Рамбулье: сами даже, въ припадкѣ запальчивости, назвали ее недостойной любимицей; а дружба ихъ была и до-сихъ-поръ остается тайной: эта дружба извѣстна мнѣ случайно, какъ извѣстенъ одинъ глупый заговоръ....

И сожалѣніе и досада смѣнялись на лицѣ мадамъ д'Орбиньи. Она встала и сказала торжественно:— Я успѣю все поправить!...

И, не простясь, ушла.

— Что̀ съ нею? спросила герцогиня.

— И не спрашивайте! У нихъ какой-то заговоръ, и, по смѣшной сегодняшней выходкѣ, кажется, противъ кардинала.

— Дядя не будетъ защищаться; но я боюсь, что король не пощадитъ враговъ его.

— Король самъ въ союзѣ съ ними.

Герцогиня улыбнулась, Рамбульѐ также, и обѣ поспѣшили перемѣнить разговоръ, который имъ показался слишкомъ ничтожнымъ.... Странное явленіе! Заговоръ, довольно обширный, не былъ тайной. Кардиналъ считалъ его комнатной интригой, и старался только умножать дѣла̀ и томить королевскую дѣятельность. Прочіе министры, или, какъ тогда назывались, государственные секретари и совѣтники, смѣялись надъ замыслами де-Ту и ребячествомъ Сенъ-Марса. Всѣ ожидали съ любопытствомъ развязки: кардиналъ всѣми мѣрами старался продлить ожиданіе. Въ гостиныхъ бесѣда о заговорѣ вышла изъ моды. Многіе изъ дѣятельнѣйшихъ противниковъ Ришліѐ утомились медленностью и тайной главныхъ начальниковъ, и отстали отъ союза. Но въ чемъ состоялъ заговоръ! какая была цѣль де-Ту и Сенъ-Марса? Все это оставалось тайной для всѣхъ заговорщиковъ; даже самъ Гастонъ Орлеанскій, котораго согласили подписать испанскій трактатъ, не зналъ о дальнѣйшихъ по-

слѣдствіяхъ своей неблагоразумной уступчивости, и охотился въ густыхъ лѣсахъ своего удѣла. Этому равнодушію способствовала и привычка къ заговорамъ противъ кардинала. Не помню, которымъ приходился этотъ по счету; но его должно причислить ко второму десятку неудачныхъ кровавыхъ шутокъ французскаго феодальнаго тщеславія.

— Пріѣзжайте ко мнѣ въ среду, сказала мадамъ Рамбулье.

— А что у васъ?

— Корнель будетъ читать Поліевкта.

— Я слышала эту піесу, но еще разъ готова прослушать ее, особенно въ вашемъ дорогомъ обществѣ. Что вы теперь сами дѣлаете?

— Передъ вами нѣтъ у меня тайны. Пишу романъ изъ нашего времени.

— Какъ это можно!

— А почему же нельзя? Кардинала я выставляю съ хорошей стороны, и притомъ онъ въ тѣни.

— А кто же герои?

— Эвелина.... я еще не придумала фамиліи; но имя съ натуры. У Депорта живетъ молодая дѣвушка, высокаго происхожденія и весьма дурныхъ качествъ и склонностей.

— Помилуйте! да это ангелъ чистоты!

— Какъ можно, герцогиня!... Я имѣю объ ней всѣ подробности отъ самаго Депорта. Мы не можемъ похвалиться нравственностью нашего времени; но эта дѣвушка превзошла героинь италіянскихъ новеллъ.

— Ахъ, моя милая! вы невольно вмѣшались сами въ заговоръ другаго рода.

Вошелъ Ролѐ, и торжественно провозгласилъ:— г. Воатюръ!

Дамы примѣтно обрадовались. Вошелъ человѣкъ небольшаго роста и весьма нѣжнаго сложенія. Необыкновенная опрятность царствовала во всемъ его костюмѣ до послѣдней булавочки. Доброта и веселіе оживляли пріятное лицо его. Онъ не переставалъ улыбаться и, входя въ двери, началъ уже говорить:

— Наконецъ я опять увижу пріятный гротъ нимфы, которую умѣю чествовать и обожать. Только предметы обожанія и чествованія....

— Воатюръ!... Воатюръ!... Добрый день, Воатюръ!... Съ пріѣздомъ! Садитесь, садитесь!... Какая пріятная неожиданность! въ среду у меня будетъ весело!...

Такъ говорили дамы. Воатюръ ужъ сидѣлъ и продолжалъ свою повѣсть:— Наконецъ я могу пріятно отдохнуть въ ея тайномъ цвѣтникѣ, гдѣ она одна лучше всѣхъ цвѣтовъ міра! она, тихая, царственная нимфа, отъ кого вѣетъ благодѣяніемъ и покровительствомъ?...

— Полно, полно, Воатюръ!...

— Никакъ нельзя. Позвольте мнѣ окончить метаморфозу, которую я написалъ объ васъ, герцогиня, въ Испаніи, стихами.

— Метаморфоза въ стихахъ! да это противъ правилъ, любезный Воатюръ, сказала маркиза.

Послѣдній разъ и въ академіи рѣшили, что метаморфозы должно писать прозой.

— Вы совершенно правы, маркиза. По-французски такъ, но по испански стихами: тамъ другія правила. Надо сообразоваться съ духомъ языка и народа....

— Это дѣло другое, отвѣчала маркиза, и осталась совершенно довольною объясненіемъ Воатюра.

— Вотъ, напримѣръ, для васъ, маркиза, я написалъ метаморфозу по-французски и прозою.

— Ахъ, прочтите, прочтите!

— Ваша снисходительность меня ободряетъ, и такъ....

Воатюръ поднялъ глаза къ небу, и сталъ читать на распѣвъ:

«Въ долинѣ, между семи горъ, которыя такъ долго заставляли трепетать *землю*, родилась Нимфа. Солнце въ нее влюбилось; боги и люди любили ее равномѣрно. Она была слаба, но сложена совершенно. Съ мудростью божества, она соединяла чудное обхожденіе. Венера, за красоту, желала зла Нимфѣ, и, полагая, что она не чествуетъ ее, такъ какъ другихъ богинь, посягнула на жизнь Нимфы. Но Ѳебъ спасъ ее, превративъ въ цвѣтокъ, который до сей поры остался, подобно ей, самымъ прелестнымъ и самымъ нѣжнымъ предметомъ всего созданія. Небо и земля на него не налюбуются. Онъ — солнце между цвѣтами, какъ она нѣкогда была солнцемъ между красавицами. Она носитъ одежду стыдливости и цѣломудрія, и понынѣ сохранила свойство, что кого бы она ни

сопровождала, обливаетъ благоуханіемъ. Какъ и прежде, она не хочетъ чтобы къ ней приближались: вооружается шипами противъ нападающихъ, и, весьма легко видѣть, она не любитъ, чтобы къ ней прикасались. Три поры года она сидитъ взаперти. Сильный жаръ и сильный холодъ для нея смертельны: она появляется только весною!

Воатюръ кончилъ, но не опускалъ глазъ и скромно улыбался.

— Чудно! прелестно! очаровательно! восклицали дамы; но неумолимый Роле прервалъ восторгъ ихъ, объявивъ о пріѣздѣ маркиза Дезюмидъ. Очарованіе разрушилось. Герцогиня, обратясь къ маркизѣ, сказала съ злобной улыбкой:

— Вы читали Корнелева «Лгуна.»

— Читала.

— Отнимите у Доранта умъ, любезность и красоту, и маркизъ Дезюмидъ предъ вами.

И дѣйствительно, маркизъ уже былъ передъ дамами, сохраняя невыгодное сходство съ героемъ превосходной комедіи Корнеля.

— Добрый день, маркизъ! сказала герцогиня, не поднимаясь съ мѣста. Откуда?

— Отъ вашего дядюшки. Я пораженъ его умомъ и свѣдѣніями.... Представьте! онъ разсказалъ этому Пуссену всю исторію Лувра съ ученостію Сорбоны.... Жаль, что онъ безполезно разсыпалъ столько познаній передъ человѣкомъ, который не въ состояніи воспользоваться ни однимъ его словомъ.

— Какъ, маркизъ! вы говорите о римскомъ Пуссенѣ? спросилъ Воатюръ съ вѣчной улыбкой.

— Другаго, по счастію, нѣтъ. Мнѣ очень жаль Лувра: чего можно ожидать отъ распоряженій де-Нойе́ и отъ посредственности главнаго художника?

— Но его картины превосходны, прервала герцогиня.

— Предразсудокъ, герцогиня! повѣрьте мнѣ, предразсудокъ! Кажется, въ этомъ дѣлѣ я кое-что разумѣю. Меня увѣряли, что если картины Пуссена и глупы и сухи, то это потому, что ужъ онъ слишкомъ дорожитъ своею ученостью и хочетъ ее выказать въ каждой картинѣ всю. Я всегда утверждалъ, что умъ его долженъ быть весьма ограниченъ. Вышло по-мо́ему:. онъ очень простъ; все время молчалъ, не умѣлъ кончить ни одной фразы, и каждую начиналъ грубостью или дерзостью.

— Ахъ, Боже мой! тревожно сказала Рамбуль́е. А я хотѣла пригласить его въ среду!

— Въ вашемъ обществѣ онъ будетъ совершенно лишнимъ: мѣщанскіе пріемы, дурной тонъ, площадныя шутки. Онъ заимствовалъ въ Римѣ только дурное; нравы транстеверинцевъ.

— А вы были въ Римѣ? спросилъ Воатюръ.

— Нѣсколько лѣтъ. Копія моя съ Рафаэля досихъ-поръ въ сенъ-Жерменѣ, пока нѣтъ лучшей.

— И, конечно, не будетъ, замѣтила герцогиня.

— Не смѣю хвалить себя; но, по-крайней-мѣрѣ, могу сказать: «я поправилъ Рафаэля.»

— Въ-самомъ-дѣлѣ?

— Вотъ тоже художественный предразсудокъ! Рафаэль не во всемъ хорошъ: напримѣръ лошади его хуже античныхъ лошадиныхъ статуй, и, копируя Рафаэля, я писалъ лошадей съ натуры.

— Въ такомъ случаѣ вы копировали, маркизъ, не Рафаэля, а лошадь, сказалъ Воатюръ, улыбаясь.

— Конечно, конечно, со смѣхомъ отвѣчалъ маркизъ.

Маркиза де-Рамбулье встала, простилась и уѣхала. Маркизъ и Воатюръ послѣдовали ея примѣру. По пути проходя вмѣстѣ длинный рядъ комнатъ, маркизъ сказалъ съ улыбкой:— Я не могу себѣ вообразить, какъ любезнѣйшій и пріятнѣйшій человѣкъ парижскаго общества, г. Воатюръ, будетъ представлять этого дикаго человѣка брату короля.

— Да развѣ онъ посланникъ? спросилъ Воатюръ, потому что этотъ литераторъ имѣлъ должность *вводителя* посланниковъ при дворѣ Гастона.

— Нѣтъ, онъ просто плохой художникъ; но Ришліе принялъ его гораздо лучше нежели какъ принимаетъ шведскаго посланника!

— Ба! отвѣчалъ Воатюръ, садясь въ карету: Ришліе!... шведскій посланникъ!... Прощайте маркизъ! до свиданія!

Нельзя было понять, что думаетъ осторожный Воатюръ; но маркизъ былъ доволенъ, что успѣлъ бросить въ общество одну сплетню, сѣлъ въ свою карету, и покатился за Воатюромъ въ Тюильри, къ тоалету королевы.

—

ГЛАВА XI.

ОХОТНИЧІЙ ДОМИКЪ.

Король одѣвался. Сенъ-Марсъ снялъ съ подушки, которую держали два пажа, орденъ Святаго Духа и подалъ Людовику. Дюбоа расправлялъ фрезы у королевскихъ сапоговъ, и хлопоталъ, какъ бы покрасивѣе уложить мантію. На особомъ столѣ лежала небольшая кардинальская шапочка и возлѣ пергаментный свертокъ съ большею печатью. Король нѣсколько разъ на нихъ поглядывалъ съ примѣтнымъ неудовольствіемъ. Наконецъ, какъ-будто что-нибудь насильно увлекло его къ этому столу: король схватилъ шапку, и сталъ разсматривать ее съ какимъ-то страннымъ любопытствомъ и злобной улыбкой.

— Сенъ-Марсъ! сказалъ Людовикъ: не правда ли, эти шапки похожи на крѣпости? Подъ ними такъ же безопасно какъ за бастіонами Перпиньяна. Мазарини, я думаю, не можетъ дождаться этого подарка.... Ну, хорошо! получитъ. Какая надежда смѣнитъ эту...?

Послѣдовало краткое молчаніе. Король продолжалъ:

— Министерство, опека моего сына, угнетеніе королевства.... Да, если мы позволимъ! прибавилъ король, значительно взглянувъ на Сенъ-Марса. Что? собрались наши?

— Всѣ въ залѣ, отвѣчалъ Сенъ-Марсъ.

— Какъ всѣ? Вѣрно, ты пригласилъ герцоговъ и придворныхъ?

— Нѣтъ, государь. Вы знаете, что у насъ значитъ *всѣ:* отецъ Сирмондъ, Клодъ, Дерюэ, Годо́, Кусто́, Модюи, я, Шантлу.

Король перебилъ и окончилъ исчисленіе: — Деборъ, Гордъ, Дюбоа, и я! Однакожъ, Сенъ-Марсъ, ты ступай на свое мѣсто. Если Ришліё пріѣдетъ съ своимъ сынкомъ и внуками, я боленъ, я нездоровъ, я не могу сегодня ни кого видѣть.... Но, я надѣюсь, кардиналъ будетъ столько уменъ и останется дома: наше свиданіе не можетъ быть пріятно и подъ защитой Пуссена.... А если пріѣдетъ де-Нойе́, не пускать! Я не здоровъ. Онъ душою и тѣломъ преданъ кардиналу; плохой слуга, дурной свидѣтель: я имѣлъ несчастіе убѣдиться.

Сенъ-Марсъ ушелъ и воротился.

— Ѣдутъ, ваше величество!

— Съ кѣмъ?

— Съ де-Нойе́ и Депортомъ.

— Депорта впустить! Онъ обманетъ самого кардинала.

Людовикъ поспѣшилъ въ залу.

— Господа! сказалъ онъ придворнымъ, которыхъ Сенъ-Марсъ называлъ *всѣми:* Гордъ! стань на мое мѣсто.... Годо́! ты сюда.... Я стану за вами, отецъ Сирмондъ. Посмотримъ, узна́етъ ли онъ своего короля.

Вошелъ Сенъ-Марсъ, и торжественно возгласилъ: — Ординарный живописецъ его королевскаго величества, Николай Пуссенъ!

Пуссенъ окинулъ глазами бѣдное собраніе и, примѣтивъ короля за отцомъ Сирмондомъ, прямо

пошелъ къ Людовику, и, въ трехъ шагахъ отъ него, преклонилъ колѣно. Король былъ въ восхищеніи и, протянувъ руки къ Пуссену, сказалъ весело:

— Поздравляю васъ, дорогóй нашъ художникъ, съ пріѣздомъ! поздравляю отъ души!... Что, каково здоровье ваше?

— Я блаженъ, видя ваше величество въ полномъ здоровьѣ. Насъ испугалъ господинъ великій.

— Пожалуйста ни кому не сказывайте, что я здоровъ. Я хотѣлъ принять васъ по-домашнему. Довольны ли вы пріемомъ? Умѣли ли мои подданные засвидѣтельствовать все то уваженіе, которое къ вамъ питаетъ король?

— Государь! я утомленъ незаслуженными почестями.

— Пустое, пустое, заслуженными! И еще не конецъ всѣмъ знакамъ особеннаго нашего къ вамъ расположенія!—Господа рекомендую вамъ нашего перваго живописца!

Всѣ поклонились Пуссену, а король, оборотясь къ Депорту, сказалъ:—Вотъ попался Вуэ! Voilà Vouet bien attrapé! Доволенъ ли ты, Филиппъ?

— Справедливость всегда приводитъ меня въ восторгъ, отвѣчалъ Депортъ.

— Ничего не пожалѣю, сказалъ Людовикъ: ничего! Вы должны составить художественную славу моего царствованія. Кажется, и просить объ этомъ не надо.... Но успокойте меня, дорогой гость, успокойте! На первый случай, хотя по одной картинѣ въ церкви Фонтенбло́ и Сенъ-Жерменя.

— Это будутъ лучшія мои картины, государь! отвѣчалъ съ жаромъ Пуссенъ. Желаніе быть достойнымъ милостей вашего величества укрѣпитъ слабыя мои силы!

— Браво! браво! сказалъ король. Вы — и министръ и художникъ! Господа! — учитесь объясняться съ достоинствомъ у господина Пуссена.... Онъ говоритъ какъ честный вассалъ, а пишетъ какъ король живописи! — Но теперь помогите мнѣ въ Сенъ-Жерменѣ. Хочу построить въ охотничьей рощѣ небольшой павильонъ. Пропасть лисицъ завелось: можно иногда провести съ пріятностью нѣсколько часовъ въ удобной комнатѣ. — Филиппъ! покажи рисунокъ.

— Государь! кажется, рисунокъ у меня въ Парижѣ, отвѣчалъ Депортъ, запинаясь, потому что рисунокъ былъ начерченъ Депортомъ въ Сенъ-Жерменѣ на глазахъ самаго короля.

— Нѣтъ, нѣтъ! возразилъ Людовикъ: онъ у меня на столѣ. Я нарочно его сегодня вынулъ и приготовилъ, чтобы просить совѣта нашего знаменитаго Пуссена.

Депортъ по необходимости, повиновался.

— Я васъ долженъ предупредить, сказалъ король: къ рисунку этому я не имѣю ни какого предубѣжденія. Посмотрите: годится, хорошо! не годится, скажите только какъ вы думаете.... Вотъ, вотъ онъ!

— О! это уродливо! сказалъ Пуссенъ съ художнической досадой, разсматривая планы и фасадъ домика.

Король съ неудовольствіемъ посмотрѣлъ на Депорта, и сказалъ: — Не посовѣтуете ли вы мнѣ чего-нибудь по лучше?... Только поскорѣе! Лисицъ пропасть.

— Кстати и карандаши! отвѣчалъ Пуссенъ.

— И бумага и краски! сказалъ король, подвигая кресла свои къ Пуссену.

— Изъ чего ваше величество изволите стрѣлять по лисицамъ? спросилъ Пуссенъ.

— Изъ аркебуза. — Гордъ! принеси Левіана.... Нѣтъ! этотъ аркебузъ хорошъ и для руки: принеси моего Птоломея!... Славный замо́къ!

Пуссенъ между-тѣмъ чертилъ планъ.

— Это что́-то очень мило, сказалъ король, глядя на работу изъ-за креселъ.

— Вотъ большая зала, говорилъ Пуссенъ, чертя карандашомъ планъ: съ лѣстницей и мезонинъ, гдѣ можетъ быть устроенъ небольшой арсеналъ. Изъ залы четыре окна на четыре крытые балкона: одинъ будетъ служить и подъѣздомъ. Въ залѣ тепло, потому что я здѣсь полагаю поставить два камина. Въ другихъ же двухъ углахъ кушетку и рабочій столъ. Черезъ окна, ваше величество можете съ четырехъ сторонъ видѣть приближеніе звѣря, и выйти съ аркебузомъ на тотъ балконъ, къ которому лисица подходить будетъ. На балконахъ сырости быть не можетъ; а полы можно покрыть коврами. Въ подвальномъ этажѣ комнаты для слугъ и караульня: это будетъ обогрѣвать полъ залы, который также должно покрыть ко-

врами, а также и лѣстницу, чтобы звѣрь не слы шалъ шаговъ.

— Превосходно! удивительно!... А фасады? спросилъ король.

— Фасадъ одинъ на всѣ четыре стороны, хотъ въ этомъ родѣ.

— Необыкновенно мило!... Депортъ! скажите де-Нойе, чтобы онъ приготовилъ граммату къ господину Пуссену: мы жалуемъ мосьё Пуссена первымъ нашимъ ординарнымъ живописцемъ, и поручаемъ ему главное начальство надъ всѣми живописными и орнаментными работами въ королевскихъ домахъ нашихъ.

Депортъ хотѣлъ итти.

— Постойте, постойте! сказалъ король. Пусть прибавитъ къ граммать, что мы желаемъ, чтобы всѣ другіе живописцы наши не дѣлали для насъ ни какихъ работъ, не показавъ прежде своихъ рисунковъ мосьё Пуссену и не получивъ на нихъ его мнѣній и совѣтовъ.

Депортъ исчезъ, боясь новыхъ приказаній. Гордъ принесъ Птоломея.

— Вы любите охоту? спросилъ король.

— Пріятное занятіе, отвѣчалъ Пуссенъ: но я такъ мало имѣю времени.

— А пейзажи?... Какъ же вы пишите свои превосходные пейзажи?... Мнѣ показывалъ Шантлу: просто чудеса! Неужели вы не совѣтуетесь съ природою, не ходите въ поле, въ лѣсъ?

— Всякой день, государь.

— Такъ ходите же съ моимъ Птоломеемъ: онъ

вамъ напомнитъ, что и Людовикъ хотѣлъ бы имѣть пейзажъ Пуссена.

— Государь!...

— Пойдемте, пойдемте! Я хочу васъ нарядить охотникомъ: и кстати! вы, ловецъ людей со вкусомъ.... Пойдемъ!

Король ушелъ, за нимъ и Пуссенъ. Прочіе остались въ залѣ.

Въ огромной комнатѣ, въ величайшемъ порядкѣ, лежало множество оружій и разныхъ принадлежностей охоты. Король надѣлъ на Пуссена сумку изъ барсовой кожи съ королевскими гербами, потомъ поясъ съ двѣнадцатью висячими карманами, потомъ засунулъ ему за поясъ ножъ, употреблявшійся только на кабаньей охотѣ, и навѣсилъ рогъ.

— Сапоги и прочее я вамъ пришлю, сказалъ король. — Говорятъ, что вы, продолжалъ Людовикъ: и удивительный портретный живописецъ!

— Не могу похвалиться, ваше величество, потому что портретовъ я писалъ очень немного.

— Не можетъ быть! не можетъ быть! Для меня вы напишете одинъ, только одинъ?

— Государь! извольте приказывать: усердію моему не будетъ мѣры!

— Я въ этомъ увѣренъ! Вы понимаете свой долгъ; но, кажется, и я исполнилъ свой: будемъ квитаться, будемъ соперничествовать! Мнѣ нуженъ портретъ визитки Лафайетъ. Я написалъ мои намѣренія: вотъ записка и письмо къ сестрѣ старшей.

Король вынулъ изъ кармана двѣ бумаги, подалъ

Пуссену, схватилъ рогъ и затрубилъ. Все общество, оставленное въ залѣ, прибѣжало въ арсеналъ.

— Простите, любезный Пуссенъ! сказалъ король: простите! вы у меня домашній человѣкъ, и не разсердитесь за дружеское обращеніе.— Сенъ-Марсъ, ѣдемъ!

— Король ушелъ очень скорыми шагами; Сенъ-Марсъ за нимъ. Пуссенъ съ Депортомъ вошли въ комнаты де-Нойе.

— Поздравляю васъ! сказалъ де-Нойе со слезами: поздравляю! Не знаю, кто подсказываетъ государю желанія кардинала. Теперь вы совершенно свободны. Но я лишенъ удовольствія провожать васъ въ Парижъ. Видите! я заготовляю граммату, и, вѣроятно, еще сегодня король подпишетъ. — Депортъ! вы не откажетесь проводить господина Пуссена?

Депортъ поклонился.

—

ГЛАВА XII.

МОНАСТЫРЬ.

Почти всю дорогу Пуссенъ дремалъ въ каретѣ, боясь входить въ искренній разговоръ съ Депортомъ. Не доѣзжая, до Парижа, онъ сказалъ своему спутнику: — Вы живописецъ: вамъ должны быть извѣстны парижскія натурщицы. Мнѣ бы хотѣлось написать картину въ церковь Фонтенбло немедленно по двумъ причинамъ: во-первыхъ, чтобы угодить моему доброму королю; во-вторыхъ, ознаменовать всѣ мѣста, гдѣ государь изли-

валъ на меня высокія свои милости; а эта цѣпь незаслуженныхъ наградъ началась съ Фонтенбло. Безъ натурщицы я не могу написать того, что мнѣ нужно.

— У насъ этотъ классъ женщинъ, отвѣчалъ Депортъ, еще не существуетъ. Мы обыкновенно дѣлаемъ такъ: знакомимся съ бѣднымъ семействомъ, гдѣ есть хорошенькія женщины, беремся даромъ писать ихъ портреты; у меня есть на примѣтѣ одно бѣдное семейство. Для васъ, я рѣшусь сдѣлать предложеніе: потомъ вы познакомитесь: не пожалѣйте только денегъ, и сохраните тайну. Сегодня что у насъ?... вторникъ?... Я думаю, сегодня же я съѣзжу къ нимъ. Онѣ живутъ на предмѣстіи, и завтра по-утру, очень рано, или съ натурой или безъ натуры, я прійду къ вамъ. Но, умоляю васъ: отошлите куда-нибудь вашего зятя, слугъ; будьте въ цѣломъ домѣ одни. Иначе, вы меня погубите.»

— Все будетъ по вашему, отвѣчалъ Пуссенъ, и карета въѣхала въ сады тюильрійскіе.

—

— Господа! сказалъ Пуссенъ Гаспару и Вальеролю: завтра у меня будетъ натура, но здѣсь иные обычаи. Ухитритесь: васъ обоихъ не должно быть дома.

— Я могу уйти куда-нибудь днемъ; но Вальероль? замѣтилъ Гаспаръ.

— Поди, купи ему парикъ! Я завтра такъ его распишу и размалюю, что самъ Депортъ не узнаетъ.... А теперь, прощайте!

— Куда же вы?

— Въ Парижъ все тайна! отвѣчалъ Пуссенъ, и ушелъ.

Еще было свѣтло, когда Пуссенъ постучался въ калитку монастыря Визитокъ. Сестра-привратница и нѣкоторыя инокини были на монастырскомъ дворѣ. Черезъ форточку Пуссенъ подалъ письмо къ сестрѣ старшей. Не прошло пяти минутъ, сестры скрылись, калитку отперли, и привратница проводила Пуссена въ пріемную залу. За рѣшеткой стояла сестра старшая и еще какая-то монахиня подъ густымъ покрываломъ.

— Привѣтствую великаго человѣка, сказала сестра старшая, посвятившаго труды свои на славу Господа и святыхъ Его!

— Да исполнятся святыя слова ваши! сказалъ Пуссенъ.

— Король пишетъ ко мнѣ о портретѣ сестры Авреліи. Я разрѣшаю; но она не соглашается.

Пуссенъ молчалъ.

— Простите, зашепталъ тихій, ангельскій голосъ изъ-подъ покрывала: если я лишаю васъ возможности сдѣлать угодное лучшему моему другу на этомъ свѣтѣ.... Садитесь, добрый человѣкъ! Слухъ о вашихъ добродѣтеляхъ проникъ и въ наши обители. Удостойте насъ бесѣдой, и помогите мнѣ разрѣшить сомнѣніе души моей. Къ чему королю портретъ мой?... Двери житейскихъ отношеній закрылись! Молитвы мои всегда съ нимъ, молитвы его всегда со мной: я въ этомъ увѣрена и счастлива; но портретъ живой женщины — признакъ

ея себялюбія и житейскихъ притязаній. Не совмѣстны чувства эти съ христіанскимъ смиреніемъ: какъ вы думаете?

— Я раздѣляю ваши мнѣнія и плáчу о моемъ королѣ? отвѣчалъ Пуссенъ, отирая слезу.

— Почему же? спросила Лафайетъ.

Голосъ обнаруживалъ смущеніе.

— Ваши слова, вашъ голосъ, все увѣряетъ меня, что вы могли быть истиннымъ, полезнымъ другомъ и совѣтникомъ короля. Вамъ показалось это бремя тяжело: вы предпочли монастырскую жизнь хлопотливой заботливости о лучшемъ человѣкѣ во Франціи.

— Если бы король слышалъ своего адвоката! сказала Лафайетъ, вставъ и подходя къ сестрѣ старшей.

— Я не зналъ, что король моего мнѣнія, замѣтилъ Пуссенъ. Теперь вдвое сожалѣю объ немъ, потому что онъ понесъ потерю, и видитъ всю ничтожность ея причинъ!

— Не возмущайте мира души моей! сказала Лафайетъ умоляющимъ голосомъ.

— Совершилось! отвѣчалъ Пуссенъ. Въ ангельской одеждѣ, воображайте, будто вы слышите голосъ съ оставленнаго вами свѣта, голосъ грѣховной ничтожности.... Такъ! Мы не будемъ писать портрета! Отнявъ все, не должно утѣшать несчастья игрушками.

— Не понимаю словъ вашихъ, сказала сестра старшая.

— Сестра Аврелія, отвѣчалъ Пуссенъ, просила

разрѣшить сомнѣніе души ея; я сказалъ что̀ думалъ.

— Но вы можете повредить самому себѣ.

— Вотъ объ этомъ я никогда не думалъ, и какъ ни горько не выполнить первой просьбы добрѣйшаго изъ земныхъ властителей, я радъ, что сестра Аврелія не согласилась на портретъ. Не смѣю долѣе обременять васъ сухою бесѣдой.

— Вы ошибаетесь. Нѣсколько словъ вашихъ питательнѣе многихъ такъ называемыхъ назидательныхъ книгъ.

— Король!... король!... закричала сестра старшая. Вы должны уйти, г. Пуссенъ!

— Останьтесь! сказала Лафайетъ, и всѣ, молча, ожидали Людовика.

Между-тѣмъ съ обѣихъ сторонъ за рѣшетку тѣснились сестры. Вошелъ король въ охотничьемъ платьѣ; увидѣвъ Пуссена, потрепалъ его по плечу, и примолвилъ: — Я не ожидалъ такой поспѣшности, и остался въ долгу передъ вами. Я хотѣлъ предупредить васъ милостью.

— За непріятность отказа....

— Какъ? Вы не хотите писать портрета?...

— Не я одинъ, государь.

— Неужели? спросилъ король, подходя къ сестрѣ Авреліи.

— Умоляю, государь, оставьте ваше намѣреніе! сказала Лафайетъ.

— Я никогда уже не вижу вашего лица: покрайней-мѣрѣ въ живописи Пуссена желать этого позволительно.

Лафайетъ откинула покрывало. Болѣзненное, но прекрасное лицо ея озарено было нѣжнымъ румянцемъ и лучами солнца, пылавшаго на западѣ. Пуссенъ устремилъ на нее неподвижный взглядъ, а король совершенно забылся и смотрѣлъ, въ восторгѣ, на томные глаза истинно-ангельской красоты, покрытые легкой слезою. Сестра старшая и всѣ монахини, потупивъ глаза, безмолвствовали.

— Другъ мой! сказала Лафайетъ едва слышно и опуская покрывало: солнце низко....

— Благодарю васъ! отвѣчалъ король еще тише: я счастливъ надолго!

Молча, поклонился онъ монахинямъ и пошелъ съ Пуссеномъ. Въ корридорѣ ходилъ Сенъ-Марсъ въ охотничьемъ платьѣ.

Неудача! сказалъ король, увидѣвъ великаго.

— Напротивъ! замѣтилъ Пуссенъ, по милости вашего величества, я бѣгу домой съ портретомъ сестры Аврелiи.

— Гдѣ онъ? спросилъ король съ изумленіемъ.

— Въ головѣ, отвѣчалъ Пуссенъ; и сегодня же перейдетъ на бумагу.

— Научите, какъ благодарить васъ, сказалъ король: воображеніе мое истощилось.

— Вы подарили мнѣ, государь, впередъ величайшую награду: ваше доброе расположеніе и довѣренность.

Король снялъ простое гладкое золотое кольцо, надѣлъ на руку Пуссена, сѣлъ на лошадь, и ускакалъ съ Сенъ-Марсомъ.

—

ГЛАВА XIII.

РИМЛЯНЕ.

Пуссенъ возвратился домой съ сердцемъ, исполненнымъ грусти и сожалѣнія.

— Гаспаръ! сказалъ онъ: вели подать, лампу, бумагу и карандаши.

Пуссенъ усѣлся, началъ сочинять портретъ сестры Аврелій на множество, какъ онъ называлъ, модуляцій, и остановился именно на томъ положеніи, въ какомъ ее увидѣлъ съ отброшеннымъ покрываломъ. Гаспаръ перечерчивалъ возлѣ эскизъ большаго пейзажа. Вальероль, облокотивъ голову на руки, погруженъ былъ въ тяжкія думы. Всѣ молчали. Пуссенъ изрѣдка поправлялъ лампу, и продолжалъ работать.

— Что́ вы, капитанъ, такъ задумались? спросилъ Гаспаръ.

Вальероль вздохнулъ и, поднявъ полные слезъ глаза, воскликнулъ: — Господи! кому нужны наши печали, наши страданія? Я женился на больной дѣвушкѣ, жилъ съ нею годъ, не больше. Война оторвала меня отъ любимой супруги. Разлука охладила мою привязанность. Я полюбилъ другую дѣвушку, но умѣлъ побѣдить беззаконную страсть.... Прошли годы: я почти каждый день вспоминалъ о женѣ и о прелестной дѣвушкѣ, вмѣстѣ. Прошли годы: я нашелъ въ Парижѣ жену на краю гроба. Любовь ко мнѣ была ея болѣзнью; радость о моемъ возвращеніи причиною ея смерти. Два мѣсяца она каждый день умирала; три раза, во все

это время, я успѣлъ побывать у герцога Вандомскаго, какъ вассалъ, по дѣламъ моего семейства: за это меня выгнали въ день смерти моей жены! Два мѣсяца я страдалъ болѣзнью жены, восхищался красотою и нравомъ моей дочери.... И за что, за что послѣдняя казнь мучительной неизвѣстности?

— До завтра, дорогой капитанъ, до завтра! Вы напомнили мнѣ слово.

Вошелъ Корнель съ молодымъ человѣкомъ. Пуссенъ поглядѣлъ на нихъ не безъ изумленія, и, положивъ карандашъ, всталъ и сказалъ съ обычною вѣжливостью: — Что вамъ угодно, господа?

— Петръ Корнель и Михаилъ Корнель изъ Руана, отвѣчалъ Корнель.

— Боже мой! какое счастіе!... Садитесь! Вы украсите нашу искреннюю бесѣду.

Усѣлись. Вальероль ушелъ наверхъ, и заперся въ мастерской.

— Не сынъ ли вашъ? спросилъ Пуссенъ, глядя на молодаго чезовѣка.

— Какимъ же вы меня считаете старикомъ! отвѣчалъ Петръ Корнель. Это мой однофамилецъ; живетъ въ Руанѣ. Онъ живописецъ и, вслѣдствіе послѣдней воли короля, теперь подъ вашимъ начальствомъ. Позвольте спросить: въ которомъ часу вы изволили пріѣхать въ Парижъ изъ Фонтенбло?

— Ровно въ полдень.

— Мой Михаилъ недавно женился: Богъ послалъ ему сына въ день и часъ вашего пріѣзда! Михаилъ живописецъ: вы, по всей справедливости, должны быть воспріемникомъ отъ купели.

— Съ величайшей охотой! отвѣчалъ Пуссенъ, пожимая руку Корнеля. Когда назначите? Я вашъ.

Новорожденный былъ Михаилъ Корнель, живописецъ, пріобрѣтшій въ царствованіе Людовика XIV почетную извѣстность.

— Вы не можете повѣрить, дорогой гость, съ какимъ нетерпѣніемъ я жду представленія Цинны или Гораціевъ. Говорятъ, въ этихъ піесахъ я услышу истинный языкъ, истинныя чувства Римлянъ.

— По-крайней-мѣрѣ я стремился къ этой цѣли, отвѣчалъ Корнель. Наше художество не свободно. Мысли Римлянъ не понравятся Французамъ: я долженъ былъ говорить языкомъ французскаго героизма, а гдѣ хотѣлъ сохранить Римъ, тамъ всегда принужденъ былъ прилагать на одинъ стихъ по десяти стиховъ толкованій. Вамъ легче: каждый вѣкъ будетъ переводить и объяснять ваши чувства по-своему, и каждый вѣкъ останется доволенъ и собой и вами. Меня осудятъ....

— За что?

— У насъ есть правила.... и не правила, а мѣрки, какъ у портныхъ.... и не мѣрки, а образцовыя формы, какъ въ платьѣ! Посредственность, около ста лѣтъ, защищала свою знаменитость соблюденіемъ старыхъ и изобрѣтеніемъ новыхъ правилъ. Что, если бы я заставилъ васъ писать всѣ руки въ такомъ положеніи, головы въ такомъ поворотѣ; не позволилъ бы вамъ въ картинѣ болѣе двухъ плановъ, и опредѣлилъ бы холстъ въ пять локтей длины и ширины, ни больше, ни меньше? Въ поэзіи изобрѣли подобные законы и, какъ я

сказалъ, посредственность употребила сто лѣтъ для утвержденія своего варварскаго кодекса.... Преступленія противъ этихъ законовъ не простятъ! Надо употреблять хитрости, и я безпрестанно долженъ извиняться въ умышленныхъ ошибкахъ, извиняться невѣжествомъ, г. Пуссенъ.... *своимъ* невѣжествомъ!

— Но развѣ сильными, убѣдительными доказательствами, изложенными вѣчнымъ перомъ, нельзя разгромить нелѣпыхъ бредней неразумныхъ животныхъ?

— Животныя завели неприступное гнѣздо, французскую академію, и Скюдери подавала въ этотъ ареопагъ формальную жалобу на моего Сида.

— Вы шутите!... И они смѣли судить?

— И осудили.

— Къ чему же присудили вашего Сида?

— Остаться отъ нынѣ и до вѣка посредственнымъ, неудачнымъ произведеніемъ!

— А публика?

— Что публика! Она не имѣетъ голоса.... Гдѣ ей судить! Ей позволено только чувствовать.

— Слава Богу, что и это право не отдано на откупъ!... Такъ вы ничего не пишете.

Корнель горько улыбнулся и спросилъ: — Скажите: неужели васъ не утомила дорога и безпрерывные переѣзды? Вы уже за работой!

— Отъ васъ у меня не будетъ тайны, дорогой гость.

— Взаимно! отвѣчалъ Корнель.

И оба другъ другу пожали руки.

— Это портретъ монахини Лафайетъ!

— Камень свалился съ души моей! прошепталъ Корнель, вздохнувъ глубоко. Я также льстилъ по необходимости, безпрестанно обвинялъ себя: но вы меня извинили. Особенно для этого добраго, кроткаго короля, искренно расположеннаго къ добру.... нѣтъ! я не знаю, можетъ ли быть на свѣтѣ жертва, которой бы я не принесъ для Людовика! Вы спѣшите: не правда ли?

— Да, хотѣлось бы завтра послать эскизъ въ карандашѣ.

— Идемъ, Михаилъ, идемъ!

— Останьтесь; посидите: вы мнѣ не мѣшаете.

— Ни за что! Завтра.... нѣтъ, послѣ завтра мы увидимся!

Корнель схватилъ за руку Михаила и, не простясь, ушелъ. Пуссенъ покачалъ головою и тихо сказалъ: — Я думаю, его Римляне лучше моихъ.

—

ГЛАВА XIV.

ПАСКВИЛЬ.

Старушка д'Орбиньи, повѣстивъ всему Парижу о помолвкѣ сына своего, капитана королевской гвардіи Генриха д'Орбиньи, съ вдовою Маріею Пальфи, поздно вечеромъ пріѣхала въ вандомскія палаты за невѣстой.

— И ты съ нами, Джудита, сказала Марія, собираясь въ дорогу.

— А Эвелина? а Пуссенъ? Нѣтъ, поѣзжайте

одинъ, Богъ съ вами; а мы къ вамъ пріѣдемъ, какъ отдѣлаемся.

Прощанье было непродолжительно. Друзья разстались. Джудита ушла въ свой кабинетъ, и стала писать на-чисто стихи. Эвелина стояла на стражѣ. Услышавъ голосъ Депорта, который что-то приказывалъ Гойкъ, Эвелина бросилась въ кабинетъ, говоря шопотомъ:—Пріѣхалъ! пріѣхалъ!

Бумага исчезла, чернилица закрыта, перья сложены, и обѣ усѣлись другъ противъ друга, какъ будто продолжая давно начатую бесѣду.

— Что? кончили? спросила тихо Эвелина.

— Почти: остается десять, двѣнадцать стиховъ, не болѣе.

— Ахъ Джудита! какъ я боюсь!...

— Не бойся, Эвелина. Случай насъ избавилъ отъ Сенъ-Марса. Онъ не захочетъ быть соперникомъ Альфреда. Маркизъ еще и самъ не знаетъ; влюбленъ ли онъ въ тебя или въ другую. Я узнала: онъ влюбчивъ, но честенъ; а этого Мазарини теперь ни чѣмъ нельзя унять. Шапка избавила его отъ ненужной скромности. Цѣль достигнута: онъ теперь самъ въ состояніи разсказать о своемъ преступленіи, въ превратномъ видѣ. Я рѣшилась предупредить его, и путь, мною избранный, самый надежный, самый дѣйствительный.

— Богъ знаетъ, Джудита? Онъ не оставитъ и съ своей стороны безъ мести.

— Лучше испытать всѣ роды пытки, нежели жить въ такомъ презрѣніи.

— Но несчастныя дѣти?...

— Теперь ихъ состояніе въ надежныхъ рукахъ моей Маріи и д'Орбиньи. Я передамъ ей завѣщаніе и всѣ бумаги д'Арголы; я передамъ моимъ дѣтямъ свои несчастія, подарю имъ другаго, вымышленнаго отца и месть къ родному, но преступному; однимъ словомъ... Но перестанемъ говорить объ этомъ! Теперь намъ должно думать о твоемъ отцѣ.

— Ахъ, Джудита! какъ бы намъ увидѣться съ Пуссенемъ? Вальероль не даромъ такъ часто гулялъ съ нимъ по Испанской площади. Не послать ли Гаръ-Піона?

— Боюсь, Эвелина, боюсь его искренности. Я сама увѣрена, что Пуссенъ привезъ письма; но сношенія съ изгнанникомъ опасны, и мы должны непремѣнно сами, или ты, или я....

— Но какимъ образомъ, Джудита? помилуйте!

За дверьми раздались шаги. Собесѣдницы замолчали. Послышался голосъ:—Можно?

— Войдите! сказала Джудита.

Вошелъ Депортъ, и сѣлъ за столъ противъ дамъ.

— Слава Богу, тяжкая моя обязанность кончилась! сказалъ онъ: теперь я могу предаться снова моей школѣ, моимъ домашнимъ занятіямъ. Послушайте, Джудита! не пора ли намъ оставить дворъ, Парижъ, весь этотъ скользкій путь ложныхъ честей и суетной гордости? Какъ вы думаете?.

— Какъ хотите, отвѣчала Джудита съ примѣтною сухостью. Вы совершенно независимы и можете располагать собой какъ угодно.

— Но вы?...

— Я также совершенно независима. Я привела всѣ мои дѣла въ порядокъ, и теперь еще ни на что не рѣшилась.

Джудита закрыла платкомъ правую руку: на пальчикахъ были пятнышки отъ чернилъ.

— Вся моя забота — Эвелина, продолжала она: я хочу отвести ее въ монастырь Визитокъ. Тамъ сестра старшая съ характеромъ, какого я и не читывала: она защититъ Эвелину отъ недостойныхъ преслѣдованій.

— Что вы мнѣ напомнили, Джудита! сказалъ Депортъ особенно ласковымъ голосомъ.

— Что такое?

— Эвелина двѣ капли воды похожа на дѣвицу Лафайетъ. Что если бы ее увидѣлъ Пуссенъ?

Дамы значительно взглянули другъ на друга, и спросили: — А что такое?

— Король заказалъ ему портретъ сестры Авреліи. Оригинала видѣть нельзя: Лафайетъ не согласилась. Но онъ бы могъ удивить короля портретомъ Эвелины.

— Что за вздоръ! сказала Джудита: будто уже такое сходство?

— До обмана, Джудита, до обмана! Какъ жаль, что нѣтъ Альфреда!... Кстати! я просилъ кардинала. Обѣщалъ, но не сейчасъ. Пока повелѣніе такъ свѣжо, прощатъ не ловко; но черезъ мѣсяцъ я обниму моего Альфреда.... мою школу!

Дамы опять недовѣрчиво взглянули другъ на друга.

— Отчего же вы не хотите помочь Пуссену? сказала робко Эвелина. Я съ удовольствіемъ готова служить моделью для портрета достойной женщины, написаннаго рукою такого художника. Пусть пріѣдетъ Пуссенъ. Можетъ-быть такого рода услуга доставитъ намъ дружбу Пуссена. Мы слышали, онъ не благоволитъ къ вамъ.

— Пріѣдетъ!... О! вы не знаете гордости этого человѣка: онъ не согласится писать портрета даже самого кардинала не у себя въ мастерской!

— Такъ поѣдемъ къ нему.

— Нельзя! Онъ завтра долженъ послать свой эскизъ, а до завтра это уладить трудно.

— Отчего же, г. Депортъ? Два слова вашей руки....

Депортъ не соглашался; но дамы настаивали такъ сильно, такъ убѣдительно, что наконецъ Депортъ рѣшился написать къ Пуссену записку, и ушелъ въ кабинетъ. Написавъ два письма, онъ позвалъ Гойку и, отдавая ихъ, сказалъ:—Это къ Мазарини; а потомъ сбѣгай въ королевскія конюшни, и скажи, чтобы чуть свѣтъ у крыльца моего была карета.

—

Около полуночи Джудита разбудила Гаръ-Піона.

— Поди сюда! сказала она, и, заперевъ двери своей спальни, спросила ласково: — Скажи, мой другъ: любишь ли ты Эвелину?

— Какъ самого маршала Шомберга! отвѣчалъ Гаръ-Піонъ.

— А что читаютъ теперь на рынкахъ?

— Вчера читали сатиру на господина великаго, какъ онъ воевалъ противъ Бульона и какъ король въ газетахъ хвалилъ маркиза, за то, что онъ берегъ свою жизнь и здоровье.

— И что жъ? хороша сатира?

— Нѣтъ. Кардиналъ стихи плохо пишетъ: не смѣшно!

— Какъ? развѣ это самъ кардиналъ писалъ?

— Э, милостивая госпожа! и у насъ на рынкахъ есть ученые: съ-разу узнаютъ кто писалъ. Вотъ у насъ, напримѣръ есть свой.... мы прозвали его маркизъ де-Кокъ.... такъ посмотрѣли бы вы: четыре риѳмы прочтутъ, всѣ и кричатъ: «Кокъ! Кокъ!» А кардиналъ не мастеръ: и поддѣлаться не умѣетъ! все съ-высока!

— Какія же ваши рыночныя сатиры? печатныя?

— Печатныя.

— А гдѣ же ихъ печатаютъ?

— Разно. Кардиналъ у себя печатаетъ: такъ и по рукѣ узнаютъ; а прочіе на фабрикѣ.

— А гдѣ же эта фабрика?

— А чортъ ее знаетъ. Говорятъ, будто на Михайловскомъ Мосту, да не думаю: давно бы всѣхъ перехватали! Скорѣе, гдѣ-нибудь подъ землею.

— А нельзя ли узнать?

— Можно, можно, отвѣчалъ Гаръ-Піонъ, простодушно полагаясь на разнообразные таланты своего друга.

— Да когда же ты мнѣ узнаешь? спросила Джудита.

— А вотъ, извольте только запереть за мной двери, да посидите, покуда вернусь.

— Не такъ, Гаръ-Піонъ! На рукописъ! Тутъ описаны всѣ плутни Мазарини. Надо напечатать еще сегодня, а завтра чтобы все это было на рынкѣ: иначе, Эвелинѣ бѣда!

— Право!... Такъ пожалуйте, и будьте спокойны.... Мы его завтра на рынкѣ!

— Но тайна!

— Самъ чортъ не узнаетъ!... Спокойной ночи! Заприте за мной двери.

—

— Отвори! кричалъ Гаръ-Піонъ.

— Что такъ поздно? спросилъ Гойко.

— Какъ поздно? да вы еще ужинаете!

— Будто у насъ есть день или ночь! Все перемѣшано. Вотъ и сегодня пол-Парижа ночью облеталъ; а чтобы не проспать зари, вотъ видишь, и книги приготовилъ.

— А зачѣмъ тебѣ заря?

— Тебя будить, да совѣтъ вести. Завтра, въ семь часовъ утра, назначено Мазарини свиданіе съ Эвелиной.

— Кто назначилъ:

— Депортъ.

— Гдѣ?

— Въ Тюильрійскомъ Саду, у новаго мостика, въ палаткѣ.

— А прочти-ка это! Что тутъ написано?

Гойко пробѣжалъ рукопись.

— Коротко! да хорошо! Это весь рынокъ подыметъ. Постой, я еще два стишка прибавлю: такъ весь Парижъ завтра къ новому мосту сбѣжится!

— Да развѣ ты умѣешь писать стихи?

— Э! мы, братъ, иногда за Кока пишемъ!... Постой, я вотъ сейчасъ по-нашему отхватаю!

Гойко, схвативъ перо, внимательно пересмотрѣлъ бумагу, и сталъ приписывать внизу, громко повторяя каждый стихъ: — Post scriptum:

Мазарини кардиналъ
Въ Тюильрійскій Садъ попалъ:
У палатки, на мосту
Ждетъ съ предмѣстья красоту,
На часахъ, съ семи часовъ,
Семь часовъ онъ ждать готовъ.
Проситъ онъ честной народъ
Приходить на мостикъ тотъ,
Посмотрѣть, какъ кардиналъ
Въ семь часовъ въ просакъ попалъ.

— Что́ же изъ этого будетъ? спросилъ Гаръ-Пюнъ.

— А вотъ увидишь! Да еще, для скорости и вѣрности, въ ришліевской типографіи отпечатаю.... Сара! давай денегъ.

— Сколько?

— Сто добрыхъ пистолей!... Прощай! дай Богъ успѣть.... Приходи на рынокъ!

— На какой?

— Извѣстно: на Островъ Святаго Людовика!... Всю грязь подымемъ!

—

ГЛАВА XV.

НАТУРЩИЦА.

«Чудное утро!» говорилъ про-себя Мазарини, сидя въ павильонѣ Тюильрійскаго Сада и глядя на пробуждающуюся природу. Фонтаны шумѣли; птицы завели свои разнообразныя пѣсни съ солнцемъ; весь міръ похорошѣлъ. «Превосходный это уголокъ! продолжалъ мечтать Мазарини; никогда живой души! Даже и на гуляньяхъ тутъ встрѣтишь только ревнивыхъ любовниковъ. Много въ этомъ пескѣ крови.... тайной жаркой крови! много въ этой палаткѣ замерло чудныхъ рѣчей! Если бы онѣ ожили, что тогда сонеты Петрарки, наши письма? что́ тогда сама Скюдери?... Каретъ здѣсь нѣтъ проѣзду; они пойдутъ пѣшкомъ, къ задней калиткѣ домика Мену. Я — будто гуляю. Слажу, слажу! или я отсталъ отъ науки, забылъ Овидія и Маккіавеля, и не жилъ въ Парижѣ.... Вотъ, вотъ они!...

Мазарини выпилъ и ошибся: то были два булочника. Они шли и хохотали. Одинъ, путемъ-дорóгой, читалъ стихи по складамъ, нѣкоторые прочитывалъ съ-разу.

«Не они!» Мазарини хотѣлъ воротиться въ палатку, но посѣтители прибывали. Многіе, увидѣвъ его, кричали позади идущимъ: — Такъ и есть! такъ и есть!

«Что́ за дьявольщина! почти крикнулъ Мазарини. Нѣтъ ли гдѣ по-близости праздника? Вѣрно, путь на этотъ проклятый мостикъ.» Но, къ осо-

бешеному удивленію Мазарини, толпа не шла дальше, тѣснилась у мостика. Многіе въ толпѣ что-то читали громко, но голоса ихъ мѣшались: не возможно было разслушать. Между-тѣмъ мальчишки, съ разныхъ сторонъ, забѣгали посмотрѣть на кардинала въ черной епанчѣ и испанской шляпѣ. Одинъ изъ нихъ, бѣгая кругомъ Мазарини, читалъ на-распѣвъ стихи Гойко.

— Ай да Кокъ! кричали въ толпѣ. Вотъ стихи!

Мазарини пришелъ въ бѣшенство, и у перваго лавочника, который стоялъ по-ближе, вырвалъ изъ рукъ огромный синій печатный листъ. Общій хохотъ и крикъ испугалъ кардинала: онъ бросился на мостикъ; толпа за нимъ; онъ въ калитку и былъ счастливѣе: толпа остановилась и не осмѣлилась войти на дворъ домика, гдѣ жилъ Пуссенъ.

— Назадъ! закричала усатая табачница. Господинъ пріѣзжій вѣрно спитъ еще. Назадъ! на мѣста! въ лавки! Довольно потѣшились!

И толпа медленно разбрелась, читая и напѣвая стихи. Гаръ-Піонъ не могъ надивиться удачѣ: глаза его были полны слезъ отъ смѣха. Гойко тащилъ его за руку.

— Наши пріѣхали: слышишь? наши пріѣхали! шепталъ Гойко.

— Дай, разскажу Эвелинѣ.

— Ты съ ума сошелъ! Тебя повѣсятъ и меня съ тобою!

Гойко увлекъ Гаръ-Піона въ боковыя аллеи. Между-тѣмъ Депортъ велъ подъ-руку Эвелину

прямо къ мостику. Мальчишка подбѣжалъ къ нему съ печатнымъ листомъ.

— Купите, честной господинъ! Тутъ и Кѣковы стихи есть.

Депортъ, молча, вынулъ мелкую монету, бросилъ въ разорванную шапку мальчишки, началъ читать, весь задрожалъ, поблѣднѣлъ, и, почти невольно, сказалъ въ ужасѣ: — Намъ измѣнили!

— Что такое? спросила испуганная Эвелина.

— Пустяки, пустяки, этихъ стихотвореній нельзя читать дамамъ, отвѣчалъ Депортъ, скомкалъ синій листъ и, положивъ въ карманъ, спокойно продолжалъ:

— Риньіё казнитъ герцоговъ, и позволяетъ черни смѣяться надъ своими друзьями!... А! вотъ и домикъ Пуссена.

Калитка была заперта. Депортъ постучался.

— Кто тамъ? спросили два голоса вдругъ, одинъ изъ окошка, другой за калиткой.

— Я, Депортъ, отвѣчалъ Филиппъ.

— Почтеннѣйшій, сказалъ кому-то Пуссенъ изъ окна: потрудитесь отворить. Мои люди всѣ ушли, а я ждалъ г. Депорта въ каретѣ и не съ этого подъѣзда.

Калитка отворилась. Эвелина вошла спокойно и, не оглядываясь, продолжала итти по мощенной плитою дорожкѣ. Депортъ оглянулся: глаза Мазарини сверкнули молніей; сжатый кулакъ поднялся и задрожалъ на воздухѣ, и, чрезъ мгновеніе, калитка захлопнулась за бѣглецомъ.

Депортъ не смѣлъ итти ни назадъ, ни впередъ:

и у самыхъ тонкихъ злодѣевъ присутствіе духа имѣетъ свои предѣлы. Эвелина оглянулась.

— Что съ вами г. Депортъ?

— Да, да! отвѣчалъ онъ быстро, и схвативъ, Эвелину за руку, бросился бѣгомъ на лѣстницу.

Вошли прямо въ мастерскую. Пуссенъ уже стоялъ съ кистью и палитрой.

— Войдите, войдите! говорилъ Пуссенъ съ особенной ласкою. Бѣдность не порокъ. Я самъ былъ бѣденъ.

Эвелина покраснѣла и значительно взглянула на Депорта.

«Чортъ возьми, или все противъ меня?» подумалъ онъ, и рѣшительно не зналъ что дѣлать.

— Сдѣлайте одолженіе, присядьте, продолжалъ Пуссенъ, подавъ кресла и усаживая Эвелину. Поверните голову вотъ такъ. Эту руку совсѣмъ опустите. Не забудьте: вы молитесь: передъ вами образъ Богоматери.... очень хорошо.... Болѣе умиленія! Вы будете у меня въ картинѣ на первомъ планѣ; вдали катакомбы, а вы въ предверіи.

Эвелина до того повиновалась; но когда рѣчь зашла про картину, она повернулась, и опять значительно поглядѣла на Депорта. Бѣдный Филиппъ былъ въ отчаяніи.

— Лице Эвелины.... началъ Депортъ.

— Эвелины? спросилъ Пуссенъ съ такимъ любопытствомъ, что Филиппъ чуть не сѣлъ на полъ.

— Да, совершенно такъ, отвѣчалъ онъ, запинаясь: лицо этой дѣвушки, видно, такъ поправи-

лось вамъ, что вы хотите просить позволенія помѣстить его въ какой-нибудь картинѣ.

Пуссенъ вспомнилъ условія и отвѣчалъ:—Смѣю ли надѣяться, что прекрасная Эвелина позволитъ мнѣ эту дерзость.

— О, конечно, конечно, сказалъ Депортъ, успокоиваясь. За портретъ вашей руки можно согласиться, кажется, на эту, не жертву, а честь.

— Могу ли вѣрить? спросилъ Пуссенъ.

Эвелина улыбнулась, и все пошло на ладъ. Около получаса продолжалась безмолвная работа. Депортъ начиналъ разговаривать о посторонникъ предметахъ, но, не получая отвѣта, замолчалъ и смотрѣлъ пристально на садъ, боясь открыть того, кого, можетъ-быть, искалъ глазами.

— Гдѣ вы живете? спросилъ Пуссенъ, положивъ кисти и палитру Не правда ли: портретъ почти конченъ? Просохнетъ, пройдемъ еще разъ: и готово! Но мнѣ совѣстно безпокоить васъ и оставлять ваше семейство въ такомъ продолжительномъ безпокойствѣ. Маменька ваша охотнѣе позволитъ окончить портретъ у себя дома.

— Что́ это значитъ, г. Депортъ? вскочивъ съ кресель, закричала Эвелина.

— Позвольте вамъ объяснить все это доро́гой.

— Здѣсь! здѣсь!

— Не просите!

— Я приказываю!

— Невозможно!

Пуссенъ испугался и, не желая быть свидѣтелемъ непріятнаго объясненія, вышелъ въ другую комнату.

— Послушайте, Эвелина: какъ вамъ не стыдно?

— Какъ вамъ не совѣстно, г. Депортъ?

— Пойдемъ!

— Нѣтъ! прикажите подать карету: я поѣду домой одна, безъ васъ..

— Но карета, вы знаете у воротъ.

Вошелъ Пуссенъ и сказалъ:—Не угодно ли мою? Она, я думаю, уже на дворѣ.— Г. Депортъ! потрудитесь позвать Жерома.

«Скорѣе вытащить ее отсюда!» подумалъ Депортъ, и бросился внизъ.

— Жеромъ! Жеромъ! кричалъ онъ на весь садъ, подавай карету!

— Не видали ли вы въ Римѣ моего отца, де-Вальероля? поспѣшно спросила Эвелина.

— Онъ здѣсь, отвѣчалъ Пуссенъ.

— Онъ здѣсь? вскрикнула Эвелина, и упала безъ чувствъ.

— Карета подана! сказалъ Депортъ.

Эвелина очнулась, поглядѣла умоляющими глазами на Пуссена, съ ужасомъ на Депорта, бодро встала, и пошла къ дверямъ.

— И не простясь! сказалъ Пуссенъ ласково.

— Если позволите, отвѣчала она голосомъ, въ которомъ замѣтны были и страхъ и радость, я пріѣду завтра, и мы окончимъ портретъ.... Простите!...

Эвелина схватила за руку Депорта и увлекла насильно.

— Чудеса! ворчалъ Депортъ, спускаясь съ лѣстницы: ничего не понимаю!

— Зато я все понялъ! сказалъ Пуссенъ, заперъ свою мастерскую на замокъ, и спряталъ ключъ въ карманъ.

Не успѣлъ онъ сойти внизъ, какъ цѣлыя толпы гостей, длинной вереницей, втѣснились въ небольшую его гостиную. Просьбамъ и похваламъ не было конца; но, къ общему неудовольствію, Пуссенъ объявлялъ, что не смѣетъ сдѣлать ни одного очерка для частныхъ людей безъ позволенія де-Нойé; что просить о томъ не будетъ, не желая просить кого-либо и о чемъ бы то ни было, и совѣтовалъ обращаться съ требованіями въ государственную канцелярію. Неудовольствіе обоюдное возрастало. Приходили съ восторгомъ и удивленіемъ, уходили съ презрительной улыбкой и двусмысленною рѣчью. Пуссенъ тяготился докучными посѣщеніями и, вспомнивъ, что день тотъ былъ среда, воспользовался благовиднымъ предлогомъ и отправился на пиръ. Не станемъ описывать торжества: всѣ праздники этого рода одинъ на другой похожи до скучнаго однообразія: яства, вино, пѣсни, крики, лавровый вѣнецъ, бюстъ, рѣчи, и проч., и проч. Пиръ кончился.

Болѣе полутораста человѣкъ художниковъ провожали Пуссена домой съ факелами. Вино и слава знаменитаго гостя одушевляли провожатыхъ шумнымъ восторгомъ; пѣсни оглашали тѣсныя улицы Парижа: даже Симонъ Вуэ и Лемерсіé шли съ факелами и напѣвали пѣсни. Фукіерръ, при шпагѣ, предводительствовалъ отрядомъ. За толпою, шагомъ, двигались кареты, носилки и волны любопытнаго

народа. Тихій весенній вечеръ, огни, толпа, хорошенькія головки въ окнахъ, все это представляло прелестную картину; даже самъ Филосовъ любовался, и слава впервые показалась ему не ничтожнымъ гуломъ слѣпой толпы, а голосомъ внутреннихъ, искреннихъ чувствъ народа.

— Лебрёнъ, кажется, вамъ измѣняетъ, сказалъ Лемерсіе; онъ не отстаетъ отъ Пуссена.

— Нѣтъ, не бойтесь, Лемерсіе! Я его просилъ объ этомъ; а то сказали бы, что я и самъ завидую и вооружаю моихъ учениковъ.

— Зато Лессюэръ идетъ особнякомъ, и не поетъ и не веселится.

— Онъ не пристанетъ къ Пуссену какъ не присталъ ко мнѣ.

— Завтра, кажется, онъ назначилъ быть мнѣ въ Лувръ.

— Завтра?

— Да. Но я не поѣду: онъ еще у меня не былъ; а въ Парижѣ, онъ обязанъ сохранять наши правила общежитія.

— Конечно, конечно, съ улыбкой отвѣчалъ Вуэ: я по-крайней-мѣрѣ, знаю, что это послѣднее наше свиданіе. Исполнивъ свой долгъ, я ѣду изъ Парижа надолго.

— Какъ на-долго?

— Пока Пуссенъ будетъ занимать мое мѣсто.

— Такъ ужь лучше оставайтесь, потому что я ему не долго позволю смѣяться надъ моими товарищами. Милость короля къ Пуссену слишкомъ

велика: тѣмъ менѣе надежна. Надо нѣсколько ловкости и дѣло сладится. Но мы отстали.

Приближались къ Тюильрійскому саду. Очередные десятскіе и стрѣлки со всѣхъ сторонъ стекались унимать художниковъ; но старшины магистрата и самъ голова запрещали безпокоить торжественное шествіе Пуссена. Художники, не только въ комнатахъ домика Мену, но даже въ саду и на дворикѣ; съ трудомъ могли помѣститься. Пуссенъ былъ въ восторгѣ; мысли его толпились: онъ созидалъ въ Парижѣ новый Римъ, въ садахъ тюильрійскихъ свою медицейскую академію. «Нѣтъ моихъ лимоновъ,» подумалъ онъ, и вспомнилъ, что у него, въ подвалѣ стоитъ цѣлый боченокъ добраго двухлѣтняго вина. Онъ объявилъ о томъ собесѣдникамъ, и боченокъ съ небольшимъ въ два часа, опустѣлъ съ дрожжами.

Художники разбрелись. Депортъ сѣлъ въ карету, и уѣхалъ почти послѣдній. Пуссенъ остался вдвоемъ съ Гаспаромъ у небольшаго колодца, на дворикѣ.

— Славная молодежь! сказалъ Пуссенъ: но знаменитые точно устарѣли, мнѣнія ихъ полезны какъ живыя письмена опыта; но сами они пойдутъ уже не впередъ, а назадъ, и скоро ученики будутъ стирать работы учителей, и писать тайкомъ за нихъ. Такъ дѣлали ученики съ дряхлымъ Тиціаномъ; но отъ того Тиціанъ все-таки не меньше: заслуга не отцвѣтаетъ.... Плохо!

— Да отчего же плохо? спросилъ Гаспаръ.

— Ни за что не останусь во Франціи! Вуэ умретъ, и меня пересадятъ на его мѣсто.

— Какъ это можно?

— Во Франціи все можно. Но гдѣ Вальероль?

— Сами его раскрасили, и сами не узнали! онъ подавалъ вино.

— Зачѣмъ же онъ это дѣлалъ?

— Онъ искалъ въ толпѣ художниковъ какого-то живописца Дени, который долженъ знать, гдѣ его Эвелина.

— Такого живописца я не слыхалъ, а Эвелину... Посмотри, посмотри, какъ онъ усердно лакействуетъ! зажегъ свѣчи.... Пойдемъ!

— Любопытенъ я знать похожа ли, говорилъ Пуссенъ уже въ комнатѣ, и взялъ со стола трехсвѣтильникъ. Пойдемъ въ мастерскую!

— А что, наши натурщицы не хуже римскихъ? спросилъ Вальероль слѣдуя за Пуссеномъ.

— Удивительной красоты! отвѣчалъ Пуссенъ.

— И такъ же веселы и страстны, какъ моя Анджела или какъ Бальбина Стеллы! прибавилъ Гаспаръ.

— Нѣтъ! сегодняшняя грустна какъ сирота, понимающая свое положеніе.

Вошли въ мастерскую. Пуссенъ освѣтилъ еще не засохшій портретъ.

— Эвелина! вскричалъ капитанъ.

— Эвелина де-Вальероль, тихо сказалъ Пуссенъ.

— Моя Эвелина... натурщицей!.. натурщицей!.. О! до чего я дожилъ! сказалъ капитанъ съ отчаяньемъ, и плакалъ какъ ребенокъ.

Пуссенъ поставилъ трехсвѣтильникъ на полъ, и,

обнимая де-Вальероля съ участіемъ, сказалъ: — Успокойтесь! ваша Эвелина....

— Гдѣ она?

— Мнѣ привозили ее Депортъ.

— Довольно, довольно, я боюсь подробностей! отвѣчалъ де-Вальероль убѣгая.

— Постойте!.. Вы погубите себя!.. Мы увидимъ Эвелину завтра!

— Сегодня! отвѣчалъ де-Вальероль уже изъ саду, и скоро тѣнь его исчезла въ аллеяхъ тюильрійскихъ.

—

ГЛАВА XV.

HOTEL DE RAMBOUILLET.

Корнель окончилъ чтеніе Поліевкта. Все общество безмолвствовало. Въ огромной залѣ, гдѣ болѣе шестидесяти человѣкъ сидѣли на-просторѣ въ обширныхъ креслахъ, слышны были только шаги и легкій кашель Корнеля. Онъ подошелъ къ окну, и съ улыбкой посмотрѣлъ на вереницу каретъ, наполнявшихъ всю улицу и небольшую площадку передъ рамбульетскими палатами. Отирая платкомъ потъ, крупными каплями катившійся по смуглому его лицу, Корнель подумалъ: «Не понравилось!... Но виноватъ не я.... Прочту Пуссену: если и онъ.... Нѣтъ! и тогда я не перемѣню ни одного слова.... Вздоръ! это лучшая моя піеса!»

Молчаніе продолжалось. Скюдери нѣсколько разъ порывалась высказать свое мнѣніе, но никто не могъ или не хотѣлъ ее слушать. Бальзакъ, въ

притворной задумчивости, катал въ рукахъ карандашъ. Рамбульé, закрывъ рукою глаза, искренно погрузилась въ разнообразныя размышленія. Герцогиня Эгильонская, отеревъ слезы, спокойно разсматривала общество, стараясь угадать какое впечатлѣніе произвела піеса на тогдашнія знаменитости. Воатюръ сидѣлъ съ неподвижной улыбкой. Ротру сохранялъ академическую важность. Котлé, сжавъ губы, зажмурился. Л'Этоаль и аббатъ Боа-Робертъ, молча, глядѣли другъ на друга съ выраженіемъ презрительнаго сожалѣнія. Прочіе старались согласоваться, въ положеніяхъ и въ выраженіи лица, съ любимцами: кто подражалъ Бальзаку и щелкалъ пальцами, кто съ презрѣніемъ смотрѣлъ на сосѣда, но никто не подражалъ Ротру и герцогинѣ Эгильіонской. Молчаніе, мучительное для Корнеля, было прерванно пріѣздомъ Депорта. Хозяйка очнулась, и привставъ, упрекала зачѣмъ опоздалъ.

— Я въ отчаяніи! отвѣчалъ Депортъ. Но причины моего проступка вы удостоите уважить. Всѣ художники торжествовали сегодня прибытіе Пуссена: мы отвели, съ пѣснями и съ огнями, нашего торжественника домой, и тогда только кончилась моя должность.

— Неужели вы до этой поры обѣдали? —

— Безъ малаго! отвѣчалъ съ улыбкой Депортъ, садясь въ пустыя кресла.

— Разскажите, разскажите, какъ это было. Въ Парижѣ подобнаго праздника не бывало.

Корнель, видя, что имъ никто не занимается,

никто не говоритъ своего мнѣнія о дорогóмъ Поліевктѣ, тихонько свернулъ тетрадь и еще тише выскользнулъ изъ рамбульетскихъ палатъ.

— Ушелъ!... ушелъ! пробѣжалъ шопотъ, и громкіе голоса смѣшались. Крикливымъ мнѣніямъ не было конца: больше всѣхъ кричали Скюдери и Котлé. Боало́ отмстилъ за Корнеля злобными, но справедливыми выходками противъ Котлé, а Скюдери, за несправедливость къ первому литературному генію своего времени, безвинно поплатилась въ потомствѣ. Всѣ прочія знаменитости и знатности составляли хоровой акомпаньементъ дуэту Скюдери и Котлé. Защитники—были; но что̀ въ нихъ, когда они оправдывали Корнеля въ душѣ и, не говоря ни слова, спѣшили уѣхать? Герцогиня Эгильонская ускорила отъѣздомъ, чтобы утѣшить и ободрить любимаго поэта. Ротру, прослушавъ двѣ, три выходки Котлé, торжественно и громогласно сказалъ: — Я выскажу свое мнѣніе въ академіи: тамъ есть какой-нибудь порядокъ. — И уѣхалъ. Наконецъ образовалось общее мнѣніе слѣдующаго содержанія. Выводить на сцену христіанскаго мученика нельзя: причинъ не сказано; сонъ обращающейся язычницы долженъ быть свыше, и потому сонъ Павлины ложенъ: оправдательныя причины пропущены, а именно то́, что сонъ Павлины посланъ врагомъ человѣчества и введенъ чрезвычайно умно, съ расчетомъ высшаго генія; наконецъ, Поліевктъ на театрѣ произведетъ только смѣхъ: причины якобы уже изложены выше. Послѣднее испугало мадамъ Рамбулье́ и всѣхъ не-авто-

ровъ. Рѣшили послать депутацію къ Корнелю, и умолять, именемъ всѣхъ друзей его, не отдавать Поліевкта въ театръ. Жребій палъ на Воатюра какъ на человѣка, который во всю жизнь ни кого не обидѣлъ, всегда говорилъ шутя, былъ въ Испаніи чѣмъ-то въ родѣ посланника отъ Гастона Орлеанскаго, и понравился герцогу Оливаресу и дамамъ, былъ членомъ французской академіи, и, наконецъ, не писалъ піесъ для театра.

— Непріятное порученіе, но воля такого почтеннаго собранія должна быть уважена, сказалъ Воатюръ.

— Поѣзжайте любезный Воатюръ! примолвила мадамъ Рамбульé; поѣзжайте сейчасъ! Корнель говорилъ мнѣ, что чтеніе Поліевкта у меня будетъ послѣднее. Поѣзжайте, и возвращайтесь съ отвѣтомъ.

— Я боюсь, что такого посланника Корнель помѣститъ въ комедію, сказалъ Воатюръ.

— Члена французской академіи! съ ужасомъ воскликнуло нѣсколько голосовъ, и Воатюръ уѣхалъ.

Пока продолжались литературныя пренія, Депортъ съ маркизомъ Дезюмидъ удалились въ боковую комнату.

— Ну что? сказалъ маркизъ.

— О! да это просто пьяница! отвѣчалъ Депортъ: онъ развратитъ только наше юношество; весь столъ только выдумывалъ новыя заздравья, даже за жену и, въ очередь, за всѣхъ римскихъ своихъ знакомыхъ!

— Транстеверинскіе нравы, транстеверинскіе нравы, ворчалъ маркизъ. Но чѣмъ же кончилось?

— Насилу привели пьянаго домой: давай еще вина! Слуги ему говорятъ: «Да ту бочку, что приготовлена была вамъ на годъ, вы изволили уже выкушать съ пріятелями....» Представьте мой ужасъ!

— Не даромъ онъ такъ любитъ писать вакханаліи!

— Просто любитъ вакханаліи. Но, маркизъ, сдѣлайте дружбу, ни кому объ этомъ не говорите: само разойдется, а если мы первые, то могутъ подумать....

— Конечно, конечно! Я не такъ глупъ.. . Но пойдемъ! Кажется, утихли.

— Нѣтъ, я ѣду, маркизъ! Я такъ огорченъ тѣмъ, что̀ видѣлъ, что право чувствую себя совершенно разстроеннымъ. Простите. Я и въ залу не пойду.

«Ты и безъ меня все сдѣлаешь!» подумалъ Депортъ, и уѣхалъ.

Маркизъ возвратился въ залу и, почти у дверей, повстрѣчался съ Скюдери.

— Куда вы? спросилъ онъ.

— Хочу заѣхать къ Пуссену: хочу заказать ему виньетку къ моей рукописи, для представленія королевѣ.

— Только пожалуйста не сегодня.

— А что̀ такое?

— Такъ.... онъ разстроенъ....

— Чѣмъ?

— Сказать стыдно! Вѣдь сегодня былъ обѣдъ, и онъ, знаете, по обыкновенію....

— Ахъ, какая жалость! сказала Скюдери, возвращаясь къ обществу: по обыкновенію!

— Что такое? что такое? спрашивали многіе.

Въ этотъ ужасный вечеръ состоялось еще одно общественное мнѣніе въ рамбульетскихъ палатахъ: Пуссенъ объявленъ человѣкомъ не трезваго поведенія.... Люди, люди! все это, къ несчастію, не выдумка романистовъ, а историческое зеркало человѣчества!

—

ГЛАВА XVII.

СВИДАНІЕ.

Эвелина то радовалась какъ ребенокъ, то задумывалась, и поминутно спрашивала: который часъ. Джудита напрасно старалась успокоивать движеніе возмущенной души. Гаръ-Піона безпрестанно звали наверхъ: разспрашивали, не видалъ ли капитана, не проходилъ ли кто мимо, не освѣдомлялся ли объ Эвелинѣ. Гаръ-Піонъ былъ одѣтъ въ новый мундиръ, который сшила ему благодарная Сара; волоса его были причесаны, усъ намасленъ и завитъ. Онъ приходилъ и уходилъ съ какою-то праздничною торжественностію. Джудита изрѣдка прочитывала синій печатный листъ: улыбка удачной мести оживляла прекрасное лицо. Эвелина не могла смѣяться, не могла и слушать Джудиты.

— Боже мой! Боже мой! говорила она: неужели до завтра я не увижу отца моего?... Гаръ-Піонъ! Гаръ-Піонъ!

— Что прикажете? Я здѣсь, на перепутьѣ!

— Какъ ты думаешь, не сходить ли тебѣ къ Пуссену?

— Почему же и нѣтъ? Только дома ни кого нѣтъ: Гойко сегодня не приходилъ; у меня и двери не заперты.

— Эвелина!...

— Батюшка!...

— Жоржъ!...

— Капитанъ!...

Читатель догадается, что вошелъ въ комнату де-Вальероль, и Эвелина упала въ объятія отца. Всѣ плакали.

— Не сонъ ли? сказалъ де-Вальероль, увидѣвъ Джудиту: васъ ли я вижу? Вы заступили мѣсто матери этой несчастной сиротѣ?... Вы, кого я такъ любилъ.... вы отмстили мнѣ за невольный тяжкій отказъ! Вы сдѣлали дочь мою натурщицей живописцевъ!

— Что такое? съ гордостью сказалъ Гаръ-Піонъ. Ложь, капитанъ, ложь!

— Гаръ-Піонъ! другъ мой! товарищъ! утѣшь меня, разувѣрь, докажи....

Объяснились. Де-Вальероль былъ въ восторгѣ, цѣловалъ дочь свою, руки Джудиты и добраго, вѣрнаго Гаръ-Піона.

— Я съ тобой не разстанусь! говорилъ онъ, обнимая дочь. Правда, много горя Господу было угодно излить на мою голову; но найти тебя, найти Джудиту, вѣрнаго моего Помпея, обмануться въ ужасныхъ предположеніяхъ.... о! за это я готовъ страдать снова! Скорѣе, дочь моя, скорѣе

изъ этого дома! Джудита! пока что Богъ дастъ, скройте передъ Депортомъ бѣгство моей дочери. Завтра мы будемъ ужъ далеко отъ Парижа.... Простите, Джудита! Если возможно, спѣшите соединиться съ нами. Мы васъ будемъ ждать въ Вальтелинской долинѣ, въ Сондріо, въ домѣ Ваоли.... Простите!

И капитанъ и Джудита забылись, и бросились другъ другу въ объятія.

— Вопилъ Депортъ.

— Діаволо!... лакей Пуссена обнимаетъ жену мою!...

— Извергъ! вскричалъ капитанъ и бросился на Депорта, но женщины его остановили.

Схвативъ за руку Эвелину и обуздывая гнѣвъ свой, де-Вальероль едва могъ сказать, и то задыхаясь: — Хорошо!... хорошо!... Но всѣ это будетъ извѣстно королю!... Пойдемъ, Эвелина!

— Кто смѣетъ! закричалъ Депортъ въ бѣшенствѣ. Разбой!... насиліе!... На помощь! на помощь!

— Замолчишь ли ты, морковь съ хрѣномъ! сказалъ Гаръ-Піонъ, засучивая рукава. Вотъ я тебя.... по-своему!

Депортъ поблѣднѣлъ; но лишиться Эвелины значило лишиться всего. Героизмъ отчаянія тотъ же обыкновенный героизмъ трусости. Депортъ схватилъ Эвелину и вырвалъ ее изъ рукъ де-Вальероля.

— Разбойникъ! кричалъ онъ: какое ты имѣешь право на Эвелину? Она моя: я воспитывалъ ее, я

устроилъ ея будущность; а ты пьяный слуга Пуссена!...

— Какое право?... какое право?... Извергъ! у отца ни самъ твой кардиналъ не отниметъ дочери!

— Такъ ты?...

— Капитанъ де-Вальероль!

Депортъ выпустилъ Эвелину и, дрожа, отступилъ къ дверямъ.

Джудита, до свиданія! сказалъ капитанъ, и пошелъ съ Эвелиной. — Помпей! прибавилъ онъ, замѣтивъ, что Гаръ-Піонъ идетъ за ними: останься и защищай Джудиту.

— Слушаю-съ!

— Джудита! что́ все это значитъ? спросилъ Депортъ.

— Завтра вы подпишете нашу разводную: мы расходимся, отвѣчала Джудита.

— О! не такъ скоро, не такъ скоро! Вашего любовника завтра повѣсятъ!

Депортъ бросился изъ дому.

— Гаръ-Піонъ! нѣтъ ли у тебя какого-нибудь хорошаго знакомаго, куда бы я могла укрыться только на эту ночь?

— Есть.

— Буди дѣтей!...

Джудита связала нѣсколько узловъ, гдѣ уложилось все ея богатство. Между-тѣмъ пришли и дѣти. Имъ было уже по четырнадцатому году. Красивые мальчики узнавъ, что Джудита въ опасности, просили у Гаръ-Піона оружья.

— Я вамъ дамъ его въ свое время, сказала Джудита, вы будете моими мстителями!

— До гроба! закричали дѣти, и бросились въ объятія обожаемой матери.

— Пойдемъ, пойдемъ! кричалъ Гаръ-Піонъ; а то еще, чего добраго, этотъ чортъ воротится... А про Жаннету мы и позабыли!

Наконецъ палаты вандомскія опустѣли. Гаръ-Піонъ заперъ ихъ на замокъ, спряталъ ключъ, приговаривая: «Пусть его ночуетъ на улицѣ!» и всѣ отправились на Италіянское Предмѣстье.

—

ГЛАВА XVIII.

Т Р Е Т І Й.

Въ стекла большой двери на балконъ дома, гдѣ жилъ Мазарини, спокойно глядѣла высокая тѣнь, но ея не могли видѣть собесѣдники. Оборотясь къ окнамъ спиною, Мазарини и Лемерсіе сидѣли въ большихъ креслахъ передъ пылающимъ каминомъ.

— Такъ вы на этой недѣлѣ доставите мнѣ рисунки для моего дворца, Лемерсіе? Дѣло кончено, не правда ли?

— Ваша эминенція удостоиваетъ меня неожиданной довѣренности, и, признаюсь, въ такое время, когда наименѣе можно было полагать.

— Вы говорите о Пуссенѣ?... Вздоръ! я не увлекаюсь этими подготовленными похвалами. Впрочемъ, вы не видите собственныхъ средствъ. Вы можете на каждомъ шагу ставить препятствія; вы можете разоблачать хвастовство; вы можете из-

бавиться отъ непріятнаго соперничества...: Хотите? Я вамъ буду способствовать, дамъ славнаго помощника; но на одномъ только условіи....

— Ваша эминенція, извольте приказывать.

— Это условіе: быстрота, скорость! Не медлите ни минуты!

Вошелъ слуга, снялъ съ полки молитвенникъ и четки, и положилъ на покрытый бархатомъ налой. Мазарини поспѣшно всталъ съ мѣста, и сказалъ Лемерсіе ласково: — Простите! Видите, слуга напомнилъ мнѣ, что наступило время молитвы.

Лемерсіе удалился.

— Гдѣ же онъ? спросилъ въ полголоса Мазарини.

— Въ библіотекѣ, отвѣчалъ слуга такъ же.

— Зови.

— Вошелъ отецъ Сирмондъ, духовникъ короля.

— А! ваша эминенція уже за молитвой! сказалъ поздній гость.

— По обыкновенію, отвѣчалъ кардиналъ. Но бесѣда съ вами не прерываетъ священныхъ занятій. Садитесь, достойный отецъ. Кардиналъ приказалъ мнѣ поговорить съ вами.... Что, скажите, намѣренъ ли король отдать мнѣ шапку?

— Какъ же ваша эминенція могли въ этомъ сомнѣваться?

— Но и вамъ Шантлу привезъ что-то изъ Рима?

— Мнѣ?... Ваша эминенція изволите ошибаться.

— Конечно, обѣщаніе почти то же, что ничего; но апостольскій намѣстникъ такъ твердъ въ своемъ словѣ.

— Полноте! хитрость! сказалъ отецъ Сирмондъ, лукаво улыбаясь. Я, право не виноватъ въ королевской медленности. Сенъ-Марсъ, одинъ Сенъ-Марсъ, управляетъ волей добраго короля. Меня теперь и къ молитвамъ не приглашаютъ. А Сенъ-Марсу надо прежде быть конетаблемъ: тогда кардинальскій санъ онъ будетъ раздавать самъ, по своей волѣ.

— Конетаблемъ? Слѣдственно этотъ слухъ не безъ основанія?

— Теперь одна помѣха: до свѣдѣнія короля дошло, что Сенъ-Марсъ не шутя влюбился въ Эвелину де-Вальероль, бѣдную дворянку; а вы знаете, прежде мѣтили на кого.

— Знаю, на Маріо Неверскую. Но это небывалое дѣло: принцесса....

— А король любилъ эту мысль; и если Сенъ-Марсъ не поспѣшитъ оправдаться, дѣла могутъ перемѣнить видъ.

— Такъ не давай ему оправдаться.

— Ну, это не въ моей власти: я до-сихъ-поръ не знаю, поѣду ли я съ королемъ въ походъ.

— Послушайте, отецъ Сирмондъ! Я не вхожу въ ваши отношенія съ королемъ. Какъ хотите, а выдайте мнѣ шапку поскорѣе. Вѣдь и я со-временемъ могу пригодиться: и я въ Римѣ не безъ друзей.

— Послѣдній пасквиль повредилъ нѣсколько вашей эминенціи.

— Когда же король успѣлъ прочесть?

— Сегодня въ Сенъ-Жерменѣ онъ появился около полудня.

— Откуда?

— Я никакъ не могъ узнать.

«Не самъ ли ты его привезъ? Надо съ тобою кончить!» подумалъ Мазарини, и, вставъ, сказалъ сухо: — Я исполнилъ волю моего благодѣтеля. Простите, достойный отецъ.

— Сохраните ко мнѣ ваше расположеніе.

— Это отъ васъ зависитъ и отъ короля. Впрочемъ, если черезъ три дня, въ наступающее воскресенье, я не получу моей шапки, Богъ съ вами: я ѣду въ Римъ!... Простите!

Низменно поклонясь, отецъ Сирмондъ ушелъ.

«Вретъ! подумалъ Мазарини, оставшись одинъ: захочетъ, сдѣлаетъ! Но капуцинъ, вѣрно, и его связалъ Пуссеномъ.... Бѣда, когда папа художникъ!... Великій Пуссенъ! зачѣмъ ты сталъ мнѣ на дорогѣ?... И эта Эвелина, и этотъ Сенъ-Марсъ, и сатира, и Джудита, и ванъ-Дейкъ, и Депортъ: я начинаю уставать.... Плохо безъ власти! Все надо дѣлать косвенно, черезъ другихъ, кланяться, притворяться, оглядываться.... Но эта сатира! Напрасные поиски: никто не знаетъ!

Вошелъ слуга, и доложилъ о пріѣздѣ маркиза Дезюмидъ.

— Что́ такъ поздно? А все-таки кстати!.... Проси.

Вошелъ маркизъ. Опять усѣлись къ камину, и опять къ стекламъ двери подошла высокая тѣнь.

Мазарини сидѣлъ молча и грызъ ногти. Маркизъ Дезюмидъ, въ видѣ доклада, и не останавливаясь, разсказывалъ ему рамбульетскія новости. Когда

онъ сообщилъ извѣстіе о нетрезвости Пуссена, Мазарини сказалъ разсѣянно.—Я объ этомъ зналъ еще до пріѣзда Пуссена, но не хотѣлъ разсказывать. Все выйдетъ скоро наружу, и всѣ эти почести умножатъ только стыдъ его бѣгства. Не должно потворствовать разврату, не должно молчать: надо кончить! надо стараться довести до свѣдѣнія королевы, короля, Ришліё! надо предупредить также и.... нѣтъ! де-Нойé не должно говорить объ этомъ. Я люблю Францію, и вы тотчасъ увидите, какъ я объ этомъ забочусь. Сейчасъ прійдетъ къ намъ преемникъ Пуссена: Римъ отъ него былъ въ восторгѣ! Рубенсъ пишетъ объ немъ какъ о единственномъ геніяльномъ своемъ ученикѣ, и совѣтуетъ удержать во Франціи. Если не ошибаюсь, это онъ.

Дѣйствительно, вошелъ ванъ-Дейкъ.

— Какая исправность! сказалъ Мазарини, пожимая руку художника. Позвольте васъ, господа, познакомить: Антоніо ванъ-Дейкъ, прозванный въ Италіи фламандскимъ Тиціаномъ; маркизъ Гіацинтъ Дезюмидъ, любимецъ короля, знатокъ и художникъ! Вашему покровительству, маркизъ, передаю дорогаго гостя. Вы не откажете просить Сенъ-Марса представить ванъ-Дейка королю: я представлю его кардиналу-герцогу.... Что, каковъ Парижъ?

— Я не успѣлъ ничего видѣть, отвѣчалъ ванъ-Дейкъ: былъ только въ пустой луврекой галереѣ. Ее можно удивительно расписать портретами королей французскихъ.

— Здѣсь дурной вкусъ, замѣтилъ Мазарини; и не говорите о портретахъ! Хотятъ повторить Римъ на площадкѣ Лувра, хотятъ въ одну галерею вмѣстить колонну Траяна со всѣми барельефами, всѣ остатки Пантеона прилѣпить къ потолку, весь форумъ и всѣ римскіе музеи разставить на ста шагахъ! Отъ живописца требуютъ историческихъ машинъ только по-огромнѣе, по-сложнѣе.... Вотъ вамъ вкусъ Парижа!

— Пуссенъ, конечно, на это не согласится, отвѣчалъ Фламандецъ съ гордостью. Историческія картины хороши для плафоновъ, а не для стѣнъ, и я сочинилъ девять плафоновъ....

— Пуссенъ сочинилъ девяносто картинъ! сказалъ Дезюмидъ.

— Быть не можетъ! возразилъ ванъ-Дейкъ. Пуссенъ честный человѣкъ, и я пріѣхалъ отнять у него работы, не интригой, не покровительствомъ.... нѣтъ! назначьте сраженіе: кто лучше, тотъ и иди въ Лувръ! А если нельзя исполнить моего требованія, такъ я ему на дверяхъ напишу историческую картину и уѣду въ Голландію.

— Отчего же нельзя?... Маркизъ! вы должны похлопотать объ этомъ.

Толкая слугу, который шелъ съ докладомъ, Депортъ вбѣжалъ въ кабинетъ кардинала. Мазарини побѣднѣлъ и, вынувъ изъ-за пазухи синій печатный листъ, съ угрозой держалъ его передъ Депортомъ.

— Оставьте насъ однихъ! закричалъ Филиппъ.

Дезюмидъ, уходя, сказалъ только: — Я обожду

въ библіотекѣ.... Пойдемъ, великій человѣкъ, поговоримъ о нашихъ намѣреніяхъ! — увлекъ съ собою ванъ-Дейка.

— Не поздно ли пришелъ ты, предатель! спросилъ Мазарини, дрожа отъ злости.

— Нѣтъ, еще не поздно, кардиналъ: еще можно все поправить.

— Но эта сатира?....

— Не постигаю, кардиналъ, кто ее могъ написать! Я и самъ не зналъ подробностей моей женитьбы: откуда ихъ узналъ кардиналъ-герцогъ?

— О верхъ плутовства!... Ришліё зналъ объ этомъ столько же, сколько и я: его не было въ Парижѣ; онъ никого не присылалъ въ типографію. Бріеннъ уже взялъ подъ стражу всѣхъ работниковъ: между ними было три жида; но эти жиды исчезли съ мѣшками печатныхъ буквъ. Кто, кромѣ тебя, могъ знать тайну назначеннаго свиданія?

— А! я понимаю все теперь! Это Гойко, это мой fac totum. Его подкупилъ Сенъ-Марсъ или Пуссенъ.... Проклятый жидъ! Прикажите какъ можно скорѣе схватить его, и тайна откроется.

Мазарини позвалъ слугу, и послалъ за городскимъ головою. На балконѣ раздался хохотъ. Въ ужасѣ, и Мазарини и Депортъ подбѣжали къ окну: съ улицы, кто-то сдергивалъ веревочную лѣстницу съ балкона, сдернулъ, и убѣжалъ.

— Это онъ, это Гойко! кричалъ Депортъ.

— Молчите, говорилъ Мазарини: ради Бога, молчите! Онъ не уйдетъ. — Но, прибавилъ онъ угрюмо: между нами былъ *третій!*

— Хорошо, съ улыбкой сказалъ Депортъ, что этотъ Гойко не все слышалъ.

— Богъ знаетъ! можетъ-быть, слишкомъ. А что у васъ еще?

— Мы навсегда потеряли Эвелину.

— Депортъ! клянусь, я не пощажу васъ!

— Послушайте: Пуссенъ влюбился въ нее по уши и, съ-пьяна, послалъ пьянаго слугу взять Эвелину изъ моего дома.

— Ну такъ что жъ?

— Слуга назвалъ себя отцомъ Эвелины и увелъ ее изъ моего дома.

— И вы позволили?

— Помилуйте? Это былъ заговоръ: жена и люди напали на меня.... чуть не убили.... заставили върить.... заставили бѣжать....

Слуга воротился и объявилъ, что городской голова съ городскими стражами и стрѣлками вышелъ изъ торговой части города по тайному дѣлу. Депортъ былъ въ восхищеніи. Мазарини бѣсился.

— Гонецъ отъ кардинала! сказалъ другой слуга.

Мазарини развернулъ письмо! въ немъ было написано не много словъ.

«Пріѣзжайте сейчасъ въ Рюэль. Возьмите съ собой Депорта.

«Ришліе.»

Уѣхали.

—

ГЛАВА XIX.

СОПЕРНИКИ.

«Долго же онъ не возвращается,» говорилъ Пуссенъ, ходя взадъ и впередъ по мастерской. Трехсвѣтильникъ все еще стоялъ на полу. Гаспаръ дремалъ въ креслахъ. Вошли маркизъ Дезюмидъ и ванъ-Дейкъ.

— Мы замѣтили, что вы еще не спите, сказалъ маркизъ, и зашли поговорить о важномъ дѣлѣ.

— Пожалуйте внизъ, отвѣчалъ Пуссенъ, взялъ съ полу трехсвѣтильникъ и проводилъ неожиданныхъ гостей въ залу. Что̀ вамъ угодно?

— Это г. ванъ-Дейкъ и Тиціанъ!

— Простите: я не узналъ васъ. Отъ души привѣтствую и обнимаю. Въ Римѣ непріятности не позволили мнѣ съ вами познакомиться. На-долго ли къ намъ?

Гости смутились. Ванъ-Дейкъ однако же собрался съ духомъ, и отвѣчалъ: — Вы меня обидѣли въ Римѣ, и я пріѣхалъ въ Парижъ искать удовлетворенія.

— Невольно развѣ?.... Не помню. Говорите: если я не правъ, буду просить извиненія.

— Вы меня сочли неспособнымъ къ исторической живописи.

— Не правда.

— Вы сказали, что по моей части въ Римѣ мало образцовъ.

— Ложь! Я говорилъ, что римскіе художники нашего времени не пишутъ портретовъ. Изъ ва-

ихъ произведеній, я только и видѣлъ портреты да портреты, и всегда говорилъ, что васъ напрасно называютъ Тиціаномъ, потому что вы вовсе не занимаетесь историческими предметами.

— Не правда.

— Я васъ считалъ и считаю способнѣйшимъ человѣкомъ къ какому бы то ни было роду. Кто любитъ и разумѣетъ природу, тому всѣ роды живописи — *свои*. А теперь, я только вижу, что вы человѣкъ заносчивый, гордый, честолюбивый, и, судя по вашимъ поступкамъ, вздорный, мелочной...

— Ложь! прошу извиненія: я васъ не понялъ; но прошу и позволенія у васъ на дверяхъ написать исторію....

— Нельзя ли на холстѣ или на деревянной дощечкѣ? Я вамъ отплачу тѣмъ же.

— Слово?

— Честное слово!....

— Мой адресъ: Антонію ванъ-Дейку, въ Антверпенъ, въ магистратъ.

— Мой адресъ въ Римъ, на Испанскую Площадь, въ гостинницу Чернаго Орла.

Дезіомидъ пришелъ въ ужасъ.

— Какъ, г. ванъ-Дейкъ? сказалъ онъ: а сраженіе? а Лувръ?

— Убирайтесь вы, льстецы и притворщики. Вы хотите насъ, добрыхъ и простодушныхъ художниковъ, обратить въ орудіе вашей злобы, личныхъ отношеній и тайныхъ злодѣйствъ. Вы мнѣ разсказали объ вашемъ знаменитомъ Депортѣ. Довольно! я понялъ, кого вамъ нужно: не Пуссена, даже

не меня: льстецовъ, потворщиковъ, маленькихъ злодѣевъ, которые бы служили носильщиками для большихъ!... Прощайте навсегда. Извините, что я васъ обезпокоилъ ночью. Вотъ этотъ господинъ увѣрилъ меня, будто вы пьяны. Простите оскорбленному чувству: я хотѣлъ насладиться вашимъ нравственнымъ уничиженіемъ ... Вонъ, вонъ изъ Парижа!

Ванъ-Дейкъ горячо обнялъ Пуссена, надѣлъ въ комнатѣ шляпу и спокойно ушелъ.

— Маркизъ! я не имѣю чести васъ знать, сказалъ Пуссенъ съ важностью и спокойствіемъ: но клевета....

— Она чиста какъ ангелъ! кричалъ де-Вальероль, вводя Эвелину. Поцѣлуйте ее! благословите! она достойна вашего благословенія: она сохранила чистоту въ новой Гоморрѣ!

— Не стану мѣшать вамъ, сказалъ маркизъ, язвительно улыбаясь, и ушелъ.

— Погодите, погодите, маркизъ! кричалъ Пуссенъ.

— Нѣтъ, я знаю, какъ въ подобныхъ обстоятельствахъ непріятны свидѣтели, отвѣчалъ маркизъ съ лѣстницы, и скрылся.

—

— Что вы надѣлали, капитанъ? спросилъ Пуссенъ съ грустью.

— Что я надѣлалъ?.... О! за этотъ день я не перестану благодарить Бога. Я вырвалъ ее изъ рукъ смерти. Депортъ видѣлъ опасность своего положенія, и въ эту ночь могъ рѣшиться на все.

— Истинная Гоморра! сказалъ Пуссенъ, глубоко огорченный.

Зарево освѣтило окна домика. Съ разныхъ сторонъ послышались голоса: толпа городскихъ стрѣлковъ, съ факелами, наполнила дворъ и садъ. Пуссенъ съ горькою улыбкой поглядѣлъ на Вальероля. Капитанъ, прижавъ къ груди Эвелину и заливаясь слезами сказалъ:

— Я готовъ; долгъ мой исполненъ.

— Вошелъ ратушевый швейцаръ и, низко кланяясь предстоящимъ, почтительно произнесъ: — Господинъ голова и старшины города Парижа просятъ позволенія войти въ квартиру Пуссена по королевскому дѣлу.

— Проси, отвѣчалъ Пуссенъ.

Голова и старшины вошли медленно и торжественно. Голова, поклонясь Пуссену, котораго легко было узнать по гордой осанкѣ и лицу, отуманенному досадой, тихо сказалъ: — Мы нарушаемъ формы только изъ уваженія къ вашей славѣ.

— Дурно дѣлаете! отвѣчалъ Пуссенъ. Законовъ вы не должны смягчать по указаніямъ вашихъ чувствъ: эти чувства могутъ быть ошибочны. Что вамъ угодно!

— Г. Пуссенъ! сказалъ голова: примите искреннее сожалѣніе, что мы рѣшаемся обезпокоить васъ покорнѣйшей просьбою сообщить намъ, кто изъ присутствующихъ капитанъ де-Вальероль.

— Я! отвѣчалъ Вальероль.

Въ то же время Пуссенъ указывалъ на него рукою.

— Не правда!... не правда! кричала Эвелина.

— Успокойтесь, прекрасная Эвелина, опять началъ голова. Мы знаемъ ваши несчастія: часа два тому назадъ, Гойко разсказывалъ мнѣ вашу повѣсть.

— Какъ? даже и Гойко не ушелъ въ этотъ день отъ общаго жребія?

— Не знаю что́ вы хотите этимъ сказать. Гойко — мой старый знакомый и способный, необходимый человѣкъ. Онъ былъ причиною, что мой предшественникъ долженъ былъ оставить свое мѣсто. Когда меня удостоили лестнаго выбора, Гойко самъ ко мнѣ явился и объявилъ причины своего поведенія. Я полюбилъ его за искренность и разумъ, и съ-тѣхъ-поръ онъ у насъ служитъ при ратушѣ: собираетъ свѣдѣнія. Онъ-то принесъ ко мнѣ пукъ сатиръ, разбросанныхъ сегодня на рынкѣ, и объяснилъ мнѣ все, между прочимъ, и ваши несчастія. Тронутый вашимъ положеніемъ, я послалъ Гойко къ самому кардиналу, съ письмомъ. Ему не нравилось посольство; но.... что́ дѣлать! никто лучше его не зналъ всѣхъ подробностей этого запутаннаго дѣла. Пока мы соблюдемъ формы, капитанъ будетъ жить у меня; я, для виду, и стражу приставлю. А между-тѣмъ, если вы имѣете какіе пути.... Да чего лучше, вотъ г. Пуссенъ! Кардиналъ его примѣрно уважаетъ.... Если бы еще герцогиня Эгильонская!.... Я тоже поѣду въ Рюэль: нельзя ли уговорить де-Нойе́....

— Можно, прервалъ Пуссенъ.

— Такъ чего лучше? Все кончится благополучно. Мы промедлимъ смертнымъ приговоромъ.

— Смертнымъ? закричала Эвелина.

— Да это только форма! Капитанъ изгнанникъ: не слѣдовало возвращаться. Господинъ Пуссенъ привезъ его въ Парижъ, но онъ не зналъ, что слуга — капитанъ де-Вальероль.

— Зналъ, возразилъ Пуссенъ спокойно.

— Не знали, не знали! Намъ это лучше извѣстно: мы такъ и въ актахъ записали. Постарайтесь завтра къ вечеру доставить ратушѣ мнѣніе кардинала.... и все будетъ кончено!...

Вошелъ Стелла.

— Стелла! вскричалъ Пуссенъ: изъ мирнаго Рима!...

— Къ вамъ! отвѣчалъ Стелла.

— О! лучше бы за мною!

— Я привезъ ваши картины.

— Само Небо помогаетъ!... Вынимайте кардинальскія.... скорѣе, скорѣе!

— Надо людей.

— Возьмите моихъ стрѣлковъ, сказалъ голова.

— Я сейчасъ ѣду въ Рюэль, продолжалъ Пуссенъ.

— Успѣемъ, успѣемъ! — Дранше! сбѣгай за моей каретой, сказалъ голова, обращаясь къ швейцару.

— А я иду съ вами, сказалъ де-Вальероль.

— Успѣемъ, успѣемъ! Ради Бога, не горячитесь. Мое правило: медленность прежде времени и поспѣшность во-время. Дайте мнѣ распорядиться.

Позвольте, г. Пуссенъ: уже мадмоазёль де-Вальероль должна у васъ остаться на-время

— Гаспаръ! сказалъ Пуссенъ: поручаю тебѣ спокойствіе Эвелины.

— Всю ночь буду стоять на часахъ съ королевскимъ Птоломеемъ, отвѣчалъ Гаспаръ.

— Это не дурно, замѣтилъ голова: а я, на всякій случай, сорокъ стрѣлковъ даю вамъ подъ начальство. Врагъ можетъ на все рѣшиться.... Постойте!... постойте!... постойте! Чтобы еще чего-нибудь не позабыть.... Да вотъ г. Леримеръ, старшина! Вы заступите мое мѣсто. Теперь уже за-полночь: кардиналъ скоро проснется и станетъ работать. Ночью онъ бываетъ болѣе милостивъ. Надо спѣшить: не близко.... Теперь все! Слушайте, капитанъ, и положитесь на общее усердіе.

Вошелъ Гаръ-Піонъ.

— Гдѣ Джудита? закричалъ капитанъ, измѣнясь въ лицѣ.

— Въ безопасномъ мѣстѣ, отвѣчалъ Гаръ-Піонъ. А я пришелъ провѣдать что́ тутъ дѣлается....

— Все, слава Богу, хорошо, любезный другъ, отвѣчалъ голова.

— Ну, не знаю! сказалъ Гаръ-Піонъ. Вы мягко стелете, да жестко спать.

— Не всегда, не всегда, любезный другъ: по обстоятельствамъ.

— Плохо, плохо, замѣтилъ Гаръ-Піонъ: когда судьи судятъ по обстоятельствамъ!

ГЛАВА XX.

ОДИНОКАЯ БЕСѢДА.

Два сына Джудиты прилежно слушали повѣсть, которую разсказывала мать ихъ, ту же самую повѣсть, которую мы, вмѣстѣ съ Эвелиной и Альфредомъ, слышали отъ нея въ вандомскихъ палатахъ, въ началѣ романа. Не много было перемѣнъ въ печальномъ разсказѣ. Мстительная Джудита скрыла отъ дѣтей ихъ позорное происхожденіе: они остались законными сыновьями Депорта; но ненависть къ отцу, месть къ Мазарини, навѣки укоренились въ юныхъ сердцахъ. Бурный Жеромъ посмотрѣлъ на разсудительнаго Жана и, сжимая кулаки, закричалъ: — Мести, Жанъ.... мести!

— Холодной, разсудительной, страшной мести! отвѣчалъ Жанъ.

— Мести, дѣти, мести! Я васъ научу: еще не наступило время. Мазарини будетъ на мѣстѣ Ришліё, Сенъ-Марсъ и де-Ту пустые люди: они не сладятъ съ кардиналами. Милыя дѣти, надо учиться, работать, надо заслужить любовь общую. Я вамъ куплю мѣста прокуроровъ въ парламентѣ. Вы богаты. Ваше достояніе будетъ въ надежныхъ рукахъ д'Орбиньи. Ему извѣстна жизнь моя. Если, какъ я полагаю, мнѣ должно будетъ уѣхать изъ Франціи, останетесь ли въ Парижѣ, для мести?

— Мы пойдемъ на край свѣта! отвѣчалъ Жеромъ.

— Совсѣмъ нѣтъ! сказалъ Жанъ: мы останемся въ Парижѣ, будемъ прокурорами въ парламен-

тъ, а тамъ научимся, если не научатъ, что́ намъ дѣлать.

— Пока, учитесь писать стихи: это ужасное оружье! Я цѣлый годъ сочиняла жизнь мою, и вчера весь Парижъ принялъ участіе въ моихъ печаляхъ. Никто не знаетъ, кто́ несчастная жертва Мазарини: полагаю, и не узнаетъ. Теперь онъ можетъ разсказывать что́ ему угодно: никто не повѣритъ: у всѣхъ въ рукахъ страшная исповѣдь. Вы — Италіянцы, а Французы ваши враги: не жалѣйте Французовъ. Съ этого возраста пріучайтесь къ тайнѣ и къ хитрости. Для насъ нѣтъ, не будетъ блаженной жизни: одна месть наше счастіе!... Но пора вамъ уснуть, успокоиться. Вамъ нужно здоровье атлетовъ, бодрость змія, быстрота со́кола.... Спите, Богъ съ вами!

Дѣти простились, и улеглись въ другой комнатѣ на соломѣ.

— Джуліо, Джуліо, шептала Джудита, отирая слезы: я ненавижу дѣтей твоихъ!... Да сбудется ужасная месть! Другихъ путей я не вижу.

Гаръ-Піонъ воротился и разсказалъ, что капитанъ снова задержанъ, что Пуссенъ и голова поѣхали въ Рюэль выручать де-Вальероля.

— Помпей! нельзя ли достать носилокъ? спросила Джудита, дрожа и плача.

— Ужь не въ Рюэль ли и вы хотите ѣхать?

— Нѣтъ; въ палаты герцогини Эгильонской.

— Такъ пойдемте пѣшкомъ. Только холодно: развѣ мой солдатскій плащъ.... потому что вы,

ужъ не знаю почему, а объ съ Жанетой, со страху, ни какой одежды не захватили.

— Давай!

— Клянусь моимъ усомъ, такой чертовщины я не видалъ ни въ одномъ походѣ! По пяти ночей сряду не спи.... О! задамъ же я этому Депорту!

Такъ говорилъ Помпей, одѣвая Джудиту.

— Куда вы? спросила изумленная Сара, входя съ большимъ горшкомъ вареной рыбы. Поужинайте прежде; возьмите мою одежду.

— Нѣтъ, нѣтъ, дворяне во всѣхъ кабачкахъ, отвѣчалъ Гаръ-Піонъ: такъ безопаснѣе.

— Быть по-твоему, а я за васъ молиться буду, сказала Сара.

— Ну, не великъ прокъ въ твоей молитвѣ! а лучше поставъ баррикады, что Гойко выдумалъ, и не впускай ни кого, не спрашивай, кто тамъ. Если мы или Гойко, такъ и сами окликнемся.

Въ палатахъ эгильонскихъ все спало мертвымъ сномъ: только въ знакомомъ намъ флигелѣ, въ ветхой комнаткѣ, горѣло восемь свѣчей въ разныхъ углахъ и на верху конторки. На выдвижномъ столѣ лежалъ раскрытый Поліевктъ. Корнель, стоя, декламировалъ громко превосходные стихи лучшей своей трагедіи: христіанское умиленіе сіяло въ глазахъ безсмертнаго поэта; черныя кудри живописно разбросились, засученные рукава обнажали сильныя руки. Корнель воображалъ, что онъ читаетъ свою христіанскую драму цѣлому міру: ночное безмолвіе казалось ему напряженнымъ вниманіемъ слушателей. Онъ кончилъ третій актъ и ждалъ

съ гордостью одобренія. Міръ спалъ. Корнель улыбнулся и громко сказалъ: — Врутъ! безсовѣстно врутъ!... Поліевктъ превосходная трагедія. Новость ихъ испугала; христіанство непонятно семнадцатому вѣку: вотъ и все тутъ! Я поставлю Поліевкта, и въ Парижѣ наберется еще десятокъ другой людей, которые сохранили чувство религіи и познаніе добра. — Актъ четвертый! громогласно произнесъ Корнель, и задумался. Мысль за мыслью, воспоминаніе за воспоминаніемъ, оживленные образы прошедшаго, вся память обширнаго и ученаго ума вдругъ раскинулась въ головѣ Корнеля, подобно многолиственному роскошному цвѣтку, любимцу восточной Флоры. Этотъ безграничный міръ воображенія, смѣсь вѣковъ и народовъ, природъ и вѣрованій, нравовъ и обычаевъ, освѣщенный какою-то многоцвѣтной радугой, дрожалъ предъ воспаленными глазами поэта; голова его протянулась впередъ, улыбка любопытнаго вниманія очертилась на раскрытыхъ губахъ, глаза изсохли: стало больно.... Корнель зажмурился, потеръ кулаками глаза: показались слезы; міръ воображенія разрушился. Онъ самъ не зналъ что онъ видѣлъ, чего ему жаль; но, изъ разбѣжавшихся грезъ, многія еще мелькали въ засыпавшей памяти, какъ передъ смертію огонь иногда вспыхиваетъ яркимъ, но мгновеннымъ пламенемъ. Стало грустно Корнелю. Онъ началъ гасить свѣчи; остались только двѣ на выдвижномъ столѣ. Корнель сѣлъ, и хотѣлъ про себя тихо продолжать чтеніе: не читалось. Процессъ поэтическаго восторга, достигнувъ высочай-

шей степени, совершился, и на душѣ поэта осталось цѣлое кладбище, цѣлая гора пепла. Корнель, Пуссенъ, Декартъ, Бекономъ, а въ недавнія времена Кантъ, старались, напряженнымъ дѣйствіемъ ума, пересилить эту апатію памяти, безчувственность послѣ злаго припадка горячки. Иногда удавалось. Но, на этотъ разъ, Корнель не могъ продолжать чтенія: рамбульѐтское общество и ужасный Воатюръ заняли воображеніе.

— И зависть они называютъ участіемъ! Не давать на сцену Поліевкта, не печатать Поліевкта.... Кажется, пора мнѣ перестать подличать; кажется, я довольно знаменитъ и славенъ, и могу отвергнуть это позорное покровительство, сломать эти золотые прутья моей клѣтки.... Кончено! Завтра же ѣду въ Руанъ. Я, жена, Ѳома, мать Альфреда, — еще найдемъ охотниковъ, — мы станемъ играть Поліевкта, станемъ играть публично. Пріѣдутъ смотрѣть на насъ изъ Парижа. Что̀ въ самомъ-дѣлѣ, кланяться этой ливрейной челяди кардинала-поэта?

Корнель потушилъ еще одну свѣчу, а съ другою пошелъ къ кровати, и сталъ стлать себѣ постель. Вдругъ кто̀-то постучался въ ставни.

— Кто̀ тамъ? спросилъ онъ нетвердымъ голосомъ.

— Простите. г. Корнель! Прибыла Джудита Депортъ, за такимъ дѣломъ, которое не позволяетъ медлить ни мгновенія.

Корнель накинулъ плащъ и отворилъ окно.

— Что̀ случилось? добрая Джудита?

Она всё разсказала.

— Благодарю за вашу дружбу и довѣренность ко мнѣ, сказалъ Корнель. Постараюсь оправдать ваши надежды. Бѣгу къ герцогинѣ.

— Какъ? теперь же?... Но герцогиня....

— Она понимаетъ Поліевкта; ей доступно христіанское чувство любви къ ближнему, то есть, чувство безвозмезднаго исполненія человѣческихъ обязанностей. Не хотите ли и вы съ нею видѣться?

— Нѣтъ. Несчастіе не любитъ встрѣчаться съ любимцами слѣпой фортуны.

— Ахъ, Джудита! какъ вы ошибаетесь! Вы еще можете мстить клеветникамъ и злодѣямъ; а у нея и это право отнято свѣтскими отношеніями. Но пора: уже за-полночь. Я васъ обо всемъ увѣдомлю.

Окно и ставни затворились. Корнель со свѣчей прошелъ узкій дворъ и вошелъ въ сѣни. Два швейцарца схватились за ружья, но, узнавъ Корнеля, улыбнулись и пропустили.

Корнель поднимался по высокой лѣстницѣ. Швейцарцы улеглись на свои мѣста. Одинъ изъ нихъ, зѣвая, съ досадой ворчалъ: — Чортъ знаетъ, до чего дошло въ Парижѣ: со свѣчей и съ парадной лѣстницы!

Корнель между-тѣмъ вошелъ въ комнату Роле. Тотъ вскочилъ съ постели, и сталъ-было кричать, но, узнавъ Корнеля, расхохотался, и отъ смѣха не могъ его слушать.

— Вставайте, Роле! перестаньте смѣяться. Надо разбудить герцогиню.

— Что́ вы, съ ума сошли, Корнель! Вы, кажется, до-сихъ-поръ были тихи и смирны, и вдругъ вамъ пришла такая глупая мысль. Это, вѣрно, огорченія. Мнѣ говорила герцогиня, что рамбульетскимъ господамъ не понравилась ваша трагедія. Напишите имъ другаго Цинну: вотъ и все тутъ! Это для васъ гораздо легче нежели для меня разбудить герцогиню.

Корнель, въ свою очередь, смѣялся, и наконецъ убѣдилъ Роле́ въ необходимости разбудить герцогиню. Роле́ надѣлъ длинную гороховую юбку, на верхъ родъ кофты или душегрѣйки; обмоталъ около шеи красную шаль, поправилъ передъ зеркаломъ папильіоты, и хотѣлъ идти, но вдругъ опомнился и воротился.

— Что́ это я, съ ума сошелъ! сказалъ онъ. Это костюмъ на случай пожара или другой какой тревоги: всѣ люди перепугаются.

— Но время не терпитъ.

— Позвольте, позвольте! Я надѣну охотничье платье. Это очень скоро. Лосинныя исподни, черное полукафтанье.... Ну, папильіоты могутъ остаться.... Пойдемъ!

Корнель остался въ маленькой гостиной, и зажегъ пукъ свѣчей въ канделабрѣ, а Роле́ вошелъ въ уборную и разбудилъ мадамъ Дри. Мадамъ Дри перепугалась, раскричалась, и пока собралась идти въ спальню, герцогиня уже вышла въ уборную въ огромномъ чепцѣ, въ шубѣ и въ длинноносыхъ башмакахъ.

— Что́ случилось? спросила герцогиня.

— Г. Корнель хочетъ васъ видѣть.

— Теперь?

— Онъ въ гостиной.

Герцогиня сняла уродливый чепецъ, и приказала подать какую-нибудь наколку.

Мадамъ Дри, вынимая наколку изъ огромнаго шкафа, ворчала довольно громко: — Охота въ домѣ держать этихъ сумасшедшихъ! Бьюсь объ закладъ, онъ сочинилъ тираду; понравилась, некому прочесть: онъ давай будить герцогиню!

— Помилуйте, мадамъ Дри! Да эта наколка хорона для утреннихъ визитовъ: — дома ее надѣть нельзя.

— Еще бы вы, отвѣчала мадамъ Дри: всю французскую академію помѣстили въ палатахъ.... Чего добраго! Пустыхъ квартиръ много.

— Ахъ мадамъ Дри! Да это не наколка. Видите: съ кружевнымъ воалемъ. Это на свадьбу хорошо.

— А, можетъ-быть, онъ вздумалъ жениться; влюбленъ: не спится, вотъ онъ и пришелъ просить нашего совѣта.

— Да онъ женатъ, мадамъ Дри, женатъ.

— Такъ хочетъ развестись.

— Вотъ, давно бы такъ! сказала герцогиня, прикалывая простой кружевной чепецъ безъ донышка. Снимите цвѣты, мадамъ Дри: не кстати.

Наконецъ тоалетъ кончился, и герцогиня вышла къ Корнелю.

— Какое несчастіе встрѣтило моего друга? сказала герцогиня, садясь на софу.

Корнель разсказалъ.

— Роле!... Роле!.. Карету!... Мы ѣдемъ сейчасъ въ Рюэль. Помогите, Корнель, распорядиться отъѣздомъ, а я одѣнусь.

Герцогиня ушла въ уборную, а Корнель еще нѣсколько мгновеній оставался на-мѣстѣ въ пріятномъ раздумьѣ.

«Я полагаю сказалъ онъ про себя: что отъ сотворенія свѣта всѣ женщины, даже язычницы, не были лишены чувствъ милосердія и заступничества.»

—

ГЛАВА XXI.

ХОДАТАИ.

Передъ разсвѣтомъ блѣснула луна, и густыя мрачныя тучи заволокли снова серебряный подносъ, которымъ такъ любуются поэты. Карета Мазарини катилась мѣрно, но тихо, потому что, въ тѣ времена, дороги были такъ же дурны, какъ и государственные законы Франціи. И Мазарини и Депортъ приготовились къ допросу. Они полагали, что найдутъ кардинала одного; но вдругъ факелы освѣтили деревья, верховые съ ними проскакали впередъ, за ними огромная карета и телега, потомъ отрядъ всадниковъ.

— Кто бы это? сказалъ Мазарини. Вѣрно, въ Рюэль. Никто изъ секретарей такъ не ѣздитъ. Мы ужасно глупо сдѣлали: поѣхали безъ огней, даже безъ слуги.... Но, кажется уже близко.

Луна прорѣзала черную тучу и освѣтила рюэль-

ckія башенки. Оставалось до замка нѣсколько минутъ. Но въ тоже время Мазарини замѣтилъ на дорогѣ тѣнь слуги за каретой.

— Вѣрно, мой Луи догадался, сказалъ онъ, и, высунувъ голову, спросилъ: — Луи! это ты?

Слуга соскочилъ и бросился въ лѣсъ.

— Это Гойко! закричалъ Депортъ, отворилъ дверцы и бросился за нимъ въ погоню.

Но Гойко исчезъ въ чащѣ лѣса. Луна скрылась, и, промедливъ еще добрую четверть часа, путники, съ тяжелыми предчувствіями, отправились въ Рюэль. Главный мостъ былъ опущенъ; городскіе стрѣлки спѣшились, воткнули въ землю факелы, и, въ кучкѣ, толковали съ огромными Каталонцами. Новоприѣзжихъ осмотрѣли и пустили черезъ мостъ, а карету отослали дальше въ деревню или посадъ, расположенный въ двухъ стахъ шагахъ отъ замка и закрытый лѣсомъ. Тамъ жили отставные слуги кардинала.

Въ большой гостиной залѣ, украшенной знаменами и ключами городовъ, освѣщенной только пылающимъ каминомъ и краснымъ фонаремъ, стояли три жида въ христіанскомъ костюмѣ, въ цѣпяхъ и въ кандалахъ: даже головы ихъ были перевязаны надежными веревками. Входъ въ залу былъ прямо со двора. Вошелъ Гойко. Проходя мимо, онъ шепнулъ преступникамъ: — Молчать! Я васъ выручу! — и пропалъ въ темномъ углу залы. Почти вслѣдъ за нимъ, вошли Мазарини и Депортъ, а изъ отдѣленія, примыкавшаго къ залѣ допросовъ, Пуссенъ, де-Нойе, Шавиньи, Бріеннъ и городской

голова. Общее изумленіе. Пуссенъ обратился къ де-Нойе и значительно сказалъ: — Вы видите?

— Кардиналъ, отвѣчалъ де-Нойе: конечно, пріѣхалъ за тѣмъ же, и не откажетъ помочь намъ. Мы собираемся просить у кардинала-герцога прощенія капитану де-Вальеролю. Теперь уже все открылось. Онъ вовсе не участвовалъ въ вандомскомъ заговорѣ: не правдали, Шавиньи?

— Ни малѣйше! Онъ теперь преступникъ, а въ изгнаніи былъ невиннымъ страдальцемъ. Я такъ и бумагу заготовилъ: «Вмѣнить ему изгнаніе въ наказаніе за нарушеніе законовъ.»

— Мы можемъ, кардиналъ, надѣяться на ваше содѣйствіе? спросилъ де-Нойе.

— Увѣряю васъ, господа, я первый разъ слышу объ этомъ де-Вальеролѣ. Но.... просить буду.

Вбѣжали слуги и суетливо ставили на столы свѣчи.

— Что такое? спросилъ де-Нойе.

— Герцогиня пріѣхала!... герцогиня пріѣхала!

— Уберите этихъ жидовъ, сказалъ Шавиньи.

— Нѣтъ, нѣтъ! сказалъ де-Нойе. Ко мнѣ, ко мнѣ просите герцогиню, ко мнѣ въ покои!... Пойдемте, господа!

Слуги со свѣчами побѣжали въ отдѣленіе де-Нойе; за ними пошло все общество. Герцогиня съ Корнелемъ вошла въ небольшую гостиную де-Нойе, и не мало удивилась, найдя въ Рюэлѣ такое избранное общество передъ разсвѣтомъ.

— Любезный де-Нойе! сказала она, не сердитесь: мы пріѣхали съ просьбой.

— Приказывайте, герцогиня. Вы знаете, для васъ все возможно.

— Вы погубили этимъ мое честное имя. Несправедливыя милости всегда приписывали моему покровительству, а я, во всю жизнь свою, не просила за несправедливое дѣло.

— Объ чемъ же сегодня?

— Прощеніе капитану де-Вальеролю!

Депортъ и Мазарини задрожали отъ злости; прочіе также вздрогнули, но отъ удовольствія. Голова съ важностью замѣтилъ: — Кажется, это дѣло справедливо, если начальникъ города Парижа пріѣхалъ просить за Вальероля.

— Достойный человѣкъ! сказала герцогиня: вы начали свое управленіе благодѣяніями. Не останавливайтесь, идите далѣе по трудному пути.

— Кардинала Ришліё, съ возрастающею важностью произнесъ голова: обвиняютъ въ несправедливости и жестокости. Во все время моего управленія, я этого еще не замѣтилъ; имѣлъ дерзость дважды отвергнуть его предложенія, и счастіе получить согласіе на мои мнѣнія. Не скрою отъ васъ, господъ секретарей и ученыхъ: если я въ мелочахъ и уступаю его эминенціи, то изъ уваженія къ безпримѣрнымъ государственнымъ его заслугамъ.... Ни кому другому, ни кому другому! Парижъ ропщетъ и на эту заслуженную снисходительность. Но чего, Боже сохрани, оставитъ насъ кардиналъ.... Я уйму, обуздаю честолюбіе многихъ!

«Это та ужасная туча, подумалъ Мазарини, о

которой пророчилъ Ришліё. Посмотримъ, кто кого уйметъ и обуздаетъ!»

— Какой римскій характеръ! сказалъ Корнель Пуссену.

— А, покуда, подличаетъ.

Какъ тихо ни произнесъ Пуссенъ свое обвиненіе, голова однако жъ услышалъ.

— Любезный де-Нойе́! проводите жъ насъ къ кардиналу, сказала герцогиня.

— А вотъ сейчасъ. Рюзъ! сходи, узнай, проснулся ли кардиналъ.

— Позвольте, герцогиня, сказалъ Корнель, подводя къ ней Пуссена, представить вамъ величайшаго живописца нашего вѣка!

Герцогиня смутилась: такъ много дурнаго коснулось ея слуха, что она не нашлась что́ сказать, и только поклонилась. Пуссенъ также поклонился и отошелъ.

— Холодно же вы приняли перваго человѣка во Франціи! сказалъ Корнель съ выраженіе шутливаго упрека.

— Еще бы вы вздумали представлять мнѣ всѣхъ грубыхъ и нетрезвыхъ Французовъ, выросшихъ въ Транстеверре!

— Какая клевета! Я васъ насильно познакомлю: вы увидите, какъ безбожно лгутъ завистники. И, вѣрно, вамъ все это, съ сожалѣніемъ и печалью, разсказалъ какой-нибудь художникъ?

— Маркизъ Дезюмидъ.

— Такъ и есть!... И вотъ кто составляетъ мнѣніе! и вотъ какими путями!

Между-тѣмъ, въ другомъ углу Мазарини бесѣдовалъ съ де-Нойе.

— Быть не можетъ! почти воскликнулъ де-Нойе: онъ обѣдалъ у меня, велъ себя такъ скромно....

— Еще бы у васъ! отвѣчалъ Мазарини, и повторилъ всѣ сплетни Депорта и Дезюмида. Эвелина также не была забыта.

Де-Нойе вѣрилъ притворно. Мазарини забылъ министерскую хитрость: жаръ страсти распалялъ его злобу. Де-Нойе, сомнѣніями и восклицаніями, старался еще болѣе воспламенить мстительнаго Италіянца, и вынуть изъ сердца его сколько можно побольше тайнъ и намѣреній.

— Вы не поняли меня, въ то же время тихо говорилъ голова Пуссену, который пальцемъ на застывшемъ окнѣ рисовалъ око Провидѣнія: я все это говорилъ въ предостереженіе новому кардиналу, котораго непремѣнно, на зло здравому смыслу, хотятъ сдѣлать преемникомъ Ришліе. Что мы прощали Французу, того никогда не простимъ Италіянцу. Онъ понялъ предостереженіе: дай Богъ, чтобы послушался! Но, къ несчастію Франціи, въ немъ самолюбія и лукавства больше чѣмъ крови.

—

ГЛАВА XXII.

НЕОЖИДАННЫЙ ГОСТЬ.

Кардиналъ-герцогъ не спитъ: онъ читаетъ письмо отъ городскаго головы.

— Странно! сказалъ Ришліе, бросивъ письмо въ каминъ: я разрѣшалъ самые сложные узлы

политики, знаетъ что думаютъ короли и министры, и не могу порядочно познакомиться съ этими ничтожными тайнами Депорта!

Кардиналъ посмотрѣлъ на списокъ своихъ гостей и продолжалъ: — Мазарини пріѣхалъ, но я отъ него узнаю какую-нибудь искреннюю ложь; отъ Депорта ложную правду: они въ союзѣ; а мой глупый Эвоэ или устарѣлъ или позволилъ подкупить себя. Прочіе гости случайные. Но зачѣмъ пріѣхалъ голова? кчему эта забавная рекомендація? и что можетъ знать этотъ мелкій торговецъ, у котораго нѣтъ даже собственной лавки?... Можетъ-быть колдунъ!

Ришліё измѣнился въ лицѣ.

— Но чего бояться? Если онъ....

Кардиналъ зазвонилъ и приказалъ ввести Гойко. Гойко вошелъ въ знакомый намъ рюэльскій кабинетъ смѣло и бодро. Ришліё лежалъ въ креслахъ подъ одѣялами и теплыми одеждами: видно было только голову и руки. Онъ устремилъ на Гойка зоркіе сѣрые глаза и долго любовался его одушевленной еврейской физіономіей.

— Ты жидъ? спросилъ онъ тихо.

— Гдѣ теперь жиды, ваша эминенція! Я Филиппъ изъ Ліона, мелочной торговецъ, служу моимъ благодѣтелямъ городскому головѣ и раненному драгуну Гаспару Гаръ-Піону. Жаль, что ваша эминенція не можете быть мнѣ благодѣтелемъ, а то бы я и вамъ служилъ.

— Служа головѣ, ты служишь мнѣ, и наоборотъ: мы оба хлопочемъ о томъ же, только въ

разныхъ размѣрахъ. Но впрочемъ.... какъ знать? и я, лично, могу пригодиться: какъ ты думаешь?

— Я теперь боюсь только топора, а онъ въ рукахъ парламента.

— Ты полагаешь?

— Увѣренъ. По-крайней-мѣрѣ, для меня. Конечно, я новый человѣкъ на этомъ свѣтѣ, но много знаю: на то Богъ науку далъ.

Кардиналъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ и поблѣднѣлъ. Гойко вперилъ въ него свой огненный взглядъ: кардиналъ отвернулся.

— Что́ жъ, ты вѣрно гадаешь? спросилъ Ришліё почти шопотомъ.

— И гадаю. А то вѣдь какими путями мнѣ знать тайны вашей эминенціи?

Ришліё вскочилъ и запутался въ одѣялахъ. Паденіе было неизбѣжно; но Гойко поддержалъ, усадилъ кардинала, и покрылъ одѣялами.

— Какія тайны! какія тайны! задыхаясь спрашивалъ Ришліё.

— Да разныя! Наше дѣло мелочное; такъ я и занимаюсь пустяками; а объ важныхъ гадать дорого сто́итъ, да и не всегда удается.

— Пустое, пустое, я тебѣ не вѣрю, говорилъ кардиналъ, принужденно улыбаясь.

— Не вѣрьте: вамъ же покойнѣе.

— Не вѣрю! А все однако жъ велю пытать тебя!

— Пустое, пустое я вамъ не вѣрю: Что вамъ за охота лишнихъ часа три страдать коликой?

— Какъ?... что́?...

— А ваша эминенція вообразили, что вамъ судьба колику послала даромъ?... Нѣтъ! она у васъ шестое чувство. Вспомните, когда она у васъ появилась. Не помню кого вы это первaго казнили: я тогда былъ еще ребенкомъ. Съ тѣхъ поръ....

Кардинала покрыла смертная блѣдность. Гойко продолжалъ; — Съ тѣхъ поръ кого ни казнятъ, кого ни пытаютъ, а у васъ колика! Заплачетъ въ Седанѣ изгнанникъ отъ нищеты и болѣзни, а у васъ другая бѣда, stranguria! Ночью несчастные станутъ говорить про кардинала-герцога, а у него дурные сны.

Ришліё мрачно посмотрѣлъ на Гойко.

— Ступай съ Богомъ! сказалъ онъ; ты мнѣ не нуженъ. Гойко уходилъ.

— Постой! шепнулъ кардиналъ. А что́ же ты хотѣлъ мнѣ разсказать?

— Я? спросилъ Гойко.

— Ты.

— И не думалъ!

— Но мнѣ писалъ голова.

— Голова ошибся. Я только сказалъ, что если самъ кардиналъ спроситъ, буду отвѣчать, и то такъ, мимоходомъ это сказалъ, въ разговорѣ.

— Ну хорошо, я у тебя спрошу: кто у меня въ замкѣ?

— Гости.

— Да какіе?

— Ваша племянница, городской голова, Пуссенъ, Корнель, Мазарини, Депортъ, де-Нойё, Шавиньи, Бріеннъ и три невинные жида въ кандалахъ.

— Какъ невинные?

— Потому что сатиру писалъ Депортъ съ Сенъ-Марсомъ, печатали въ Михайловскомъ гнѣздѣ вашими буквами, и буквы украли заблаговременно, а жидовъ нарочно сманили въ кабачокъ, да пьянымъ мѣшки съ буквами и подложили.

— Ну, а про кого писана сатира?

— Про Мазарини.

— Нѣтъ женщина кто?

— Жена Депорта.

— А зачѣмъ же она мститъ?

— За старое, что писано, да за новое, что́ приписано.

— А что́ приписано?

— Про Эвелину.

— А Эвелина что́ на это!

— Плачетъ, да не объ этомъ.

— Объ чемъ же?

— Объ отцѣ своемъ, Вальеролѣ. Онъ, будто слуга Пуссена, въ Парижъ пріѣхалъ, дочь отнялъ у Депорта, а тотъ на ратушу, а голова и схватилъ Вальероля.

— Да когда же все это случилось?

— Вчера вечеромъ.

— А не знаешь ли кого любитъ Эвелина?

— Сенъ-Марса.

— На-вѣрное?

— На-вѣрное.

— А Сенъ-Марсъ?

— Любитъ.... про случай.

— Какъ про случай?

— Да, если на Маріи не дадутъ жениться.

— А есть ли на все это доказательства?

— Нѣтъ.

— А могутъ быть?

— Могутъ.

— Какимъ образомъ?

— Простите Вальероля.

— Нельзя: тогда ужь капитанъ не позволитъ Сенъ-Марсу волочиться за дочерью.

— Правда. Но и казнить капитана вы не будете.

— Хотѣлось бы, да....

Ришліё замолчалъ.

— Вижу, что твои свѣдѣнія огромны, сказалъ кардиналъ. Ты мнѣ нуженъ, Филиппъ, нуженъ. Говори: я окажу тебѣ благодѣяніе.

— Простите де-Вальероля, и я буду служить вашей эминенціи даромъ.

— Но почему ты хлопочешь объ Вальеролѣ?

— А онъ капитанъ моего раненнаго драгуна-благодѣтеля.

«А! подумалъ кардиналъ: вотъ чары, посредствомъ которыхъ онъ знаетъ такъ много!» — Хорошо, Филиппъ! ты будешь доволенъ. Ступай съ Богомъ.

— Не будетъ ли какихъ порученій отъ вашей эминенціи?

— Доказательство любви Сенъ-Марса къ Эвелинѣ, письменное доказательство.

— Не нужно ли чего поважнѣе?

— Ничего, ничего не нужно! Да и что́ можетъ быть важнѣе этого?

— Напримѣръ, испанскій трактатъ Гастона Орлеанскаго....

— Что такое? что такое?

Кардиналъ привсталъ. Черты его измѣнились: досада и любопытство четко были написаны на лицѣ, изрытомъ страданіями.

— Какой трактатъ?

— Станемъ говорить искренно, ваша эминенція. Подпишите вотъ этотъ смертный приговоръ тремъ невиннымъ жидамъ.

— Ты съ ума сошелъ! Самъ оправдалъ и самъ ищешь ихъ смерти!

— Боже меня сохрани! Люди достигаютъ невѣроятной степени искусства отъ выгоды и страха. Есть дѣла, для которыхъ надо употреблять оба средства. Наука открыла мнѣ тайну объ испанскомъ трактатѣ; она же научила меня и способамъ какъ получить его. Жизнь этихъ жидовъ должна быть въ рукахъ моихъ. Выгоды я самъ съумѣю изобрѣсти для нихъ. Не пройдетъ мѣсяца, трактатъ будетъ въ вашихъ рукахъ: только не медлите испанской войной.... Къ Перпиньяну! А, пока, подпишите эти бумагу.

— Да я не осуждаю на смерть: я не судъ.

— Тутъ все обдумано. Это только утвержденіе судебнаго приговора.

— Подложнаго!

— Будьте спокойны, ваша эминенція: его услышатъ только три невинные преступника, услышатъ однажды, и потомъ я сожгу его.

— Во всю жизнь ничего подобнаго со мной не случалось.

— Не забудьте, ваша эминенція, что во всю жизнь вашу не было такого дѣятельнаго заговора!

— Заговора?

— Вы слышите объ немъ ежедневно: вамъ доносятъ о шуткахъ, словахъ: васъ забавляютъ.... Но только одинъ маркизъ де-Кокъ знаетъ обстоятельно всю нить заговора, сообщниковъ, намѣренія, и, безъ нужды, не хочетъ дѣлиться своими свѣдѣніями.

— Маркизъ де-Кокъ! онъ надоѣлъ мнѣ: онъ бросаетъ и на меня клевету и ругательства.

— Случается. Только согласитесь, кардиналъ, вѣдь и вы ужасно всѣмъ надоѣли. Маркизъ говоритъ отъ лица Франціи. И чего онъ проситъ? Окончить трагедію, и начать что-нибудь повеселѣе, согласное съ національнымъ характеромъ.

— Но кто же этотъ маркизъ де-Кокъ?

— Я.

Наступило продолжительное молчаніе. Кардиналъ былъ пораженъ неожиданнымъ знакомствомъ съ ужаснымъ панфлетистомъ.

— Маркизъ! сказалъ мрачно кардиналъ; вы знаете судьбу вашу?

— Благодарю за языкъ свѣтской учтивости, кардиналъ! Знаю приговоръ ратуши: онъ записанъ въ ратушевыхъ актахъ, объявленъ и прибитъ на всѣхъ угольныхъ домахъ Парижа, и я только могу благодарить господъ членовъ за прилежное стараніе распространить мою славу.

— Дерзкій!.... Я позову Каталонцевъ!...

— Не знаю, будетъ ли вамъ выгодно продать откровеннаго Кока! Не знаю довольно ли плотны стѣны бастильскаго и венсенскаго замковъ? Ничего этого не знаю: не мое дѣло! Маркизъ де-Кокъ передъ вами.

— Чего же ты отъ меня хочешь? съ досадой сказалъ кардиналъ.

— Простите де-Вальероля и подпишите эту бумагу, а я вамъ за то доставлю копію, если не подлинникъ, испанскаго трактата.

— Ришліё подумалъ и отвѣчалъ: — Подпиши за меня!

— Слушаю, кардиналъ, но только въ вашемъ присутствіи.

Гойко подписалъ бумагу и, показывая ее кардиналу, спросилъ: — Похожа ли?

— До обмана! съ изумленіемъ произнесъ кардиналъ. Такъ не ты ли выдалъ рекомендательныя письма Фонтрайю, который подъ чужимъ именемъ отправился въ Испанію?

— А вы знаете, зачѣмъ онъ отправился въ Испанію?

— Не знаю, но на дняхъ получу донесенія.

— Сомнѣваюсь! Впрочемъ, если я вамъ и скажу, это не повредитъ дѣлу. Онъ поѣхалъ туда съ трактатомъ. Письма ему даны только къ вашимъ приверженцамъ. Вы не видали писемъ?.... Листы кругомъ, и вашею рукою?

Кардиналъ смѣялся, но сердце щемила досада.

— Но въ чемъ же заключается этотъ орлеанскій трактатъ?

— Не все вдругъ. Съ вами кардиналъ, всегда надо оставлять при себѣ небольшой запасъ: иначе, изъ вашего кабинета можно прогуляться прямо на Гревскую Площадь.

— Помилуй, помилуй! сказалъ кардиналъ, лукаво улыбаясь. Ну, ступай съ Богомъ! Довольно на нынѣшній день.

— Только не забудьте обѣщаній, ваша эминенція, сказалъ Гойко и скрылся.

— Прикажете звать гостей? спросилъ слуга, проводившій Гойко.

— Погоди! Позови капитана Каталонцевъ!

Вошелъ Тромбара.

— Капитанъ! сказалъ кардиналъ по-испански: день и ночь я хлопочу о благоденствіи вашей страны.... Заплатите мнѣ за эти хлопоты!

— Приказывайте, покровитель и защитникъ бѣдной Каталоніи!

— Есть въ Парижѣ маркизъ де-Кокъ, жидъ Гойко, Филиппъ изъ Ліона: это три имени одного и того же человѣка. Онъ сейчасъ выйдетъ изъ моего замка съ тремя жидами, которыхъ привели вчера. Дайте ему отойти отъ Рюэля подальше и...

Кардиналъ остановился.

— Что же прикажете съ ними сдѣлать? спросилъ Тромбара.

— Отправить на тотъ свѣтъ!

—

ГЛАВА XXIII.

ПРИГОВОРЪ.

Тромбара оставилъ кардинала въ сильномъ волненіи: онъ разметалъ уже одѣяла и подушки.

«Ты мнѣ не нуженъ, маркизъ! говорилъ онъ вполголоса: не нуженъ! Фонтрайя поймаемъ и безъ тебя: поручимъ Бріенну.... поручимъ Фаберу.... Шомбергу.... онъ не проскользнетъ во Францію... Нѣтъ, маркизъ, ты мнѣ не нуженъ! Такіе люди болѣе опасны нежели полезны.... Жаль, если Сенъ-Марсъ не участвуетъ въ трактатѣ!... И какой трактатъ?... Впрочемъ жаль! можно бы его продержать денька три, четыре, пытать, допросить, а потомъ.... въ воду!... Нѣтъ! волшебники есть; никто меня не переувѣрить: есть; есть! Теперь ему и не снится опасность; онъ счастливъ моею милостью. Противъ внезапности не отколдуется. А Вальеролю головку долой: не умничай!... Дочь! Вотъ выдумалъ!... Она моя, мое орудіе, удочка, нужда!» — Зовите.... кто тамъ.... зовите всѣхъ!

Такъ метались мысли Ришліё, и лицо отражало ихъ безпорядочное волненіе. Первая вошла герцогиня; за ней государственные секретари. Мазарини, де-Нойе и Шавиньи, потомъ голова, за нимъ Депортъ, наконецъ Пуссенъ и Корнель.

— Я знаю зачѣмъ вы пріѣхали, пронзительнымъ голосомъ сказалъ кардиналъ: знаю, знаю! Не говорите: не слушаю. Законъ неумолимъ.

Сильный припадокъ колики прервалъ рѣчь кардинала.

— Близко, близко! мѣшая слова со стонами, говорилъ Ришліё, Тромбара не далъ и отойти подальше.

Изъ горла хлынула кровь, и чувства оставили кардинала.

Гости съ ужасомъ окружили кресла. Прибѣжали врачи. Но обморокъ кардинала продолжался не долго. Открывъ глаза, Ришліё сказалъ шопотомъ: — Они умерли!

— Лучше ли вамъ, дядюшка? спросила герцогиня.

— Ничего, ничего, все прошло, отвѣчалъ онъ, приподнимаясь, и глазами искалъ чего-то, но пре усмотрительные врачи скрыли даже признаки кро

Ришліё совершенно успокоился, и, не прош четверти часа, онъ сталъ уже улыбаться.

— Благодареніе Богу! сказалъ онъ весело; ч вергъ у меня всегда тяжелый день, а здоро очень нужно. Не правда ли, Шавиньи?

Солнце сквозило въ малиновые занавѣсы. лица были прирумянены отраженіемъ свѣта; общество старалось казаться веселымъ, чтобы хранить веселое расположеніе и въ кардиналѣ

— А! дорогой преступникъ! сказалъ Ри обратясь къ Пуссену: благодарю за посѣщ Останьтесь у меня денька два въ Рюэлѣ: вершенно оправлюсь. Присутствіе чистаго, д дѣтельнаго человѣка цѣлительно. Что не при вы съ собой рисунковъ, чего-нибудь такого

— Вчера я получилъ изъ Рима мои карт поспѣшилъ лично представить въ Рюэль нѣкз ныя для вашей эминенціи.

— Ради самого Неба, покажите!.

— Пуссенъ подличаетъ, сказалъ голова Корнелю.

Пуссенъ улыбнулся и вышелъ.

— Ну, а ты что? спросилъ кардиналъ, обращаясь къ Корнелю.

— Онъ пріѣхалъ со мною, прервала герцогиня.

— Неразлучные!... Но не бойтесь клеветы: я думаю, маркизъ де-Кокъ не напишетъ ужъ ни одной сатиры.... А сатира на васъ, кардиналъ, не дурна!

Мазарини покраснѣлъ и, запинаясь, отвѣчалъ:— Клевета, ваша эминенція, клевета.

— Будто я говорю, что я вѣрю! Стихи не дурны, и я не зналъ за Филиппомъ такого таланта.

— Какъ ваша эминенція?

— Послѣ, послѣ!... Что скажетъ мой добрый блюститель порядка?

— Я пріѣхалъ, отвѣчалъ голова, просить помилованія капитану де-Вальеролю.

— У васъ есть законы: что тамъ сказано.

— Иногда, ваша эминенція, summum jus summa injuria.

— Это ужъ дѣло вашей совѣсти. Оправдайте, если можете; ошибся! если смѣете.

— Ваша эминенція! и я присоединю мою просьбу, сказалъ де-Нойé.

За нимъ и всѣ присутствующіе, кто съ жаромъ, кто нé-хотя, проговорили: — И я! и я!

И я! сказалъ Пуссенъ, держа въ рукахъ превосходную вакханалію.

— Какъ вамъ не стыдно, господа? сказалъ

кардиналъ, улыбаясь. Во-первыхъ, это похоже на заговоръ; во-вторыхъ, взятки; въ-третьихъ, г. Пуссенъ, вы только тѣмъ и сами можете оправдаться, что не знали кто вашъ слуга.

— Зналъ ваша эминенція; но, признаюсь, печаль отца....

— Оставимъ безполезный разговоръ. Голова на лицо: онъ знаетъ законы, а мы не въ свои дѣла мѣшаться не станемъ.

— Конечно, ваша эминенція, конечно, сурово, отвѣчалъ голова: вы знаете мои правила и убѣждены, что я оправдаю капитана де-Вальероля. Сколько силъ будетъ, ваша эминенція, сколько силъ будетъ....

— Господинъ голова! прервалъ съ гордостью Пуссенъ: какое наказаніе за мое преступленіе положено законами?

— Вѣчное изгнаніе изъ предѣловъ Франціи!

— О! умоляю васъ, поспѣшите справедливымъ приговоромъ! Я рѣшительно преступникъ: я буду требовать себѣ наказанія.

Кардиналъ измѣнился въ лицѣ.

— Друзья мои! сказалъ онъ, стараясь смягчить голосъ: неужели вы думаете, что одна жажда кров....

Кардиналъ не могъ кончить словъ, оглянулся, и продолжалъ: — Неужели вы думаете, что одна жестокость управляетъ моими поступками!... Нѣтъ! я создалъ законы новой Франціи, я создалъ....

Кардиналъ опять остановился, и опять, помолчавъ, продолжалъ: — Кто же будетъ повиноватьъ-

ся игрушкамъ? Все, что могу я сдѣлать, это смягчитъ приговоръ. И объявлю рѣшительное мое мнѣніе: слушайте! Господинъ голова, возвратясь въ Парижъ, втеченіи получаса, вышлетъ капитана де-Вальероля, съ надежными людьми, изъ столицы, *одного*, — слышите? — только *одного*, безъ дочери, а втеченіи четырехъ дней преступникъ не долженъ находиться въ предѣлахъ Франціи, какъ-будто бы онъ и не возвращался изъ-за чужихъ земель.... Господинъ голова! остальное на вашей отвѣтственности!

Кардиналъ, къ общему удивленію, всталъ, и довольно бодро ушелъ въ спальню. Всѣ были поражены неожиданной развязкой.

— Что намъ дѣлать? спросилъ Пуссенъ.

Голова отвѣчалъ угрюмо! — Повиноваться!

РЕТИРАДА.

J'ai vu le chat brûlé à la patte subtile
Ravir des mains d'autrui le paquet amoureux;
Mais on ne diroit pas qu'il fût sans croix ni pile,
Car il porte la croix et il pille de mieux.
„J'ai vu, qu'a tu vu.“ 1616.

—

ГЛАВА I.

КАРЕТЫ.

Гойко и три *невинные* жида проходили черезъ мостъ рюэльскаго замка. За ними медленно подвигался отрядъ Каталонцевъ на лошадяхъ, съ капитаномъ Тромбарой. Освобожденные изъ рукъ вѣрной смерти, жиды шли весело, но Гойко оглядывался и почесывался.

— Что съ тобой, Самуилъ? спрашивали спутники.

— Да не ладно: за нами посланы вотъ эти усачи каталонскіе.

— Что за вздоръ? почти вскрикнулъ Ефраимъ.

— Да ужъ вѣрьте, цыплята, *пятухи*, сказалъ Гойко, намекая на прозвище своего маркизата. Постойте?... Замокъ не далеко. Видно, не приказано насъ трогать у замка.... Назадъ!

— Что ты это, Гойко?... съ ума сошелъ!

— Говорю, за мной! отвѣчалъ Гойко рѣшительно, и шибко пошелъ на встрѣчу Тромбарѣ.

Отрядъ остановился.

— А-га! такъ и есть! шопотомъ сказалъ Гойко, и, стараясь закрыть лицо, пробирался въ замокъ.

Жиды невольно за нимъ слѣдовали.

— Куда? спросилъ Тромбара.

— Забыли кое-что въ замкѣ. А вы куда, капитанъ? Если въ Парижъ, обождите пять минутъ: и мы съ вами. Вы въ Парижъ не за дѣломъ, поѣдете шажкомъ: такъ все-таки безопаснѣе съ военными людьми.

— Пожалуй, пожалуй!... и намъ будетъ веселѣе! сказалъ Тромбара съ глупой улыбкой. Только проворнѣе. Мы васъ обождемъ.

— Дожидайся! проворчалъ Гойко, и взошелъ на главный дворъ рюэльскаго замка.

— А что? сказалъ онъ, обращаясь къ товарищамъ, не угадалъ?

Блѣдные жиды тряслись какъ листья и пищали: —Самуилъ, Самуилъ! что съ нами будетъ?

— Тутъ безопасно! подумаемъ! отвѣчалъ Гойко, и присѣлъ на цѣпи у крылечныхъ балясъ.

— Сходи опять къ кардиналу, сказалъ Ефраимъ.

— Дурачьё! Испугать можно, разъ, а за вторымъ самого напугаютъ.... И всё отъ того, что пересолилъ! съ-дуру выболталъ такія тайны, за которыя могъ бы жить въ Парижѣ на кардинальскій счетъ.... Поспѣшимъ!—Глянь, Ефраимъ, гдѣ Каталонцы..

Ефраимъ посмотрѣлъ въ ворота и, дрожа, отвѣчалъ:

— На пригоркѣ.

— Тутъ, кажется, и дороги другой нѣтъ.

— Нѣтъ, Самуилъ: во всемъ замкѣ одинъ мостъ и одни ворота. Дорога направо въ Парижъ, а налѣво въ посадъ, а за посадомъ стѣна: тамъ аустерія и конюшни для гостей.

— Вторая глупость! сами себя заперли!

— Что же съ нами будетъ?

— Молчать!

Шесть Каталонцевъ проходили дворъ, смѣняя стражу. Часовой у воротъ, поглядывая на жидовъ, перешепнулся съ преемникомъ.

— Э-ге-ге! почесываясь сказалъ Гойко: и эти за-одно съ кардиналомъ.... Поскорѣй вонъ изъ замка!

Пошли; Гойко послѣдній. На мосту жиды невольно попятились, увидѣвъ Каталонцевъ.

— Не останавливаться! крикнулъ Гойко. Налѣво! въ посадъ! ровнымъ шагомъ!

Жиды, дрожа, повиновались. Каталонецъ верхомъ скакалъ во весь опоръ за ними. Жиды кинулись-было бѣжать, но Гойко скомандовалъ, и они, не смѣя оглянуться, снова пошли шагомъ.

— Ну что же вы? кричалъ Каталонецъ: капитанъ долго ждать не станетъ.

— Сейчасъ, сейчасъ отвѣчалъ Гойко. Виноваты ли мы, что вещи наши на посадъ отнесли?... Пошли скорѣе, лѣнтяи!... Доложи капитану, что мы и двухъ минутъ на посадѣ не пробудемъ.

Каталонецъ воротился, а Гойко со свитой повернулъ въ посадъ, искусно закрытый отъ парижской дороги красивымъ прочищеннымъ лѣсомъ. Тамъ, на посадѣ, у небольшой сельской аустеріи, стояли три огромныя кареты, двѣ въ осемь лошадей, одна въ шесть. Кучера бесѣдовали въ аустеріи, а благородныя животныя думали обычную думу. Гойко посмотрѣлъ въ одну карету и сказалъ: — Это вѣрно городская: нѣтъ и занавѣсокъ! Голова на-показъ бѣденъ. А вотъ карета Мазарини.... Садись!

— Что ты, Гойко? спросили товарищи боязливо и отступая.

— Садись, говорятъ вамъ!

Жиды усѣлись.

— Задерни занавѣски!

Задернули.

— Теперь сидите смирно! сказалъ Гойко и пошелъ въ аустерію.

Кучера продолжали спокойно бесѣдовать.

— Кто изъ васъ Ромуальдъ кардинала Мазарини? сурово спросилъ Гойко.

Ромуальдъ, допивъ на-скоро стаканъ, всталъ, оправился, и отвѣчалъ вопросомъ: — А что?

— Поѣзжай въ Парижъ, да скажи Луи дурака. Гдѣ синяя папка кардинальская съ бумагами. Что кардиналъ будетъ теперь докладывать?... Болванъ! Чего добраго, еще уронилъ съ просонья на улицѣ.... Мерзавецъ! А кардиналъ его еще въ холѣ держитъ, въ бархатъ наряжаетъ. Да и ты: чутъ

къ аустеріи, и лошадей бросилъ! Ступай, садись, и за папкой! проворнѣе! навскачь! Слышишь!

Ромуальдъ бѣгомъ бросился къ каретѣ, вскочилъ на козлы, щелкнулъ бичомъ, и осьмерикъ умчалъ дрожащихъ жидовъ.

— Хозяйка, вина! сказалъ Гойко! и потомъ про-себя шопотомъ прибавилъ:—Третья глупость: и мнѣ бы съ ними!

Подали вино.

— Не мнѣ одному! Я одинъ не пью. Всѣмъ вина.

— Какъ? и городскимъ стрѣлкамъ? спросила хозяйка.

— Дура! Всѣмъ, значитъ всѣмъ. — А что ты прилегъ, сосѣдъ? спросилъ Гойко, подходя къ городскому стрѣлку, который лежалъ на скамьѣ и охалъ.

— Да вотъ нечистый попуталъ, отвѣчалъ стрѣлокъ. Отъ дороги, что́ли, всего изломало: спина болитъ....

— И на спину вина, и въ брюхо вина! сказалъ Гойко, ощупывая у больнаго спину. Э, братъ! только тебѣ ѣхать нельзя!... Пускай, хозяйка, онъ у васъ денёкъ пролежитъ. Вотъ тебѣ и деньги за него. А потомъ найми тележку, да съ надежнымъ человѣкомъ въ Парижъ отправь. А не то, будетъ зло....

— Да изъ чего ваша милость за меня платить изволите!

— По дружбѣ къ господину головѣ. И я сегодня здѣсь по его милости: дай Богъ ему здоровья! Только ты верхомъ, а я пѣшкомъ: ѣхалъ, ѣхалъ,

да на полпути колесо крякъ! Тамъ я думаю и до-сихъ-поръ лежитъ на дорогѣ; а кучеръ, вѣрно, на трехъ до Парижа добрелъ.

— Возьмите мою лошадь, жалобно сказалъ стрѣлокъ.

— Спасибо. А кому отдать?

— Да вотъ кто-нибудь изъ нашихъ пріймет.

— Карету городскаго головы! закричалъ съ площади ливрейный лакей.

Кучера бросились къ каретамъ, стрѣлки къ лошадямъ, а Гойко по указанію, вскочилъ на свободнаго коня и, вмѣстѣ съ прочими стрѣлками, подъѣхалъ къ мосту.

На мосту стояли голова, Пуссенъ и Корнель.

— Умоляемъ васъ! провожая голову, говорилъ Пуссенъ: промедлите этимъ страшнымъ, несправедливымъ приговоромъ.

— Не могу. Для васъ я задержалъ бы часы, солнце; но у кардинала милліонъ глазъ, милліонъ ушей.... Не могу!

— Какъ вы думаете, Корнель? не уѣхать ли и мнѣ? сказалъ Пуссенъ.

— Не совѣтую, замѣтилъ голова. Вмѣстѣ что-нибудь выторгуете.

Корнель знаками подтверждалъ мнѣніе головы.

— А! и ты здѣсь! сказалъ голова, увидѣвъ Гойка между стрѣлками. Садись лучше въ карету. Я думаю, тебѣ есть что поразсказать а мнѣ послушать.

Гойко уже сидѣлъ возлѣ головы. Занавѣски за-

дернулись, раздалось щелканье бича, и повозка мѣрно покатился въ Парижъ.

Проѣзжая мимо Каталонцевъ, голова поклонился капитану, а Гойко, побѣднѣвъ, опустилъ голову и закрылъ рукою глаза. «Четвертая глупость! подумалъ онъ! надо было задернуть занавѣску и съ той стороны.»

— И лучше! сказалъ капитанъ: по-крайней-мѣрѣ насъ избавили отъ убійства. Пускай его казнятъ судомъ. Пойти доложить кардиналу.

— А гдѣ же трое товарищей? спросилъ Каталонецъ.

— Вѣрно, опять въ кандалы заковали, отвѣчалъ капитанъ, и спокойно поѣхалъ съ отрядомъ въ замокъ.

—

— Ну, что ты, Гойко? сказалъ голова: слышалъ, чѣмъ порѣшилъ кардиналъ? Въ пол-часа отправить капитана изъ Парижа, въ четыре дня изъ Франціи.... Надо съ ума сойти! Что я успѣю въ пол-часа сдѣлать?... Въ пол-часа! Развѣ свою карету дать? знаешь, старую, синюю?... Для дороги хороша....

— Благодѣтель мой! отвѣчалъ Гойко: вы знаете: что я служу вамъ и вѣрно и усердно. Вы дали намъ съ Сарой гражданство и безопасность. Я еще не успѣлъ ничѣмъ отплатить вамъ...

— Ну, такъ что же? спросилъ голова.

— А вотъ что. Я вывезу Вальероля въ вашей каретѣ за границу, а потомъ, въ той же каретѣ

ворочусь. Лошадей не нужно: только свистну на рынкѣ, будутъ! Ужъ мнѣ, вѣрно, на роду написано въ чужихъ каретахъ разъѣзжать. Вы только конвой приготовьте.

— Преумно! преумно!... А сколько, ты полагаешь, нужно денегъ?

— Триста добрыхъ пистолей: а вамъ заплатитъ кардиналъ. Вѣдь высылаютъ безъ суда, по волѣ Ришліё: онъ и плати! У васъ же есть всегда съ нимъ счеты.

— А ты какъ знаешь?

— Да не вы ли сами вчера сказали?

«Вотъ глупо, подумалъ голова: если я и вправду обмолвился!» — Ну, быть потво́ему! сказалъ онъ громко.

— Стой! закричалъ Гойко.

Карета остановилась.

— Что́ ты хочешь дѣлать?

— Да что́ мы? ракомъ полземъ! Я возьму у стрѣлковъ свободную лошадь и въ три мига буду въ Парижѣ. Пока вы дотащитесь до ратуши со всею важностью, приличною вашему сану, я все приготовлю. Тогда не трудно будетъ въ пол-часа исполнить волю кардинала.

— Голова согласился, и Гойко ускакалъ. Онъ еще былъ въ виду, какъ Тромбара съ Каталонцами остановилъ карету головы.

— Гдѣ Гойко? спросилъ Тромбара.

— Ускакалъ въ Парижъ.

— Не можетъ быть! Онъ гдѣ-нибудь здѣсь у васъ спрятался.

— Ищите.

— Тромбара отдернулъ занавѣску и убѣдился въ истинѣ.

— Да вотъ онъ! сказалъ голова, указывая на дорогу.

Едва примѣтной точкой чернѣлся Гойко на ясномъ горизонтѣ. Тромбара вскочилъ на коня, и весь отрядъ срѣлою полетѣлъ къ Парижу.

—

ГЛАВА II.

ДЕНЬ БЛАГОДАРНОСТИ.

Голова пріѣхалъ прямо къ городской ратушѣ. Старшины чинно и безмолвно уже сидѣли въ залѣ за перегородкой. Народъ во множествѣ стоялъ на паперти, и спорилъ съ городскими срѣлками. Имя капитана де-Вальероля было у всѣхъ на языкѣ; но стрѣлки толковали народу, что голова поѣхалъ просить прощенія и скоро привезетъ радостное извѣстіе. Едва показалась торжественная городская карета, чернь окружила ее, и, примѣтивъ, что голова въ хорошемъ расположеніи духа, привѣтствовала его и поздравляла. Голова, ласково кланяясь на обѣ стороны, вошелъ въ залу засѣданій. Старшины, исполнивъ предписанный законами церемоніялъ торжественнаго входа головы, почти единогласно спросили, что̀ будетъ съ де-Вальеролемъ.

— Съ какимъ де-Вальеролемъ, господа? сказалъ голова, съ видомъ удивленія. Мы захватили слугу г. Пуссена по ложному доносу. Все обнаружилось. Прошу считать капитана де-Вальероля по-прежнему

государственнымъ изгнанникомъ, находящимся внѣ предѣловъ Франціи; прошу такъ записать и въ актахъ. Особенныя порученія кардинала-герцога не позволяютъ мнѣ сегодня заниматься дѣлами. Засѣданіе отлагается до вечера.

Голова всталъ и заднимъ крыльцомъ отправился домой. Старшины кое-какъ успокоили народъ. Все утихло на ратушевой площади.

Подходя къ своему дому, голова былъ изумленъ исправностью Гойка: старая синяя карета стояла уже у крыльца; Гаръ-Піонъ помогалъ тремъ проворнымъ парнямъ запрягать добрый шестерикъ лошадей смѣшанной андалузской породы. Удивленіе головы возросло еще болѣе, когда онъ увидѣлъ у воротъ своихъ капитана Тромбару съ Каталонцами.

«Вѣрно, подумалъ онъ: Гойко попалъ въ большую дружбу къ кардиналу, если Тромбара за нимъ гоняется по всему Парижу.»

— Гдѣ Гойко? грубо спросилъ Тромбара.

— Гдѣ Гойко? отвѣчалъ Гаръ-Піонъ: да вы бы у меня спросили! Швейцарскій капитанъ кардинала остановилъ его на улицѣ и повелъ въ ришліёвскій дворецъ, въ типографію: видно слѣдствіе какое.

Тромбара со злости сильно ударилъ ногами въ брюхо лошади.

— Проклятые Швейцарцы! бормоталъ онъ: черти! всегда у насъ добычу выпиваютъ.... Постой! дай Богъ только поссориться, я исковеркаю цвѣточную рожу, съ малиновымъ носомъ, этого альпійскаго попугая!... Впередъ!

И отрядъ шагомъ, медленно, потащился на мостъ.

Городской голова вошелъ въ гостиную. Капитанъ де-Вальероль ходилъ изъ угла въ уголъ скорыми шагами. Спокойствіе было написано на прекрасномъ его лицѣ. Голова объявилъ волю кардинала.

— Милость великая! сказалъ капитанъ: неожиданная! Я считалъ себя на канунѣ смерти; всѣ надежды мои не простирались далѣе Бастиліи; я уже воображалъ какъ въ темницѣ представлюсь маршалу Бассомпіеру, какъ онъ, и въ заключеніи, встрѣтитъ меня остроумными шутками.... и вдругъ такая милость! Достойный сановникъ, конечно, я вамъ ею обязанъ. Доверните же вани благодѣянія, пошлите за Эвелиной. Мы отправимся и вѣчно будемъ прославлять милосердіе кардинала.

— Капитанъ, простите, я долженъ отказать вамъ въ этомъ счастіи.... Васъ одинъ приказано отправить, однихъ, въ теченіе получаса: остается десять минутъ....

— Все готово! сказалъ Гойко, входя въ комнату въ кучерскомъ платьѣ, въ огромныхъ сапогахъ, въ рыжемъ парикѣ, и прихрамывая.

— Гойко! воскликнулъ съ ужасомъ голова: тебя ищутъ!

— Искали; но мы объяснились, и я больше имъ не нуженъ до возвращенія. Но пожалуйте же намъ, для формы бумагу въ Ліонъ, а не то, господинъ голова, мы не уѣдемъ далеко.

— А вы развѣ на Ліонъ?

— На Ліонъ, капитанъ, на Ліонъ.... не такъ ли? Капитанъ молчалъ. Голова писалъ бумагу.

— Но я не знаю, какъ мнѣ отпустить тебя, Гойко: кажется, ты нуженъ....

— Благодѣтель! сказалъ Гойко: меня хотятъ повѣсить!

— За что?

— Не спрашивайте.... молчите.... вы меня не видали.... пусть ищутъ.... А вы, господинъ капитанъ, будьте спокойны: наши и ваши дамы пріѣдутъ по первому письму, куда назначимъ. Гаръ-Піонъ всѣхъ ихъ привезетъ. И деньги у нихъ есть, и г. Пуссенъ поможетъ, и все будетъ хорошо. Остается пять минутъ для нашей безопасности.... Ѣдемъ!

— Простите, капитанъ! вотъ вамъ честное слово, я приму отцовское участіе въ судьбѣ вашей дочери! сказалъ голова, обнимая де-Вальероля.

— И въ судьбѣ Джудиты! сказалъ капитанъ.

— И въ судьбѣ Сары! шепнулъ Гойко.

— Всѣхъ, всѣхъ! отвѣчалъ голова со слезами. Беззащитной невинности — покровомъ Богъ и земная власть закона. Простите!... Гойко, ты мнѣ служилъ вѣрно, и я, кажется, умѣю быть благодарнымъ.

— Погодите, господинъ голова, я вернусь въ вашей каретѣ, когда уже кардинала будетъ допрашивать Всевышній!

Голова вздрогнулъ. Окна задребезжали.

— Смотрите! сказалъ Гойко, и всѣ оглянулись.

Сильный градъ, въ голубиное яйцо, разбивалъ стекла и стучалъ въ ставни.

— Не первое предвѣстіе! Онъ не увидитъ новаго года.... Ѣдемъ! Мы не успѣемъ выѣхать за лионскую заставу....

Градъ пересталъ, и солнце освѣтило грязную улицу. Бичъ захлопалъ: кони рванулись. Гаръ-Піонъ и голова безмолвно смотрѣли вслѣдъ изгнанникамъ.

— Такъ-то, любезный! сказалъ голова.

— Такъ-то, господинъ голова! отвѣчалъ Гаръ-Піонъ.

— Я обѣщалъ помочь и Эвелинѣ и какой-то Джудитѣ, и бѣдной Сарѣ.... да какъ и чѣмъ я помогу имъ?

— Сидите смирно, отвѣчалъ Гаръ-Піонъ. Ваше дѣло помогать, когда попросятъ, а если что́ нужно будетъ, я у васъ и попрошу, а вы и сдѣлаете.

— Хорошо, любезный другъ, хорошо! Дѣлать добро я люблю.

— За то и Парижъ васъ любитъ.

— И не такъ еще полюбитъ! Скоро ратуша заговоритъ иначе, особенно если слова моего Гойки сбудутся.

— А что онъ сказалъ, господинъ голова?

— Да такъ, притчу. Не знаю, зачто я полюбилъ этого жидёнка.

— Вотъ и я тоже, господинъ голова, никакъ этого понять не могу. Грѣшенъ нечего сказать, друженъ съ жидомъ. Каждую субботу къ исповѣди хожу, а всё-таки люблю: такой благодарный!

— И умный.

— И ученый.

— И хитрый.

— Для враговъ!... Представьте, господинъ голова! вчера только узналъ я, и то случайно, что знаменитый нашъ маркизъ де-Кокъ — Гойко!

Голова побледнелъ.

— Быть не можетъ!... Онъ и на ратушу пасквили писалъ!

— Пока Сара была въ темницѣ. А потомъ, помните книжонку «Добрый Голова?»

— Какъ же, какъ же! улыбаясь отвѣчалъ голова. Такъ и это его?... Очень пріятно. Какой благодарный человѣкъ! Но слава Богу, что уѣхалъ изъ Парижа!

—

Въ квартирѣ новаго и добровольнаго изгнанника, Джироламо и Джованни прилежно и громко учили свои уроки. Джудита любовалась красотой Сары, Сара красотой Джудиты: обѣ сидѣли за рукодѣльемъ.

— Я очень неспокойна, сказала Сара: Гойко такъ тревожно простился со мною и утащилъ Гаръ-Шіона.

— Жаль, что я спала, не могла разспросить, отвѣчала Джудита. Всю ночь я и глазъ не свела: за то утромъ сонъ одолѣлъ, и я проспала нѣсколько часовъ безъ сновидѣнія.

— Онъ такъ никогда не прощался со мною; даже въ темницѣ я была счастливѣе, сказала Сара, и задумалась.

Джудита также была погружена въ размышленіе. Ей на яву снился Вальероль. Она сравнивала нѣжнаго, мечтательнаго юношу Вальтелинской Долины съ этимъ сильнымъ, плотнымъ мужчиной, котораго она недавно обнимала въ вандомскихъ палатахъ. Волоса у него уже были съ просѣдью; несчастія изрыли морщинами лобъ; но онъ былъ во сто кратъ очаровательнѣе вальтелинскаго Вальероля.... И какъ это естественно! Между первымъ и послѣднимъ свиданіемъ протекло пятнадцать лѣтъ! и какихъ лѣтъ!... Слезъ, стыда, неудачной мести, тяжкихъ потерь, безпрерывныхъ надеждъ заплатить Джуліо за всю полноту несчастія, не ножемъ, не ядомъ, не стыдомъ: нѣтъ, нѣтъ! чѣмъ же?... она и сама не знала; но тайная жажда создала въ ея кипящемъ воображеніи какой-то неопредѣленный идеалъ мести; сердце больное, покрытое безчисленными язвами, въ постоянномъ раздраженіи, хранило дикую вѣру, что эта мечта когда-нибудь осуществится. Появленіе Вальероля не могло быть цѣлебнымъ.... нѣтъ! онъ снялъ кору съ самыхъ глубокихъ ранъ; признаніе въ любви зажгло ихъ новымъ, ядовитымъ огнемъ. Онъ повиновался обязанностямъ, онъ умѣлъ такъ долго быть вѣрнымъ, добродѣтельнымъ, несчастнымъ; а она?... Теперь онъ можетъ располагать своимъ сердцемъ и рукою, свобода Джудиты въ ея власти; а дѣти? а месть? а эти ненавистныя дѣти?... Неужели въ такомъ романѣ можетъ быть благополучная развязка?... Нѣтъ! къ прежнимъ ужаснымъ, едва выносимымъ, чувствамъ прибавилось новое — безна-

дежность, и глаза Джудиты, ничего не видя, разбѣгались по широкой и грязной улицѣ пустыннаго предмѣстья.

Гаръ-Піонъ шелъ впереди, за нимъ городскія носилки и двѣнадцать пѣшихъ стрѣлковъ.

— Кого это несутъ къ намъ? спросила Сара. когда носилки повернули къ воротамъ.

Вошелъ голова съ Гаръ-Піономъ. Женщины перепугались.

— Радъ, сказалъ голова: очень радъ, что нахожу васъ дома. Мы исполнили тяжкій долгъ: отправили вашего друга и твоего мужа за границу.

— Куда? вскрикнули обѣ.

— Будьте спокойны, и благословляйте милосердіе кардинала-герцога. Обоимъ слѣдовала смертная казнь: кончилось ссылкой.

— А Гойко за что? спросила Сара.

— Высланъ не Гойко, а маркизъ де-Кокъ.... Крѣпко шалитъ!... Но и вамъ здѣсь не безопасно.

— Какъ? да мы въ чемъ же виноваты? спросила Джудита покраснѣвъ.

— Будто во Франціи въ наше время есть невинные! отвѣчалъ голова. Всѣ виноваты! Но всѣхъ вдругъ наказать нельзя: мы и устроили очередь. Кто первый поутру на глаза, тащи его къ допросу!

Голова горько улыбнулся и, помолчавъ, продолжалъ: — На нынѣшній день довольно и двухъ. Станемъ принимать мѣры, чтобы не быть назначенными жертвами на завтра. Что вы намѣрены дѣлать, Джудита?

— Простите моему смущенію, господа. Я отдаю себя совершенно подъ вашу защиту.

— Но я желалъ бы знать ваши намѣренія.

— Первое, разстаться, развестись съ Депортомъ! Онъ мнѣ мужъ....

Джудита остановилась, взглянувъ на дѣтей.

— Разводъ дѣло здѣшняго епископа: ратуша въ этомъ вамъ пособить не можетъ. А просить епископа, написать вамъ нужныя бумаги.... это дѣло другое, и я готовъ къ вашимъ услугамъ. Нѣтъ ли еще какихъ желаній, Джудита?

— О! есть, есть! если вы такъ добры. Возьмите дѣтей моихъ; отдайте ихъ куда угодно: пускай учатся. Я хочу купить имъ мѣста прокуроровъ въ парижскомъ парламентѣ, пристроить....

— А есть у васъ на это деньги? Вѣдь мѣста теперь не дешевы, потому что приближается борьба трудная и для этихъ чиновниковъ не безвыгодная. Министерство Мазарини мы встрѣтимъ иначе... И Ришліё не въ состояніи предупредить неминуемаго несчастія! Довольно перенесли мы униженія; довольно городъ заплатилъ въ бездонное казначейство кардинала. Италіянецъ Мазарини не будетъ пользоваться такою постыдною снисходительностію. На дняхъ я собираюсь отказать и самому Ришліё: надо же положить конецъ такому безбожному разоренію! Я этого ни передъ кѣмъ не скрываю, и мѣста оттого дороже.

— Посмотрите, господинъ голова, вотъ эти бумаги, посмотрите, довольно ли будетъ для дѣтей моихъ?

— Вы поэтому участвуете въ парижскомъ долгѣ? сказалъ голова, перелистывая бумаги. Большія суммы въ рукахъ правительства. Но всѣ эти обязательства выданы на имя кавалера д'Орбиньи. Наслучай, вамъ надо продать ихъ въ городѣ, и я вамъ устрою это дѣло. А дѣтей зачѣмъ въ парламентъ? Они уже порядочные мальчики: будутъ до поры до времни считаться моими секретарями. Я ихъ постараюсь приготовить для службы. Богатые молодые люди, они могутъ пріобрѣсти осѣдлость и парижское гражданство. Но они дворяне....

— А развѣ это мѣшаетъ дѣлу?

— Уладимъ, уладимъ! Возьмите ваши бумаги.

— Нѣтъ, господинъ голова, вотъ вамъ и дѣти. Возьмите ихъ. А я подамъ объ разводѣ и уѣду изъ Франціи....

— Куда же?

— На родину, въ Сондріо.

— А пока, не хотите ли переѣхать ко мнѣ? Мы получимъ отъ Гойка письма, и тогда вамъ уже удобнѣе будетъ выѣхать изъ Франціи: будете знать, гдѣ капитанъ де-Вальероль. Вѣдь я полагаю, вамъ же придется отвезти Эвелину?

— Господинъ голова, вы ангелъ-хранитель нашъ! Я готова. Но Сара?

Голова грустно посмотрѣлъ на Сару и сказалъ:— По-мнѣ, я взялъ бы къ себѣ и Сару; но моя жена.... Она, знаете, такая набожная.

— Оставьте, господинъ голова! сказалъ Гаръ-Піонъ. Гойко много для меня сдѣлалъ: я отслужу его женѣ.....

Голова пожалъ руку Гаръ-Піону и сказалъ: — Сегодня день благодарности! Но, любезный, сейчасъ перемѣни квартиру и назови Сару другимъ именемъ, своею женой, дочерью, племянницей, какъ хочешь: только сейчасъ! Я думаю, вамъ не долго переѣхать.

— Конечно, господинъ голова, конечно! отвѣчалъ Гаръ-Піонъ, схватилъ со стула покрывало и родъ нынѣшняго салопа съ капюшономъ и кутасами, набросилъ все это на Сару, и сказалъ: — Пойдемъ!

Сара, молча, повиновалась. Джудиту посадили въ носилки, и голова съ дѣтьми и стрѣлками провожалъ ее пѣшкомъ, съ трудомъ пробираясь около заборовъ грязнаго предмѣстья. Не успѣли они уйти изъ широкой и длинной улицы, какъ Тромбара съ Каталонцами появился у дома, нанятаго Гойкомъ. Всѣ сосѣди собрались смотрѣть на нелюбимыхъ гостей. На вопросы Тромбары, фурнтатскіе обыватели отвѣчали такъ сбивчиво, нелѣпо, съ насмѣшками передразнивая испанское произношеніе, что взбѣшенный капитанъ чуть-было не скомандовалъ къ атакѣ. Наконецъ одна старуха будто сжалилась надъ Тромбарой и съ важностью сказала: — Перестаньте сердится, сударь. Гнѣвомъ ничего не узнаете. Гойка вашего уже три дня ни кто изъ насъ не видалъ; а больше жильцовъ здѣсь и не было.

Каталонцы сдѣлали однако же вторичный обыскъ, и съ досадой отправились въ Рюэль. Толпа народа провожала ихъ насмѣшками, стихами маркиза до-

Кока, и долго соображала на улицѣ, какія бы могли быть причины такого усердія лѣнивыхъ Каталонцевъ.

—

ГЛАВА III.

С С О Р Ы.

— Позовите Мазарини! сказалъ Ришліё, входя въ свой рюэльскій кабинетъ.

Мазарини не замедлилъ.

— Поздравляю васъ, поздравляю! мрачно привѣтствовалъ его кардиналъ. Сенъ-Марсъ читалъ сатиру королю. Требуютъ отъ меня объясненія.... требуютъ грубо.... Видно, партія получила тѣло и новыя силы. Благодарю васъ за неловкость. Вы не потрудились замять такой важной, такой дурной интриги.

— Благодѣтель мой! отвѣчалъ Мазарини, повѣрите ли? я не знаю до-сихъ-поръ, откуда этотъ громъ!

— Еще бы вы дѣлали наперсникомъ своихъ тайнъ Депорта! Конечно, и жена могла ему разсказать. Но приписка де-Кока.... Надо изслѣдовать.... Но скажите: что́ я долженъ отвѣчать королю?

— Отвѣчайте ему испанскою войною. Все готово.

Кардиналъ улыбнулся, и съ удовольстіемъ посмотрѣлъ на Мазарини.

— Но скажите, спросилъ онъ ласково: чѣмъ вы намѣрены оправдать себя? какъ располагаете кончить эту исторію?

Мазарини молчалъ, злобно улыбаясь.

— Понимаю! сказалъ кардиналъ. Позовите Депорта! — Досадный Италіянецъ! подумалъ Ришліё тихо. Но его умъ нуженъ для Франціи, его несчастія для моей славы; а случай началъ мое дѣло: народъ уже не любитъ Мазарини.

Кардиналъ усѣлся, и въ-очередь дралъ за уши своихъ кошекъ. Бокингемъ сталъ ворчать, кошки кричали. Кардиналъ ударилъ ногой: ему стало дурно. Вошелъ Депортъ. Кардиналъ выздоровѣлъ.

— Гдѣ вы печатали сатиру на Мазарини? спросилъ кардиналъ, и, не позволяя отвѣчать, продолжалъ:—Хорошъ, хорошъ! Его женили, возвысили, обогатили, а онъ присталъ къ Сенъ-Марсу, къ молодежи, къ моимъ врагамъ! Я не разсчитываю на благодарность, но взыскиваю за неблагодарность. Я приготовилъ вамъ маркизатъ, мосьё Депортъ, послѣ покойнаго маркиза Демюни. Я заплатилъ за него дорого, но и ваши услуги не маловажны. Еще двѣ, три сатиры, также на этотъ счетъ, и еще одно условіе: представьте новую маркизу въ лучшія общества, уговорите ее снять съ себя глупую, неприличную въ наши времена скромность: пусть признается, что повѣсть, описанная въ сатирѣ, — ея повѣсть. Маркиза должна быть хороша собой, и ея несчастія нисколько не помрачатъ ея достоинствъ въ глазахъ нашихъ дамъ: напротивъ, я обѣщаю живѣйшее участіе.... больше! любовь всей нашей молодежи, стихи; я самъ напишу стихи! Но не забудьте, любезный маркизъ, что все это тайна, и тайна, которая мнѣ столько

же дорога, какъ вамъ голова и свобода. Поняли?.. А что Сенъ-Марсъ? что́ Эвелина?

Депортъ долго не могъ вымолвить слова: онъ ничего не понималъ въ рѣчи кардинала. Ришліё съ злобною улыбкою глядѣлъ на Депорта, и любовался его замѣшательствомъ, наконецъ снова повторилъ свои вопросы; — Ну, что жъ Эвелина! что́ же Сенъ-Марсъ?

— Ваша эминенція, мы потеряли Эвелину навсегда! Пьяный слуга Пуссена....

— Довольно, довольно! перервалъ кардиналъ. Что мнѣ за-дѣло до вашихъ домашнихъ ссоръ? Я не мѣшаюсь въ ваши келейныя интриги. Вы свободны, господинъ маркизъ; вы мнѣ больше не нужны.

Холодный потъ градомъ катился по блѣдному лицу Депорта; онъ дрожалъ; слова путались. Кардиналъ не сводилъ съ него своего ужаснаго взгляда, и стучалъ сухими пальцами по рѣзному поручню кресѣлъ.

— За что такая немилость, ваша эминенція? съ трудомъ прошепталъ Депортъ.

— Какая немилость? Да и кчему вамъ моя милость? Сенъ-Марсъ въ силѣ: сегодня, завтра первый министръ. Поѣзжайте въ Сенъ-Жерменъ.

Депортъ заплакалъ и сталъ божиться, что ни въ чемъ не виноватъ, ничего не понимаетъ, что все напуталъ Гойко. При имени Гойка, кардиналъ измѣнился въ лицѣ и хлопнулъ въ ладоши. Вошелъ слуга.

— А что Тромбара? спросилъ кардиналъ.

— Ожидаетъ позволенія войти!

— Зови!

Вошелъ Тромбара, и объявилъ, что нигдѣ не могли отыскать Филиппа Ліонскаго. Кардиналъ написалъ записку и спокойно сказалъ капитану:— Отдайте городскому головѣ.... отошлите, хотѣлъ я сказать. — Такъ это все напуталъ Гйко? продолжалъ онъ, когда Тромбара вышелъ. Кто же этотъ Гойко?

— Онъ у меня служилъ на посылкахъ; по всѣмъ признакамъ, жидъ; являлся всегда поутру; за каждую услугу безсовѣстно требовалъ денегъ: вотъ все наше знакомство.

— И въ этомъ я вижу умъ, смѣтку. Но кто же писалъ сатиру?

— Понять не могу.

— Но она про вашу жену.

— Я догадался; но ваша эминенція не мало удивитесь, если я доложу, что повѣсть Джудиты была до-сихъ-поръ мнѣ совершенно не извѣстна.

— Въ-самомъ-дѣлѣ?

— Клянусь вамъ! клянусь...

— Позвольте. А Эвелина? Кто назначилъ свиданіе въ Тюильрійскомъ Саду?

— Ахъ, Господи Боже мой! И это обвиненіе падаетъ на меня!... Да, ваша, эминенція! вы и не знаете всего. Это преразвратная дѣвчонка: еще до переѣзда въ мой домъ, она имѣла нѣсколько интригъ съ молодежью. Одного я скоро открылъ, и, благодаря вашей эминенціи, онъ въ Седанъ. О другихъ я недавно узналъ въ рамбульетскихъ па-

латахъ. Тамъ трое поссорились за нее: каждый увѣрялъ, что онъ пользуется ея расположеніемъ. Самъ де-Вальероль, какъ извѣстно, человѣкъ нетрѣзваго поведенія; убилъ, въ пьяномъ видѣ, жену. Онъ потворствовалъ всѣмъ шалостямъ дочери. Ваша эминенція, вѣроятно, изволили слышать, что сыновья герцога Вяндомскаго въ самый день изгнанія, украли въ предмѣстьѣ какую-то женщину, которую освободили городскіе стрѣлки. По всѣмъ соображеніямъ, это была Эвелина; а теперь она, какъ вы думаете, чѣмъ занимается? Ужасъ напалъ на меня, когда я узналъ: она служитъ художникамъ натурщицей, и позвольте сказать откровенно: мнѣ кажется, ваша эминенція, по милосердію своему, изволили приказать выслать не Вальероля, а просто слугу, а можетъ-быть, и Вальероля, только не такого нѣжнаго отца, какъ объ немъ думаютъ, потому что онъ прибѣжалъ ко мнѣ въ домъ пьяный и все кричалъ на дочь свою: «Пойдемъ къ Пуссену! Пуссенъ тебя ожидаетъ!» а теперь я узналъ, что она поутру еще служила мосьё Пуссену натурщицей. Такъ извольте сами разсудить: что все это можетъ значить? Конечно, за такую натурщицу можно вступиться, тѣмъ болѣе, что мнѣ сказывалъ маркизъ Дюземидъ, будто и самъ Пуссенъ въ этотъ вечеръ былъ уже слишкомъ веселъ, а дежурный лакей при домѣ доложилъ мнѣ, что бочки вина, поставленной въ погребу на годъ.... уже не стало! Мадамъ Рамбульé пишетъ романъ «Эвелина.» Если это вѣрная картина прежней жизни этой притворщицы, такъ я ужъ не знаю, чего

и ждать отъ нея. Вашимъ прозорливымъ умомъ потрудитесь вникнуть во всѣ эти обстоятельства, и рѣшите что̀ мнѣ дѣлать.

Кардиналъ задумался и, помолчавъ, отвѣчалъ: — Вотъ что̀: молчать до времени. Посмотримъ, поглядимъ: все обнаружится. Но знаетъ ли объ этомъ Сенъ-Марсъ?

— Я пробылъ все это время при Пуссенѣ, и не могъ съ нимъ видѣться.

— Такъ поѣзжай же въ Сенъ-Жерменъ, скажи про отношенія Эвелины съ Мазарини, про свиданіе, и только. Прочихъ подробностей онъ не долженъ знать до времени. Маркизатъ можешь изъ шутки обратить въ пріятную истину, но прежде я желалъ бы видѣть будущую маркизу... Нѣтъ!... нѣтъ!... поѣзжай въ Сенъ-Жерменъ и сиди тамъ, пока не позову.

— Благодѣтель мой! позвольте поцѣловать край одежды....

— Ступай, ступай!

Каминъ пылалъ въ отдѣленіи рюэльскаго дворца, гдѣ помѣстилась герцогиня Эгильонская. Очаровательная хозяйка лежала на бархатной кушеткѣ. Передъ ней стоялъ Корнель, и декламировалъ тираду изъ новой трагедіи своей «Помпей.» Пуссенъ, облокотясь на мраморную доску, покрывающую каминъ, прилежно слушалъ могучіе стихи римской трагедіи. Де-Нойѐ и Шавиньи, въ темномъ углу за каминомъ, прилежно дремали. Въ раскрытыя двери вошелъ Ришліё, и остановился. Никто не замѣтилъ, какъ вошелъ онъ: свѣтъ отъ

камина не освѣщалъ той стороны, гдѣ были двери. Кардиналъ спокойно любовался красивой картиной и красивыми стихами. Особенное одушевленіе замѣтно было въ чтеніи Корнеля. Мерцающій блескъ огня освѣщалъ слезы на глазахъ герцогини. Мрачная фигура Пуссена рисовалась недвижной статуей. Корнель кончилъ и сталъ ходить по залѣ.

— Это совершенно новый языкъ, сказалъ Пуссенъ: такъ еще не говорили по-французски.

— Что если бы кардиналъ услышалъ ваше мнѣніе! сказалъ Корнель, продолжая ходить.

— А что?

— Именно за языкъ мнѣ нѣтъ пощады. По мнѣнію кардинала, именно языкъ у меня и не чистъ и не свойственъ характерамъ моихъ дѣйствующихъ лицъ.

— Какой вздоръ! простодушно сказалъ Пуссенъ. Бѣда, когда наше бѣдное искусство считаютъ забавой, игрушкой! Можно, пожалуй, и шалить перышкомъ, и стишки дѣлать; но принять на себя званіе судьи въ дѣлѣ искусства, но печатать, даже подъ чужимъ именемъ, плохія піесы... Я удивляюсь кардиналу въ этомъ отношеніи, какъ удивляюсь ему въ страшной политикѣ....

— О! я съ вами не согласна, сказала герцогиня. Мой дядя былъ бы первокласснымъ писателемъ....

— Въ такомъ только случаѣ, прервалъ Пуссенъ: еслибы въ то же время Корнель былъ первымъ министромъ Франціи. Я думаю, герцогу

Ришліё, поэту, было-бы лучше и свободнѣе, нежели поэту Петру Корнелю.

Кардиналъ боялся измѣнить себѣ, но больныя ноги не могли долѣе его поддерживать. Въ темнотѣ онъ сталъ искать кресла, и не могъ найти. Шорохъ возбудилъ вниманіе.

— Кто тамъ? спросила герцогиня.

— Это я, поэтъ Ришліё, отвѣчалъ кардиналъ. Я слышалъ послѣднія слова, и желалъ бы знать начало вашего разговора. — «Вотъ будутъ лгать! подумалъ Ришліё, и усѣлся въ низенькихъ креслахъ, которыя подкатили ему де-Нойé и Шавиньи.

— Герцогиня была перепугана неожиданнымъ появленіемъ кардинала. Пуссенъ недоволенъ, а Корнель подошелъ къ окну, и съ досадой тихо сказалъ: — Прощай милость къ Пуссену!... и за меня! Личное чувство перевѣситъ государственную пользу!

— Ну, что же вы говорили? спросилъ кардиналъ, поправляя на ногахъ какой-то плащъ, который герцогиня принесла изъ своей спальни и на-скоро покрыла имъ кардинала. Видно вы сердитесь на меня. Я помѣшалъ вашей дружеской, искренней бесѣдѣ.... Да отвѣчайте же!

Пуссенъ не могъ и не хотѣлъ молчать долѣе.

— Вы слышали все, эминенца. Простите искренности. Вы слышали все. Мы васъ открыли не на прямой дорогѣ. Жаль, что вы не нашли спокойныхъ креселъ и не дослушали.

— Продолжайте, продолжайте! сказалъ кардиналъ съ трудомъ выговаривая слова.

— То, что́ имѣло бы существо и дѣйствительный видъ истины, теперь покажется только дерзостью.

— Это совершенно новый языкъ, тихо сказалъ Корнель де-Нойе́: такъ еще не говорили по-французски. Проститесь съ своими художественными мечтами.

— Слѣдовательно, спросилъ кардиналъ: существо этой истины для меня не выгодно?

— Конечно, отвѣчалъ Пуссенъ: если ее безопасно нельзя сказать въ глаза вашей эминенціи.

— Отчего же нельзя?

— Оттого, что въ рукахъ вашей эминенціи всѣ тюремные замки.

— Вы сердитесь на меня за Вальероля!... Успокойтесь, успокойтесь! я не отниму у васъ Эвелины.... Богъ съ вами! Я не отдамъ ее Депорту, хотя бы слѣдовало. Довольны ли вы.

— Ваша эминенція! продолжайте быть защитникомъ несчастныхъ, и еще есть время заслужить благословеніе Франціи.

Всѣ встали. Герцогиня не знала, какъ предупредить бурю: звала слугъ, требовала свѣту. Небольшая гостиная освѣтилась. Кардиналъ былъ на ногахъ: губы и кулаки его сжались: онъ дрожалъ отъ злости. Всѣ, кромѣ Пуссена, были въ полномъ замѣшательствѣ, которое еще болѣе увеличилось неожиданнымъ появленіемъ Сенъ-Марса. Но, ко всеобщему удивленію, Ришліё во одно мгновеніе измѣнился; сталъ спокоенъ, важенъ, величественъ. Сенъ-Марсъ невольно остановился въ

десяти шагахъ отъ кардинала, и, почтительно преклонясь, сказалъ: — Его величество располагаетъ сегодня провести ночь въ рюэльскомъ замкѣ. Охота кончится черезъ четверть часа.

Новое изумленіе. Кардиналъ безмолвствовалъ, дыханіе его стало тяжело, глаза окрасились кровью; онъ закашлялъ, и показалась кровь: Ришліё поблѣднѣлъ; но присутствіе духа его не оставило.

— Садитесь, Сенъ-Марсъ. Грѣшно вамъ забывать больнаго старика. Вы у меня единственный сынъ, и я не разъ сожалѣлъ, что уступилъ васъ королю. Садитесь. Такъ его величество впервые, и то случайно, хочетъ осчастливить мое уединеніе своимъ присутствіемъ?... Благословляю Небо и Его щедроты!... Да! мнѣ это утѣшеніе было нужно, какъ въ засуху благодатная струя живительнаго источника. Садитесь, господа, садитесь! окончимъ нашу бесѣду!

— Но, можетъ-быть, ваша эминенція прикажете что-нибудь изготовить къ принятію короля? сказалъ де-Нойé.

— Я, какъ вѣрный слуга его величества, всегда готовъ къ принятію моего государя, во всякую пору, погоду, вездѣ.... Что, маркизъ? каково идутъ ваши дѣла?

— У меня, по милости вашей эминенціи, вовсе нѣтъ дѣла. Цѣлый день сижу сложа руки. Звукъ рога его величества для меня звукъ сладостный: на коня и въ поле, въ погоню за дикимъ кабаномъ!

— А дѣла любовныя что? какъ идутъ? спро-

силъ кардиналъ, лукаво грозя пальцемъ. У васъ теперь новый соперникъ изъ комедіи «Опекунъ и любовникъ,» можетъ-быть счастливый... Но не сердитесь! надо всегда нѣсколько хладнокровія, благоразумія. Я васъ долго этому училъ.

— Я и слѣдую вашимъ совѣтамъ.

— Это въ политикѣ, перервалъ кардиналъ: и я очень радъ вашимъ успѣхамъ; но въ дѣлахъ любовныхъ вы неосторожны. Гдѣ есть соперники, и соперники счастливые, тамъ упрямство не нужно, а хладнокровіе, благоразумныя предложенія.... и дѣло кончено!

— Я не понимаю вашей эминенціи.

— Отвыкли! зачѣмъ рѣдко ѣздите въ Рюэль? Представьте, господа! Сенъ-Марсъ, бывало, прежде не лѣнился ежедневно увѣдомлять меня лично о здоровьѣ его величества, былъ такъ ко мнѣ привязанъ, что не скрывалъ малѣйшихъ разговоровъ своихъ съ королемъ: я зналъ все отъ одного Сенъ-Марса; а теперь....

Сенъ-Марсъ покраснѣлъ такъ, что всѣ сравненія съ красными предметами будутъ недостаточны: побагровѣлъ! И этого мало; сердце его разрывалось стыдомъ. Кардиналъ страшно унизилъ маркиза въ глазахъ женщины, въ глазахъ Пуссена и Корнеля, въ глазахъ Франціи, и злобно любовался слѣдствіями смертельнаго удара.

— А теперь, снова началъ кардиналъ, волочится за женами и дѣвицами, теряетъ по-пустому время въ заговорахъ и сходбищахъ. Похоже ли это все на великаго конюшаго самаго нравствен-

наго короля въ Европѣ? Избѣгаетъ моихъ совѣтовъ.... Да я самъ былъ молодъ! Я далъ бы вамъ наставленія несравненно лучшіе тѣхъ, какія вамъ могутъ дать де-Ту и Депортъ.... Но постойте! погодите! я вамъ отомщу по-своему. Я сдѣлаю для васъ новую маркизу, достойную прилежнаго искательства, и сдѣлаю это именно для вашей школы, для вашего упражненія.

Раздались охотничьи рога. Кардиналъ всталъ и, взявъ канделабръ со многими свѣчами, бодро пошелъ на-встрѣчу королю. Де-Нойе и Шавиньи послѣдовали его примѣру, и также ушли съ канделабрами. Сенъ-Марсъ, молча, опустивъ голову, пошелъ за ними.

— Что вы надѣлали? сказала герцогиня, обратясь къ Пуссену.

— Подалъ прошеніе объ отпускѣ моемъ въ Италію, и только!

Сказавъ это, Пуссенъ почтительно поклонился герцогинѣ и ушелъ.

— Бѣгите за нимъ, бѣгите! сказала герцогиня Корнелю. Онъ готовъ надѣлать глупостей... Чего добраго, уѣдетъ безъ позволенія!

Корнель побѣжалъ, а герцогиня взяла послѣдній канделабръ и пошла въ библіотеку кардинала.

—

ГЛАВА IV.

В И З И Т Ъ.

На паперти парадnаго крыльца, кардиналъ и государственные секретари со свѣчами не долго

ожидали короля. Людовикъ, въ охотничьемъ платьѣ, на черномъ конѣ, подъѣхалъ одинъ. Сенъ-Марсъ принялъ лошадь, и отдалъ кардинальскому конюшему, а король, войдя на паперть, отступилъ съ удивленіемъ....

— Какъ вамъ не стыдно, mon cousin! сказалъ Людовикъ: на крыльцѣ! безъ плаща и шляпы!

— Счастіе небывалое, счастіе неожиданное....

— Пойдемъ, пойдемъ! сказалъ король. Вы простудитесь. Ступайте впередъ.

— Государь!...

— Ступайте, ступайте! Не повторяйте одной и той же сцены два раза. Вы сами комикъ, знаете театральныя правила.

Ришліё, молча, повиновался.

Въ большой гостиной Ришліё поставилъ канделабръ на столъ и отступилъ, униженно указывая королю на огромную софу съ высокою спинкою и боками, которые вверху соединялись и составляли родъ балдахина, украшеннаго гербомъ и герцогскою короною.

— Mon cousin, я къ вамъ за дѣломъ, сказалъ король.

— Жалѣю, отвѣчалъ кардиналъ, что ваше величество изволили безпокоиться: я теперь совершенно здоровъ, и завтра хотѣлъ ѣхать въ Сенъ-Жерменъ, просить разрѣшенія открыть военныя дѣйствія и осадить Перпиньянъ.

— Какъ? сказалъ изумленный король. И вы не шутите?....

Кардиналъ зазвонилъ. Вошелъ слуга.

— Позовите Шавиньи съ бумагами.

— Не нужно, не нужно! сказалъ король, вставъ. Я очень радъ, mon cousin.... больше, я благодаренъ. Обнимите меня. Эта война у меня на душѣ.

«Богъ знаетъ! подумалъ кардиналъ, но отвѣчалъ спокойно:—Я всегда, ваше величество, стремился къ одной цѣли, осуществлять ваши полезныя намѣренія. Надѣюсь, эта война будетъ послѣдняя, и кстати, она уничтожитъ глупый заговоръ, и разрушитъ еще глупѣйшій трактатъ.

Король измѣнился въ лицѣ, и эта перемѣна не скрылась отъ зоркаго взгляда кардинала.

— Я сдѣлалъ съ своей стороны все, продолжалъ Ришліё, не ожидая отвѣта. Завтра, если ваше величество сегодня слушать бумагъ не изволите, я представлю вамъ, государь, около трехъ сотъ подробныхъ повелѣній на-счетъ испанской войны. Военныя дѣйствія расчитаны на три года. Окола ста относятся до военныхъ успѣховъ, шагъ за шагомъ, побѣда за побѣдой. Главное — осада Перпиньяна. Это запутанное, трудное дѣло изложено на сорока листахъ съ семьюдесятью планами: это важнѣйшая часть похода. Вторая тетрадь несравненно пространнѣе, но предметъ требуетъ исчисленія самыхъ мелочныхъ подробностей насчетъ снабженія войскъ продовольствіемъ. Третья —исторія всѣхъ моихъ дѣйствій на-счетъ присоединенія къ Франціи Каталоніи. Четвертая будетъ листовъ шестьдесятъ: соображенія по управленію всей Франціи во время войны. Пятая, весьма обширная,—исторія государственнаго долга, успѣхи

погашенія долговъ въ послѣднія двѣнадцать лѣтъ, и подробныя мѣры къ дальнѣйшему ихъ уничтоженію, а равно къ пріобрѣтенію нужныхъ суммъ, для испанскаго похода. Въ этомъ отношеніи ваше величество не оставите соблюсти величайшую осторожность. Злонамѣренные люди, которые, къ-несчастію, пользуются вашимъ расположеніемъ, поселили не только въ Парижѣ, но и въ другихъ городахъ, самыя невыгодныя мнѣнія на счетъ издержекъ для испанской войны. Получить деньги —прежде такой легкій, маловажный процессъ, — теперь будетъ дѣломъ труднымъ, требующимъ безчисленныхъ изворотовъ: въ запискѣ своей я помѣстилъ главнѣйшіе. Непомѣрные расходы по строенію Лувра, кажется, надо будетъ отложить на-время и отпустить Пуссена: одно содержаніе этого художника обременительно, а если занять его дѣятельность приличными заказами, и платить за нихъ соотвѣтственно знаменитости художника и достоинству труда, то я опасаюсь, что мы будемъ въ такомъ же положеніи, въ какомъ былъ святѣйшій отецъ папа Левъ X, который, какъ извѣстно вашему величеству, не имѣя суммъ и возможности расплатиться съ Рафаэлемъ, располагалъ сдѣлать его кардиналомъ и церковный ленъ обратить въ уплату долга. Изъ числа трехъ-сотъ бумагъ, послѣдняя заключаетъ всю мою службу, со всѣми искренними мыслями на-счетъ дальнѣйшихъ дѣйствій министерской власти. Государь! усердіе мое вамъ извѣстно; но слабость моего здоровья, степень припадковъ, усталость.... способности

притупились. Повѣрите ли, ваше величество, что иногда я нѣсколько часовъ лежу въ безпамятствѣ отъ напряженія умственнаго? Разнообразіе предметовъ, неудача мѣръ, которымъ всѣми способами препятствуютъ злонамѣренные люди, все это... Государь! пощадите мою старость!... Я теряю силы!...

Кардиналъ схватился за спинку креселъ. Испуганный Людовикъ насильно усадилъ его. Слабость смертная разлилась по лицу кардинала; но, примѣтно крѣпясь и съ трудомъ поднимаясь, онъ зазвонилъ и приказалъ позвать Шавиньи, де-Нойе и Мазарини съ бумагами.

— Что вы хотите дѣлать? спросилъ король.

— Сегодня я еще на службѣ, и ни какая болѣзнь не можетъ оправдать меня, если пренебрегу дѣлами, которыя не терпятъ отлагательства. Міръ разрушится, если заря покажется полу-часомъ позже предписаннаго порядка. Государство — такой же міръ: мелочныхъ пружинъ, гвоздиковъ — тма! Заржавѣетъ одинъ, и вся громада остановится.... Государь, десять минутъ времени! Все готово: подпишу, и тогда я спокоенъ на два, на три часа.

Секретари вошли.

— Гдѣ ваши бумаги, кардиналъ? спросилъ Ришліе у Мазарини.

— Я забылъ ихъ въ Парижѣ, но, я думаю сейчасъ привезутъ.

Ришліе поморщился и сказалъ де-Нойе:—Покажите ваши! — И развернувъ портфейль, спросилъ

съ неудовольствіемъ: — Что это? королевская граммата Пуссену?... Сюблé контрасигнировалъ!.. Государь! съ упрекомъ сказалъ кардиналъ.

— Мы спѣшили, mon cousin, послать въ Рюэль.... Впрочемъ, контрасигнируйте: это не помѣшаетъ.

— Государь! смѣю возобновить мое представленіе.

— Нельзя, нельзя кардиналъ. Я лично все это обѣщалъ Пуссену. Эта граммата съ моихъ словъ. Нельзя, нельзя! Потомъ дѣлайте что хотите, но граммату послать должно. И что жъ? Можно Лувра и не перестраивать. И довольно ли искусенъ этотъ Пуссенъ? Мнѣ кажется, трудно довѣрить Лувръ человѣку нетрезваго поведенія.

— Человѣку грубому, прибавилъ кардиналъ, дерзкому, который считаетъ себя не меньше папы римскаго.

— Человѣку, тихо прибавилъ Мазарини, которому не стыдно въ королевскомъ домикѣ, по близости дворца, содержать любовницу.

Изумленный де-Нойé не успѣвалъ переводить глазъ съ короля на Ришліё, съ Ришліё на Мазарини, и невольно посмотрѣлъ на Шавиньи, ожидая, что и онъ броситъ камешекъ.

— Неужели? съ ужасомъ спросилъ король.

— Я такъ слышалъ, отвѣчалъ Мазарини. За вѣрность не ручаюсь.

— А я такъ поручусь! сказалъ Ришліё. И представьте, государь: Пуссенъ человѣкъ пожилой, собой нельзя сказать чтобы былъ хорошъ.... дав-

но ли въ Парижъ? и что же?... Пуссенъ счастливый соперникъ Сенъ-Марса!

— Сенъ-Марса? воскликнулъ король. Этого быть не можетъ! это клевета!

— Отъ вашего величества этого не скроетъ Депортъ. Эвелина жила у него нѣкоторое время.

— Неужели я долженъ молчать? сказалъ де-Нойе на ухо Шавиньи.

— Разумѣется, отвѣчалъ Шавиньи.

— Пустяки, пустяки! сказалъ король. Это ребяческая шалость. Не вѣрю. Но эта Эвелина должна быть хороша...

— Въ ней странное сходство съ дѣвицей, о которой не смѣю теперь напомнить здѣсь, сказалъ Мазарини.

Король задумался.

— Портретъ дѣвицы Эвелины, говорятъ, верхъ совершенства, продолжалъ Мазарини.

— Какъ? спросилъ король: уже и портретъ? — «Это вѣрно для меня,» подумалъ Людовикъ, улыбаясь, и весело сталъ ходить по комнатѣ.

— А вотъ, сказалъ кардиналъ, и проектъ перестройки всего Лувра. Ваше величество, мы все изготовили: но теперь.... я не знаю....

— Одну галерею, сказалъ король: одну галерею! Не скупитесь mon cousin.

— Но эта одна галерея будетъ стоить милліоновъ.

— Всё равно, всё равно, mon cousin. Зато у меня будетъ портретъ.

— Надо это отложить.

— Не откладывайте: я, я утверждаю, сказалъ король, взялъ бумагу изъ рукъ кардинала, и надписалъ: «Приступить немедленно къ работамъ въ галереѣ. Людовикъ.»

Кардиналъ закрылъ портфейль и отодвинулъ, какъ-будто не желая разсматривать бумагъ далѣе.

Вошелъ слуга, и, на цыпочкахъ подойдя къ Мазарини, подалъ портфёйль изумленному кардиналу.

— Что это? спросилъ Мазарини.

— Вашъ кучеръ подалъ.

— А! бумаги привезли, сказалъ Ришліё, протягивая руку. Пожалуйте, пожалуйте!

Мазарини повиновался. Ришліё сдѣлалъ такую кислую гримасу, что Мазарини не удержался и спросилъ:—Что тамъ такое?

— Кчему эти тонкости? сказалъ кардиналъ, откладывая въ сторону синій печатный листъ. Вы нарочно мѣшаете вздоръ въ государственныя дѣла. Вы этимъ желаете показать, что для васъ такъ же легки занятія важныя, какъ летучія сплетни для людей злонамѣренныхъ.

— А! это вѣрно знаменитая сатира маркиза де-Кока? спросилъ король съ примѣтнымъ удовольствіемъ.

— Того самаго, тихо замѣтилъ кардиналъ, который написалъ приговоръ гренобльскаго парламента.

Король вспыхнулъ. Неосторожный Мазарини сдѣлалъ намекъ на злую и гнусную сатиру, написанную на рожденіе дофина. Самъ Мазарини ис-

пугался своей неосторожности и приметно смутился. Помолчавъ, онъ продолжалъ:

— По-крайней-мѣрѣ это послѣдній подвигъ маркиза. Слѣдъ найденъ. Охота наша кончится торжественною казнью маркиза.

— Онъ открытъ? съ нетерпѣніемъ сказалъ король. Не медлите, mon cousin! прошу васъ, не медлите!

— Дѣло щекотливое, отвѣчалъ кардиналъ, отдавая Мазарини пустую портфейль. Я передамъ это дѣло моему преемнику.

— Оставьте насъ, господа! сказалъ король, и секретари удалились. — Перестаньте шутить mon cousin, продолжалъ король. Я васъ не пущу, рѣшительно не пущу. Вы должны, какъ я, умереть на своемъ мѣстѣ.

— Въ монашеской кельѣ, въ Римѣ....

— Пустяки! пустяки! Вы должны окончить наше великое дѣло французской монархіи.

— Не могу, государь.

— Я хочу!

— Я не въ силахъ.

— Мы будемъ за васъ молиться.

— Не молитвы нужны мнѣ, государь, а жертвы.

— Говорите!

— Удалите Сенъ-Марса.... сошлите его въ отдаленный замокъ.... дайте его мнѣ.... Я найду мѣсто въ Бастиліи!

— Это безчестно! Я такой же рыцарь, какъ и онъ. Возьмите Пуссена. Вы противились его вы-

зову, вы преслѣдуете его: возьмите Пуссена, отвезите въ Римъ.... куда хотите.

— Это не жертва, государь, а необходимость.

— Но за что вы вооружились противъ Сенъ-Марса?

— И противъ не одного Сенъ-Марса.... де-Ту...

— А! васъ пугаетъ заговоръ?... Успокойтесь, успокойтесь! Я самъ въ этомъ заговорѣ.

— Вы, государь?

— Да, я самъ! Это придворная шутка, вечерняя моя забава. Я наблюдаю, какъ дѣйствуютъ эти люди, какія у каждаго способности: вотъ и все тутъ. Неужели вы могли подумать, mon cousin, что я позволю дурачиться молодымъ людямъ съ важною цѣлью?

— Ихъ цѣль удалить меня. Я хочу предупредить постыдное паденіе отъ рукъ ничтожной молодежи. Неужели я заслужилъ этотъ стыдъ, заплативъ за свое усердіе здоровьемъ, сномъ, удовольствіями жизни? Я предвидѣлъ все, и приготовилъ къ сдачѣ, не только всѣ дѣла мои, но даже намѣренія, достойнѣйшему.

— Mon cousin, какъ вамъ не стыдно руководствоваться такимъ мелкимъ самолюбіемъ!.... Я прекращу свою забаву, и вы должны быть спокойны. Съ этой минуты, заговора нѣтъ, и мы друзья по-прежнему: дайте вашу руку!

Ришліё поцѣловалъ почтительно руку короля, и сказалъ съ грустью: — Мечты желаннаго отдохновенія! вы разрушились.

— Отдохнемъ въ сырой землѣ! сказалъ также

съ грустью Людовикъ. А пока, отдохнемъ по-человѣчески: пойдемъ спать! Пора.

Кардиналъ схватилъ канделабръ, и проводилъ Людовика въ опочивальню. Возвратясь въ кабинетъ, онъ съ злобной улыбкой сказалъ де-Нойе и Шавиньи:—Заговоръ, пока, шутка. Мы не дадимъ вѣтренникамъ остепениться. Позовите Пуссена.

— Онъ уѣхалъ! запинаясь, отвѣчалъ де-Нойе.

— Куда?

— Въ Парижъ.

— Это по дорогѣ въ Италію! Попросите его пожалуйста, чтобы онъ сдѣлалъ мнѣ рисунокъ подвижныхъ креселъ съ двумя столами, да винь-етку къ этой рукописи монаха о министерской власти, да еще что-нибудь.... два фабричные узора для обоевъ. Надо занимать его заказами, а то онъ можетъ жаловаться, что мы не заботимся объ его славѣ.... Шавиньи! завтра поутру принесите мнѣ подробную роспись войскъ, назначенныхъ для испанскаго похода, а ввечеру мы отправимся въ Нарбонну: надо думать о продовольствіи войска; а оттуда на войну. Отдайте по моему дому всѣ нужныя приказанія.... Прощайте.

—

ГЛАВА V.

ЗАКАЗЫ.

— Что это Пуссенъ не ѣдетъ? спросилъ Фукіерръ, разодѣтый въ-пухъ, прогуливаясь по дурно настланнымъ доскамъ въ луврской галереѣ. Вчера

мы прождали его до полудня; сегодня уже около часа мы всѣ здѣсь: а онъ не ѣдетъ!

— Вѣрно, вчера онъ отпраздновалъ завоеваніе любовницы, искалъ натуры для новой вакханаліи: эти предметы въ ходу! сказалъ Дезюмидъ, окруженный толпою мелкихъ художниковъ, искавшихъ покровительства великаго знатока, маркиза-художника.

— Я свое сдѣлалъ, замѣтилъ Лемерсіе: галерея готова; можно расписывать. Кажется, не дурно?

— Удивительно! безподобно! я въ Римѣ ничего подобнаго не видалъ! безстрастно, но громко провозгласилъ маркизъ. Эти огромныя мѣста для картинъ такъ хорошо украшены лѣпною работою, съ истиннымъ вкусомъ, такъ угаданы размѣры.... Удивительно!

На другомъ концѣ галереи, небольшой кружокъ молодыхъ художниковъ былъ занятъ своимъ разговоромъ, но восклицанія маркиза прервали бесѣду.

— Вотъ видишь, Лебрёнъ, какъ дурно когда въ художествахъ рука руку моетъ! Мнѣ кажется, я слышу Вуэ. Заговоритъ Обари: тотъ же Вуэ! Они условливаются въ своемъ мнѣніи, и по-неволѣ оно дѣлается единственнымъ, общимъ.

— Посмотримъ, Ла-Гиръ, что скажетъ Пуссенъ. Ты черезъ-чуръ, кажется, вооружаешься противъ Симона Вуэ.

— Ахъ, Лебрёнъ! и ты и Мишель, вы всѣ ученики Вуэ: вамъ и прилично защищать Вуэ, а я независимъ, и люблю только хорошее.

— О! нѣтъ, Ла-Гиръ! сказалъ Михаилъ Кор-

нель: ученики по-неволѣ! Гдѣ же было взять въ Парижѣ другаго учителя?

— Ложь, ложь, Мишель! закричалъ Лебрёнъ. Я полюбилъ Пуссена какъ человѣка, удивляюсь ему какъ художнику, но Вуэ всегда считаю человѣкомъ отличныхъ дарованій, руководство его — полезнымъ, благодарность — моимъ долгомъ, защиту справедливости — обязанностью честнаго художника. Партіи губятъ государства, не только художества.

Слова молодаго художника, въ свою очередь, достигли противуположнаго конца галереи. Фукіерръ взбѣсился.

— Мальчишки! какъ торжественно рѣшаютъ достоинства старыхъ художниковъ! Какой тонъ принимаютъ на себя!... Пусть же голодаютъ ожидая своего патрона! Я усталъ: я не какой-нибудь краскотёръ, не барышникъ, которому назначены сроки для торговъ.... Прощайте, господа!

Фукіерръ ушелъ.

— Я полагаю, Лемерсіе, что и мы должны сдѣлать то же, сказалъ Дезюмидъ.

— Пожалуй, отвѣчалъ Лемерсіе, и уѣхалъ съ маркизомъ.

Прочіе не знали, на что рѣшиться. Недоумѣніе ихъ разсѣялось: вошелъ Пуссенъ. Онъ остановился посереди галереи, и безмолвно разсматривалъ ея размѣры, украшенія и нѣкоторыя уже исполненныя работы. Улыбка, то презрительная, то горькая, измѣняла крѣпко сжатыя губы художника. Иногда вырывались и слова, но безъ связи: нельзя

было понять, что онъ думалъ, какое образовалось мнѣніе у Пуссена о луврской галереѣ.

Осмотрѣвъ внимательно всѣ подробности, Пуссенъ спросилъ весьма тихо: — Лемерсіе не бывалъ сегодня?

— Только-что уѣхалъ, отвѣчалъ Михаилъ Корнель.

— Простите, господа! Меня такъ заняла галерея, что я и не успѣлъ васъ привѣтствовать. — Много работы! прибавилъ Пуссенъ со вздохомъ: много работы!

— Вамъ не нравится галерея? спросилъ Ла-Гиръ.

— Нѣтъ. Я не знаю, какой здѣсь порядокъ: нужно ли мнѣ писать или довольно живаго языка. Право, съ этой перепиской мы не кончимъ галереи и въ три года. Можно умереть до того времени. Почти все надо начинать снова.

— Какъ? съ основанія? спросилъ Ла-Гиръ.

— Надо бы, да ужъ что построено, то построено. Но эти своды, эти мѣста для картинъ, эта лѣпная работа, наконецъ пейзажи въ окнахъ... я ужь право не знаю, на что это похоже! Слава Богу, что еще работа не пропала. Надо будетъ этотъ пейзажъ, что написанъ для опыта, снять съ штукатуркой. Работу художника должно уважать; но оставаться ей въ галереѣ нѣтъ ни какой возможности. Для этого есть особый, приличный родъ живописи. Не оскорбляйтесь, господа. Работы впереди много: а если ужь дѣлать, такъ дѣлать хорошо! Кому принадлежитъ этотъ пейзажъ?

— Барону, барону! кричали художники: Фукіерру! что со шпагой пишетъ! Фламандцу?

— Мнѣ очень непріятно, но вкусъ требуетъ этой жертвы. Не правдали?

Всѣ изъявляли единодушное согласіе, а многіе рѣшились спросить о намѣреніяхъ Пуссена. Когда онъ объявилъ имъ, что, соглашаясь съ общею мыслью Лувра, который положено совершенно перестроить, онъ полагаетъ украсить галерею только въ немногихъ мѣстахъ живописью, а впрочемъ убрать копіями съ превосходнѣйшихъ античныхъ статуй и барельефовъ, художественная Франція пріуныла. Надежды на многочисленныя работы разрушились. Когда же Пуссенъ сказалъ, что передъ главнымъ фасадомъ Лувра онъ намѣренъ поставить мѣдную копію съ античной группы Монте-Кавалло, ропотъ сдѣлался гласнымъ. Скульпторъ Кастаніе съ презрѣніемъ сказалъ: — Парижъ не Римъ: онъ имѣетъ до ста ваятелей. Довольно, кажется, головъ: могутъ изобрѣсти что-нибудь новое, получше старой дряни.

— Можетъ-быть, съ улыбкой отвѣчалъ Пуссенъ. На себя я рѣшительно не полагаюсь. Радуюсь французской изобрѣтательности. У насъ, въ Римѣ, есть произведенія Буонароти, Бернини, многихъ великихъ ваятелей; а старина для меня все однако же лучше. Да я полагаю, что французскимъ художествамъ и не мѣсто въ проходной галереѣ: остается еще цѣлый Лувръ! Впрочемъ, господа, я упрямъ въ моихъ мнѣніяхъ. Какъ угодно, серди-

тесь или нѣтъ, я иначе не соглашусь заниматься лувркими работами.

Пуссенъ ушелъ. За нимъ ушли Ла-Гиръ, Лебрёнъ, Лессюэръ, Михаилъ Корнель, и еще весьма немногіе. Прочіе остались въ галереѣ, даже не отдали Пуссену отвѣтнаго поклона.

Дорогой, разговоръ продолжался. Молодежь была очарована величественною сухостью Римлянина, и съ сожалѣніемъ съ нимъ разталась у воротъ его домика.

Пуссенъ вошелъ въ покои въ самое то время, когда Гаръ-Піонъ оканчивалъ длинное описаніе, какъ вывезли они съ Гойкомъ капитана; какъ Гойко сказалъ ему за тайну, что на Ліонъ они не поѣдутъ или по-крайней-мѣрѣ объѣдутъ, потому что Гойко — извѣстный пасквильный мастеръ маркизъ де-Кокъ, и кардиналъ поймаетъ его въ Ліонѣ; какъ онъ взялъ отъ головы письмо въ Ліонъ только ради хитрости, и какъ Джудита подаетъ объ разводъ, съ тѣмъ, чтобы, когда капитанъ напишетъ, гдѣ онъ остановится, взять Эвелину и служить ей до смерти матерью. Жакъ Стелла и Гаспаръ Дюге прилежно слушали разсказъ Гаръ-Піона. Эвелина пополняла его во многихъ мѣстахъ объясненіями, такъ что всѣ тайны, всѣ отношенія, столь сложныя и запутанныя, совершенно и подробно стали ясны двумъ ученикамъ Пуссена.

— Что же намъ теперь дѣлать? спросила Эвелина.

— Дочь моего друга, отвѣчалъ Пуссенъ, не откажется принять нашихъ услугъ. Два верхніе

этажа въ вашемъ распоряженіи. Между-тѣмъ мы обо всемъ подумаемъ, похлопочемъ, и дѣло уладится.

— Де-Нойе! доложилъ придворный лакей, и государственный секретарь вошелъ въ гостиную.

— Какая честь! сказалъ Пуссенъ.

— Перестаньте, перестаньте! отвѣчалъ де-Нойе. Лучшебы мнѣ лежать въ постелѣ, нежели имѣть непріятность посѣщать васъ съ такимъ порученіями.

— А что такое?

— Кардиналъ проситъ....

— Де-Нойе остановился.

— Договаривайте, договаривайте! Я ко всему готовъ.

— Вы были неосторожны, любезный Пуссенъ.

— Я былъ искренъ. Что угодно кардиналу? Мнѣ платятъ; я наемникъ, и безъ ропота исполню приказанія, лишь бы они были въ моихъ силахъ.

— Кардиналъ просилъ сдѣлать ему рисунокъ подвижнаго кресла съ двумя столами.

— Гаспаръ! подай карандашъ и бумагу. — И только? спросилъ Пуссенъ, чертя въ маломъ видѣ проектъ рисунка.

— Виньэтку къ этой книгѣ.

— Я посмотрю ее сегодня, а завтра сдѣлаю рисунокъ. Все?

— Нѣтъ еще, дорогой Пуссенъ. Кардиналъ проситъ еще два узора для обыкновенныхъ, простыхъ обоевъ.

— Большіе или мелкіе цвѣты? спокойно спросилъ Пуссенъ.

— Невозмутимый!... Надежды мои воскресаютъ: ваше терпѣніе обезоружитъ мимолетную злобу.

— Вы ошибаетесь, почтенный сановникъ. Я буду вести реестръ своимъ работамъ. Когда мой трудъ, какого бы онъ ни былъ рода, покроетъ полученныя мною деньги, тогда ни какая сила не заставитъ меня терять драгоцѣнное время. Скажите кардиналу, что всѣ эти глупости едва ли выгодно заказывать Пуссену: онъ дорогъ. Я оцѣняю не предметъ и матеріялы, а время. Такимъ образомъ рисунокъ будетъ дороже креселъ. Я полагаю около трехъ часовъ времени, назначеннаго для сочиненія эскизовъ.... да, около ста добрыхъ пистолей. Но это все-одно. Неудовольствіе не сдѣлаетъ изъ меня барышника: я не измѣняю своихъ привычекъ. Вамъ извѣстно, что на оборотѣ моихъ картинъ всегда выставлена цѣна, на которую еще никто не жаловался. Я то же сдѣлаю и съ этими пустяками.... Теперь, я полагаю, все?

— И еще не все. Теперь моя единственная просьба. Сдѣлайте для меня мадону.... какъ хотите, но такую, чтобы ее называли «мадоной Пуссена,» какъ говорятъ «мадона Рафаэля.»

— Вы хотите усладить горечь порученій кардинала-герцога. Но, достойный человѣкъ, останется ли у меня довольно времени быть дѣйствительнымъ художникомъ, благоговѣйно предаться размышленію о Пресвятой Дѣвѣ, и сдѣлать сердце свое сколько-нибудь готовымъ къ принятію благодати, которая непремѣнно должна руководить кистью художника, когда онъ изображаетъ свя-

тыню? Постараюсь, но не обѣщаю. Теперь удостойте выслушать мои просьбы. Первая: надо уничтожить всѣ лѣпныя украшенія въ луврской галереѣ и пейзажи въ окнахъ.

— Помилуйте! они уже теперь стоютъ до сорока тысячъ ливровъ!

Пуссенъ улыбнулся и сказалъ: — Въ художественномъ отношеніи, они ничего не стоютъ; въ матеріяльномъ, это воровство. За десять тысячъ можно надѣлать подобныхъ орнаментовъ и втрое больше и втрое лучше. Я не умѣю писать картинъ, какъ и не умѣю смотрѣть на картины, въ потемкахъ; а за виноградными кистями, двухъ-локтевыми раковинами и за рамкой въ два фута толщиною, не много свѣта доберется до картины. И къ-чему такъ много картинъ въ проходной галереѣ? Неужели Франція такъ богата, что въ состояніи во всѣ эти огромные простѣнки поставить дѣйствительно достойныя произведенія? Множество обличаетъ иногда только безвкусіе. И не лучше ли отдѣлать эту галерею въ чистомъ, благородномъ стилѣ? Посерединѣ одинъ большой плафонъ; гдѣ нужно, одноцвѣтомъ написать украшенія въ видѣ барельефовъ, напримѣръ, всю исторію Геркулеса; вмѣсто живописныхъ наддверниковъ и надоконниковъ, которыхъ надъ окнами и видно не будетъ, поставить хорошія мраморныя копіи съ лучшихъ античныхъ барельефовъ; между окомъ мраморныя же копіи съ античныхъ статуй: полъ выстлать мраморами въ-квадратъ, и галерея будетъ вполнѣ новая: весела, величественна, и со-

вершенно согласна съ своею цѣлью. Плафонъ и исторію Геркулеса я напишу самъ. И едва ли въ мірѣ найдется галерея, которая бы стояла такъ мало.

— Но Лемерсіе?...

— Это дѣло другое. Пріймите на себя отвѣтственность, и я займусь только живописью гдѣ мнѣ укажутъ. Но пока я отвѣчаю за красоту всей галереи, украшенія Лемерсіе и пейзажи Фукіерра должны быть уничтожены. Вторая просьба: уволить меня отъ переписки. Чего добраго? одно несвойственное выраженіе, — и мнѣ могутъ навязать процессъ....

— Вы насъ обижаете, Пуссенъ!

— Довольно того, что́ я видѣлъ и вижу. Кажется, я смѣю думать о предосторожностяхъ.

— Но сами судите: возможно ли все дѣлать на словахъ? Сегодня я въ Парижѣ, завтра въ Сенъ-Жерменѣ, послѣзавтра въ Фонтенбло́.

— Такъ назначьте мнѣ секретаря, который бы отвѣчалъ за всѣ выраженія, а я буду ему говорить содержаніе.

— Перестаньте ребячиться, любезный мой другъ! Вѣдь вы будете имѣть дѣло только со мною.

— Въ продолженіе короткаго времени меня встрѣтили такія неожиданныя событія, что я, признаюсь, и вамъ не совсѣмъ довѣряю.

— Перестаньте, перестаньте! наша дружба основана на другихъ началахъ.

— Нѣтъ основаній, подъ которыя не могутъ подкопаться клевета и зависть.

— Только условимся въ искренности, Пуссенъ, и вы должны быть безопасны.

— Меня къ искренности обязывать не нужно. Третья просьба....

Вошелъ лакей, а вслѣдъ за нимъ Гордъ.

Пуссенъ! его величеству угодно имѣть живописные святцы. Не угодно ли вамъ будетъ заняться изготовленіемъ ликовъ всѣхъ годовыхъ святыхъ къ отъѣзду короля....

— Я не хорошо понимаю васъ. Какіе святцы?

— Небольшія картинки съ изображеніемъ святыхъ, ежедневно празднуемыхъ, для большаго походнаго молитвенника его величества.

— Когда же его величество отправляется въ походъ?

— Въ воскресенье послѣ обѣда.

— Триста-шестьдесятъ-шесть картинокъ въ пять дней? со смѣхомъ спросилъ Пуссенъ.

— По-крайней-мѣрѣ на одинъ будущій мѣсяцъ, потому что молитвенникъ въ двѣнадцати частяхъ; а потомъ будете подсылать на мое имя.

Терпѣніе Пуссена поколебалось; но присутствіе де-Нойé, любовь къ доброму королю, преднествовавшій разговоръ, все это заставило его рѣшиться, и онъ отвѣчалъ: — Не приказывайте только невозможнаго. Для его величества картинки будутъ готовы.

— Сверхъ-того, его величество весьма не доволенъ своими комнатами въ Фонтенбло́ и приказалъ вамъ составить рисунки для новой перекраски этихъ комнатъ. Работы должны быть окончены во

время отсутствія короля, а рисунки утверждены до отъезда?

— Я убѣжденъ, спокойно отвѣчалъ Пуссенъ: что вы пополняете приказанія христіаннѣйшаго короля. Онъ на слугу своего не возложитъ невозможнаго. Подумайте сами: мнѣ надо ѣхать для этого въ Фонтенбло́, снять всѣ размѣры и воротиться къ воскресенью. Судите: когда же я успѣю подумать о томъ, какъ нарисовать мои мысли, особенно когда въ то же время надо отдѣлать тридцать картинокъ? Не правда ли, король не такъ приказывалъ?

— Я не знаю: волю королевскую мнѣ передалъ господинъ великій, отвѣчалъ Гордъ.

Де-Нойе́ посмотрѣлъ на Эвелину, и она покраснѣла. Пуссенъ ничего этого не замѣтилъ и, обращаясь къ де-Нойе́, сказалъ: — Помогите! научите, что мнѣ отвѣчать?

— Я еще сегодня постараюсь объ этомъ доложить королю, и принялю вамъ отвѣтъ ночью, отвѣчалъ де-Нойе́.

Вошелъ маркизъ Дезюмидъ безъ доклада.

— Маркизъ! съ удивленіемъ сказалъ Пуссенъ: я не надѣялся уже съ вами видѣться въ моемъ домѣ.

— Неволя, одна неволя, господинъ живописецъ... порученіе королевы... Король въ воскресенье ѣдетъ въ походъ. Королева желаетъ напутствовать его величество небольшимъ медальономъ съ изображеніемъ Людовика Святаго, и удостоила поручить это дѣло вамъ. День прощальный назначенъ въ

субботу: медальонъ долженъ быть готовъ въ пятницу, живопись въ четвергъ.

— Сегодня вторникъ! съ нетерпѣніемъ сказалъ Пуссенъ.

— Да что это для васъ значитъ? отвѣчалъ Дезюмидъ. Я донесу, что порученіе ея величества я исполнилъ.

Маркизъ поклонился и уѣхалъ.

Терпѣніе Пуссена истощилось. Онъ мрачно посмотрѣлъ на де-Нойé. Тотъ прилежно дѣлалъ карандашомъ какое-то исчисленіе.

— Вы видѣли? вы слышали? сказалъ Пуссенъ примѣтно измѣнившимся голосомъ.

— У насъ передъ королевскимъ отъѣздомъ всегда много хлопотъ. Вы не повѣрите, чего не приказываютъ. Но мы, въ такихъ случаяхъ, прибѣгаемъ къ хитрости и что́ можно, то дѣлаемъ чужими руками. Простите, дорогóй Пуссенъ! Теперь и сидѣть у васъ совѣстно: такъ много дѣла!... Простите! Г. Гордъ, поѣдемъ!

Пуссенъ стоялъ въ раздумьѣ посереди комнаты. Гаспаръ, Стелла и Эвелина съ участіемъ безмолвно смотрѣли на озабоченное лицо Пуссена. Одинъ Гаръ-Піонъ рѣшился прервать молчаніе.

— Да почему бы вашей милости не слушаться добраго совѣта: что́ можно, сдѣлать самому; чего нельзя, признанять кого-нибудь? Вотъ господинъ Депортъ: тотъ никогда ничего самъ не дѣлалъ.... Да онъ бы умеръ въ сутки, если бы сдѣлалъ все то, что́ ему на одинъ день заказывали!...

Пуссенъ улыбнулся, и сказалъ: — Чего добраго,

они и меня на эту доску хотятъ поставить! А что́ г. Депортъ? неужели, послѣ всѣхъ этихъ подвиговъ, живъ, здоровъ, веселъ!

— Я навѣдывался въ вандомскія палаты: не возвращался. Я ему и двери отперъ: Богъ съ нимъ! да не бывалъ. Вотъ и теперь опять пойду. Гойко приказалъ служить ему, да присматривать.

— Ступай, Гаръ-Піонъ, ступай. Не забудь: батюшка поручилъ тебѣ Джудиту.

— Неизвольте безпокоиться! Она теперь и красныхъ не боится. А идти, пойду. Счастливо оставаться!

— Поклонись Джудитѣ, сказала ему вслѣдъ Эвелина.

— Съ моимъ удовольствіемъ, отвѣчалъ Гаръ-Піонъ, и пошелъ домой садомъ.

Толпа гуляющихъ преслѣдовала Гаръ-Піона до вандомскихъ палатъ. Исторія Вальероля была предметомъ общаго разговора. Многіе дѣлали Гаръ-Піону вопросы, но драгунъ мѣрно и ровно продолжалъ шествовать, отвѣчая любопытнымъ: — Не ваше дѣло! Не ваше дѣло!

—

ГЛАВА VI.

МОНОЛОГЪ И ЭЛЕГІЯ ГАРЪ-ПІОНА.

Гаръ-Піонъ вошелъ въ свою прежнюю каморку и нашелъ, къ особенному удовольствію, трубку свою на обычномъ мѣстѣ.

— Ну! сказалъ онъ: это хоть въ сказку! Три дня Гаръ-Піонъ трубки не курилъ: въ три дня ее

не утащили! Конечно, трубка не дорогая, старая; но старый солдатъ лучше служитъ. Что табакъ, что порохъ, все ровно. И старый оселъ умнѣе молодаго жеребца. И то правда: конечно, въ Парижѣ много старыхъословъ.... провели мы ихъ съ Гойкой! Только теперь одному что-то не ловко.... Чортъ побери! Съ Депортомъ ладить все одно, что волка ласкать. Да не возьметъ хитрость, такъ я и въ загривокъ когти запущу.... Ахъ! канальство! Какъ бы мнѣ на первыхъ порахъ ухитриться!... Экой жидъ проклятый! Нѣтъ того, чтобы приступу научить.... Ну, да Богъ милостивъ!

Изъ этого монолога замѣтно, что Гаръ-Піонъ былъ, можетъ-быть, въ первый разъ въ жизни въ сильномъ волненіи. Судьба оставила его одного: все семейство Гаръ-Піона расползлось. Какъ недвижная скала въ пустынѣ, онъ остановился посреди пустой гостиной и, забывшись, продолжалъ курить трубку. Пустивъ клубъ дыму, Гаръ-Піонъ вознесъ очи горе и съ чувствомъ сказалъ громко:

— Правду говорилъ отецъ Андрей третьягодня на проповѣди: «И опустѣетъ домъ, и только дикіе звѣри въ немъ проживать будутъ, и стѣны сгніютъ».... и много онъ еще говорилъ, и все правда!

Опять облако дыму.

— «И будетъ пепелище.... и никто не узнаетъ, кто проживалъ на второмъ, кто на третьемъ этажѣ; негдѣ будетъ зимней порой погрѣться; некому въ каминѣ затопить, и все это правда!... и...

Трубка погасла.

— Да! ужасно печально говорилъ отецъ Андрей! продолжалъ Гаръ-Піонъ, усѣвшись на столъ и болтая ногами. Есть и пѣсня на этотъ счетъ:

Стоитъ въ полѣ домъ,
Домъ съ однимъ окномъ,
Окно безъ стекла,
Безъ печи труба;
Надъ трубою котъ
Пѣсенку ведетъ....

Да, ужасно печальная пѣсня!

И прохожій сторонитъ,
Котъ его манитъ:
Мяу, мяу!.....

И, зажмурившись, Гаръ-Піонъ передразнивалъ кота, воображая, будто онъ сидитъ на трубѣ вандомскихъ палатъ. Едва онъ открылъ глаза, какъ началъ креститься и читать молитвы. Передъ нимъ стоялъ длинный консисторскій клерикъ, въ черной, еще длиннѣйшей рясѣ, въ шлячѣ, поднявъ кверху руку съ черною палочкой: въ другой онъ держалъ бумагу и собирался читать.

Гаръ-Піонъ опомнился и, сидя на столѣ, сказалъ:—Позвольте, позвольте! не ошибитесь! Я... Гаспаръ Гаръ-Піонъ, фамиліи ... не помню, драгунъ, подъ командой маршала Шомберга.... (И вдругъ перемѣнилъ тонъ). А если вамъ угодно говорить съ господиномъ Депортомъ, такъ онъ за вами.

Клерикъ оборотился, и объявилъ приглашеніе отъ парижскаго епископа явиться къ духовному суду консисторіи, для опроверженія показаній Джудиты Депортъ, урожденной Ваоли, требующей законнаго и немедленнаго развода.

Эта неожиданная гроза разразилась въ самое то время, когда Мазарини, въ свѣтскомъ плащѣ и въ испанской шляпѣ съ перьями, вошелъ въ смежную комнату. Депортъ не зналъ что̀ отвѣчать; но Мазарини бросилъ свое маскерадное платье, вошелъ въ гостиную, и твердымъ голосомъ сказалъ клерику: — Скажите епископу, что Джудитѣ должно отказать.

— Невозможно, ваша эминенція, невозможно! Мы такъ-было и думали, но ни одинъ законъ не подошелъ. Причины слишкомъ важны. По ошибкѣ, жалоба прочитана соборно, даже при Сорбонскихъ профессорахъ. Дѣло получило гласность.

— Ну, такъ скажите епископу, что дѣло, столь важное, по моему мнѣнію, можетъ пролежать годъ и два; опасно спѣшить рѣшеніемъ.

— Можно, ваша эминенція, можно! отвѣчалъ клерикъ.

— Вы изъ новой Сорбонской академіи? спросилъ Мазарини.

— Имѣю счастіе....

— Хорошо учатъ, хорошо приготовляютъ. Поблагодарите отъ меня епископа. Я вами очень доволенъ. Ступайте.

— Нѣтъ, мой будущій епископъ, нѣтъ! сказалъ Депортъ: не такъ! вы все это можете объявить настоящему епископу, но Депорта вы не нашли въ Парижѣ: онъ въ Сенъ-Жерменѣ, и неизвѣстно, когда возвратится.

— Можно, господинъ маркизъ, можно, отвѣчалъ клерикъ, кланяясь, и ушелъ.

— Зачѣмъ же это? спросилъ Мазарини.

— Бога вы не боитесь! отвѣчалъ Депортъ. Кардиналъ хочетъ видѣть маркизу Джудиту.... понимаете ли?

— Ну!...

— Мы погибнемъ, хотя и ея участь рѣшена. Кардиналъ не оставитъ ее на свободѣ.... Ты зачѣмъ здѣсь? закричалъ Депортъ, вспомнивъ, что Гаръ-Піонъ былъ третьимъ собесѣдникомъ.

— Жду вашихъ приказаній.

— Ступай къ чорту!

— Слушаю-съ, покорно сказалъ Гаръ-Піонъ, вышелъ, и, притворивъ двери, продолжалъ невидимо участвовать въ тайной бесѣдѣ.

—

ГЛАВА VII.

БАРРИКАДЫ.

Жена головы полюбила Джудиту; несчастіе лучшій проводникъ къ сердцу женщины. Объ создавали планы, какъ провести лѣто, потому что разводъ дѣло продолжительное, а іюнь мѣсяцъ былъ уже у воротъ. Рано голова возвратился изъ ратуши съ особенно довольнымъ, таинственнымъ видомъ.

— Удивительныя у васъ дѣти! сказалъ онъ, садясь въ кресла. Вы ихъ умно воспитывали. Они уже познакомились со всѣми старшинами и со многими первостатейными купцами. Только и слышалъ я сегодня: «Пожалуйте ко мнѣ съ матушкой откушать.... Навѣщайте нашъ домъ: у меня есть

тоже дѣти,....» и тому подобное. Всѣмъ нравится ихъ открытый видъ, умныя рѣчи, ненависть къ кардиналамъ, любовь къ королю и дофину. Многіе возлагаютъ на нихъ даже государственныя надежды.

Джудита злобно улыбалась.

— Что слышно о разводѣ, господинъ голова? Это самое главное!

— Посланъ вызовъ къ Депорту, и правительствующее и ученое духовенство въ полномъ собраніи выслушало просьбу. Установленный срокъ для явки противной стороны десять дней.

— Депортъ изъ нихъ сдѣлаетъ сто.

— Какъ можно!... какъ можно!... Но я всегда оставляю пріятное для заключенія. Я сегодня получилъ записочку, весьма занимательную....

Голова вынулъ затасканный лоскутокъ бумаги, развернулъ, и прочелъ слѣдующее: «Въ Ліонъ за полчаса до нашего отъѣзда, посланъ отрядъ Швейцарцевъ. Мы своротили съ дороги. Отсылаемъ вашей милости карету, а сами, кратчайшимъ и совершенно безопаснымъ путемъ, подъ именемъ маркитантовъ, отправились съ военнымъ отрядомъ къ италіянскимъ горамъ. Отрядъ перейдетъ въ Вальтелину, гдѣ мы и ожидаемъ нашихъ женъ и дочерей и храбраго рыцаря.»

Джудита нѣсколько разъ перечитывала записку.

Вошелъ Гаръ-Піонь, второй разъ въ жизни въ сильномъ волненіи.

— Чортъ побери! сказалъ онъ истинно по ры-

царски. Сударыня! вамъ надо бѣжать изъ Франціи: бѣжать сегодня, сейчасъ, если можно.

— Что такое? что такое? въ-очередь всѣ спрашивали Гаръ-Піона.

— Какъ что такое! Кардиналъ послалъ за вами надежныхъ людей, хочетъ самъ васъ допросить обо всѣхъ тайныхъ дѣлахъ.

— Слава Богу, слава Богу! я ихъ выведу на чистую воду....

— А послѣ что будетъ?... Васъ положено запереть куда-нибудь въ благонадежное мѣсто, потому что тайна нужна только одному кардиналу... Запереть навсегда, на всю жизнь, потому что кардиналъ Мазаринн вотъ что сказалъ Депорту: «Ришліё во всемъ мнѣ помогаетъ; онъ упрячетъ Джудиту, а я обязанъ продолжать всѣ мѣры его министерства.» — Тутъ Депортъ: «Но она все знаетъ, она меня погубитъ, она меня не пощадитъ.» — «Тѣмъ лучше, тѣмъ лучше! со смѣхомъ отвѣчалъ Мазарини: пора и тебя припрятать. Кардиналъ уѣзжаетъ, можетъ-быть, уѣхалъ, и ты мой арестантъ.» — «Кардиналъ!» завопилъ Депортъ. — «Ни слова! Со мною ножъ, за мною Швейцарцы.» — «Но вы безъ меня не сыщете Джудиты.» — «Только на этомъ условіи ты свободенъ, но, на случай, даю тебѣ спутниковъ, которые будутъ вѣрнѣе твоей тѣни». — «Но зачѣмъ же ее допускать къ кардиналу? спросилъ Депортъ. Моя мысль, не лучше ли самимъ упрятать Джудиту!» — «Куда?» спросилъ Мазарини. — «Земля просторна,» отвѣчалъ Депортъ, и они другъ другу пожали руку.

Дѣти Джудиты стояли въ дверяхъ, и съ ужасомъ слушали разсказъ Гаръ-Піона. Голова всталъ и торжественно сказалъ: — Созвать ратушу и городскую стражу!

— Никогда! никогда! съ достоинствомъ сказала Джудита. Я никогда не соглашусь быть причиною вашей ссоры съ кардиналами. Гаръ-Піонъ правъ: надо бѣжать изъ Франціи, но съ Эвелиной.

— Никогда! отвѣчалъ на это Гаръ-Піонъ. Какъ они пожали другъ другу руку, такъ и сказали: «Пойдемъ!» Я спрятался за занавѣсъ. Идутъ. Я за ними. Въ прихожей, — вы знаете, какова она, — набито Швейцарцевъ, человѣкъ тридцать. Половина отправилась въ Тюильрійскій Садъ, къ домику Мену, съ Депортомъ; а прочіе остались, стали по всему дому шарить и грабить. Я въ окно, да на сосѣднюю крышу. Кричатъ: «Лови, лови!» Я схватился за колодезное бревно, перевѣсился.... проклятое на смази, такъ меня о землю и брякнуло!... Чортъ возьми, хуже ядра вальтелинскаго! Да ужъ тутъ, вижу, дѣло не до увѣчья: не въ больницу итти; сначала поползъ, а потомъ и расходился. Такъ ужъ вамъ къ Эвелинѣ бѣжать не приходится, а развѣ въ замокъ д'Орбиньи. По дорогѣ и Сару захватимъ.

— Карету! закричалъ голова; карету и сотню стрѣлковъ.

Гаръ-Піонъ, хромая, ушелъ исполнить приказаніе головы.

— Дѣти мои! вы слышали все? со слезами спросила Джудита.

— Уѣзжайте, матушка, уѣзжайте! Мы отомстимъ за васъ.

— Да будетъ съ вами мое благословеніе;...

— Не прощаться! безъ прощаній! Карета готова. Стрѣлки насъ догонятъ.

Въ той же знакомой намъ, дорожной каретѣ уѣхала Джудита съ Гаръ-Піономъ. Не прошло и четверти часа, какъ съ одной стороны Мазарини, съ другой Депортъ, подошли къ дому головы. Дѣти съ крикомъ убѣжали въ спальню жены головы, и просили у нея оружія. Жена головы заперла двери и стала ихъ усовѣщивать. Между-тѣмъ голова съ важностью ввелъ гостей въ залу.

— Что угодно вашей эминенціи? сказалъ голова, садясь въ кресла насупротивъ Мазарини, и не приглашая Депорта занять мѣсто.

— Вотъ пріятель мой, дворянинъ его величества, ординарный живописецъ Депортъ, пришелъ къ вамъ съ жалобой, а я его ходотаемъ.

— Въ чемъ ваша жалоба, господинъ дворянинъ и ординарный живописецъ его величества?

— Жена сбѣжала, не могу отыскать.

— Она поѣхала въ городской ратушевой каретѣ къ его эминенціи, кардиналу-герцогу, въ Рюэль, просить объ ускореніи развода съ вами.

— Помилуйте, господинъ голова! да вы не должны потворствовать разврату! сказалъ Мазарини.

— Я знаю свои обязанности, и долженъ васъ предувѣдомить, господинъ кардиналъ, что ратуша добраго города Парижа пріиметъ свои мѣры про-

тивъ соблазнителей и подкупателей, какого бы они званія и чина ни были.... Г. Депортъ! епископу сдѣлано ложное донесеніе, якобы вы находитесь внѣ города. Клерику Ромуальду де-Шатилю я запрещаю входить въ городъ, даже въ процессіяхъ къ Парижской Божіей Матери, а васъ подъ стражей, какъ ослушника епископскихъ повелѣній и подкупателя, представлю завтра въ соборное засѣданіе правительствующаго и ученаго духовенства.

Неожиданныя мѣры и рѣшительность, съ какою говорилъ голова, ясно показывали, что ему все извѣстно. Мазарини первый опомнился и отвѣчалъ:

— Задержать дворянина, полагаю, не въ правѣ парижская ратуша.

— Ратуша въ это и мѣшаться не будетъ; это мое личное право. Оно еще болѣе оскорблено Депортомъ въ садахъ тюильрійскихъ: онъ изволилъ ходить тамъ съ вооруженными людьми.

— Это мои Швейцарцы.

— Назначенные только для охраненія вашей особы, отнюдь не для сопутствія Депорту.

— Такъ что же вы хотите дѣлать? съ запальчивостью сказалъ Мазарини. Не вздумаете ли вы задержать и меня?

— Почему же нѣтъ? хладнокровно отвѣчалъ голова. Еще одно лишнее слово, и повѣсть о кардиналѣ Де-ла-Валлетѣ можетъ повториться.

— Купчишка!... гляди за своими бондарями и заимевыми продавцами, а я тебя завтра же отлучу отъ церкви.

— Это что то новое! сказалъ голова, вставъ

и ударяя въ ладоши.—Васъ двое, продолжалъ голова: надо принять мѣры.

Онъ опять захлопалъ. Никто не являлся.

— Видно, ваша гвардія, сказалъ Мазарини, гдѣнибудь въ погребу пируетъ съ членами ратуши. — Пойдемъ Депортъ!

Голова заступилъ дорогу, и закричалъ:

— Ни съ мѣста!

Въ то же время за дверьми послышался шумъ. Съ крикомъ вбѣжали въ комнату дѣти Джудиты. Толстая Варвара, жена головы, держала обоихъ за руки. Мазарини и Депортъ поблѣднѣли. Оба, забывшись, закричали: — Дѣти мои!

— Не ваши! съ бѣшенствомъ простоналъ Джироламо: не ваши! Мы дѣти Джудиты, мы ея мстители!

— Возьмите же эту первую жертву сыновней мести! сказалъ голова, указывая на Депорта, возьмите, граждане Парижа, недостойнаго пришельца, италіянскаго ремесленника, Филиппа делла-Порту!

Мазарини не сводилъ глазъ съ прекрасныхъ юношей, которыхъ месть одушевляла: и дѣлала еще прелестнѣе, милѣе. Сердце кардинала наполнилось неисповѣдимымъ чувствомъ; онъ плакалъ и не отиралъ слезъ. Но Депортъ дрожалъ какъ листъ, и не сводилъ глазъ съ покровителя-сообщника. Разсудокъ гаснетъ въ страстяхъ, гдѣ замѣшается родство. Мазарини бросился обнимать дѣтей, но Джироламо оттолкнулъ его съ проклятіемъ; Джованни мрачно повторилъ ихъ. Между-

тѣмъ сбѣжались люди, и вошелъ очередной десятникъ.

— Транше! отведи въ сторожевую избу этого господина, и пошли къ старшинамъ. Немедленно пусть собираются къ допросу обманщика дела-Порты, который осмѣлился проживать подъ чужимъ именемъ, имѣлъ дерзость обмануть короля, министровъ, и употреблялъ высокія милости только для постыдныхъ видовъ.... Ведите!

— Кардиналъ! кардиналъ! стоналъ Депортъ.

— Стойте! закричалъ Мазарини. Я беру его на поруки.

— Нельзя! съ твердостью отвѣчалъ голова. Вы, ваша эминенція, благоволите удалиться, если не хотите быть причиною и жертвою непріятныхъ послѣдствій, передъ которыми я не намѣренъ останавливаться. Добрый городъ Парижъ на меня смотритъ. Я щажу васъ для Ришліе, только изъ дружбы къ кардиналу-герцогу.

— Голова! закричалъ Джироламо, а сегодня еще старшина Лери читалъ законъ короля Карла Пятаго....

— Не наступило время еще, отвѣчалъ голова. Оно не далеко.... и тогда ни какая сила не избавитъ васъ отъ преслѣдованій закона!... Ведите преступника!

Депорта увели. Джироламо и Джованни пошли посмотрѣть, какъ производится законное задержаніе преступника. Въ комнатѣ остались Мазарини и голова.

— Все, сказалъ Мазарини, схвативъ за руку

голову: все за Депорта и этихъ двухъ мальчиковъ!

— Все за права города Парижа! все за права великаго короля нашего, Людовика Справедливаго.

— Такъ вы намѣрены вести со мною войну? спросилъ Мазарини.

— Война, Мазарини! отвѣчалъ голова: война!

— Я первый буду въ вашемъ станѣ.

— Она начнется казнью Депорта.

— Какъ ушей своихъ вы не увидите этой казни!

— Завтра, на зарѣ, соберется парламентъ....

— Я разгоню васъ, купцы и мытари!

— Де-ла-Валетта судили ваши купцы и мытари!

— Я задушу тебя! закричалъ Мазарини, и бросился на голову.

Тотъ схватилъ доску со стола, и бойцы кружились, упираясь животами въ доску. Во время этой трагикомической сцены вошли старшины въ указномъ облаченіи. Мазарини исчезъ.

— Господа! въ моемъ лицѣ, Парижъ боролся съ Мазарини, сказалъ утомленный голова.

— Парижъ былъ съ баррикадами, сказалъ Лери съ улыбкой.

Голова и всѣ разсмѣялись.

—

ГЛАВА VIII.

ПРЕДСТАВЛЕНІЕ ЦИННЫ.

Было поздно. Въ садахъ кардинальскаго дворца прогуливалось избранное парижское общество, ожидая шести часовъ. Представленіе Цинны всегда

привлекало множество народа, особенно когда всѣмъ было извѣстно, что Корнель въ Парижѣ и, вѣроятно, по родительской привязанности къ лучшему своему произведенію, не пропуститъ спектакля. Два года Парижъ не видалъ въ театрѣ Корнеля, во-первыхъ, потому что онъ постоянно жилъ въ Руанѣ, а во-вторыхъ, и потому, что, не отдѣлавъ окончательно Поліевкта, онъ не хотѣлъ посторонними, иногда и грязными впечатлѣніями, возмущать тотъ высокій міръ, въ которомъ жили и дѣйствовали герои христіанской трагедіи.

— Гдѣ вы сегодня? спросилъ молодой человѣкъ прекрасной наружности у юнонни съ красивыми кудрями, но съ лицомъ одушевленнымъ, сверкающими глазами и гордой осанкой.

За обоими собесѣдниками были пажи и нарядные слуги.

— Самъ не знаю. А вы, принцъ?

— Я, по обыкновенію, на сценѣ. По милости кардинала, у насъ теперь на самой сценѣ есть сборная ложа.

— Принцу Конти, сказалъ юноша, не должно бы одолжаться милостями кардинала.

— На-исходѣ, мой добрый Конде, на-исходѣ! Право, теперь и ссориться съ нимъ не стоитъ: полу-мертвый человѣкъ.

— Этотъ полумертвый уморитъ еще многихъ.

— Богъ съ нимъ!... Такъ гдѣ же вы сегодня? Пойдемъ къ намъ въ ложу.... А вотъ и Мазарини! Вы гдѣ сегодня, кардиналъ? въ сборной?

— Въ кардинальской, отвѣчалъ Мазарини съ примѣтнымъ неудовольствіемъ.

— Не стыдно ли вамъ оставлять товарищей? Знаете, гдѣ мы сегодня послѣ спектакля?

— У васъ каждый день новое мѣсто забавъ.

— Совсѣмъ нѣтъ! Голова заважничалъ, и мы хотимъ проучить купцовъ городскихъ. Ратуша прибила на всѣхъ углахъ объявленіе: на всѣхъ предмѣстьяхъ запрещаютъ сходбища послѣ полуночи. Если нельзя на предмѣстьѣ, такъ мы и рѣшили сегодня, послѣ спектакля, прямо въ Ситѣ, и въ биржевой тавернѣ, что насупротивъ ратуши, затѣять пляску и весь наимъ гвалтъ.

— Я съ вами! съ примѣтною радостью сказалъ Мазарини. Но мнѣ надо переодѣться....

— Кчему? отвѣчалъ принцъ Конти. Мнѣ всѣ актеры знакомы.

Куранты заиграли на башнѣ, тогда еще деревянной, церкви святаго Роха, и всѣ бросились въ театръ. Ложи были наполнены дамами въ самыхъ вычурныхъ прическахъ и костюмахъ. Изъ ложъ, что на сценѣ, выкинули на подмостки ковры и подушки, и нѣсколько человѣкъ улеглось почти у ногъ актеровъ. Впереди лежали принцы Конти и Конде; за ними нѣсколько человѣкъ молодежи изъ первыхъ фамилій; Мазарини скрывался въ самой глубинѣ ложи. Въ партерѣ было два ряда почетныхъ креселъ, которыя раздавались по назначенію самаго кардинала. Между креслами и оркестромъ не было перилъ: музыканты мѣшались съ почетными гостями.

— У кардинала опять новый музыкантъ, сказалъ Конде, указывая на вошедшаго въ оркестръ Пуссена.

— Судя по губамъ, это долженъ быть фаготъ, отвѣчалъ принцъ Конти; а по платью, Гасконецъ.

— Нѣтъ, изъ Прованса.

— Только ужь изъ провинціи, это навѣрное! Посмотрите: онъ садится на почетное мѣсто.

— Это Пуссенъ, замѣтилъ Мазарини. Не долго ему сидѣть на этомъ мѣстѣ!... Видѣли?

— А что?

— Онъ покачнулся.

— И глаза красны....

— Вѣрно, съ обѣда.

— Изволили кушать, съ коварной улыбкой сказалъ Мазарини, вдвоемъ съ своей любовницей.... Вотъ господа, прелесть!

— Мазарини, замѣтилъ Конде, можетъ перечесть по пальцамъ всѣхъ красавицъ Парижа. Нумеръ первый?...

— Любовница Пуссена, проворно досказалъ Мазарини.

— Неужели?.... А нельзя ли видѣть? спросилъ Конти.

— Должно! Иначе, у васъ, господа, мѣщанскій вкусъ.

Грянула музыка, и всѣ замолчали. Конти раскланивался съ знакомыми дамами. Конде читалъ первый актъ Цинны изъ печатной книги, прочіе также кланялись дамамъ. Музыка кончилась: на сцену вошли Эмилія и Фульвія. Превосходный вотуш-

тельный монологъ Эмиліи былъ пропущенъ: актеры полагали, что онъ лишній и только наводитъ на зрителей скуку.... Ужъ эти актеры! Вольтеръ, который впрочемъ понималъ Корнеля не лучше актеровъ, первый упросилъ Эмилію возстановить превосходный монологъ.

— Мазарини! сказалъ Конти, старая знакомая....

— Принцъ! говорите тише: она уже замужемъ и корчитъ вѣрную жену.

— Еще бы! Переходя изъ рукъ въ руки, Эмилія стала римской матроной, и я въ этомъ вижу разумъ кокетки. Чѣмъ же она теперь занимается?

— Собираетъ деньги.

— Да это прежнее ремесло!

— Теперь только перемѣнились средства. Посмотрите, принцъ: сегодня новая Фульвія. Эмилія играетъ дурно, потому что Фульвія очень не дурна собой.

— Да она вдвое моложе Эмиліи: за что же сердиться?

— Спросите у нихъ. Женщины не прощаютъ молодости, зачѣмъ она молода.

— Мазарини огромный философъ! замѣтилъ Конде, и бросилъ цвѣтокъ къ ногамъ Фульвіи.

Эмилія покраснѣла до ушей, и машинально продолжала читать стихи. Вошелъ Цинна.

— Ну, накричится же онъ сегодня! сказалъ Конти; на-бѣду сегодня въ голосѣ. Я думаю, не лучше ли будетъ, во время мужскихъ сценъ, укрываться въ ложѣ?

— Не ловко опускаться въ ложу, сказалъ Конде. Когда захлопаютъ, тогда развѣ.

— Ну такъ давайте хлопать!.... Чтожъ они замолчали?

Актеры дѣйствительно остановились и молчали, преклонясь почтительно. Корнель въ это время вошелъ въ оркестръ и пробирался на свое мѣсто. Конде первый замѣтилъ Корнеля и сказалъ о томъ Конти. Всѣ встали; за ними поднялись съ мѣстъ своихъ дамы, и весь партеръ загремѣлъ: «Да здравствуетъ великій Корнель»!

Испуганный неожиданнымъ пріемомъ, Корнель поспѣшилъ на свое мѣсто, раздавилъ но-дорогѣ віолу, не извинился, и усѣлся; но громкія восклицанія подняли его съ мѣста. Принцы не садились, дамы тоже; партеръ гремѣлъ. Корнель почтительно раскланялся на всѣ четыре стороны. Все утихло и пришло въ прежній порядокъ.

— Неужели, спросилъ его Пуссенъ, ришліевскій театръ не умнѣе ришліевской академіи?

— Хорошо, что хозяинъ уѣхалъ, отвѣчалъ Корнель, а то, за этотъ тріумфъ я долженъ бы поплатиться такимъ же торжественнымъ уничиженіемъ.

— Они уже познакомились, проворчалъ Мазарини: добра не будетъ.

— Кто познакомился? спросилъ Конде.

— Одна дама съ однимъ молодымъ человѣкомъ.

— Вы считаете его опаснымъ соперникомъ?

— Да!.... въ нѣкоторомъ отношеніи.

Актъ кончился. Вся публика встала, всѣ лица обратились къ Корнелю, всѣ голоса снова загре-

мѣли его славу. Но выпили актеры, и опять все затихло.

— Мнѣ должно бѣжать, сказалъ Корнель. Радость публики какъ буря, возрастаетъ до неистовства.

— Чѣмъ же можетъ кончиться эта буря? спросилъ Пуссенъ.

— Проводами, отвѣчалъ Корнель, которыхъ уже никакъ не проститъ кардиналъ-герцогъ. Я и такъ уже виноватъ передъ нимъ, зачѣмъ пришелъ въ театръ.... Нечего дѣлать! надо бѣжать изъ театра, надо бѣжать изъ Парижа. Поліевкта моего не хотятъ играть: такъ что̀ мнѣ дѣлать въ Парижѣ? Но передъ отъѣздомъ въ Руанъ, я долженъ предостеречь васъ, г. Пуссенъ. Клевета объявила васъ отчаяннымъ пьяницей. Будьте осторожны.

— Неужели кто-нибудь вѣритъ такимъ глупостямъ? съ улыбкой спросилъ Пуссенъ.

— Весь Парижъ! отвѣчалъ Корнель, весь Парижъ, кромѣ меня и главныхъ клеветниковъ.... Простите! Бѣгу. Расположеніе публики можетъ погубить меня, а жена.... а дѣти....

Корнель всталъ и пробирался къ выходу, но, примѣтивъ, что актеры запнулись и партеръ заволновался, онъ поспѣшно сѣлъ на пустое мѣсто у самаго входа, и выползъ изъ театра тогда уже, какъ сильное впечатлѣніе, произведенное мастерскими стихами и отличною игрою актеровъ, привело публику въ новой восторгъ.

Пуссенъ вполнѣ предался интересу превосходной трагедіи. Изрѣдка только мысль о клеветѣ мель-

кала далекой тѣнью; но когда піеса кончилась и публика расходилась, негодуя на Корнеля, зачѣмъ лишилъ ее возможности, послѣ трагедіи, разыграть комедію подъ заглавіемъ «Уличная Слава Писателя»; когда театръ опустѣлъ и на сценѣ, въ недавнемъ Римѣ, появились кардинальскіе лакеи и стали убирать декораціи; когда переодѣтые принцы и дворяне, проходя сцену съ пѣсней несли въ тріумфѣ на римскихъ носилкахъ Фульвію и, преклонивъ предъ ней колѣна, шутовски изъясняли восторгъ свой, будто произведенный Фульвіей въ ничтожной ролѣ наперсницы; когда Эмилія, оскорбленная тріумфомъ Фульвіи, стала бить служанку и бранить мужа, который, будучи Августомъ, владыкой міра, спокойно сквозь пальцы смотритъ на униженіе жены своей; когда все это смѣшалось въ жалкую картину человѣческой суетливости и пустоты, — тяжело стало Пуссену. Блаженъ, кому Провидѣніе подарило радужную призму, черезъ которую онъ можетъ смотрѣть на окружающіе предметы: не отымайте отъ глазъ этого веселаго стеклышка! иначе, надо бѣжать отъ людей, строить вавилонскую башню, и поселиться на заоблачномъ ея темени. Знаменитый пьяница не могъ въ эту минуту простить клеветѣ: суетливость заразительна, и великая душа взалкала мести. Пуссенъ опрометью бросился изъ пустаго театра. Но принцы и дворяне долго еще продолжали свою комедію. Лакеи потушили лампы; собесѣдники зажгли факелы. Фульвія сидѣла на носилкахъ.

— Царица! сказалъ маркизъ Дезавё: украсьте

праздникъ цитерскій вашимъ присутствіемъ! Мы намѣрены обратить сегодня Парижскій Островъ въ островъ любви; мы хотимъ въ неприступныхъ стѣнахъ Сите утвердить престолъ Киприды. Богатѣйшіе купцы принесутъ жертвы къ вашимъ стопамъ; первые юноши Франціи будутъ вамъ услуживать: на первый случай осмѣлюсь представить себя, принца Конти, и Кондé, молодаго героя, которому обѣщаютъ четыре войны и четыреста побѣдъ; первые писатели Франціи воспоютъ славу вашу: Корнель, Котлé... если хотите, кардиналъ Ришліё, всѣ, всѣ!... И такъ, обожаемая царица....

— Безъ свиты? отвѣчала кокетка.

— Свита будетъ!

И дворяне бросились за кулисы, поймала двухъ дѣвчонокъ изъ прислужницъ, и опредѣлили ихъ нести шлейфъ Киприды. Замаскированный незнакомецъ за руку втащилъ насильно на сцену Эмилію.

— Куда вы меня ведете? кричала Эмилія.

— Въ свиту нашей Киприды, въ свиту Киприды! отвѣчалъ незнакомецъ.

— Помилуйте! сказалъ Конти: она сама богиня! она сама степенная и ревнивая Минерва!

— Минерва? съ бѣшенствомъ закричала Эмилія, вырываясь изъ рукъ незнакомца.

— Нѣтъ, нѣтъ! кричалъ незнакомецъ. Успокойтесь! вы просто нимфа, которую я, сатиръ, укралъ и тащу съ собой гулять на цитерскій праздникъ.

— Что же ты, глупая голова, молчишь? сказала Эмилія своему Августу, который стоялъ въ

смѣшномъ нарядѣ за кулисой, и глядѣлъ на приготовленія къ цитерскому празднику.

Августъ подошелъ къ Эмиліи и съ трагическою важностью сказалъ:

— Ступай на празднество, и пиръ укрась собой!
Киприду побѣди блистательной красой!
Разруша жертвенникъ и взявъ сребро и злато,
Спѣши къ Юпитеру съ добычею богатой,
И съ колесницею, и злато и жену
Я буду ожидать на Каменномъ Мосту!

Общее «браво» отвѣчало на безкорыстную выходку Августа. Даже сама Эмилія улыбнулась. Незнакомецъ, держа за руку Эмилію, сказалъ что-то на ухо Августу и своей плѣнницѣ, а потомъ громко возгласилъ, передразнивая Августа:

— О нимфа нѣжная! и ты, Олимпа царь,
Довольны ль вы, друзья?...

Оба, дѣлая утвердительный знакъ головой, отвѣчали:

Довольны, государь!

Опять общее «браво». На Киприду и на старую нимфу набросили покрывало, и, съ пѣснями, всѣ отправились въ Ситѐ.

—

ГЛАВА IX.

ПРИСТУПЪ И РЕТИРАДА.

— Ворота еще не заперты, сказалъ маркизъ Дезавѐ, когда буйные собесѣдники переходили мостъ.

Въ тѣсныхъ улицахъ Ситѐ, между лавокъ, мастерскихъ и часовень встрѣтили ихъ городскіе

стрѣлки съ многими урядниками и городскимъ старшиною.

— Именемъ короля, остановитесь! закричалъ старшина Лери.

— Именемъ короля, пропустите! отвѣчалъ Конде.

— Стой! закричалъ Конти. Вступимъ въ переговоры. Что вамъ угодно?

— Если вамъ не извѣстно послѣднее повелѣніе парижской ратуши....

— Извѣстно, извѣстно! отвѣчали всѣ, даже и женщины.

— И какъ намъ запрещено пировать на предмѣстьяхъ ради умноженія городскаго дохода, то мы и признали за-благо осчастливить и обогатить Сите нашимъ посѣщеніемъ.

Сказавъ это, Конти вынулъ шпагу, и всѣ послѣдовали его примѣру.

Стрѣлки невольно посторонились.

Въ трактирѣ, противъ самой ратуши, все было давно готово къ принятію гостей; но мэтръ Кремань, не желая ссориться съ городскимъ начальствомъ, заперъ на замокъ двери и погасилъ огни. Шалунамъ это было извѣстно. Двери выломали, но окна пощажены. Фульвію усадили на почетное мѣсто. Эмилія обидѣлась, и только удивительное искусство замаскированнаго незнакомца возстановило общее спокойствіе. Начался пиръ. Собесѣдники вскорѣ достигли до извѣстной степени одушевленія. Шумъ возрасталъ.

По предложенію замаскированнаго, пирующіе отправились въ ратушу за Депортомъ и освободили

его. Въ первыя минуты восторга, онъ цѣловалъ руку незнакомца и жалобно пищалъ: — «Никогда не забуду благодѣяній вашей эминенціи!»

Побѣдители возвратились въ таверну и сложили мечи свои къ ногамъ Фульвіи. Незнакомецъ съ освобожденнымъ плѣнникомъ исчезли. Никто не могъ понять, куда они дѣвались. Эмилія, была неутѣшна: униженная, обманутая она придиралась къ каждому слову Фульвіи, стала бранить ее. Наконецъ первая актриса риньіёвскаго театра ударила перчаткой свою наперсницу. Мущины хохотали, не принимая участія въ женской войнѣ, и, когда перестрѣлка дошла до генеральнаго сраженія и объ стороны вступили въ рукопашный бой, щалуны исчезли, оставивъ трактирщику, вмѣсто уплаты, двухъ разбитыхъ актрисъ.

— Отворяй ворота! закричалъ незнакомецъ.

— Кто́ идетъ? спросилъ сторожевой.

— Капитанъ Тромбара!

Стрѣлокъ съ трепетомъ повиновался.

— Куда же мы теперь? спросилъ блѣдный Депортъ, безпрестанно оглядываясь.

— Домой.

Карета за мостомъ ожидала кардинала, и они отправились.

Въ небольномъ дворцѣ Мазарини всѣ окна были освѣщены; толпа Швейцарцевъ наполняла сѣни; слуги въ разныхъ покояхъ дремали у дверей. Съ пріѣздомъ хозяина, все оживилось.

— Сколько васъ ни есть, сказалъ Мазарини въ сѣняхъ, въ походъ! на всю ночь! — Начальство

надъ вами я поручаю этому господину, прибавилъ кардиналъ, указывая на Депорта.

— Ради служить вашей эминенціи! отвѣчали Швейцарцы.

— Что́ вы хотите дѣлать? спрашивалъ Депортъ, слѣдуя бѣгомъ за Мазарини.

— Найденъ слѣдъ! Джудита въ замкѣ у д'Орбиньи. Кавалеръ уѣхалъ въ испанскій походъ съ людьми и оружіемъ: замокъ беззащитенъ. Пока Джудита свободна, я не могу быть спокоенъ.

— Нѣтъ, кардиналъ, силой мы не возьмемъ замка; да если бы и взяли, что́ проку? Поступокъ слишкомъ громкій, опасный. Гораздо лучше подкупить людей: деньги то же оружіе. Но я такъ бѣденъ... вы знаете...

— Сколько же нужно денегъ?

— Тысячи три, четыре ливровъ, и Джудита будетъ въ нашихъ рукахъ. Швейцарцы пусть будутъ; не мѣшаетъ; но деньги главное.

— Возьмите, возьмите этотъ кожаный мѣшокъ съ золотомъ. Тутъ станетъ чѣмъ подкупить Барберини. А я ѣду прямо въ Сенъ-Жерменъ, проститься съ королемъ и на-прощаньѣ выпросить для васъ открытый листъ, безопасную граммату. Письмо съ королевской печатью, и тогда голова въ дуракахъ... Но поздно!... ступайте.

Депортъ отыскалъ, несмотря на позднее время, карету и лошадей, и заѣхалъ въ вандомскія палаты. Тамъ было все опечатано, и два городскіе стрѣлка сидѣли на львахъ, нѣкогда любимыхъ креслахъ Гойка и Гаръ-Піона. Стрѣлки, завидѣвъ

Депорта и Швейцарцевъ, исчезли. Почати спяты: Изъ тайниковъ своихъ Депортъ перетаскалъ мѣшки съ серебромъ и золотомъ, драгоцѣнные предметы, нѣкоторыя бумаги, и, нагрузивъ ими карету, отправился въ путь. Пѣшіе Швейцарцы чинно за нимъ слѣдовали. Всю ночь и цѣлый день шествіе продолжалось безъ малѣйшаго случая. На вторую ночь остановились путники для отдыху въ дурной и одинокой аустеріи. Сильная порція вина одолѣла утомленныхъ Швейцарцевъ. За нѣсколько золотыхъ монетъ хозяинъ отыскалъ свѣжихъ лошадей.

Депортъ сѣлъ въ карету. Кучеръ не смѣлъ хлопнуть бичемъ, но добрые кони и безъ понужденія унесли дворянина Депорта изъ парижскаго округа, черезъ пять дней изъ предѣловъ Франціи...

До свиданія, Депортъ! Когда-то мы увидимся?

РАЗЪѢЗДЪ.

Les amoureux se devisent aux dames,
Comptent leurs cas, jurent Dieu et leurs ames:
Que leur amour, tant les tourmente et nuit
Qu'ils n'ont repos la seule heure de nuit,
Font de piteux, soupirent et lamentent;
Mais pour certain je crois qu'en cela mentent.

GUILLAUME CRETIN.

—

ГЛАВА X.

ТОРЖЕСТВО ИСТИНЫ.

Возвратясь изъ театра, Пуссенъ принялся за работу. Присутствіе Эвелины, Гаспара, Стеллы нѣсколько разогнало мрачныя его мысли. Съ небольшимъ въ три часа, Пуссенъ нарисовалъ, на лоскуткахъ, всю исторію Геркулесовыхъ подвиговъ.

— Теперь за главное! сказалъ онъ съ довольной улыбкой: пока голова не омрачилась новыми неудовольствіями.

— Что́ же вы называете главнымъ? спросила Эвелина.

— Плафонъ! По-крайней-мѣрѣ, этимъ невѣждамъ я оставлю поучительный урокъ. Я представлю имъ многомысленную аллегорію: Время защищаетъ Исти-

ну.... И не уйдете вы отъ страшной пытки сѣдаго старика! Онъ вымучитъ у васъ истину; онъ выроетъ изъ пыли неопровержимыя обвиненія; стоустая молва разнесетъ позоръ вашъ по всѣмъ предѣламъ свѣта, и кровавыя страницы исторіи запятнятся грязью гнусныхъ и темныхъ дѣяній вашихъ!... Время! время! несокрушимъ твой щитъ, какъ безсмертна твоя коса смерти! Сбрасывая плевелы, вмѣстѣ съ драгоцѣнными растеніями, съ твоей безмѣрной жатвы, ты прячешь подъ щитомъ своимъ вѣрную объ нихъ память.... Я буду правъ передъ потомствомъ: есть время!

Никогда Гаспаръ не видалъ Пуссена въ такомъ сильномъ раздраженіи: и тѣни римскаго философа вы бы не нашли въ воспаленныхъ глазахъ, въ тяжеломъ дыханіи, въ злобной улыбкѣ художника!...

— Неужели вы будете еще работать? спросилъ Гаспаръ.

— Я не могу спать. Меня грызутъ всѣ обстоятельства парижской жизни моей; память не представляетъ ничего утѣшительнаго; воображеніе живописно не бесѣдуетъ со мною: я радъ, что еще глаза что-нибудь видятъ, рука не дрожитъ, и въ трудѣ постепенно забываю кардинала, враговъ-покровителей и враговъ-гонителей. Конечно, я забываю и то, что вы не обязаны платить безсонницей за привязанность ко мнѣ. Ступайте спать!

— Намъ и на умъ сонъ нейдетъ! Но, мосье Пуссенъ, отчего вы занимаетесь работами для га-

лереи, а не спѣшите исполнить обѣщанныхъ срочныхъ работъ?

— Милая Эвелина, я расчелъ, что эти работы заказаны только для того, чтобы меня обидѣть.

— Если вы не исполните ихъ, значитъ обида достигла своей цѣли.

— Справедливо, сказалъ Пуссенъ, улыбаясь: но скучно....

— Зачѣмъ же вы обѣщали?

— Справедливо. Позвольте начать святцы съ Екатерины-Великомученицы.

— Какъ хотите, только начинайте, отвѣчала Эвелина, поправляя рабочую лампу и подавая карандашъ, который перекатился-было по столу на ея сторону.

— Вы меня не поняли. Пусть исполнится клевета Депорта; вы будете служить мнѣ натурой. Ни въ одномъ лицѣ я еще не встрѣчалъ такого изящнаго страданія.

— Такъ рисуйте же, пока я не развеселилась.

— Давайте рисовать!

Карандашъ тронулся.

— Забавно! сказалъ Пуссенъ, продолжая работать: мнѣ уже, видно, навсегда суждено счастіе находить высокое утѣшеніе домашней жизни съ чужими людьми!... Мадамъ Пуссенъ, мадамъ Пуссенъ!

И художникъ задумался. Вдругъ на дворикѣ послышался разговоръ.

— Дома мосье Пуссенъ?

— Что́ за дьявольщина! отвѣчалъ привратникъ,

глядя въ форточку своей ложи. Похоже ли это на придворныхъ людей?... За-полночь гости! Мосье Пуссенъ спитъ.

— Врешь! во всѣхъ окнахъ свѣтло: видно бранжичаетъ.

— Такъ что́ жъ за бѣда? отвѣчалъ привратникъ съ досадою. Мало ли гдѣ свѣтло? да какое кому дѣло?

Привратникъ продолжалъ еще долго свой монологъ. Между-тѣмъ въ гостиную вошелъ Фукіерръ въ щегольскомъ, шитомъ шелками кафтанѣ, съ огромнымъ пирамидальнымъ парикомъ, и при шпагѣ.

— Что́ вамъ угодно, баронъ? спросилъ Пуссенъ забывъ, что этотъ титулъ данъ былъ Фукіерру въ насмѣшку.

Фукіерръ схватился за шпагу.

— Какъ вы смѣете? сказалъ онъ, съ гордостію закинувъ голову назадъ.

— Простите, это шутка, сказалъ Пуссенъ, нѣсколько смущенный своею забывчивостію. Позвольте спросить, что́ вамъ угодно?

— Я вамъ не позволю шутить ни на словахъ, ни на дѣлѣ. Вы не властны измѣнять королевскихъ повелѣній. Я получилъ шпагу за мои пейзажи, а вы, что за ваши муміи и красныя вакханаліи, что́ получили вы?

— Между прочимъ, зависть и ненависть плохихъ художниковъ.

— Я на свой счетъ вашихъ глупостей не принимаю: въ васъ говоритъ вино!

— Господинъ баронъ! сказалъ Гаспаръ, вскочивъ съ мѣста: я васъ велю вытолкать, если вы осмѣлитесь сказать еще одно подобное слово!

— Я говорю правду.

— За такую правду бьютъ!

— Оставь его, Гаспаръ, сказалъ Пуссенъ, садясь за столъ и чертя карандашомъ фигуру Фукіера. Продолжайте, продолжайте, господинъ баронъ: а я, пока, нарисую вашъ портретъ и отошлю къ Черкоцци, въ его знаменитую коллекцію чудаковъ.

— Вы смѣете!...

— Такъ, такъ, господинъ баронъ! Голову немного повыше.... Хорошо, хорошо! Продолжайте говорить.

Бѣшенство овладѣло Фукіерромъ, но и благоразуміе не совсѣмъ оставило его: онъ видѣлъ, что Гаспаръ въ полной готовности исполнить обѣщаніе; Стелла также всталъ съ мѣста, а Эвелина, закрывъ лицо платкомъ, помирала со смѣху.

— Прекрасная картина! любовница смѣется, два разбойника готовы броситься на благороднаго человѣка! сказалъ Фукіерръ, почти задыхаясь.

— Благороднаго, но не благорожденнаго, съ достоинствомъ отвѣчала Эвелина: ложь и клевета живутъ только въ крови мѣщанской.

Фукіерръ, при всей знаменитой дерзости своей, пришелъ въ совершенное смущеніе. Упрекъ изъ устъ дѣвушки, упрекъ мѣткій, сказанный съ достоинствомъ, какого онъ не встрѣчалъ и въ палатахъ рамбульетскихъ и въ прихожихъ королевы,

и на антресолях придворных дам, неожиданно и сильно поколебал его заносчивость.

— Перестаньте, перестаньте! Что вам угодно, мосье де-Фукіерръ? Скажите коротко и ясно.

— Коротко и ясно: я буду писать мои пейзажи въ окнахъ галереи.

— Нѣтъ!

— Буду!

— Говорю вамъ, нѣтъ! потому что, во-первыхъ, это величайшее безвкусіе, а во-вторыхъ, и пейзажи ваши очень плохи.

— Ужь не пуссеновскіе ли лучше?

— Прескверные, но ваши еще хуже. Однимъ словомъ, какъ начальникъ вашъ, я принужденъ прибѣгнуть къ дарованной мнѣ королемъ власти, и приказываю вамъ оставить работы въ галереѣ. Всѣ рисунки другихъ картинъ, назначенныхъ для дворцовъ его величества, приказываю вамъ принести завтра для исправленій, согласно королевской граммативѣ. Наконецъ еще разъ, какъ начальникъ вашъ, приказываю вамъ не являться ко мнѣ безъ зову, а теперь, какъ хозяинъ, прошу оставить меня въ покоѣ.

— Вы не шутите? фистулой запѣлъ Фукіерръ.

— Пуссенъ, во всю жизнь свою, не позволилъ себѣ шутки.

— Если такъ, такъ знайте же: передъ вами не живописецъ, а дворянинъ Фукіерръ, который проситъ, требуетъ удовлетворенія.

— А вы еще не удовлетворены?

— Поединка: понимаете ли вы? поединка.

— Я не мальчикъ, котораго можно разгорячить до глупости: понимаете ли вы? За нарушеніе законовъ и неприличное, грубое и дерзкое поведеніе съ начальникомъ, я велю посадить живописца Фукіерра на хлѣбъ и воду.

— Неслыхано, не видано!

— Такъ услышите, увидите! Проголодаетесь, будете спокойнѣе и умнѣе. Я добръ съ добрыми и строгъ съ дерзкими.... Ступайте.

— Что́ скажетъ король на все это?

— Скажетъ: «Я далъ Пуссену власть, и заставлю уважать мою довѣренность.»

— Посмотримъ! Король еще не уѣхалъ, и я прямо въ Сенъ-Жерменъ.

— Только постарайтесь вернуться завтра и передъ захожденіемъ солнца принести рисунки заказанныхъ вамъ работъ.

Оглушенный неожиданною строгостію и величіемъ Пуссена, Фукіерръ безъ оглядки бѣжалъ полѣстницъ.

— Что́ такъ скоро изъ гостей? спрашивалъ его привратникъ, отпирая калитку.

— Поѣлъ къ чорту! отвѣчалъ Фукіерръ, ударивъ привратника.

— Пошелъ ты самъ къ чорту! сказалъ привратникъ, толкнулъ Фукіерра и заперъ калитку.

— Я обиженъ, я обезчещенъ! кричалъ мнимый баронъ, и проклятія его, долго еще раздавались въ тюильрійскихъ аллеяхъ.

Никто не ложился. Гаспаръ и Стелла смѣялись надъ забавною гордостью Фукіерра. Пуссенъ съ

грустію посматривалъ на Эвелину и продолжалъ работать. «Любовница! подумалъ онъ. Сдѣлали меня пьяницей!... Чего добраго? что стоитъ для этихъ изверговъ помрачить доброе имя невинной дѣвушки? И карандашъ пересталъ повиноваться художнику.

— Какъ хотите, а спать пора!... Гаспаръ, разбуди Жаннету.... Ступайте, Эвелина, съ Богомъ!

Эвелина простилась и ушла въ свою спальню. Стелла и Гаспаръ улеглись и скоро заснули. Примѣтивъ, что сонъ взялъ свое, Пуссенъ пошелъ въ мастерскую, зажегъ подвижную пирамиду о сорока свѣчахъ, и сталъ работать эскизъ большаго плафона. Вдохновеніе въ ночной тишинѣ возвратилось, разогрѣло могучую голову: небо искусства разверзлось, и высшее наитіе, которое люди именуютъ геніемъ, стало оплодотворяться. Это — чисто мистической процессъ, состояніе магнетическое. Художникъ видитъ, ощущаетъ, слышитъ, такъ тонко, такъ нѣжно, что черта его приближается къ рисунку натуральному: всѣ запасы опыта и ученія укладываются въ памяти, какъ на палитрѣ, сами собой; самый механизмъ ускоряется до быстроты неимовѣрной; мечта осуществляется не по днямъ, а по часамъ, и три часа подобной работы непремѣнно обогащаютъ искусство новымъ превосходнымъ, такъ-называемымъ безсмертнымъ произведеніемъ.

— Истина! говорилъ Пуссенъ: ты не должна бояться ни зависти ни раздора. Они уронили тебя; но ты спокойна и прекрасна по-прежнему въ оча-

ровательной наготѣ своей! Злоба порочнаго міра не оставитъ тебя, не позволитъ обитать даже въ пустынѣ.... Въ пустынѣ! Конечно, истина можетъ жить только въ пустынѣ. Море.... ни что не дѣлаетъ вида такъ пустыннымъ, какъ огромное пространство воды.... налѣво море. Люди есть, но они живутъ далеко отъ истины. Вдали, подъ туманомъ, городъ: жилище истины. Нѣсколько сухихъ деревъ, нѣсколько голыхъ камней, и два, три куста колючихъ растеній. Но истина ненавистна людямъ и въ сосѣдней пустынѣ, и за-моремъ, и подъ землею: изгнать ее! Мало: должно извести ее со свѣта! И мгновеніе страшнаго событія наступило: истина пала; она уже въ рукахъ раздора и зависти. Сѣдой старикъ, неподкупный Сатурнъ, бросилъ и часы свои и косу, и любовь времени, дитя времени, святая истина, спасена!... Четыре фигуры, и очень довольно!

Эскизъ былъ конченъ. Солнце освѣщало его съ любовью, какъ-будто спасеніе истины озарило міръ яркимъ свѣтомъ. Пуссенъ сидѣлъ въ креслахъ и любовался на свое произведеніе: онъ какъ-бы отомстилъ за все коварной зависти и невѣжеству, успокоился и вздремнулъ.... Стукъ кареты разбудилъ Пуссена. За нимъ стояли Гаспаръ и Стелла, и безмолвно наслаждались превосходнымъ созданіемъ плафона. На лѣстницѣ послышались шаги, въ сосѣдней комнатѣ голосъ Эвелины и Жаннеты. Пуссенъ ничего не видѣлъ, кромѣ своей картины, даже не обратилъ вниманія на вошедшаго Сенъ-Марса. Маркизъ былъ въ охотничьемъ платьѣ: у

широкаго пояса висѣлъ кабаній ножъ; сапоги съ огромными раструбами и длинными шпорами; въ рукѣ шляпа безъ перьевъ, съ золотымъ гребешкомъ. Лицо, походка, движенія, обнаруживали неудовольствіе.

— Вы меня должны извинить, сказалъ Сенъ-Марсъ: я отъ короля.

— Господинъ Великій! отвѣчалъ Пуссенъ: мнѣ всегда пріятно васъ видѣть; но государь меня проститъ, если я до-сихъ-поръ не успѣлъ нарисовать картинокъ для его молитвенника: дѣло трудное!

— Не объ немъ рѣчь, господинъ живописецъ, не объ немъ рѣчь. Вы обѣщали государю портретъ...

— Онъ готовъ, отвѣчалъ Пуссенъ, и снялъ съ веревочки портретъ дѣвицы Лафайетъ, нарисованный пастилью. Надо покрыть его стекломъ, и вотъ что замедлило исполненіе священной воли моего государя. Но къ вечеру онъ будетъ готовъ. Помогите мнѣ любезный Стелла.

— И вы рѣшаетесь, сказалъ Сенъ-Марсъ съ улыбкой: послать его величеству такую дрянь?

— Дрянь? съ гордостью спросилъ Пуссенъ.

— Дрянь, дрянь! Вы полѣнились написать масляными красками. Вамъ было некогда: медовый мѣсяцъ любви помѣшалъ вамъ исполнить священную волю короля. И вы думаете этими пустяками извинить свое нерадѣніе въ глазахъ его величества? Вы сомнѣваетесь въ его прозорливости? Вы рисуете кресла для кардинала и виньетки для монашескихъ книгъ, написанныхъ въ поддержку ри-

пліёвскаго министерства: вотъ ваши занятія! И эти картины тоже для кардинала? А этотъ портретъ? вѣрно, подарокъ вашей женѣ?... Но вы не отошлете его въ Римъ: король приказалъ привезти портретъ Эвелины въ Сенъ-Жерменъ.... Его величество въ ваши домашнія тайны мѣшаться не хочетъ, но очень желаетъ посмотрѣть на прелестницу, которая легко побѣдила ванъ стоицизмъ.

— Что вы хотите сказать, господинъ маркизъ.

— Я ужъ все сказалъ. А теперь беру портретъ вашей любовницы, и ѣду въ Сенъ-Жерменъ.

Сенъ-Марсъ поднелъ прямо къ портрету, и уже протянулъ руку, чтобы снять его съ треножника.

— Не трогать! закричалъ Пуссенъ, и заступилъ Сенъ-Марсу дорогу.

— Вы можете написать другой портретъ: она у васъ. И кчему портретъ, когда оригиналъ въ вашихъ объятіяхъ? А этотъ я возьму.

— Никогда! съ жаромъ сказалъ Пуссенъ, и выхватилъ кабаній ножъ изъ-за пояса Сенъ-Марса.

Портретъ Эвелины обратился въ мелкіе кусочки. Наступивъ на нихъ ногою, Пуссенъ отдалъ ножъ Сенъ-Марсу, и съ дивнымъ величіемъ, съ римскимъ своимъ спокойствіемъ, холодно сказалъ маркизу:

— Возьмите ваше оружіе, и поѣзжайте въ Сенъ-Жерменъ. Скажите кому заблагоразсудите, что Пуссенъ не позволитъ даже шутки на-счетъ невинной и несчастной дѣвушки. Скажите королю, что я спѣшу пасть къ ногамъ его и просить о помилованіи за мое ослушаніе. Да позволитъ пред-

ставить себѣ всѣ причины моего негодованія и, можетъ-быть, неумѣстнаго поступка. Я раздражителенъ.... нѣтъ! я сталъ раздражителенъ въ Парижѣ.... Маркизъ! вы еще не испытали клеветы?

Смущенный Сенъ-Марсъ стоялъ передъ Пуссеномъ какъ ученикъ, которому учитель дѣлаетъ строгій выговоръ.

— Неужели, тихо спросилъ онъ, неужели всѣ эти слухи....

— Ложь, безстыдная ложь, презрѣнная ложь! сказала Эвелина, отирая слезы и съ важностью приближаясь къ Пуссену.

Взявъ за руку безмолвнаго художника, Эвелина обратилась къ Сенъ-Марсу. Она, казалось, выросла въ эту минуту. Огненные глаза блистали негодованіемъ, губы дрожали, руки тряслись, слова прерывались. Сенъ-Марсъ опустилъ глаза; прочіе смотрѣли на Эвелину, какъ говорятъ, въ-оба. Душевная буря разрѣшилась слезами: дѣвушка зарыдала и бросилась на грудь неподвижнаго Пуссена, снова схватила его руку и, прижавъ къ устамъ, потомъ къ сердцу, сказала довольно твердымъ, но примѣтно измѣнившимся голосомъ:

— Вы заступили мѣсто отца; вы исполнили долгъ родителя и честнаго человѣка; вы не выдали меня на посмѣяніе людей, утопающихъ въ развратѣ.... Великій человѣкъ! имъ не понятны ваши добродѣтели. Вижу: не васъ преслѣдуютъ, не васъ гонятъ.... меня, меня! Для меня нѣтъ безопасности, для меня нѣтъ счастія.... Да! я люблю, и любить не перестану. Они, вотъ эти

записные волокиты, для которыхъ честь женщины — игрушка, добродѣтель — личина потѣшная, вотъ эти рыцари порока, защитники соблазна, они выслали изъ Франціи моего отца два раза, выгнали моего Альфреда, и теперь принялись за васъ. Ваша добродѣтель служила мнѣ послѣднимъ щитомъ земнымъ. Но знайте, маркизъ, скажите и Мазарини, скажите и Депорту, скажите и всѣмъ прочимъ, что для нихъ нѣтъ Эвелины. Даже черная мысль не достанетъ до убѣжища, которое я избираю, избрать обязана.... Простите, дорогой отецъ мой! Теперь васъ оставятъ въ покоѣ.... Простите!

И Эвелина снова зарыдала, и снова бросилась на грудь Пуссена.

— Скажите моему отцу, когда увидитесь, что дочь его до конца сохранила его святыя правила, и теперь въ безопасной Долинѣ Благодати (Val-de-Grace) не разстается ни съ нимъ, ни съ добродѣтелью, въ теплыхъ и непрерывныхъ молитвахъ!

Всѣ вздрогнули. Сенъ-Марсъ упалъ на колѣни передъ печальной дѣвой, и умолялъ простить его дерзости, забыть прошедшее. Эвелина, качая головой, тихо отвѣчала:

— Кто можетъ вѣрить злу, тотъ злой человѣкъ.... Простите!

Эвелина ушла медленно, торжественно, поклонясь ласково Гаспару и Стеллѣ.

— Вы лишили меня дочери, маркизъ, но спасли честь невинной жертвы какого-то адскаго разсчета.

— И вы позволите ей исполнить это безумное намѣреніе?

— Я самъ отвезу ее въ Долину Благодати. Я человѣкъ слабый, ничтожный, гонимый: у меня нѣтъ средствъ противустать такимъ сильнымъ, такимъ упрямымъ врагамъ. Я исполню послѣдній долгъ отца, передамъ ее святому покрову Пресвятой Дѣвы.

— Да будетъ! сказалъ Сенъ-Марсъ, крѣпко сжавъ руку Пуссену со слезами на глазахъ. Я любилъ ее. Мнѣ совѣстно передъ вами, мнѣ стыдно. Я не умѣлъ быть добродѣтельнымъ, и каюсь вамъ.

Пуссенъ обнялъ Сенъ-Марса и, поцѣловавъ въ лобъ, сказалъ:

— На все доброе я считаю себя въ правѣ благословить васъ.

— На все доброе, съ грустію сказалъ Сенъ-Марсъ. Кажется, я одинъ только думаю не о себѣ.

— И кажется, вы одни только можете быть полезны для бѣдной Франціи. Милость короля...

— Безплодная милость, пока власть королевская въ рукахъ кардинала!

Вбѣжала Жаннета, расплаканная и растрепанная.

— Г. Пуссенъ! г. Пуссенъ! спасите! Моя госпожа помѣшалась: въ монастырь идетъ! Приказала меня разспросить у всѣхъ, гдѣ монастырь Визитокъ.

— Превосходная мысль! я передамъ ее на руки сестрѣ Аврелін! сказалъ Пуссенъ, и ушелъ въ комнаты Эвелины.

Сенъ-Марсъ печально поклонился художникамъ и уѣхалъ.

Пуссенъ и Эвелина были уже на крыльцѣ, когда на дворикъ вошла Марія д'Орбиньи съ сестрою кавалера и слугой.

— Куда вы? спросила Марія, обнимая Эвелину.

— Въ монастырь Визитокъ.

— Къ обѣднѣ?

— На житье!

— Какъ! вы хотите оставить свѣтъ навсегда?

— На неопредѣленное время. Принять священный чинъ безъ воли отца я не имѣю права, но безопаснаго убѣжища въ Парижѣ для меня не осталось болѣе.

— Къ-сожалѣнію, вы совершенно правы. И Джудита раздѣлила судьбу вашу.

— Какъ! и она укрылась въ монастырѣ?

— Нѣтъ, она укрылась у меня въ замкѣ. Мужъ мой отправился въ походъ; вооруженная прислуга наша самая ничтожная; между-тѣмъ насъ увѣдомилъ Сенъ-Марсъ, что кардиналы свидѣлись въ Сенъ-Жерменѣ и рѣшили, во что бы то ни стало, отнять у меня Джудиту. Вы можете вообразить нашъ ужасъ. Всю ночь мы строили проекты и тотчасъ же ихъ перемѣняли. Поутру люди увѣдомили насъ, что кардинальскіе Швейцарцы ночевали въ сосѣднемъ трактирѣ на ліонской дорогѣ. Не оставалось времени разсуждать: переодѣтыя поселянками, Джудита и Сара усѣлись въ деревенскую повозку: Гаръ-Піонъ снялъ послѣдній усъ, надѣлъ деревянные башмаки и одежду посе-

лянина, и сѣлъ кучеромъ: они уѣхали, а мы всѣ бросились въ церковь, и напутствовали ихъ теплыми молитвами.

— Куда же они поѣхали?

— Въ Седанъ.

— Альфредъ! они увидятъ тебя, они тебя обрадуютъ, успокоятъ.... Пойдемте, г. Пуссенъ, пойдемте! Мы еще застанемъ у Визитокъ обѣдню.

— Поѣдемъ въ моей каретѣ, сказала Марія, и всѣ отправились въ монастырь.

—

ГЛАВА XI.

КОГО СЛУШАТЬ?

Небольшой Сенъ-Жерменъ сталъ многолюднѣе Парижа: всѣ чиновники высшаго правительства, все высшее духовенство, маршалы, генералы, все съѣхалось въ Сенъ-Жерменъ. Даже королеву и дофина привезли туда. Прислугѣ не было мѣста: она помѣщалась въ шатрахъ за паркомъ, въ полѣ. Королевская кухня не могла продовольствовать всѣхъ гостей. Гордъ терялъ голову, какъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ, успокоить обиженныхъ, умилостивить недовольныхъ. Но и въ этомъ многолюдствѣ Людовикъ былъ одинъ. Печальный Дюбоа хлопоталъ одинъ около добровольнаго отшельника.

— Не забудь Филиппова ящика, сказалъ король, укладывая собственноручно письма, стихи и ноты въ небольшой ларчикъ.

— Онъ уже со мной, отвѣчалъ Дюбоа.

— А гдѣ самъ Филиппъ?

— Не видать давно.

— Пуссенъ его обидѣлъ. Съ тѣхъ поръ и глазъ не кажетъ.

Вошелъ Сенъ-Марсъ.

— Что, маркизъ? есть портретъ?

— Есть, ваше величество.

— Покажи.

— Онъ не со мною. Пуссенъ самъ привезетъ его.

— Когда?

— Завтра.

— Мы ѣдемъ сегодня.

— Дюбоа можетъ послать его въ Нарбонну съ нарочнымъ.

— Весьма умно. А похожъ?

— Двѣ капли воды. По скорости, онъ сдѣланъ пастилью, но ни какая живопись не сравнится съ нѣжностію этой мастерской работы.

— А что? Пуссенъ доволенъ ли мною?

— Онъ обожаетъ ваше величество; но клеветники и кардинальскіе шпіоны его замучатъ. Представьте, ваше величество: Пуссенъ, кромѣ воды, ничего не пьетъ....

— Я такъ и думалъ.

— А дѣвушка, о которой вамъ говорили — невинная дочь одного капитана, котораго кардиналъ выгналъ изъ Франціи, за то, что капитанъ не согласился на безчестное предложеніе Мазарини....

— Представь себѣ! я угадалъ.

— Пуссенъ принялъ ее подъ свое покровитель-

ство: вотъ и все тутъ. Узнавъ о клеветѣ, Пуссенъ поѣхалъ прямо къ Визиткамъ, и поручилъ невинную жертву благочестивой Лафайетъ.

— И не ошибся въ выборѣ, сказалъ король: сестра Аврелія только одна во всей нашей Франціи можетъ служить для молодой дѣвушки образцомъ благочестія и добродѣтели. Жаль, что мы не увидимся съ Пуссеномъ

— Не послать ли за нимъ?

— Насъ ждутъ въ церкви.... насъ ждетъ Испанія. Но мы найдемъ средства изъявить наше удовольствіе Пуссену. Одѣвайтесь, маркизъ, и пойдемъ въ церковь.

— Государь! пусть лучше сегодня не видятъ меня при особѣ вашей. Въ церквѣ кардиналы, кардиналисты. Я буду ожидать ваше величество у кареты.

— Хорошо, хорошо! Но зайди въ другую церковь и отслужи обѣдню. Пока твою отчитаютъ, наша едва начнется. Ступай.

Король пошелъ во внутренніа покои, Сенъ-Марсъ къ каретѣ.

—

Кардиналъ, въ особомъ отдѣленіи сенъ-жерменскаго дворца, сидѣлъ въ креслахъ, и внимательно слушалъ наставленія лучшихъ парижскихъ врачей. Когда, истощивъ всѣ предупредительныя средства, врачи въ совѣтахъ своихъ стали повторяться, кардиналъ прервалъ ихъ разсужденія, и, обратясь къ Мазарини, сказалъ тихо:

— Вы остаетесь въ Парижѣ моимъ намѣстникомъ: но, кардиналъ, прошу объ одномъ: гдѣ бы я ни былъ, примлите мнѣ бѣглую чету.... въ Мадритъ даже, если судьба войны благословитъ наше оружіе.

— Я постараюсь, генералиссимусъ, исполнить ваше приказаніе немедленно.

— Не называйте меня этимъ пустымъ именемъ: оно мнѣ дано въ насмѣшку. Я отплачу этому нареченному конетаблю. Я думаю, и наши бѣглецы сидятъ гдѣ-нибудь подъ полой пажа-министра.

— Не прикажете ли еще чего, ваша эминенція?

— Сдѣлайте подробное изслѣдованія, что тамъ надѣлала въ городѣ молодежь. Если они въ самомъ дѣлѣ напали на ратушу и освободили Депорта, какъ жалуется голова и королю и мнѣ, то, послѣ испанской войны, они поплатятся за эти шутки. Хорошо, что я не показалъ королю этой жалобы.... Не по-рыцарски, а по-разбойничьи! Главное: увѣдомьте меня, кто былъ замаскированный незнакомецъ, который объщалъ моей Минѣ, моей старой Минѣ, тысячу ливровъ. Онъ хотѣлъ только унизить меня, представить скупцомъ. Мало мнѣ стóило выдать замужъ Мину и пристроить!... Сдѣлайте милость, не забудьте открыть этого замаскированнаго незнакомца.

— Я постараюсь, отвѣчалъ Мазарини, нѣсколько смутясь и поправляя крестъ. Но что будетъ съ Пуссеномъ, съ галереей?

— Оставьте это на попеченіе де-Нойе. Я ему дамъ нужныя наставленія.

— Король идетъ! король идетъ! раздалось въ сосѣднихъ покояхъ, и кардиналы вышли навстрѣчу Людовику.

Увидя, что король по галереѣ идетъ одинъ, безъ свиты, Ришліё сказалъ тихо Мазарини;

— Не безъ умысла нѣтъ никого изъ новаго министерста!

Вошли въ церковь. Вслѣдъ за Людовикомъ вошла королева, за нею дофинъ съ воспитателями. Въ свитѣ королевы, состоявшей изъ немногихъ дамъ и кавалеровъ, шелъ, съ особенною важностію и странными ужимками, Фукіерръ. Органы заиграли; архіепископъ бордоскій съ причетомъ совершилъ литургію, и, въ краткой, но сильной проповѣди, изложилъ причины войны, надежды и намѣренія правительства, и военную славу временъ Людовика. Архіепископу всѣ вѣрили, даже король: собственные его подвиги, во время осады Ла-Рошели, давали словамъ его вѣсъ и важность. Принявъ благословеніе всего парижскаго духовенства и архіепископа бордоскаго, король простился холодно съ королевой, поцѣловалъ и благословилъ сына, и вышелъ изъ церкви. На лѣстницѣ, король какъ-будто что-то вспомнилъ.

— Да, да! гдѣ де-Нойé?

Де-Нойé протѣснился. Король, взявъ его за руку, повелъ съ собой и дорогой сказалъ:

— Берегите мнѣ Пуссена, берегите пуще глаза! Всѣ возможныя удобства и облегченія моему Рафаэлю! Я могу на васъ положиться. Я васъ не забуду.... Прощайте.

Король оставилъ его руку и пошелъ далѣе. Де-Нойé остановился, желалъ дать дорогу членамъ королевской фамиліи и занять въ ходѣ свое урочное мѣсто. Прошла королева, прошелъ и дофинъ съ своими спутниками. За ними шелъ первый министръ, и также взялъ за руку де-Нойé повелъ съ собою, и на-ухо сказалъ:

— Не забудьте, любезный другъ: по возвращеніи, мы не должны застать Пуссена въ Парижѣ. При первомъ капризѣ, при первой просьбѣ ѣхать въ Италію, отпустите. Пишите ко мнѣ въ Нарбонну, и почаще. Прощайте.

Кардиналъ также оставилъ руку де-Нойé, и продолжалъ шествіе. Де-Нойé, изумленный, раздосадованный, потерялъ свою очередь и не хотѣлъ уже догонять торжественнаго хода, возвратился въ свою комнату, и, къ удивленію, нашелъ тамъ Симона Вуэ и Лемерсіé.

— Уѣхали! сказалъ Лемерсіé, глядя въ окно.

— Помилуйте! Я полагаю, они будутъ разъѣзжаться до вечера: до четырехъ сотъ каретъ, по счету Горда.

— Какъ меня ни обижаютъ, а Богъ съ ними: дай Богъ успѣха!

— Дай Богъ успѣха! сказалъ Вуэ съ злобной улыбкой. Въ полѣ свободнѣе.

Де-Нойé боялся быть тайнымъ свидѣтелемъ дальнѣйшей дружеской бесѣды, и громко сказалъ обоимъ обычное привѣтствіе. Оба обернулись съ живостью молодыхъ людей. Де-Нойé указалъ имъ на кресла, а самъ усѣлся на диванѣ и сбросилъ парикъ.

— Кажется, пора привыкнуть къ этимъ церемоніаламъ, сказалъ де-Нойе, отирая потъ съ лица: а не могу; каждый разъ устаю ужасно. Что новаго, господа?

— Много, отвѣчалъ Вуэ. Я пріѣхалъ просить васъ сдѣлать со мною расчетъ.

— Какой расчетъ?

— Когда меня отставили, картинъ однако же мнѣ не возвратили. Мнѣ теперь представился случай выгодно сбыть ихъ королевѣ Христинѣ. Шведскій посланникъ, знаменитый Гуго ванъ-Гроотъ, убѣдительно просилъ меня написать для доброй королевы пять, шесть картинъ. Но я старъ, признанъ неспособнымъ, безталантливымъ.... еще какія-то даны мнѣ названія. Я человѣкъ простой, и, несмотря на всю горечь такой немилости, не могу, не смѣю предаться отчаянію, но и писать мнѣ трудно, нѣтъ охоты: какъ-то на все, даже на кисть, гляжу съ презрѣніемъ. Слава Богу, что я еще сколотилъ себѣ независимое состояніе и могу не просить милостыни. Королевѣ Христинѣ, искренней любительницѣ художествъ, которая не только любитъ, но и разумѣетъ искусство, пріятно подарить нѣсколько картинъ. Ришліе я дарить ничего не намѣренъ. Не хочу также, чтобы деньги, которыя слѣдуютъ мнѣ, были отданы этому новому Рафаэлю, Апеллесу, достойному такой Греціи, какова ришлёвская Франція.

— Мастеръ Симонъ! я не удивляюсь, что вы себѣ нажили такъ много враговъ.

— Перестаньте, excellentissime, повторять ста-

рыя сказки. Гдѣ эти враги? Ришліё, можетъ-быть, вы по должности, открытый ратушею обманщикъ делла-Порта, итальянскій маляръ, котораго прозорливые люди приняли за какого-нибудь гонимаго Доминикина; Пуссенъ, который художественнымъ краснорѣчіемъ одѣлалъ себѣ художественную славу; наконецъ маркизъ Дезюмидъ, который насмѣшилъ Римъ, поправляя Рафаэля, и удивилъ Парижъ куринымъ царапаньемъ: и будто это враги! Съ доброй Франціей мы въ-ладу, а добрый король посю-пору молится передъ образами, написанными моею плохою кистью. Пока еще, новые Рафаэли меня не замѣнили, а что будетъ дальше, увидимъ. Такъ вы позволите надѣяться, что мои картины....

— Будутъ вамъ возвращены, сказалъ спокойно де-Нойé.

Вуэ закусилъ губы, потому что не ожидалъ такого отвѣта. Помолчавъ, онъ продолжалъ:

— Вы простите мнѣ, если я осмѣлюсь спросить, когда я могу надѣяться получить ихъ.

— Сегодня. Къ возвращенію короля, Пуссенъ напишетъ новыя.

— Ни какого сомнѣнія! Онъ необыкновенно быстръ въ работѣ. Говорятъ, они въ Римѣ спорили, кто скорѣе напишетъ сто картинъ, онъ или три такіе же посредственные художника, фамилій не помню.... Побѣдилъ!...

— А за какія картины вамъ не заплачено?

Вуэ перечелъ ихъ по именамъ и по цѣнѣ. Составилась небольшая сумма.

— Видите, мастеръ Симонъ: я разсудилъ, что

безъ разрѣшенія короля, я не могу выдать картинъ. Я немедленно пошлю докладъ его величеству, прикажетъ ли государь замѣнить ваши вялыя произведенія хорошими, хотя бы даже и не пуссеновскими; а чтобы въ то же время окончить и съ вами расчетъ и не имѣть поводовъ слушать непріятности, которыя вы позволяете себѣ говорить, я плачу за эти картины. До шведскаго посланника и вашихъ патріотическихъ съ нимъ сдѣлокъ мнѣ нѣтъ ни какой нужды. Извольте ваши деньги.

Де-Нойе́ всталъ, вынулъ изъ секретаря мѣшокъ съ золотомъ, отсчиталъ всю сумму, объявленную Вуэ, и снова усѣлся на прежнее мѣсто.

— Видите, любезный мастеръ Симонъ, сказалъ онъ смущенному Вуэ: какъ вы сами себѣ вредили и продолжаете вредить съ досаднымъ упрямствомъ?

— Вы человѣкъ умный, отвѣчалъ Вуэ: и должны понимать, каково жить главѣ французской школы, человѣку, который чувствуетъ и свое достоинство и свои заслуги, съ людьми, которые не имѣютъ вкуса и управляютъ насильно въ нашей области.

— Будетъ ли этому конецъ, мастеръ Симонъ?

— Я кончилъ! Теперь ваша очередь, Лемерсіе́.

— Конечно, достойный нашъ зодчій будетъ сколько-нибудь обходительнѣе, учтивѣе главы французской школы.

— Я молчу. Лемерсіе́, начинайте.

— Я не знаю, какъ начать, дорого́й другъ. Послѣ всего, что́ сдѣлали съ вами, послѣ всего,

что́ я теперь слышалъ, я не знаю, сто́итъ ли начинать. Не смѣю надѣяться, что во мнѣ подозрѣваютъ сколько-нибудь таланта, если васъ, достойный учитель и дѣйствительный основатель французской живописной школы, считаютъ посредственнымъ, вялымъ художникомъ.... Нѣтъ! конечно я постараюсь избѣжать такихъ непріятныхъ сужденій о моемъ талантѣ, внушенныхъ корыстолюбіемъ домашнихъ Рафаэлей, и начну съ конца, который несомнѣнно уже рѣшенъ въ главной управѣ нашихъ художествъ. Осмѣлюсь нижайше просить моего начальника оказать мнѣ послѣднее благодѣяніе, уволить отъ должности главнаго королевскаго архитектора.

Де-Нойе́ задумался. Вуэ торжествовалъ побѣду, но не долго. Де-Нойе́ всталъ, подошелъ къ столу, взялъ перо и бумагу, и, подавъ ихъ Лемерсіе́, сказалъ съ величайшимъ хладнокровіемъ:

— Извольте. Я готовъ. Но напишите ваши желанія на бумагѣ.

Лемерсіе́ былъ, въ свою очередь, смущенъ не менѣе Вуэ, но, нечего дѣлать, сѣлъ и написалъ короткую просьбу объ увольненіи.

— Хорошо! сказалъ де-Нойе́, прочитавъ бумагу, сѣлъ за столъ, и написалъ на прошеніи: «Уволить, по строжайшемъ обслѣдованіи всѣхъ расходовъ, употребленныхъ господиномъ Лемерсіе́ по всѣмъ работамъ во дворцахъ и домахъ его королевскаго величества. Обслѣдованіе поручается первому живописцу его королевскаго величества, господину Пуссену, съ избранными, по его усмо-

трѣнію, тремя ординарными живописцами и тремя зодчими. *Де-Нойе.*»

— Потрудитесь отдать это Пуссену. Но исполнивъ ваше желаніе, любезный Лемерсіе, я считаю себя, какъ начальникъ, въ правѣ спросить о причинахъ вашего неудовольствія.

Лемерсіе, блѣдный, испуганный, не сводилъ глазъ съ ужаснаго рѣшенія, и не могъ отвѣчать ни слова. Въ душу де-Нойе закралась жалость: онъ былъ убѣжденъ, что извѣстная строгость Пуссена не пощадитъ счетовъ Лемерсіе, откроетъ злоупотребленія; но де-Нойе уважалъ талантъ Лемерсіе, и, видя необходимость лишиться Пуссена, котораго онъ надѣялся замѣнить ванъ-Дейкомъ или Кортоной, не хотѣлъ потерять навсегда лучшаго французскаго зодчаго.

— Перестаньте читать, сказалъ онъ, ласково ударивъ испуганнаго Лемерсіе по плечу: разскажите лучше, отчего вдругъ пришла вамъ на умъ такая рѣшительность?

— Слѣдовать.... обслѣдовать мои поступки!... Гдѣ же королевская довѣренность?... Я работалъ слишкомъ годъ, и теперь все уже лежитъ въ развалинахъ: и вы спрашиваете о причинахъ моего неудовольствія!

— Любезный Лемерсіе, это было недоразумѣніе, Вы болѣе съ Пуссеномъ работать не будете. Для васъ я всегда найду занятіе. Галерея совершенно поручена Пуссену. Весьма естественно, вы сдѣлали по-своему, онъ хочетъ передѣлать по-своему: дѣло вкуса.

— Дурнаго вкуса, невѣжества, незнанія! Что онъ построилъ? что онъ проектировалъ?... Охотничій домъ въ Сенъ-Жерменѣ!... Конечно, великая заслуга! а я, слава Богу....

— И съ этимъ я не спорю. Мнѣ самому жаль трудовъ вашихъ въ галереѣ; но прибѣгать къ такимъ мѣрамъ, кажется, не слѣдовало. Вы во мнѣ имѣли друга, и начали....

— Извините меня, достойный покровитель!

— Миръ, миръ! перебилъ де-Нойе, разрывая бумагу.

— Господинъ архитекторъ! сказалъ Вуэ въ бѣшенствѣ: я это зналъ наперед. Купцы и зодчіе думаютъ только о барышахъ.... Прощайте.

Вуэ бросился къ дверямъ.

— Мастеръ Симонъ! мастеръ Симонъ! а ваши деньги?...

— Дарю на бѣдныхъ!

Въ это самое мгновеніе вошелъ Фукіерръ, и, сдѣлавъ нѣсколько балетныхъ поклоновъ, подалъ де-Нойе записку.

— Посмотримъ, сказалъ Вуэ, остановясь: какъ поступитъ нашъ баронъ.

Де-Нойе прочелъ записку и отворотился отъ Фукіерра.

— Такъ-то, Лемерсіе! началъ де-Нойе въ прежнемъ тонѣ: вы избрали благую часть. Что добраго въ непрерывныхъ ссорахъ, въ искательствахъ, подъискахъ, во всѣхъ этихъ мелкихъ и нечистыхъ дорожкахъ лабиранта зависти? Замѣтьте: талантъ не завидуетъ.. всегда гордъ, всегда искренен.

Иногда больно отъ геніальнаго правдолюбія, да стерпится, слюбится.... Мастеръ Вуэ совсѣмъ дѣло другое: онъ кончилъ блистательный путь, не можетъ идти далѣе, а въ художествѣ «остановился» значитъ пошелъ назадъ. Дворъ и Франція обогатили его. Надо было самому знать честь и вовремя, со славою, самому сойти съ художественнаго поприща, уступить мѣсто, можетъ быть, не достойнѣйшему, но человѣку, который творитъ, производитъ согласно съ измѣнившимися понятіями времени. Не такъ дѣйствовалъ Вуэ: чувствуя свою немощь, онъ хотѣлъ поддержать свою славу именно художественнымъ краснорѣчіемъ, и каждый, кто осмѣливался съ нимъ не соглашаться, несъ судьбу Катилины. Вы знаете, что наконецъ и Цицерона не взлюбили. А вы, Лемерсіе, еще въ полной силѣ. Я самъ принужденъ былъ утвердить приказаніе Пуссена, и вчера ваши орнаменты загромоздили всю галлерею своими обломками; но меня утѣшала мысль, что благородное соревнованіе Лемерсіе докажетъ Пуссену, что онъ поступилъ съ нимъ какъ плохой политикъ и какъ слишкомъ себялюбивый, взыскательный художникъ.

— И докажу, достойный покровитель, докажу вашему Пуссену, что строить фантазіи въ мечтательныхъ пейзажахъ не значитъ еще понимать зодчество.

— Что же касается до васъ, г. Фукіерръ, я очень жалѣю, что вы безпокоили королеву вашими ссорами и сплетнями. Вы меня поставили въ необходимость разыскать все дѣло и, вѣроятно,

это не будетъ для васъ выгодно. Вы бы должны дорожить милостью королевы. Но пейзажи въ окнахъ.... простите, Пуссена еще не было въ Парижѣ: я первый возставалъ противъ такого безвкусія.

Вошелъ слуга и доложилъ: — г. Пуссенъ!

— Вотъ кстати!... Проси... Мнѣ весьма пріятно васъ видѣть, г. Пуссенъ! Вы должны примирить всѣ неудовольствія, которыя возникли по вашей милости. У насъ никогда еще не бывало такого шума изъ пустяковъ. Вы успѣли обидѣть всѣхъ нашихъ художниковъ. Всѣ эти господа пришли на васъ жаловаться.

— И я то же пришелъ съ жалобой на безстыдныхъ клеветниковъ, отвѣчалъ Пуссенъ съ важностью. Я не знаю, какъ принять королевскія повелѣнія: шуткой или въ самомъ дѣлѣ повелѣніями съ положительной цѣлію.

— Не понимаю, какъ можно въ этомъ сомнѣваться.

— Въ такомъ случаѣ, я не понимаю, почему эти повелѣнія не объявлены всѣмъ этимъ господамъ. Я одинъ работать не въ силахъ; а эти господа продолжаютъ дѣлать свое, не спрашивая у меня ни совѣтовъ, ни распоряженій. Я не сомнѣваюсь въ ихъ высокихъ талантахъ, и, если бы королю угодно было подчинить меня ихъ руководству, я умѣлъ бы повиноваться. Но г. Лемерсіе, несмотря на то, что я приказалъ разбить чудовищные и чрезмѣрно тяжелые орнаменты въ одномъ концѣ залы, не удостоилъ меня спросить о

причинахъ, чего я хочу, и сдѣлалъ распоряженіе продолжать точно такую работу въ другомъ концѣ галереи. Мало того: г. Лемерсіе публично говорилъ въ галереѣ непріличныя на счетъ мои рѣчи, которыхъ я, безъ-сомнѣнія, не повторю въ присутствіи образованнаго человѣка, и публично возвѣстилъ, что не пройдетъ мѣсяца, и разрушенные уроды воскреснутъ, а меня съ такимъ же безчестіемъ выгонятъ изъ Франціи, съ какою честію притащили изъ Рима, за уши, какъ упрямаго пикольника. Г. де-Нойе, спрашиваю васъ, какъ я долженъ принимать слова г. Лемерсіе, личнымъ ли выраженіемъ оскорбленнаго самолюбія г. Лемерсіе или отголоскомъ мыслей его покровителей?.

Всѣ молчали. Пуссенъ снова началъ.

— Теперь о г. Фукіерръ. Кто онъ? какія имѣетъ порученія отъ короля? какою властію пользуется въ галереѣ? Мнѣ объ этомъ ничего не сказано; а между-тѣмъ, г. Фукіерръ вчера, въ глубокую ночь, ворвался ко мнѣ насильно, наговорилъ тму грубостей, обидныхъ клеветъ, и принудилъ меня къ строгости. Я не шутилъ, и, желая оправдать довѣренность короля, объявляю, что объщенные мною аресты, штрафы и другія взысканія, всѣ будутъ имѣть мѣсто, если у титулованныхъ господъ художниковъ нѣтъ другихъ чувствъ, на которыя можно дѣйствовать кроткими мѣрами. Я никогда не осмѣлюсь принять королевскихъ повелѣній за шутку, никогда не позволю считать себя бездушнымъ пугаломъ, которое поставили въ саду для игрушки.... г. де-Нойе, разрѣшите мои сомнѣнія.

Всѣ молчали. Де-Нойé съ неудовольствіемъ отвѣчалъ:

— Если вы имѣете королевскія грамматы и повелѣнія, поступайте какъ вамъ велитъ долгъ вѣрнаго подданнаго его королевскаго величества.

— Исполняя долгъ, о которомъ вы говорите, я не буду болѣе безпокоить васъ испрошеніемъ добрыхъ совѣтовъ; но какъ исполнительная власть по всѣмъ постройкамъ его величества возложена на васъ, то я прошу, на первый случай, дать урокъ г. Фукіерру и повторить при мнѣ, что мѣры строгости, какія назначу для успѣха общаго дѣла, будутъ въ точности приведены въ исполненіе по первому моему требованію.

— А я мечталъ, отвѣчалъ съ грустію де-Нойé: что демонъ самолюбія обитаетъ только въ душахъ середняго порядка!

— Не самолюбіе, сказалъ съ улыбкой Пуссенъ, а нѣкоторое познаніе слабостей человѣческихъ руководствуетъ моими поступками. Удостойте меня прямымъ отвѣтомъ на вопросъ, который я имѣлъ честь предложить вамъ.

— Кротости, г. Пуссенъ, кротости: вотъ чего я ожидалъ отъ философа живописцевъ!

— Не съ ними! отвѣчалъ Пуссенъ, указывая на Фукіерра и Лемерсіé.

— Они уже не подъ начальствомъ вашимъ, они уволены, сказалъ де-Нойé съ примѣтною досадою.

— Никто не могъ ихъ уволить безъ моего согласія! Прежде они должны быть наказаны, а по-

томъ, можетъ-быть, я ихъ уволю, если не образумятся.

— Послушайте, г. Пуссенъ: неужели вы безъ шутокъ думали, что кто-нибудь позволитъ, кому бы то ни было, обращаться съ достойными и заслуженными художниками какъ съ учениками, которые моютъ ваши кисти?

— Такъ зачѣмъ же играть комедію? сказалъ Пуссенъ: зачѣмъ же давать повелѣнія, которыхъ я кроткими мѣрами не могу исполнить?... Какъ я буду работать, когда Лемерсіе, въ той же галереѣ, лѣпитъ своихъ уродцевъ, чтобы закрыть мои картины, а г. Фукіерръ пачкаетъ окна пейзажами, и еще ночью, съ грубостью и нахальствомъ врывается въ домъ мой, изрыгаетъ клеветы и вызываетъ своего начальника на поединокъ!... Извольте... я знаю правила чести; но прежде снимите съ меня дарованныя королемъ права, а потомъ не откажите быть моимъ секундантомъ.

— Это ужъ слишкомъ, Пуссенъ! сказалъ де-Нойе съ горячностію. Ваша строгость похожа на педантизмъ сельскаго учителя. Конечно, господа художники нѣкоторымъ образомъ подчинены вамъ; но вы обязаны тѣмъ же уваженіемъ къ ихъ талантамъ, какимъ они обязаны къ вашему. И по архитектурѣ, мы еще не видали вашихъ работъ, а Лемерсіе отдали справедливость не одни соотечественники.

— Я утомлю ваше вниманіе подробнымъ критическимъ разборомъ всѣхъ недостатковъ луврской галереи, и на-сегодня замолчу; но не оставлю безъ

доказательствъ моего мнѣнія, принудившаго меня уничтожить сорока-тысячныя работы. Впрочемъ, я не знаю еще здѣшнихъ цѣнъ, и займусь этимъ предметомъ съ особеннымъ усердіемъ, потому что король и кардиналъ жаловались на чрезмѣрные по галереѣ расходы. Пока не угодно ли просмотрѣть мои предположенія?

Пуссенъ вынулъ изъ папки общій планъ и разрѣзы галереи: ни какого сходства съ разрушенной! Все было проектировано въ чистомъ римскомъ стилѣ; подробности были нарисованы съ особенною тщательностію Гаспаромъ и Стеллой; вся галерея была сложена изъ вѣрныхъ копій съ изящныхъ остатковъ древностей. Лемерсіе покраснѣлъ; де-Нойе разсматривалъ съ удовольствіемъ; Фукіерръ глядѣлъ въ окно; Симонъ Вуэ подошелъ къ де-Нойе и сказалъ съ примѣтною досадою:

— Очень, очень не дурно, но ничего оригинальнаго, это все заимствованія.

Пуссенъ молчалъ и рылся въ своихъ папкахъ.

«Какъ бы хотѣлось мнѣ, подумалъ де-Нойе: окончить эту галерею и выжить Пуссена къ пріѣзду короля!»

— Но здѣсь множество статуй, барельефовъ, каріатидъ, сказалъ онъ: это потребуетъ времени...

— Тѣмъ болѣе, отвѣчалъ Пуссенъ: что все это надо отливать въ Римѣ: здѣсь ничего не съумѣютъ сдѣлать.

— Но подумайте, сказалъ де-Нойе: чего же это будетъ стоить!

— Вся галерея, со всѣми моими работами, шестьдесятъ тысячъ ливровъ.

— Вы шутите, Пуссенъ!

— Во всю жизнь мою я не позволялъ себѣ шутки, говоря о художествѣ. А вотъ, не угодно ли посмотрѣть нѣкоторыя подробности? Вы видите, въ общемъ планѣ, рядъ барельефовъ. Они будутъ написаны, и вотъ для нихъ рисунки.

Пуссенъ показалъ исторію Геркулеса въ очеркахъ.

— Да вы сами Геркулесъ! сказалъ де-Нойé, разсматривая превосходные очерки.

— Позвольте! сказалъ Пуссенъ и вышелъ.

— Господа! согласитесь, сказалъ де-Нойé: что и мысль и подробности превосходны.

Художники хранили молчаніе и презрительную улыбку. Пуссенъ воротился, держа въ рукахъ, съ особенною осторожностію, незасохшій еще эскизъ плафона.

— Я его везъ въ каретѣ съ большимъ трудомъ, и не жалѣю, сказалъ Пуссенъ, поставивъ на свѣтъ свою картину.

Художники закусили губы. Вуэ покраснѣлъ. Пуссенъ глядѣлъ на нихъ съ сожалѣніемъ великодушнаго побѣдителя.

— Вотъ мои мысли, г. де-Нойé: жду вашихъ приказаній, сказалъ онъ, поставивъ картину на стулъ.

Де-Нойé обнялъ и разцѣловалъ Пуссена.

— Вамъ ли сомнѣваться въ моемъ одобреніи? сказалъ онъ тихо. Но я возобновлю мою просьбу:

не оскорбляйте людей съ талантами. Они нѣкоторымъ образомъ правы.

— Позвольте, отвѣчалъ Пуссенъ: подарить вамъ эскизъ моего плафона на память, а о другихъ обстоятельствахъ донести вамъ письменно.

— Кчему все это, г. Пуссенъ?

— Вы хотите, чтобы исполнилась моя живописная притча.... Поручаю себя времени; но, для оправданія передъ потомствомъ, позвольте мнѣ немедленно приступить къ работамъ въ галереѣ. Признаюсь, я очень доволенъ, что г. Лемерсіе и г. Фукіерръ получили увольненіе. Мнѣ не нуженъ ни архитекторъ, ни пейзажистъ: я и самъ окончу галерею, и самъ напишу пейзажи. Но попрошу у васъ послѣдней милости.

— Говорите, говорите!

— Стражи къ моему дому и стражи къ лувръской галереѣ. Я хочу запереться, и въ нѣсколько недѣль она готова! Тогда вы меня отпустите на время въ Римъ. Я вернусь съ женой, и пріймусь за Лувръ, котораго, во всякомъ случаѣ, въ этомъ году мы перестроить не можемъ.

— Все будетъ исполнено, отвѣчалъ де-Нойе, съ трудомъ скрывая примѣтную радость.

— Такъ простите!

Пуссенъ на-скоро собралъ свои рисунки, сложилъ въ папку, поклонился и уѣхалъ.

Художники стали откланиваться. Де-Нойе съ особенною сухостью отпустилъ Вуэ и Фукіерра, но удержалъ Лемерсіе.

— Послушайте, Лемерсіе. Какъ хотите, помиритесь съ Пуссеномъ.

— Подумайте сами, достойный покровитель, могу ли....

— Притворно, притворно! Мнѣ нужна эта галерея къ пріѣзду короля, а безъ вашего содѣйствія, онъ матеріяльно затруднится въ архитектурныхъ работахъ.

— Но чѣмъ же могу помочь я? спросилъ Лемерсіе съ коварной улыбкой.

— Такъ послушайте, Лемерсіе! Если добромъ вы не хотите мнѣ оказать услуги, то я вамъ приказываю. Всякая остановка по архитектурной части въ галереѣ на вашей отвѣтственности.... Прощайте!

Де-Нойе ушелъ въ другую комнату, а Лемерсіе на дворикъ, гдѣ его ожидали сообщники. Приложивъ палецъ къ губамъ, Лемерсіе вышелъ на крыльцо, не останавливаясь. Всѣ трое усѣлись въ одну придворную карету и отправились въ Парижъ.

ГЛАВА XII.

ЗАТВОРНИКЪ.

Немного художниковъ работало въ луврской галереѣ: самъ Пуссенъ, Гаспаръ, Стелла, Ла-Гиръ, Дюфреноа, Михаилъ Корнель, и еще два, три, которыхъ имена затерялись. Галерея была уже близка къ окончанію. Барельефы in chiaroscuro, изображавшіе подвиги Геркулеса, были уже написаны, плафонъ совершенно оконченъ и лѣса сняты. Одинъ

входъ былъ заколоченъ на-глухо; у другаго стояли на стражѣ два карабиніера, не въ галереѣ, а въ смежномъ покоѣ. Двери были заперты.

— Еще два, три дня, сказалъ Пуссенъ; и все будетъ кончено! Теперь довольно: пойдемъ!

Всѣ вышли; Пуссенъ послѣдній, заперъ галерею, и отправился домой съ Гаспаромъ и Стеллой. Немного спустя, пришли въ смежный съ галереей покой, гдѣ стояли карабиніеры, Лемерсіе и Фукіерръ.

Лемерсіе занялся соображеніями, какимъ образомъ передѣлать этотъ покой и соединить его прилично съ другими залами, уже существовавшими или предположенными. Фукіерръ непрерывно величалъ Лемерсіе титулами маркиза, графа, даже маршала. Карабиніеры стояли въ струнку, не смѣя даже взглянуть другъ на друга.

— Что, съ вами ключъ? спросилъ Лемерсіе; взяли вы у Пуссена?

— Со мной, почтительно отвѣчалъ Фукіерръ. Г. Пуссенъ только-что оставилъ галерею и отдалъ мнѣ ключъ на случай вашего пріѣзда.

— Отворите галерею.

Фукіерръ отворилъ. Лемерсіе, съ особенною важностью, вошелъ въ галерею, и двери захлопнулись.

— Какъ ты думаешь, Андрей, кто они? спросилъ карабиніеръ, вынимая табакерку.

— Не знаю, Ѳома, отвѣчалъ Андрей, нюхая табакъ. Должны быть королевскіе: такъ важно и

говорятъ и ходятъ. Намъ и не понять о чемъ они толковали.

— Ужь и не понять! Отчего же не понять? Дѣло простое. Я полагаю, Андрей, это королевскіе обойщики. Все на локти у нихъ, на футы, да на дюймы. Стало-быть, они мѣру прикидываютъ. Галерею кончатъ не сегодня, такъ завтра: ну, а видишь, по всему дворцу есть и занавѣси, и обои, и мебели, и все, а тутъ еще ничего; такъ ихъ и прислали.

— Помилуй! да одинъ при шпагѣ.

— Ну, это королевскій приставъ.

— А этотъ-то маркизъ, графъ, маршалъ.

— То-то умная голова! Ты и разбери, что маршалы безъ шпаги не ходятъ. А ты знаешь, какой норовъ у городскихъ купцовъ: всѣ другъ друга величаютъ маркизами и графами.... Да что будешь дѣлать? Деньги у нихъ: имъ и кланяются!

Лемерсіе и Фукіерръ вышли, заперли галерею и съ печальными лицами отправились во внутреніе покои дворца.

— Видно, мало барышей насчитали, сказалъ Ѳома; такія длинныя рожи!

— Не бойся, Ѳома, городскіе купцы народъ смышленный. Позволь имъ только кайму приставить гдѣ нибудь, такъ счетъ будетъ длиннѣе каймы.

— Что, братъ Андрей, смеркается: теперь никто не пожалуетъ?

— Такъ что жъ!

— Давай спать!

— Давай, только въ-очередь.... Начинай!

Ѳома усѣлся на полу и заснулъ, а Андрей, гуляя, вполголоса напѣвалъ пѣсню.

—

Собрался совѣтъ государственныхъ секретарей. Мазарини предсѣдательствовалъ. Ришліё требовалъ отъ добраго города ссуды значительныхъ суммъ, и поручалъ привести это дѣло къ доброму окончанію коллегіально. Голова, который былъ, по неловкости Мазарини, приглашенъ въ совѣтъ, отказалъ секретарямъ рѣшительно, прибавивъ къ тому обѣщаніе, что и впредь онъ не намѣренъ давать денегъ безъ приговоровъ парламента, и то на основаніи безчисленныхъ постановленій, изъ которыхъ умный голова напомнилъ совѣту около сорока. Совѣтъ кончился; голова уѣхалъ. Канцлеръ обѣщалъ уладить дѣло посредствомъ парламента, и также уѣхалъ. Мазарини объявилъ тогда секретарямъ, что кардиналъ лежитъ въ Нарбоннѣ, безъ надежды на выздоровленіе, что важныя обстоятельства требуютъ рѣшительныхъ мѣръ, и что всѣ секретари должны поспѣшить отъѣздомъ въ Нарбонну.

— Я ѣду сегодня же, сказалъ Мазарини.

— Я завтра, сказалъ де-Нойé, и простился съ товарищами.

Въ прихожей де-Нойé толпилось множество художниковъ, между ними Лемерсіé и Фукіерръ.

«Что́ это значитъ? подумалъ де-Нойé. Вѣрно, Пуссенъ написалъ новую превосходную картину.

— Милости просимъ, милости просимъ! сказалъ онъ громко, входя въ гостиную. Что́ новаго.

— Много, отвѣчалъ Лемерсіе: очень много. Но я хотѣлъ бы сообщить вамъ наединѣ.

Де-Нойе и Лемерсіе вошли въ кабинетъ.

— Ну что? спросилъ де-Нойе.

— Пуссенъ почти совсѣмъ окончилъ галерею.

— Быть не можетъ! Я этого никакъ не ожидалъ.... Но что значитъ это *почти*? Можетъ-быть, еще на два мѣсяца работы.

— Какое на два мѣсяца! И на два дня не остается!

— Быть не можетъ!.... Но, отъ такой поспѣшности, я полагаю....

— Вы и не ошибаетесь. Это миніатюрная работа, исполненная помеломъ; тысячи мелкихъ украшеній, не лѣпныхъ, какъ предполагалъ я, а намалеванныхъ. Представьте, какъ бы это было хорошо, если бы на церкви ватиканской, вмѣсто дѣйствительнаго балюстрада, поставить декорацію, писанную на полотнѣ водяными красками, или, вмѣсто башенъ на церкви Парижской Божіей Матери, поставить картонныя трубочки съ прорѣзью!... Признаюсь, я не завистникъ, но радъ....

— Я не знаю, чему тутъ радоваться. Война продолжится еще мѣсяца три, четыре, и я его заставлю все передѣлать.

— Непремѣнно, непремѣнно! отвѣчалъ Лемерсіе. Я говорю уже не изъ зависти, а потому, что мнѣ жаль васъ, моего покровителя: пріѣдетъ король, и на васъ и на меня, и на всѣхъ, пенять будетъ.

— И какъ это досадно! сказалъ де-Нойе: я завтра долженъ ѣхать: галереи я не видалъ, тре-

вожить Пуссена теперь не хочется: поздно, а безъ него ее видѣть нельзя.

— Можно, можно, только если вы захотите сохранить тайну.

— Конечно, я не выдамъ васъ. Но какъ?

— Если вы не заняты, мы можемъ исполнить наше намѣреніе тотчасъ.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ.... Пойдемъ! — Погодите, господа, сказалъ де-Нойе, проходя гостиную и кланяясь художникамъ: черезъ четверть часа я вашъ.

—

Изъ садовъ тюильрійскихъ вся новая академія Пуссена, вмѣстѣ съ своимъ предсѣдателемъ, возвращалась съ прогулки.

— Что это? спросилъ Ла-Гиръ: кажется, въ нашей галереѣ свѣтъ?

— Что за вздоръ! сказалъ Пуссенъ. Ключъ у Гаспара, стража на мѣстѣ: не ошибаетесь ли вы?... Нѣтъ! точно. Вѣрно, Гаспаръ забылъ что-нибудь и пошелъ.

— И я и ключъ, мы оба здѣсь, сказалъ Гаспаръ. Посмотрите, посмотрите! свѣтъ исчезъ.

— Не показалось ли намъ?

— Кажется, мы видѣли всѣ и своими глазами.

— Пойдемъ, справимся, сказалъ Ла-Гиръ.

— А если это не люди? сказалъ Гаспаръ. Вамъ случалось видѣть не-людей?

— Что за вздоръ!

— Вздоръ?... Не говорите. Я имѣлъ печальный

случай удостовѣриться, что на свѣтѣ, кромѣ настоящихъ людей, есть еще и другіе люди, о которыхъ не ловко разсказывать теперь подъ-вечеръ.

— Пойдемъ всѣ вмѣстѣ! сказалъ Пуссенъ съ улыбкою. Авось, не-люди людей побоятся!

— Всѣ вмѣстѣ, дѣло другое, отвѣчалъ Гаспаръ, и всѣ пошли въ Лувръ.

Стража дремала; на вопросы о странныхъ посѣтителяхъ, отвѣчала въ испугѣ, что никого не было, и академія пошла въ обратный путь, споря о привидѣніяхъ, тѣняхъ, колдунахъ и прочая.

— Не смѣю спорить, сказалъ Ла-Гиръ. Самому мнѣ встрѣчаться не удавалось не только съ чортомъ, но даже съ малѣйшимъ его пажомъ; а слышать слышу. Ришліе вѣритъ колдунамъ, и представьте, до какой степени: передъ отъѣздомъ въ Нарбонну, какой-то колдунъ предрекъ кардиналу болѣзнь: Ришліе приказалъ схватить его; нигдѣ не отыскали: исчезъ, ушелъ....

— Ушелъ? съ важностью сказалъ Гаспаръ: отъ Ришліе ушелъ?... Послѣ этого, не вѣрьте нечистой силѣ!... Но вѣрно ли это?

— Каталонецъ Тромбара самъ разсказывалъ въ зеленомъ кабачкѣ дворянамъ.

— Что жъ кардиналъ? спросилъ Гаспаръ.

— Умираетъ. Врачи отказались. Онъ послалъ искать колдуновъ, но нигдѣ найти не могутъ, потому что и колдуны ему не вѣрятъ.

— Измѣна! измѣна! кричалъ Михаилъ Корнель, выбѣгая изъ домика Мену. Ахъ! вы здѣсь, учитель!... а я васъ ищу!

— Что такое? спросилъ Пуссенъ съ неудовольствіемъ.

— Де-Нойе былъ у васъ въ галереѣ.

— Когда?

— Сейчасъ. Я отъ него. Тамъ много нашихъ: всѣ знаютъ.

— Что жъ у него другой ключъ?

— Не у него, а у Лемерсіе. Они ходили вмѣстѣ, осмотрѣли галерею со свѣчами. Де-Нойе браниль Лемерсіе за клевету, но и на васъ сердитъ. Говоритъ: «Галерея не дурна, но много недостатковъ. Всему виною проклятая поспѣшность. Впрочемъ я самъ виноватъ.»

Михаилъ подробно разсказалъ, что въ галереѣ не нравится де-Нойе. Пуссенъ слушалъ молча, безъ улыбки и досады. Прочіе хохотали. Когда Михаилъ кончилъ разсказъ свой, уже въ гостиной, Пуссенъ сказалъ тихо:

— Нечего дѣлать! Для блага художествъ во Франціи, должно не говорить, а написать проповѣдь. Передъ отъѣздомъ надо расчитаться со всѣми. Гаспаръ, садись и пиши.

— Мы, можетъ-быть, помѣшаемъ, сказалъ Лагиръ.

— Нѣтъ, друзья мои! Вы послѣдняя надежда французскихъ художествъ. Глядя на васъ, я буду и умнѣе и краснорѣчивѣе.... Пиши!

— Пуссенъ походилъ по комнатѣ, нѣсколько минутъ подумалъ, и сталъ диктовать:

«Подобно одному древнему философу....

— Но это не начало! что̀ это? письмо, записка, просьба? сказалъ Гаспаръ.

— Правда, правда! Пишн. «Государь мой, подобно одному древнему философу, желалъ бы и я, чтобы можно было видѣть, что̀ происходитъ въ душѣ человѣка: тогда въ ней не только были бы открыты порокъ и добродѣтель, но вмѣстѣ и познанія и хорошія ученыя начала; а это весьма было бы выгодно для ученыхъ людей, потому что лучше бы могли оцѣнять ихъ достоинства. Но природа поступила иначе, и судить о способностяхъ человѣка въ наукахъ и художествахъ столько же трудно, какъ и о хорошихъ или дурныхъ наклонностяхъ его въ нравахъ....»

Вы начинаете, Николо, нѣсколько странно, сказалъ Гаспаръ. Ваши выраженія можно перевести на простонародный языкъ: выйдетъ, коротко, но обидно, выйдетъ: «Милостивый государь, вы невѣжда.»

— Послѣ тайнаго посѣщенія моей галереи, я уже не обязанъ къ этому господину прежнимъ уваженіемъ. Онъ не лучше другихъ, а я обсахариваю мои слова какъ умѣю. Пишн. «Сколько бы ни были обширны изученіе и опытность ученыхъ, не возможно принудить всѣхъ остальныхъ людей, чтобы они имѣли полную вѣру во все то, что̀ говорятъ ученые. Это истина, извѣстная во всѣ времена, особенно въ-отношеніи къ живописцамъ, не только древнимъ, но и новымъ, какъ напримѣръ Анибалъ Караччи и Доминикино: у нихъ не было недостатка ни въ искусствѣ, ни въ знаніи,

по которымъ можно бы судить о ихъ талантѣ; но этотъ талантъ не былъ однако же въ нихъ признанъ, сколько по ихъ несчастному жребію, столько и по интригамъ завистниковъ, которые во всю жизнь пользовались и славой и счастіемъ незаслуженными. Я могу поставить себя на ряду съ Караччи и Доминикиномъ относительно несчастія. Я жалуюсь на то, что вы обращаете вниманіе на клеветы моихъ враговъ, тогда-какъ вы должны бы быть моимъ покровителемъ, потому что именно вы подаете поводъ этимъ клеветамъ, снимая ихъ картины съ мѣстъ, съ тѣмъ, чтобы поставить на ихъ мѣсто мои. Всѣ тѣ, которые трудились въ бывшихъ работахъ большой галереи и надѣялись получить отъ того какой-либо прибытокъ, также и тѣ, которые надѣялись получить нѣсколько картинъ моей руки, но лишились къ тому возможности, по случаю запрещенія, которое вы мнѣ сдѣлали, «не работать въ частныя руки,» всѣ эти люди — мои враги, всѣ кричатъ противу меня. Мнѣ ихъ нечего бояться: по милости Божіей, я пріобрѣлъ богатство, не принадлежащее къ дарамъ фортуны; нельзя его отнять, и съ нимъ я могу идти всюду. Несмотря на то, огорченіе, что со мной поступаютъ такъ дурно, могло бы доставить мнѣ довольно поводовъ къ изложенію причинъ, заставляющихъ поддерживать мнѣнія мои, болѣе твердыя и основательныя, нежели мнѣнія другихъ, и показать вамъ невѣжество моихъ клеветниковъ. Но боязнь, навести на васъ скуку, принуждаетъ меня сказать коротко, что тѣ, которые стараются

поселить въ васъ отвращеніе отъ работъ, начатыхъ мною въ большой галереѣ, или невѣжды или люди злобные. Цѣлый свѣтъ и вы должны бы примѣтить, что я, не случайно, но съ намѣреніемъ, избѣгалъ тѣхъ недостатковъ и уродливостей, которыя достаточно обнаруживались уже въ начаткахъ Лемерсіе, именно, дебелости — и непріятной тяжести, излишняго пониженія свода, который будто падалъ, вмѣсто того чтобы возвышаться; особенно холоднаго сочиненія, меланхоліи, бѣдности и сухости вида во всѣхъ частяхъ. Всѣ эти части слѣплены вмѣстѣ, несмотря на то, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, онѣ совершенно противуположны, чего не можетъ допустить здравый смыслъ и разсудокъ; напримѣръ, части слишкомъ толстыя вмѣстѣ, съ вытянутыми, огромныя съ крошечными, слишкомъ сильное съ слишкомъ слабымъ, и съ придачей всѣхъ другихъ несообразностей. Въ цѣломъ не было ни какого разнообразія; ни что не было поддержано: во всемъ замѣтно отсутствіе связи, послѣдовательности. Величина мѣстъ для картинъ не имѣла ни какой соразмѣрности съ разстояніемъ: на этихъ мѣстахъ ничего бы нельзя было видѣть, потому что они были продѣланы въ самой серединѣ свода, и прямо надъ головами зрителей; глядя на картины, зрители должны бы, такъ сказать, ослѣпнуть. Вся галерея заключала въ себѣ тѣ же недостатки. Архитекторъ подчинилъ себя извѣстнымъ консолямъ, которые владычествовали вдоль всего карниза, и эти консоли не въ равномъ числѣ: съ одной стороны четыре, съ

противуположной пять. Вотъ что̀ заставляло или разрушить всю работу, или оставить нестерпимые недостатки. Надо знать, что есть два способа смотрѣть на предметы: одинъ глядѣть на нихъ просто, другой — разсматривать ихъ со вниманіемъ....»

Гаспаръ остановился, и положивъ перо, спросилъ Пуссена:

— Ловко ли это будетъ, Николо? Вы начинаете съ азбуки всѣмъ извѣстной.

— И несмотря на всеобщую извѣстность этой азбуки, милліоны не умѣютъ читать, а судятъ о стихахъ; милліоны не умѣютъ глядѣть, а наслаждаются живописью. Но если одинъ изъ этого множества призванъ управлять художествами, надо его научить, хоть шутя, нашей азбукѣ и повторить ему самыя пошлыя, но вмѣстѣ самыя необходимыя, истины.... Пиши! «Видѣть просто, значитъ принимать естественнымъ образомъ, посредствомъ глаза, форму и сходство видимаго предмета; разсматривать со вниманіемъ, значитъ что человѣкъ, кромѣ простаго и естественнаго принятія формы посредствомъ глаза, изыскиваетъ еще съ особеннымъ тщаніемъ способы хорошо узнать тотъ предметъ.»

— Какъ хотите, сказалъ Гаспаръ: а право, кажется, совѣстно.

— Пиши! пиши! отвѣчалъ Пуссенъ, и продолжалъ диктовать: «Поэтому можно сказать, что простой взглядъ, или aspectus, есть дѣйствіе естественное, а то, что̀ я называю воззрѣніемъ, pro-

пріятную послѣдовательность другихъ украшеній? Если украшенія — предметы съ существомъ, съ тѣломъ (по-крайней-мѣрѣ, я утверждаю, что они такими кажутся), кто будетъ такъ простъ, что взгромоздитъ огромную тяжесть туда, гдѣ она никакъ не можетъ удержаться? Но всѣ тѣ, которые предпринимаютъ большія работы, не вѣдаютъ, что уменьшеніе предметовъ въ зрачкѣ нашемъ происходитъ совершенно по инымъ законамъ. Впрочемъ, мнѣ никогда и не предлагали исполнить самое превосходное произведеніе, какое только я могу вообразить, и если бы меня къ тому обязать вздумали, я сказалъ бы откровенно мое мнѣніе и не посовѣтовалъ бы приступать къ предпріятію столь большому и столь трудному для хорошаго исполненія, во-первыхъ, по недостатку въ Парижѣ способныхъ для такой работы мастеровъ, во-вторыхъ, по времени, слишкомъ продолжительному, какое бы для того требовалось, и, въ-третьихъ, по излишнимъ издержкамъ. Я считаю, что не слѣдовало бы употреблять огромныхъ суммъ на галерею столь обширную, которая во всякомъ случаѣ будетъ только проходною, и притомъ можетъ со-временемъ прійти въ то же дурное состояніе, въ какомъ я засталъ ее. Небреженіе и недостатокъ любви въ нашей націи къ изящнымъ произведеніямъ столь велики, что едва успѣютъ ихъ окончить, какъ уже никто объ нихъ и не думаетъ: напротивъ, не рѣдко находятъ удовольствіе въ томъ, какъ бы ихъ разрушить. И такъ, я полагаю, что я исполнилъ порученіе короля очень

вязанныя, къ своду, и другія, которыя считаютъ слишкомъ малыми, я увеличилъ въ размѣрахъ противу ихъ настоящихъ пропорцій, я впалъ бы въ тѣ же погрѣшности и показался бы такимъ же невѣждой, какъ и тѣ, которые до меня производили и производятъ еще до-сихъ-поръ различныя значительныя работы. Изъ этихъ работъ ясно видно, что они не знаютъ, что дѣлаютъ, въ противность наукѣ, въ противность образцамъ, предлагаемымъ самою природою. Части, самыя огромныя, самыя массивныя они ставятъ на мѣстахъ самыхъ возвышенныхъ, а поддерживать эту тяжесть заставляютъ тѣла самыя нѣжныя, слабыя. Это грубое невѣжество причиною, что всѣ зданія, построенныя съ такимъ недостаткомъ науки и разсужденія, кажется наклоняются и падаютъ подъ собственною тяжестью, тогда какъ они должны бы возвышаться, легко, стройно, свободно стоять на землѣ, сами себя безъ труда поддерживая, какъ учитъ природа и разсудокъ. Кто не пойметъ, какой бы произошелъ безпорядокъ, если бы я размѣстилъ украшенія во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ требуютъ того мои критики, или если бы тѣ украшенія, которыя я уже помѣстилъ, были увеличены противу настоящихъ размѣровъ? Они бы представились подъ угломъ несравненно бо́льшимъ, съ излишнею силою, и такимъ образомъ оскорбляли или утомляли глазъ, потому что, по всему своду, во всѣхъ его частяхъ, свѣтъ одинаковъ и равенъ. Не казалось ли бы, что та или другая часть наклоняется, отдѣляется отъ галереи, и разрываетъ

пытно! кричали художники, окружая Пуссена который прочелъ имъ слѣдующее:

«Государь мой, вы какъ-то говорили мнѣ, что хотите переѣхать въ Парижъ съ женою, но для того считали нужнымъ лично отправиться въ Италію. Галерея почти готова. Я уѣзжаю и могу васъ удержать своимъ отсутствіемъ. Никогда я не желалъ вамъ дѣлать малѣйшихъ непріятностей, и потому, на случай благополучнаго окончанія галереи, даю вамъ отпускъ въ Италію, на время, какое найдете нужнымъ для устройства вашихъ дѣлъ. Воспользуйтесь отсутствіемъ его величества. Король васъ не отпуститъ. Слѣдующія суммы будутъ вамъ выданы изъ моего казначейства. Дай Богъ увидѣться.

«*Де-Нойе*.»

Всѣ были опечалены. Пуссенъ былъ необыкновенно веселъ, схватилъ карандашъ, сказалъ: — Теперь послѣдняя записка моимъ врагамъ! — и сталъ чертить эскизъ послѣдняго подвига Геркулеса. Художники, несмотря на свою печаль, внимательно глядѣли на работу, и общій хохотъ повременамъ прерывалъ тишину Пуссеневой кельи.

—

ГЛАВА XIII.

КОРЧМА.

Солнце закатилось. Лошадь приставала. Гаръ-Піонъ по-своему расточалъ увѣщанія бѣдной клячѣ, но не хотѣлъ уже бить невольную лѣнивицу.

— Если бы намъ добраться до какой-нибудь

деревни: послѣднія деньги можно отдать, а ужъ на старой клячѣ нельзя ѣхать. И старуха-то, барыня: замокъ есть, а доброй лошади пожалѣла!... Эхъ, да кажется.... нѣтъ! не кажется, а въ самомъ дѣлѣ, деревня!

Спутницы проснулись, и обѣ въ одинъ голосъ спросили: — Гдѣ ты видишь деревню?

— А это что? не деревня?... Поглядите! и въ деревню въѣзжать не надо: корчма, что стогъ сѣна, торчитъ ... Ба! и рогатки!... Вѣрно, замокъ близко. А можетъ-быть, и земля уже не наша.

— Стой! закричалъ толстый мужикъ, выходя къ рогаткѣ: именемъ герцога Бульонскаго, кто, откуда, зачѣмъ?

— Изгнанники, изъ Парижа, торопливо отвѣчала Джудита. Просимъ покрова и защиты у благороднаго герцога Бульонскаго. Ѣдемъ въ Седанъ.

Мужикъ, снявъ шляпу, отвѣчалъ: — Конечно, и одежа ради безопасности....

— Да вѣдь не маршаломъ же ѣхать мнѣ осужденному на эшафотъ! сказалъ Гаръ-Піонъ.

— Господинъ маршалъ, отвѣчалъ мужикъ: просимъ прощенія. Мы люди простые. Наши рогатки только такъ, даже не для защиты, а чтобы проѣзжіе границу знали.... Милости просимъ. Герцогъ будетъ радъ. Нынче какъ испанская война стала, такъ и гостей нѣтъ. Видно, Краснаго въ Парижѣ нѣтъ?...

— Въ Нарбонѣ, любезный, въ Нарбонѣ, отвѣчалъ Гаръ-Піонъ. Кажется пришла за нимъ бѣда: околѣетъ!

— Дай-то Господи! сказалъ мужикъ, отворяя рогатку и проводя на мостъ лошадь, которая съ трудомъ передвигала ноги; потомъ заперъ рогатку, отворилъ ворота корчмы, и втащилъ въ темный сарай пасажировъ. — Берта, Берта! кричалъ мужикъ: огня! Господинъ маршалъ съ дочерьми пріѣхалъ. Ужъ не взыщите, господинъ маршалъ: комнатка у насъ одна да большая общая изба....

— Мы люди военные, ко всему привыкли.

Берта вышла съ лучиной и освѣтила грязный сарай. Гаръ-Піонъ на рукахъ перенесъ Джудитту и Сару на огромный камень, составлявшій крыльцо, преддверье, сѣни, а самъ занялся своей клячей.

— Что это вы, господинъ маршалъ? Позвольте...

— Пошелъ братъ, къ своему дѣлу! отвѣчалъ Гаръ-Піонъ. Я привыкъ ко всему.... А какъ тебя зовутъ, про-случай?

— Ѳадеемъ, господинъ маршалъ, отъ рожденья зовутъ Ѳадеемъ.

— Сходи-ка ты, Ѳадей отъ рожденья, завтра въ деревню, да спроси, нѣтъ ли у кого продажной лошади, на промѣнъ съ придачей.

— Какъ не быть, господинъ маршалъ! Добрый конь есть у сосѣда, вотъ тутъ за лѣскомъ, въ королевской деревушкѣ. А сколько пожалуете придачи?

— Да кто же безъ товару торгуется?

— Правда, правда, господинъ маршалъ! Я сбѣгаю, приведу....

— Да что я ночью увижу?

— Правда, правда, господинъ маршалъ! Такъ я на зарѣ....

— Вотъ это дѣло!

— А что́ изволите кушать, господинъ маршалъ?

— Да что́? Извѣстно, барынъ сыру да масла, а мы и хлѣбомъ сыти будемъ.

— Барынъ? сказалъ Ѳадей, почесываясь и отворяя дверь Гаръ-Піону, который несъ въ избу подушки. — Вотъ тебѣ, дураку, и маршалъ! сказалъ Ѳадей, ударивъ себя по лбу. Да постой! мое не ушло.... Ну, а что́, если этотъ маршалъ — Гаръ-Піонъ? а эта барыня — любовница того человѣка?... Тьфу, ты чортъ! не ошибиться бы. А сто пистолей въ карманѣ?... Вотъ дурачьё: ищутъ, а бѣглецы подъ носомъ!

Берта вышла за дровами.

— Что́ стоишь, ротъ разинувъ? Помогъ бы.

— Помогу, Бертушка, помогу!... Богъ послалъ, кажется, сами подвернулись.

— Что́ ты врешь?

— Тише, не горлань!... Знаешь кто́? сказалъ Ѳадей, показывая на двери.

— Ну, кто́?

— Ахъ ты, италіянская хитрость! плоха ты была, видно, отъ рожденья. Капитанъ сманилъ: не умѣла денегъ нажить.... И я бы на тебѣ не женился, когда бы папскій капитанъ приданаго не далъ! Что́ ты за краля такая?... Вѣдь изъ нашего же рода; хлѣбъ по нашему молотила. Долго, видишь, въ барствѣ жила: мѣсяцъ; ото-всего отвыкла. А я, матушка, одинъ за двухъ; съ осьми лѣтъ по гостинницамъ; да ужъ дай только Богъ

Красному многія лѣта, а лучше гостинницы не сыщешь.... Чортъ его знаетъ, какъ онъ этихъ Французовъ поджариваетъ: не успѣешь рогатокъ отворять; а ужъ который на нашу землю, золотую въ руки на радости, а иногда и того....

— Ужъ молчалъ бы ты про *того!* Такъ тебя и въ околоткѣ прозвали, Ѳадеемъ-предателемъ:

— Что ты врешь?

— Вру?... погоди! наткнешься когда-нибудь, сказала Берта, и вошла съ охабкой дровъ въ избу.

— Экъ, нажилъ себѣ помощницу! ворчалъ Ѳадей, оставшись одинъ: и поведенія-то была такого, не лучшаго, и такъ-сказать пригожество такое не-французское, и прожили мы чортъ-знаетъ какъ: я и солдатомъ не былъ, а всю жизнь въ сраженіи.... Надо же было этому проклятому капитану на меня такой хомутъ накинуть! И деньги-то плевыя. Жилъ я себѣ спокойно мальчикомъ въ гостинницѣ на большой дорогѣ: какъ съ ножомъ къ горлу присталъ: «Женись; да женись! самъ гостинницу снимешь!» Снялъ я и гостинницу, а съ его плечъ обузу: правда! да самому-то чортъ возьми, ни какой помощи! А будь жена молодецъ, тотчасъ бы лисой и подъѣхала туда сюда, про то про сё, такъ ненарокомъ и смѣкнула бы, тѣ ли?... Нечего дѣлать! надо самому подползти къ этому маршалу. Усъ?... Эка бѣда, что усъ! Не такіе еще на человѣкѣ бываютъ шишки, а спадываютъ. Вотъ и я былъ съ волосами, да оплѣшивѣлъ.... Что же? и усъ могъ вылѣзть: да и бритвы есть: что деревня, брадобрѣй. Рожа точно

такъ исковеркана. Только отчего у него двѣ барыни? Та, плутовка, черноватая, вѣрно, любовница.... Да и какой тутъ грѣхъ?... Не на смерть же ее потащутъ, а на того.... Такъ-сказать, ни какого грѣха.... Ѳадей отродясь безгрѣшенъ, лишь бы ребра цѣлы, да карманы полны, а тамъ пожалуй, пусть и поколотятъ въ придачу, плеткой, лишь бы не палкой.... и деньги, деньги!

Ѳадей вошелъ въ избу. Берта стояла у печки, облокотя голову на руку, и, въ раздумьи, глядѣла на огонь. Гости были въ единственной комнатѣ. Гаръ-Піонъ сталъ постель для своихъ дорогихъ дочерей. Всѣ трое разговаривали тихо, слышны были только порывы веселости Гаръ-Піона. Берта не примѣтила, какъ вошелъ мужъ, и продолжала думать свою обычную думу. Гаръ-Піонъ вышелъ изъ комнаты въ общую избу, и, по привычкѣ, поглаживая лѣвую губу, сказалъ довольно громко: — Знатно пробиваетъ дорогой! Пока мы будемъ кружить по чортовымъ мостамъ, отрастетъ.

— Онъ? это онъ! подумалъ Ѳадей, присѣлъ, привалился въ уголъ, и притворился спящимъ.

— Ну, дорогая хозяюшка! теперь, какъ ретирада кончилась благополучно, не грѣшно и трубку выкурить.... Что, можно?

Гаръ-Піонъ сталъ набивать трубку. Берта, молча, взяла лучину, зажгла, и протянула руку къ Гаръ-Піону, не обращая на него ни какого вниманія.

— Айда спасибо, хозяюшка! сказалъ Гаръ-Піонъ, приложивъ къ огню трубку. — Слышь ты,

баба! сказалъ Гаръ-Піонъ, отступивъ и уронивъ трубку.

— Что́ такое? спросила разсѣянно хозяйка.

— Да ты погляди-ка на меня хорошенько!

— Чего я тамъ не видала? сказала Берта, поднявъ высоко лучину.

— Берта! сказалъ съ чувствомъ Гаръ-Піонъ.

— Гаръ-Піонъ! вскрикнула Берта, уронивъ въ свою очередь лучину.

«Это что́-то новое, подумалъ Ѳадей: да ужъ за все про все одна плата!»

— Ахъ, ты, измѣнница! сказалъ Гаръ-Піонъ, принимая на себя шутливый тонъ: ну, вотъ тебѣ образецъ постоянства! Гляди! рожу исковеркало, безъ усовъ, безъ мундира; а все холостъ.

— Лучше бы ты женился, Гаръ-Піонъ, чѣмъ напоминать мнѣ всѣ несчастія.

Берта заплакала.

— Полно, полно! я пошутилъ. Гдѣ нашему брату тягаться съ папскими капитанами? Хотя они чиномъ по-ниже нашихъ капитановъ, а всё-таки старше капрала; а мнѣ только черезъ годъ обѣщано было капральство. Не будь на свѣтѣ ядеръ, такъ чего добраго?... Ну, да я не унываю! А я твоего капитана видалъ и въ городѣ.

Въ какомъ городѣ?

— Извѣстно, въ какомъ: въ Парижѣ. Нынче онъ дошелъ далеко: изъ капитановъ въ папскіе полковники, а потомъ въ папскіе генералы, или кардиналы.... какъ у нихъ называется?

— Джуліо уже кардиналъ? закричала Берта.

Джудита отворила дверь, и съ ужасомъ смотрѣла на грязную соперницу.

Дай Богъ ему счастья! продолжала Берта. Я за него буду Богу молиться!

— За что? спросилъ Гаръ-Піонъ.

— Да за то, что онъ меня со стыдомъ на родинѣ не оставилъ. Въ Кіавенѣ ужъ и такъ поговаривать стали.

— Да, велика бѣда!

— Да, велика, Гаръ-Піонъ! Все перенесла бы, только не стыдъ.... Да полно объ этомъ толковать! Ну, что ты?

— Да я же тебѣ сказывалъ. Слава Богу, ядро... потомъ черти въ Парижѣ палить стали; потомъ мы изъ омута и выскочили; и вотъ, я думаю, теперь ужъ страхъ можно и спрятать.

— Ой, нѣтъ!

— А что!...

— Кардиналъ противъ границы за лѣскомъ устроилъ гнѣздо. Тутъ всѣ мужики — Швейцарцы, а староста — капитанъ, и не одного изъ нашей корчмы, изъ-за нашихъ рогатокъ, Швейцарцы домой поволокли.... Да ты не бойся: вашу братью, солдатъ, да женщинъ, не трогаютъ. И теперь-то старыхъ въ послѣднюю войну, перерѣзалъ герцогъ Бульонскій, а эти — новички, еще и дѣла не смыслятъ, да и побаиваются, потому что седанскіе солдаты въ нашей деревнѣ. Вотъ какъ миръ сталъ, еще никого не тронули: только выпить заходятъ.... Ну, готовъ и ужинъ твоимъ господамъ! Возьми-ка, Гаръ-Піонъ, по старой дружбѣ,

изъ шкафика двѣ оловянныя тарелки да солонку. Пойдемъ.

Гаръ-Піонъ и Берта понесли въ комнату скудный ужинъ. Ѳадей исчезъ. Джудита входила во всѣ подробности любви Берты съ Джуліо. Берта разговорилась. Прошло не мало времени. Дамы улеглись. Гаръ-Піонъ съ Бертой вышли въ большую избу.

— Гдѣ это Ѳадей? съ безпокойствомъ сказала Берта. Ой, Гаръ-Піонъ! говори правду: эта барыня — важная особа? Швейцарцы не даромъ каждый день навѣдывались, что-то съ мужемъ толковали. Гляди: Ѳадей ушелъ.... не быть добру!

— Что́ за чертовщина?... а что́ если въ самомъ дѣлѣ? сказалъ Гаръ-Піонъ.

— Да ужъ не иначе! Ѳадея предателя нигдѣ нѣтъ.

— Что́ намъ дѣлать?

— Подымай барынь: пусть одѣваются; а я покуда, въ деревню побѣгу, скажу нашимъ солдатамъ; а вы, какъ-только готовы, огородомъ,... слышишь? огородомъ,... только не по дорогѣ; а тамъ лѣскомъ стежка есть; прямо на дворъ къ старостѣ. Только поскорѣе! А мы, той же стежкой, на встрѣчу, съ солдатами? такъ дастъ Богъ и выручимъ!

Берта скрылась. Гаръ-Піонъ зарядилъ аркебузъ. Джудита и Сара одѣвались. Вдругъ выстрѣлъ изъ Гаръ-Піонова аркебуза возвѣстилъ о началѣ сраженія. Швейцарецъ плавалъ въ крови на порогѣ; трое, стоявшіе за убитымъ, не посмѣли войти въ

избу, и только пересвистывались. Гаръ-Піонъ положилъ спокойно аркебузъ къ ногамъ своимъ, и вынувъ изъ-за пояса два длинные пистолета, простеръ объятія къ Швейцарцамъ, но они захлопнули двери. Свистъ продолжался. Крикъ женщинъ возмутилъ спокойствіе Гаръ-Піона. Джудита вбѣжала полу-одѣтая въ избу. Сара кричала: «Спасите»! Гаръ-Піонъ хотѣлъ броситься на помощь къ несчастной, но изъ дверей комнаты показались Швейцарцы. Крикъ Сары слышался все дальше и дальше. Гаръ-Піонъ выстрѣлилъ, и еще убилъ одного Швейцарца, но другіе схватили Джудиту. Еще выстрѣлъ: еще одинъ Швейцарецъ заплатилъ жизнію за встрѣчу съ Гаръ-Піономъ. Но заряжать пистолеты было уже поздно: Гаръ-Піонъ схватилъ аркебузъ, и какъ Геркулесъ, наносилъ вокругъ смертельные удары. Но нельзя было спасти Джудиты: ее вытащили съ Сарой, схватили на руки, и понесли. Въ воротахъ, съ огнями, показались седанскіе солдаты. Джудита отбита, но Сары ни гдѣ не нашли. Гаръ-Піонъ, въ героическомъ жару, не различалъ союзниковъ отъ непріятелей, и сталъ было аркебузомъ благодарить за помощь но Берта его обезоружила. Гаръ-Піонъ бросился въ погоню за Сарой. Седанцы его остановили, говоря, что это и безполезно и опасно. Неутѣшный Гаръ-Піонъ не вѣрилъ, чтобы у него могли украсть Сару, сталъ объискивать корчму, и на сѣновалѣ нашелъ Ѳадея. Схвативъ въ охабку предателя, Гаръ-Піонъ вынесъ Ѳадея изъ сарая. Седанцы, Берта, Джудита, всѣ пошли за нимъ.

— Вотъ твое мѣсто, Іуда! сказалъ Гаръ-Шонъ, и Ѳадей полетѣлъ въ грязный колодезъ.

Долго еще крики его возмущали окрестную тишину, но никто объ немъ не заботился: одна Берта подошла къ колодцу и умоляла его покаяться. Въ отвѣтъ Бертѣ, изъ глубины колодца, вылетѣлъ камень.

— Промахнулся! съ бѣшенствомъ закричали Седанцы, и груда камней погребла навсегда предателя Ѳадея.

—

ГЛАВА XIV.

АБЕНЪ-ГАССАНЪ.

Не то́ уже Сондріо: и города старѣютъ. Миръ уничтожилъ военный постой, на который такъ жаловалась Джутита; но зато Вальтелина значительно обѣднѣла. Многіе привыкли къ веселой жизни съ военными людьми, и переѣхали въ богатѣйшіе города сѣверной Италіи; множество женщинъ ушло съ завоевателями: скучно, пусто въ Сондріо! Домъ Ваоли, ни кому не принадлежащій, никому не нужный, былъ на-глухо заколоченъ, и когда капитанъ Вальероль пріѣхавъ въ Сондріо, пошелъ къ головѣ и просилъ дозволенія купить домъ Ваоли, голова не мало изумился. Тридцать другихъ, и лучшихъ и новыхъ, домовъ предлагалъ онъ капитану; но Вальероль требовалъ дома Ваоли.

— Такъ возьмите же его даромъ! Сиротскаго добра не продамъ. Какъ знать? можетъ-быть, и хозяйка найдется.

— Она непременно возвратится въ отечество, отвѣчалъ капитанъ: вмѣстѣ съ моею дочерью.

— А помните, господинъ капитанъ, сказалъ голова съ улыбкой: какъ вы отъ нея бѣжали? А кончилось тѣмъ, что сами же ее и увезли.

— Признаться ли вамъ, господинъ голова? Тогда мнѣ и жениться нельзя было.... какъ при живой женѣ?...

— Конечно, конечно!... Теперь не требую: вы устали съ дороги; но когда поотдохнете, вы мнѣ разскажете эту забавную исторію.

— Съ удовольствіемъ, съ удовольствіемъ.

Домъ Ваоли оживился. Гойко вычистилъ и поубралъ комнаты. Сосѣди узнали добраго капитана, и поползли въ гости. Для Сондріо прибытіе такого гостя было истиннымъ праздникомъ, событіемъ, эпохой. Такъ и время считали; говорили: «Двѣ недѣли, два дня, два мѣсяца, послѣ капитанскаго пріѣзда....» Сколько обрадовало жителей прибытіе капитана, столько возмущало ихъ появленіе Гойки. Наружность обличала происхожденіе; привычка къ таинственному языку не могла быть оставлена, и одно только дружеское съ нимъ обращеніе капитана нѣсколько успокоивало добрыхъ и простыхъ жителей Сондріо.

Въ тотъ же день капитанъ написалъ письма; какъ отправить?... Почтъ не было: миръ прекратилъ всякія сношенія съ Франціей; нанять некого. И глубокая тоска овладѣла и капитаномъ и Гойкомъ: въ Парижѣ такія опасности! въ Парижѣ такъ ждутъ вѣсточки!...

Смерклось. Капитанъ ходилъ въ большой комнатѣ взадъ и впередъ скорыми шагами; по другой діагонали ходилъ Гойко. Нѣсколько разъ они встрѣчались и, молча давали другъ другу дорогу. Стало и совсѣмъ темно. Гойко вздохнулъ, зажегъ свѣчу, поставилъ на столъ, и съ чувствомъ сказалъ Вальеролю:

— Капитанъ, гдѣ ваши письма?

— На что́ тебѣ?

— Завтра я ѣду въ Парижъ.

— Ты съума сошелъ!

— Не могу, капитанъ, долѣе жить безъ моей Сары. Была она, моя райская птица и въ темницѣ, а все однако же я не испытывалъ такой тоски: сонъ пропалъ, ѣсть не хочется, жить безъ нея все одно, что нести пытку ришліёвскихъ парламентовъ.... все одно! А тутъ еще авось обману, авось не узнаютъ; ктому же идетъ испанская война; не до меня кардиналамъ.... Давайте ваши письма! Я рѣшился, и завтра ѣду въ Парижъ.... Чортъ его знаетъ, что́ онъ пейдетъ!...

— Кто́?

— Проклятый купчина. Совсѣмъ сторговался... Ага! Ну, теперь все пойдетъ на ладъ.

Вошелъ купецъ и за нимъ мальчики втащили два огромные короба ленточекъ, булавокъ, гребешковъ, разнаго рода бисеру, кораллов, мелкихъ гранатовъ, разныхъ бездѣлушекъ изъ лавы, и тому подобныхъ товаровъ.

— Что́ это! спросилъ Вальеролъ.

— Это моя парижская поклажа. Принимаюсь за старый промыслъ.... Авось посчастливится!

Гойко тщательно пересмотрѣлъ всѣ товары, переложилъ ихъ въ походные ящики и чемоданы, расплатился, и сталъ веселъ, какъ-будто цѣль его путешествія уже кончилась и весьма благополучно.

— Ты не шутя рѣшаешься на такой безумный подвигъ? спросилъ капитанъ.

— Если бы у васъ женой была Сара, капитанъ, вы бы рѣшились еще не на то. Теперь только понимаю, какъ я люблю мою Сару, моего друга, моего.... Ахъ, какъ всѣ эти выраженія глупы!... Сару, мою Сару; вотъ и все тутъ!

— Жидъ! невольно сказалъ капитанъ съ чувствомъ.

— Жидъ, съ горькою улыбкою повторилъ Гойко, и поглядѣлъ на капитана съ состраданіемъ.— Жидъ, продолжалъ онъ угрюмо, съ возрастающимъ однако же жаромъ. Когда-нибудь вы узнаете, въ какомъ страшномъ училищѣ пріобрѣтаются чувства.... Что я говорю! мы съ вами и до-сихъ-поръ не вышли изъ класса, и сидимъ на одной скамьѣ. Были у меня, какъ и у васъ, отецъ и мать. Не знаю, какъ у васъ, а у меня отецъ былъ извергъ: Рипліё добрякъ въ сравненіи съ Абенъ-Гассаномъ....

— Такъ ты испанскій Мавръ?

— Отецъ мой былъ испанскій жидъ; мать моя была украденная дѣвушка изъ хорошей фамиліи, изъ Сарагосы. Абенъ-Гассанъ былъ краше Сенъ-

Марса; по-уму, хитрѣе Мазарини; по учености, первый врачь во всей Испаніи. Въ крещеніи онъ назывался Кипріаномъ, но въ тайной вѣрѣ Ахавомъ Абенъ-Гассаномъ. Всѣ испанскіе жиды слѣдуютъ этому правилу, то есть, выдаютъ себя за Мавровъ и христіанъ, потому что наша несчастная печать, которую мы носимъ на лицѣ, наша отвѣка особо устроенный языкъ, не позволяютъ называть себя чистыми Испанцами. Искусному врачу и молодому красивому мужчинѣ не долго соблазнить легковѣрную и страстную дѣвушку; но въ Испаніи нельзя было оставаться: безбрачные любовники нашли безопасное убѣжище сначала въ Ліонѣ, потомъ въ Ла-Рошели. Родился я; гугенотъ меня окрестилъ по-своему; отецъ сдѣлалъ жидомъ; мать открыла тайну, сказала на исповѣди духовнику, не изъ злобы, но изъ страха, и мы должны были бѣжать. Въ Ліонѣ Абенъ-Гассанъ получалъ значительные доходы отъ пользованія безчисленныхъ больныхъ, но истрачивалъ все на кости. Не знаю причинъ, но помню, какъ однажды ночью вооруженные люди вошли въ наше жилище вмѣстѣ съ отцомъ моимъ, схватили мать мою, завязали ей ротъ, и унесли несчастную. Абенъ-Гассанъ почти до солнца считалъ и пересчитывалъ деньги. Съ-тѣхъ-поръ мы уже и не видались съ доброю матерью; на всѣ вопросы мои, Абенъ-Гассанъ отвѣчалъ: «Она преступница. Справедливые законы лишили тебя матери. Молчи, не напоминай мнѣ о недостойной.» На другой день мы оставили Ліонъ, кружили, на-

тались по разнымъ городамъ; наконецъ, въ какой-то деревушкѣ, послѣ ночлега, по-утру, я не нашелъ моего отца: онъ уѣхалъ одинъ, куда!... я никогда его не спрашивалъ. И я, въ той же австеріи, гдѣ былъ брошенъ, сталъ служить хозяевамъ. Черезъ годъ, дослужился я до того, что уже имѣлъ нѣсколько золотыхъ монетъ въ карманѣ, простился съ христіанами, и отправился въ Ліонъ. Надежда открыть, гдѣ моя мать, насильно влекла меня въ дорогой городъ. Первые дни прошли въ безполезныхъ поискахъ; на шестой день, какъ теперь помню, въ пятницу, грустно стало мнѣ: я вспомнилъ, какъ мы приготовлялись встрѣчать субботу у тайнаго раввина Ровоама бенъ-Юсуфа, между Французами мастера Рольдерò; вспомнилъ, какъ онъ не разъ наставлялъ и благословлялъ меня. Стало вечеретъ, и я.... какъ ужъ это случилось, не знаю.... вошелъ безпрепятственно въ обширную комнату или мастерскую Ровоама, служившую намъ синагогой. Столы были поставлены, безчисленныя свѣчи зажжены, ставни плотно заперты; но въ залѣ я нашелъ только тринадцати-лѣтнюю дочь Ровоама. Сара, увидѣвъ незнакомаго человѣка, закричала. Прибѣжалъ Ровоамъ и работники, и я не могу описать вамъ радости, съ какою меня принялъ старикъ и всѣ его окружавшіе. Скоро собрались и гости, именитѣйшіе ліонскіе купцы, врачи, нѣсколько человѣкъ солдатъ, и два придворные лакея (я вамъ забылъ сказать, что дворъ въ это время находился въ Ліонѣ). Я долженъ былъ разсказать мои похож-

денія нѣсколько разъ съ-ряду. Послѣ совершенія всѣхъ молитвъ и обрядовъ, Ровоамъ всталъ и сказалъ торжественно:—«Дѣти и братья! не забудьте по исходѣ субботняго дня, законовъ милостыни. Мудрый Элеазаръ говоритъ въ шестой книгѣ нравственныхъ изреченій: «*Милостыня имѣетъ то же зерно и ту же скорлупу, что и пость и молитва. Творите въ субботу обѣты; по вся дни седмицы исполняйте ихъ. Мысль безсребрянна, и ржа нечистая не осквернитъ вашей памяти.*» Все братство отвѣчало раввину благоговѣйнымъ преклоненіемъ головъ. На другой день, когда отошла суббота, Ровоамъ возобновилъ вопросъ о милостынѣ, и до ста добрыхъ пистолей назначило мнѣ братство для первой помощи. Я отказывался отъ милостыни, по какому-то странному чувству гордости, которое у насъ строго воспрещено въ случаяхъ общественной щедрости. Но Ровоамъ, напомнивъ о законахъ, похвалилъ мое безкорыстіе. По-утру я получилъ мои пистоли, купилъ съ помощью Ровоама тму бездѣлушекъ, поставилъ мою лавочку на колеса, и пустился на другой день путешествовать самымъ пріятнымъ образомъ по улицамъ Ліона. Молодыя дамы особенно полюбили меня. Каждое утро я посѣщалъ ихъ подворотни, богатѣлъ не по днямъ, а по часамъ, но не хотѣлъ разстаться съ моею драгоцѣнною лавочкой. Послѣднее утреннее посѣщеніе было къ Сарѣ; отъ избытковъ, каждый день Сарѣ гостинецъ. Ровоамъ замѣтилъ любовь нашу, но дочь старшаго Еврея, по мнѣнію ліонскихъ богачей, не могла

быть женою мелкаго торговца, хотя я торговалъ и больше ихъ и лучшими товарами. Однажды поутру я привезъ къ маркизѣ, не скажу имени, четыре нитки крупнаго жемчуга. Маркиза любила долго торговаться съ молодымъ купцомъ. Слово за слово, маркиза со вздохомъ сказала: — «Какъ жаль что ты жидъ!» — «Какъ вамъ не стыдно!» сказалъ я. — «Полно, полно, Филиппъ. Мнѣ жаль тебя. И ты на спискѣ.... у васъ есть и предатели.» Я поблѣднѣлъ. — «Не пугайся, продолжала она: я тебя выручу.» — «Изъ чего, маркиза?» — «Но, сказала она, запинаясь: мнѣ кажется, что мы всѣ люди. Однако жъ, и то правда, на вашу скромность трудно полагаться. Боже сохрани, какая-нибудь ссора, и вы...» Маркиза покраснѣла, путалась, глядѣла на меня съ такимъ страннымъ выраженіемъ; ктому же она была весьма не дурна собой. Я вздохнулъ, она тоже. Маркиза отвернулась: я разсыпался въ жалобахъ и упрекахъ на человѣческіе предразсудки, на то, на другое. Не прошло пяти минутъ, я сидѣлъ на низкомъ табуретѣ у ногъ маркизы; не прошло получаса, и я продалъ мой жемчугъ за такую дорогую цѣну, какой вѣрно не получалъ ни одинъ изъ ліонскихъ первостатейныхъ купцовъ: я продалъ мой товаръ за тройную плату; третья была государственная тайна. Кардиналъ изобрѣлъ средства обличить насъ въ жидовствѣ, и полагалъ сохранять тайну, съ тѣмъ, чтобы мы платили за нее въ кардинальскую казну ежегодно до сорока тысячъ ливровъ. Ночью Ровоамъ собралъ Евреевъ, объявилъ имъ

опасность. Придумали противудѣйствія; заплатили, правда, дорого; но мѣра была отмѣнена. Дѣло это велъ мелкій ліонскій торговецъ Филиппъ чрезъ посредство женщинъ, и наградою за успѣхъ была Сара. Я былъ очень богатъ: домъ мой въ Ліонѣ былъ убранъ съ роскошью; Сара ходила всегда въ драгоцѣнныхъ камняхъ и шелкахъ; но я не мѣнялъ образа торговли: въ дрянной лавочкѣ дешевыя бездѣлушки, но за пазухой и въ карманахъ все, что можно было въ Ліонѣ достать драгоцѣннаго. Купцы изъ христіанъ стали за мной присматривать. Маркиза и другія придворныя дамы воротились въ Парижъ. Я далъ ей слово, и мы съ Сарой и съ лавочкой явились на Мосту Парижской Богоматери. По-утрамъ я торговалъ на мосту не больше часу, потомъ отводилъ Сару домой, а самъ дѣлалъ свой обиходъ. Но, капитанъ, проклятая вещь красота! Не знаешь своего капитала. Не могу вспомнить хладнокровно, сколько зла навязало мнѣ на шею это несносное тѣлесное богатство. Я не могъ оставлять моего дома, молодежъ безъ зазрѣнія совѣсти, стала заглядывать въ мои окна; я не успѣвалъ перемѣнять квартиръ; писали къ женѣ моей письма, на которыя, разумѣется, всегда отвѣчалъ я. Наконецъ, я успѣлъ спрятать Сару такъ тайно, что даже мысль, казалось, не могла проникнуть въ ея обитель. Въ три какихъ-нибудь недѣли, я исхудалъ, пожелтѣлъ, лишился сна; во многихъ домахъ перестали нуждаться въ моихъ товарахъ. Маркиза уѣхала въ свои помѣстья. Мнѣ стало скучно, дурно; я за-

хворалъ. Только тайные Евреи прилежно навѣщали больнаго. Одинъ изъ нихъ былъ лазутчикомъ у Ришліё и у Мазарини вмѣстѣ. Не знаю за что́, онъ любилъ меня, приходилъ каждый день, разсказывалъ всѣ сплетни, всѣ новости, всю подноготную чернаго міра. Когда я захворалъ, онъ и жена были при мнѣ неотлучно. Помощь врача, котораго ко мнѣ прислалъ одинъ богатый Еврей, была безполезна. Эвое, — такъ назывался мой другъ, — привелъ другаго, и этотъ другой былъ мой отецъ.... Ахъ, капитанъ! Увидѣвъ отца, я все забылъ, я все простилъ. Мнѣ стало легче, лучше. Онъ такъ перемѣнился: кротость, любовь къ сыну, раскаяніе, всѣ лучшія человѣческія качества, казалось украсили вечеръ жизни Абенъ-Гассана. Онъ переселился ко мнѣ. Я выздоровѣлъ. Мы стали жить весело, спокойно. Скоро я замѣтилъ тайную печаль Абенъ-Гассана: онъ задумывался какъ-то страшно; разсудокъ его возмущался; какія-то невѣдомыя муки терзали его душу. Я молилъ его открыть свое сердце, и Абенъ-Гассанъ разсказалъ мнѣ страшную повѣсть своихъ несчастій. Не хочу вамъ повторять его разсказа: почему?... вы увидите. Но изъ словъ его оказалось, что у него слишкомъ много долговъ, что его уже болѣе полугода преслѣдуютъ и если откроютъ, не пощадятъ. Я принесъ ему всѣ мои деньги, бо́льшую часть драгоцѣнностей. Онъ плакалъ, цѣловалъ мои руки, три дня расплачивался, и, казалось, совершенно успокоился. Капитанъ....

Голосъ Гойка задрожалъ, лицо измѣнилось, гла-

за покрышкъ слезами; онъ задыхался и съ трудомъ могъ проговорить:

— Капитанъ! онъ.... обокралъ меня!

— Какъ! спросилъ Вальероль: такъ всѣ эти несчастія....

— Ложь, сказка! почти вскричалъ Гойко. Онъ зналъ, что у меня есть душа, сердце, и вымаливъ все. Долго я оставался однако же въ полномъ заблужденіи. Торги мои день ото дня шли хуже; желчь работала.... Не смѣйтесь, капитанъ: я сталъ поэтомъ. По цѣлымъ ночамъ я писалъ стихи на моихъ старинныхъ любимицъ, на всѣ случаи прошедшей жизни. Отецъ мой былъ необыкновенно ученъ; онъ поправлялъ мои арабскіе стихи, читалъ мнѣ французскія скучныя пошлости рамбульетскихъ писателей. Я сталъ, для шутки, самъ складывать французскія вирши, и Эвое всякій разъ помиралъ со смѣха. Однажды, когда я ему читалъ родъ шуточной поэмы: «Мужъ въ хлопотахъ,» Эвое горько улыбнулся и сказалъ: «Эй смотри, Самуилъ, чтобы Ахавъ не сдѣлалъ изъ тебя шуточной исторіи!» — «Что ты хочешь этимъ сказать?» — «Нѣтъ.... такъ.... У тебя жена хороша, а нашъ Ахавъ то и дѣло въ вандомскія палаты ходитъ.» — «Ну такъ что жъ?» — «Эхъ, Самуилъ! если бы ты принялся за тайное ремесло, которымъ, благодареніе Богу, я съ такимъ успѣхомъ занимаюсь пять лѣтъ, ты бы привыкъ угадывать, не по глазамъ, а но-носу, намѣренія человѣка.... И я не теряю надежды: ты можешь прикидываться маркизомъ, туркомъ; ты умѣешь перенимать языкъ

и походку чужихъ людей, передразнивать до обмана звѣрей, и.... словомъ, твоя звѣзда велика!» — «Да что́ же отецъ мой?» — «Да потрудись сходить со мной къ Вандомамъ: ты увидишь, что́ это за народецъ. Самъ герцогъ ни то ни се.... такъ-себѣ, добрый человѣкъ, любитъ хорошо поѣсть, попить, поохотиться за дичью, а дѣти и за женщинами. Больныхъ тамъ нѣтъ: такъ за чѣмъ же туда ходитъ Ахавъ!» Я дрожалъ отъ ревности и негодованія. Эвое продолжалъ: «За Вандомовъ я не боюсь: сегодня или завтра, ихъ всѣхъ перехватаютъ. Мы на нихъ взвели такой доносъ, отъ котораго не отдѣлаются. Старый герцогъ теперь въ помѣстьяхъ: можетъ-быть, его и захватить не удастся, а ужъ дѣтки.... поминай какъ звали! сгніютъ въ Бастиліи!» — «За что́» — «Да по разсчету Ришліё такъ нужно. Наше дѣло — только исполнять, да деньги получать.» Въ этихъ словахъ хитраго Эвое раскрылся совершенно новый для меня міръ. Мы условились съ Эвое замѣчать за Ахавомъ, и на первый случай разъузнать гдѣ онъ бываетъ. Впродолженіи нашего поиска, то есть, въ какихъ-нибудь пол-часа, мы встрѣтили на улицахъ Парижа болѣе тридцати Евреевъ. Всѣ новые знакомцы занимались ремесломъ Эвое; одни въ пріемахъ казались ему подчиненными, другіе равными. Каждый поглядывалъ на меня сомнительно, но Эвое говорилъ на-ухо одно слово, и каждый былъ совершенно откровенецъ и искренекъ. Признаюсь, я весь дрожалъ отъ ужаса, но каково было мое положеніе, когда одинъ изъ *на-*

стакъ, на вопросы Эвое, объявилъ, что Ахавъ на предмѣстьѣ съ Вандомами? «Много ли ихъ? спросилъ Эвое. — «Трое: молодой герцогъ и два товарища.» — «Силой ничего не сдѣлаешь,» сказалъ печально Эвое. Но я уже его не слушалъ, опрометью бросился домой; вбѣгаю: Ахавъ сидитъ на своемъ обычномъ мѣстѣ, и внимательно читаетъ книги. «Гдѣ Сара?» закричалъ я въ бѣшенствѣ. — «Не знаю,» тихо отвѣчалъ Ахавъ. Я осмотрѣлъ всѣ углы: Сары нигдѣ не было. Я схватилъ отца за грудь, и требовалъ Сары; онъ клялся: я не вѣрилъ; онъ сталъ со мной бороться и хотѣлъ достать тайный ножъ: я угадалъ его намѣренье и выхватилъ у него тайное оружіе. Извергъ повинился: жену роднаго сына онъ продалъ Вандомамъ, какъ нѣкогда продалъ мать мою марсельскому купцу. И ее увлекли также, завязавъ горло, во время искусственнаго сна. Я бросился въ вандомскія палаты. Тамъ нашелъ я только городскихъ старшинъ и стрѣлковъ. Мнѣ объявили, что преступники давно уже захвачены и, вѣроятно, высланы изъ Парижа. Бѣгу домой. Надежда найти освобожденную Сару меня окрыляла. Но я прибѣжалъ къ моему порогу, когда изъ оконъ бросалось пламя: огонь пожиралъ деревянныя хижины, одну за другою; улица наполнялась народомъ; сосѣди проклинали нашего хозяина, зачѣмъ онъ держалъ жидовъ. Я бѣжалъ, самъ не зная куда и зачѣмъ. Сильная рука остановила меня на улицѣ: то былъ Эвое. Онъ нѣсколько ободрилъ меня, успокоилъ, и повелъ съ собою. Не забудьте: тогда

уже наступила суббота. Въ домъ Эвое нашелъ я болѣе ста человѣкъ Евреевъ. Мое несчастіе, мое непритворное краснорѣчіе, одушевленный видъ, сдѣлали сильное впечатлѣніе на тайныхъ клевретовъ Ришліё. Опять складка, опять лавочка на колесахъ. Наконецъ и Сара открыта въ городской тюрьмѣ. Требовали откупа пять-сотъ экю. Прежде мнѣ бы эта сумма показалась бездѣлицей, но въ бѣдности моей, въ нищетѣ.... Не стану вамъ разсказывать, на какія средства я рѣшился: довольно, что въ нѣсколько мѣсяцовъ я зналъ всѣ тайны Парижа, писалъ и печаталъ сатиры на кардинала, на городскаго голову, на старшинъ, на всѣхъ, на всѣхъ ... Я былъ тотъ страшный маркизъ де-Кокъ, котораго имени одного не могла снести герцогиня Эгильонская, и всѣ придворныя дамы; я былъ тотъ страшный духъ ночи, о которомъ говорили чудеса; я былъ тотъ невидимый лазутчикъ, который узнавалъ содержаніе тайныхъ думъ первыхъ государственныхъ людей. Всѣ возможные виды, костюмы, языки, образы употребилъ я въ короткое время. И представьте: этотъ ужасный человѣкъ былъ только слугою недостойныхъ лазутчиковъ Ришліё, и не могъ набрать пяти-сотъ экю слишкомъ въ девять мѣсяцевъ!... Гаръ-Піонъ выручилъ: я вамъ уже разсказывалъ; но съ той поры, какъ Сара получила свободу, счастіе полилось на меня дождемъ: у меня явился цѣлый полкъ слугъ; я въ одно время видѣлъ и слышалъ, что̀ дѣлалось во всемъ Парижѣ. Благодарность слишкомъ далеко увлекла меня. Я зналъ, что кар-

диналъ вѣритъ колдунамъ и чародѣямъ. Я воспользовался его слабостью, но глупо, безполезно: я не разсчелъ, что онъ никогда не захочетъ быть въ зависимости отъ такого пріятеля и, при первой возможности, отправитъ меня на висѣлицу. Но теперь я еще успѣю побывать въ Парижѣ до его возвращенія. Перпиньянъ не скоро сдастся, и мнѣ досадно, что я потерялъ почти два мѣсяца. Впрочемъ, все къ лучшему: я понялъ всю цѣну моей Сары; я понялъ что и я, могу быть счастливъ, я понялъ...»

Стукъ повозки остановилъ разсказъ Гойка. Не успѣли собесѣдники отворить окна и поглядѣть на улицу, какъ въ покой, блѣдно освѣщенный нагорѣвшими свѣчами, вошли Джудита, Альфредъ-Дени и еще какая-то женщина.

— Джудита! повторялъ нѣсколько разъ капитанъ, обнимая дорогую гостью.

— Сара! кричалъ Гойко, спѣша на встрѣчу другой женщинѣ.

Но глаза его помутились; крикъ отчаянья вырвался изъ груди; онъ отступилъ отъ нея въ ужасѣ: то была Берта. Вошелъ Гаръ-Піонъ. Коротко было ихъ печальное объясненіе. Еще передъ полуночью, Гойко съ товарами оставилъ унылое Сондріо.

—

ГЛАВА XV.

НОСИЛКИ.

Всѣ возвращались въ Парижъ, послѣ кровавой

трагедіи, разъигранной въ Ліонѣ двѣнадцатаго сентября 1642 года. Король уже былъ въ Сенъ-Жерменѣ, Мазарини въ Парижѣ. Со дня на день ожидали прибытія торжествующаго кардинала. Онъ стеръ съ лица земли Сенъ-Марса и де-Ту; но смерть неотступно сидѣла у шелковыхъ подушекъ, плыла съ нимъ по синимъ волнамъ Роны въ великолѣпной баркѣ, пересѣла потомъ въ чудную походную комнату, устроенную изобрѣтательнымъ Шавиньи для больнаго Ришліё, и медлила, казалось, съ умысломъ. Тѣлохранители кардинала устали. Домъ на мгновеніе остановился. Другая смѣна, снявъ шляпы и сложивъ ихъ въ обозную фуру, почтительно подошла къ крючькамъ, перекинула на плечи ременныя помочи, и домъ тихо, незамѣтно, не дрогнувъ, повисъ въ воздухѣ. Шествіе двинулось. Въ комнатѣ, кардиналъ лежалъ на шелковыхъ малиновыхъ подушкахъ; изрѣдка открывалъ онъ сонные глаза, и смотрѣлъ въ необъятное поле. У рабочаго стола сидѣлъ Шавиньи, и читалъ подробное донесеніе обо всѣхъ обстоятельствахъ суда и казни Сенъ-Марса и де-Ту. Кардиналъ не могъ произнести отъ слабости ни одного слова, но улыбка изрѣдка коверкала плотно сжатыя губы. Чтеніе еще продолжалось, когда комнату принесли въ какую-то деревню. Ворота были тѣсны: въ мгновеніе все было сломано. Всѣ жители высыпали на улицу и преклонились передъ ненавистнымъ. Казнь Сенъ-Марса не была уже тайной во всей Франціи, и Каталонцы длинными саблями принуждали народъ кричать: «Да здрав-

ствуетъ великій кардиналъ!» Ришліё съ трудомъ приподнялся на постели, Шавиньи опустилъ окно, и блѣдный, страшный кардиналъ посылалъ дрожащею рукою благословеніе народу, который съ злобною радостью видѣлъ въ чертахъ его несомнѣнные признаки смерти. Рука, благословлявшая своихъ враговъ, дрожа, остановилась въ воздухѣ, губы раскрылись; лѣвою рукою кардиналъ сдѣлалъ движеніе, которое Шавиньи привыкъ понимать. Раздался звонокъ: комната остановилась; но кардиналъ, блѣдный, полу-мертвый, уже лежалъ на подушкахъ, и не могъ произнести слова. Шавиньи стоялъ предъ нимъ съ нѣмымъ вопросомъ. Прошло нѣсколько мгновеній: улица опустѣла, всѣ въ ужасѣ разбѣжались. На лицѣ кардинала изобразилась какая-то жалкая, горькая просьба; но Шавиньи не могъ понять ее, и только оглядывался. Ришліё наконецъ, съ особеннымъ трудомъ, произнесъ: — Опъ здѣсь?

— Кто, ваша эминенція? Намѣкните... скажите...

— Маркизъ де-Кокъ.

Шавиньи выскочилъ изъ комнаты. Вся деревня была обыскана: ни какого слѣда. Толпа народа опять собралась, и, послѣ обыску, провожала Шавиньи до самой лѣсенки подвижнаго дома. Когда отворилась дверь, многія головы дерзко заглянули во внутренность, и снова толпа разбѣжалась.

— Нѣтъ? спросилъ кардиналъ съ довольной улыбкой. Слава Богу! вѣрно, мнѣ показалось.

Домъ опять понесли. Давно минули деревню. Шавиньи продолжалъ чтеніе. Ришліё перелегъ на

другой бокъ, и тихо спросилъ, указывая пальцемъ на полъ: — Что это?

Шавиньи поднялъ бумажку, и прочелъ нѣсколько словъ, написанныхъ карандашомъ:

«Я здѣсь... васъ провожаю... до кладбища! Не отстану, пока Мазарини не отдастъ Сары.»

Кардиналъ затрепеталъ всѣмъ тѣломъ, лишился голоса и долго пролежалъ безъ движенія, съ закрытыми глазами. Комнату несли дальше и дальше. Ришліё опомнился, когда стало смеркаться. Онъ приподнялся на постели, оглянулся и спросилъ съ примѣтнымъ опасеніемъ: — Намъ придется ночевать въ полѣ?

— Если движеніе безпокоитъ вашу эминенцію....

— Нѣтъ. Добрые люди несутъ такъ тихо, такъ осторожно. Но.... я не знаю, отчего я сдѣлалъ этотъ вопросъ.

— Мы будемъ въ Рюэлѣ около полу-ночи.

— Въ Парижъ, Шавиньи, въ Парижъ!... Гойко уже въ Парижъ!

—

— Кто тамъ? спросилъ кардиналъ Мазарини, не отпирая дверей своего изящнаго кабинета.

— Гонецъ отъ кардинала-герцога, отвѣчалъ Люи.

— Ступай сюда, сказалъ Мазарини, взявъ за руку Сару и уводя въ ротонду.

Дверь кабинета отворилась, и вошелъ слуга въ кардинальской ливреѣ.

— Что скажешь, любезный? спросилъ Мазарини, не обращая вниманія на вошедшаго.

— Въ кардинальскомъ дворцѣ получено извѣстіе, что его эминенція пожалуетъ прямо въ Парижъ. Я поспѣшилъ васъ увѣдомить.

— Очень благодаренъ.

— Сверхъ-того получено извѣстіе, что маркизъ де-Кокъ возвратился въ Парижъ и пишетъ на вашу эминенцію сатиру.

Мазарини поглядѣлъ на посланнаго: передъ нимъ стоялъ высокій, длинный мужчина въ рыжемъ парикѣ, съ рыжими усами, съ пригорбомъ и кривымъ ртомъ. Мазарини никогда не видалъ такого безобразнаго человѣка въ покояхъ кардинала, и невольное чувство необъяснимаго страха, проползло въ сердце Италіянца. Онъ не умѣлъ отвѣчать непріятному незнакомцу, и невольно спросилъ: — Кто́ вы?

— Я? сказалъ незнакомецъ со смѣхомъ: я?... И вы меня не узнаете, стараго вашего слугу!

— Право, не помню.

— Я и не сержусь. У васъ такъ много подобныхъ мнѣ знакомыхъ, что одинъ списокъ составилъ бы книгу. Но все это́ не мѣшаетъ мнѣ служить вашей эминенціи съ прежнимъ усердіемъ, и, помоги Господи, съ прежнимъ успѣхомъ. На первый случай, доложу вамъ двѣ вещи. Первая, будьте осторожны: сношеній съ жидовкой не оправдаетъ и кардинальскій пурпуръ; вторая, будьте осторожны: васъ хотятъ отправить вмѣстѣ съ старшимъ братцемъ. Вы ему доставили копію съ испанскаго трактата....

— Послушайте! ради самого Бога, кто́ вы?

— Ваша эминенція изволите смѣяться! Наружность моя не такъ легко выходитъ изъ памяти, какъ пустое незначащее имя.

— Право, любезный другъ....

— Право, господинъ кардиналъ, мнѣ забавно такое объясненіе. Но приготовьтесь къ странному, непріятному допросу. Кардиналъ знаетъ объ Сарѣ, которая спрятана у васъ въ ротондѣ. И еще, можетъ-быть, сегодня потребуютъ отъ васъ отчета.

Мазарини примѣтно смутился и съ поспѣшностію отвѣчалъ:

— Благодарю васъ, любезный другъ; но если ваши свѣдѣнія такъ далеки и точны, то не можете ли вы меня выручить?

Ротъ горбуна значительно выпрямился.

— Съ большимъ удовольствіемъ, сказалъ онъ.

— Спрячьте Сару на два на три дня, пока я улажу это дѣло.

— Съ большимъ удовольствіемъ. Каждый день я буду являться къ вашей эминенціи съ донесеніями о вашей Сарѣ.

— Добрый человѣкъ! Я начинаю припоминать васъ.

Незнакомецъ кланялся.

— Но объяснимся послѣ; а теперь.... берите Сару, и съ Богомъ! Кардиналъ можетъ пріѣхать прямо ко мнѣ. Ужъ если есть подозрѣнія.... просто, случай, одинъ случай строитъ всю судьбу.... Сара въ ротондѣ. Возьмите ее.... Но, послушайте! какъ же мнѣ, въ случаѣ надобности отъискать васъ?... Да! вы сами будете навѣщать меня. Пре-

красно.... Случай! продолжай твое дѣло: я повинуюсь.... До свиданія! Ступайте.

Незнакомецъ ушелъ въ ротонду. Мазарини вышелъ изъ замѣшательства и, съ трудомъ подавляя хохотъ, бросился въ сѣни, заперъ двери, разбудилъ Швейцарцевъ.

— Не пугайся Сара, шопотомъ сказалъ незнакомецъ, хватая ея за руку. Узнай своего мужа: это я, Самуилъ.... Тише! ради самаго Бога, тише!... Но стоитъ ли еще выручать тебя?... Отвѣчай!

— Богъ благословилъ мою твердость, отвѣчала Сара. Гойко въ восторгѣ схватилъ ее за руку и потащилъ въ кабинетъ, потомъ на балконъ, и, по веревочной лѣстницѣ, спустился съ нею на улицу. Мазарини спрятался въ темномъ углу сѣней и ожидалъ дорогой жертвы. Воображенію его представлялась торжественная картина казни Гойка, радость кардинала-герцога; мысли толпились въ дѣятельномъ умѣ Италіянца. Вдругъ на улицѣ послышался крикъ: «Воры, воры!... лови!» и мимо крыльца пронеслась толпа народу.

«И я поймалъ вора! весело думалъ Мазарини. Не знаю, догонятъ ли они своего, а мой попался.»

Но Гойко не появлялся. На верху была тишина могильная. Мазарини испугался; взявъ дюжину Швейцарцевъ, онъ пошелъ наверхъ, но открытая дверь на балконъ коротко и ясно объяснила, что случилось.

Гойко и Сара, окруженные толпой городскихъ стрѣлковъ, смиренно стояли передъ головою. Дѣти Джудиты умоляли скорѣе отпустить Гойка, но голова вынулъ бумагу и, подавая имъ, печально сказалъ: — Прочтите.

Скорбно потупили глаза дѣти Джудиты.

— Отведите ихъ въ городскую темницу! сказалъ голова, и стрѣлки повиновались.

Гойко не обронилъ ни одного слова, и когда десятникъ толкнулъ его, чтобы вести куда указано, Гойко сказалъ громко и весело: — Пойдемъ, Сара! Богъ милостивъ!

—

ГЛАВА XVI.

ЛАТИНСКАЯ БЕСѢДА.

Что́ бы сказали, не только дамы, но даже бо́льшая часть нашихъ литераторовъ, если бы писатель, предлагающій читателямъ опытъ строго-историческаго романа, вздумалъ, для бо́льшей исторической точности, написать всю эту главу по-латинѣ? Но въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что всѣ лица, въ настоящей главѣ выведенныя, разговаривали по-латинѣ. Такова была мода, обычай между учеными людьми. Не рѣдко, вмѣсто латинскаго, употребляли и другіе языки, но только греческій или еврейскій.

Грустный сентябрь кончился. Съ каждымъ днемъ, теплота, какъ тѣнь, сокращалась на сѣверномъ полушаріи. Настали холодные вечера, и каминъ запылалъ въ рабочей комнатѣ Гуго Гроція. Не

много гостей окружало мертвую красавицу и любовалось ея тѣлодвиженіями. Она сама собой вставала съ креселъ, кланялась гостямъ, ходила по комнатѣ, потирала руки, поправляла локоны, словомъ, была совершенно живая женщина, дѣлала глазки, улыбалась, и если бы вздумала прогуляться по улицамъ Парижа, вѣроятно, половина городскихъ красавицъ лишились бы своихъ любовниковъ титулованныхъ (titrés), любовниковъ съ обязанностію быть скромными (à discretion), любовниковъ для торжествъ (de parade), любовниковъ тайныхъ, обожателей, чтителей, и вообще приверженцевъ разныхъ классовъ и названій.

Пуссенъ не могъ надивиться, ходилъ по слѣдамъ красавицы, и безпрестанно оборачивался, сомнительно поглядывая на Декарта, который съ улыбкою смотрѣлъ на свое произведеніе.

— Я не смѣю, да и не хочу показывать публично мою Франсиску, сказалъ Декартъ: сожгутъ и отца съ дочерью!

— Такъ это твоя побочная дочь, о которой писалъ Воецій въ Сорбонискую Академію? спросилъ, съ примѣтною радостью, Пико.

— Не побочная, а родная, какъ видишь. Воецій видѣлъ ее черезъ окно въ Утрехтѣ, и.... клевета уже достигла Парижа!

— Я очень радъ, сказалъ Пико: что могу разувѣрить нашихъ сорбонискихъ философовъ.

— Благодарю тебя, Пикоціусъ. Не должно оправдывать меня въ томъ, въ чемъ я, какъ человѣкъ, не могу быть безгрѣшенъ. Я слышу, что ты не-

реводить на французскій начала моей философіи. И этимъ я, признаюсь, не доволенъ. Рано. А для ученыхъ людей они понятны и въ подлинникѣ. Бальѐ пишетъ мою біографію, и это я знаю, но попрошу не печатать ее до моей смерти, по-крайней-мѣрѣ до моего отъѣзда въ Швецію.

— Какъ въ Швецію? спросили всѣ единогласно.

— Да вотъ, по милости Гуго. Онъ познакомилъ меня письменно съ своей удивительной королевой: приходится ѣхать для личнаго знакомства! И признаюсь: теперь людямъ, полюбившимъ науку, кромѣ Швеціи, въ цѣломъ мірѣ жить негдѣ. Дивлюсь, какъ меня не убили въ Утрехтѣ, какъ не узнали въ Парижѣ, что послѣдній шведскій курьеръ есть Картезій, что германскій философъ принимаетъ французскаго въ службу шведской королевы.

— Да, замѣтилъ Гуго, сидѣвшій въ углу кабинета за кипою бумагъ, дописывая по-латинѣ длинное письмо; и чтобы этого не могло случиться завтра, я отправлю тебя, Картезій, сегодня.... «Tuus, augustissima Regina, diligentissimus servus Hugo Grotius».... Готово!

Гуго всталъ и подошелъ къ кружку гостей. Мертвая красавица была уложена въ футляръ. Всѣ усѣлись, и Гуго сталъ читать латинское письмо къ королевѣ Христинѣ. Съ первыхъ словъ, ужасъ изобразился на внимательныхъ лицахъ слушателей. Гуго описывалъ казнь Сенъ-Марса и де-Ту въ Ліонѣ, равнодушіе короля къ прежнему любимцу, новый заговоръ противъ Ришліё, возникшій между

приверженцами Сенъ-Марса, наконецъ послѣднее свое свиданіе съ королемъ въ Сенъ-Жерменѣ.

— Какъ, развѣ онъ ужъ пріѣхалъ? спросилъ Пуссенъ.

— «Я сегодня изъ Сенъ-Жермена, продолжалъ читать Гуго. Меня привели къ его величеству съ обычною таинственностію. Когда король считалъ себя въ полной безопасности отъ посторонняго слуха, онъ подошелъ ко мнѣ, взялъ за руку, и усадивъ, по обыкновенію въ кресла противъ себя, сказалъ съ грустію: «Вы были правы: предпріятіе не могло быть удачно. Вы были правы. Надо ожидать его смерти. Одного боюсь: я могу умереть прежде. Просите королеву, сестру мою, любить моего сына и мою несчастную Францію, и примите мою искреннюю благодарность за тѣ счастливыя мгновенія, которыя я имѣлъ случай провести въ вашей пріятной и поучительной бесѣдѣ. Какъ человѣкъ, не будьте строги къ моимъ слабостямъ. Мнѣ жаль *ихъ*.... Но, по-крайней-мѣрѣ, монархія уцѣлѣла. Я не зналъ объ этомъ глупомъ трактатѣ. *Они* меня обманули. Не слѣдовало прибѣгать къ помощи нашихъ враговъ. Вы знаете, вы помните, я склонялся на *ихъ* желаніе и хотѣлъ заключить миръ съ Испаніей по вашему совѣту.... Ну, что нашъ Декартъ»? — Ты простишь мнѣ, королева, если я, по необходимости, сказалъ королю ложь. Декартъ уже сидѣлъ въ парижскомъ моемъ кабинетѣ, подъ замкомъ, въ бесѣдѣ съ другомъ своимъ Пико, съ добрымъ Бальé, Петромъ Корнелемъ и Николаемъ Пуссе-

номъ; но я увѣрилъ короля, что Декартъ не согласился на мои предложенія и, опасаясь настоятельныхъ требованій со стороны своего короля у голландскаго правительства, оставилъ Нидерланды или по-крайней-мѣрѣ распространилъ такой слухъ. Король примѣтно былъ доволенъ тѣмъ, что отказъ Декарта уволилъ его отъ новыхъ хитростей и безполезныхъ начинаній. На слова мои король отвѣчалъ: «Я такъ и думалъ. Прости дорогой Гуго; но въ Парижѣ не разглашай, пока, о моемъ пріѣздѣ. Завтра или послѣ завтра принесутъ кардинала: тогда....» Король замолчалъ. Я откланялся и воротился въ Парижъ. Боюсь за Декарта и спѣшу отправить его къ тебѣ сегодня же. Кардиналъ не любитъ писателей, которые не нашли случая похвалить его, а по мыслямъ, принадлежитъ къ римскимъ гонителямъ картезіянизма. Если можешь, августѣйшая, отмѣни утреннія бесѣды. Рене согласился, но здоровье его плохо: и въ здѣшнемъ климатѣ, онъ встаетъ часовъ въ девять, десять, а въ Швеціи.... Но да будетъ по желанію твоему. Я, именемъ твоимъ, уволилъ Рене отъ всякаго придворнаго церемоніяла, и не могу описать его признательности.»

— Ничего, Гуго, сказалъ Декартъ, когда Гроцій окончилъ чтеніе: пріучу себя, привыкну. Въ пять часовъ встаютъ всѣ поселяне, а королевѣ нельзя же для меня перемѣнить порядокъ жизни. Было время, и я занимался по-утрамъ. Да и умъ свѣжѣе, и королева легче будетъ соображать метафизическія истины, пока государственныя хло-

поты не развлекутъ любознательнаго вниманія. Но если ты полагаешь, что опасность такъ близка, то посылай же меня: я готовъ; прощаться мнѣ не съ кѣмъ: всѣ здѣсь. Вещей не много, и тѣ уложены.

— А лошади и повозки готовы, отвѣчалъ Гуго.

Всѣ встали.

Послѣ краткой молитвы, произнесенной Гроціемъ съ пресвитерской важностью, Декарта проводили до повозокъ, усадили, закутали и черезъ мѣсяцъ Швеція приняла въ свое покровительство еще одного великаго мужа семнадцатаго столѣтія.

— Куда же ты? спросилъ Гуго, держа за руку Пуссена.

— Кто на сѣверъ, кто на югъ! отвѣчалъ Пуссенъ. Сегодня ночью я буду уже на пути въ Италію.

— Какимъ образомъ?

— Не спрашивай, а добро́мъ помни.

— Дружбы и памяти! отвѣчалъ Гуго, обнимая Пуссена.

— И я, сказалъ тихо Корнель: къ-сожалѣнію не изъ Франціи, а по-крайней-мѣрѣ изъ Парижа. Я не хочу встрѣчаться съ палачомъ Сенъ-Марса. Пока я въ Руанѣ, обо мнѣ не вспомнятъ.

Пико́ и Балье́ возвратились съ Гроціемъ въ покои. Пуссенъ и Корнель пошли поспѣшно, каждый своей доро́гою. Расходясь, они пожали другъ другу руку, и, какъ-будто условясь, тихо сказали:— Навсегда!

Проходя мимо кардинальскаго дворца, Пуссенъ

замѣтилъ необыкновенное движеніе. Было еще не такъ поздно, а почти всѣ окна были освѣщены.

— Пріѣхалъ кардиналъ? спросилъ Пуссенъ у слуги, который почти опрометью бѣжалъ куда-то.

— Пріѣхалъ г. де-Нойе́, а кардиналъ развѣ ночью.

Это извѣстіе придало крылья Пуссену. На лѣстницѣ своего домика, онъ встрѣтился съ городскимъ головою.

— Дѣло, дѣло! важное дѣло, Римлянинъ! сказалъ голова.

— Милости просимъ! отвѣчалъ на́ скоро Пуссенъ, вбѣгая въ гостиную, гдѣ Гаспаръ разсказывалъ любопытной молодежи чудеса объ Италіи.

— Небольшая тайна, сказалъ голова.

— Говорите, говорите: это все мои друзья. Я спѣшу. Кардиналъ можетъ пріѣхать еще сегодня, король также.... Что́ такое?

— Капитанъ Вальероль вамъ кланяется.

— Боже! Ты одинъ не забываешь несчастныхъ!... Какъ кстати это напоминаніе!... Въ суматохѣ, я могъ забыть.... Но гдѣ же онъ?

— Въ Сондріо, въ домѣ Джудиты. Тамъ и она, тамъ и Гаръ-Піонъ, тамъ и Альфредъ. Но ихъ несчастный гонецъ, неблагоразумный Гойко, въ темницѣ, съ несчастной женою. За часъ до его ареста я получилъ отъ кардинала увѣдомленіе что Гойко въ Парижѣ, что я долженъ, ради дружбы кардинала, ради всего на свѣтѣ, употребить всѣ усилія; словомъ, на дняхъ несчастный Гойко оставитъ этотъ свѣтъ.

— Богъ милостивъ! сказалъ Пуссенъ. Ваше сердце будетъ орудіемъ Промысла. Благодарю васъ за всѣ эти извѣстія, но, извините, мнѣ еще много работы сегодня. Надо написать въ галереѣ послѣднюю картину, взять изъ монастыря Эвелину и уѣхать изъ Парижа.

Молчаливое изумленіе продолжалось нѣсколько мгновеній. Пуссенъ продолжалъ:

— Господа, послѣднюю услугу! Фонари, краски, дорожную повозку, лошадей, молчанія!

— Все будетъ! крикнули молодые люди, и схватили шляпы.

— Ничего не будетъ! сказалъ голова, удерживая Стеллу въ дверяхъ. Помогайте по вашему ремеслу, а отправленіе въ дорогу, это по моей части. Скажите только, въ которомъ часу?

— Сейчасъ, сію минуту! съ нетерпѣніемъ отвѣчалъ Пуссенъ. Стелла останется здѣсь, уложитъ всѣ вещи, заѣдетъ за мною въ Лувръ, а Гаспаръ, въ галереѣ, на-скоро положитъ грунтъ. Рисунокъ у тебя: проведи контуры.... Да не нужно! только подмостки приготовьте: въ часъ будетъ готова картина! А я пока въ монастырь.

— Возьмите мою карету: не близко, сказалъ голова.

— Очень вамъ благодаренъ, отвѣчалъ Пуссенъ, уже на лѣстницѣ.

—

Въ монастырѣ Визитокъ всѣ уже спали. Только въ келіи сестры Авреліи теплилась сонная лам-

нада надъ раскрытою книгою. Аврелія и Эвелина тихо бесѣдовали.

— Я очень неспокойна сегодня, сказала сестра Аврелія Не знаю почему, за вечерней молитвой, меня возмущали мысли невольныя. Боюсь не случилось ли чего съ королемъ. На войнѣ, на охотѣ, въ трудахъ ученыхъ, онъ не щадитъ своей жизни, а эта драгоцѣнная жизнь такъ нужна для Франціи.... При всѣхъ наружныхъ слабостяхъ Людовика, онъ, одинъ во всей Франціи, знаетъ причины многихъ дѣйствій кардинала. Ришліё хочетъ угодить Людовику, но употребляетъ средства, противныя Господу, и справеливый Людовикъ лично ненавидитъ министра.... Милая Эвелина, еще не поздно: станемъ молиться за короля!... Какъ жаль, что я не знала о твоихъ несчастіяхъ, когда онъ въ послѣдній разъ навѣстилъ монастырь!... Но Богъ милостивъ: станемъ молиться!

По корридорамъ стараго монастыря послышались шаги. Двери отворились, и въ келію дѣвицы Лафайетъ вошла сестра старшая.

— Неразлучныя! печально сказала она: вамъ должно разстаться.

— Защитите меня! закричала Эвелина, схвативъ за руку сестру Аврелію.

— Успокойтесь, Эвелина! сказала настоятельница: васъ требуетъ г. Пуссенъ, именемъ отца.

Сестра Аврелія встала, взяла покрывало, свѣтскій женскій плащъ Эвелины, и стала одѣвать подругу.

— Отецъ и Пуссенъ зовутъ.... разстаться съ вами! почти вскричала Эвелина. И, можетъ-быть...

— О! успокойтесь, Эвелина! Пуссенъ сегодня ночью оставляетъ Парижъ и ѣдетъ съ вами прямо въ Сондріо, гдѣ живетъ вашъ отецъ, какая-то Джудита и какой-то Альфредъ.

— Всѣ, всѣ дорогіе моему сердца! со слезами воскликнула Эвелина, и упала передъ иконой Богоматери.

Сестра Аврелія и настоятельница также молились.

— Десница Божія видимо ведетъ васъ къ земному счастію, сказала сестра Аврелія: повинуйтесь!

—

ГЛАВА XVII.

ПОСЛѢДНЯЯ КАРТИНА.

Де-Нойé ходилъ скорыми шагами по залѣ, во дворцѣ кардинальскомъ. Тревога и досада написаны были на мрачномъ лицѣ *маленькаго добряка*, какъ его называли придворные дамы. «Что въ самомъ дѣлѣ! подумалъ онъ: неужели столько разсказовъ, преданій, повѣрій, — игра случая, мечты суевѣрнаго воображенія?... Страхъ казни испугалъ мудрецовъ, которые добивались таинствъ природы; глупая чернь не могла повѣрить дивной, непостижимой учености, и всѣхъ колдуновъ, чародѣевъ, отнесла къ клевретамъ ада!... Да и не простительно ли прибѣгать къ ихъ помощи тамъ, гдѣ знаніе врачей не видитъ. болѣе никакихъ средствъ, ни какой возможности къ спасенію такой драгоцѣнной жизни?... Ришліé долженъ умереть!...

умереть скоро!... на дняхъ.... Волосъ поднимается дыбомъ! Мнѣ кажется, будто трупъ его, какъ безмѣрное дерево, валится и давитъ Парижъ, разрушаетъ Францію.... И мы сами огнемъ и желѣзомъ, преслѣдовали колдовство! Мы сами истребили до тла эту подземную ученость! Ни слѣда не могу отыскать во всемъ Парижѣ, во всѣхъ окрестностяхъ, а срокъ, назначенный врачами, приближается!... Кто тамъ?

Въ углу залы показался маркизъ Дезюмидъ.

— Что вамъ угодно, маркизъ? спросилъ де-Нойе.

— Кардиналъ еще не пріѣхалъ?

— Нѣтъ еще.

— Королева приказала спросить о здоровѣ.

— Слава Богу, лучше. Я получилъ самыя утѣшительныя извѣстія.

— Скажите, сдѣлайте одолженіе, какъ это вы позволяете въ Луврѣ работать при огнѣ?

— Онъ еще не уѣхалъ! невольно произнесъ де-Нойе, и опомнился. Да,... это къ пріѣзду короля.... Эй! кто тамъ? Позовите Лемерсіе, Фукіерра, Вуэ.... словомъ кого-нибудь!

— Королева просила увѣдомить о пріѣздѣ кардинала.

— Непремѣнно, непремѣнно, отвѣчалъ де-Нойе. и ушелъ въ кабинетъ кардинала.

«Какъ заботятся объ его смерти! какъ хитро одушевили молодыхъ капитановъ королевской стражи! Они поклялись убить умирающаго. Надо бы намъ съ Шавиньи подумать и о себѣ: мы вторыя

жертвы. А тутъ этотъ Пуссенъ не уѣхалъ! Кардиналъ узнаетъ, огорчится.... Надо съ ума сойти съ этими художниками!»

Такъ думалъ де-Нойе, когда всѣ трое, Вуэ, Лемерсіе и Фукіерръ, вошли въ кабинетъ, вслѣдъ за Рюзомъ.

— Ахъ, господа! сказалъ де-Нойе безо всякихъ предварительныхъ привѣтствій: сходите, посмотрите, что тамъ дѣлается въ Лувръ!

— Но.... запинаясь, началъ-было Лемерсіе.

— Господи Боже мой! сказалъ де-Нойе: ступайте, когда вамъ говорятъ! — И ушелъ въ спальню кардинала, хлопнувъ дверью.

— Пойдемъ! сказалъ Фукіерръ: приказано! Сдѣлаемъ по-крайней-мѣрѣ суматоху.

— Пойдемъ, равнодушно отвѣчали Вуэ и Лемерсіе, и всѣ трое отправились въ Лувръ.

Издали они еще увидѣли карету въ четыре лошади, которую окружали фонари, но лицъ невозможно было различить. Карета медленно покатилась; крики раздавались долго по всей площади; фонари разбрелись въ разныя стороны; но галерея всё-еще была освѣщена. Ничего не понимая, что происходило въ Лувръ, художники осторожно вошли во дворецъ, еще съ бо́льшимъ опасеніемъ приближались къ галереѣ, наконецъ со страхомъ заглянули, и что же увидѣли?... Двѣ пирамиды освѣщали еще свѣжую картину, написанную одноцвѣтомъ, изображавшую послѣдній подвигъ Геркулеса: полу-богъ поражаетъ Глупость, Невѣжество и Зависть. Одинъ краскотёръ убиралъ под-

мостки, другой любовался картиной и громко повторялъ: — Чортъ знаетъ, что такое! Посмотри будто съ нихъ писалъ!

— Съ кого?

— А вотъ со старыхъ нашихъ маляровъ.

— Это похоже на васъ, сказалъ Фукіерръ, обращаясь къ Вуэ и указывая на Невѣжество.

— А эта Глупость на ослѣ, это вы, баронъ?

— Впрочемъ эта Зависть и на васъ похожа.

— Нѣтъ, это портретъ Лемерсіе.

— Послушайте, господа; завтра будетъ въ Лувръ король, можетъ оскорбиться такой неприличной картиной, сказалъ Лемерсіе, схватилъ кисть, торчавшую въ ведрѣ съ краской, и въ одно мгновеніе картины не стало.

—

— Мы въ полѣ! радостно сказалъ Пуссенъ, когда карета миновала послѣдніе дома предмѣстья.

— Во Франціи нѣтъ поля свободнаго, сказала Эвелина: все темницы или мѣста казни.

— По-крайней-мѣрѣ у насъ ключи отъ этихъ темницъ: поспѣшность и осторожность! замѣтилъ Гаспаръ.

Не успѣли путешественники проѣхать и одного ліе, какъ зарево отъ факеловъ освѣтило дорогу. Каталонцы окружили карету, допросили всѣхъ, осмотрѣли всѣ углы, и согнали экипажъ съ дороги на поле. Вслѣдъ за ними шелъ отрядъ пѣшихъ Швейцарцевъ: несмотря на множество и тяжесть вооруженія, казалось, что они идутъ по

толстому ковру въ чулкахъ и башмакахъ. За Швейцарцами несли подвижной домъ, снаружи украшенный коронами и перьями. Казалось, онъ плылъ надъ дорóгою: ни какого колыханія не было замѣтно. Зеленыя занавѣси были опущены, сквозь нихъ пробивался слабый свѣтъ, и темнымъ пятномъ чертилась фигура Шавиньи. Глубокая тишина, несовмѣстная со множествомъ и великолѣпіемъ страннаго шествія, поражала невольнымъ ужасомъ. Какъ страшная, темная туча, миновалъ домъ кардинала; за нимъ опять пѣшіе Швейцарцы, опять конные Каталонцы, наконецъ обозъ, который болѣе часу медленно передвигался мимо кареты Пуссена.

Гаспаръ улыбнулся и сказалъ, глядя на послѣднюю повозку обоза: — Ну, нечего сказать! торжественныя похороны!

— Наукъ и художествъ: прибавилъ Пуссенъ, и карета покатилась.

ЛІОНАРДО,

ИЛИ

ЕЩЕ ПРЕВРАЩЕНІЕ.

Ici finie mon roman.
Gasses a fait cette besoigne
Peur Phébus, duc de Bourgoigne,
Son très-cher redoubtè seigneur,
A qui Jhésucrit croisse honneur:
Si lui supplie, à son pouvoir,
Qu'en gré la vieulle recevoir,
En suppliant, quand le verra,
Les défaulx qu'il y trouvera:
Et prie à ceulx qui l'orront lire,
Que de leur grâce ilz vieullent dire
Que Dieux lui pardoint ses défaulx.

ROMAN DES DÉDUITS, par Gasses de la Bigne, 1359.

—

ГЛАВА XVIII.

МАРІЯ МЕДИЧИ.

Въ стѣнѣ стараго города Парижа сдѣланъ былъ проломъ, потому что экипажъ, изобрѣтенный для больнаго кардинала усерднымъ Шавиньи, не могъ пройти ни въ одни ворота. Множество фонарей освѣщало весь путь къ пролому и потомъ, дале-

кими обходами по улицамъ, болѣе широкимъ, къ кардинальскому дворцу. Отрядъ Каталонцевъ раздѣлился на три партіи: первая поскакала во весь опоръ и разогнала всѣхъ любопытныхъ по домамъ; вторая ѣхала рысью и не позволяла народу снова собираться; третья захватывала непокорныхъ и вела съ собою. Болѣе ста человѣкъ признаны были подозрительными и отправлены въ городскую тюрьму, для изслѣдованія упорнаго ихъ любопытства. Послѣ полуночи походный домъ кардинала остановился у дворца. Ришліё не могъ подняться: его покрыли еще однимъ бархатнымъ одѣяломъ, и на простынѣ перенесли прямо въ спальню. Ни одного слова не могъ онъ сказать и, какъ-скоро положили его въ постель, сталъ дремать. Всѣ вышли въ пріемную залу и не смѣли, не могли разойтись. На площадкѣ главнаго двора собрались всѣ провожатаи кардинала. Шавиньи обходилъ ряды вооруженныхъ своихъ спутниковъ и раздавалъ драгоцѣнные подарки капитанамъ и чиновникамъ, а простымъ воинамъ деньги. Когда эта веселая церемонія была окончена, Шавиньи остановился по-серединѣ, и сказалъ довольно громко: — Друзья мои! жизнь кардинала въ опасности; королевскіе капитаны поклялись отомстить нашему благодѣтелю за смерть Сенъ-Марса.... Мы должны беречь и защищать драгоцѣнную жизнь!

— Да здравствуетъ великій кардиналъ! громко закричала толпа.

— День и ночь нужна многочисленная стража.

— Мы всѣ готовы!

— Не всѣ, сказалъ Шавиньи: половина на отдыхъ, половина на стражу!

Капитаны заспорили, но Шавиньи сдѣлалъ наскоро назначеніе, и всѣ разошлись по своимъ мѣстамъ. Всѣ выходы были заняты многочисленною стражею. Въ огромномъ дворцѣ остался только одинъ кардиналъ съ тремя испытанными слугами и съ двумя секретарями, — Шавиньи и де Нойé. Мазарини пріѣхалъ съ поздравленіемъ; за нимъ Дезюмидъ, голова и еще нѣкоторые: Тромбара не пустилъ ихъ даже въ сѣни.

Шавиньи, де-Нойé и всѣ трое слугъ, надѣли пуховые башмаки, изобрѣтенные Шавиньи, и, не слышно, въ очередь, подходили къ полу-раскрытымъ дверямъ кардинальской спальни. Къ утру, пріѣхала герцогиня Эгильонская, и почти въ то же мгновеніе кардиналъ проснулся. Герцогиня вошла первая, за нею Шавиньи и де-Нойé. Кардиналъ улыбнулся, и радость просіяла на печальныхъ лицахъ вошедшихъ друзей его. Только блѣдность обнаруживала слабость: впрочемъ онъ былъ бодръ, веселъ. Увидѣвъ Шавиньи, онъ протянулъ руку и сказалъ довольно твердымъ голосомъ: — Благодарю! безъ тебя въ Парижъ принесли бы только трупъ Ришліё, а душа его еще нужна на нѣсколько дней для Франціи.

— О! еще надолго!

Ришліё горько улыбнулся и отвѣчалъ: — Не пускайте ко мнѣ ни одного врача. Они сребролюбивы, а въ лабораторіяхъ у нихъ дѣлаютъ яды.

— Неужели? съ безпокойствомъ замѣтила герцогиня: вы не хотите лечиться?

— Хочу, но еще не рѣшился на выборъ, не знаю, къ кому прибѣгнуть, къ Лекó, епископу Шартрскому, моему другу и духовнику, или....

Кардиналъ не кончилъ и поглядѣлъ значительно на де-Нойé. Въ глазахъ секретаря онъ прочелъ неудачу поисковъ, и приказалъ немедленно послать за головой. Между-тѣмъ слуга доложилъ о пріѣздѣ Горда.

— Зовите, отвѣчалъ кардиналъ, и опустилъ съ постели ноги, къ общему изумленію и страху.

— Дядюшка!... ради Бога, дядюшка... чтó вы дѣлаете?

— Я долженъ быть здоровъ и грозенъ.... Умру, но не прощу неблагодарности!

Вошелъ Гордъ.

— Король приказалъ поздравить вашу эминенцію съ благополучнымъ прибытіемъ, и если здоровье позволяетъ пожаловать завтра въ Сенъ-Жерменъ....

— А кто завтра дежурный капитанъ? спросилъ Ришліё громко и твердо.

— Д'Орбиньи.

— Такъ скажите, что я не поѣду, пока всѣ капитаны по этому списку будутъ находиться при особѣ короля.... Шавиньи! поѣзжайте въ Сенъ-Жерменъ. Если не согласятся на изгнаніе четырехъ друзей Сенъ-Марса, то я, пожалуй пріѣду въ Сенъ-Жерменъ, но съ моими Каталонцами, и, пока мы будемъ работать съ его величествомъ,

Тромбара съ моими людьми будетъ охранять всѣ двери кабинета. Если король и на это не согласится, то я не могу болѣе заниматься дѣлами Франціи. Оставляю министерство и ѣду въ Гавръ: тамъ я губернаторъ. Поѣзжайте съ Гордомъ.

Шавиньи медлилъ. Ришліё улыбнулся и сказалъ: — Шавиньи! я передалъ вамъ громко тайную мою волю.

Шавиньи и Гордъ уѣхали.

Кардиналъ прилегъ, но вдругъ приподнялся, и указывая съ ужасомъ въ уголъ спальни, іюпотомъ спросилъ: — Это кто́?

Всѣ оглянулись: никого не было. Кардиналъ успокоился, зажмурился, но безпрестанно отворялъ глаза и осматривался.

— Тамъ въ залѣ кто-то ходитъ, сказалъ онъ, прислушиваясь.

Де-Нойе́ пошелъ, и возвратясь, объявилъ, что нигдѣ нѣтъ живой души. Прошло еще нѣсколько минутъ безмолвныхъ, страшныхъ. Ришліё дремалъ. Сны примѣтно его мучили: онъ все что́-то отталкивалъ отъ себя рукою, и вдругъ поблѣднѣлъ во снѣ, задрожалъ, проснулся, съ бодростью вскочилъ съ постели, сорвалъ одѣяла, простыню, и, дико захохотавъ, закричалъ:

— Гдѣ же она?

— Кто́? спросили перепуганные герцогиня и де-Нойе́, поддерживая его подъ-руки.

— Марія Неверская!... змѣя!... Сонъ... видѣніе...

Глухо застонали колокола во всемъ Парижѣ. Ришліё, въ рубашкѣ, дрожа, преклонилъ колѣна.

Де-Нойé и герцогиня не могли удержать его: онъ наклонилъ голову, благоговѣйно сложилъ руки, и, вмѣсто молитвы, завелъ странную рѣчь:

— Пользы Франціи.... королева.... клянусь и свидѣтельствуюсь Богомъ, желаніе твоего сына и моего короля, желаніе твоей Франціи, великая Марія Медичи.... Не я.... не я!....

Въ это мгновеніе вошелъ Лекó, духовникъ кардинала. Ришліé всталъ и, протянувъ одну руку къ Лекó, а другою указывкя на пустой воздухъ, сказалъ жалобно:

— Она не вѣритъ. Будьте моимъ свидѣтелемъ: вы знаете всѣ тайны души моей.

Лекó помогъ усадить кардинала на постель. Колокольный звонъ возобновился.

— Чтó это значитъ, Лекó? спросилъ Ришліé, нѣсколько приходя въ себя.

— Получено печальное извѣстіе изъ Кёльна, отвѣчалъ Лекó.

Но кардиналъ не дослушалъ, и, безъ чувствъ, безъ малѣйшаго признака жизни, лежалъ распростертый на разбросанной постели. Герцогиня уложила его, покрыла, и, почуявъ біеніе сердца, нѣсколько успокоилась.

— Неужели? спросилъ де-Нойé, подходя къ Лекó.

— Марія Медичи, мать-королева, скончалась въ Кёльнѣ, въ крайней нуждѣ и бѣдности.

— Уйдите, добрый пастырь, сказала герцогиня. Мы обманемъ его: мы скажемъ, что все это ему причудилось, что королева-изгнанница жива, что этотъ звонъ о богатомъ купцѣ изъ города... Уй-

дите, уйдите! Онъ не перенесетъ этой смерти. Конечно, нечего сказать, онъ преслѣдовалъ ее и былъ причиною преждевременной смерти человѣколюбивой Маріи...

Всѣ вышли въ залу, куда вскорѣ прибылъ и голова. Герцогиня хотѣла его отправить назадъ, не допустить до свиданія, какъ вдругъ, ко всеобщему ужасу, въ кабинетѣ появился кардиналъ со свѣчею въ рукахъ, и между бумагами искалъ чего-то.

— Нашелъ! сказалъ онъ такимъ голосомъ, что всѣ задрожали, и въ рукахъ его сверкнулъ ножъ, давно знакомый читателямъ. Всё безопаснѣе.... А! господинъ голова! сюда!... сюда!... на одну минуту!... и одни!... Сюда!... Дайте мнѣ одѣться!

Слуги на-скоро одѣли кардинала и вышли.

— Садитесь, господинъ голова, сказалъ Ришліё, улыбаясь и осматривая ножъ. Что новаго? Полу́чили вы мою записку?

— Получилъ и исполнилъ, печально отвѣчалъ голова.

— Исполнили?... Что́ вы исполнили?... казнили?

— Нѣтъ. Вчера только ночью....

— Слава Богу! слава Богу! Онъ мнѣ нуженъ. Пришлите его, пришлите!... Обѣщайте ему милость, утѣшьте его! Снимите съ него цѣпи; обыщите, нѣтъ ли оружія... Но скорѣе!... скорѣе!... Мнѣ онъ очень нуженъ.

—

ГЛАВА XIX.

ПОЕДИНОКЪ.

Дѣти Джудиты стояли на крыльцѣ дома головы, въ красномъ охотничьемъ платьѣ, съ хлыстами и аркебузами. Жена головы снаряжала ихъ въ дорогу. Между-тѣмъ подвели лошадей, и они хотѣли-было уже отправиться въ путь, подъ присмотромъ стараго ратушеваго слуги. Пріѣхалъ голова.

— Куда вы, молодцы? спросилъ онъ ихъ довольно ласково.

— На охоту, папа́, отвѣчалъ Жеромъ: въ за́мокъ Орбиньи, къ тетушкѣ Маріи.

— Да развѣ за вами прислали?

— Пріѣзжалъ нарочный. Въ за́мкѣ будетъ дамская охота, шалость, забава....

— А у насъ хлопоты: кардиналъ требуетъ къ себѣ Гойко, и, я думаю, вамъ пообождать бы маленько. Кажется, слѣдовало бы проститься съ нимъ: онъ помогалъ вашей матери и всѣмъ друзьямъ.

Не успѣлъ Джироламо отвѣчать, какъ загремѣли цѣпи, и Гойко показался въ глубинѣ переулка съ городскими стрѣлками. Голова и дѣти Джудиты вошли въ залу. Вслѣдъ за ними вошелъ и Гойко.

— Снимите съ него цѣпи, сказалъ голова, и оставьте насъ однихъ.

Стрѣлки удалились.

— Что́ это значитъ, благодѣтель мой? спросилъ Гойко.

— Ничего, ничего, будь спокоенъ, отвѣчалъ

голова, и пересказалъ ему разговоръ съ кардиналомъ.

Гойко улыбнулся и, помолчавъ немного, сказалъ:

— Я приготовился къ позорной казни, но умереть въ караульняхъ кардинальскаго дворца — лучше: нѣтъ такого стыда, нѣтъ такого ужаса, не услышу поруганія и проклятій.... Но кто защититъ, кто сохранитъ невинность моей Сары?...

— Будь спокоенъ! закричали дѣти Джудиты: мы довольно богаты....

— И слишкомъ молоды, господа. Я и на томъ свѣтѣ буду мучиться ревностью. Но, благодѣтель мой....

Гойко повалился въ ноги старому сановнику.

— Вы одни можете быть ея спасителемъ. Отецъ Сары еще живетъ въ Ліонѣ.

— Будь спокоенъ, Филиппъ: я отошлю Сару въ Ліонъ.

— Теперь простите!

Гойко обнялъ колѣна головы, облилъ ихъ горячими слезами, поцѣловалъ руки у молодыхъ людей, и бросился къ дверямъ.

— Постой! постой!... тебя одного къ кардиналу не допустятъ, сказалъ голова, схватилъ его за руку и повелъ къ своей каретѣ.

—

Кардиналъ Мазарини смиренно стоялъ предъ креслами кардинала Ришліё и докладывалъ о заговорѣ друзей Сенъ-Марса: они поклялись лишить

жизни обоихъ кардиналовъ, Лобардемона и всѣхъ участвовавшихъ въ ліонскомъ судилищѣ; сообщники ихъ съ каждымъ днемъ умножаются; негодованіе всей Франціи противъ послѣдней казни воспламеняетъ всѣхъ, отъ мала до велика, противъ кардиналовъ.... Ришліё улыбался.

— Все это вздоръ, сказалъ онъ. Сегодня отставятъ капитановъ отъ должностей, завтра противъ нихъ наряжены будутъ слѣдствіе и судъ; и они отправятся на свиданіе съ де-Ту и Сенъ-Марсомъ.

— Еще казни? сказалъ Мазарини.

— Кто-нибудь долженъ умереть на этой недѣлѣ, или они, или мы съ вами. Говорю вамъ, все это вздоръ. Скажите мнѣ лучше, какова собой маркиза Сара.

— Очень хорошенькая жидовка. Она послужила приманкой для поимки самого маркиза. Такую любовь трудно встрѣтить и между христіанами: маркизъ побѣжалъ за нею изъ Италіи, куда благополучно доставилъ капитана де-Вальероля, Джудиту, Альфреда Дени.

Ришліё примѣтно становился веселѣе.

— Ну, а ваша задушевная Эвелина?

— Вчера оставила Парижъ вмѣстѣ съ Пуссеномъ.

— А что, Пуссенъ уѣхалъ?... Мы таки-поставили на своемъ. Кончилъ онъ галерею?

— Кончилъ. Но послѣднюю его картину Вуэ и Лемерсіё ночью закрасили.

— Какъ же они смѣли?

— Я сдѣлалъ бы на ихъ мѣстѣ то же, отвѣчалъ Мазарини, подавая рисунокъ послѣдняго подвига Геркулеса.

Ришліё еще болѣе развеселился, разсматривая живописную сатиру.

— Ну, а гдѣ же теперь очень хорошенькая жидовка?

— Въ городской тюрьмѣ, вмѣстѣ съ мужемъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?... въ самомъ дѣлѣ? радостно сказалъ Ришліё. Ступайте, кардиналъ, ступайте, пришлите ко мнѣ человѣкъ двѣнадцать Каталонцевъ и пріѣзжайте послѣ полуночи. Я думаю, Шавиньи вернется изъ Сенъ-Жермена.

Каталонцы были разставлены за всѣми дверьми ришліёвскаго кабинета. Мазарини, де-Нойё, герцогиня и Лекó, оставались въ залѣ. Голова и Гойко вошли въ кабинетъ.

— Любезный другъ! сказалъ кардиналъ, обращаясь къ головѣ: ваша городская тюрьма тѣсна... воздухъ нездоровый.... для нѣжной женщины онъ можетъ быть убійственъ. У меня во дворцѣ есть старая казначейская: я назначаю ее для помѣщенія жидовки Сары, которую и прошу передать на руки капитану Тромбарѣ сейчасъ, не медля ни одного мгновенія. Оставьте насъ, любезный другъ, однихъ.

Гойко поблѣднѣлъ, задрожалъ, но не сказалъ ни слова. Когда голова ушелъ и двери тихо закрылись, Гойко, не ожидая вопросовъ кардинала, подошелъ къ нему съ страшнымъ, рѣшительнымъ видомъ, отъ котораго кардиналъ поблѣднѣлъ и задрожалъ въ свою очередь.

— Старикъ! сказалъ Гойко шопотомъ, но этотъ шопотъ былъ ужаснѣе грома: мало ли подъ управою твоею пролито крови?... Не насытный тигръ! чего еще ты хочешь?

— Здоровья, запинаясь, отвѣчалъ кардиналъ.

— Кчему?... чтобы твоимъ замирающимъ когтямъ дать прежнюю силу, твоей крови прежнее вожделѣніе, твоему уму прежнюю хитрость?... О! зачѣмъ я не пріобрѣлъ науки взоромъ умерщвлять людей!... Франція поставила бы мнѣ пышный памятникъ за свое освобожденіе отъ гнуснаго крокодила, который, изъ глубины своей неприступной берлоги, коситъ головы благороднѣйшихъ и невинныхъ дѣтей ея...

— Тише, безумецъ! побагровѣвъ сказалъ кардиналъ. И ты и Сара свободны: дай только годъ здоровья.

— Не могу.

— Не можешь?... Такъ я твою Сару отдамъ моимъ Каталонцамъ.... тебя поставлю свидѣтелемъ....

— Но самъ не увидишь этой картины: я задушу тебя! сказалъ Гойко, и бросился на кардинала.

Въ лѣвой рукѣ Ришліё загремѣлъ колокольчикъ, въ правой засверкалъ ножъ. Изъ всѣхъ дверей поспѣшно входили Каталонцы. Ришліё пырнулъ въ Гойка ножемъ, и несчастный упалъ навзничь безъ малѣйшаго признака жизни. Кардиналъ трясся какъ въ лихорадкѣ: колокольчикъ продолжалъ звѣнѣть, ножъ дрожалъ, зубы стучали, глаза горѣли какъ

уголья. Каталонцы смотрѣли на кардинала и не знали что дѣлать.

— Въ Сену его!... въ Сену! сказалъ кардиналъ.

Гейко унесли.

— Въ Сену!... въ Сену! продолжалъ кричать Ришліё.

На крикъ его всѣ прибѣжали изъ залы. Поздно: смерть начала послѣднюю борьбу свою съ непобѣдимымъ въ дѣлахъ земныхъ.

—

ГЛАВА XX.

КОНЧИНА.

Это было въ субботу, двадцать-девятаго ноября 1642 года. Дворецъ наполнился кардиналами, епископами, аббатами, маршалами, придворными. Шавиньи возвратился изъ Сенъ-Жермена съ отставкой всѣмъ четыремъ капитанамъ, но увидѣвъ, что происходитъ въ кардиналской спальнѣ, спряталъ бумаги въ карманъ и, въ своей же каретѣ, отправилъ Рюза къ королю съ печальнымъ извѣстіемъ. Лекó послалъ по всѣмъ церквамъ приказаніе молиться объ изцѣленіи кардинала. Поздно ввечеру пріѣхалъ король во время службы, и присутствовалъ при причащеніи кардинала. Съ нимъ были всѣ придворные врачи, въ томъ числѣ старый Абенъ-Гассанъ.

— Господа! сказалъ король: за часъ его жизни — милость по вашему выбору!

Но Абенъ-Гассанъ, качая бѣлою головою, от-

— Если Господу угодно будетъ возвратить васъ къ жизни, даете ли обѣтъ съ бо́льшею вѣрностью служить Ему?

— Да помлетъ мнѣ лучше тысячу смертей, если ему извѣстно, что я долженъ согласиться на грѣхъ смертельный!

— Молитесь же со мною о жизни и здравіи.

— Ни того ни другаго не смѣю просить у Господа: да будетъ Его святая воля!

— Если такъ, остается вамъ, какъ князю Церкви, благословить предстоящихъ.

— Увы! я недостоинъ! Но вы приказываете: я, вашею властію, вашею добродѣтелью, призываю Духа Святаго осѣнить ихъ благочестіемъ и страхомъ Божіимъ!

Ришліё приподнялся на постели и, преклоняя голову съ дивнымъ смиреніемъ, сказалъ предстоящимъ:

— Помилуйте и отпустите грѣшнику....

Онъ не кончилъ рѣчи. Кардиналы, маршалы, епископы, отвѣчали ему, какъ-будто условясь, тяжкимъ вздохомъ, и у многихъ полились неприторныя слезы.

— Простимся! сказалъ кардиналъ, падая на подушки.

Де-Нойе́ и Шавиньи первые бросились къ нему. Ришліё снялъ съ рукъ своихъ всѣ кольца и подавалъ подходившимъ. Не всѣ были удостоены этой чести: кольца получили де-Нойе́, Шавиньи, Оксерръ, Ренъ, Рибо́ и Абенъ-Гассанъ, чудными

пилюлями нѣсколько облегчившій неописанныя страданія умирающаго.

— Благодарю васъ.... молитесь обо мнѣ, приговаривалъ онъ каждому.

Боль возобновилась.

— Долго ли страдать мнѣ! спросилъ Ришліё.

Абенъ-Гассанъ подалъ пилюлю. Кардиналу примѣтно стало лучше: онъ заснулъ очень спокойно и, передъ самою смертью, еще разъ перепугалъ Парижъ. Всю ночь никто не спалъ ни въ Лувръ, ни въ городѣ, ни на предмѣстіяхъ.

Наступило утро. Кардиналъ спалъ. Капитанъ Тромбара выпрашивалъ изъ спальни гостей, но никто его не слушалъ. Тромбара вышелъ въ залу и сталъ жаловаться отцу Леону:

— Помилуйте, достойный отецъ, слава Богу, слезами и молитвами, намъ удалось возвратить нашего отца изъ рукъ смерти, а эти господа....

Изъ спальни выбѣжалъ маршалъ де-Брезé, и почти кричалъ: — Отецъ Леонъ! отецъ Леонъ!

Кармелитъ поспѣшилъ въ спальню.

— Кончается, сказала шопотомъ вся толпа гостей почти въ одно слово.

Отъ этого шопотъ былъ такъ громокъ, что умирающій вздрогнулъ и открылъ глаза, которые уже не глядѣли. Неподвижные зрачки наводили ужасъ: казалось, они испытывали въ послѣдній разъ общественное мнѣніе.

Отецъ Леонъ преклонилъ колѣна у изголовья и тихо спросилъ: — Узнаете ли вы меня?

— Да, мой отецъ, едва слышно отвѣчалъ отходящій.

— Хотите ли принять послѣднее разрѣшеніе?

— Да, еще слабѣе прошепталъ Ришліё.

— Вамъ трудно говорить; постарайтесь собрать въ душѣ вашей чувства христіанскаго покаянія и смиренія, и, въ знакъ того, что вы дѣйствительно раскаиваетесь во всѣхъ грѣхахъ и порокахъ прошедшей жизни, пожмите мнѣ руку.

Ришліё сдѣлалъ усиліе и нѣсколько разъ пожалъ руку отцу Леону, который давъ ему послѣднее разрѣшеніе и благословивъ мощами, поднесъ крестъ къ губамъ кардинала. Но Ришліё уже не могъ сложить поцѣлуя: глаза помутились; холодный потъ возвѣстилъ приближеніе кончины. Кардиналы епископы, аббаты, маршалы, придворные и слуги герцога, наполняли нѣсколько комнатъ. Когда епископъ шартрскій и отецъ Леонъ стали читать отходную, вся толпа громко зарыдала: можно сказать, весь дворецъ вдругъ заплакалъ; слуги забыли свои мѣста и бросились въ спальню, но вошли туда въ то самое мгновеніе, когда отецъ Леонъ, закрывъ глаза кардиналу, поцѣловалъ его въ чело и, обратясь къ предстоящимъ, сказалъ глухимъ голосомъ:

— Если кто изъ васъ былъ для покойнаго дороже меня, пусть замкнетъ уста. Изъ уваженія я не осмѣлюсь.

Но и никто не осмѣлился. Началось безмолвное, церемоніальное прощаніе. Канцлеръ, Мазаринн, Шавиньи, де-Нойе, подошли первые. Колоколъ

возвѣстилъ о событіи, и весь Парижъ какъ-будто проснулся отъ тяжелаго сна, какъ-будто самъ вырвался изъ рукъ смерти. Мрачныя, пустыя улицы вдругъ оживились; кареты поскакали во весь опоръ; пѣшеходы бѣгомъ спѣшили другъ другу сообщить такое извѣстіе, къ которому, казалось бы, всѣ могли и привыкнуть и приготовиться въ теченіе пяти дней. Королева вошла съ веселою улыбкою въ кабинетъ короля. Людовикъ заплакалъ и сказалъ:

— Вы потеряли врага, я и Франція друга и опору. Но.... да будетъ святая воля Его! — Королева, вы подарили Франціи двухъ принцевъ: пора вамъ быть королевой Французовъ, а не инфантой Испанской, не австрійской принцессой.... Посмотрите: вы въ траурѣ! Вспомните, что королева-мать, Марія Медичи, умерла въ изгнаніи, потому что не умѣла умѣрить честолюбія и заглушить въ сердцѣ своемъ страсти къ Италіи.

— Государь!...

— Королева! я остался на этомъ свѣтѣ для того только, чтобы похоронить кардинала и приготовить Францію къ другой потерѣ....

Людовикъ остановился. Королева, упавъ передъ нимъ на колѣни, цѣловала его руки и обливала ихъ слезами. Король поднялъ ее и, поцѣловавъ въ лобъ, сказалъ нераннодушно: — Будто и при *немъ* мы не могли жить счастливо?

— Да здравствуетъ король! раздался крикъ съ площади, покрытой толпами ликующаго народа.

— Глупцы! сказалъ король, схвативъ шляпу;

на внутреннемъ дворѣ онъ сѣлъ въ карету, и черезъ садъ уѣхалъ одинъ въ свой сенъ-жерменскій монастырь.

—

ГЛАВА XX.

УТОПЛЕННИКЪ.

— Отставили! тебя отставили! кричала Марія д'Орбиньи. Король тебѣ не довѣряетъ?

— Король не соглашался, но Мазарини былъ при немъ неотлучно: этотъ коварный предатель и соблазнитель въ два часа завладѣлъ свободнымъ сердцемъ Людовика, и, когда Шавиньи объявлялъ желаніе Ришліё, я стоялъ у спальни королевской. «Что мнѣ дѣлать, mon cousin? сказалъ Людовикъ. Если я соглашусь на эти смѣшныя требованія, на эти повелительныя угрозы, онъ умретъ отъ огорченія, а я вижу, что тѣни несчастныхъ ліонскихъ министровъ страшнѣе Марильяка и Монморанси. Какъ вы думаете, mon cousin?» — Вы знаете, отвѣчала италіянская лиса, что у меня сердце женское и въ такихъ дѣлахъ всегда болѣе склонно къ милости. — «Я узналъ къ удовольствію моему ваше доброе сердце, сказалъ Людовикъ. Назначая васъ своимъ преемникомъ, кардиналъ думалъ только о благѣ Франціи: я это вижу.... Пора! пора!... довольно этихъ трагедій, до которыхъ онъ былъ такой охотникъ! Я не отпущу моихъ капитановъ.» — Государь! сдѣлайте эту уступку умирающему. Я долженъ быть откровененъ: иначе, не буду достоинъ вашихъ милостей. Всѣ четверо были за

одно съ Сенъ-Марсомъ. Я съ умысломъ скрылъ ихъ участіе, но если министру вашего величества сколько-нибудь дозволено думать и о собственной безопасности, то, я долженъ признаться, что не только отставка, но и смерть четырехъ капитановъ, необходимы. — «Какъ? еще казнь?» почти закричалъ король. — Послѣдняя, ваше величество: клянусь Богомъ и честью, послѣдняя! Она испугаетъ тѣхъ, которые бы противились благимъ намѣреніямъ вашего величества, а милости, какія мы готовимъ знаменитымъ изгнанникамъ и заключеннымъ тотчасъ послѣ казни, и не въ одинъ разъ, а одна за другою, разувѣрятъ Францію, разсѣютъ опасенія. — «Но кардиналъ не требуетъ ихъ казни,» сказалъ король. — «Отставку, ваше величество, на сегодня только отставку, а прочее сдѣлаетъ парламентъ послѣ кончины моего благодѣтеля.» — Я не остался болѣе ни одной минуты у дверей спальни. Въ залѣ я нашелъ моихъ товарищей. Не успѣлъ я разсказать имъ то, что́ слышалъ, какъ сверху сбѣжалъ маршалъ де-Брезé, и объявилъ намъ королевскую немилость. «Это я вамъ сказалъ по должности, прибавилъ маршалъ; теперь скажу по дружбѣ: спасайтесь!... хотятъ вашей жизни.» — Мы поспѣшили васъ увѣдомить, и....

— И что́ потомъ? спросила Марія. Вспомните о Джудиттѣ, вспомните о бѣдной Эвелинѣ; посмотрите на этихъ невинныхъ юношей, готовыхъ отмстить за несчастную мать. Я знала обо всемъ, д'Орбиньи; я приготовилась на ужасную охоту, и, если вамъ не угодно, мы втроемъ отправимся

на сенъ-жерменскую дорогу, и кардиналъ Мазарини не будетъ преемникомъ кардинала Ришліё.

— Да, это наше намѣреніе, Марія, сказалъ д'Орбиньи, обнимая мстительную Италіянку. Вотъ, господа капитаны тебѣ разскажутъ, какой мы составили планъ. Недалеко отъ нашего замка, въ небольшомъ помѣстьѣ своемъ, живетъ королевскій врачъ, старикъ, къ которому Мазарини нерѣдко ѣздитъ за совѣтами. Теперь его повезли къ умирающему кардиналу. Помѣстье старика на Сенѣ, не будетъ пол-ліё отъ Парижа. Мы заѣзжали, но не нашли ни живой души: всѣ поселяне пошли въ Парижъ смотрѣть на пріѣздъ кардинала въ деревянномъ домѣ. Мазарини, какъ узнали мы, ѣздитъ къ нему всегда по четвергамъ, иногда и по вторникамъ, въ каретѣ, одинъ и въ свѣтскомъ платьѣ. Сегодня вторникъ, и....

— Ѣдемъ! сказала Марія.

Охотники долго гонялись за дичью въ окрестностяхъ замка. Къ-вечеру они завидѣли деревушку, цѣль своего путешествія. Улицы были полны народа: поселяне пировали и веселились. Но мы должны возвратиться къ прошедшей субботѣ. Поселяне ловили рыбу. Старый врачъ, ихъ господинъ, съ утра еще уѣхалъ въ Сенъ-Жерменъ по требованію короля. Въ Парижѣ, по рѣкѣ, примѣтно было необыкновенное движеніе; слышенъ былъ колокольный звонъ, который продолжался во весь день. Около полудня, по теченію, несло лодку: подъ чернымъ ея бокомъ плыло что-то похожее на человѣка; на шеѣ у него виднѣлась веревка;

конецъ ея перекинутъ былъ въ лодку; онъ изрѣдка помогалъ руками лодкѣ плыть шибче и держался на водѣ съ необыкновенною ловкостью; силы его примѣтно истощались; на слабый крикъ его поселяне бросились въ лодки и вытащили на берегъ страннаго пловца. Къ другому концу веревки былъ привязанъ порядочный булыжникъ. Незнакомецъ не могъ говорить отъ усталости: горло его вспухло; глаза его были на-выкатѣ; вода струилась съ волосъ и платья; онъ страшно озирался, отплевывался, отхаркивалъ воду, и безпрестанно хватался за грудь.

— А что! сказалъ Гильомъ: отнесемъ его къ старику. Онъ скоро вернется, а, пока, Маргарита его обогрѣетъ, уложитъ въ теплую постель, дастъ ему чего-нибудь: вѣдь и она нынче смѣкать стала.

— Еще бы!... старый жидъ и молодой волокита всему злому научатъ! сказалъ другой поселянинъ.

— Ну-ка, ребята! берите-ка рыбу!

— Куда? хриплымъ голосомъ простоналъ несчастный.

— Недалеко! Вонъ домишко съ красными ставнями.

Навстрѣчу неожиданнымъ гостямъ выбѣжала прелестная молодая дѣвушка. На ней былъ синій шерстяной корсетъ, зашнурованный спереди, красная шерстяная юбка съ черною внизу оборкой: два плетеные гарусные конца сбѣгали изъ-за пояса внизъ по юбкѣ; тонкая рубашка съ широкими рукавами была украшена прошивнымъ воротникомъ въ

складкахъ. Въ рукѣ она держала мужскую полушляпу, какую тогда носили окрестные поселяне, безъ различія пола.

— Что случилось? что случилось? спрашивала она съ безпокойствомъ.

Ей разсказали.

— Что вы! что вы! покраснѣвъ сказала Маргарита. Въ умѣ ли вы?... Молодой человѣкъ, и безъ батюшки, вдвоемъ со мной, подъ одной крышей, когда мнѣ запрещено выходить на крыльцо послѣ захожденія солнца и разговаривать съ вами?... Какъ хотите, не могу! Помочь, чѣмъ угодно, я рада и готова, но въ домъ не пущу.

— Такъ и не нужно! отвѣчалъ Гильомъ. Направо въ ворота!... ко мнѣ!

— А я принесу травъ! сказала поспѣшно Маргарита.

— Не нужно!... отваливай!... Видно, у тебя сегодня карета будетъ.

— Такъ что жъ, что будетъ? отвѣчала Маргарита, покраснѣвъ до ушей. Мало ли каретъ у насъ бываетъ?

— Да не такія.... знаемъ мы васъ! говорилъ Гильомъ, унося въ домъ свой незнакомца. Видишь! будто мы ужъ такъ просты и не знаемъ что парикъ что шапочка, что Мазарини что Ришліё.... Знаемъ, знаемъ, матушка!... и дочекъ своихъ запираемъ, когда завидимъ гербовую карету, а на козлахъ Ромуальда.

Больной уже лежалъ на спокойной койкѣ, но услышавъ послѣднія слова Гильома, судорожно

сталъ вздрагивать и выпучивъ глаза, водить вокругъ страшнымъ взглядомъ.

— Спасибо, ребята! сказалъ Гильомъ, когда товарищи положили на мѣсто больнаго, раздѣли и начали расходится; онъ заперъ двери на щеколду, и сѣлъ возлѣ незнакомца.

— Слушай, ты, кто бы ты ни былъ! сказалъ Гильомъ. Веревочку на тебя вѣрно надѣлъ какой-нибудь изъ кардиналистовъ. Ты, пожалуй, изъ страху не скажешь.... Ну, такъ я тебѣ скажу. Не бойся: вотъ и все тутъ!

Гильомъ всталъ, принесъ теплое молоко, приготовленное дочерью, и принялся деревяннымъ черпаломъ вливать его въ горло незнакомца. Больной откашливалъ мокроты съ бо́льшею легкостью, свѣжѣлъ, и къ-вечеру заснулъ.

Проснулся.... Темно!... холодъ смертельный!... дождь стучалъ въ мелкія стекла оконъ, и навелъ новый, спасительный сонъ. Проснулся.... утро!... здоровъ: только опухоль не отошла отъ горла. Незнакомецъ всталъ, обошелъ весь домъ: ни живой души! Холодъ опять загналъ его на койку. Тамъ пролежалъ онъ до вечера, безъ сна и пищи; къ-ночи зимній дождь завелъ свою скучную пѣсню: незнакомецъ уснулъ; но, несмотря на перину, которою его покрыли, легкая изморозь разбудила его. Днемъ онъ замѣтилъ гдѣ у хозяина сушеные прутья, гдѣ очагъ, и незнакомецъ, вставъ, и дрожа, вытеръ огня и затопилъ дымный каминъ. Не прошло четверти часа, на улицѣ послышался

лошадиный топотъ, вслѣдъ затѣмъ раздались голоса: кто-то постучался въ окно.

— Эй! послушай, добрый человѣкъ! говорилъ всадникъ: впусти насъ въ избу обогрѣться

— Да не заперто, господа, милости просимъ? сказалъ незнакомецъ, накинувъ на себя перину и присѣлъ въ углу комнаты. Чортъ ихъ возьми! пускай обогрѣются. Можетъ-быть, что́ нибудь объ нихъ и отъ нихъ узнаю.

Вошли четыре капитана королевской граціи.

— Право, господа, сказалъ Дюбюи, мы напрасно сдѣлали такой ужасный крюкъ. Сюда, не только аббатикъ, но, я думаю, и волкъ не заходитъ!

— Въ самомъ дѣлѣ, куда они дѣвались?... Ни въ одномъ домѣ огня! Для поселянъ, это слишкомъ поздно.

— Послушай, любезный, спросилъ Дюбюи, примѣтивъ въ углу незнакомца: куда дѣвались ваши?

— Я не здѣшній. Меня принесли сюда больнаго, положили въ постель, покрыли, и ушли. Вотъ третій день наступаетъ: ни одной души въ деревнѣ.

— Вѣрно, пошли смотрѣть, какъ принесли кардинала въ Парижъ въ деревянномъ дворцѣ.

— Нѣтъ, милостивый господинъ: это было въ пятницу ночью, а теперь, я думаю, вторникъ....

— Вторникъ?... Господа! кажется, аббатикъ по вторникамъ изволитъ заглядывать. Не обождать ли его?

— Спѣшить нечего, сказалъ д'Орбиньи. Да и

аббатику теперь не до загородныхъ поѣздокъ. Кардиналъ на-исходѣ: такъ теперь ему нельзя сидѣть опустивъ руки.

— Такъ когда же? спросилъ Дюбюи.

— Въ слѣдующій вторникъ, отвѣчалъ д'Орбиньи.

— Слово, господа?

— Слово!... А, пока, поѣдемъ ко мнѣ въ замокъ. Тамъ по-крайней-мѣрѣ есть стѣны, рвы, и, можетъ-быть, посовѣстятся открытой силой... А мы проведемъ между-тѣмъ пріятную недѣлю.

— Прекрасно, д'Орбиньи! А мы, пока, будемъ имѣть время поучиться у твоей жены по-италіянски.

— Только, пожалуста, не учите моей Маріи французской любезности! отвѣчалъ д'Орбиньи, улыбаясь и толкнулъ Дюбюи, поглядывая въ уголъ.

— Ну, что жъ! сказалъ Дюбюи. Непріятель осмотрѣнъ: надо приготовить тайные ходы, и.... за дѣло! Право, намъ веселѣе было подъ перпиньянскими пушками нежели въ этой столичной засадѣ.... Ѣдемъ!

— Ѣдемъ!... Свѣтаетъ.

И капитаны, не сказавъ ни одного слова незнакомцу, вышли изъ комнаты, сѣли на коней, и отправились въ путь.

Больной съ особеннымъ безпокойствомъ прислушивался къ стуку копытъ и къ отдаленному эху, которое издали добѣгало отъ нихъ по воздуху, захваченному легкимъ утреннимъ морозомъ. На дворѣ свѣтало; каминъ пылалъ. Незнакомецъ, убѣдясь, что всадники уѣхали, принялся не ходить, а бѣгать по комнатѣ, размахивая руками.

— Онъ трусъ!... онъ отдастъ мнѣ Сару за эти четыре головы!... Надо только осмотрѣться въ этой деревнѣ.

И Гойко сталъ растягивать и просушивать свое платье, которое, въ первую ночь какъ захватило его морозомъ, еще и до сихъ-поръ не могло совершенно просохнуть. Прошло около часа. Гойко былъ совсѣмъ одѣтъ. Солнце поднялось, и чудный зимній день какъ-будто радовался на небесахъ и любовался на самаго себя. Гойко вышелъ на улицу, и примѣтилъ во всей деревнѣ страшную пустоту. Кое-гдѣ, по грязи, съ одной стороны на другую, перебѣгали дѣти; изрѣдка, изъ оконъ, ихъ журили старухи. Господскій домъ стоялъ ближе къ нему; но ставни, двери и ворота были заперты.

— Зѣвать и медлить нечего!... Но что подумаютъ?... я безъ мантіи и безъ шляпы... Что дѣлать! слава Богу и за то! Каталонцамъ было некогда, а то бы въ этотъ разъ я не отдѣлался такъ дешево... Дай Богъ здоровья, что башмаки оставили!

Гойко вошелъ на крыльцо и постучался въ двери.

— Кто тамъ? закричалъ женскій голосъ.

— Ну, Самуилъ, что ты отвѣтишь? подумалъ Гойко, и онъ отвѣчалъ: — Больной, сударыня, за лекарствомъ пришелъ.

— Батюшки дома нѣтъ.

— Что нужды! И вы меня вылечите!

— Вы думаете?

— Увѣренъ. Вы были такъ добры, что сами изволили мнѣ обѣщать и травъ и лекарствъ, а

ваши поселяне вытащить меня изъ воды вытащили, да такъ и бросили; три дня ничего не ѣмъ, только мерзну.

— Боже мой! такъ ты тотъ утопленникъ? сказала Маргарита, отворяя двери. Войдите, обогрѣйтесь, покушайте... и сейчасъ домой!... потому что если батюшка...

— Не бойтесь, не бойтесь! онъ меня не застанетъ.

Гойко вошелъ въ довольно обширную и опрятную комнату, освѣщенную трехъ-свѣтильникомъ и пылавшимъ каминомъ. Маргарита приставила къ камельку огромныя кресла съ подушками, и сама исчезла. Гойко усѣлся и началъ медленно разсматривать комнату. Одинъ уголъ былъ убранъ оружіемъ разнаго рода. Гойко задрожалъ всѣмъ тѣломъ, указывая обѣими руками въ уголъ. Маргарита, въ самое это время, вбѣжала съ блюдомъ холодной телятины.

— Что съ вами? спросила она, уронивъ блюдо.

Гойко, не перемѣняя положенія рукъ, медленно поднялся со стула и подошелъ къ оружію.

— Оно!... оно! закричалъ онъ: я не ошибся.

И Гойко сорвалъ со стѣны два ножа въ драгоцѣнныхъ футлярахъ. Маргарита вскрикнула и бросилась къ дверямъ; но Гойко однимъ прыжкомъ догналъ ее, обхватилъ, и сказалъ тихо но страшно: — Одно слово, Маргарита, и васъ не станетъ! Успокойтесь лучше, и соберите ваши силы. Вы должны меня выслушать.

— Вы меня погубите, страшный незнакомецъ...

— Можетъ-быть, можетъ-быть!... Ваша жизнь въ рукахъ вашихъ. Позвольте и прямыхъ отвѣтовъ: мнѣ больше ничего не нужно! Кто вашъ отецъ?

— Не знаю.

— Какъ?

— Онъ не отецъ мнѣ... я никогда не видала отца... Матери не помню... мнѣ кажется, этотъ портретъ, что у него въ спальнѣ, похожъ на меня, и потому, иногда глядя въ зеркало, мнѣ сдается...

— Покажите его, покажите! закричалъ Гойко, схвативъ трехъ-свѣтильникъ и вглядываясь въ черты Маргариты....

— Пойдемте, сказала Маргарита, безъ особеннаго страха, но съ какимъ-то любопытствомъ разсматривая выразительное, одушевленное лицо Гойко.

Они вошли въ небольшую комнату. Въ углу стояла кровать съ высокими занавѣсками; кругомъ, на полу и на полкахъ, расположена была дорогая аптекарьская посуда; на узкомъ простѣнкѣ, гдѣ нельзя устроить полокъ, висѣло нѣсколько дурныхъ гравюрокъ и небольшой портретъ, писанный однако же масляными красками, безъ рамокъ и покрытый на палецъ пылью. Гойко рукою старался расчистить лицо и затрепеталъ: онъ смотрѣлъ, то на Маргариту, то на портретъ, и заплакалъ....

— Что съ вами? сказала Маргарита, подхвативъ подсвѣчникъ, который уже падалъ изъ рукъ Гойко.

— Дочь моей матери! завопилъ онъ, и, со слезами жарко обнялъ Маргариту.

— Братъ?... вы братъ мой?... Въ самомъ дѣлѣ, и въ васъ есть сходство... Братъ?...

— Постой, Маргарита, постой! Нѣтъ ли другихъ доказательствъ?... нѣтъ ли...

— Нѣтъ ничего, кромѣ этой догадки, этого ужаснаго портрета, и когда меня ласкаетъ батюшка, когда онъ разнѣжится, мнѣ приходитъ на умъ портретъ: и на сердцѣ такъ тяжело!...

— Постой, Маргарита. Гдѣ его бумаги? гдѣ его вещи?

— Что ты хочешь дѣлать?

— Не спрашивай, Маргарита. Пройдетъ часъ, другой, тогда уже будетъ поздно: я отомщу за нее, за себя, за тебя, за мою жену... за всѣхъ!... за все!... Тогда поздно будетъ думать о вещахъ и бумагахъ; тогда надо будетъ спасаться, бѣжать. Говори Маргарита: гдѣ его вещи и бумаги?

— Право, я никогда ничего не видала. Но вотъ за этой дверью его врачебная мастерская. Можетъ-быть, тамъ....

— Ключъ!

— Съ нимъ, и онъ никогда никого туда не пускаетъ.

Гойко толкнулъ ногой дверь и только тогда догадался, что она желѣзная.

— Здѣсь, здѣсь, съ восторгомъ сказалъ онъ: здѣсь всѣ его вещи!... Топоръ!

— Помилуй!... Всѣ сосѣди сбѣгутся.

— Правда, сестра! У тебя соображеніе наслѣдственное, фамильное... Постой! нѣтъ ли у тебя какой нибудь мантіи и шляпы?

— Есть. Но какъ мнѣ звать тебя?

— Маркизомъ, пока; просто маркизомъ.

Маргарита посмотрѣла съ недовѣрчивостью на его платье. Гойко улыбнулся.

— Ну, не хочешь маркизомъ, зови купцомъ Филиппомъ ліонскимъ.

Изумленіе ея возрастало.

— Не хочешь, такъ называй просто Самуиломъ Гойко.

— Маркизъ де-Кокъ! съ ужасомъ сказала Маргарита: маркизъ де-Кокъ!... О тебѣ по церквамъ приговоръ читали: и отецъ твой былъ такъ радъ, такъ веселъ! «Наконецъ онъ найдетъ свое мѣсто, сказалъ онъ, потирая руки: или его повѣсятъ, или мы уже не увидимся!» Я тогда не могла понять его радости; но теперь... Какіе ужасы!

— Ужасы! А что, если я разскажу тебѣ...

И въ нѣсколько мгновеній Маргарита узнала всѣ тайны своего семейства, всю глубину пропасти, надъ которой стояла.

— Такъ это не сынъ его друга? сказала она прерывающимся голосомъ и блѣднѣя.

Гойко схватилъ ея руку и на ухо прошепталъ:

— Кардиналъ Мазарини.

Маргарита безъ чувствъ упала на грудь брата.

—

ГЛАВА XXII.

РОДСТВЕННИКИ.

Молотъ Гойки мѣрно стучалъ въ желѣзныя двери лабораторіи, въ ладъ съ колокольнымъ звономъ

церкви, которая стояла въ весьма близкомъ сосѣдствѣ съ домомъ господскимъ. Замóкъ не подавался долго; наконецъ что-то въ немъ лопнуло. Гойко усилилъ удары, и дверь отворилась. Ставни по-прежнему были заперты. Блѣдная, совершенно измѣнившаяся въ лицѣ, Маргарита свѣтила Самуилу. Когда они вошли въ лабораторію радость Гойки была непомѣрна: онъ нашелъ многія драгоцѣнныя вещи, нѣкогда ему принадлежавшія; нашелъ нѣсколько кошельковъ съ золотой монетой; наконецъ открылъ механическій ящикъ: Гойко не ломалъ головы какъ отворить его: ударъ молота, и щепки далеко отскочили по угламъ комнаты, оставивъ на полу кипу бумагъ и еще золото. Съ жадностію пересматривалъ кладъ свой Гойко: больше десяти расписокъ въ полученіи отъ Аббенъ-Гассана денегъ взаймы на извѣстные сроки. «Пригодятся! прошепталъ онъ, и отложилъ къ прежней добычѣ.» Еще бумага.... непонятная. Еще бумага графа Роспильози...

— Восемь тысячь ливровъ, закричалъ Гойко: восемь тысячь ливровъ обѣщано за мою мать!— Боже великій! продолжалъ онъ. Маргарита! ты дочь графа Роспильози! Ты украдена отцомъ моимъ изъ Неаполя, и графъ знаетъ объ этомъ... Аббенъ-Гассанъ, не получая своихъ денегъ, укралъ тебя и хранилъ, вмѣсто залога.... Изабелла! несчастная Изабелла! ты въ Неаполѣ!... Сестра! ѣдемъ!

— Ѣдемъ, сказала Маргарита такъ равнодушно, что Гойко съ невольнымъ изумленіемъ посмотрѣлъ на нее.

Она сидѣла на полу въ безчувственности, сложивъ руки на колѣняхъ. Слезы сами собой струились по блѣдному лицу; глаза были неподвижны.

— Что́ съ тобой! спросилъ Гойко.

— Ничего, также отвѣчала Маргарита. Ѣдемъ, вотъ и все тутъ!... А какъ онъ хорошъ!... и будетъ министромъ!... и женится на какой-нибудь принцессѣ!..

— Кто́? съ досадой и смѣхомъ спросилъ Гойко. Онъ не можетъ жениться: онъ кардиналъ.... понимаешь ли?... Да и думать объ немъ перестань! Черезъ два три дня его убьютъ!

— Убьютъ!

Маргарита вскочила съ-мѣста.

— Убьютъ? кричала она: кто́?... когда?... за что́?

— Въ нѣсколько дней я такъ отсталъ отъ дѣлъ, Маргарита, что рѣшительно не могу тебѣ отвѣчать на эти вопросы: знаю только, что его поджидаютъ въ этой деревнѣ.

Маргарита улыбнулась, стала спокойнѣе, разспрашивала брата обо всѣхъ подробностяхъ его жизни. Время было зимнее: скоро и день прошелъ, смерклось, и Гойко, сложивъ всѣ деньги, драгоцѣнности и бумаги въ огромный мѣшокъ, ушелъ, съ намѣреніемъ припрятать сокровище гдѣ-нибудь по-сосѣдству, приготовить временное убѣжище для себя и Маргариты, и прійти за нею въ слѣдующую ночь.

Маргарита съ какою-то радостью смотрѣла на уходящаго Гойко.

— Я успѣю все сдѣлать, говорила она: Я успѣю спасти его и спастись.

И какъ только Самуилъ исчезъ изъ виду, Маргарита, накинувъ старый плащъ Абенъ-Гассана и падѣвъ свою шляпу, которая ничѣмъ не отличалась отъ мужской, бѣгомъ умчалась изъ деревни.

Была среда, какъ читатель самъ знаетъ по разсчету. Въ Парижѣ никто не спалъ. Маргарита, безъ особенныхъ затрудненій, отыскала домъ Мазарини. Толпа льстецовъ смѣнялась толпою искателей: кардиналъ не успѣвалъ благодарить и придумывать ничего незначащія фразы. «Ришліе еще живъ, думалъ онъ. Конечно король обѣщалъ меня сдѣлать министромъ, обѣщалъ кардиналу, но мѣсто любимца можетъ быть занято сегодня, и все потеряно.» Въ сѣняхъ, Швейцарцы равнодушно смотрѣли на приливъ и отливъ толпы. Имъ было приказано не затруднять приходящихъ докладами. Всѣ хвалили доступность Мазарини и Маргарита, вмѣстѣ съ другими, вошла въ пріемную залу.

Не видя средствъ протѣсниться къ Мазарини, она закричала: — Джуліо! Джуліо! тебя хотятъ убить!

Испуганная толпа раздалась, и Маргарита, потерявъ плащъ между гостями въ костюмѣ поселянки подбѣжала къ кардиналу, схватила его за руку, и сказала: — Ахъ, какъ ты хорошъ, Джуліо, въ этомъ нарядѣ!... Да! я и забыла, зачѣмъ пришла!... Послушай, Джуліо! не ѣзди къ намъ въ деревню по четвергамъ и вторникамъ: тамъ тебя поджидаютъ разбойники, хотятъ убить....

Но она не могла уже говорить долѣе. Оглушенный неожиданнымъ появленіемъ Маргариты, Мазарины долго не могъ опомниться; но, нѣсколько ободрясь и успокоясь, онъ сказалъ съ лаской:

— Дочь моя, что съ тобой!... кто ты?... откуда? какія причины твоего несчастія?

— Кто я?... откуда?.. Ты меня не узнаешь, Джуліо?... Правъ, правъ мой несчастный братъ! правъ Гойко!

— Жидовка! раздалось въ толпѣ.

— Да! онъ мнѣ говорилъ, какъ ты обольстилъ и покинулъ Джудиту; онъ мнѣ разсказывалъ, какъ ты искалъ любви Эвелины.

— Вонъ съумасшедшая! закричалъ кардиналъ.

— Съумасшедшая?

Маргарита расхохоталась.

— Тебя подкупили мои враги, продолжалъ Мазарини.

— Подкупили?... враги?... съ дѣтскимъ смѣхомъ повторила Маргарита.

— Но эта дерзость не останется безъ наказанія!

— Онъ убьетъ меня! закричала Маргарита отчаяннымъ голосомъ: онъ убьетъ меня!

И, быстрѣе серны, она выпрыгнула изъ залы.

— Ловите ее! закричалъ Мазарини, но пока Швейцарцы получили его приказаніе, пока его поняли, Маргарита уже исчезла въ грязныхъ и темныхъ улицахъ Парижа.

Давно ожиданная вѣсть прекратила аудіенцію.

— Кардиналъ-герцогъ отходитъ! сказалъ кто-то, и всѣ разбѣжались.

На другой день; къ-вечеру, деревня Маргариты наполнилась людьми. Крики веселія и пѣсни раздавались во всѣхъ сосѣднихъ домахъ: только одинъ господскій домъ былъ и пустъ и уныль. На крыльцѣ сидѣла Маргарита въ глубокомъ унынін.

— Что ты это, Маргарита, не радуешься? сказалъ Гильомъ: кардиналъ умеръ!

— Умеръ?... умеръ?... совершилось!... Слушайте, слушайте: теперь я могу сказать все; теперь моя тайна не повредитъ Мазарини.... Слушайте: я вамъ все разскажу.

Не прошло нѣсколькихъ мгновеній, крики и пѣсни замолкли: всѣ толпились у крыльца. Маргарита, стоя и странно размахивая руками, разсказывала свою повѣсть, отрывисто, нескладно, мѣшая и путая обстоятельства. Между-тѣмъ Абенъ-Гассанъ, верхомъ, съ тремя слугами, подъѣхалъ къ деревнѣ и, завидѣвъ у дома своего толпу, не зналъ на что рѣшиться: Оставивъ лошадь слугамъ, онъ подошелъ къ толпѣ незамѣтно. Вслушиваясь въ слова Маргариты, Абенъ-Гассанъ поблѣднѣлъ.

— Она съумашедшая! закричалъ онъ. Не слушайте ея: она съумашедшая!

Съ этими словами, онъ схватилъ ее за руку и втащилъ въ комнаты. Поселяне давно имѣли подозрѣніе, что Абенъ-Гассанъ—колдунъ. Несвязная исповѣдь Маргариты еще болѣе ихъ въ томъ убѣдила. Они разбѣжались и ожидали издали чего-нибудь страшнаго, чудеснаго. Между-тѣмъ Абенъ-

Гассанъ, заперъ двери и таща за руку Маргариту, спѣшилъ въ мастерскую. Увидѣвъ разбитую дверь, разграбленное сокровище, онъ сломалъ руку Маргариты. Пронзительный крикъ испугалъ его. Невыразимый страхъ овладѣлъ злодѣемъ: онъ схватилъ Маргариту за другую руку, а самъ, взявъ мѣшокъ съ горючими веществами, сталъ ихъ разбрасывать въ разныхъ углахъ, потомъ привязалъ за ноги несчастную къ креслamъ, и зажегъ домъ. Сначала крики Маргариты, потомъ и пламя, которое пробивалось сквозь ставни, возбудило вниманіе жителей. Они медленно, нерѣшительно, приближались къ дому. Между-тѣмъ Абенъ-Гассанъ бросился къ окну въ садъ, и сталъ выталкивать ставень. Можетъ-быть, по скорости, онъ дурно привязалъ несчастную; можетъ-быть, и отчаяніе придало ей силы: Маргарита освободила одну ногу и, вмѣстѣ съ креслами, дотащилась до окна. Абенъ-Гассанъ уже перекинулъ одну ногу въ садъ, но за другую, здоровою рукой и зубами схватилась несчастная.

— Спасите!... помогите! кричалъ онъ. Она съумасшедшая, зажгла домъ: спасите!

Толпа пробилась въ садъ. Пламя распространялось. Изъ толпы кто-то подбѣжалъ къ окну и схватилъ Абенъ-Гассана за обѣ руки. При свѣтѣ пламени, они посмотрѣли другъ другу въ лицо. Абенъ-Гассанъ, въ ужасѣ, рванулся назадъ не удержался на окнѣ, и упалъ въ комнату. Почти въ то же время огонь охватилъ окно, и весь домъ представился однимъ столбомъ пламени.

— И зачѣмъ ты хотѣлъ спасти этого чародѣя? спросилъ Гильомъ.

— Чтобы предать казни Божіей и людской злодѣя! отвѣчалъ Гойко и ушелъ спокойно въ ближайшій лѣсъ къ общему изумленію и ужасу зрителей.

— Видишь, это чортъ приходилъ! сказалъ Гильомъ: взялъ душу, и поминай какъ звали!... Вотъ тебѣ и колдовство!

—

ГЛАВА XXIII.

СПОКОЙНАЯ СМЕРТЬ.

Тотчасъ послѣ смерти кардинала-герцога, Мазарини завхалъ домой, чтобъ переодѣться и отправиться въ Лувръ, куда всѣмъ министрамъ приказано было немедленно собраться. Не успѣлъ старый кардиналъ закрыть глазъ, какъ уже новый имѣлъ цѣлый полкъ клевретовъ, приверженцевъ, слугъ, наушниковъ и тому подобныхъ людей. Они наполнили залу доступнаго кардинала еще до его пріѣзда. Мазарини зналъ всѣхъ по прежнимъ отношеніямъ, и потому безошибочно могъ судить о способностяхъ каждаго. Окинувъ взоромъ всѣхъ предстоящихъ, онъ позвалъ Эвоэ въ кабинетъ, и спросилъ: Гдѣ Сара?

— Изъ казначейской покойнаго она переведена во дворецъ вашей эминенціи, но голова уже ищетъ несчастной и намѣревается обратиться къ вамъ съ разспросами.

— Надо, Эвоэ, увезти ее куда-нибудь изъ Па-

рижа. Эта вдова весьма нужна для нѣкоторыхъ слѣдствій.

— Тѣмъ болѣе, отвѣчалъ Эвоэ, что Гойко живъ.

— Живъ? спросилъ Мазарини съ удивленіемъ. Но гдѣ же онъ?

— Есть слѣды, ваша эминенція: онъ былъ вчера въ Парижѣ о полуночи, и заплатилъ двумъ товарищамъ, какъ онъ называлъ, долги своей совѣсти.

— Кто́ эти двое? Зачѣмъ его не схватили?

Эвоэ улыбнулся и отвѣчалъ: — Если бы жиды такъ дешево продавали своихъ благодѣтелей, тогда бы покойный кардиналъ не могъ съ такою увѣренностью на нихъ полагаться.

— Ну, хорошо, хорошо! сказалъ Мазарини, пожимая губы зубами. Куда же мы спрячемъ Сару?

— Не могу придумать.

— Вотъ куда! сказалъ Мазарини весело, садясь за письменный столъ: къ твоему другу, къ Абенъ-Гасану, въ деревню. Отвези ее съ этимъ письмомъ, и пускай закуперитъ ее вмѣстѣ съ съумасшедшею сестрой Гойка.... Всё родня, проклятая родня! Она меня преслѣдуетъ неутомимо.... Но я никогда еще въ долгу не оставался.... Поѣзжай, для безопасности въ моей каретѣ.

Эвоэ исчезъ. Чрезъ нѣсколько минутъ, Сара и Эвоэ, сѣли въ карету. Эвоэ сказалъ Ромуальду куда ѣхать, и карета покатилась. Но у крыльца стоялъ неизвѣстный: онъ какъ-будто узналъ Сару.

— Это она! шепнулъ онъ, и побѣжалъ въ городъ (Cité).

Эвоэ нѣсколько разъ напоминалъ Ромуальду, чтобы онъ ѣхалъ по-тише, не желая, скоростью возбудилъ подозрѣній Минули заставу, или барьеръ, и поѣхали нѣсколько тише Съ разныхъ сторонъ, изъ лѣса, выскочили всадники; лошади въ-мгновеніе были отрѣзаны; изъ кареты вытащили Сару и Эвоэ, искали Мазарини, допрашивали Ромуальда, Эвоэ и Сару, и не вѣрили ихъ показаніямъ. Между-тѣмъ городскіе стрѣлки, поспѣшно посланные за каретой, почти бѣгомъ догнали ее; заслышавъ голоса, они бросились въ лѣсъ, и, осадивъ со всѣхъ сторонъ непріятеля, устроили кругомъ правильную блокаду. По слову полковника, лѣсъ огласился криками, и нападеніе произведено одновременно со всѣхъ сторонъ. Сраженіе было непродолжительно. Д'Орбиньи отчаянно защищалъ свою жену. Съ другимъ капитаномъ, онъ успѣлъ пробиться сквозь ряды стрѣлковъ, и всѣ трое ускакали. Но дѣти Джудиты и два другіе капитана попались въ плѣнъ. Эвоэ и Сара исчезли. Ромуальдъ, также плѣнникъ, мало заботился о своей судьбѣ, но счелъ за полезное для своего господина умолчать о жидахъ. Привязавъ кое-какъ лошадей къ каретѣ, Ромуальдъ сѣлъ на козлы; капитановъ и дѣтей Джудиты посадили въ карету, и всѣ тронулись въ обратный путь медленно и важно. Доро́гой, стрѣлки разговорились съ Ромуальдомъ. Полковникъ увидѣлъ свою ошибку и, зная о замыслѣ капитановъ противъ Мазарини, проклиналъ въ душѣ свою поспѣшность. Освободить ихъ значило бы отправиться за нихъ на висѣлицу; убить

свидѣтеля Ромуальда.... на это не рѣшался добрый гражданинъ; лучше, показалось ему, исполнить службу по долгу совѣсти, и карета остановилась у воротъ Бастиліи, плѣнники сданы на руки коменданту, Ромуальдъ съ каретой отпущенъ, а полковникъ отправился съ докладомъ къ головѣ.

Когда стрѣлки съ добычей тронулись съ мѣста сраженія, изъ глубокаго рва тихо поднялась фигура Эвоэ.

— Вставай, Сара! сказалъ онъ тихо! буря миновалась. Но эти тучи могутъ воротиться: вставай, пойдемъ въ деревню!

Едва миновали они лѣсокъ, въ которомъ происходило сраженіе, глаза ихъ поразилъ видъ печальный, но величественный: огненный столбъ дрожалъ посрединѣ деревни и въ сѣромъ небѣ свертывался въ разнообразные завитки, образуя самъ себѣ кудрявую капитель. Путники остановились. Эвоэ сказалъ громко:

— Аббенъ-Гассанъ! который это пожаръ отъ руки твоей?

— Второй и послѣдній! отвѣчалъ Гойко, возвращавшійся, какъ мы уже видѣли, и въ деревни.

Свиданіе съ Сарой было самое нѣжное, самое радостное, разсказъ его — пламенный и красивый: въ немъ не было замѣтно прежнихъ шутокъ, двусмысленныхъ рѣчей, загадокъ. Гойко былъ тронутъ до глубины души судьбою отца и сестры, обрадованъ до восторга возвращеніемъ Сары. Онъ благодарилъ Эвоэ, и, прощаясь на всегда, надѣлъ ему на руку многоцѣнный перстень.

— Куда же теперь? спросилъ Эвоэ: въ Парижъ?

— Ты хочешь сказать, на висѣлицу! отвѣчалъ Гойко. Нѣтъ! довольно глупостей надѣлалъ я въ моей жизни. Но Сара и деньги со мной. Франція — не одна земля на свѣтѣ. Мы отправимся въ Италію. Тамъ вся семья наша. Прощай, Эвоэ!

Эвоэ пошелъ по дорогѣ въ Парижъ; Гойко съ женою повернулъ въ лѣсъ; но когда Эвоэ исчезъ изъ виду, онъ вышелъ опять на парижскую дорогу, повернулъ около стѣны на лѣво, и чрезъ Италіянскую Заставу, вмѣстѣ съ Сарою, проскользнулъ на предмѣстіе.

Долго ходили они изъ переулка въ переулокъ. Гойко посвистывалъ и терялъ уже терпѣніе. Далеко раздался отвѣтный свистъ; сигналы повторились; Сара дрожала. Раздался третій свистъ, и знакомые намъ два клеврета Эвоэ сошлись съ Гойкомъ на перекресткѣ, не весьма далеко отъ Новаго Моста.

— Ну что, ребята? спросилъ Гойко.

— Что! отвѣчалъ незнакомецъ, одѣтый купцомъ: я достерегъ Сару, когда ее сажали въ карету, увѣдомилъ о томъ голову; послали стрѣлковъ: тѣ пошли и привезли Богъ-знаетъ кого, а Сару и Эвоэ упустили.

— Нѣтъ, нѣтъ, любезный другъ! и Сара есть, и Эвоэ у Мазарини. Все въ порядкѣ. Но, дѣти, надо еще узнать, кого захватили стрѣлки. Послѣдняя услуга и большая награда!

— Такъ вы будете ночевать у меня?

— Не ночевать; а отдохнуть, пожалуй.... Есть ли у васъ бумага? Мнѣ надо написать себѣ кое-что, ради безопасности.

— Все есть. Ступайте вотъ съ нимъ, а я, покуда, къ церкви Святаго Антонія.

Не прошло получаса, жидъ возвратился и разсказалъ въ подробности, кто плѣнники. Гойко ударилъ себя по лбу и топнулъ ногою.

— Что съ тобой, Самуилъ? спросили всѣ трое.

— Еще опасность! отвѣчалъ Гойко: еще долгъ!.. Прощайте!

Ни слезы Сары, ни просьбы товарищей не удержали его: Гойко ушелъ.

Полковникъ между-тѣмъ докладывалъ головѣ о послѣдствіяхъ своей экспедиціи. Голова примѣтно былъ недоволенъ, и, когда полковникъ окончилъ докладъ, тотъ сказалъ сухо: — Благодарю. Ступайте съ Богомъ.

Оставшись одинъ, голова не могъ успокоиться: распоряженіе его сдѣлалось причиною ареста людей, которые должны избавить Францію отъ Мазарини... Пусть лучше бы женщина осталась въ рукахъ!... Но онъ не успѣлъ окончить размышленія: на крыльцѣ стрѣлки съ кѣмъ-то спорили и не впускали. Голова отворилъ двери и сказалъ разсѣянно!

— Кто тамъ?... Поди сюда!

— Вошелъ Гойко.

Голова задрожалъ при видѣ еще одного плѣнника, который добровольно пришелъ на казнь, и поспѣшно захлопнулъ двери.

— Ты живъ?... Ты безумецъ! ты ищешь насильно смерти!... Спасайся! Я тебя не видалъ.... Ступай!

— Знаю, знаю, отвѣчалъ Гойко: кто́ же васъ увѣдомитъ, что вы погубили дѣтей Джудиты?

— Какъ?... что́?...

— Они въ Бастиліи.

— Не правда! Тамъ четыре капитана.

— Два только, господинъ голова и двое дѣтей Джудиты. Зачѣмъ вы отпустили ихъ въ за́мокъ Орбиньи? Они погибнутъ прежде времени.

— Да, если не осталось довольно времени спасти ихъ.... Пойдемъ!

Ворота бастильскаго за́мка отворились передъ градоначальникомъ. Комендантъ, старый солдатъ, пожалованный въ офицеры за смерть графа Соассонскаго, еще не спалъ. Передъ нимъ стоялъ гонецъ отъ Мазарини. Солдатъ съ трудомъ складывалъ буквы посланія, потому что не болѣе двухъ или трехъ недѣль какъ сталъ онъ учиться читать.

— Чортъ возьми, какъ они пишутъ!... Ступай, скажи, что будетъ исполнено.

Гонецъ ушелъ, но его смѣнилъ голова.

— Здравствуйте, почтенный воинъ, сказалъ онъ, входя въ комнату.

Солдатъ, по привычкѣ, всталъ и оставался въ почтительномъ положеніи.

— Садитесь, садитесь, господинъ комендантъ. Прикажите запереть двери: дѣло мое требуетъ тайны.

— Слушаю-съ.

Комендантъ пошелъ самъ запереть двери, но въ нихъ уже стоялъ старшій тюремщикъ Трусси́.

— Что́ тебѣ надо? спросилъ комендантъ.

— Въ нижней палатѣ, что́ за разбой и воровство съ насиліемъ....

— Ну?

— Мясникъ Ла-Ронъ подрался съ Испанцемъ Калифорно....

— Ну?

— Не успѣли разнять: оба издохли.

— Ну?

— Да вотъ пришелъ доложить: хоронить ли ихъ, или — что́ такой дрянью старое кладбище начинять?... и такъ тѣсно! Не прикажете ли того.... ихъ въ Сену?... или вывезти?

— Погоди, подумаю. А ты, пока, мертвецовъ изъ палаты убери, чтобы примѣра дурнаго не было.... Пошелъ!

Голова не могъ не улыбнуться, и сказалъ: — У васъ чрезвычайно много дѣла, господинъ комендантъ.

— Пропасть, господинъ голова! бездна! Я, знаете.... вамъ самимъ извѣстно.... старый драгунъ: съ Гаръ-Піономъ, подъ капитаномъ Вальеролемъ въ Италіи, на всемъ скаку въ цѣль стрѣляли.... Важно, знаете, господинъ голова! Два пистолета, двѣ пули: что имъ даромъ въ карманахъ лежать? Вѣдь сраженіе, такъ ужъ, какое ни есть оружіе, все должно свой долгъ править. Вотъ, мы и скачемъ; саблей еще не дохватишь, такъ

сабли и не трогай: а пистолеты на что?... Пали!... пифъ!... убилъ!... пафъ! убилъ!... А тогда саблей сѣно коси. Двое убито: на десятерыхъ страхъ найдетъ ... Ну, мы руку и набили. Другіе сабли подтачиваютъ: пустяки. Лишь-бы рука была тяжела. А мы съ Гаръ-Піономъ пистолеты осматриваемъ. Такъ что́ тутъ за диво? Вамъ самимъ извѣстно: графъ впереди скакалъ, а мы на встрѣчу! Вотъ я.... пифъ!... какого-то солдата убилъ. Пафъ.... графъ съ лошади долой. А наше-то дурачье — *браво! браво!* — и прочая. Вотъ меня въ офицеры, въ коменданты небольшой крѣпостцы, изволили назначить. Тамъ хорошо было. Нѣтъ! ужъ понло на милость: сюда старшимъ сторожемъ приставили. Чортъ возьми, и работы пропасть и скользко! Вотъ посмотрите: новый кардиналъ пишетъ ко мнѣ, къ старому солдату. Ну, сами подумайте, господинъ голова: просто каторга, галеры!

Опять вошелъ Труссо́.

— Ну, что тамъ опять?

— Капитанъ Дюбюи отъ ранъ умеръ.

— Это ужъ другой!... Ну, господинъ голова, право, у васъ теперь знатный порядокъ! Бывало, мы съ Гаръ-Піономъ шутки шутимъ: станемъ въ переулкѣ за уголъ, и табакъ понюхиваемъ.... Не прикажете ли?

Голова съ вѣжливостью принялъ предложеніе и понюхалъ табаку.

— Стрѣлки идутъ: мы ихъ, знаете, изъ-за угла, какъ пугнемъ, такъ кто въ лѣсъ, кто по дрова!...

Кончено! всѣ по домамъ попрячутся. А нынче съ самыми храбрыми капитанами поцарапались и двухъ взяли.

— Только двухъ?

— Да тамъ еще есть двое, да простые охотники мадамъ д'Орбиньи, дрянь. А капитаны, правду сказать, на славу дрались: вотъ оба умерли! Ну, Труссо, что дѣлать?... Умеръ, такъ умеръ! Ужъ какъ хочешь, а капитановъ похорони съ воинскою честью.

— Помилуйте, господинъ комендантъ! да какъ же мы въ замкѣ-то похоронимъ съ воинской честью?

— Дуракъ!... не умничай! Ты только приготовь тѣла къ погребенію, а я ужъ завтра самъ знаю, что сдѣлаю. Ну, нѣтъ ли еще чего? Что маршалъ Бассомпіеръ.

— Пишетъ.

— Видно, завѣщаніе... Да напрасно! Кардиналъ умеръ, такъ его теперь на казенный счетъ въ Бастиліи держать не будутъ.... Ступай!... Вотъ такъ цѣлую ночь, господинъ голова: и каждую ночь! А днемъ тайнами мучатъ. Вотъ и эта записка не безъ тайны. Прочтите, пожалуйста. Вы стараго солдата не продадите.

Голова взялъ записку и прочелъ слѣдующее:

«Достойный герой! Сегодня попались къ вамъ въ руки четыре преступника. Они посягали на мою жизнь. Я имъ прощаю; но, вы знаете, наши законы неумолимы. Король приказалъ назначить коммиссію и судить злодѣевъ. Довольно публич-

ныхъ казней: я не желалъ бы торжественныхъ наказаній на Гревской Площади, и еще за меня; гораздо было бы лучше, если бъ они умерли въ темницѣ отъ ранъ, всѣ четверо и немедленно, я счелъ бы это особеннымъ счастіемъ.»

Голова положилъ записку и значительно поглядѣлъ на коменданта.

— Ну! сказалъ старый драгунъ: желаніе добраго кардинала вполовину исполнилось, два капитана умерли отъ ранъ, а этой дряни судить не станутъ.

— Вы не поняли кардинала, сказалъ голова. Онъ совѣтуетъ вамъ убить въ тихомолку и другихъ двухъ, и донести мнѣ и моимъ старшинамъ, что они скончались отъ ранъ.

— Убить? закричалъ комендантъ, стукнувъ по столу кулакомъ, и ругательства посыпались изъ устъ достойнаго героя: убить въ тихомолку?

— Позвольте, не горячитесь: я вамъ подамъ спасительный совѣтъ. У васъ въ палатѣ, за разбой, простой порядокъ: изъ списка вычеркнуть, и въ Сену. Такъ ли?

— Кажется, такъ.

— А преступникамъ поважнѣе есть и другой списокъ и другія правила. Вотъ что вы сдѣлайте. Тѣхъ господъ изъ списка велите вычеркнуть, и напротивъ напишите собственноручно — «Брошены въ Сену», а тѣла ихъ, вмѣстѣ съ капитанскими, прикажите предать землѣ сейчасъ, и напишите ко мнѣ рапортъ, что всѣ четверо умерли отъ ранъ, кардиналу же только одно слово: «Исполнено».

— Ну?

— А! этихъ двухъ молодцовъ отдайте мнѣ.

— Какъ?... сплутовать?... Вы, господинъ голова, предлагаете сплутовать мнѣ, старому драгуну, который вмѣстѣ съ Гаръ-Піономъ, подъ капитаномъ Вальеролемъ...

— Да! перебилъ голова съ горячностью: да!... потому что это — несчастные и невинные дѣти капитана Вальероля.

— Какъ?

— Они называются Джакомо и Джироламо делла-Порта, прижиты съ Джудитой Ваоли, въ Вальтелинѣ.

— Такъ, такъ, господинъ голова! въ свою очередь прервалъ комендантъ. Я это лучше васъ знаю, и хотя Гаръ-Піонъ утверждалъ, будто у капитана съ Джудитой дѣло чисто, однако жъ я всегда подозрѣвалъ... Труссо! Труссо!... Позовите Труссо!

— Что вы хотите дѣлать? спросилъ голова.

— Медлить опасно. Хочу приказать...

— Сдѣлайте милость, прикажите подать себѣ ключи отъ ихъ темницы, а покойниковъ вывезти и похоронить по указанію городскаго начальства.

Комендантъ слѣпо и во всемъ повиновался головѣ: онъ написалъ по собственнымъ словамъ головы рапортъ въ ратушу о смерти четырехъ преступниковъ, поименовавъ, вмѣсто мясника и Испанца, двухъ Депортовъ. Передъ утромъ уже, съ величайшею тайною, голова, и дѣти Джудиты, вышли изъ замка. Гойко разсказывалъ солдатамъ анекдоты и грѣлъ руки надъ горниками съ горячимъ угольемъ.

— Пойдемъ! сказалъ голова, и когда они далеко отошли отъ тюремнаго замка, голова остановился и оглянулся.

Никого кругомъ не было.

— Спасайтесь! сказалъ голова. Гойко, я не измѣнилъ тебѣ. Окажи мнѣ послѣднюю услугу: спрячь этихъ несчастныхъ до-поры до-времени.

— Простите, благодѣтель! сказалъ Гойко, упавъ головѣ въ ноги. Я ихъ отвезу къ матери.

— Къ матери! вскрикнули оба. Нѣтъ, мы останемся въ Парижѣ: на насъ теперь лежитъ двойной долгъ мести!

— Дѣти мои, вы ужъ отомщены?... Вѣрьте старику, вѣрьте моей любви къ доброму городу Парижу, вѣрьте клятвѣ!

— Но мы обѣщали матери.

— Все знаю, прервалъ голова. Это воля Джудиты: повинуйтесь! Именемъ Джудиты, я вамъ приказываю повиноваться. Пріймите мое благословеніе, и съ Богомъ!

Гойко, примѣтивъ, что голова достаетъ деньги, удержалъ его руку.

— Благодѣтель! я опять сталъ богатъ.

И онъ вкратцѣ разсказалъ головѣ всѣ происшествія, которыя такъ недавно и такъ неожиданно съ нимъ случились.

На-зарѣ уже собесѣдники распрощались: до восхожденія солнца, Гойко съ женою и два сына Джудиты оставили Парижъ, верхомъ, въ платьѣ охотниковъ.

Такимъ образомъ всѣ главныя дѣйствующія

лица моей повѣсти уѣхали изъ Франціи въ исходѣ 1642 года. Для меня это особенно пріятно; я съ дѣтства не любилъ Парижа и обожалъ Италію. Съ особеннымъ удовольствіемъ переношу мѣсто дѣйствія въ страну любимую; но позвольте проститься съ Мазарини, къ которому поздно въ вечеру, на слѣдующій день, пріѣхалъ городской голова съ двумя старшинами.

Мазарини сидѣлъ въ своемъ старомъ кабинетѣ, въ тѣхъ же креслахъ; но уже безъ прежней беззаботности и всегдашней улыбки: казалось, воздухъ перемѣнился въ этой роскошной обители италіянскаго аббатика. Вода по-прежнему смѣнялась въ драгоцѣнной ваннѣ; дорогія благовонія смиренно покоились въ дорогихъ сосудахъ, но уже не наполняли воздуха гордымъ запахомъ. Обои въ ротонду были отдернуты: въ ней царствовали пустота и тишина. На столѣ, гдѣ дотого не видно было ни одного лоскутка дѣловой бумаги, лежали груды тетрадей; на полу разбросаны были кипы книгъ, относящихся къ французскому законодательству; не было свободнаго мѣста въ прекрасномъ кабинетѣ. Кардиналъ съ печальной улыбкой глядѣлъ на пламя, пожиравшее уголья, и невольно перевелъ глаза на зеркало, висѣвшее надъ каминомъ: «Время, пламя... пламя и время — братья-близнецы!... Ты упало на меня, тягостное ярмо!... драгоцѣнности, тебя украшающія, умножаютъ только твою тяжесть. Я добивался этой почетной неволи... И сколько завистниковъ! И стоитъ ли защищать обладаніе этимъ недугомъ,

мукой, ежеминутной горячкой власти и опасности?...»

Луи доложилъ о пріѣздѣ нашихъ знакомцевъ.

— Опять! сказалъ громко кардиналъ. Проси!

Вошелъ городской голова съ двумя старшинами. Мазарини встрѣтилъ ихъ у порога, со всѣми признаками уваженія. Размѣнялись привѣтствіями, усѣлись, голова началъ:

— Вашей эминенціи не безъизвѣстны печальныя происшествія послѣдней ночи. Смерть кардинала-герцога возбудила различныя чувствованія въ добрыхъ гражданахъ Парижа. Желая сохранить общественное спокойствіе, я разослалъ по всѣмъ предмѣстіямъ сильные отряды стрѣлковъ, поручивъ имъ бдительный надзоръ за порядкомъ и благочиніемъ. Одинъ изъ нихъ, будучи увѣдомленъ о нападеніи, произведенномъ на карету и людей вашей эминенціи, поспѣшилъ на помощь и захватилъ четырехъ преступниковъ, посягавшихъ на жизнь вашу.

Мазарини невольно улыбнулся, и отвѣчалъ:

— Я вижу въ этомъ случаѣ вышнее покровительство и благодарю Парижскую Божію Матерь постомъ и молитвой.

— Несомнѣнно, продолжалъ голова: несомнѣнно! Дальнѣйшія обстоятельства утверждаютъ насъ еще болѣе въ мысли, что Богъ никогда не оставляетъ несчастныхъ. Всѣ четыре преступника, по донесенію коменданта, не могли перенести мученій совѣсти и тѣлесныхъ страданій, и, одинъ за другимъ, умерли отъ ранъ и душевнаго безпокойства.

— Неужели? спросилъ Мазарини съ притворнымъ, и не довольно искуснымъ, удивленіемъ; но губы его обличали сильную радость.

— Я счелъ обязанностью сообщить вашей эминенціи содержаніе донесенія.

— Прочтите, прочтите... Это право удивительно!

Голова началъ читать:

«Извѣстно вамъ, почтенному господину головѣ купечества и старшинамъ города Парижа, что вчера, въ часъ по полудни, полковникомъ Лешя сданы на мои руки четыре преступника, безъ описи и весьма пораненные. Посему, допросивъ, я записалъ ихъ имена и званія въ книгу и распредѣлилъ, кого къ какому разряду слѣдуетъ отнести и причислить. Первый королевскій капитанъ маркизъ де-Лернъ, скончался на-мѣстѣ отъ ранъ въ сорокъ пять минутъ втораго часа; второй, королевскій капитанъ, Дюбюи, умеръ при перевязкѣ ранъ въ два часа семь минутъ; а остальные два прожили еще до утра, но, несмотря на всю опытность и усердіе врачей, скончались одинъ ровно въ семь, а другой въ осемь часовъ утра. Сіи два при допросѣ объявили, что они поклялись отмстить за честь своей матери кардиналу Мазарини кровью и смертью и, не достигнувъ цѣли, предаютъ его проклятію. Имена ихъ — Жакъ и Жеромъ Депорты.

— Дѣти мои! невольно вскричалъ Мазарини, вскочивъ съ креселъ.

Смертная блѣдность покрыла лице его: онъ снова упалъ въ кресла. Слезы и рыданія тронули голову и старшинъ: они подошли къ кардиналу,

но тотъ не могъ сказать слова. Прошло нѣсколько мгновеній: Мазарини не много успокоился, и голосомъ, прерывающимся отъ плача, сказалъ головѣ: — Эта единственная жалость молодаго офицера, я думаю, будетъ преслѣдовать меня до гроба.... Боже! Боже!... дѣти мои!... я самъ умертвилъ васъ!

И снова слезы и рыданія. Министра какъ-будто и не бывало: передъ изумленными сановниками плакалъ и рыдалъ отчаянный отецъ. Вдругъ лице его будто прояснилось: онъ весь оживился, всталъ, подошелъ къ налою, преклонилъ колѣна, и сталъ молиться непрерывно. Судьба великаго министра Франціи, какъ извѣстно изъ многихъ историческихъ книгъ, была незавидна; но молитва укрѣпляла его въ продолжительныхъ и разнообразныхъ несчастіяхъ. Нравы его не исправились, правда; и привычка, и властолюбіе, все противилось перерожденію Мазарини: все такъ; но нерѣдко государственные секретари ожидали его выхода далеко за полночь: онъ молился у того же налоя, въ далекой и уединенной молельнѣ, за дѣтей Джудиты!

—

ГЛАВА XXIV.

ЛІОНАРДО.

Недалеко отъ Флоренціи, на богатой виллѣ Пальери красивый палаццо неожиданно оживился прибытіемъ хозяевъ и не многихъ, дорогихъ, гостей. Вальероль, Эвелина, Джудита, Альфредъ Дени, Гаръ-Шіонъ съ Бертой, заняли почти весь дворецъ.

Пуссенъ остался во Флоренціи и обѣщалъ, пока пробудетъ въ тосканской столицѣ, навѣщать виллу Пальери по-чаще. Марія считала себя побѣдительницею Мазарини, видя всѣхъ дорогихъ ея сердцу внѣ всякой опасности. Гости располагали съиграть свадьбу на виллѣ, и потомъ уѣхать въ Сондріо, въ собственный домъ Ваоли. Но свадьба со дня на день отлагалась, по причинѣ неожиданной болѣзни Джудиты. Болѣзнь эта была совершенно особаго и страннаго разряда: врачи полагали, что это родъ сомнамбулизма, потому что больная, во снѣ, безъ сна, вставала съ постели съ обыкновенною бодростью здоровой женщины и во всѣхъ углахъ искала чего-то. Пытались съ нею и разговаривать въ этомъ положеніи; но Джудита, на всѣ вопросы, отвѣчала однимъ словомъ — «Тайна!» и продолжала свои поиски, часто въ сосѣднихъ домикахъ, гдѣ жила прислуга, въ саду, въ полѣ. Утомленная, она возвращалась въ постель, и не сонъ, а какое-то безпамятство падало на красные глаза. Всѣ очередовались, и у постели недужной всегда былъ кто-нибудь на-часахъ. Вальероль почти не отходилъ отъ изголовья страдалицы, особенно когда замѣтилъ, что случайное его удаленіе возвращало ей память, чувства и поиски возобновлялись. Опасенія врачей оправдались: странный недугъ смѣнился сильной, но прерывчатой горячкой. Въ первомъ ея пароксизмѣ открылась и тайна болѣзни: она называла себя дѣто-убійцей. Казнь ихъ представлялась ей такъ живо, съ такими страшными подробностями, что

одинъ разстроенный разсказъ ея наводилъ на слушателей ужасъ. Искусство врачей восторжествовало надъ опаснымъ недугомъ, но мученія совѣсти не миновались: они смѣнялись только духовнымъ покаяніемъ, постоянной и теплой молитвой. Отецъ въ Парижѣ, а мать во Флоренціи, оплакивали взаимныя преступленія.

Прошло немало времени. Подъ-вечеръ пріѣхалъ Пуссенъ съ венеціянскимъ кущомъ Люнардо. Оба были чрезвычайно веселы, и когда всѣ, даже больная Джудита, сошлись въ залу для принятія гостей, не возможно описать всеобщаго изумленія: въ богатомъ венеціянскомъ костюмѣ, передъ удивленными зрителями стоялъ маркизъ де-Кокъ! Разспросамъ не было конца.

— Я не смѣлъ и подумать, сказалъ Вальероль: чтобы ты успѣшно могъ воротиться изъ такого опаснаго путешествія.

— Э! господинъ капитанъ, богъ благословилъ! И я долженъ признаться, что такого путешествія мнѣ никогда не удавалось сдѣлать. Мы, ради безопасности, должны были ѣхать на Седанъ, а оттуда не медля переѣхали во владѣнія голландской республики. Драгоцѣнности, которыя я успѣлъ возвратить изъ рукъ моего отца, проданы въ Голландіи ужасною цѣною, такъ, что въ дальнѣйшій путь я ужъ долженъ былъ пуститься съ обозомъ. Но куда?.... Я зналъ, что путь по Рейну не безопасенъ, что въ Вестфаліи конгресъ: я воспользовался всѣми этими обстоятельствами, и въ Венеціи, куда мы пріѣхали послѣ трехъ мѣсяцевъ и

двадцати дней утомительнаго путешествія, смѣло могъ назвать себя богачемъ; а съ золотомъ, человѣкъ — вездѣ пройдетъ. Я, какъ сами видите, венеціянскій купецъ, и отправляюсь путешествовать по разнымъ городамъ Италіи, чтобы устроить прочныя торговыя отношенія купца Ліонарда со всѣми италіянскими торговыми домами. Во Флоренціи, узнавъ о пребываніи г. Пуссена, я имѣю истинное счастіе еще разъ повидаться со всѣми участниками парижскихъ нашихъ похожденій. Не вижу одного, — моего благодѣтеля и друга, Помпея.

Позвали Гаръ-Піона.

— Тьфу, ты, нечистая сила! сказалъ Помпей, увидѣвъ Гойка. Видно, тебѣ ни висѣть, ни тонуть ни горѣть!

— Приходилось, братъ, и то и другое и третье; да вотъ Богъ миловалъ. Ну, обними же меня, дорогой благодѣтель!

— Ладно, ладно! Я радъ твоему счастью, да обнимать жида не приходится.

— Обними человѣка, сказалъ Пуссенъ.

— Я это ужъ ему разъ говорилъ, съ улыбкой замѣтилъ Гойко: да онъ мнѣ не вѣритъ.

— Вотъ вздоръ! Вѣрить, пожалуй повѣрю: да, право, какъ-то неловко.

— Да Богъ съ тобой! отвѣчалъ Гойко. Только ужъ отъ гостинцевъ, братъ, какъ хочешь, не отказывайся.

— Да на что мнѣ?

Всѣ настаивали: Гаръ-Піонъ согласился.

— Да послушай, Помпей! ты лучше присягни: а то, потомъ, какъ станешь отказываться?

Всѣ опять настаивали: Гаръ-Піонъ поклялся усомъ, маріналомъ Шомбергомъ, и капитаномъ.

Гойко вынулъ пукъ бумагъ. Всѣ, не исключая и самого Помпея, глядѣли на эти приготовленія съ любопытствомъ. Развернувъ одну изъ бумагъ, Гойко сказалъ: — Вотъ она! — Потомъ, указывая въ окно, онъ спросилъ: — видишь лѣсъ? За этимъ лѣсомъ славная дача со скотомъ, съ угодьями и пашнями. Хозяина давно нѣтъ, наслѣдниковъ тоже: она твоя.

— Что ты, съ ума сошелъ? закричалъ Гаръ-Піонъ, отступая и покраснѣвъ до ушей.

— У тебя жена есть: я ужъ все знаю; да дѣтей не будетъ: не та пора. Такъ, послѣ смерти твоей, дача пойдетъ первородному сыну или дочери г-жи Дени, если Богъ благословитъ ихъ потомствомъ.

— Слышь ты, дьяволъ! закричалъ Помпей, отирая слезы: право не выдержу!

Гойко не обращалъ на него вниманія, и продолжалъ, обратясь ко всему обществу: — Вчера я продалъ великому герцогу алмазъ дорогой цѣны. Мнѣ онъ почти ничего не стоилъ: подарокъ случая; цѣна его — въ этомъ мѣшечкѣ — на обзаведеніе моему благодѣтелю Помпею!

Гаръ-Піонъ не выдержалъ и ушелъ: но скоро возвратился и сказалъ: — Кончишь ли ты?

— А вотъ сейчасъ: послѣдній гостинецъ. Солдату не приходится имѣть помѣстій: такъ я тебя,

именемъ великаго герцога, жалую въ капитаны. Насилу досталъ продажное мѣсто, безъ службы. Вотъ тебѣ и бумага. Ну, я кончилъ.

— Поколотилъ бы я тебя, тряпица! отвѣчалъ Гаръ-Піонъ, обоими кулаками отирая слезы, но Гойко его не слушалъ и подошелъ къ Джудитѣ, которая, въ глубокой задумчивости, казалось, не обращала вниманія на трогательный разсчетъ благодарнаго друга.

— Объ чемъ вы думаете, милостивая госпожа? Въ бурѣ несчастій вы были такъ веселы, цвѣли какъ роза; а теперь, когда минули тучи....

Джудита посмотрѣла на него дико, возвела глаза къ небу, и стала молиться.

— За кого? спросилъ Гойко значительно.

— За невинныхъ мучениковъ, за дѣтей монхъ...

— Хороши мученики! отвѣчалъ Гойко съ обычной своей коварной улыбкой: посмотрѣли бы вы на нихъ теперь!... Господи, какіе молодцы!

Джудита схватила его за руку. Все общество окружило Гойка. Вопросы смѣшались.

— Я не могу понять во всѣхъ вашихъ рѣчахъ ни слова, сказалъ Гойко. Вѣрно, мой другъ Депортъ пустилъ это утѣшительное извѣстіе.

— Я читала его во французской газетѣ.

— Такъ, вѣрно, Депортъ нарочно для васъ напечаталъ это извѣстіе.

— Гойко! сказала съ достоинствомъ Марія: эта шутка едва ли простительна! Подобныя утѣшенія оскорбительны.... Они погибли.

— Я былъ въ Парижѣ, — и они могли погибнуть!

Я видѣлъ, какъ они сражались съ городскими стрѣлками и — они могли погибнуть!... Я могъ погибнуть, синьора, но не дѣти Джудиты!

— Гдѣ же они? закричали всѣ, кромѣ Пуссена, который, во все продолженіе обѣихъ сценъ, сидѣлъ одинъ въ углу и улыбался.

— Гдѣ они?... Вопросъ затруднительный! Четыре мѣсяца тому назадъ, они были въ Парижѣ, въ Бастиліи; потомъ, весьма недавно, въ Тріестѣ....

— Наконецъ? опять закричали всѣ.

— Помилуйте, господа! Я такъ много выдержалъ допросовъ, что ужь никакъ не надѣялся, въ кругу друзей, удостоиться такой пытки. Они въ безопасности: кажется, довольно!

Но это не успокоило гостей и хозяевъ. Гойко медлилъ отвѣтами, мѣшалъ дѣло съ пустяками. Радость Джудиты, непомѣрная, безумная радость, мало-помалу превратилась въ тихое удовольствіе, въ благодарную молитву. Когда спокойствіе совершенно возвратилось въ больное сердце, Гойко подошелъ къ окну и спросилъ съ видомъ опасенія:

— Смеркается..... что у васъ, безопасно около Флоренціи? не слышно разбоевъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Вальероль: во всей Италіи тихо и спокойно; только между Римомъ и Неаполемъ, да вообще въ Абруццахъ, толпы разбойниковъ попрежнему....

— Жаль, а мнѣ непремѣнно надо въ Неаполь. Развѣ моремъ?... Ага! идутъ!

Между-тѣмъ Джудита подошла къ Гойкъ и стала разспрашивать снова о дѣтяхъ.

— Я полагаю, что вы скоро ихъ увидите, отвѣчалъ Гойко: они располагали пріѣхать вчера во Флоренцію, и сегодня вечеромъ....»

— Пріѣхали! пріѣхали! закричала Джудита, и въ великолѣпномъ портикѣ поочередно обнимала, то одного, то другаго сына.

Когда все объяснилось, Джудита упала на колѣни передъ Гойкомъ, но венеціянскій купецъ Ліонардо принималъ уже нравы своей новой отчизны: поднявъ почтительно Джудиту и усадивъ ее въ кресла, Гойко просилъ составить общій совѣтъ, назначить день свадьбы, но такъ, чтобы онъ, въ продолженіе этого времени, могъ съѣздить въ Неаполь и освѣдомиться о своей матери. Пуссенъ также обѣщалъ пріѣхать къ тому времени изъ Рима. Счастіе воцарилось въ многочисленномъ семействѣ друзей и сострадальцевъ; но еще оставалось одно облако, и его уже не могъ разогнать Гойко. Джудита не могла безъ разводной выйти за-мужъ за Вальероля. Въ качествѣ автора, я могъ бы разрѣшить и это обстоятельство, къ удовольствію читателей, но историческая вѣрность — девизъ моего сочиненія.

—

ГЛАВА XXV.

ДРУЖЕСКАЯ УСЛУГА.

Пуссенъ полюбилъ венеціянскаго купца Ліонардо и взялъ его съ собой въ Римъ. Едва ли когда

кто-либо изъ художниковъ удостоился такого блистательнаго пріема, какимъ встрѣтили Пуссена Римляне. Шпіоны были посланы во Флоренцію, и, узнавъ день и часъ его отъѣзда, поспѣшили въ Римъ. Далеко за городомъ встрѣтили Пуссена почти всѣ художники, многія важныя лица, вельможи, даже кардиналы. Въ городъ всѣ шли пѣшкомъ; улицы покрыты были народомъ; изо всѣхъ оконъ висѣли разноцвѣтные ковры; дамы были въ праздничныхъ уборахъ: домъ, гдѣ жилъ Пуссенъ, убрали, отъ земли до крыши, цвѣтами; комната жены Пуссена походила на модный магазинъ, по множеству и изяществу подарковъ, присланныхъ ей отъ знакомыхъ и незнакомыхъ лицъ въ день пріѣзда мужа. Всѣ величали его титулами, пріобрѣтенными имъ во Франціи; многіе выдумывали свои собственные, называли его «Возстановителемъ искусствъ,» «Освободителемъ вкуса,» «Побѣдителемъ варваровъ,» и такъ далѣе. Съ трудомъ онъ могъ освободиться отъ посѣтителей и поздравленій. Наконецъ, оставшись одинъ въ своемъ семействѣ, онъ невольно вспомнилъ о своемъ попутчикѣ, но никто не могъ сказать, куда купецъ дѣвался. Драгоцѣнные товары Ліонардо, тщательно уложенные въ два небольшіе ящика, спокойно лежали въ повозкѣ, которую черезъ часъ притащила чернь, и, осыпавъ цвѣтами, поставила передъ окнами Пуссена. Гаспаръ помнилъ, что до самой Испанской Площади Ліонардо не отставалъ отъ нихъ, но тутъ, вѣроятно, встрѣтилъ знакомаго и разговорился. Гаспаръ не ошибся: на Испанской Пло-

щади, орлиные глаза Гойка открыли въ далекой толпѣ знакомую физіономію. Не броситься на добычу тотчасъ — значило потерять ее на навсегда, и Гойко не безъ труда пробрался къ дорогому знакомцу и почтительно ему поклонился. И страхъ и радость блеснули на лицѣ Депорта: онъ не зналъ, на что рѣшиться; но Гойко разрѣшилъ недоумѣніе, и взявъ его за руку, спросилъ съ свѣтскою развязностью и равенствомъ: — Давно ли въ Римѣ? Каково поживаете?

Тонъ и одежда Гойка смутили нѣсколько Депорта, но необходимость заставила его отвѣчать ласково, и когда обычныя привѣтствія кончились, Гойко простодушно сказалъ Депорту: — Послушайте, г. Депортъ: гдѣ у васъ тутъ, въ Римѣ, надежныя гостинницы? Я ожидаю моихъ товаровъ и боюсь римскаго воровства.

— Ахъ, любезный другъ! отвѣчалъ Депортъ: да чего лучше?... вотъ гостинница Чернаго Орла передъ носомъ.... Зайдемъ.

— Вы здѣсь и живете?

— Да.... пока. Я не рѣшился, гдѣ поселиться. Въ Римѣ скучно: хочу, сегодня или завтра, отправиться куда-нибудь....

— Каково г. Депортъ, здѣсь идетъ ваша школа?

— Школа?... живопись?... Вотъ глупости!... Стану ли я заниматься такими пустяками! Пора отдохнуть отъ трудовъ. Только еще не избралъ мѣста. Хочу ѣхать въ Комо или Венецію.

— Въ Венецію, г. Депортъ!... къ намъ, къ намъ, въ Венецію.

«Ну такъ въ Неаполь!» подумалъ Депортъ, и оба вошли въ гостинницу.

Возлѣ квартиры Депорта отыскались пустыя двѣ комнаты и для Гойка, и онъ тотчасъ принялъ ключъ отъ новаго жилища.

— Послушайте, г. Депортъ: не худо бы намъ сегодня вмѣстѣ пообѣдать.

— Не могу. Меня приглашали сегодня два кардинала. Я не обѣщалъ, но всё.... однако жъ....

— Э! помилуйте, г. Депортъ! такъ что же васъ можетъ удерживать?... Ко мнѣ, ко мнѣ!... И самая пора!

Депортъ не-хотя согласился. Усѣлись за столъ въ комнатахъ Гойка. Слуги старались рачительно угостить венеціянскаго купца и подали обѣдъ роскошный. Гойко не удостоилъ даже отвѣдать римскаго вина: полилось испанское. Замѣчательно, что до-сихъ-поръ ни одинъ, ни другой не начинали говорить о Франціи и тамошнихъ своихъ похожденіяхъ: какъ-будто тамъ и не встрѣчались; но когда вино нѣсколько воспламенило собесѣдниковъ, Гойко, замѣтивъ, что Депортъ сталъ и хвастливѣе и разговорчивѣе, осторожно, слегка завелъ рѣчь о Парижѣ.

— Какъ вы насъ всѣхъ перепугали, г. Депортъ, своимъ неожиданнымъ отъѣздомъ! Мы думали, что сообщники Сенъ-Марса спрятали васъ въ какомъ-нибудь отдаленномъ замкѣ или даже услали въ Испанію.

— Вотъ вздоръ какой!

— Но согласитесь: не видя причинъ....

— Да какія тутъ нужны причины? Украли жену, дѣтей, воспитанницу; могли расхитить достояніе, для котораго я трудился такъ долго.... расхитить, разграбить.... Нѣтъ! у меня все было уже давно обдумано: я ждалъ только благопріятной минуты, и они сами подали мнѣ средства спокойно уѣхать изъ Франціи.

— Такъ. Но вы не могли захватить всѣхъ богатствъ!

— Ну!... съ меня будетъ.

— Я удивляюсь вамъ, г. Депортъ: какъ это вы рѣшаетесь ѣздить одни съ такими суммами и по такимъ опаснымъ дорогамъ?

— Съ какими суммами?

— Вотъ я купецъ; товары мои теперь въ Неаполѣ; я пришелъ въ Римъ пѣшкомъ; два раза на меня нападали разбойники: кончилось пріятнымъ знакомствомъ, и только. Вамъ бы лучше воротиться во Флоренцію: тамъ всѣ пути безопасны; а въ Неаполь, я слышалъ, будто бы посланы за вами люди.

«Врешь, это ты посланъ!» подумалъ Депортъ, и отвѣчалъ громко: — Послушай, Гойко! ты, я вижу, не оставилъ прежняго ремесла; можетъ-быть, даже ты самъ.... Но скажи лучше: сколько тебѣ заплатилъ Мазарини?

— Вижу, отвѣчалъ Гойко, вы сохранили вашу знаменитую проницательность. Но вы не можете подкупить меня.... Напрасно! вы не дадите пяти сотъ ливровъ.

Сейчасъ же, мой другъ! сейчасъ, и ѣду во Флоренцію!... Но кто поручится за твою вѣрность?

— Право, г. Депортъ, вы удивительный человѣкъ: при всей вашей предпріимчивости, трусливы какъ заяцъ! Неужели бы я, узнавъ васъ, поѣхалъ прямо къ вамъ на встрѣчу и разсказалъ всѣ тайны такого важнаго порученія?... Что мнѣ въ вашей свободѣ?... Тѣ же пять сотъ ливровъ и безъ грѣха, безъ предательства. Только объ одномъ васъ прошу: не ѣздите въ Неаполь.

— Во Флоренцію! во Флоренцію!... Вотъ твои деньги.... Прощай!

— Куда же это вы, г. Депортъ?

— Я обѣщалъ кардиналу Массими осмотрѣть его библіотеку.

— Такъ вы теперь стали заниматься по ученой части?

— Я никогда не оставлялъ книгъ, но обстоятельства принуждали заниматься пустяками..... Прощай!

Гойко раскрылъ кошелекъ, оставленный Депортомъ: тамъ было только триста ливровъ.

— Обманулъ и.... обманулся! сказалъ Гойко. Но ты не поѣдешь во Флоренцію, и, кажется, мы еще увидимся!

По корридору раздались шаги двухъ или трехъ человѣкъ, за ними, спустя мгновеніе, шелъ кто-то съ особенною поспѣшностью, и, прихлопнувъ двери комнаты Гойка, заперъ ихъ на замокъ и пустился бѣгомъ дальше. Гойко подошелъ къ окну: Депортъ шелъ по площади съ мѣшками и мѣшечками; передъ нимъ два работника несли порядоч-

ные сундуки и шкатулки. Гойко отворилъ окно и закричалъ: до свиданія, г. Депортъ, до свиданія!

— Кто это васъ заперъ? спрашивалъ слуга за дверьми.

— Вѣрно, какой-нибудь мошенникъ. Ломай двери!

Это происшествіе встревожило всю гостинницу. Двери выломали, и Гойко, утверждая, что въ такомъ мѣстѣ жить не безопасно, несмотря на всѣ увѣренія хозяина и слугъ, расплатился и ушелъ въ ту сторону, куда скрылся Депортъ.

Несмотря на всю быстроту своей походки, онъ не могъ открыть слѣдовъ. Было уже и не рано: смеркалось, и Римъ освѣтился потѣшными огнями въ честь Пуссену. «Надо и мнѣ зайти къ моему казначею,» подумалъ Гойко, и завернулъ въ домъ Пуссена.

Вся зала, гдѣ совершались многодумныя бесѣды, биткомъ была набита кардиналами, аббатами и художниками: всѣ двери растворены; Пуссенъ переходилъ изъ объятій въ объятія и, по-очереди, остановился противъ Гойка.

— А! Лионардо! сказалъ Пуссенъ съ улыбкой.

— Позвольте мнѣ сказать одно слово, сказалъ Гойко. Сохраните мои вещи до моего возвращенія изъ Неаполя. На пути не безопасно, а я получилъ такія извѣстія, что не могу медлить ни минуты.

— Съ удовольствіемъ! сказалъ Пуссенъ, и Гойко, не ожидая дальнѣйшихъ объясненій, исчезъ.

—

По дорогѣ изъ Рима въ Неаполь, въ старомъ, полуразрушенномъ домѣ, сидѣлъ Гойко за дубовымъ столомъ, съ видомъ глубокой печали. Платье на немъ было изорвано, соломенная шляпа измята: все обличало бѣдность и несчастіе. Въ углу сидѣло двое дюжихъ и молодыхъ нищихъ. Они пили вино. Хозяйка лукаво на нихъ поглядывала и пожимала плечами, указывая на Гойка. Нищіе расхохотались. Чтобы замять эффектъ этой немой сцены, хозяйка обратилась къ Гойкѣ съ грубымъ вопросомъ: — А тебѣ ничего не надо?

— Дай чего нибудь за эти деньги, отвѣчалъ Гойко, показывая на двѣ мѣдныя монеты, которыя лежали передъ нимъ на столѣ, и какъ-будто составляли предметъ его грустныхъ размышленій.

— Можно, можно и на эти деньги быть сытымъ, отвѣчала хозяйка, и принесла тарелку макарони. — Что, спросила она, ставя передъ Гойкомъ бѣдное блюдо, лакомство всѣхъ фанатиковъ-почитателей Италіи: видно, тебя дорогой обидѣли?

— Пошла прочь, баба! грубо отвѣчалъ Гойко. Грабятъ и еще смѣются.

Гойко говорилъ по-испански, мѣшая, сколько могъ научиться въ короткое время, и итальянскія выраженія, потому хозяйка не хорошо поняла его рѣчь и опять спросила: — Ограбили?... кто?... гдѣ?

— Да что тутъ разсказывать! топнувъ ногою, отвѣчалъ Гойко. Ограбили: вотъ и все тутъ!

— Да ты бы взялъ ветурина: у нихъ у всѣхъ паспорты есть.

— Надо было прежде сказать!... Да я на нихъ

и не сержусь: добро, лошадь оставили, а деньги всѣ до-тла обобрали. Такъ я съ горя самъ хочу.... Да что̀ тебѣ толковать! Скажи лучше: были сегодня ветурины?

— Нѣтъ, и сегодня и вчера никого не было. Дженерале теперь такъ строго сталъ держать путь, что и ветуринамъ не вѣрятъ: все моремъ ѣздятъ.

— Ну! сказалъ громко Гойко: такъ онъ еще не былъ!... Не дай Богъ, если твой графъ прежде меня распорядится.

Нищіе подошли къ Гойку.

— Что̀, прохожій, не хочешь ли вина?

— Видишь ли какіе: милостыни просятъ, а сами милостыню подаютъ! Ну, да не въкъ же сердиться: давайте!

Выпили.

— Давайте еще! сказалъ Гойко.

Подали, и бесѣда завязалась.

— Что̀, прохожій, ты, кажется, къ вину не привыченъ?

— Погодите, погодите! Черезъ часъ, черезъ два, подъѣдутъ и червончики, и блящики съ камнями, и часики, и перстеньки.... Протрезвимся!... Вотъ этакой сундукъ!... да шкатулки, да мѣшки и мѣшечки! Съ-виду, такой бѣдный! Не обманусь! Если бы двухъ, трехъ товарищей, такъ и бумаги не грѣхъ посмотрѣть: тамъ, я думаю, золотыми буквами написано: — «Филиппъ Депортъ, живописецъ короля французскаго»... да!

Гойко продолжалъ размахивать руками и толковать несвязно. Нищіе исчезли. Гойко оглянулся:

не было никого кромѣ хозяйки, дремавшей у окна. Онъ всталъ бодро и подошелъ къ хозяйкѣ. Та перепугалась, не ожидая, что такой пьяный такъ скоро протрезвится.

— Сдѣлай дружбу, сказалъ Гойко: отдай эту записочку вотъ тому господину, что́, я чай, наши сейчасъ ограбятъ. Отъ Дженерале...

Хозяйка тряслась какъ листъ, видя, что оборванный незнакомецъ не пьянъ, говоритъ голосомъ твердымъ, выпрямился, сталъ веселъ, и называетъ сосѣдей *своими*. Послѣднія слова довершили ея испугъ.

— Что́ же ты мяснаго ничего не покупалъ? запинаясь говорила хозяйка.

— Не надо: я сытъ. Ты только отдай записку. Вотъ тебѣ на бѣдность.

И, къ окончательному изумленію и ужасу хозяйки, Гойко сунулъ ей въ руку серебряную монету вмѣстѣ съ запиской, и исчезъ.

— Матерь Лоретская! бормотала хозяйка: такого у насъ еще никогда не творилось. Видно, онъ своихъ людей испытываетъ.... Какого чорта прислалъ?... Плохо, плохо!... Видно, мнѣ сегодня опять огня не тушить....

Хозяйка опять усѣлась. Въ небольшой смежной комнатѣ дитя со сна расплакалось. Перепугалась хозяйка, — и съ-просонья стала кричать: — Рѣжутъ! рѣжутъ! рѣжутъ!—но, опомнясь, она нѣсколько успокоилась и почла убаюкивать ребенка. Вдругъ раздался стукъ колесъ, и въ комнату вбѣ-

жалъ отчаянный Депортъ. Вслѣдъ за нимъ вошелъ ветурино.

— Катарина! кричалъ послѣдній: чего-нибудь теплаго! Услышавъ голосъ ветурина, Депортъ бросился на него и, схвативъ за горло, сталъ кричать:—Отдай мои деньги, мое богатство, мои камни, мои бумаги!

Ветурино грубо оттолкнулъ Депорта и отвѣчалъ:

— Отдадутъ! Полно глотку драть: все отдадутъ, да еще съ барышами! Я вѣдь знаю его. Это молодцы безъ его вѣдома поналили. Вотъ, какъ пріѣдемъ въ Неаполь, я тотчасъ въ разбойничью контору пойду, подамъ объявленіе, втрое насчитаю. Онъ съ нихъ вздуетъ. Стара штука! У него порядокъ такой. Да я же, по-счастію, одного молодца и знаю.

— А не къ вамъ ли эта записочка? спросила Катарина. Отъ самого Дженерале...

— Отъ самого Дженерале? спросили ночные гости.

Депортъ прочиталъ скоро и громко:

«Не сердитесь, любезный Депортъ. Вы нажили свое богатство также разбоемъ и грабежемъ: оно, по праву, наше. Вы его никогда не получите; но утѣшьтесь: мы въ больной нуждѣ, а у васъ еще остается выгодное средство поправиться. Дайте вашей женѣ разводную, или, лучше сказать, продайте. Она ждетъ васъ съ нетерпѣніемъ близъ Флоренціи, на виллѣ Пальфи. Мы, я думаю, никогда не увидимся: тѣмъ лучше; но вы, безъ

сомнѣнія, не забудете начальника кондотіеровъ, Іоахима.»

— Право, подписано — начальника кондотіеровъ, Іоахима!... сказалъ ветурино, бросился вонъ изъ избы — и былъ таковъ.

Съ полмили еще Депортъ гнался за бѣглецомъ, но чувства и ноги ему измѣнили: въ изнеможеніи, онъ упалъ на пыльной дорогѣ.

—

ГЛАВА XXVI.

КОСТИ.

— Я даю слово рѣдко съ намѣреньемъ исполнить! говорилъ Гойко, сидя въ богатыхъ креслахъ у огромнаго круглаго стола, обремененнаго множествомъ плодовъ и молочныхъ кушаній.

Высокія стеклянныя двери въ садъ и на дворъ были растворены, хотя было очень поздно. Глубокій мракъ застилалъ очаровательныя аллеи и цвѣтники. Съ одной стороны слышенъ былъ плескъ фонтановъ, съ другой — бѣготня озабоченной дворни. Безпрестанно, въ портикѣ и галереяхъ двора мелькали фонари, носили свѣчи, стулья, ковры, цвѣты въ горшкахъ и другія принадлежности бала. Въ залѣ, за круглымъ столомъ, сидѣли собесѣдники въ слѣдующемъ порядкѣ: по лѣвую руку Гойка, Пуссенъ, за нимъ Джудита, капитанъ Вальероль, Эвелина, Альфредъ, жена Пуссена, капитанъ д'Орбиньи, Марія, Гаспаръ, Джакомо и Джироламо, наконецъ капитанъ Помпей Гаръ-Піонъ. Гойко продолжалъ:

— Но, въ послѣдній разъ, я спѣшилъ исполнить данное слово съ дѣтскою боязнью. Г. Пуссенъ засвидѣтельствуетъ, что я возвратился въ день и часъ его отъѣзда. Поѣздка моя въ Неаполь была очень нужна: матушка моя умерла съ горя, свѣдавъ о несчастной кончинѣ своей дочери; весь домъ былъ неутѣшенъ, графъ въ отчаяніи; никто не смѣлъ и думать о томъ, чтобы предать землѣ обожаемую графиню: всѣ надѣялись на ея оживленіе. Четвертый день проходилъ уже со дня смерти несчастной: духовенство рѣшилось напомнить графу о послѣднемъ долгѣ; но графъ не понималъ чего они хотятъ, и никто не думалъ приступать къ печальному обряду. Я пріѣхалъ весьма кстати. Печаль и разсказъ мой облегчили страданія графа: онъ вышелъ изъ странной грусти, изъ усыпленія, какого мнѣ никогда и нигдѣ не случалось видѣть. Это состояніе графа походило на безчувственное безуміе матери императора Карла Пятаго послѣ смерти эрцгерцога, ея мужа. Сначала я терялъ надежду на его выздоровленіе, но любопытные мои разсказы вливались въ сердце его по каплѣ: я долженъ былъ повторять ихъ по нѣсколько разъ; любопытство спасло разсудокъ, а увѣренность, что дочь его, Маргарита, въ нѣжныхъ лѣтахъ украденная Абенъ-Гассаномъ, умерла совершенно невинною, увѣнчала мои усилія. Но званіе медика удержало меня тремя днями долѣе того срока, какой я предполагалъ себѣ, уѣзжая отсюда. Похороны графини, великолѣпныя, сказочныя, продлили этотъ срокъ еще на два дня. Графъ хотѣлъ,

чтобы я остался въ Неаполѣ, но, подъ разными предлогами, я не согласился, тѣмъ болѣе, что самъ собираюсь быть отцомъ: Сара, черезъ двѣ, три недѣли, умножитъ число гражданъ Венеціи; домъ у меня тамъ еще не устроенъ, и я, послѣ вашей свадьбы, то есть, послѣ-завтра, безъ оглядки отправлюсь туда.

— Нѣтъ, братъ! сказалъ Гаръ-Піонъ: вздоръ затѣялъ! А на моей свадьбѣ ты не будешь?

— Да прилично ли тебѣ жениться раньше капитана?

Это замѣчаніе Гойка произвело неожиданное впечатлѣніе на все общество: какъ-будто никому и въ голову не приходило, что, по всѣмъ соображеніямъ, капитану Вальеролю слѣдовало жениться на Джудитѣ; что, иначе, имъ и жить вмѣстѣ не приходилось; и прочая и прочая. Сомнѣнія разрѣшились быстро общимъ приговоромъ. Но Депортъ? но супружескія права его? но правила Церкви? Радость всеобщая смѣнилась грустью, размышленіемъ: всѣ замолкли. Между-тѣмъ на дворѣ послышался разговоръ, который болѣе и болѣе возвышался.

Гони его прочь: какой-нибудь мошенникъ, бродяга!... А вотъ, дай только палку захватить!

На дворѣ завязалась суматоха, показались фонари, послышались крики; кто-то старался уйти отъ ударовъ и бѣжалъ прямо въ залу: фонари, палки и лица людей, ярко освѣщенныя, гнались за страннымъ гостемъ. Изъ-за стола всѣ встали. Въ залу вбѣжалъ нищій Депортъ. Взаимное удив-

леніе было неописанно: одинъ Гойко, казалось, ожидалъ этой сцены, подошелъ къ Джудитѣ, и сказалъ тихо:

— Не давайте ему опомниться. Три тысячи ливровъ связали васъ съ этимъ чудовищемъ: три тысячи ливровъ васъ отъ него избавятъ!

Джудита не могла рѣшиться вымолвить слова, но Вальероль выступилъ впередъ и сказалъ съ гордостью:

— Г. Депортъ: я передъ вами въ долгу. Во Франціи вы получили шпагу: мы можемъ расквитаться....

Депортъ упалъ капитану въ ноги и заговорилъ:

— Богъ наказалъ меня довольно!... Простите, милостивый государь!... простите!... Видите, я нищій!... Убейте меня.... У меня разбойники взяли все, и, прежде всего, шпагу!

Капитанъ, съ видомъ презрѣнія и сожалѣнія, отвернулся. На всѣхъ лицахъ были написаны тѣ же чувства.

«Все дѣло испортятъ!» подумалъ Гойко, и, подымая Депорта съ полу, сказалъ ему сухо и отрывисто: — Вставайте! Надо дѣло дѣлать, а не валяться у ногъ. У васъ есть еще права и надежды. — Понизивъ голосъ, Гойко сказалъ ему на ухо: — Молчите: я васъ выручу!

Депортъ нѣсколько ободрился.

— Во-первыхъ, бой не равенъ, продолжалъ Гойко: насъ много, онъ — одинъ; мы — послѣ плотной вечери, онъ, я думаю, съ недѣлю нато-

щахъ. И потому долгъ состраданія и человѣчества повелѣваетъ поступить слѣдующимъ образомъ:

Гойко снялъ со стола жаренаго фазана, хлѣбъ, и подалъ Депорту.

— Вотъ, станьте у окна и покушайте; а я буду продолжать рѣчь. Конечно, въ этомъ собраніи многіе имѣютъ справедливыя притязанія на господина Депорта. Г. Пуссенъ, синьора Джудита, г. де-Вальероль, г. Дени, г. Гаръ-Пюнъ, венеціянскій купецъ Ліонардо, но болѣе всѣхъ Эвелина.

Депортъ будто ничего не слушалъ, и съ жадностью пожиралъ жаркое.

— Но преступленіе господина Депорта не имѣло мѣста. Есть только догадка, не безъ доказательствъ, но требуетъ судебнаго розысканія въ парижской ратушѣ, а потомъ въ парламентѣ.

Депортъ дрожалъ, но ѣлъ.

— Я знаю вашу волю: вы хотите связать г. Депорта, у флорентинскихъ властей испросить конвой, и отправить его во Францію.

Филиппъ уронилъ тарелку и слушалъ какъ вкопанный.

— Послѣдствія несомнительны: позорная смерть! Но съ другой стороны, спрашиваю васъ, господа, какую извлечете вы пользу изъ казни г. Депорта? Будемъ говорить откровенно. Вы, г. де-Вальероль, желали бы жениться на синьорѣ Джудитѣ. При живомъ мужѣ этого сдѣлать нельзя: разводъ зависитъ совершенно отъ его воли. Не лучше ли продать ему жизнь цѣною развода?

Депортъ вздохнулъ. Гойко подалъ ему бутылку вина, кубокъ, и продолжалъ:

— Но я долженъ замѣтить, судя по себѣ, жизнь нищаго — та же казнь. Г. Депортъ не продастъ разводной за жизнь безъ приданаго. Подарите ему, на первое обзаведеніе, на разживу. Всё-таки, хоть и по титулу, онъ былъ мужемъ: слава и безчестіе имени наслѣдственны. Три тысячи двѣсти ливровъ на мои руки, и завтра я привезу изъ Флоренціи разводную. А до тѣхъ поръ, ручаюсь, что г. Депортъ не скроется, не убѣжитъ, и такъ далѣе. Не правда ли, г. Депортъ?

Тотъ не могъ отвѣчать отъ удивленія; но, опомнясь, сказалъ тихо: — Маловато, да.... что̀ дѣлать!... согласенъ.

— Согласенъ! раздалось совсѣхъ сторонъ: согласенъ!

Депортъ не могъ понять ихъ восторга, который былъ весьма простымъ и естественнымъ слѣдствіемъ положенія капитана и Джудиты. Всѣ бросились поздравлять жениха и невѣсту.

«Опять путаютъ!» подумалъ Гойко, и громко закричалъ: — Деньги!

Поздравленія остановились. Ни у кого не было требуемой суммы. Пуссенъ не взялъ съ собой лишнихъ денегъ; Марія и д'Орбиньи поиздержались на переѣзды, гостепріимство и приготовленія къ свадьбѣ. Но замѣшательство было непродолжительно: Гаръ-Піонъ вытащилъ изъ кармана огромную мошну, подарокъ Гойка, и, положивъ ее на столъ, сказалъ сухо: — Тутъ больше!

«Я только этого и ждалъ, «подумалъ Гойко, и сказалъ громко: — Ну, г. Депортъ, простимся съ нашими старыми знакомыми и поѣдемъ. — Гаръ-Піонъ! окажи послѣднюю услугу: бери свои деньги и поѣзжай съ нами.... Безъ стражи, г. Депортъ....

— Понимаю, сказалъ Гаръ-Піонъ. Сейчасъ!

И, чрезъ пять минутъ, Депортъ, Гойко и Гаръ-Піонъ отправились во Флоренцію.

—

Рано поутру Гойко пошелъ къ кардиналу, разсказалъ дѣло, представилъ обоюдное согласіе супруговъ и причины развода, подарилъ отъ имени обоихъ два драгоцѣнные перстня. Около полудня пріѣхала во Флоренцію и Джудита, и тогда же получила разводъ и разрѣшеніе на второе замужство. Депортъ, подписавъ актъ, поздравилъ Джудиту съ благополучнымъ окончаніемъ дѣла. Она ему пожелала хорошей и богатой невѣсты. Депортъ пошелъ къ Гойку получать деньги отъ Гаръ-Піона. Расплатились. Гаръ-Піонъ отправился на виллу, а Гойко обѣщалъ пріѣхать попозже, по весьма естественной, хотя и тайной, причинѣ: онъ не хотѣлъ присутствовать при обрядахъ.

Не успѣлъ уйти Гаръ-Піонъ, какъ передъ окнами на улицѣ завязалась драка.

— Вѣрно, фальшивыя кости, сказалъ Гойко.

— Какъ фальшивыя кости? спросилъ Депортъ.

— Да, отъ этого почти во всей Италіи, во всякомъ городѣ, драки и убійства. Мошенничать

любятъ, а порядочныхъ костей сдѣлать не умѣютъ. Вотъ, напримѣръ, у меня есть двѣ игры: такъ пусть самъ кардиналъ свидѣтельствуетъ: ничего не найдетъ.... Чудо не кости!

— Покажи, Гойко.

— Пожалуй.

А въ чемъ же тайна? Это самыя обыкновенныя, простыя кости.

Гойко показалъ, въ чемъ состоялъ фокусъ.

— Продай, Гойко.

— Перестаньте, г. Депортъ! Какъ это вамъ не стыдно?... Не умѣли избавиться отъ одной бѣды, а лѣзете въ другую!

— Нѣтъ, я хотѣлъ купить для шутки.

«Таковской!» подумалъ Гойко, и, не отвѣчая, положилъ коробочку на окно.

— Ну, что жъ, продашь?

— Подите вы! Стану я вамъ вѣрить, когда вы самыхъ святыхъ обѣщаній не исполняете? Вмѣсто пяти сотъ, дали триста ливровъ. Я вамъ не мстилъ.

— Ошибся, Гойко.

— Хороша ошибка! Но вотъ, я вчера нарочно двѣсти лишнихъ ливровъ выторговалъ.

— Лишнихъ!... Ну ужь полно, Гойко! Я знаю, они тебя подкупили, и, не будь я въ такой нищетѣ....

— Богъ съ вами, когда такъ! Мнѣ надо въ городъ.... Прощайте!

Гойко ушелъ и, черезъ нѣсколько минутъ, во-

ротился, но уже ни костей, ни Депорта не было въ комнатѣ.

—

Немногіе гости давно уже съѣхались на виллу Пальфи. Ждали только одного венеціянскаго купца Ліонардо.

— Вѣрно, онъ захлопотался съ подарками, говорилъ Гаръ-Піонъ. Онъ что-то намѣкалъ.

Пошло еще довольно времени: Гойко не ѣхалъ. Повѣсть моя кончилась самымъ блистательнымъ образомъ; вмѣсто одной свадьбы, обыкновенной принадлежности послѣдней главы всѣхъ и всяческихъ романовъ, у меня, въ одномъ мѣстѣ и въ одинъ день, сыграны были три свадьбы. Молодые вошли въ залу для принятія поздравленій, и первое принесъ Гойко. Поздравленіе его состояло въ богатыхъ подаркахъ и въ страшномъ извѣстіи: Филиппъ Депортъ былъ пойманъ въ фальшивой игрѣ, и флорентинская чернь, не ожидая суда, разорвала преступника на части.

— Не жаль! сказалъ новобрачный капитанъ Помпей Гаръ-Піонъ.

Къ этому простодушному замѣчанію венеціянскій купецъ Ліонардо прибавилъ:

— Жаль только трехъ тысячъ ливровъ!... Кому-то они достались?

КОНЕЦЪ.

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine of five cents a day is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

3. CANCELLED
JUN 24 '72 H

CANCELLED
JUL 22 '72 H